И. Ш. Шифман

КАРФАГЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2006

I

ББК 63.3(0)32
Ш65

Шифман И. Ш.

Ш65 Карфаген / Сост. и авт. вступ. статьи И. Р. Тантлевский. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. - 518 с.
ISBN 5-288-03714-0

В издание вошли ранее опубликованные труды выдающегося российского востоковеда и антиковеда Ильи Шолеймовича Шифмана «Финикийские мореходы» (М., 1965), «Возникновение Карфагенской державы» (М.; Л., 1963) и «Ганнибал» (М., 1976).

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3(0)32

ISBN 5-288-03714-0

© И.И.Шифман,2006
© И. Р. Тантлевский, сост. и вступ. статья, 2006
© Издательство С.-Петербургского университета, 2006

Илья Шолеймович Шифман
(1930-1990)

Как ученик Ильи Шолеймовича Шифмана, я позволю себе начать этот краткий очерк его научной биографии с воспоминания о первой встрече с учителем. Это было в 1984 году, у Ильи Шолеймовича на работе, в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР. Я пришел к нему с небезопасной по тем временам просьбой: заниматься еврейским языком и библеистикой. Представший передо мной седовласый мужчина с очень высоким лбом, удивительно живыми и умными светлоголубыми глазами и добродушной улыбкой показался мне идеальным воплощением ученого мужа. Я сказал, что понимаю все негативные последствия для него своей просьбы, но, может быть, как-то, без огласки... Илья Шолеймович без колебаний предложил заниматься прямо в Институте и начать с библейского иврита и арамейского языка... Уже потом из его уст я впервые услышал талмудическую мудрость о том, что лучшая ложь — это правда. Так, неофициально и абсолютно безвозмездно, наши регулярные занятия в Институте востоковедения продолжались три года. Часто по завершении занятия Илья Шолеймович меня напутствовал: «Трудитесь и Бога не забывайте!» Этому девизу сам он следовал всю свою жизнь, начиная работу, по воспоминаниям сына Александра, в четыре-пять часов утра...

Выдающийся российский востоковед и антиковед, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР Илья Шолеймович Шифман родился 1 июня 1930 года в Ленинграде. В 1948 году он поступил на восточный факультет Ленинградского государственного университета, на кафедру ассириологии и гебраистики. На восточном факультете И. Ш. Шифман смог проучиться лишь два года — его кафедра была закрыта «за сионизм (ведь там преподавался древнееврейский язык)»[1]. В 1950 году, в связи с закрытием кафедры ассириологии и гебраистики, Илья Шолеймович был переведен на кафедру истории Древней Греции и Рима исторического факультета Ленинградского государственного университета. Истфак ЛГУ он закончил с отличием в 1953 году. В 1953-1957 годах

[1] *Дьяконов И. М.* **Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 730 и сл.**

И. Ш. Шифман работал учителем истории, сначала в Средней Азии, а затем в Калининградской области. По возвращении в Ленинград, с 1957 до середины 1961 года, он работает продавцом в книжном магазине «Мир» (книги социалистических стран), переводчиком в Центральном проектно-конструкторском бюро Морского флота, старшим инженером отдела научно-технической информации Ленинградского научно-исследовательского института Академии коммунального хозяйства. Наконец, 1 июля 1961 года И. Ш. Шифман переходит на работу в ЛО Института востоковедения АН СССР, где трудится вплоть до своей кончины. Параллельно с работой в Институте И. Ш. Шифман читал специальные курсы на истфаке ЛГУ по истории Финикии, Карфагена, Пунических войн, угаритологии, а с конца 80-х годов — и по библеистике. Будучи аспирантом по кафедре истории Древней Греции и Рима истфака ЛГУ, Илья Шолеймович подготовил кандидатскую диссертацию по истории финикийской колонизации Западного Средиземноморья, которую защитил в Москве, в Институте археологии АН СССР 18 мая 1962 года. Докторскую диссертацию, посвященную социальным и экономическим отношениям в Сирии в I—III вв., И. Ш. Шифман защитил 19 декабря 1972 года также в Москве, в Институте истории АН СССР.

Около 30 лет Илья Шолеймович руководил лекторием при ЛО Института востоковедения. Лекции всемирно известных ученых Института собирали огромные аудитории. В частности, в советские времена это было, по сути, единственное место в стране, где можно было публично услышать правдивую научную информацию по библеистике, истории и литературе древнего Израиля и Иудеи, кумранским рукописям (лекции И.Д.Амусина, И.М.Дьяконова, И.Ш.Шифмана и ряда других ученых). В 1989-1990 годах И. Ш. Шифман был первым главой еврейского культурного общества Ленинграда. Умер Илья Шолеймович Шифман 4 марта 1990 года от сердечного приступа, за несколько дней до поездки в Израиль в составе первой официальной делегации советской Академии наук — еще до установления СССР дипломатических отношений с этой страной, древнюю историю и культуру которой он изучал всю свою жизнь, но которую, как советский гражданин, естественно, не имел возможности посетить ранее...

Научное наследие Ильи Шолеймовича Шифмана велико, несмотря на безвременную кончину. Судя по картотеке самого ученого, — стоявшей на его рабочем столе в Институте востоковедения коробочке (с надписью: index librorum articulumque) с карточками, куда он заносил информацию о всех своих опубликованных и переданных в печать работах, — и его личному делу, И. Ш. Шифманом было написано около 140 работ на русском, немецком и английском языках; из них 14 опубликованных монографий, ряд из которых был переведен на иностранные языки. Абсолютное большинство исследований посвящено истории, культуре, литературе, социально-экономическим проблемам стран Восточного Средиземноморья в древности. Пора-

жает грандиозность научных интересов И. Ш. Шифмана, широта охвата материала на многих семитских языках, а также греческом и латыни (плюс к этому учет научной литературы почти на всех европейских языках). Илья Шолеймович Шифман заложил основы российской угаритологии. Угарит, бывший столицей одного из небольших северосирийских царств, располагался у северо-восточного побережья Средиземного моря. Он был основан ок. XXIII в. до н. э., а в конце XIII в. до н. э. разрушен землетрясением. Большинство дошедших до нас памятников угаритской (ханаанейско-аморейской) словесности были записаны в середине XIV в. до н. э.; создание же этих произведений восходит, вероятно, к концу III — началу II тысячелетий до н. э. И. Ш. Шифман осуществил титанический труд — перевел на русский язык практически все сохранившиеся эпические произведения из Угарита: «О Карату», «Об Акхите и рапаитах», «Поэма о любви Ба'лу и его сестры 'Анату», «Поэма о борьбе Силача Ба'лу и бога смерти Муту», «Поэма о борьбе Силача Ба'лу с Пожирающими и Раздирающими», «Поэма о постройке дворца для Ба'лу», «Поэма о борьбе Ба'лу с морским богом Йамму», «Поэма о Силаче Ба'лу и Змее Туннуну». При этом ученый попытался сохранить, насколько это возможно при переводе, стилистику и ритмику угаритских произведений; привел транскрипции оригинальных текстов; его переводы снабжены подробными лингвистико-филологическими комментариями; всем сочинениям предпосланы литературоведческие введения. Издание угаритского эпоса вышло в двух книгах уже по смерти автора: Угаритский эпос. М., 1993; О Ба'лу. Угаритское поэтическое повествование. М., 1999. Истории, культуре, идеологическим воззрениям и социально-экономическим отношениям в Угарите посвящены фундаментальные монографии И. Ш. Шифмана «Угаритское общество (XIV-XIII вв. до н. э.)» (М., 1982) и «Культура древнего Угарита» (М., 1987).

С самого начала своей научной деятельности И. Ш. Шифман уделял значительное внимание Финикии и финикийским колониям, прежде всего, Карфагену. (Монографии: Возникновение Карфагенской державы. М.; Л., 1963; Финикийский язык. М., 1963; Финикийские мореходы. М, 1965; Финикийская мифология // Древняя Финикия — мифология и история. СПб., 1999 [впервые книга И. Ш. Шифмана о финикийско-пунийской мифологии была опубликована в Риме на немецком языке в 1986 году].) Особо хотелось бы выделить блестяще написанную И. Ш. Шифманом биографию крупнейшего карфагенского полководца и политика Ганнибала (247/6-183 гг. до н. э.), наводившего ужас на римлян во время второй Пунической войны (Ганнибал. М., 1976 [под псевдонимом: Кораблев]).

Книга И. Ш. Шифмана «Сирийское общество эпохи Принципата (I—III вв. н. э.)» (М., 1976) содержит анализ огромного материала по социальной и экономической истории сирийского региона в поздеэллинистический период и, особенно, римскую эпоху Принципата. Значительный вклад в изучение истории данного региона в римский

период вносит также публикация Ильей Шолеймовичем важнейшего из дошедших до нас пальмирских документов — пошлинного тарифа (137 г. н. э.), хранящегося в Эрмитаже в Санкт-Петербурге (Пальмирский пошлинный тариф. М., 1980). Пальмира являлась крупным центром караванной торговли и ремесла в северо-восточной Сирии в первые века н. э. Пальмирский пошлинный тариф — почти 250 строк греческого и пальмирского (арамейского) текста — представляет собой перечень ассортимента товаров караванной торговли. В издании И. Ш. Шифмана содержатся текст тарифа, историко-филологические комментарии, а также очерк истории Пальмиры. Монография «Набатейское общество и его культура: Из истории культуры доисламской Аравии» (М., 1976) посвящена истории и культуре Набатейского царства, основанного ок. 300 г. до н. э. на территории древнего Эдома и вошедшего в 106 г. н. э. в состав Римской империи на правах провинции. Особое внимание в книге уделено столице набатеев, Петре (греч. «скала»). Самые экспрессивные из сохранившихся сооружений города — это вырубленные в разноцветном песчанике гробницы (набатеи, как и древние евреи, называли свои гробницы «душа»; евр. нефеш); главный же вход в Петру с восточной стороны был образован очень узким ущельем Эс-Сик, длиной в полтора километра.

Особо хотелось бы отметить труды И. Ш. Шифмана по библеистике и, прежде всего, его перевод Пятикнижия Моисеева — первый научный перевод Торы на русский язык (Учение. Пятикнижие Моисеево. Введение, перевод и комментарии И. Ш. Шифмана. М., 1993). В работе «Ветхий Завет и его мир» (М., 1987) И. Ш. Шифман характеризует книги Еврейской Библии. В этой монографии автор, в частности, приводит свои рассуждения о том, что Пятикнижие в современном его виде возникло не позднее 621 г. до н. э., когда иудейский царь Йошийаху (Иосия; 639-608) проводил свою религиозную реформу, направленную на установление единого централизованного культа YHWH-ГОСПОДА в Иерусалимском Храме.

Незадолго до кончины И. Ш. Шифман опубликовал две крупные работы по античности: биографии Александра Македонского (Л., 1988) и Октавиана Августа (Цезарь Август. Л., 1990), основанные на скрупулезном анализе данных античных авторов и релевантных документов эпохи. Илья Шолеймович как-то заметил, что последнего деятеля можно было бы охарактеризовать как «Сталина античности».

И. Ш. Шифман отмечал, что труд историка — это не только научное, но и литературное творчество. В этой связи вспоминаются слова М. Горького, который, характеризуя крупнейшего английского историка античности Гиббона, заметил, что тот «обладал качеством художника, редкой способностью — оживлять прошлое, воскрешать мертвых». Думается, что эти слова в полной мере можно отнести и к книгам моего учителя, Ильи Шолеймовича Шифмана.

И. Р. Тантлевский

ФИНИКИЙСКИЕ МОРЕХОДЫ

От автора

В освоении морских путей в районе Средиземноморья немалую роль сыграли отважные финикийские мореходы. Не было такого уголка в бассейне Средиземного моря, куда бы они ни плавали. Балканы и Крит, Сицилия и Пиренеи, Причерноморье видели тяжело нагруженные «чернобокие» финикийские корабли, слышали гортанную финикийскую речь, иногда с нетерпением, иногда со страхом ожидали появления на горизонте хорошо знакомых узорчатых парусов. Однако финикияне не ограничивались только средиземноморским миром. Преодолев естественную для своего времени боязнь, они вышли за Гибралтарский пролив и проложили морскую дорогу на север — к Британским островам. Плавали они и на юг — вдоль атлантического берега Африки. Впервые в истории человечества финикияне совершили путешествие вокруг Африки — от Красного моря до Гибралтара. Они осмеливались заплывать даже в глубь Атлантического океана, далеко от берегов.

Сами финикияне отнюдь не искали славы первооткрывателей морских путей, да и в действительности они, по-видимому, не всегда были ими. Есть основания думать, что, плывя, например, в Британию, они пользовались данными, полученными от местных и британских моряков в Южной Испании. И, более того, финикияне вообще не ставили перед собой исследовательских задач. То, что они знали или узнавали об отдаленных районах известного в древности мира, не выходило за пределы насущно необходимого для ведения морской торговли. Финикияне искали такие места, где добывались редкие по тому времени и драгоценные металлы, где можно было, не подвергаясь чрезмерному риску, добывать рабов и продавать свои товары. Они стремились к наживе и поэтому всячески старались скрыть от соперников известные им морские дороги, а если это не удавалось, сообщали неверные сведения, старались рассказами о таинственных явлениях природы и фантастических животных отпугнуть всех, кто мог бы плыть за ними следом.

Однажды карфагенские купцы даже утопили собственный корабль только для того, чтобы плывшие следом чужаки не выведали, куда и зачем они направились. Карфагенские власти, покровительствовавшие такой политике, возместили этим

купцам убытки. Может быть, именно поэтому мы так мало знаем о финикийских мореплавателях и до нас не дошли, за крайне редкими исключениями, их имена. А кто знает, не совершали ли финикияне еще более далекие плавания, о которых не сохранилось никаких упоминаний в произведениях древних авторов? Не сохранилось именно вследствие той таинственности, которой было окутано финикийское мореходство...

И хотя географические открытия финикиян далеко не всегда были открытиями в строгом смысле этого слова, их роль и значение в истории народов Средиземноморья, одного из важнейших и древнейших культурных очагов человечества, трудно переоценить. Они способствовали знакомству и культурному сближению народов этого района. Они оказали значительное влияние на культуру народов Средиземноморья. Еще и сегодня большинство грамотного населения земли пользуется алфавитами, которые восходят к угловатым, неуклюжим знакам финикийской письменности.

Вот почему этот давно исчезнувший народ заслужил право на благодарную память человечества.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

На восточном берегу Средиземного моря, к северу от мыса Кармел, у подножия поросших густыми кедровыми лесами Ливанских гор узкой полосой протянулась страна, которую древние греки называли Финикией, а местные жители — Ханааном. Она никогда не отличалась обилием полезных ископаемых, но зато почвы ее были плодородны, а небольшие горные реки, естественные источники и колодцы обильно снабжали ее водой. Море и реки были очень богаты рыбой, являвшейся в древности одним из важнейших продуктов питания. Недаром здесь очень рано, вероятно еще в IV тысячелетии до нашей эры, возникли поселения земледельцев и рыболовов.

Финикийское народное предание, которое донесли до нас античные историки Геродот и Помпей Трог, утверждало, что на берег Средиземного моря этот народ пришел откуда-то с берегов Эритрейского моря (видимо, Индийского океана). Страшное землетрясение вынудило их покинуть свою прежнюю родину. Трудно сказать, насколько эти легенды соответствуют исторической действительности. Возможно, в них содержится воспоминание о том далеком периоде истории финикиян, когда они еще не выделились из общей массы ханаанеян, населявших обширные пространства

Восточная Финикия.

Сирии, Палестины и Сирийской пустыни. Во всяком случае некоторые финикийские историки считали, что финикияне были исконными жителями своей страны.

Все данные о времени возникновения финикийских городов свидетельствуют об их глубокой древности. На положение древнейшего города долго претендовал Сидон. Недаром в Библии он назван «первородном сыном» Ханаана (то есть Финикии). В древнейший период своей истории этот город был, по-видимому, рыбацким поселком. Даже название Сидона в переводе на русский язык означает «рыба».

Тиряне относили постройку храма своего главного бога Мелькарта ко времени, соответствующему XXVIII веку до нашей эры. Правда, по другой версии, Тир был основан сидонянами в начале XII века. Но, судя по многочисленным документам, Тир играл активную роль в политической жизни Сирии и Финикии уже в середине II тысячелетия. Поэтому мы можем эту последнюю дату считать недостоверной, как и связанное с нею предание. Оно, по-видимому, должно было как-то обосновать

претензии Сидона на господство над остальными финикийскими городами, в том числе и над Тиром.

Одним из древнейших городов Финикии был Библ (по-финикийски Губл, в Библии — Гебал). Самые ранние археологические материалы, происходящие оттуда, датируются V тысячелетием до нашей эры. В то время Библ представлял собой еще небольшой поселок. Но в конце IV — начале III тысячелетия Библ превращается в довольно крупный город, обнесенный массивной каменной оборонительной стеной.

Как же финикияне обрабатывали землю? К сожалению, мы не можем определенно ответить на этот вопрос. Ближайшие соседи финикиян — древние израильтяне — значительно позже пользовались деревянной сохой, в которую запрягали пару волов. Сеяли они ячмень и пшеницу, много внимания уделяли виноградарству и разведению олив. Урожай снимали бронзовыми и позднее железными серпами. На поле обычно работал сам хозяин, его взрослые сыновья и рабы. Видимо, то же было и в Финикии с той только разницей, что там преимущественное развитие получило садоводство.

Рыбу финикияне ловили сетями с небольших плоскодонных лодок. Ее обилием особенно славился Тир: «...богат он рыбой более, чем песком», — сказано в одном египетском папирусе.

Во многих финикийских городах, и прежде всего в Тире и Сидоне, была широко развита добыча пурпура, высоко ценившегося во всем древнем мире. Это был естественный краситель — желтоватый сок, извлекавшийся из раковины улитки-багрянки, где он образуется после смерти моллюска. После обработки пурпуру придавались различные оттенки — от красного и розового до лилового и фиолетового. Эту краску не вывозили: ею красили шерстяные ткани, доставляемые из глубинных районов Сирии. Тяжелый, удушливый запах стоял в мастерских, работники ходили по отбросам, спали среди отбросов, многие заболевали и часто умирали.

В финикийских городах рано развилось ремесло, и ремесленники — литейщики, чеканщики, строители, ткачи, гончары и многие другие — пользовались доброй славой далеко за пределами родных мест. Знаменитый иудейско-израильский царь Соломон (X в. до н. э.), желая построить дворец для себя и храм для бога Йахве в своей столице — городе Иерусалиме, обратился к Хираму, владыке Тира, с просьбой прислать специалистов. Статуэтки богов, отлитые из бронзы и серебра, ожерелья, серьги и бусы — изделия финикийских мастеров — отличались изяществом и тонкой отделкой.

Значительную роль в финикийском ремесле играло и производство стекла. На первых порах финикияне варили стекло, научившись этому искусству у египтян. Из стекла они изготовляли орнаментированные сосуды, различные украшения, безделушки и другие изделия, считавшиеся в те времена предметами роскоши. Со време-

нем финикияне значительно усовершенствовали производственный процесс и стали получать стекло различных сортов — от темного и непрозрачного до бесцветного и прозрачного. Они научились придавать стеклу желаемый цвет, сохраняя при этом его прозрачность. Значительно позднее (I в. н. э.) они овладели искусством выдувания стекла.

Однако не только земными путями старались финикияне обеспечить свое благополучие. По их мнению, очень важно было добиться благосклонности таинственных сверхъестественных существ — богов, управлявших, как они считали, миром. Финикияне, как правило, избегали произносить имена богов. Ведь если назовешь бога по имени, то как бы окликнешь его — он явится и в гневе своем уничтожит дерзкого, посмевшего нарушить его покой. Поэтому обычно они говорили о своих богах обиняками, и мы естественно не знаем, как их звали. Верховный бог — владыка Вселенной — назывался просто богом (по-финикийски Эл). Его супруга именовалась богиней (Элат) или духом (Ашерат) моря. Другие боги назывались царями *(малк* или *милк)* или хозяевами *(баал;* в так называемом синодальном переводе Библии на русский язык этому слову соответствует *ваал).* Среди богов мы находим и «владыку севера» (Баалцафон), и «хозяина неба» (Баалшамен), и «хозяина жара» — бога солнца (Баалхаммон), и хозяина Ливанских гор, и многих других. Каждый клочок земли, каждый ручей, каждое дерево имели владыку. Иногда вместо имени употреблялось прозвище, указывавшее на функции божества (подобно русским «громовик», «лесовик»).

Божественные хозяева-покровители имелись и у каждого города. Хозяином Тира был Мелькарт («царь города»). Каждый год тиряне устраивали в его честь праздник, и тогда в город съезжались не только жители подвластных Тиру поселков, но и посланцы далеких колоний. Торжественное шествие направлялось в храм, и там происходила пышная церемония восшествия бога на его престол. Древние греки отождествляли Мелькарта с героем своих народных преданий сказочным богатырем Гераклом. Видимо, существовали финикийские сказания о героических подвигах Мелькарта (или, вернее, того бога, который скрывался под этим именем). Во всяком случае науке известны легенды о подвигах Керета, происходящие из северофиникийского города Угарита. Будучи владыкой одного из крупнейших центров морской торговли, Мелькарт рано стал покровителем мореплавания. Где бы тиряне ни появлялись, они воздвигали святилища или алтари в честь своего бога, который, как они думали, привел их туда.

Владыкой Сидона был Эшмун. Это слово происходит от общей для древнееврейского и финикийского языков основы *шем* «имя» и должно обозначать только «обладатель имени». Древние греки обычно сопоставляли Эшмуна со своим богом врачевания Асклепием. Видимо, Эшмуна тоже считали богом-целителем.

Некоторые финикийские города имели не «хозяев», а «хозяек». Так было, на-

пример, в Берите (нынешний Бейрут), где почивала «Великая хозяйка Берита». В Библе в подобной же роли выступала богиня любви и плодородия, чье подлинное имя нам известно — Аштарт (Астарта).

Для финикиян-рыболовов особое значение имел культ бога Дагона (рыба по-финикийски *даг* или, возможно, *дог).* Известен и бог огня, пламени и света Решеф (эта слово, собственно, и значит «огонь»), которого греки отождествляли со своим богом-светоносцем Аполлоном.

Среди памятников, найденных при раскопках северофиникийского города Угарита, особое внимание ученых привлекли таблички, содержащие записи древнейших финикийских религиозных гимнов и поэм. Центральными действующими лицами в них были Баал (видимо, тождественный с Баалцафоном) — бог земледелия и плодоносного дождя, иначе называвшийся Алейан («Верхний»), владыка подземных вод, рек и моря, куда стекают реки; его сестра — грозная воительница Анат (двойник богини любви Аштарт, которая также встречается в угаритских документах). Врагом Алейана был Мот («Смерть») — бог иссушающего южного солнца, губящий растительность и жизнь, владыка подземного мира.

Угаритское предание об этих богах начинается с того, что Мот приглашает Баала в гости. Тот принимает это приглашение и гибнет, а Эл, узнав об этом, оплакивает Баала; Анат пускается на поиски Баала и находит его мертвым в подземном царстве. Совершив траурные обряды, Анат погребает своего брата и приносит обильные поминальные жертвы. Затем действие переносится во дворец Эла. Там появляется Анат и со злобной иронией предлагает верховному богу и его супруге Ашерат — главному врагу ее брата—радоваться гибели Баала. Видимо, и с жизнью-то расстался Баал по наущению этой коварной богини. Эл вместе с Ашерат решают сделать владыкой богов Аштара. Но Анат не может примириться с гибелью Алейана — Баала. Она требует, чтобы Мот отпустил его на землю. Мот не может этого сделать, и тогда Анат убивает его, рассекает на мелкие куски и рассыпает его останки на поле. Снова появляется Баал. Победив богов, поддерживающихся Аштара, он занимает свой трон. Следует борьба между Баалом и Мотом, которая заканчивается окончательным поражением бога смерти. Известны и некоторые другие предания, например о постройке храма Баала.

Один из вариантов финикийской легенды о земледельческих богах нашел свое отражение в греческом предании об Адонисе. Финикийское *адон* или *адун* переводится на русский язык словами «господь», «господин». Родственные финикиянам по языку и культуре древние израильтяне также называли своего бога *Адонай* — «Господь мой». Значит, и в финикийском рассказе мы имеем дело не с именем собственным, а с условным обозначением божества. Адонис родился от пшеничного зерна, умер и после смерти попал в подземное царство. Владычица подземного мира не желает отпускать Адониса на землю, но богиня плодородия освобождает его.

Возвратившись из подземного царства, Адонис возрождает на земле исчезнувшую было жизнь.

Культ Адониса был распространен по всей Финикии, где повсеместно справлялись ежегодные праздники в его честь. Торжественная процессия поднималась на Ливан, повторяя скорбный путь Адониса, женщины оплакивали там его смерть, а затем все бурно радовались возвращению божества к жизни и начинающемуся обновлению природы. Во II веке до нашей эры и в Александрии (Египет) торжественно отмечался этот же праздник, сопровождавшийся мистерией о страстях Адониса.

По представлениям финикиян, от богов зависели жизнь и благополучие как отдельного человека, так и всего города. Поэтому соблюдение культа было важным общегосударственным делом. На «высотах»—холмах, господствовавших над городами, — финикияне создавали святилища и храмы; таким был, например, храм Эшмуна в Сидоне. Финикийский храм обычно представлял собой площадку, расположенную под открытым небом. В центре ее либо находилось помещение, где, как предполагалось, обитало божество, либо лежал священный камень *бетэль* («дом бога»), либо было то и другое вместе. В храме имелся и священный источник, или бассейн. По такому плану строились храмы во всех финикийских городах, а часто и в соседних странах за их пределами.

Как и земных владык, богов следовало задобрить приношениями и дарами. Чем богаче и обильнее они были, тем сильнее была уверенность в божьем благоволении. Недаром один из наиболее распространенных видов жертвоприношений так и назывался — *ола* («возношение»)[1], а другой — *минха* («подарок»).

Финикияне приносили и специальные жертвы — *шеламим* в возмещение божеству за его труды[2]. «Ты мне, я тебе» — таков был принцип, на котором строились взаимоотношения между людьми и их потусторонними властителями и покровителями. В жертву приносили крупный и мелкий скот, а также пшеницу и другие продукты земледелия. Все это жрецы сжигали на алтарях или поедали, причем к трапезе присоединялись и жертвователи. Считалось, что в пиршестве принимает участие и бог — незримый, но самый главный сотрапезник. С течением времени жрецы разработали точные правила жертвоприношений: какую именно долю жертвы следовало сжечь, что отдать жрецу, а что жертвователь мог забрать с собой и уне-

[1] По нашему мнению, обычный перевод «всесожжение» неточен, хотя он и отражает реальную процедуру принесения жертвы.

[2] Здесь мы должны сделать некоторые пояснения. Эти жертвы по-финикийски и по-древнееврейски именуются *шеламим*. Еврейское слово *шалом* (по-финикийски, видимо, *шолум)* обозначает «мир», «благополучие». Отсюда, казалось бы, очевиден и общепринятый перевод нашего слова «мирные». Но еврейский и финикийский корень *шлм* может иметь и другое значение — «отомстить», «возместить»; с ним и связано значение *шеламим* — «жертвы возмещения».

сти. До нас дошел финикийский тариф жертвоприношений, который был найден на юге Франции, в Марселе — древней греческой колонии Массалии. Этот тариф был составлен, вероятно, в Карфагене около III века до нашей эры, а после его гибели был кем-то увезен за море.

Особый ужас вызывал у соседей финикиян их обычай — в исключительно важных случаях приносить в жертву своих малолетних детей. Это они делали, например, в момент смертельной опасности. Закладывая город, они считали необходимым положить под его стены урну с костями младенца, отданного богу. Иногда подобные жертвоприношения принимали массовый характер; известны случаи, когда в один прием было «пожертвовано» несколько сот детей. Урны с прахом погибших размещались на специальном священном участке, который назывался *тофет*. В древности принесение подобных жертв считали признаком чудовищной жестокости, будто бы свойственной финикиянам. Но это неверно. Принести в жертву собственного сына значило отдать божеству самое ценное, что есть у человека. В этом случае благоволение божества считалось наверняка обеспеченным. Изуверский характер этого обычая очевиден. Однако не менее очевидно и то, что его источником являются представления глубокой древности, возникшие задолго до появления у финикиян какой-либо развитой цивилизации.

Мимо финикийских поселков шла приморская дорога, по которой из долины Нила в долину Тигра и Евфрата и обратно шли торговые караваны, сперва на ослах, а позже, приблизительно со второй половины II тысячелетия, и на верблюдах. Караванная торговля была далеко не безопасным занятием. Купцы, даже находившиеся под покровительством могущественных царей, всегда рисковали подвергнуться нападению, лишиться своих товаров, а возможно, и жизни. Вавилонский царь Бурраburиаш II в письме к фараону Аменхотпу IV (середина II тысячелетия) жаловался, что в финикийском поселении Хиннатуну некий Шумадда, сын Балумме, очевидно местный правитель, и Шутатна, сын Шаратума из Акко, убили и ограбили его купцов.

Природные условия позволяли финикиянам сочетать сухопутную торговлю с морской. Им был открыт прямой доступ к Средиземному морю. Именно в финикийских городах было удобнее всего перегружать разнообразные товары, прибывшие на караванах из внутренних районов Сирии и Месопотамии, на корабли и везти их дальше. Именно оттуда легче всего было вывозить главное богатство Финикии — ливанский кедр.

Прибрежное морское течение в восточной части Средиземноморского бассейна направляется с запада на восток, а затем вдоль берегов Палестины и Сирии на север. Поэтому из финикийских портов обычно плавали в северном направлении. Однако финикияне плавали и на юг — в Египет, а также и прямо на запад — к острову Кипру. Оживленная торговля с Египтом и союз с Иудейско-израильским царством

дали финикиянам возможность впоследствии проникнуть в бассейн Красного моря и оттуда выйти в Индийский океан.

Библ первым установил контакты с Египтом, оказавшиеся очень устойчивыми. Даже египетские корабли, предназначавшиеся для плавания на дальние расстояния, назывались библскими, очевидно, потому, что их главной целью был Библ. Видимо, и библсцы очень рано стали снаряжать экспедиции в Египет. Еще в IV тысячелетии до нашей эры в Египет привозился ливанский кедр. В царствование фараона Снефру в Египет прибыло сорок кораблей, груженных кедром. Египетские фараоны III тысячелетия, начиная от Хасехемуи и кончая Пиопи II, считали необходимым приносить дары «Великой хозяйке Библа», самый храм которой, впрочем, был построен по египетскому образцу. Один из видных египетских сановников времени VI династии, Хнемхотп, рассказывал в своей надписи, что он неоднократно бывал в Библе.

Морские путешествия считались в древности очень опасным делом. Самым неудобным для мореходов временем было, по общему мнению, лето (июль — сентябрь), когда в Средиземном море дуют сильные северные ветры. Весной, с февраля по май, также можно было ожидать опасных и внезапных изменений погоды. Наиболее безопасным был, как полагали, только период с конца сентября до конца ноября. Однако и тогда путешественник не был гарантирован от случайностей.

Древние писатели нередко рассказывают о бурях и штормах, уносивших утлые суденышки далеко от цели путешествия. Теряя управление судном и ориентировку, моряки попадали в подобных случаях в далекие, часто прежде неизвестные страны. Это случилось, например, с греческим мореплавателем самосцем Колеем, который около 600 года до нашей эры отправился в Египет. По пути его корабль был отнесен сильным ветром к острову Платея (ныне остров Бамба) у берегов Северной Африки. Переждав там некоторое время, Колей снова пустился в путь в Египет, но ветер опять погнал его суденышко на запад. Неожиданно для себя Колей вместо долины Нила, куда он стремился, попал на юг Пиренейского полуострова, в государство Тартесс (в Библии и по-финикийски — Таршиш).

Мы даже знаем, как вели себя люди во время бури и что они делали для своего спасения. Об этом можно судить, например, по библейскому преданию. Бог Йахве приказал пророку Ионе отправиться в столицу Ассирии Ниневию и там объявить волю Йахве относительно ее судьбы. «И было, — читаем мы в библейской книге Ионы, — слово Йахве к Ионе, сыну Амиттайа, такое: встань, пойди в Ниневию, город великий, и объяви ему, что я узнал об их злодействах. И поднялся Иона, чтобы убежать в Таршиш от Йахве, и сошел в Йаффу, и нашел корабль, идущий в Таршиш, и отдал плату за проезд на нем, и вошел на него, чтобы плыть с ними (моряками. — *И. Ш.)* в Таршиш от Йахве. А Йахве обрушил на море сильный ветер, и была большая буря на море, и корабль готов был развалиться. И увидели моряки, и возопили

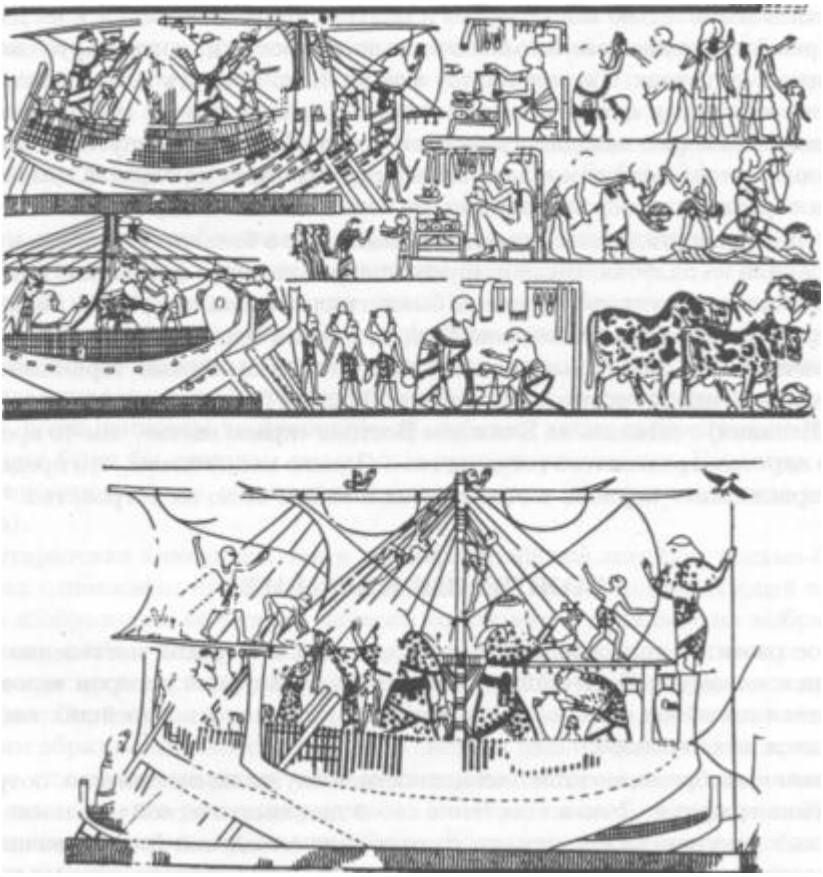
каждый к своим богам, и стали бросать вещи, бывшие на корабле, в море, чтобы облегчить его от них. А Иона спустился в глубь корабля и лег без чувств. И приблизился к нему капитан и сказал ему: что с тобой? ты без памяти? Встань, возопи к своему богу, может быть, подумает бог о нас и мы не погибнем. И сказали они (моряки. — *И. Ш.)* друг другу: пойдем бросим жребий и узнаем, из-за кого эта беда на нас. И бросили они жребий, и выпал жребий на Иону. И сказали они ему: поведай-ка нам, из-за кого эта беда на нас, что за дело у тебя, откуда ты идешь, что за страна твоя и из какого ты народа. И сказал он им: я — еврей, и Йахве, бога небесного, я испугался того, что сотворил море и сушу. И убоялись эти люди страхом великим, и сказали они ему: что же ты наделал? Ибо узнали эти люди, что от Йахве бежит он, ибо поведал он им. И сказали они ему: что нам делать с тобой, чтобы утихло море перед нами, ибо море продолжает бурлить. И сказал он им: поднимите меня и бросьте меня в море; и утихнет море перед вами, ибо я знаю, что из-за меня эта буря великая на вас. Стали грести эти люди, чтобы вернуться к суше, и не смогли, ибо море продолжало бушевать против их. И воззвали они к Йахве и сказали: о Йахве, да не погибнем мы за душу этого человека и не мсти нам за кровь невинного, ибо ты — Йахве, как тебе понравится, так ты и делаешь. И подняли Иону и бросили в море, и перестало море гневаться. И убоялись эти люди, и принесли жертвы Йахве, и дали обеты» (гл. 1).

Бессильные в борьбе со стихией, древние люди рассчитывали только на милость богов, вызывавших, по их мнению, бурю. Неудивительно, что, даже умея ориентироваться по звездам, мореплаватели старались не упускать из виду берег. Даже поздние лоции, так называемые периплы, имевшие хождение у греков, содержали только перечисление населенных пунктов, мимо которых должны были проходить корабли, с указанием расстояний между ними.

Видимо, очень велики были доходы от морской торговли, если, несмотря на все опасности, финикияне осмеливались пускаться в далекие плавания.

Потребности в морской торговле очень рано превратили финикийские города в крупнейшие центры кораблестроения. В Тире было много верфей, на которых кроме самих тирян работали выходцы из других финикийских городов — Библа, Сидона и Арвада. Работа на верфях почти не прекращалась — ведь кораблей нужно было много. Спускали на воду одни суда, тут же закладывали другие, где-то в стороне на листе папируса, а то и на песке вычерчивали контуры третьих. Улыбающийся хозяин любезно встречал покупателей, а надсмотрщики подгоняли строителей криками, а иногда и палками.

Корабли, предназначавшиеся для перевозки грузов на сравнительно небольшие расстояния, в пределах восточной части Средиземноморского бассейна, строились, видимо, по образцу рыбачьих лодок. Древнейшее изображение таких судов найдено в египетской гробнице середины II тысячелетия. Это были одномачтовые суда с



Финикийские корабли в долине Нила.

небольшой осадкой, высоко поднятым носом и кормой и огромным четырехугольным парусом. Основу судна составляла продольная балка—киль, на которую наращивались шпангоуты, обшивавшиеся досками. Во избежание течи все щели между ними, очевидно, тщательно конопатились. Фальшборты делались несплошными. Каких-либо продольных или поперечных связей еще не было; фактически борта были соединены палубным настилом. Нос и корма образовывались с помощью специальных балок, прикреплявшихся к килю и располагавшихся вертикально по отношению к нему. Эти балки (форштевень в кормовой и ахтерштевень в носовой части)

поднимались значительно выше бортов и палубы. Парус закреплялся на двух реях; нижняя рея была подвешена на многочисленных тросах и, когда парус свертывался, поднималась наверх. Такому парусу можно было придать любое положение по отношению к корпусу судна, что позволяло морякам в случае необходимости маневрировать. На корме находилось рулевое весло. Используя попутные течения, на таком судне можно было проделать путь от устья Нила до мыса Кармел за одни сутки; на обратную дорогу требовалось от восьми до десяти суток.

Свой груз — шерсть, древесину и оливковое масло в больших глиняных кувшинах купцы хранили на палубах. Были и другие товары, которые финикияне привозили в Египет; на нашем рисунке изображены быки, груды золота и черные и белые рабы...

Видимо, уже во второй половине II тысячелетия финикияне создали корабли, предназначавшиеся для дальнего плавания, — так называемые таршишские суда. Это название возникло потому, что страна Таршиш (уже упоминавшийся Тартесс, Южная Испания) считалась на Ближнем Востоке «краем света», чем-то вроде «тридевятого царства, тридесятого государства». Однако мы не знаем, что представляли собой «таршишские» корабли в этот период и каким было их устройство.

РОЖДЕНИЕ АЛФАВИТА

Бурное развитие торговли как сухопутной, так и морской постепенно привело финикиян к одному из величайших открытий в культурной истории человечества. Они создали линейное письмо, послужившее прототипом позднейших алфавитов, развившихся на его основе.

Толчком к изобретению этой письменности послужила, несомненно, потребность в упрощении графики. Дело в том, что в своей дипломатической переписке, а часто и в деловых документах финикияне употребляли аккадский (ассиро-вавилонский) язык и соответственно пользовались клинописью. Здесь, однако, они сталкивались с разного рода затруднениями. Во-первых, необходимо было специально изучать чужой язык, что само по себе достаточно нелегкое дело. Во-вторых, пишущий должен был затратить немало времени и на запоминание множества (до 600) клинообразных знаков, каждый из которых мог иметь по нескольку значений — либо как целое слово, либо как слог. Правильное их чтение определялось или контекстом, или специальными знаками, указывавшими, к какому типу предметов или явлений относится данное слово либо как оно произносится. Требовался, следовательно, большой штат писцов, занимавшихся только перепиской и делопроизводством. Разумеется, это не устраивало финикийских купцов. Ведь каждый лишний человек на судне был тяжкой обузой, и, что еще более существенно, купцы сами хотели вести свои дела, не доверяя свои коммерческие секреты никому постороннему.

Необходима была система письма, которая позволяла бы делать записи на родном языке и не тратить при этом много времени и сил на овладение грамотой. Одна из таких систем была разработана на базе клинописи в Угарите, на севере Финикии. Она получила широкое распространение и за его пределами, в том числе и в Палестине. В Южной Финикии, однако, возникло линейное письмо (видимо, одним из важнейших центров, где оно разрабатывалось, был Библ). Оно оказалось более жизнеспособным, чем угаритская клинопись. Последняя была пригодна только для письма на глиняных табличках; в других случаях пользоваться ею было крайне неудобно. Для линейного же письма годился любой материал.

В истории линейной графики еще много неясного. Предшественником линейного было, видимо, библское псевдоиероглифическое письмо. Можно утверждать, что каждый линейный знак имел свой псевдоиероглифический прототип. Однако дошедшие до нас псевдоиероглифические тексты пока еще не расшифрованы (хотя они, вероятно, были написаны по-финикийски), поэтому какие-либо определенные суждения о них были бы слишком смелыми и преждевременными. Вероятно, каждый знак псевдоиероглифики обозначал отдельный слог (всего их известно немногим более ста).

Как угаритская клинопись, так и южнофиникийское линейное письмо было построено на одинаковом принципе. Первоначально, по-видимому, каждый знак служил для изображения сочетания данного согласного с произвольно выбранным, с практически любым гласным или с «нулевым» гласным, то есть писался и в том случае, когда произносился только один согласный звук. В результате один и тот же знак мог быть прочитан, например, как «та», «ту», «ти», «то», «те» или просто «т». Таким образом, оказалось, что новая система письма фактически приспособлена только для обозначения тех согласных звуков, которые имеются в слове. В результате число знаков резко сократилось: линейное письмо насчитывает 22 буквы, а угаритская клинопись — немногим более. Казалось, такая система обеспечивает максимальные удобства для пишущего. Дело в том, что финикийский язык принадлежит к семитской языковой семье, все языки которой обладают одним любопытным свойством. Основное значение каждого слова здесь выражается определенным сочетанием согласных, которое выполняет ту же роль, что в индоевропейских языках, в том числе и в русском, корень. Для образования отдельных форм слова (имя, глагол в его различных формах и т. д.) наряду с обычными и для нас префиксами и суффиксами в семитских языках используются различные сочетания гласных. Так, например, понятие «говорение» выражается в финикийском языке, как и в иврите, сочетанием согласных *ДБР*. Но слово «говорящий» будет иметь форму *ДуБеР,* глагол «он сказал»—*ДиББеР,* существительное «слово», — вероятно, *ДаБоР*. Значит, написав определенное сочетание согласных, можно приблизительно обозначить то, о чем идет речь. А в большом, развернутом тексте уже сравнительно нетрудно, вла-

Прото-синайское письмо
Прото-ханаанское письмо
Финикийский алфавит (ок. 1000 г. до н. э.)
Палеоеврейское письмо
Силоамская надпись (к. VIII в. до н. э.)
Лахишские письма (ок. 587 г. до н. э.)
Арамейские документы с Элефантины (V в. до н. э.)

Еврейское «квадратное» письмо	Названия еврейских букв	Ранний греческий алфавит (VIII в. до н.э.)	Классическое греческое письмо (Афины; V в. до н. э.)	Названия греческих букв	Латинский алфавит
א	ʾalep̄	A	A	alpha	A
ב	bēṯ	B	B	beta	B
ג	gīmel	Γ	Γ	gamma	G
ד	dālet̰	Δ	Δ	delta	D
ה	hē	E	E	epsilon	E
ו	waw	F	Y	(digamma) upsilon	F Y
ז	zayin	I	Z	zēta	Z
ח	hēṯ	H	H	eta	H
ט	têṯ	⊕	⊙	thēta	
י	yôḏ	I	I	iota	I
כ	kap̄	K	K	kappa	K
ל	lāmeḏ	L	L	lambda	L
מ	mēm	M	M	mu	M
נ	nûn	N	N	nu	N
ס	sāmeḵ	⋿	Ξ	xi	
ע	ʿayin	O	O	omicron	O
פ	pê'	Γ	Γ	pi	P
צ	saḏê	M		(san)	
ק	qôp̄	Q		(koppa)	Q
ר	rêš	P	P	rhō	R
ש	šîn	ξ	ξ	sigma	S
ת	taw	T	T	tau	T

дея языком, установить грамматическую форму, произношение и значение каждого слова.

Но и эта система письма была далеко не безупречна. Прежде всего финикияне довольно часто, особенно в ранний период своей истории, не отделяли одно слово от другого, писали без так называемых словоразделителей (в нашем письме таким словоразделителем служит пробел между словами). В результате человек, не знающий заранее, о чем идет речь, практически не мог определить, где кончается одно слово и начинается другое. Поэтому финикияне постепенно пришли к выводу, что каждое слово должно писаться обособленно от остальных; отделяли они его по-разному. Но и этого было не вполне достаточно. Даже хорошее знание языка не всегда гарантировало точное понимание смысла слова, потому что одно и то же сочетание согласных могло иметь практически несколько значений, а понимание развернутого, большого текста могло оказаться в прямой зависимости от интерпретации именно данного сочетания согласных. Тогда финикияне решили, если уж и не обозначать все гласные на письме, то по крайней мере как-то сигнализировать читателю о том, как следует читать то или иное слово. Для этого вовсе не обязательно было выписывать все гласные: так как сочетание гласных в каждом слове было строго определенно, достаточно было указать на один из них, чтобы стало ясно, какой гласный стоит в другом слоге этого же слова.

Финикияне изобрели для удобства читателей специальную систему «вспомогательных знаков», в роли которых выступали некоторые буквы, более или менее похожие по своему произношению на данный гласный звук. Например, писали «у» для того, чтобы обозначить звуки «у» и «о». Буква «й» обозначала гласные «и» и «е». Были и другие приемы такого же рода. Впрочем, какие-либо твердые правила обозначения и необозначения гласных на письме выработаны не были. Каждый раз это зависело исключительно от желания пишущего. Поэтому стали возможными два типа написания одного и того же слова — полное, когда указан способ его произношения, и дефектное, когда выписывались только согласные.

Когда финикияне проникли в бассейн Эгейского моря и греки познакомились с их письменностью, она привлекла их своей легкостью и простотой. Сложное слоговое микенское письмо, бывшее в ходу в Элладе в середине и второй половине II тысячелетия до нашей эры, к этому времени (конец II и начало I тысячелетия) уже прочно забылось. Только на Кипре иногда пользовались его местной разновидностью. Однако греки не механически заимствовали финикийское письмо, а заметно усовершенствовали его в соответствии с потребностями своего языка. И дело здесь не только в том, что они ввели некоторые дополнительные буквы, отсутствовавшие у финикиян, или слегка изменили форму уже имевшихся. Греки внесли и определенные принципиальные изменения, создав специальные знаки для обозначения всех гласных звуков. Для этой цели они использовали знаки финикийского

письма, обозначавшие «гортанные» звуки, отсутствующие в греческой речи, а также «вспомогательные» знаки, указывавшие на гласный компонент слога. В отличие от финикиян греки разработали более или менее строго выдерживавшуюся систему, согласно которой каждый гласный звук мог быть обозначен только одним способом.

Так, благодаря совместным усилиям финикиян и греков было создано алфавитное письмо, позднее заимствованное этрусками и италиками, усовершенствованное римлянами и легшее в основу графики, употребляющейся всеми европейскими и подавляющим большинством неевропейских народов. Русский алфавит, созданный на базе греческой письменности, как известно, имеет те же финикийские корни.

ФИНИКИЯНЕ ИДУТ НА ЗАПАД

Во II тысячелетии до нашей эры и, вероятно, ранее Финикия представляла собой группу небольших городов-государств, управлявшихся царями (хотя известны случаи и республиканского правления), наряду с которыми важнейшие вопросы решали совет старейшин и народное собрание. Впрочем, насколько реальной была власть этих органов, зависело каждый раз от соотношения сил между различными группами населения.

Все финикийские города-государства владели более или менее обширной сельскохозяйственной территорией, где жила основная масса их населения. Из царских архивов города Угарита (Северная Финикия, вторая половина II тысячелетия), содержащих множество разнообразных деловых документов, известно, что подавляющее большинство населения этого города-государства жило в деревнях и занималось земледелием. Там существовали две группы земельных владений: царские и частные. Царь раздавал принадлежавшие ему земли своим приближенным или в качестве жалованья за службу, или при условии выполнения какой-либо повинности. Иногда царское пожалование превращалось в пустую формальность, так как фактически царь продавал свою землю. Владельцы частных земель, которые обычно концентрировались вокруг поселков, могли покупать и продавать свои участки; это значит, там во второй половине II тысячелетия бесспорно существовала уже частная собственность на землю. Так было, по-видимому, и в других финикийских городах-государствах. Надпись на медной табличке из Библа (XII в.) свидетельствует о том, что в этих государствах, возможно, было наследование собственности в пределах семьи.

Нам известны имена некоторых правителей Библа конца XIX — начала XVIII века: Ипшемуаби, сын Ибшему, и Интен, сын Рейена. Они оставили надписи на египетском языке, в которых называли себя номархами — чиновниками фараона. Интен

даже имел печать с египетской надписью. Видимо, Библ в этот период не только находился под властью египетского царя, но и считался неотъемлемой составной частью египетской территории. Его цари из независимых владетелей превратились в наследственных областеначальников. То, что Библ стал владением Египта, неудивительно. Финикия была слишком завидной добычей, египетские фараоны неоднократно предпринимали туда походы (они называли эту страну Джахи) и в конце концов установили над нею свое более или менее прочное господство. Библ поддерживал тесные дипломатические связи с государствами Северной Месопотамии, например с Мари.

Документы из архива египетского фараона Аменхотпа IV, найденные среди развалин его столицы Ахетатона (современная Телль эль-Амарна), которые датируются началом второй половины II тысячелетия, позволяют глубже разобраться в политической ситуации этого периода. Перед нами возникает сложная и довольно запутанная картина, в которой социальные движения внутри финикийских городов переплетаются с борьбой отдельных городов между собой за первенство, вторжениями кочевников и фиктивным во времена Аменхотпа, но формально признаваемым верховным господством Египта, к которому все правители наперебой обращаются с уверениями в преданности, обвинениями и доносами на своих политических противников, а также многочисленными просьбами о помощи.

Так, например, царь Библа Риб-Адци столкнулся с бунтом жителей подвластных ему городов. Они воспользовались вторжением из сирийской степи кочевников-хапиру, чтобы добиться победы. С моря Библ был осажден флотом, прибывшим из северофиникийского города Арвада. Положение Риб-Адди было настолько тяжелым, что в одном из писем он осмелился угрожать фараону: он, Риб-Адди, откажется от защиты интересов Египта и вступит в союз с врагом Египта — правителем Северной Сирии Абдиаширтой, если фараон ему не поможет. Судорожные попытки Риб-Адди сохранить свою власть над осажденным, голодавшим, бунтовавшим Библом не увенчались успехом. Он даже отправился за помощью в Берут (современный Бейрут; в древности назывался также Верит), но когда вернулся, горожане не открыли ему ворота. Библ, таким образом, попал в руки противников Риб-Адди, поддержанных народом. Во главе заговора стоял его собственный брат, видимо тот самый Илирабих, который позже от себя и от имени народа Библа писал письма фараону, уверяя его в своей преданности.

Такие же события происходили и в Тире. Там граждане убили своего царя Абимильки и установили демократический режим с явно антиегипетской политической ориентацией. Основным противником Тира был царь Сидона Зимриэда, которому удалось захватить на побережье город Усу, важнейшую базу Тира, и лишить его воды и продовольствия.

После смерти Аменхотпа IV и прихода к власти фараонов XIX династии положение несколько изменилось. Походы фараонов Харемхеба и в особенности Сети I в Переднюю Азию способствовали разгрому кочевников-хапиру и восстановлению реальной власти Египта, в том числе и в Финикии. Однако в конце XIII — начале XII века финикийские города снова, и на этот раз надолго, обретают политическую независимость.

Во второй половине II тысячелетия морская торговля продолжала занимать видное место в жизни финикийских городов. До нас дошло письмо тирского царя царю Угарита по поводу гибели по пути в Египет угаритского судна. В другом случае мы узнаем, что корабль, принадлежащий царю Библа, захвачен пиратами и выкупается, видимо, вместе с грузом за 540 сиклей[3] серебра.

Известно, что царь Библа предоставлял свои корабли для доставки груза в Угарит; стоимость фрахта составляла 50 сиклей золота. В одном из неопубликованных документов из Угарита говорится о том, что там снаряжаются для каких-то целей 150 кораблей.

Самыми значительными городами Финикии в последней четверти II тысячелетия продолжали оставаться Библ и Тир.

В XIII веке царем Библа был Ахирам. Его сын Этбаал, царствовавший после смерти отца, воздвиг для него гробницу и на пышном саркофаге, где был похоронен покойник, приказал высечь надпись, предостерегающую людей от попыток открыть саркофаг, уничтожить его или выбросить покойника. В этой надписи, вопреки обыкновению, отсутствует имя отца царя Ахирама, видимо, потому, что отец Ахирама не был царем. Может быть, Ахирам пришел к власти в результате государственного переворота.

Библ по-прежнему сохранял и свое положение крупного поставщика кедра. Только этим да еще сознанием, что Библ свободен от чужеземного гнета и может постоять за себя, можно объяснить высокомерие, с которым его правитель Закарбаал (XI в.) отнесся к посланцу Египта Ун-Амуну, прибывшему к нему за строительным лесом. Однако в середине X века Библ уже находился под властью Тира. Несомненно, именно по приказанию тирского царя ремесленники из Библа участвовали в строительстве Соломонова храма Йахве в Иерусалиме.

К тому времени, судя по всему, наиболее значительным городом Финикии был Тир. Его царь Хирам, современник иудейско-израильского царя Соломона, известен прежде всего своей строительной деятельностью. Рядом с островом на котором был расположен город, он соорудил насыпь и, таким образом, значительно расширил территорию города Он перестроил и старинные храмы Мелькарта и Аштарт. Все

[3] ***Сикль* — мера веса и одновременно денежная единица; как мера веса составляла в среднем 11,4 г.**

это должно было свидетельствовать о благополучии и процветании Тира. Хирам поддерживал тесные связи с Иудейско-израильским царством, оказывал помощь в постройке храма и поставлял для этой цели, разумеется не безвозмездно, лес. Хирам даже разрешал Соломону раз в три года отправлять вместе со своими и его корабли в Тартесс, на крайний запад Средиземноморского бассейна, Их корабли выходили и за пределы Красного моря. Именно возможность проникнуть в Индийский океан особенно привлекала царя Тира в союзе с юго-восточным соседом.

Вообще Финикия и прежде всего Тир оказывали значительное влияние на культуру соседних народов Сирии и Палестины. Об этом лучше всего свидетельствует распространение повсеместно финикийского письма, вытеснившего все местные системы графики. Линейный алфавит проник даже за Иордан: имеются моавитские надписи и печати аммонитян[4], выполненные в первые века I тысячелетия линейным письмом.

При Хираме Тир был, несомненно, сильным государством, вероятно центром обширной колониальной державы. Однако после его смерти в Тире наблюдается резкое обострение борьбы между отдельными группировками знати, которая сопровождалась непрерывными государственными переворотами. Внук Хирама, царь Абдаштарт, был убит сыновьями его кормилицы, старший из которых, узурпировав власть, процарствовал 12 лет. По-видимому, после его кончины власть снова оказалась в руках законной династии, судя по тому, что следующий царь в дошедшем до нас списке царей Тира назван не только по имени, но и по отчеству: Аштарт, сын Делеаштарта. Но уже брат этого последнего и преемник, Аштарим, был убит своим братом Фелитом, процарствовавшим всего восемь месяцев, а тот в свою очередь пал от руки жреца Этбаала (Итобаала), захватившего царскую власть. Иногда эта борьба отражала не только соперничество знатных родов, но и конфликты между народными массами и аристократией.

Случались в Тире и волнения рабов. У античных историков сохранилось предание о победоносном восстании рабов в Тире. Вот как его излагает Юстин, один из поздних римских историков: «Они, составив заговор, перебили весь свободный народ и господ и так, став хозяевами города, овладели очагами господ, вторглись в государственные дела, переженились и, хотя не имели на это права[5], объявили об освобождении рабов». Затем следует обычное для греко-римской историографии рассуждение о том, что рабы, сами якобы не способные управлять государством, оказались вынужденными провозгласить царем одного случайно уцелевшего сво-

[4] ***Моавитяне*** **и** ***аммонитяне*** **— ханаанские народности, населявшие в конце II — первой половине I тысячелетия до нашей эры территорию современной Иордании (восточнее реки Иордан).**

[5] **Букв.: «хотя сами таковыми (т.е. свободными. —** ***И. Ш.)*** **не были». Юстин хочет сказать, что, будучи по происхождению рабами и не получив формального освобождения, повстанцы не могли провозглашать чью бы то ни было свободу.**

бодного. Насколько этот рассказ достоверен, сказать трудно. Но, очевидно, все же он имеет под собой какую-то реальную основу.

Постепенно Тир лишался своих владений. Уже в IX веке Библ опять стал самостоятельным. Там пришла к власти новая царская династия, основателем которой был Йехимилк.

Наиболее значительным событием финикийской истории конца II и начала I тысячелетия была колонизация финикиянами обширных территорий на западе Средиземноморского бассейна. Но, говоря об этом, мы должны немного вернуться назад.

Еще в середине II тысячелетия мы встречаем финикиян не только на южном берегу Кипра, где они к тому времени уже создали несколько своих опорных пунктов, но и в Эгейском бассейне. По счастливой случайности мы знаем даже имя одного угаритского купца XIII века, чьи суда систематически ходили на остров Крит: его звали Синарану, сын Сигину. В произведениях греческих писателей, а также в «Илиаде» и «Одиссее» финикияне неоднократно выступают в колоритной и не всегда благовидной роли мореплавателей и пиратов-торговцев.

В погоне за рабами, предназначавшимися для продажи, они не останавливались и перед самым настоящим вероломством: похищением людей, доверчиво пришедших за покупками на их корабли. Вот как, например, Геродот пытался объяснить причину вражды между эллинами и азиатскими «варварами»: «Персидские рассказчики говорят, что финикияне были виновниками раздора. Они от так называемого Эритрейского моря явились на это (Средиземное. — *И. Ш.)* море и заселили ту страну, где и теперь обитают; тогда же они стали предпринимать дальние плавания, везя египетские и ассирийские товары, и приходили в разные места, в том числе и в Аргос. Аргос в то время был первым из всех городов в стране, ныне именуемой Элладой. Финикияне, явившись в Аргос этот, разложили товар. А на пятый или шестой день, когда они распродались почти целиком, на море пришли много разных женщин и среди них царская дочь; звали ее, как говорят и эллины, Ио, дочь Инаха. Она стояла на корме корабля и покупала товары, которые ей больше всего нравились, а финикияне, сговорившись, напали на нее. Большинство женщин убежали, а Ио и другие были захвачены. Погрузившись на корабль, финикияне поторопились отплыть в Египет».

Такая же судьба постигла на острове Ортигия (недалеко от Сицилии) одного из рабов Одиссея, Евмея,—царского сына у себя на родине и «божественного» свинопаса на далеком острове Итака. Сам легендарный Одиссей, рассказывая о приключениях, которые он себе приписал, не желая открыть настоящего имени, говорил:

Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало...
В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем,
Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил.

Нечего сказать, характеристика незавидная! Но вот что интересно: финикияне повсеместно фигурируют как мореплаватели, совершавшие переходы из конца в конец Средиземного моря. Из Аргоса они плывут в Египет, из Египта через Тир в Ливию (Северную Африку), от берегов Сицилии в Элладу.

Впрочем, и сами греки многое делали для освоения средиземноморских торговых путей. Еще в середине и во второй половине II тысячелетия до нашей эры греки нащупывают, а затем и осваивают пути на восток — вдоль побережья Малой Азии, на Кипр и в Финикию. Изделия греческих гончаров привлекали к себе внимание необычно живыми красками, ярким свободным рисунком. Они легко находили покупателей и не только в приморских городах, но даже и в далеком Заиорданье. Надо сказать, что, открыв для себя столь емкий рынок, греки пытались и прочно сноваться на нем: в Угарите имелась их торговая база. В первые века I тысячелетия они создают на финикийском побережье свои колонии — одну на месте современного поселения Эль-Мина, а другую на городище Телль Сукас.

Финикияне были достойными соперниками греков. Один из маршрутов финикиян вел на север Эгеиды, возможно, даже в Черное море. На острове Фасосе, унылом и диком, по описанию известного греческого поэта VIII века Архилоха («Словно беды всей Эллады в нашем Фасосе сошлись», — писал он), финикияне открыли железную руду и начали ее разработку. Чтобы закрепиться там, они построили храм Мелькарта (значит, тирийцы играли среди них ведущую роль) и, видимо, небольшое поселение около него. Да и в самом Тире существовал храм Мелькарта Фасосского, несомненно, покровителя фасосских рудокопов. Геродот, посетивший Фасос в V веке до нашей эры, нашел, однако, только следы рудника, построенного чужеземными колонистами; он писал, что в поисках металла финикияне разрыли целую гору.

Именно здесь, в Эгеиде, финикияне прослышали о том, что на далеком западе, возле того места, где море узким проливом, зажатым между двумя скалами, стоящими друг против друга, соединяется с безбрежным океаном, есть удивительная страна, откуда иногда привозят дорогие металлы — олово и серебро — и где люди не знают им настоящей цены.

Туда за богатой добычей, за прибыльным товаром они и отправились. Их корабли были нагружены, как обычно, оружием из бронзы, душистыми маслами для

натираний, тонкими роскошными тканями и главным образом разной мелочью, которой торговцы надеялись соблазнить жителей этой далекой страны. Правда, они застали на Пиренейском полуострове не столь «дикий» народ, как думали. Там уже складывалось государство (мы упоминали его — это Таршиш), и его правители не были склонны уступить финикиянам все выгоды от торговли металлами. Все же финикиянам удалось завязать прочные связи с иберами, как называли обитателей полуострова. Приобретая у них металлы, финикияне везли их на восток — в Сицилию, Грецию, Азию — и наживали большие деньги. Древние писатели, буквально захлебываясь от восторга и зависти, говорят о громадных прибылях, которые приносила финикиянам эта торговля.

Финикияне, насколько нам известно, регулярно совершали плавания на дальний запад Средиземноморья. Но важно было не только освоить этот торговый путь. Теперь нужно было закрепиться на нем: создать на всем его протяжении цепь финикийских поселений, которые могли бы служить базами для проходящих на запад кораблей, а также опорными пунктами при военных конфликтах.

Самая первая колония тирийцев в Западном Средиземноморье была создана за Гибралтаром на африканском берегу при впадении реки Ликс (современный Лукус) в Атлантический океан. Однако это поселение (оно также называлось Ликс) находилось в стороне от торговых путей в Южную Испанию. Колонисты же, как, впрочем, и тирские купцы, были заинтересованы в том, чтобы закрепиться непосредственно на ее побережье. В результате на юге Пиренейского полуострова возник город Гадес (современный Кадикс). Вот что пишет об этом поздний греческий географ Страбон: «Об основании Гадеса так рассказывают гадитане. Они упоминают о некоем предсказании, которое было, как они говорят, тирийцам, чтобы те выслали колонию к Геракловым Столпам (Гибралтарскому проливу. — *И. Ш.).* Те, что были посланы для разведки, после того как они оказались у пролива напротив Калпы, решили, что горные вершины, образующие пролив, это и есть конец обитаемого мира и предел походов Геракла и что именно их и скалы и имел в виду оракул, дабы они обосновались в некоей стране, среди теснин, где ныне город екситан[6]. Там они принесли жертвы, но, так как те были неблагоприятны, они повернули назад. Некоторое время спустя экспедиция прошла залив на тысячу пятьсот стадий[7] и вышла к острову, на котором находится святилище Геракла, против иберийского города Онобы. Они решили, что там находятся Столпы, и принесли жертву богу, но, так как снова ответы на жертвоприношения были нехорошими, они вернулись обратно. Прибывшие с третьим отрядом основали Гадес и построили святилище на восточной стороне острова, а город — на западной. Поэтому некоторые полагают, что скалы

6 Одна из финикийских колоний на юге Испании. *Екситане* — его жители.

7 *Стадий* — единица измерения расстояний в древних системах мер. Встречаются разные значения стадий, например стадий вавилонский равен 194 *м,* птолемеевский и римский — 185 *м* и др.

пролива — это и есть Столпы, другие, — что это Гадес, а третьи располагают Столпы еще дальше за Гадесом». На этот счет были в древности и другие мнения, однако их разбор не входит в нашу задачу.

Так финикияне первыми в истории человечества пришли с крайнего востока Средиземноморья на крайний запад. Этот сложный по тем временам и полный опасностей морской путь обычно занимал семьдесят шесть дней. Важным опорным пунктом финикиян на этом пути стала Сицилия. Очень рано они создали там на различных мысах и прибрежных островках свои торговые фактории. В конце II — начале I тысячелетия они появились в Сардинии и Северной Африке. В 1112 году до нашей эры тирийцы отправили в Северную Африку экспедицию, состоявшую в основном из молодых людей, и основали там город Утику. Этот город постепенно превратился в крупный торговый центр и даже пытался в X веке обрести политическую независимость. Тирский царь Хирам воевал с жителями этого города, когда они отказались платить подати.

Несколько позже Утики финикияне построили в Северной Африке еще три крупных города — Гиппон, Хадрумет, Лептис и прочно обосновались в Западной Сицилии и Сардинии.

Однако самым важным финикийским центром на западе стал Карфаген. Место, на котором он был основан, в глубине Тунисского залива, уже давно было облюбовано финикийскими мореходами. Во время своих плаваний к Таршишу они постоянно заходили туда, укрываясь от непогоды, и даже устроили в этом пункте небольшое святилище. Но только в 825 году здесь был заложен новый большой город.

Это было тревожное время... Только что умер в Тире царь Муттон, завещавший перед смертью власть своим детям — Пигмалиону, тогда еще ребенку, и Элиссе —уже взрослой, готовившейся стать фактической правительницей города. Они должны были властвовать вместе, но никто из них не хотел довольствоваться только своей долей влияния. Каждый стремился стать единоличным хозяином города. Царевна, видимо, заручилась поддержкой жрецов и крупной аристократии. За Пигмалионом стояли народные массы. Именно ему, как писал Юстин, «народ... передал царствование». Видимо, это произошло на народном собрании. Однако царевна, выйдя, замуж за одного из богатейших и влиятельнейших людей в Тире—Ахербу, верховного жреца бога Мелькарта, и, пользуясь его связями, собиралась снова начать борьбу. Только решительные действия Пигмалиона ей помешали: Ахерба по его приказанию был убит. Потеряв надежду на успех, Элисса решила бежать куда глаза глядят. После длительного плавания она и верные ей члены совета прибыли туда, где собирались начать новую жизнь и основать новый город.

Юстин так излагает местные легенды о его основании: «Элисса, занесенная на берег Африки, склонила к дружбе обитателей этого места, радовавшихся прибы-

тию чужеземцев и взаимному обмену товарами. Затем она купила участок, который можно было бы покрыть шкурой быка, будто бы для того, чтобы восстановить силы спутников, утомленных долгим плаванием, прежде чем они отправятся далее. Шкуру она приказала разрубить на тончайшие куски и так заняла большее пространство, чем просила. Поэтому впоследствии это место называли Бирса... При закладке первых зданий была найдена голова быка. Это сочли предзнаменованием хотя и процветающего города, но многострадального и постоянно пребывающего в рабстве. Поэтому город был перенесен на другое место. Найденная там голова коня, означавшая, что народ будет воинственным, могучим, указала городу счастливое место».

Возникший на холме Бирса — очень хорошем естественном укреплении — и на прилегающем к нему морском берегу небольшой на первых порах поселок был назван Новым городом (по-финикийски Картхадашт; в русской литературе обычно употребляется название Карфаген, происходящее от латинской формы этого названия Carthago). Постепенно он разрастался; его удобное расположение привлекало к нему массу переселенцев, причем не только финикиян, но и греков, италиков и этрусков. Его важнейшей достопримечательностью стали многочисленные верфи и судоремонтные мастерские, где работали государственные и частные рабы. Долго строили карфагеняне искусственный порт — *котон*. Там корабли могли укрыться от непогоды более надежно, чем в естественной гавани. Порт состоял из двух частей, соединенных между собой небольшим узким протоком: военного порта, имевшего форму почти правильного круга, и прямоугольного гражданского. Посредине военного порта помещался искусственный остров, где находилось управление командующего флотом и начальника гавани. Карфаген рано стал одним из самых оживленных портов того времени. Лес мачт со свернутыми парусами — вот что видел каждый, кто смотрел на город со стороны моря.

ЗАГАДОЧНАЯ СТРАНА ОФИР

Продвижение финикиян к югу Красного моря, как уже упоминалось, стало возможным прежде всего благодаря союзу Тира с Иудейско-израильским царством. Правители этого царства длительное время вели активное наступление на юг Палестины, стремясь захватить и удержать район, где сейчас расположены иорданский порт Акаба и израильский Эйлат. Этот район славился богатейшими залежами меди, которая добывалась, вероятно, уже в конце II тысячелетия, и к тому же представлял собой естественную гавань, открывающую доступ к Красному морю.

Именно здесь, на месте холма, который местные кочевники арабы называют Телль Хелейфе, по приказанию царя Соломона в X веке до нашей эры был построен

порт Эционгебер. Как показали раскопки, он был окружен мощной оборонительной стеной толщиной до 2,5-3, а в некоторых местах и до 4 метров; высота стены, как полагает известный американский археолог Нельсон Глюк, достигала почти 8 метров. На ее южной стороне, вблизи юго-западного угла, находились обращенные к морю главные ворота города. Сложная система укреплений защищала город от нашествий врага и, кроме того, помогала держать в узде покоренное население, постоянно бунтовавшее и стремившееся сбросить чужеземный гнет.

Именно отсюда Соломон и Хирам отправили совместную морскую экспедицию на юг Красного моря. «И корабль построил царь Соломон в Эционгебере, что вблизи Элота (современного Эйлата. — *И. Ш.),* у берега Красного моря, в стране Эдом. И послал Хирам на корабле рабов своих — моряков, знающих море, с рабами Соломона. И прибыли они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать киккар[8], и доставили царю Соломону», — читаем мы в библейском историческом повествовании (1 Цар. 9:27-28). Всего на двух кораблях было привезено немногим более 14 тонн золота. После этого плавания экспедиции в Офир, очевидно, следовали одна за другой. Офирское золото много раз фигурирует в текстах Библии; до нас дошел и один древнееврейский документ VIII века до нашей эры, в котором упоминается золото из Офира, предназначенное для доставки в город (или, возможно, святилище) Бет-Хорон. Кроме золота оттуда привозили драгоценные сорта дерева и камня.

Хотелось бы, однако, выяснить, где находился этот таинственный Офир. Древнему читателю, разумеется, не нужно было ничего объяснять: он и так все знал. Но именно поэтому современные исследователи вынуждены теряться в догадках. Офир помещали на всем обширном пространстве вдоль азиатского берега Индийского океана — в Южной Аравии, Индии, на Цейлоне и даже на Малаккском полуострове. Все эти предположения невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Говорят, Офир не мог быть расположен в Южной Аравии потому, что она была связана с Сирией и Палестиной сухопутной караванной дорогой. Но разве нельзя было проложить туда и морской путь? Утверждают, что население Индии не позволило бы чужеземцам добывать и вывозить свои сокровища. А откуда известно, что бы стали делать жители Индии три тысячи лет назад? Ведь никаких конкретных обстоятельств мы не знаем. Вообще доводы, начинающиеся стандартной фразой «трудно себе представить, что...», кажутся при серьезном рассмотрении научных проблем неуместными. По мнению другой группы исследователей, Офир находился где-то в Африке — либо в районе Зимбабве, либо в золотоносных районах Нила, у границ Эфиопии. Однако никаких следов финикиян в этих местах не обнаружено. Пока можно сказать толь-

[8] ***Киккар (талант)* — мера веса, равная в среднем 34 кг. В киккаре было 60 мин, что составляло 3000 сиклей.**

ко одно: страна Офир лежала где-то на берегу Индийского океана; пути к ней вели через Красное море.

Что же касается связей с Южной Аравией, то они, очевидно, поддерживались систематически. В городе Бет-Элъ (Палестина) найдена южноарабская печать, датируемая X-IX веками до нашей эры. В Библии неоднократно упоминаются сабейцы[9], которые по сухопутным путям доставляют в финикийские города благовония и вывозят оттуда рабов.

«СИДОН Я НИСПРОВЕРГ И КАМНИ БРОСИЛ В МОРЕ»

В. Брюсов

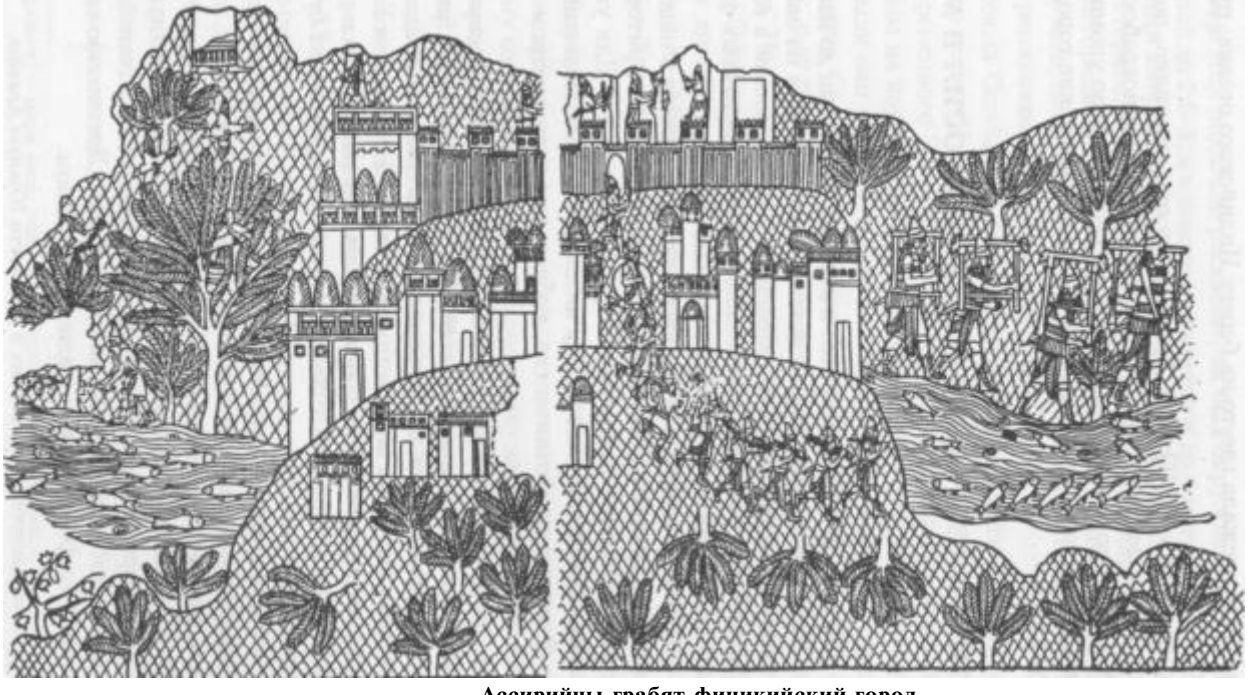
Период IX-VII веков до нашей эры был в истории финикиян до известной степени переломным. Как раз в это время те финикийские колонии на западе, которые не имели политической независимости, обрели ее, а затем вошли в состав могущественной Карфагенской державы. С этого момента пути восточных финикиян и их судьбы разошлись с путями и судьбами финикиян западных.

Восточные финикияне в этот период постоянно подвергались нашествиям ассирийских завоевателей, грабивших и разорявших покоренные территории, накладывавших на местное население тяжелые поборы и повинности. Для упрочения своего господства царь Тиглатпаласcар III учредил во второй половине VIII века в северной части Финикии наместничество, избрав для него центром сравнительно незначительный город Симирру.

В крупнейшие финикийские города, такие, как Тир и Сидон, ассирийские власти назначили специальных сборщиков податей. Особенно тяжелым и разорительным был налог на рубку ливанского кедра, предназначавшегося для продажи. Впрочем, ассирийцы запрещали вывозить кедр за пределы своей державы — в Египет и Палестину. Не мудрено, что-притеснения сборщиков налога вызвали сильнейшее возмущение в Тире и Сидоне; уже в 30-х годах VIII века там происходят бунты, жестоко подавленные завоевателями.

И тем не менее финикийским городам-государствам удавалось сохранять свою внутреннюю автономию, в том числе и своих местных царей там, где они были, хотя, естественно, ассирийцы и старались повсеместно делать правителями своих ставленников. Вот, например, как складывалась в этот период политическая ситуация в Тире. По-видимому, он был центром государства, включавшего обширные территории как на азиатском материке, так и на Кипре. Достаточно сказать, что он осуществлял в какой-то форме власть даже над Сидоном.

[9] ***Сабейцы*** **— одна из народностей, населявших в древности Южную Аравию.**



Ассирийцы грабят финикийский город.

Тир поддерживал тесные дружеские связи с Дамасским царством и древним Израилем. Как известно, дамасский царь Бар-Хадад (первая четверть IX в.) даже счел возможным соорудить специальную надпись в честь тирского бога Мелькарта. Союз Тира с Израильским царством был скреплен узами династического брака (израильский царь Ахав был женат на Изевели, дочери тирского царя Этбаала). Это позволило Тиру в середине IX века оказывать определенное влияние на политическую жизнь палестинских государств.

Самостоятельность Тира, его стремление держаться независимо по отношению к ассирийским властям приобрели вызывающий характер. Тирский царь Элулай даже совершил в середине VIII века поход на Кипр, чтобы усмирить бунтовавший Китион — крупнейший финикийский центр на этом острове. Поход Элулая побудил ассирийского наместника царевича Салманассара продемонстрировать беспокойным подданным силу ассирийского меча.

Все города Южной Финикии, находившиеся под властью Тира, в том числе и Сидон, приняли сторону ассирийцев, видимо, не только потому, что опасались расправы, но и потому, что, избавившись от тирского «посредничества», рассчитывали приобрести несколько большую политическую самостоятельность. Они предоставили в распоряжение ассирийского наместника свой флот для нападения на Тир с моря. Однако тирянам удалось разгромить значительно больший, чем их собственный, объединенный флот противников. После этой неудачи Салманассар, став, очевидно, к тому времени уже царем, начал планомерную осаду Тира с суши, изолировав его от источников водоснабжения; целых пять лет тиряне были вынуждены пользоваться не привозной водой, как обычно, а водой из вырытых на острове колодцев. Воды не хватало. Завершил осаду и «умиротворил» Тир Саргон II, свергнувший Салманассара в 722 году.

Примерно через двадцать лет, в 701 году до нашей эры, новый ассирийский царь Синаххериб предпринимает поход, целью которого было покорение бунтующей Южной Финикии. На этот раз центром антиассирийских выступлений становится Сидон. Его царь Лули потерпел поражение, был вынужден бежать на Кипр и там погиб. Подвластные ему города Синаххериб разрушил, а на пустующий престол возвел Этбаала. Преемник Этбаала Абдимилькут попытался возобновить борьбу, создав из нескольких мелких царств Северной Сирии антиассирийский союз. Но и его попытка не принесла желаемого результата. Ассирийский царь Ассархаддон в своих анналах сообщает, что он разрушил Сидон, а затем заново отстроил его, переселив туда вместо уведенных в плен финикиян жителей горных областей и приморских районов на востоке. Сам Абдимилькут пытался бежать за море, однако был схвачен и казнен. Гегемония Сидона в Южной Финикии кончилась.

Столь же неудачной была и попытка тирского царя Баала, современника Ассархаддона, обрести независимость. После недолгого сопротивления он сдался на

милость Ассирии; в дальнейшем мы видим Баала, а также царей Библа и Арвада среди данников Ассирии, поставлявших ей строительные материалы для царского дворца. До нас дошел и договор Баала с Ассархаддоном, правда, плохо сохранившийся. Преемник Ассархаддона, Ашшурбанапал, снова осадил Тир и отрезал его морские и наземные коммуникации; снова царь Баал признал над собой власть Ассирии. Так же поступил и правитель Арвада Йакинлу, после смерти которого Ашшурбанапал назначил царем этого города своего ставленника Азибаала.

Мы не знаем, к сожалению, какое участие приняли финикияне в событиях, приведших в конце VII века к гибели Ассирийской державы. Бесспорно тем не менее, что это событие вызвало у них глубокую радость, чувство облегчения: они, наконец, освободились от постоянной угрозы нашествия, от вечного давящего страха. «Вот по горам шагает вестник радости, — читаем мы в книге библейского пророка Нахума о ниспровержении Ассирии,—дающий услышать о мире. Празднуй, Иудея, праздники свои, исполняй обеты свои, ибо не будет больше ходить по тебе злодей, он полностью уничтожен!» (1: 15). И так думали, конечно, не только в Иудее.

Однако надежда на прочный и длительный мир не оправдалась. Теперь Финикия стала ареной и объектом борьбы между двумя могущественными преемниками Ассирии — Нововавилонским царством и Египтом. Первоначально вся Передняя Азия до Евфрата, в том числе и Финикия, оказалась под властью египтян. Фараон Нехо довел свои войска до Кархемиша (в Северной Сирии), но там был разбит Навуходоносором II, тогда еще наследником престола Вавилонии (605 г.).

Не встречая сопротивления на своем пути, он овладел всей Сирией и Финикией; по-видимому, возникла реальная угроза и самому Египту. Однако внуку Нехо, фараону Априю, удалось не только нанести на границах Египта поражение войскам Навуходоносора, теперь уже царя Вавилона, но и предпринять сухопутный поход против Сидона, а также морское нападение на Тир (около 588-586 гг.). Вероятно, эти действия были успешными; очень возможно, что они сопровождались борьбой провавилонской и проегипетской группировок внутри финикийских городов. Во всяком случае Навуходоносор II на протяжении нескольких лет дважды осаждал Тир: один раз в 586 году, а другой — в 572-570 годах. По-видимому, к первой осаде относится любопытное описание библейского пророка Иезекиила: «Навуходоносор, царь Вавилона, заставил войско свое совершить большую работу против Тира. Все головы оплешивели и все плечи стерты, а платы не было ни ему, ни войску его от Тира за работу, которую тот делал из-за него». Вторая осада в книге Иезекиила изображается так: «Вот я (бог Йахве, от имени которого в данном случае говорит пророк. — *И. Ш.)* поведу против Тира Навуходоносора, царя Вавилона, с севера, царя царей, на конях и на колесницах, и со всадниками, и толпой, и множеством народа. Дочерей твоих в по-

ле[10] мечом он истребит, и построит против тебя осадные башни, и насыплет против тебя валы, и поставит против тебя щит, и тараны он придвинет к стенам твоим, и башни твои он разрушит своими топорами. От множества коней его ты покроешься пылью их, от шума всадников и колес и колесниц будут сотрясены стены твои, когда он войдет в ворота твои, как входящий в город через пролом» (26: 7-10). В конце концов Тир признал над собой власть вавилонского владыки, хотя взять его штурмом Навуходоносору так и не удалось.

Но и в этих условиях Тир сохранил определенную внутреннюю автономию и свое политическое устройство. Мы довольно хорошо осведомлены о том, какие именно цари в первой половине VI века правили этим городом. В 564 году, после смерти царя Баала II, тирская государственная организация претерпела существенные изменения: к власти пришли правители — «судьи», удерживавшие ее немногим более семи лет (564-558). Как возник этот режим, чьи интересы он защищал, мы пока не знаем, имеется только краткий список судей с указанием сроков их пребывания на этом посту. Этот список очень интересен: оказывается, что первый из судей, Экнибаал, сын Баслаха, был у власти всего два месяца, его преемник Хелб, сын Авдайа, — десять месяцев, верховный жрец Аббар — три месяца, а Муттун и Геростратт, сын Абделима, правили вместе в течение шести лет. После этого в Тире снова была восстановлена царская власть. Все эти сведения позволяют сделать по крайней мере два важных вывода. Во-первых, «судьи» приходили к власти в результате государственных переворотов; значит, борьба политических группировок в Тире в этот период приняла особенно напряженный характер. Во-вторых, совместное правление двух последних судей было возможно в результате компромисса между противниками, чем и объясняется его относительная продолжительность.

Очевидно, приходу к власти судей предшествовал переворот, устранивший прежнюю царскую династию, члены которой укрылись в Вавилоне. Следовательно, переворот, по крайней мере на его самом раннем этапе, был направлен против Вавилона. Вскоре после окончания срока (если очень условно можно употребить в данном случае это слово) правления Муттуна и Геростратта власть прежней династии была восстановлена. Установление персидского господства на Ближнем Востоке (539 г. до н. э.) уже датируется четырнадцатым годом правления царя Хирама III, что позволяет отнести начало его царствования к 553 году до нашей эры.

10 «Дочерьми города» в Библии обычно называются населенные пункты, находящиеся на территории данного города-государства, а «полем города» — территория, принадлежащая городу-государству и находящаяся за пределами самого города.

ЖИЗНЬ БЕРЕТ СВОЕ

Бурные события внутренней жизни Тира, как, вероятно, и других финикийских городов, и не менее тревожная внешнеполитическая ситуация оказывали существенное воздействие на их повседневный быт. Но уходили враги, и жизнь продолжала свое обычное течение. Тир и другие финикийские города по-прежнему вели торговлю на море и на суше. В них, как и раньше, процветали земледелие и ремесло. Именно в этот, не очень спокойный период своей истории финикияне предпринимали далекие плавания и совершили наиболее значительные открытия.

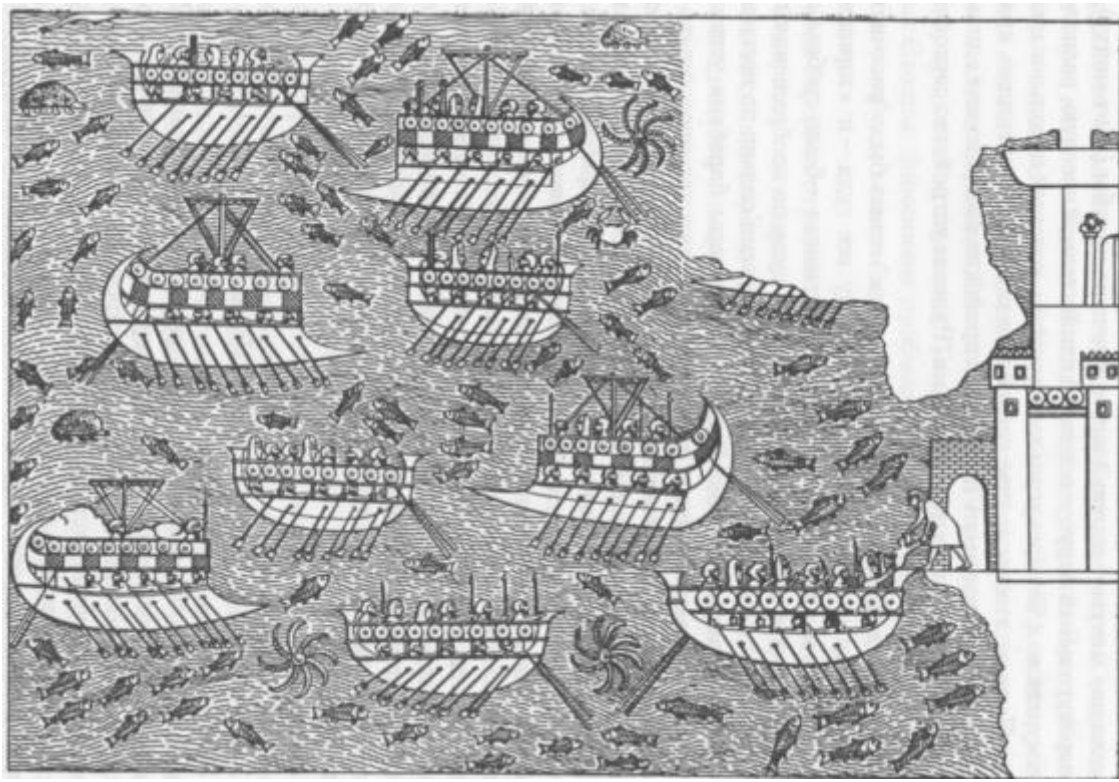
К сожалению, мы пока не можем представить себе внешний облик Тира и Сидона. Известно только, что они были обнесены (иногда в несколько рядов) массивными стенами с высокими башнями; их ворота, как и в других городах Сирии и Палестины, состояли из нескольких секций (для защиты от врага); к стенам прибивали щиты, которыми прикрывали бойницы, откуда лучники поражали неприятеля.

Чужестранец, попавший в город, оказывался в лабиринте многоэтажных домов и кривых улочек, которые вели к храмам и рыночным площадям. Там шла оживленная торговля, а в шуме базара можно было услышать не только финикийскую или арамейскую, еврейскую, египетскую или ассирийскую речь, но и греческий, италийский, этрусский и даже таршишский говоры.

Из описания уже упоминавшегося пророка Иезекиила мы узнаем, что Тир получал из Таршиша серебро, железо, олово и свинец; из Греции и Малой Азии — рабов и медные изделия; из Африки и (через Южную Аравию) из Индии — слоновую кость и обезьян. Через Северную Сирию туда ввозили шерстяные ткани для окраски пурпуром, полотно и драгоценные камни, из Израиля и Иудеи — продукты сельского хозяйства — пшеницу, мед, оливковое масло и бальзам. Из Сирийской степи арабы пригоняли в Тир стада овец и коз, а сабейцы с далекого юга привозили благовония, которые тирские купцы везли дальше на запад, где продавали втридорога.

Финикийские корабли претерпели к этому времени некоторые конструктивные изменения. Они приобрели более округлую форму, их корпус стал более высоким, что увеличило и их осадку. Благодаря этому грузоподъемность судна возросла, а его мореходные качества, прежде всего остойчивость, улучшились. Вероятно, было изобретено и крепление корпуса продольными связями — либо горизонтальной балкой, либо канатом. По аналогии с греческими судами можно предположить, что эти связи размешались на вертикальных стойках, располагавшихся по длине корпуса.

Мы имеем возможность познакомиться и с «таршишскими» кораблями первой половины I тысячелетия до нашей эры. На носу такого корабля, проектировавшемся строго отвесно, под ватерлинией помещался таран, которым в бою проламывали борт вражеского судна. Корма была закруглена и, высоко поднимаясь над палубой



Финикийские корабли конца VII век до нашей эры.

и частично прикрывая ее, надежно защищала ее от нападения с тыла. Для защиты бойниц от неприятеля финикияне прибивали вдоль фальшборта воинские щиты.

Судно имело две мачты — вертикальную в центре палубы (грот-мачту), несшую большой четырехугольный парус — основной движитель, и носовую, расположенную наклонно к носу, также с четырехугольным парусом, который использовался для маневрирования. Правда, это последнее устройство появилось, очевидно, сравнительно поздно. Известны датируемые VII веком ассирийские изображения одномачтовых «таршишских» судов со свернутыми парусами. Рулевое устройство состояло из двух длинных кормовых весел.

Разумеется, уходя в плавание, далеко не всегда можно было рассчитывать на благоприятную погоду и попутный ветер, поэтому все суда — и «таршишские» и предназначавшиеся для переходов на близкие расстояния — были гребными.

Вдоль каждого борта в два ряда размещались, судя по изображениям, девять-десять весел (возможно, их было и больше), за которыми сидели по нескольку гребцов — наемных работников и рабов. Равномерные удары барабана устанавливали ритм работы, а плеть надсмотрщика подгоняла недостаточно проворных.

Характерной особенностью финикийских кораблей того времени было отсутствие палубных надстроек. Все помещения для команды, пассажиров, а также кладовые для груза и снаряжения находились под палубой внутри корабля.

Роскошные суда финикийских купцов производили большое впечатление на современников. Вот какое описание этих кораблей мы находим в книге библейского пророка Иезекиила. «Из кипарисов сенирских делали тебе (Тиру. — *И. Ш.)* доски; кедры Ливана брали, чтобы сделать мачту над тобою. Из дубов башанских делали твои весла; сиденья для твоих гребцов делали из слоновой кости и бука, что с острова Кипра. Узорчатое полотно из Египта было парусом твоим, чтобы быть для тебя знаменем; яхонтовым и пурпурным цветом с островов Элиша покрыта была твоя палуба» (27: 5-7).

СОЛНЦЕ СПРАВА

Особенно прочными были в этот период связи Тира с Египтом. В Мемфисе, одном из важнейших египетских городов, существовал даже специальный район, заселенный финикийскими, преимущественно тирскими, купцами. Именно в Египте финикияне замыслили и отсюда осуществили самое грандиозное предприятие древности — плавание вокруг Африки.

Наш единственный информатор по этому вопросу древнегреческий историк Геродот, как обычно, немногословен: «Ливия, кажется, со всех сторон окружена водой, — писал он, — кроме той части, которая граничит с Азией. Первым из тех, кого

мы знаем, это доказал Нехо, царь египтян[11]. Остановив рытье канала из Нила в Аравийский залив, он отправил на кораблях финикиян, приказав проплыть назад через Геракловы Столпы, пока не войдут в Северное море (Средиземное море. — *И. Ш.),* а через него — в Египет. Финикияне двинулись из Эритрейского моря (видимо, здесь — южная оконечность Красного *моря. — И.Ш.),* вошли в Южное море (Индийский океан. — *И. Ш.).* Когда наступала осень, они, пристав к берегу, засевали землю, в каком бы месте Ливии, плывя, ни находились, и ожидали жатвы, а убрав хлеб, продолжали плавание. Так прошли два года, а на третий год, обойдя Геракловы Столпы, финикияне прибыли в Египет. И говорят, по-моему, неправду, а другой кто-нибудь, может быть, поверит, что, плывя вокруг Ливии, они имели солнце справа».

Сомнения Геродота отражают уровень географических знаний того времени: ему, жителю Северного полушария, казалось невероятным, что можно, встав лицом на запад, увидеть солнце справа, то есть на севере, а не слева, то есть на юге, как обычно. Но именно поэтому сомневаться в достоверности рассказа Геродота не приходится. Плавание, о котором он рассказал, было подготовлено всем предшествующим развитием финикийского мореходства, плаванием в Офир, а также предшествовавшими им попытками египтян проникнуть на юг. Нас не должно смущать отсутствие у Геродота описания того, что видели путешественники. Очевидно, это не выходило за рамки обычного, повседневного, и рассказывать об этом отец европейской историографии считал излишним. А быть может, и его информаторы — финикияне или египтяне — не захотели поведать ему о том, что видели путешественники, не желая открывать свои коммерческие тайны.

Геродота занимают, во-первых, само путешествие и, во-вторых, необычные, с его точки зрения, подробности. А что могло быть необычнее рассказа о том, как мореходы приставали к берегу, сеяли хлеб и, собрав урожай, двигались дальше? Их ожидали не только неведомые страны, неизвестные морские течения и неожиданные опасности, о которых они даже не могли подозревать, — им приходилось возобновлять запас продовольствия таким естественным и в то же время необычным для мореплавателей способом. Когда читаешь Геродота, невольно создается впечатление, что финикияне не встретили на своем пути африканцев, иначе вряд ли они сумели бы беспрепятственно заниматься земледелием на чужих землях. Видимо, местные жители на всем пути следования финикийских моряков предпочитали держаться подальше от чужаков.

Беспримерный поход финикийских мореплавателей вокруг Африки стоит особняком во всей истории древнего мореплавания средиземноморских народов. Он не мог еще открыть эру судоходства вокруг Африки. Не было еще той острой потреб-

[11] **Нехо царствовал в конце VII века до нашей эры.**

ности в установлении прямых контактов между окраинами Западного Средиземноморья и Индией, которая возникнет более двух тысячелетий спустя и заставит португальских флотоводцев искать морской путь вокруг берегов Африки. В то же время для всех было ясно, что поддерживать связи между востоком и западом Средиземноморского бассейна гораздо удобнее непосредственно по Средиземному морю. Поэтому впоследствии была только одна, правда неудачная, попытка повторить, на этот раз в обратном направлении, такое путешествие. Ее предпринял персидский царевич Сатасп (около 470 г. до н. э.). Карфагенский мореплаватель Ганнон, о котором мы будем говорить далее, даже не ставил перед собой подобной задачи.

НА ПУТИ К ЗАКАТУ

29 октября 539 года персидский царь Кир прибыл в Вавилон, незадолго до этого (12 октября) без боя занятый его войсками. Этим событием закончилась многолетняя кровопролитная борьба между Персией и Нововавилонским царством за господство на Ближнем Востоке. Возникновение Персидской державы, несомненно, отразилось и на судьбе восточнофиникийских городов. Они были глубоко заинтересованы в установлении мира на сухопутных торговых путях, связывавших эти города с глубинными территориями Передней Азии. К тому же Кир позволил всем изгнанникам, которые в свое время были уведены в плен вавилонскими царями, вернуться на родину, а среди них было много финикиян. Естественно, поэтому они должны были приветствовать воцарение Кира.

Подчинив себе Финикию и включив ее в свою административную систему, персидские цари не вмешивались в ее внутреннюю жизнь. В Финикии продолжала сохраняться царская власть и иные местные формы правления. Один из сидонских царей этого времени, Эшмуназар II, в большой надписи рассказывает о своей многообразной строительной деятельности, а также о том, что «владыка царей», вероятнее всего Ксеркс, около 480 года отдал Сидону Дор и Йаффу — города на палестинском побережье Средиземного моря. Кроме того, под властью Сидона находился небольшой городок, который греки называли «птичьим», — Орнитон, а под управлением Тира были Акка и Аскалон в Палестине.

В период персидского господства в Финикии, первый раз в ее истории, сложилось некое подобие единой политической организации, которая должна была охватывать все финикийские города. Тир, Сидон и Арвад совместными силами построили новый город, который по-гречески именовался Триполис — «город трех городов». Он состоял из трех обособленных поселений, где жили выходцы из упомянутых центров. Вероятно, каждое поселение было непосредственно связано со своей метрополией. В Триполисе должен был находиться общефиникийский совет, где решались важ-

нейшие проблемы, интересовавшие всю страну. Собственно персидские наместники находились в Сидоне, занимавшем в то время, видимо, ведущее положение.

Отношения финикийских городов с персидскими владыками были достаточно сложными; далеко не всегда последним удавалось навязывать подданным свою волю. Известно, например, что, когда царь Камбиз попытался направить финикийский флот на запад для завоевания Карфагена, финикияне вежливо, но категорически отказались выполнить его приказ. В других случаях персам удавалось привлечь на свою сторону граждан Сидона, Тира и других центров. В частности, финикийский флот принял активное участие в Греко-персидских войнах, в том числе и в битве при Саламине — одном из тех сражений, в котором балканским грекам удалось отстоять свою независимость. Среди наиболее известных флотоводцев персидского царя Геродот упоминает сидонского владетеля Тетрамнеста, сына Анита, тирского Матита, сына Хирама, и арвадского Мербаала, сына Агбаала. Финикияне, видимо, и сами были глубоко заинтересованы в разгроме крупнейших греческих торговых центров, так как рассчитывали занять их место в средиземноморской торговле и прочно закрепиться в Эгеиде.

Поражение персов повлекло за собой крушение этих надежд. Однако финикияне не отказались от своих планов, которые они надеялись осуществить мирным путем. Они даже создавали в греческих городах свои общины, прочно обосновываясь там. Так, уже в первой половине IV века в Афинах существовала колония сидонян, в I веке увековечившая на камне свои почетные декреты.

Впрочем, в IV веке, еще до похода Александра Македонского, наблюдается известная переориентация финикиян, их стремление заручиться союзом с греками. Так, сидонский царь Стратон оказал помощь афинским послам в их поездке ко двору персидского царя. Именно об этом Стратоне рассказывали как о друге эллинов, вводившем греческий образ жизни и даже сменившем свое финикийское имя на греческое. Любезность не осталась незамеченной: афинские власти приняли почетный декрет в честь Стратона и даже освободили селившихся в Афинах выходцев из Сидона от уплаты поборов, обычно взимавшихся с метеков — поселенцев, не имевших гражданских прав.

Один из преемников Стратона, Теннес, пошел еще дальше, приняв участие в широком выступлении против Персии, в котором наряду с Финикией активную роль играли Египет и города Кипра как греческие, так и финикийские. Заручившись помощью из Египта и разгромив персидского наместника, Теннес в короткий срок очистил от персов всю Финикию. Царь Персии Артаксеркс III Ох сам возглавил поход на непокорную провинцию. Теннес не решился оказать ему сопротивление и постыдно предал Сидон, который был буквально стерт с лица земли, а жители его — те, что не погибли в пламени пожара, — были уведены в глубь Персидской державы. Место пожарища Артаксеркс III Ох продал впоследствии за очень высокую

цену: там, где раньше стоял город, кладоискатели находили много золота и серебра. Расправа оказалась достаточно наглядным уроком — прочие города Финикии поспешили признать над собой власть персидских царей. Через некоторое время Сидон был восстановлен — слишком удобное это было место — и скоро вновь превратился в крупный торговый центр.

В 333 году на территорию Сирии вступили новые завоеватели — греки и македоняне под предводительством Александра Македонского. Поход Александра Македонского был попыткой разрешить внутриполитические конфликты, принявшие в греческих городах-государствах исключительную остроту, путем завоевания новых земель и создания колоний, где могли бы обосноваться и начать новую жизнь люди, обездоленные у себя на родине. Неудачи персов уже на раннем этапе военных действий в Малой Азии обнаружили глубокую внутреннюю слабость их огромной державы. Поэтому сирийские города-государства, в том числе и финикийские, не оказали македонянам сопротивления, хотя их флотоводцы находились в начале войны, как правило, в персидском флоте. Арвад, Сидон и Библ сдались Александру без боя.

Так же вначале вел себя и Тир. Однако между этим городом и македонским завоевателем скоро возник конфликт: тиряне отказались допустить Александра за городские стены принести жертву Мелькарту, которого греки отождествляли со своим героем Гераклом, считавшимся предком македонского царя. Александр воспринял этот отказ не только как глубокое личное оскорбление, но и как попытку ограничить его власть над Тиром. Поэтому он решил осуществить свое намерение силой. До сих пор Тир, находившийся на острове, был неуязвим для врагов, никому не удавалось взять его приступом. Поэтому Александр принял смелое решение: за короткий срок его солдаты построили насыпь через пролив, которая позволила им вплотную подойти к стенам города. В результате Тир отныне и навсегда перестал быть островом. Несмотря на отчаянное сопротивление горожан, город был взят штурмом, а его уцелевшие жители —более тридцати тысяч человек —были проданы в рабство. Однако в Финикии это был единственный случай сопротивления македонянам.

Под властью эллинистических царей, а позже и римских наместников восточнофиникийские города не играли заметной политической роли, хотя и продолжали оставаться крупными торговыми центрами с обширными и разносторонними экономическими связями. На острове Делосе, например, существовала колония купцов из Берита, почитателей морского божества — «посейдониастов», как они себя называли. Это был крупнейший общегреческий рынок эллинистического времени.

На Кипре в течение некоторого времени процветало объединение ряда городов на юге и в центральной части острова под властью финикийских царей. В то же время была ликвидирована царская власть в Арваде, а затем и в других городах. В ряде случаев мы узнаем о тирании; она существовала некоторое время в Библе и

Тире. В 120 году Тир и в 113 году Сидон стали, правда, ненадолго, независимыми и с этого времени начали свое новое летосчисление.

В период правления римских императоров некоторые финикийские города были освобождены от налогов, которые платило все население Римской империи, кроме римских граждан, а также сумели добиться и разных других привилегий и титулов. Их жители, надо думать, ревностно оберегали свои традиции; еще в XII веке нашей эры еврейский путешественник Вениамин Тудельский видел в одном из финикийских—тогда уже бывших финикийских — городов то, что он называл «мерзостью аммонитян», — статую финикийского божества и финикийское святилище, пережившие и христианских, и мусульманских фанатиков. Долгое время еще составлялись надписи на финикийском языке, однако в первые века нашей эры местные жители перешли частью на арамейский, частью на греческий язык.

Хотя финикияне и пытались сохранить некоторые черты своей культуры, они не очень энергично сопротивлялись процессу эллинизации. Финикияне принимали греческие имена, составляли на греческом языке важные деловые и административные документы, а также литературные произведения, посвященные своему историческому прошлому. Они воспринимали греческую административную терминологию, греческий образ жизни все глубже и глубже проникал в их быт. Сидоняне, официально признанные эллинами, даже принимали участие в общегреческих Немейских играх. Постепенно, во II-III веках нашей эры слово «Финикия» превратилось в название произвольно выкроенной провинции на территории Римской Сирии, ничего общего не имевшей с реальной, исторической Финикией. Постепенно и местные жители забыли о своем происхождении, продолжая свой исторический путь уже под другими именами, как бы начиная его заново.

И только на библиотечных полках в сочинениях древних писателей сохранилась до наших дней память о городах, потрясавших своим великолепием пришельцев, и о подвигах, изумлявших мир.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТХАДАШТ — НОВЫЙ ГОРОД

Финикийские колонии в Западном Средиземноморье очень рано столкнулись с кругом проблем, не совпадавших с тем, что волновало их восточных собратьев, находившихся почти на другом краю ойкумены — тогдашнего «мира». Это были и внутриполитические задачи, связанные с попытками разрешения острых социальных

противоречий внутри западнофиникийских, или, как их называли римляне, пунийских городов, и внешнеполитические, определявшиеся ожесточенной борьбой за обладание важнейшими торговыми путями в этом районе, а впоследствии за мировое господство.

Оживленная морская торговля, приток населения со всех концов тогдашнего мира быстро превратили Карфаген в один из крупнейших городов древности. Накануне его гибели, в середине II века до нашей эры, там жили семьсот тысяч человек, а после завершения войны римляне захватили в плен около пятидесяти тысяч. Эти цифры не кажутся преувеличенными; во всяком случае у нас нет оснований не доверять позднему греческому географу Страбону, который их приводит. В V-IV веках население города было, видимо, несколько меньше, но тем не менее Карфаген и тогда отличался многолюдством.

Мощные стены, пересекавшие весь перешеек, на котором находился Карфаген, надежно защищали его от нападений ливийцев, коренных жителей Африки. Высота стен превышала тринадцать метров, а толщина была около девяти. Башни располагались на расстоянии пятидесяти-шестидесяти метров одна от другой. Внутри стен находились в два этажа стойла для трехсот боевых слонов, видимо доставлявшихся из внутренних районов Африки, и четырех тысяч лошадей.

Когда путешественник, измученный бурями и непогодами, сходил, наконец, в карфагенском порту на берег, его взор устремлялся прежде всего к холму Бирсе, возвышавшемуся над городом. Холм был окружен массивной стеной. Там находился один из важнейших местных храмов — бога Эшмуна, культ которого колонисты принесли со своей далекой родины. Там было сердце города.

Но самое древнее святилище — храм богини Тиннит (в переводе на русский язык «почтенная»), основательницы и покровительницы города, и Баалхаммона, ее спутника, — высилось неподалеку от гавани. Там приносились человеческие жертвы, там можно было услышать самые жаркие мольбы; в горе и в радости карфагеняне неизменно обращались к «великой Тиннит, украшению Баала, и к господу Баалхаммону». В самом начале IV века, после неурожая 397 года, пунийцы решили ввести у себя культ греческих земледельческих богинь Деметры и Коры и построили им за стенами Бирсы храм по греческому образцу.

Неподалеку от гавани, на пути к Бирсе, находилась обширная рыночная площадь, забитая купеческими лавками, торговыми рядами, мастерскими ремесленников. Чего только и кого только не встретишь там! Вот бородатый ремесленник с серьгой в ноздре громко расхваливает свои ковры и пестрые узорчатые подушки. Высокий египтянин осторожно присматривается к ним: как бы не прогадать! «Не беспокойся, господин, слава карфагенских ковров достигла самых далеких уголков мира; купи, и ты никогда не пожалеешь об этом». А вот юркий родосец предлагает свой товар — огромные кувшины, где можно хранить жертву Тиннит. Даже священ-

ный символ богини заранее нацарапан на глазури, покрывающей сосуды. Только что прибыл корабль из Малаки (современная Малага); огромные кувшины с драгоценным лакомством — рыбьим соусом гарумом — торопливо переносятся в лавку его владельца.

Не было такого товара, который нельзя было бы увидеть на карфагенском рынке, — греческое и итальянское вино, этрусские вазы, золото и серебро буквально отовсюду, металлические украшения для женщин и оружие для мужчин, дорогую обувь, обезьян и, конечно, черных и белых рабов. Не было такой страны, куда бы ни плавали пунийские моряки со своими товарами, откуда ни приходили бы в Карфаген торговые корабли. Не было таких изделий от драгоценных бронзовых светильников до глиняных кувшинов, которые не изготовляли бы многочисленные пунийские ремесленники, и свободные и зависимые от богатых торговцев.

Рядом с базарной площадью стоял дом, где заседал совет; там же находилось место, где высшие карфагенские чиновники — суффеты — вершили суд и расправу. Три широкие улицы вели оттуда к Бирсе.

Если бы современному человеку довелось увидеть Карфаген, вряд ли он произвел бы на него благоприятное впечатление: пыльные широкие улицы с высокими домами до шести этажей и грязными некрашеными стенами. Правда, в конце IV века на пустырях, защищенных городской стеной, возник новый район — Мегара. Здесь небольшие дома были окружены полями и парками. Центром дома был внутренний садик, куда шли выходы из всех помещений.

Для нас, естественно, особый интерес представляет пунийское судостроение. Карфаген располагал колоссальным военным и торговым флотом; в IV—III веках до нашей эры он мог довольно легко выставить эскадры, насчитывавшие до двухсот кораблей. Постройка судов занимала сравнительно немного времени.

Продолжая свои древние традиции, карфагеняне строили на своих верфях корабли «таршишского» типа. Правда, к концу I тысячелетия некоторые конструктивные особенности, характерные именно для этих судов, превратились в детали декоративного убранства. Так произошло, например, с кормой, где при изогнутой над палубой ее частью палубное пространство явно оставалось открытым. Практически это не более чем фигурное и очень изящное продолжение кормового бруса. В носовой части судна прежний таран оказался изогнутым, резко приподнятым над водой. На корме появилась надстройка во всю ширину палубы.

Однако карфагеняне не ограничивались совершенствованием своей традиционной техники. Они широко использовали греческий опыт строительства военных кораблей. Очень рано у них появились пентеконтеры — весельные суда, на которых в один ряд вдоль каждого борта сидели по двадцати пяти гребцов, а в IV веке и другие типы судов — триеры и пентеры. Обычно полагают, что на таких судах гребцы размещались вдоль бортов соответственно в три (триеры) и пять (пентеры) рядов.

Но есть и другое мнение. Некоторые исследователи думают, что в триерах устраивались «звенья» по три весла, а в пентере на одном весле работали пять гребцов. Окончательного решения пока нет. Видимо, существовали суда и больших размеров.

БОРЬБА ЗА МОРЕ

Уже на первых порах пунийские города столкнулись с сопротивлением Тартесса, который не был склонен уступать без боя свои торговые пути неведомо откуда взявшимся пришельцам. После целой серии войн пунийцам удалось блокировать своего противника. Однако в конце IX — начале VIII века до нашей эры в Западном Средиземноморье появились греческие купцы, а в середине VIII-VII веке и греческие колонии в Восточной Сицилии. Эта опасность заставила финикийские города Западной Сицилии во второй половине VII века объединиться и заключить союз с элимами, коренными жителями этой части острова. Подобные объединения существовали и в Северной Африке.

В середине VII века Карфаген основал колонию на острове Эбесс (ныне Ивисса). Это был его первый шаг на пути превращения в мировую державу. Так как ранее Эбесс, как и другие Балеарские острова, находился под властью Тартесса, этот шаг карфагенян был началом активной наступательной политики, направленной против этого государства. Затем, используя Эбесс как плацдарм, Карфаген перенес военные действия непосредственно в Южную Испанию и там, заключив союз с Гадесом, прочно обосновался на тартесских землях. Однако вскоре карфагеняне осадили Гадес и разрушили его стены. Очевидно, Гадес пытался помешать своим союзникам проникнуть на территорию Испании и поплатился за это.

Далее события развивались так. Около 600 года неподалеку от устья реки Родана (современная Рона) греки, выходцы из Фокеи (Малая Азия), основали свою первую колонию Массалию (ныне Марсель). В своем движении на запад они встретили полную поддержку тартесситов, увидевших в них своих естественных союзников. Царь Тартесса Аргантоний не только позволил фокейцам селиться на его землях (и они действительно основали несколько колоний на юго-восточном побережье Пиренейского полуострова), но даже оказывал им посильную помощь в борьбе против внешних врагов. Карфагеняне вскоре после возникновения Массалии начали против нее враждебные действия, превратившиеся в затяжную войну, которая, однако, не принесла пунийцам успеха. Терпя поражение за поражением, они оказались вынужденными примириться с существованием Массалии, вытеснившей карфагенских купцов из низовьев Родана, и с фокейской колонизацией Пиренейского полуострова. В конце VII века пунийцы утратили доступ и в Италию. Положение их стало особенно тяжелым после того, как в первой половине VII века фокейцы построили

на Корсике город Алалию. Его жители грабили соседей и проходившие мимо купеческие корабли; они, видимо, полностью дезорганизовали торговлю в этом районе.

Более удачными были войны, которые карфагеняне под предводительством полководца Малха вели в Сицилии в середине VI века. Им удалось покорить там большую территорию. Воодушевленные успехом, войска Малха переправились в Сардинию, но там потерпели поражение, настолько серьезное, что власти Карфагена приговорили и неудачливого полководца, и еще оставшуюся у него часть армии к изгнанию.

Воины Малха отправили в Карфаген посольство, добиваясь разрешения вернуться, но получили резкий и недвусмысленный отказ. Разгневанный военачальник двинул свою армию на осаду родного города, в конце концов штурмом овладел им и расправился со своими врагами, стоявшими у власти. Жертвой Малха пал и его собственный сын Карталон, только что вернувшийся из Тира, где по поручению пунийских правителей он участвовал в торжественных жертвоприношениях. Опираясь на демократические круги общества, Малх пытался, видимо, удовлетворить их интересы, изменяя действовавшие в Карфагене законы. Однако уничтожить всех своих противников, всю аристократическую верхушку пунийского общества новый властитель не сумел. Они обвинили его в стремлении к самодержавной царской власти, в сыноубийстве, и в конце концов Малх был предан суду и казнен. Власть в городе перешла к Магону, основателю военной династии, на протяжении нескольких десятилетий державшей в своих руках все нити управления Карфагенской державой.

Судя по всему, Магон провел ряд важных мер, чтобы укрепить пошатнувшееся положение Карфагена. Одной из них было создание наемной армии, представлявшей собой на первых порах значительную военную силу, более боеспособную, чем ополчение. Эта реформа была проникнута стремлением не допустить народные массы к реальному участию в управлении государством. Чтобы обеспечить себе союзников, Магон договорился с этрусками о взаимной помощи и поддержке. Это соглашение послужило прочной основой для развития в будущем между ними и карфагенянами дружественных отношений. Помимо чисто военных те и другие впоследствии заключили ряд других договоров, регулировавших их отношения, в том числе и о торговле. Но и этого Магону показалось мало: он сумел заручиться если не поддержкой, то, во всяком случае, благожелательным нейтралитетом Сиракуз, крупнейшего греческого города в Сицилии.

Все эти меры позволили пунийцам добиться значительного успеха. В ожесточенной битве при Алалии в 535 году объединенный флот этрусков и карфагенян, насчитывавший 120 кораблей, нанес сокрушительное поражение вдвое меньшему флоту фокейцев. Сорок кораблей, принадлежавших последним, были потоплены, и только двадцати удалось скрыться. Все пленные фокейцы были перебиты победителями. Дорога в Италию снова стала свободной.

Победа при Алалии имела и другие далеко идущие последствия. Карфагеняне снова начали активное наступление в Сардинии, опираясь на местные финикийские поселения — Нору, Сулх и другие, основывая свои колонии, в том числе Каралис. Правда, борьба с сардами по-прежнему была очень тяжела, и какие-то их группы, уходя в глубь острова и отчаянно сопротивляясь, сумели сохранить независимость. Но главное заключалось в том, что эта победа позволила изолировать, а потом и уничтожить Тартесс. Произошло это событие в конце 30-х или в начале 20-х годов VI века.

ЗА СТОЛПАМИ МЕЛЬКАРТА

Именно это бурное время — VII-VI века до нашей эры — было, по-видимому, тем периодом, когда карфагеняне предпринимали исключительные по своим масштабам попытки проникнуть за Гибралтар — Столпы Мелькарта, как их называли, — и в далекие страны на севере и на юге Атлантического океана. Но если восточные финикияне, плывя вдоль берегов Африки, не общались с ее населением и, видимо, не очень к этому стремились, то цели их западных собратьев были иными. Геродот, на которого мы уже много раз ссылались, писал: «Карфагеняне рассказывают также, что есть страна в Ливии и люди, живущие за Геракловыми Столпами. Прибывая к ним, они выгружают товары и кладут их в ряд вдоль берега, а затем, уходя на корабль, зажигают костер. Туземцы, увидев костер, приходят к морю, кладут против товаров золото и уходят далеко от них. Карфагеняне, сойдя на берег, все осматривают, и если им покажется, что количество золота соответствует товарам, то, погрузив его, они удаляются. Если же им покажется, что не соответствует, то они снова уходят на корабль и остаются; те же, вернувшись, кладут еще золото в том количестве, которое запрашивают. И они не обманывают друг друга. Ведь одни не касаются золота прежде, чем, по их мнению, оно не уравняется по ценности с товарами, а другие не касаются товаров прежде, чем те не возьмут золота». Этот крайне примитивный метод торговли свидетельствует о том, что общество, с которым торговали карфагеняне, находилось на весьма низкой ступени общественного развития. Но не только торговля манила туда карфагенян.

В течение VI — первой половины V века на территории Северной Африки, непосредственно прилегающей к Карфагену, благодаря успешным войнам Малха с ливийцами, а кроме того, и в результате победы над западным соседом — киренянами[12] сложилась довольно обширная область карфагенского господства. Однако не менее важную роль, чем войны, сыграла в этом процессе мирная карфагенская колони-

[12] ***Кирена*** **— греческая колония в Северной Африке; возникла в VII веке до нашей эры.**

зация Северной Африки, начавшаяся значительно ранее, вскоре после основания Карфагена.

Основывая свои колонии в различных пунктах Средиземноморья, карфагенские власти стремились прежде всего предотвратить выступления народных масс против верхушки общества в самом Карфагене. Кроме того, располагая колонии на прибрежных островах, полуостровах и в пунктах, пригодных для создания портов, они рассчитывали обеспечить свое господство на торговых путях. Пунийские поселения в глубине материка должны были обеспечить карфагенянам господство над местным населением. В VIII-VII веках средиземноморское побережье современных Туниса, Алжира и Марокко было усеяно многочисленными карфагенскими колониями. Наиболее крупная колонизационная экспедиция пунийцев связана с именем выдающегося финикийского флотоводца Ганнона; археологические исследования на атлантическом берегу Марокко позволяют более или менее уверенно отнести этот поход к VII-VI векам до нашей эры.

Подробности этой экспедиции известны нам по очень любопытному документу, так называемому «Периплу Ганнона», который сохранился до наших дней в изложении на греческом языке и много раз переводился на русский и другие современные языки. Насколько достоверно этот текст воспроизводит содержание подлинного отчета Ганнона, трудно сказать. Есть веские основания думать, что составитель этого произведения под влиянием поздней древнегреческой приключенческой литературы расцветил сухой отчет карфагенского «адмирала» рассказами о разного рода таинственных явлениях, которые должны были потрясти воображение читателя. Ведь речь шла о малоизвестных далеких странах, куда плавали очень редко. И тем не менее вряд ли можно сомневаться, что в основе нашего документа лежит подлинный отчет карфагенского путешественника, находившийся в храме бога Баалхаммона, или, как его называли греки, Кроноса, и каким-то образом ставший известным грекам. Посмотрим же, что могло происходить в действительности.

Поход Ганнона был важным событием в жизни пунийского общества. По решению карфагенских властей он был поставлен во главе огромного флота, состоявшего из шестидесяти боевых кораблей — пентеконтер, то есть пятидесятивесельных судов; на них находились тридцать тысяч человек. Почти все они должны были составить население нескольких городов за Гибралтаром, для основания и устройства которых посылался Ганнон. Видимо, в этот момент противоречия между аристократами и народом стали особенно острыми, и правители Карфагена прибегли к своему обычному средству — массовому переселению недовольных на чужбину. Такое массовое переселение было вызвано, конечно, серьезным обострением классовой борьбы внутри карфагенского общества. За скупыми строками «Перипла» угадывается и волнение народа, с тревогой и надеждой думавшего о будущем, — что-то оно сулит там, на далекой, неведомой чужбине? — и забота флотоводца: скорее в путь, скорее увести

эту массу беспокойных, голодных людей подальше от Карфагена, пока они не бросились на роскошные дворцы «великих» — членов совета, пока не закипела в городе резня и смута...

Пройдя Гибралтар и проплыв после этого еще два дня, путешественники основали первый город, который греки впоследствии называли городом благовоний — Фимиатирион. Некоторое время спустя у мыса Солунт они построили храм бога — покровителя морских путешествий, украшенный резными рельефными изображениями. Сколько времени отняла у путешественников эта работа, трудно сказать, но, завершив ее, они двинулись дальше и примерно через полдня пути попали в залив, поросший густым тростником. На его берегу они увидели стада мирно пасущихся слонов и других животных. Но пока это были более или менее знакомые места. Проплыв еще день, они опять заложили несколько поселений, на близком расстоянии одно от другого, видимо, для удобства обороны и взаимных контактов, так что создается впечатление, будто они были заложены одновременно.

Как бы то ни было, Ганнон основал шесть колоний (кроме упомянутой выше, Карийскую стену, Гитт, Акру, Мелитту и Арамбис); население каждой из них составляло около пяти тысяч человек, если только оно распределялось равномерно.

В науке много было споров о том, где располагать эти города, с какими современными пунктами в Марокко их следует отождествить. Однако ни одно из высказанных предположений пока не удалось доказать. До сих пор была проведена только одна археологическая разведка атлантического побережья Марокко. Материалы, обнаруженные там, позволяют утверждать, что карфагеняне жили на мысе Кантен, где выявлено типичное пунийское погребение конца IV века до нашей эры, а также в Могадоре. Там найдены изделия из пунийской красной керамики VI века, изделия из бронзы, а также надписи.

Расселив своих подопечных, пунийский флотоводец отнюдь не собирался возвращаться на родину. Теперь он решил продвинуться дальше на юг, очевидно, с целью разведки и захвата новых земель. Вот как изображена в дошедшем до нас документе эта часть его плавания: «Плывя оттуда, мы прибыли к большой реке Ликс, текущей из Ливии. Вокруг нее пасут скот кочевники ликситы. У них мы оставались до тех пор, пока не стали друзьями. Выше них жили негостеприимные эфиопы, позвериному обитая в стране, откуда, говорят, течет Ликс. А вблизи гор, как говорят, живут совершенно другие люди — троглодиты[13]. Ликситы говорят, что в беге они побеждали лошадей. Взяв у ликситов переводчиков, мы плыли два дня на юг мимо пустыни, а оттуда снова на восток дневной путь. Там мы нашли посредине какого-то залива небольшой остров окружностью в пять стадий. На нем мы основали коло-

***13 Троглодиты* — пещерные жители.**

нию, назвав ее Керной. Мы определили по пройденному пути, что она находится напротив Карфагена: ведь морской путь от Карфагена до Столпов был равен пути оттуда до Керны. Из этого места мы прибыли в озеро, плывя по некоей большой реке, название которой Хретис; на этом озере имеются острова, большие по размеру, чем Керна. От них, проделав дневное плавание, мы прибыли в самую отдаленную часть озера, над которой поднимаются высокие горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Эти люди швыряли камни и наносили нам раны, не давая сойти на берег. Плывя оттуда, мы вошли в другую реку, большую и широкую, в которой было много крокодилов и гиппопотамов. Оттуда же, повернув обратно, мы снова возвратились к Керне. А потом мы плыли на юг двенадцать дней, проходя вдоль страны, целиком населенной эфиопами, убегавшими от нас. Они говорили непонятно даже для ликситов, бывших с нами. А на последний день мы бросили якорь у высоких лесистых гор. Там были разнообразные благоухающие деревья. Плывя от них два дня, мы оказались на неизмеримом морском просторе, против которого на берегу была равнина; там мы видели огни; их приносили отовсюду через определенные промежутки времени; то их было больше, то меньше. Запасшись водой, мы плыли оттуда вдоль берега пять дней, пока не прибыли в большой залив, который, как сказали переводчики, называется Западным Рогом.

В этом заливе есть большой остров. Сойдя на него, мы ничего не видели, кроме леса, а ночью мы видели много зажигавшихся огней, и игру двух флейт слышали мы, кимвалов и тимпанов[14] бряцание, и крик великий. Страх охватил нас, и прорицатели приказали покинуть остров. Быстро отплыв, мы прошли мимо горящей страны, наполненной благовониями; огромные огненные потоки стекают с нее в море. Из-за жары сойти на берег было невозможно. Но и оттуда, испугавшись, мы быстро отплыли. Проведя в пути четыре дня, мы увидели ночью землю, наполненную огнем; в середине же был некий огромный костер, достигавший, казалось, звезд. Днем обнаружилось, что это большая гора, называемая Колесницей богов. Плывя далее мимо горящих потоков, мы прибыли в залив, называемый Южным Рогом. В глубине залива есть остров с бухтой; в ней находится другой остров, населенный дикими людьми. Очень много было женщин, тело которых поросло шерстью; переводчики называли их гориллами[15]. Преследуя, мы не смогли захватить мужчин. Все они убежали, карабкаясь по кручам и защищаясь камнями. Мы поймали трех женщин; они кусали и царапали тех, кто их вел, и не хотели идти за нами. Однако, убив, мы освежевали их и шкуры доставили в Карфаген. Дальше мы не плавали, так как пища у нас кончилась».

Все названные здесь пункты пока еще не удалось разместить на современной

[14] ***Кимвалы*** **и** ***тимпаны*** **— музыкальные инструменты.**
[15] **Видимо, пунийцы приняли за людей человекообразных обезьян.**

географической карте. Одни ученые думают, например, что гора Колесница богов — это гора Какулима, а другие считают, что это Камерун. Южный Рог пытались искать и в районе мыса Пальмас, и около мыса Сьерра-Леоне. Еще больше вариантов предлагалось при отождествлении рек, упомянутых в «Перипле». Пока ясно только одно: Ганнону удалось проложить путь далеко на юг; остров Керну пунийцы даже использовали как свою торговую базу. Память об этом сохранилась до наших дней в бесценной уникальной рукописи «Перипла» из Геттингенского собрания.

«Перипл Ганнона» оказал влияние и на многие поздние представления о западном побережье Африки. Его отзвук можно слышать, например, в средневековых рассказах о загадочных местах у берега, где бушует огонь, раскален воздух и прорваться через которые на юг невозможно. Но сам Ганнон и даже его «Перипл» в этом не виноваты: ведь он-то прошел благополучно мимо земли, пышущей огнем. И все же интересно, насколько моряки доверяли всему, что могло исходить от финикиян. Только разрушив эти нелепые догмы, оказалось возможным впоследствии повторить путь, пройденный финикиянами.

Карфагенские мореплаватели заходили и в глубь Атлантического океана. Там они открыли поросший лесом остров, на котором даже создали свое поселение. Видимо, это были Азорские острова, где в ноябре 1749 года, по сообщению шведского ученого Юхана Пудулина, был найден клад древних монет, среди которых имелись и карфагенские.

Однако этот остров лежал в стороне от важнейших тогдашних торговых путей и, естественно, не представлял какой-либо ценности для развития судоходства. Поэтому дорога к нему была забыта, и лишь как слабый отзвук предания о нем из уст в уста передавались рассказы об островах «блаженных», расположенных в глубине Атлантического океана, вдали от мира, переполненного горем и лишениями.

Вероятно, в конце VI века до нашей эры морской поход к северу от Гибралтара совершил Гимилькон. Целью его путешествия были Эстримнидские острова, откуда в древности привозили олово. Они находились, видимо, где-то у южной оконечности Британских островов. Четыре месяца длилась экспедиция Гимилькона. Течение занесло его корабли в заросли морских растений, вероятно вблизи Пиренейского полуострова. Там царило безветрие, и мореходы, с трудом продвигаясь вперед, с ужасом глядели на чудовищ, медленно проплывавших мимо...

В связи с этим уместно сказать несколько слов вот о чем. Время от времени в газетах и научно-популярных изданиях появляются сообщения о том, что где-то в Америке найдены финикийские надписи. Чрезмерно доверчивые журналисты спешат поразить мир сенсацией: оказывается, это финикийцы, вероятнее всего карфагеняне, первыми посетили Америку. Мы вынуждены разочаровать читателей: при ближайшем рассмотрении эти надписи обычно оказывались очень примитивно сработанной подделкой.

Не стоит приписывать финикиянам того, что они не делали. Они внесли большой вклад в освоение морских путей Старого Света. И этого вполне достаточно.

И СНОВА БОРЬБА ЗА МОРЕ

После разгрома Тартесса карфагеняне создали в Западном Средиземноморье зону своей монопольной торговли, куда они не допускали посторонних. Это положение было закреплено целой серией договоров, один из которых — договор с Римом (510/9 г. до н. э.) — дошел до нас. Многочисленные стычки карфагенян с греками у берегов Сицилии и Пиренейского полуострова в конце VI века ничего не изменили. Спартанский царевич Дориэй дважды пытался основать на пунийских землях свою колонию, и оба раза неудачно.

Карфагенская держава занимала громадную территорию. В ее состав входили не только покоренные пунийцами страны Западного Средиземноморья, но и старинные финикийские колонии, присоединившиеся к Карфагену из боязни соперничества со стороны греков. Они хорошо понимали, что, только объединившись, они смогут сохранить свои торговые позиции перед лицом греческой опасности. Но за это им пришлось заплатить очень дорогую цену. Сохранив внутреннюю автономию, они были вынуждены переделать свое государственное устройство по карфагенскому образцу, приноровить свои законы к карфагенским и поставить свою торговлю под карфагенский контроль. Неудивительно, что время от времени карфагенское правительство было вынуждено усмирять своих собратьев из Лептиса, Гиппона, Утики.

В конце 90 — начале 80-х годов V века пунийцы, используя сложную политическую ситуацию в Сицилии, борьбу за господство между различными группировками тамошних греческих колоний, решили расширить сферу своего господства на этом острове и соответственно зону своей монопольной торговли на море. При этом они, видимо, согласовали свои действия с персами, которые как раз в это время вели войну с балканскими греками. Воспользовавшись первым предлогом, около 480 года наемная армия пунийского полководца Гамилькара Магонада высадилась у Панорма (современный Палермо) и оттуда двинулась к греческой колонии Гимере. Однако конный отряд сиракузского тирана Гелона неожиданно напал на карфагенские корабли, вытащенные на сушу, и сжег их; сам Гамилькар погиб во время жертвоприношения. Лишившись командира, его армия, хотя и упорно сопротивлялась, была разгромлена.

Это событие произвело сильное впечатление на современников, которые сравнивали его с битвой при Саламине, принесшей свободу Балканской Греции. И действительно, около ста лет карфагеняне не решались предпринимать военные действия в

Сицилии. Они сосредоточили свои усилия на завоевании земель в Африке. Там на плодородных землях появились хозяйства крупных землевладельцев, обрабатывавшиеся громадными армиями батраков, рабов и полусвободных — *бодов*. Земледелие стало играть важную роль в экономике, а землевладельцы — в политической жизни Карфагена. Там возникла солидная «агрономическая школа»; труды ее крупнейшего представителя, Магона, были в древности широко известны и неоднократно переводились на латинский и греческий языки. Местное население — земледельцы-ливийцы были обложены налогом в размере одной десятой доли урожая пшеницы и, кроме того, в порядке несения воинской повинности призывались на службу в пунийскую армию.

В середине V века карфагенская аристократия свергла Магонидов. Чтобы избежать в будущем новой диктатуры, к прежним органам управления были присоединены новые, в задачу которых входило контролировать должностных лиц, прежде всего военачальников. Если раньше управление государством было прерогативой двух советов — совета десяти и совета старейшин, то теперь существовал и совет ста четырех, которому полководцы обязаны были давать отчет о своей деятельности. Этот совет был особенно силен потому, что он никому не был подотчетен; его комплектовали специальные комиссии из пяти человек, пополнявшиеся в свою очередь путем кооптации. Был расширен до тридцати человек и совет десяти — высший орган власти; очевидно, в его состав были включены представители знатных семейств, ранее не имевшие решающего влияния на государственные дела.

Значительное развитие получила и система выборных должностных лиц, из которых наиболее важными были ежегодно переизбиравшиеся «судьи»-суффеты, возглавлявшие государство. Обычно их было двое. Так как кандидаты выбирались по принципу знатности и богатства, а в Карфагене господствовала, по единодушному свидетельству древних, самая бесстыдная коррупция и народное собрание реальной властью почти не располагало, то вся эта система обеспечивала аристократии ничем не стесняемое господство.

В конце V века до нашей эры карфагеняне возобновили борьбу за Сицилию. Их противником была крупнейшая греческая колония на этом острове — Сиракузы. Карфагеняне рассчитывали не только овладеть островом, но и стать полными хозяевами морских дорог на подступах к Италии. Войны, перемежавшиеся более или менее длительными перемириями, протекали с переменным успехом: были моменты, когда карфагеняне захватывали чуть ли не весь остров и подходили к самым стенам Сиракуз (так произошло, например, в 405 г.), но случалось и так, что они оказывались изгнанными с острова. Одна из таких кампаний в 398 году имела для пунийцев особенно печальные последствия: сиракузским войскам удалось захватить и разрушить Мотию. Впрочем, уже в 396 году карфагеняне восстановили свои позиции, но не стали отстраивать уничтоженный город, а на более удобном месте основали

крупный город и порт Лилибей. Иногда борьба переносилась в Африку, но это не влияло существенно на ее результаты.

Во время этих войн особенно ожесточенной стала борьба между различными аристократическими группировками в Карфагене, в которой противники использовали любые приемы. Так, один из тамошних политических деятелей, Суниат, занимался самым настоящим военным шпионажем в пользу сиракузян, сообщая им военные планы карфагенян. Характерной была реакция пунийских властей на это преступление: они приняли специальное постановление, запрещавшее изучать греческий язык. Но это решение они так и не смогли провести в жизнь. Потребности торговли, контакты между людьми были сильнее любых постановлений карфагенского совета.

По окончании кампании 368-367 годов пунийский полководец Ганнон попытался, опираясь на свои войска, установить в Карфагене единоличную диктатуру. Пригласив на свадьбу своей дочери правителей города, он намеревался расправиться с ними. Свадьба не состоялась. Противники Ганнона, хотя и разгадали его намерения, не осмеливались что-либо предпринять. Однако и Ганнон, узнав, что заговор раскрыт, не решился выступить в самом Карфагене. Он бежал в степь и, вооружив своих рабов — их было около двадцати тысяч, — занял там небольшую крепость. Пытался он привлечь на свою сторону и местное ливийское крестьянство. Одолеть карфагенское ополчение Ганнон не смог, он был схвачен и казнен. Было бы, разумеется, большой натяжкой рассматривать это событие как движение рабов или крестьян. Основной силой, на которую пытался опереться Ганнон, была наемная армия, он преследовал сугубо личные цели. Известны и другие случаи такого же рода, например попытка военачальника Бомилькара захватить власть, окончившаяся столь же неудачно.

К середине III века большая часть Сицилии находилась под властью Карфагена. Сиракузы перестали играть какую-либо заметную роль. Но в борьбе за Сицилию у карфагенян появился новый противник — Рим, к тому времени закончивший борьбу за господство в Италии.

Карфагеняне имели с Римом давние и прочные контакты. Выше упоминалось о договоре, заключенном между ними еще в конце VI века до нашей эры. В дальнейшем эти связи стали еще более тесными. Карфагенские знатные роды имели отношения гостеприимства с римскими аристократами. Устанавливая такие отношения, они обязывались предоставлять «гостю» свой кров и защиту. В 348 году был заключен новый договор, регулировавший отношения между Карфагеном и Римом.

Первая война Карфагена с Римом, начавшаяся в 264 году, показала, что пунийская наемная армия не в состоянии оказать римским воинам серьезного сопротивления. В течение двух лет римляне очистили от карфагенян почти всю Сицилию. Единственной надеждой пунийцев был флот, безраздельно хозяйничавший на море

и обеспечивавший их господство в немногих прибрежных пунктах Сицилии. Карфагеняне держали в страхе и побережье Италии.

Естественно, перед Римом встала задача ликвидировать превосходство противника на море. Случайно захватив один из пунийских кораблей, римляне построили по его образцу огромную флотилию в триста судов. Однако должно было пройти некоторое время, прежде чем римляне сумели выработать и навязать врагу свою тактику морского боя. Уже первые столкновения на море показали, что римские флотоводцы, еще плохо владевшие искусством вождения судов, не могут рассчитывать на победу в обычных условиях, когда чужие корабли выводились из строя в результате тарана. Римское командование искало путей, которые помогли бы ему одержать победу.

С этой целью были изобретены так называемые вороны — мостки с крючьями на концах. Они зацеплялись за борт вражеского корабля, после чего начинался абордажный бой. Используя эту тактику, римляне сумели в морском сражении при Милах нанести поражение пунийцам, и господство последних на море было ликвидировано раз и навсегда.

Впрочем, если карфагеняне не располагали достаточными силами, чтобы добиться перелома в свою пользу, то и римляне еще не сумели окончательно подавить сопротивление противника. В 256 году они переправились в Африку, рассчитывая там с помощью ливийцев одержать решающую победу. Но эта экспедиция была разгромлена. В свою очередь карфагеняне попытались, и так же безуспешно, активизировать военные действия в Западной Сицилии (это произошло в 247 г. до н. э.). Окончательно убедившись в том, что борьба становится для них бесперспективной, предвидя новые поражения, пунийские власти решили кончить войну.

Договор о мире в его окончательной форме предусматривал, что Карфаген должен был не только отказаться от Сицилии, но и уплатить в течение десяти лет контрибуцию размером в 3200 талантов[16]. На этом в 241 году закончилась так называемая Первая пуническая война, первая война между Карфагеном и Римом.

Однако, избавившись от одной опасности, Карфаген столкнулся с другой, ничуть не менее грозной. Нужно было выплачивать наемным солдатам жалованье, а денег не было. Пунийские правители не нашли ничего лучшего, как отправить наемников в глубь Африки. Там их надеялись успокоить и уговорить либо отказаться от своих требований, либо удовлетвориться частью жалованья. Но подобные попытки были заранее обречены на неудачу. Когда терпение наемников истощилось, они решили, арестовав присланных к ним пунийских чиновников, двинуться на Карфаген. Их выступление, которое возглавили ливийский воин Матос и беглый раб Спен-

[16] *Талант* — единица веса, равная 25,9 кг. Как денежная единица талант состоял из 60 мин, или 7 тыс. драхм (серебряных денежных единиц Древней Греции).

дий, послужило сигналом для общего восстания ливийского крестьянства. Оно было вызвано притеснениями карфагенских наемников, беспощадно выколачивавших из населения тяжелые подати. Движение охватило всю страну. Временами Карфаген оказывался на краю гибели. Только двинув против повстанцев свои лучшие войска во главе с талантливым полководцем Гамилькаром Баркой, пунийцам удалось сломить восставших. В 239 году Карфаген, казалось, снова обрел спокойствие.

Теперь основной целью внешней политики Карфагена стал реванш. Чтобы подготовить новую, на этот раз победоносную войну с Римом, Гамилькар Барка высадился в 237 году в Гадесе и начал планомерное завоевание Пиренейского полуострова, который предполагалось превратить в основную базу будущих операций. После его смерти в 229/8 году эту же политику продолжали его зять Гасдрубал, а затем и его сын Ганнибал, по требованию народных масс Карфагена принявшие на себя командование войсками на Пиренеях. В особенности важным шагом было создание на месте города Мастиены на Пиренейском полуострове пунийской колонии Новый Карфаген (современная Картахена), неподалеку от богатых серебряных рудников, на которых работали до сорока тысяч рабов. Условия труда на рудниках были невыносимо тяжелыми, и рабы там гибли десятками тысяч. Впрочем, их судьба никого не тревожила: ведь купить новых рабов было дешевле, чем кормить уже купленных. Каждый день на землю извлекалось на 25 тысяч драхм серебра. В Новом Карфагене хранились значительные денежные запасы. При взятии его римляне захватили более шестисот талантов серебра из государственной казны. Это было серебро, добытое на рудниках. Население города без рабов составляло, по-видимому, около сорока тысяч человек, в основном ремесленники и мореходы. Новый Карфаген стал и крупнейшим торговым портом: ячмень и пшеницу из Северной Африки, оружие, медь, холст, испанское волокно — все это можно было найти в его гавани.

Встревоженные римляне сделали все, чтобы приостановить продвижение карфагенян на север. Однако единственное, что им удалось,— заключить договор с Гасдрубалом в 226 году, по которому карфагеняне обязались не переходить реку Ибер (современное Эбро); она, таким образом, признавалась северной границей сферы карфагенского господства на Пиренейском полуострове.

Однако обе стороны понимали, что это решение временное. В начале 219 года Ганнибал, имея в тылу «умиротворенные» огнем и мечом иберийские племена Испании, решился на открытый конфликт с Римом. Он осадил Сагунт — иберийский город южнее Ибера, находившийся в союзе с римлянами, и после восьмимесячной осады сломил героическое сопротивление горожан. Их надежды на помощь Рима не оправдались. Только в 218 году римляне формально объявили Карфагену войну. Весной того же года Ганнибал, захвативший инициативу в свои руки, переправился на левый берег Ибера и двинулся на север. Надеясь приостановить продвижение пунийских войск, один из римских консулов, Публий Корнелий Сципион, поспешил

в Массалию, чтобы помешать Ганнибалу переправиться через Родан. Но выполнить этот замысел Сципиону не удалось. Обманув его, пунийцы благополучно форсировали реку и, не вступая в сражение, продолжали свое поспешное движение на восток, в Италию. Сципион, установив, куда направляется Ганнибал, тут же отплыл в Италию. При этом, справедливо рассудив, что Испания служит важнейшей тыловой базой пунийцев, он отправил туда своего брата Гнея Корнелия, приказав ему очистить полуостров от пунийских войск.

Тем временем Ганнибал, ценой огромных потерь перейдя Альпы (это произошло впервые в истории военного искусства), явился в Северную Италию. Попытка римлян остановить его наступление не увенчалась успехом: сначала в битве на реке Тицине была разгромлена армия Сципиона, а затем при Требии вместе с остатками этой последней и войска другого консула — Тиберия Семпрония Лонга. Весной 217 года по кратчайшему пути через болотистую долину реки Арно Ганнибал вторгся в Центральную Италию. Римские войска, которыми командовал консул Гай Фламиний, находились у горных проходов Аримин и Арретий; теперь они оказались обойденными. Бросившись следом за пунийцами, Фламиний попал в засаду у Тразименского озера и там, потерпев поражение, погиб в бою. Но Рим располагал еще значительными резервами, и для организации обороны в этом районе был назначен диктатор, выходец из знатного патрицианского рода Квинт Фабий Максим.

Пока Ганнибал хозяйничал в Центральной и Южной Италии, римский диктатор избегал открытого боя. Он стремился, сохраняя в целости свои войска, измотать армию Ганнибала, заставить его воинов страдать от голода и жажды, а затем уничтожить. Поэтому он всячески уклонялся от боя, который ему навязывал пунийский военачальник. Ганнибал отлично понимал смысл этой тактики. Чтобы добиться сражения, он пытался скомпрометировать Фабия: разграбив все поля, он приказал не трогать имущество диктатора. Он поощрял и Минуция, начальника конницы при диктаторе, ставленника демократических кругов, который настойчиво искал боя. Вопреки обычаю, Минуций был уравнен в правах с диктатором и получил в свое распоряжение часть римской армии. Ганнибалу без особого труда удалось его разгромить; от полной гибели незадачливого полководца спас Фабий.

Тактика римлян позволяла им вырвать из рук противника инициативу. Она настолько себя оправдала, что, когда срок диктаторских полномочий Фабия истек, консулы повели войну тем же испытанным способом. В войсках Ганнибала начался голод и, естественно, солдатские бунты. Ганнибал метался в поисках выхода и, наконец, решил отходить в Апулию.

Однако римские демократы были очень недовольны политикой аристократа Фабия, которая несла им разорение и нищету. Они требовали ведения активной, наступательной войны и скорейшего изгнания из Италии пунийских войск. Ставленник народных масс консул Гай Теренций Варрон 2 августа 216 года дал Ганнибалу

сражение у Канн и... потерпел поражение. Римская армия была почти полностью уничтожена, города Южной Италии во главе с Капуей открыто перешли на сторону карфагенян, видя в них избавителей от римского гнета, дорога на Рим, который не имел войск для обороны, была открыта.

Однако Ганнибал не сумел воспользоваться плодами своей блестящей победы. Захват Рима дал бы ему возможность не только быстро окончить войну, но и подчинить себе всю Италию. Такой план выдвигался карфагенскими военачальниками сразу же после битвы. Командовавший карфагенской конницей Махарбал предлагал Ганнибалу немедленно идти на Рим, предупредив конной атакой возможную попытку римлян уйти из города. Ганнибал не принял этого предложения.

В науке было много споров о том, почему он так поступил и насколько он был прав. Одни считают, что Ганнибал стремился не к захвату Рима, а к его капитуляции и с этой целью хотел поставить под свой контроль всю Италию. Другие думают, что осада Рима или его штурм не принесли бы Ганнибалу успеха.

Как бы то ни было, Рим получил передышку и возможность накопить новые силы. Это и предрешило исход всей войны. Постепенно римлянам удалось восстановить свои позиции в Южной Италии, в Сицилии и на Пиренейском полуострове. В особенности тяжелые последствия для Ганнибала имела потеря Капуи и падение в Испании Нового Карфагена. Гасдрубал Баркид, который должен был привести в Италию новые пунийские войска, погиб. Ждать подкреплений больше было неоткуда. Ганнибал оказался в безвыходном положении. Весной 204 года римский полководец Сципион высадился в Африке неподалеку от Утики. Тогда карфагенский совет решил вступить в мирные переговоры (весной 203 г.) с Римом и вызвал Ганнибала из Италии. После его прибытия война возобновилась, но в битве при Заме (202 г.) карфагеняне потерпели уже решающее поражение. Война была фактически окончена. По условиям мирного договора, заключенного в следующем году, Карфаген потерял все свои владения за пределами Северной Африки, должен был передать часть своих территорий нумидийскому[17] царю Массанассе, оказавшему римлянам большие услуги в их борьбе с Карфагеном, уплатить огромную контрибуцию и, что наиболее существенно, лишился многих своих суверенных прав: отныне он мог вести войну лишь с разрешения римлян. Ясно, что это не только открывало широкие перспективы для римского вмешательства, но и ограничивало возможности карфагенян обороняться против возможных противников.

Ганнибал, придя к власти на гребне мощного демократического движения, сделал все, чтобы подготовить Карфаген к возобновлению борьбы, отнюдь еще, по его мнению, не законченной. С этой целью он установил свою единоличную диктатуру;

[17] ***Нумидийцы, или номады (кочевники),*—так в произведениях древнегреческих и римских писателей назывались кочевые ливийские племена, жившие на территории современного Алжира, неподалеку от границ Карфагенской державы.**

выборные должностные лица теперь должны были регулярно отчитываться перед ним в своих действиях. Он реорганизовал и совет ста четырех, который превратился в выборный орган: его члены стали ежегодно сменяться. Карфагенская аристократия утратила эту важнейшую цитадель своего господства. Ганнибал всячески покровительствовал развитию пунийской торговли; карфагенские купцы вели широкие коммерческие операции в Балканской Греции, Причерноморье и в компании с египетскими даже плавали на юг Красного моря, в «Страну ароматов» (вероятно, побережье Сомали). Особое место в политике Ганнибала занимали переговоры, которые он вел с сирийским царем Антиохом о совместных действиях против Рима.

Карфагенская аристократия резко враждебно относилась к деятельности Ганнибала и, чтобы избавиться от него, пошла на открытое предательство. В Рим был направлен донос о том, что Ганнибал замышляет новую войну. Естественно, римский сенат потребовал выдачи неугомонного противника, но тому удалось бежать на восток, где он пытался продолжать борьбу против Рима. Но эти попытки не принесли ему успеха; Ганнибал был вынужден покончить с собой, приняв яд.

Плоды нарочитой политической неопределенности, которой добивался Рим, не устанавливая точных границ между Карфагеном и недавно образовавшимся Нумидийским царством и запрещая Карфагену вести войны, не замедлили сказаться. Между Массанассой и пунийскими властями начались непрерывные конфликты из-за различных спорных территорий, пока, наконец, вооруженное столкновение (150 г. до н. э.) не дало римлянам желанного повода к началу военных действий. В 149 году началась новая война (Третья пуническая), целью которой стало для римлян полное уничтожение некогда грозного противника. Изречение сенатора Катона: «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен» определяло политику Рима по отношению к этому городу. Пока Карфаген стоял на своем месте, пока его корабли бороздили воды Средиземного моря, большинство сенаторов испытывали постоянное беспокойство. Им казалось, что враг у ворот и с минуты на минуту повторятся ужасы ганнибалова нашествия. Поэтому они не приняли ни оправданий карфагенского совета, ни даже сдачи безоружного города. Карфаген должен быть разрушен, а его жители должны быть переселены подальше от моря —таково было их требование.

Узнав об этом, карфагенское правительство (у власти в этот момент стояли демократы) решилось на отчаянное сопротивление. Неприступные стены на первых порах могли защитить Карфаген от штурма, в городе были освобождены рабы, влившиеся в армию, в мастерских ковалось оружие, на верфях строили корабли. Осажденные защищались с большим упорством: в течение двух лет римляне не могли добиться победы. Только в 147 году по приказанию Сципиона Эмилиана город был обнесен внешней осадной стеной и полностью с моря и суши изолирован от

остального мира. Весной 146 года римлянам удалось через один из участков стены проникнуть в гавань, а оттуда начать наступление к центру. Шесть дней на кривых улочках горящего города среди многоэтажных домов продолжались ожесточенные бои.

Около пятидесяти тысяч человек попали в плен в карфагенской крепости Бирсе и были проданы в рабство.

Наконец, последние очаги сопротивления были подавлены. По приказанию сената место, на котором много веков назад был основан Карфаген, распахали, предали проклятию и постановили впредь не заселять.

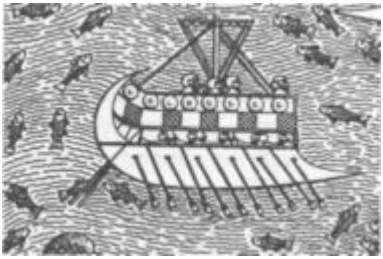
Но гибель Карфагена не повлекла за собой гибели пунической культуры. Хотя в Северной Африке начали очень энергично внедряться латинский язык и римская культура, старинные западнофиникийские города, как, например, Большой Лептис, даже в своей официальной документации продолжали пользоваться финикийским языком. Даже на самой грани средневековья сельские жители Северной Африки считали себя финикиянами и разговаривали только на этом языке. Известны случаи, когда выходцы из этих районов совершенно не владели латынью. Вероятно, только после арабского завоевания Северной Африки и распространения там языка новых завоевателей, близкого к финикийскому, последний был окончательно вытеснен.

Пунийцы оказали большое влияние и на культуру ливийцев — коренного населения Северной Африки. Местные цари хранили в своих библиотеках книги пунийских авторов, их дворцы и мавзолеи строили карфагенские архитекторы, а почетные надписи на них вырезали обычно на финикийском и ливийском языках.

Даже в государственном строе североафриканских городов сохранились черты, унаследованные от карфагенян. Недаром высшие должностные лица там продолжали именоваться суффетами.

К сожалению, мы еще многого не знаем о карфагенянах. Надо надеяться, что раскопки, ведущиеся на территории Северной Африки, дадут в руки исследователей такие материалы, которые позволят открыть новые страницы яркой истории этого древнего города.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАРФАГЕНСКОЙ ДЕРЖАВЫ



Светлой памяти
Сергея Ивановича Ковалева

ВВЕДЕНИЕ

При изучении отдельных рабовладельческих государств Средиземноморского бассейна нельзя не отметить, что одной из форм их экономической и политической экспансии было основание колоний. Так, известно, что шумерийские и аккадские государства Южного Двуречья организовали для обеспечения своей торговли в верховьях Тигра и Евфрата ряд торговых колоний и факторий, на базе которых впоследствии выросли такие крупные центры, как Мари в долине Евфрата и Ашшур на Тигре[1]. В свою очередь Ашшур также основал ряд торговых колоний; из них наиболее известны находившиеся в Малой Азии Канес, Бурушханда, Дурхумит, а за ее пределами — Уршу (впоследствии Эдесса, совр. Урфа)[2]. В Библии имеется указание на то, что иудейский царь Иосафат построил на границе своего государства несколько крепостей, где, вероятно, хранились запасы продовольствия для нужд войска; в тексте употреблен термин 'are miskenot, т.е. «города-кладовые» (II Chr., XVII, 12). Предполагают, что источник, к которому восходит сообщение хрониста, имел в виду недавно открытые поселения на границе Иудеи и Моава — города Мидцин (совр. Хирбет Абу Табак), Пибшан (совр. Хирбет эль-Макари), Секака (совр. Хирбет эс-Самра) и Ир Гаммелах (совр. Хирбет Кумран). Археологически основание этих поселений датируется IX в. до н. э.[3] Весьма вероятно, что постройка городов-крепостей сопровождалась переселением в указанный район безземельных крестьян и раздачей им земельных наделов. Таким образом, даже сравнительно слабые и отсталые земледельческие государства оказывались вынужденными создавать коло-

[1] *Дьяконов И. М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1948. С. 13.
[2] *Landsberger B.* Assyrische Handelskolonien in Kleinasien aus dem dritten Jahrtausend. Der alte Orient, Bd. 24, Leipzig, 1925; *Дьяконов И. М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. С. 14-18.
[3] *Cross F.M., Milik J. T.* Explorations in the Judaean Buqe'ah // BASOR Ю N142. 1956. P. 5-11; *Cross F. M.* A footnote to Biblical history // The Biblical Archaeologist. 1956. N1. P. 12-17.

нии как за своими пределами, так и на не освоенных территориях внутри страны. В различных районах Средиземноморского бассейна основывали свои колонии финикияне. Позднее карфагеняне основывали города на побережье Северной Африки, в южной Испании, в Сардинии и за Гибралтаром, на берегах Атлантического океана. В VIII-VII вв. греческие полисы создавали свои колонии в Северной Африке, Сицилии, Южной Италии, Лигурии, на Пиренейском полуострове и на побережье Черного моря. Обширные территории Северной и Центральной Италии были колонизованы этрусками[4]. Наконец, римляне в различные периоды истории организовывали колонии на всем пространстве своего постоянно возраставшего государства. Все эти факты показывают, что перед нами не случайные, единичные явления, а закономерный процесс.

Между тем в советской исторической науке еще не поставлена в целом проблема основных закономерностей колонизационного движения, главным образом по причине недостаточной изученности истории основания колоний в отдельных областях Средиземноморского бассейна. Лучше всего изучена греческая колонизация VIII—VI вв. — освоение греками Северного[5] и Западного Причерноморья[6] Пиренейского полуострова,[7], Сицилии и Кирены[8]. В трудах С.Я.Лурье[9] и К.М.Колобовой[10] были поставлены и некоторые общие вопросы истории греческой колонизации. Основные выводы, к которым пришла советская историческая наука в процессе изучения указанного вопроса, могут быть сформулированы следующим образом. Причину колонизационного движения греков следует искать не в «перенаселении» эллинских городов как таковом, а в конкретных условиях их экономической и политической жизни в данный период. Рост частнособственнических отношений в греческих полисах и обезземеливание крестьянства, рост ремесла и торговли и необходимость освоения рынков за пределами данного полиса и самой Греции, развитие рабовладения на основе эксплуатации привозных рабов-чужеземцев при одновременной ликвидации рабства-должничества — таковы были первые предпосылки колонизации. Необходимость ввоза рабов, хлеба, сырья, поиски рынков для ремесленной продукции,

4 Залесский И. И. **1) Этруски в Риме // НДВШ. 1958. №1. С. 97-107; 2) Этруски в Лигурии // ВДИ. 1958. №1. С. 52-71; 3) К истории проникновения этрусков в область фалисков и города Капены. Уч. зап. ЛГУ. Вып. 28. 1958. С. 3-20; 4) Этруски в Северной Италии. Л., 1959.**

[5] *Жебелев С. А.* **Северное Причерноморье. М.; Л., 1953;** *Иессен А. А.* **Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947;** *Гайдукевич В. Ф.* **Боспорское царство. М.; Л., 1949;** *Каллистов Д. П.* **Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949;** *Книпович Т. Н.* **Танаис. Л., 1947.**

[6] *Блаватская Т. В.* **Западнопонтийские города в VIII—I вв. до н.э. М., 1952.**

[7] *Петерс Д. Д.* **Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. Уч. зап. МГПИ, 1942;** *Мишулин А. В.* **Античная Испания. М.; Л., 1952.**

[8] *Колобова К. М.* **Из истории раннегреческого общества. Л., 1951. С. 143сл.**

[9] *Лурье С. Я.* **История Греции. Ч. 1. Л., 1940. С. 93 сл.**

[10] *Колобова К. М.* **Из истории раннегреческого общества. С. 143-169.**

а также для сельскохозяйственных товаров (вино, оливковое масло и т.д.) способствовали установлению прочных торговых связей Греции с различными областями Средиземноморья. Из сказанного становится понятным, почему греческие колонии возникали на трассах древнейших, преимущественно морских, торговых путей, а основанию колоний предшествовал длительный период доколонизационных связей, период освоения греками средиземноморских и черноморских торговых путей и рынков.

Основанные греками колонии должны были обеспечить им господство на торговых путях, преодолев сопротивление возможных противников. Кроме того, важной проблемой, стоявшей перед греческими полисами, была необходимость ликвидировать малоземелье и обезземеливание крестьянства, иными словами, уничтожить почву для возникновения социальных конфликтов внутри греческих городов, чем объясняется привлечение к основанию колоний земледельческого населения. Но эта цель так никогда и не была достигнута. На развитие колонизационного движения существенное влияние оказывала социальная борьба внутри греческих полисов. Часто колонии основывались группировками, потерпевшими поражение в ходе этой борьбы. Однако, как показывает пример Акраганта, направление колонизационного движения обычно соответствовало торговым интересам данного полиса. Наконец, чрезвычайно важный вывод советской исторической науки заключается в том, что греческие колонии, будучи в значительной степени зависимыми от местного населения, возникали только тогда, когда местное население колонизируемой территории достигало достаточно высокого уровня общественного развития, при котором мог осуществляться взаимный обмен. Из этого, разумеется, не следует, что, чем выше уровень развития соответствующего общества, тем благоприятнее условия для колонизации данного района. Пример финикийской торговой экспансии в Эгейский бассейн показывает, что когда в данном районе уже сложилось классовое общество, развилось товарное производство и возникло государство, колонизация этой территории извне оказалась затрудненной.

Одним из наиболее темных моментов в истории колонизационного движения является финикийская колонизация Западного Средиземноморья. В советской исторической науке исследовались лишь отдельные, частные проблемы этой темы: финикийская колонизация Пиренейского полуострова[11], финикийская колонизация Эгеиды и Сицилии[12]. Краткий очерк истории финикийской колонизации имеется в изданной Институтом истории АН СССР «Всемирной истории»[13], а также в

[11] ***Петерс Д. Д.*** **Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. С. 5-25;** ***Мишулин А. В.*** **Античная Испания. М.; Л., 1952.**

[12] ***Колобова К. М.*** **Из истории раннегреческого общества. С. 71-83, 190.**

Всемирная история. Т. I. М., 1956. С. 497-501.

неопубликованной диссертации М. Л. Гельцера[14]. Одна из задач настоящей работы—исследовать процесс финикийской колонизации Западного Средиземноморья и определить его наиболее характерные черты.

Настоящее исследование посвящено также ранней истории Карфагена. На базе финикийских колоний в Западном Средиземноморье в VIII-V вв. до н. э. сложилась Карфагенская рабовладельческая держава, на протяжении сотен лет бывшая крупнейшим государством в этом районе — «соперницей римской власти» (aemula imperi Romani), по точному определению Саллюстия (Bell. Catil., X, 1).

В советской литературе проблеме становления Карфагенской державы были посвящены работы Н. Я. Марра[15] и Н. А. Машкина[16]. По своему качеству эти работы далеко не равноценны. Труд Н. Я. Марра представляет собой фантастическую в своей основе попытку доказать, что Карфаген существовал еще до появления финикиян на территории Северной Африки. Лингвистические параллели с этнонимикой и топонимикой Кавказа, которые привлек Н. Я. Марр в обоснование своего тезиса, произвольны и не обнаруживают каких-либо закономерных фонетических соответствий с североафриканским материалом. Кроме того, точка зрения Н. Я. Марра противоречит единодушным показаниям античной традиции и наличному археологическому материалу. Статья же Н. А. Машкина представляет собой краткую сводку тех выводов, к которым пришла зарубежная карфагенистика первой трети XX столетия. Вполне естественно, что она в значительной степени уже устарела. К тому же целый ряд важных документов и археологических материалов остался вне сферы внимания Н. А. Машкина.

В истории Карфагенской державы можно отчетливо выделить три периода:

1) период становления Карфагенской державы (XI —середина V в. до нэ.);

2) период расцвета Карфагенской державы (середина V — середина III в. до н. э.);

3) период Пунических войн (середина III —середина II в. до н.э.).

Настоящая работа посвящена первому, наименее изученному периоду истории Карфагена, когда формировались черты, характерные для Пунийской державы в период ее расцвета, — господство крупнорабовладельческого производства в ремесле и в сельском хозяйстве, а также система эксплуатации свободных мелких производителей.

Для Карфагена, как и для некоторых иных государств древнего мира, выросших из старинных колоний, характерен исключительно быстрый темп развития. Отмечая этот факт, К. Маркс и Ф. Энгельс объясняли его тем, что основатели таких

[14] *Гельцер М. Л.* **Очерки социальной и экономической истории Финикии во II тысячелетии до н. э. Канд. дис. (рукопись). Л., 1954. С. 247-255.**

[15] *Марр Н. Я.* **Карфаген и Рим, fas и jus // *Марр Н.Я.* Избранные работы. Т. IV. М.; Л., 1937. С. 186-191.**

[16] *Машкин Н. А.* **Карфагенская держава до Пунических войн // ВДИ. 1948. №4. С. 35-54.**

колоний являлись, как правило, носителями более передового производства[17]. Это обстоятельство делает изучение истории Карфагена, в особенности раннего периода его истории, чрезвычайно важным и интересным.

Каких-либо оригинальных памятников карфагенской литературы до наших дней не сохранилось, хотя она была, вероятно, значительна и разнообразна как по жанрам, так и по своему содержанию. Эпиграфические материалы чрезвычайно скудны и в некоторых случаях не позволяют сделать бесспорных выводов. Археологические памятники раннего периода в большинстве колонизованных финикиянами пунктов пока не обнаружены. Поэтому основным источником в нашей работе являются отрывочные свидетельства античной традиции. Античных историков финикияне и пунийцы интересовали лишь постольку, поскольку они входили в соприкосновение с греко-римским миром. Поэтому «внутренняя» история Карфагена лишь благодаря случайным упоминаниям находила свое отражение в их произведениях. Исключение в этом отношении составляют труды Помпея Трога (в переложении Юстина), специально изучавшего origines различных народов и государств[18], а также «Политика» Аристотеля, который уделил специальную главу описанию современного ему государственного строя Карфагена. Для Аристотеля государственный строй Карфагена был до известной степени образцом «правильного» государственного строя, при котором ликвидированы социальные конфликты. В условиях беспокойного IV в. до н. э. эта проблема была для греческих полисов чрезвычайно актуальной. Но отрывок из труда Аристотеля дает возможность лишь для некоторых ретроспективных умозаключений. Эпитома же Юстина слишком кратка и не содержит многих важных подробностей. Краткость, отрывочность и подчас случайность сведений по ранней истории Карфагена весьма затрудняют ее изучение.

Глава первая

ФИНИКИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЗАПАДНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

В истории финикийской колонизации Западного Средиземноморья ведущая роль принадлежала Тиру, бывшему в конце II тысячелетия до н. э. гегемоном среди финикийских городов-государств. Ни об основании Тира, ни о его ранней истории сколько-нибудь подробными сведениями мы не располагаем. Согласно тем источникам, которые мог использовать Помпей Трог (вероятнее всего, одна из не дошедших

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е. Т. 3. С. 73.

18 Зельин К. К. **1) Общие черты исторической концепции Помпея Трога // ВДИ. 1948. №4. С. 208-222; 2) Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae*. ВДИ, 1954, №2, стр. 183-202.**

до нас «Историй финикиян»[1]), Тир был основан сидонянами за год до гибели Трои, причем легенда подчеркивает, что именно Сидон был древнейшим городом Финикии (Iust., XVIII, 3,1-5). Традиция об основании Тира сидонянами нашла отражение и в иудейско-израильской литературе. Так, у Исайи (XXII, 12) Тир именуется «дочерью Сидона» (bat sidön; в ханаанейских языках имена городов женского рода). Однако это предание следует признать недостоверным. Тир, как известно, играл значительную роль в истории Сирии и Палестины уже в середине II тысячелетия до н.э., в период эль-амарнской переписки. Таким образом, хронологическое сопоставление времени основания Тира с датой гибели Трои можно целиком отнести за счет творчества греческих (или эллинизованных) историков, тем более что они целый ряд событий, относившихся к глубокой, «незапамятной» древности, обычно датировали временем падения Трои.

В современной историографии высказывалось предположение, что Тир был разрушен «народами моря», а затем восстановлен сидонянами; традиция Помпея Трога, по мысли приверженцев этой точки зрения, отражает вторичное основание города[2]. Однако эти соображения не согласуются с показаниями других источников. В самом деле, если бы имело место повторное основание Тира сидонянами, оно должно было бы найти свое отражение в местном летосчислении. Трудно было бы ожидать, чтобы новые поселенцы восприняли традиции предшествовавшего им населения, тем более опасного соперника предполагаемого основателя города. Между тем, как следует из сообщения Геродота (II, 44), в Тире велось непрерывное летосчисление от момента основания города. Жрецы местного храма Мелькарта датировали его временем за 2300 лет до того момента, как Геродот посетил Тир.

Можно предполагать, что предание, дошедшее до нас в кратком изложении Юстина, возникло в период борьбы Сидона и Тира за первенство и представляло собой попытку Сидона обосновать свои притязания на господство над Финикией, и в частности над Тиром. Примечательно, что не только Юстин (XVIII, 3, 3-4) считал Сидон древнейшим городом Финикии, но и в Библии, т. е. в источнике, от античной традиции не зависимом, в известной «Таблице народов» (Gen., X, 15), Сидон назван первородным сыном Ханаана (bekörö)[3].

[1] **В числе авторов «Историй финикиян» (τά Φοινικικά) Иосиф Флавий (Ant. Iud., I, 4) называет Гесиода, Гекатея, Гелланика и Акусилая. По-видимому, Иосиф Флавий имел в виду соответствующие разделы сочинений указанных авторов, посвященных общим историко-географическим вопросам. Однако упоминание о «Финикийской истории» Гесиода вряд ли соответствует действительности. Помпей Трог мог воспользоваться трудами Менандра и Дия по истории финикиян (ср.: *Тураев Б. А.* Остатки финикийской литературы. СПб., 1903).**

[2] ***Eissfeldt O.*** **Phoiniker und Phoinikia. P.-W. RE. Halbbd. XXIX. 1941. P. 350-380; *Гельцер М. Л.* Очерки социальной и экономической истории Финикии во II тысячелетии до н.э. С. 235.**

[3] **В античной традиции сохранилось указание, согласно которому слово «Ханаан» (Xvä) было древнейшим названием Финикии (Ael. Herod., Περί μον. λεξ., I, 19).**

Иные сведения об основании Тира мы находим у Геродота, посетившего Тир и беседовавшего со жрецами храма Мелькарта. Общеизвестная добросовестность Геродота в передаче всего им лично виденного и слышанного не позволяет усомниться в том, что и в данном случае он точно воспроизвел все услышанное им от жрецов храма Мелькарта. «Они сказали, — писал Геродот (II, 44), — что одновременно с основанием Тира был основан и храм, а с того времени, когда они основали Тир, прошло две тысячи триста лет». Иначе говоря, согласно сведениям, полученным Геродотом, основание Тира следует датировать XXVIII в. до н. э. Однако достоверность рассказа Геродота еще не позволяет решить утвердительно вопрос о достоверности тирской жреческой традиции как таковой. Наиболее вероятно, что Геродоту была сообщена исходная дата тирской эры, «высчитанная» жрецами местного бога «от основания города». Пример Рима достаточно красноречиво показывает, что исходная дата такой эры и время появления в данной местности первых поселений могут и не совпадать. Несомненным можно признать только то, что уже в начале III тысячелетия до н. э. финикияне жили на восточном побережье Средиземного моря и что Тир наряду с Библом был одним из древнейших финикийских поселений в этом районе.

Судя по тому, что Тир занимал островное положение, основным занятием населения здесь первоначально было рыболовство. Не случайно египетский источник еще во времена Рамзеса II отмечал обилие в этом городе рыбы (Pap. Anast., I, 21).

Удобное географическое и стратегическое положение Тира, как великолепной гавани и неприступной крепости, позволило ему рано стать крупным торговым и ремесленным центром Финикии. Судя по тому, что в период эль-Амарны Тир занимал проегипетскую позицию, можно утверждать, что к середине II тысячелетия до н. э. он имел прочные торговые связи с Египтом. Как показывают данные архивов Мари, уже в первой половине II тысячелетия до н. э. Тир имел торговые связи и с Месопотамией (ARM, III, 44, 9).

Значение Тира в ближневосточной и средиземноморской торговле особенно возросло к концу II тысячелетия. Он стал признанным поставщиком ливанского кедра. Царь Тира Хирам поставлял израильско-иудейскому царю Давиду кедр для постройки царского дворца (II Sam., V, 11). Преемник Давида, Соломон, приобрел у Хирама для постройки в Иерусалиме храма Йахве ливанский кедр и кипарис (I Reg., V, 15-26). Представляют интерес некоторые детали этого соглашения. В обмен на поставку Тиром высокоценной древесины израильско-иудейский царь обязался ежегодно поставлять своему контрагенту 20 тысяч кор пшеницы и 20 тысяч кор высококачественного оливкового масла[4]. Пользовались доброй славой и тир-

4 Кор — иудейско-израильская единица измерения жидких и сыпучих тел, равная в среднем ок. 220.

ские ремесленники. Дом для Давида в Иерусалиме строили тирийцы — плотники и каменотесы (II Sam., V, 11), на постройке Иерусалимского храма работал искусный тирский медник (I Reg., VII, 13 сл.). К концу II тысячелетия Тир имел уже прочные торговые связи и с легендарными странами Таршиш (Тартесс, южное побережье Испании) и Офир (вероятно, Сомали). Можно предполагать, что в конце II тысячелетия тирийцы вели активную торговлю в Эгейском бассейне. Финикияне упоминаются в качестве торговцев в «Одиссее» (XV, 425; XIX, 287-297). О развитии финикийской торговли в древнейшей Греции сообщают также Геродот (I, 1; VI, 47; V, 58) и Фукидид (I, 8, 1).

Крупнейшим тирским экспортером был царь. Он имел свою долю не только в торговле Тира в Сирии и Палестине, но и в морской торговле города. В библейских текстах упоминаются корабли, принадлежавшие тирскому царю Хираму ('oni hiram) и иудейско-израильскому царю Соломону ('oni tarsis lammäläk — «таршишский корабль, принадлежащий царю») (I Reg., X, 11 и 22). Однако это не значит, что не было кораблей, принадлежавших другим представителям тирской знати. Интенсивное развитие торговли, приток в Тир драгоценностей и рабов способствовали накоплению богатств, углубляли пропасть между купеческо-аристократической верхушкой и народными массами.

Было бы, однако, ошибочным предполагать, что занятия тирийцев сводились исключительно к торговле и связанному с торговлей ремеслу. Под властью Тира находилась значительная часть материковой Финикии, с которой Тир, находившийся на острове, был связан через Усу (Παλαίτυρος), располагавшийся в непосредственной близости от него на побережье. Когда противник тирского царя Абимильки сидонский владетель Зимрида захватил Усу, всякая связь Тира с материком оказалась прерванной, в город прекратилась доставка воды и продовольствия.[5] Помимо Усу, под властью Тира находился целый ряд и других населенных пунктов — современные Умм эль-Авамид, Телль-Масук, Рас эль-Айн, Телль-Решидийе. Раскопками, произведенными в указанных пунктах, обнаружены остатки жилых домов, цистерны для накопления запасов воды и погребения. В Рас эль-Айне открыты остатки системы оросительных каналов, вода в которые поступала из источника. Точно датировать эти поселения не представляется возможным; предполагают, что они появились в глубокой древности[6]. Они были, несомненно, земледельческими. Показательно, что египетский источник упоминает во владениях Тира krt 'nb — «город винограда»[7]. Земледельческие районы во владениях Тира, Шихор и Иеор, упомянуты и в пророчестве Исайи (XXIII, 3), касающемся судьбы этого города. О немаловажном значении, которое придавалось в Тире земледелию, свидетельству-

[5] ***Knudtzon.*** **Die El-Amarna Tafeln. Leipzig, 1908-1909. N149.**
[6] ***Eissfeldt.*** **Τύρος. P.-W. RE. 2. Reihe. Bd. 7. Halbbd. 14. 1948.**
[7] ***Jirku A.*** **Die Ägyptischen Listen Palästinensischer und Syrischer Ortsnamen. Leipzig, 1937. S. 32.**

ют и следующие слова в одном из эль-амарнских писем: «Не рожала земля, пока не услышал я дружественного посланника, что от моего господина»[8].

Но если существование земледельческого хозяйства в Тире неоспоримо, то о положении земледельческого населения здесь прямыми указаниями мы не располагаем. Некоторый свет на этот вопрос могут пролить материалы, относящиеся к другим финикийским городам, поскольку положение во всей Финикии, надо думать, было примерно одинаковым. Согласно имеющимся данным, сельские общины, находившиеся на территории, принадлежавшей Угариту, привлекались к несению повинностей в пользу государственной власти — выполнению натуральных поставок (хлеба, вина, волов) и отработок. Из опубликованных недавно документов явствует, что царь мог передавать доходы, получаемые с сельских общин, частным лицам. В Угарите существовала и купля-продажа земли, а также передача ее по наследству согласно воле завещателя, что, очевидно, свидетельствует о тенденции к прекращению переделов земли и возникновению частной собственности либо частного владения землей[9]. Наряду с общинными землями в Угарите были и царские земли. Царь наделял землей за службу, в том числе и за военную. Такие участки могли получать и ремесленники, а также пастухи, находившиеся на царской службе. Известны факты продажи царской земли[10].

Как известно, колонии Тира, сохранявшие зависимость от метрополии, должны были совершать различные выплаты в пользу последней (Fl. Ios., Ant. Iud., VIII, 146). Весьма вероятно, что и селения, подвластные Тиру в собственно Финикии, были также обложены повинностями в пользу государства.

О положении ремесленников в Тире имеются сведения, относящиеся непосредственно к периоду колонизации. В Библии (I Reg., X, 15-25) рассказывается о том, что тирский царь Хирам оказал иудейско-израильскому царю Соломону помощь в строительстве храма. Эта помощь выразилась не только в поставках строевого леса, но и в посылке «рабов его» ('abadaw) для порубки ливанского кедра. Слово 'abad в данном контексте может и не означать непосредственно рабскую зависимость. В надписи CIS, I, 5, датируемой серединой VIII в., правитель кипрского Карфагена, носящий титул skn и занимающий видное общественное положение,[11] назван «рабом» ('bd) Хирама, царя сидонян. Нелишне отметить, что в эль-амарнской переписке правители финикийских городов, полунезависимые и почти независимые царьки, называют себя «рабами» (ardu) египетского царя. Аналогичное словоупотребление

[8] *Knudtzon.* **Die El-Amarna Tafeln. N 147, строки 29-31.**

[9] *Гельцер М.Л.* **1) Материалы к изучению социальной структуры Угарита // ВДИ. 1952. №4. С. 30-31; 2) Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите // ВДИ. 1960. №2. С. 86-90.**

[10] *Гельцер М. Л.* **Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите, стр. 86-90.**

[11] *Винников И. Н.* **Эпитафия Ахирама Библского в новом освещении // ВДИ. 1952. N4. С. 143-144.**

мы находим и в Библии. Давид в разговоре с Саулом (I Sam., XVII, 34) называет себя его «рабом» ('abdeka), явно не будучи рабом Саула в прямом смысле этого слова. В другом месте (II Sam., III, 18) Давид назван «рабом» ('abdl) бога Йахве. Таким образом, как в финикийском, так и в еврейском языке термин 'bd — 'äbäd, аналогично греческому δούλος, мог употребляться не только для обозначения рабов как таковых, но и для обозначения лиц, находившихся в состоянии несвободы, зависимости, подчиненности. Можно предполагать, следовательно, что лесорубы, «рабы» Хирама, не были рабами в собственном смысле, но в то же время находились в определенной зависимости от царя. Библия (I Reg., V, 32), сообщая о том, что в постройке дворца принимали участие «строители Хирама» (bone hirom), не называет их прямо рабами, хотя и указывает на их зависимость от тирского царя. Можно думать, следовательно, что определенные группы ремесленников в Тире находились в материальной зависимости от царя и, очевидно, им эксплуатировались (ср. также: I Reg., IX, 27-38). Сказанное подтверждается и тем, что известно об организации производства в Угарите. Здесь существовали ремесленные мастерские, принадлежавшие царю. Работавшие в мастерских ремесленники (hrsm) получали за свой труд оплату серебром и натурой[12]. Возможно, что и «рабы» тирского царя Хирама трудились за определенное вознаграждение.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении скудный материал позволяет поставить вопрос о наличии в финикийских городах, в том числе и в Тире, определенной системы эксплуатации народных масс, не только рабов, но и свободных мелких производителей, а также полусвободных ремесленников и крестьян. Можно заранее предполагать, что эта эксплуатация вызывала выступления крестьянства и ремесленников против царской власти. Симптоматично, что, например, жители некоторых населенных пунктов, находившихся под властью Библа, переходили в середине II тысячелетия до н.э. на сторону противников библского царя[13]. Можно полагать, что и в Тире в этот период имели место антицаристские выступления народных масс, судя по тому, что сидонскому царю Зимриде удалось овладеть всеми его материковыми территориями[14].

Для характеристики социальных отношений в Тире большое значение имеет сообщение Юстина (XVIII, 3, 6—19) о победоносном восстании рабов в этом городе. Однако хронологически отнести это восстание к периоду, предшествовавшему колонизационному движению, не представляется возможным: источник определенно связывает восстание хронологически с войной против персов, а, кроме того, в другом месте Юстин (XVIII, 4, 2) датирует основание Утики временем до рабского восстания— «до избиения господ» (ante cladem dominorum). Возможно, что и хронология

[12] *Гельцер М.Л.* **Материалы к изучению социальной структуры Угарита. С. 32-33.**
[13] *Knudtzon.* **Die El-Amarna Tafeln. N81, строки 11-14.**
14 Там же. №149, 154.

Юстина не вполне достоверна. Но, как бы то ни было, из рассказа определенно следует, что в Тире происходили (и, по-видимому, неоднократно) восстания рабов против их угнетателей, сопровождавшиеся массовыми избиениями рабовладельцев.

О движениях социальных низов в Тире мы, однако, осведомлены очень плохо. Имеющиеся в некоторых источниках отрывочные указания не дают возможности во всей полноте представить размах и характер этих выступлений. Несколько лучше освещается традицией борьба между различными конкурирующими группировками внутри рабовладельческой верхушки, принимавшая характер внутридинастийных конфликтов. Даже краткий список тирских царей, сохранившийся у Иосифа Флавия (Contra Ap., I, 18), показывает, что эта борьба носила подчас весьма ожесточенный характер. Так, один из ближайших преемников Хирама Тирского, Абдастарт, был убит заговорщиками — сыновьями своей кормилицы, старший из которых захватил власть. Астарим, царствовавший в конце IX в., погиб от руки своего брата Фелита, который через восемь месяцев был свергнут верховным жрецом Астарты Итоваалом, основавшим новую династию. В VI в. царская власть в Тире ликвидируется и во главе государства становятся судьи[15].

Таковы были обстоятельства, при которых в финикийских городах развивалось колонизационное движение. Первой и наиболее существенной причиной, вызвавшей к жизни колонизационное движение в Финикии, в том числе и в Тире, являвшемся крупнейшим, если не единственным, колонизационным центром, было, несомненно, желание купечества закрепиться на важнейших торговых путях Средиземноморья. Не случайно финикийские колонии были расположены вдоль морского пути Тир — южная Испания. Фукидид (VI, 2, 6) отмечает, что финикияне заселяли (ωκουν) Сицилию для ведения торговли с сикулами (εμπορίας ένεκεν της πρός τούς Σικελούς; ср. также: Strabo, III, 5, 3; Diod., V, 20, 1; 35, 5). Наряду с этим на колонизационном движении не могли не отразиться социальные конфликты внутри финикийских городов-государств. Чрезвычайно интересно в этой связи краткое сообщение Саллюстия, восходящее, по собственным словам писателя (Bell. Iugurth., XVII, 7), к пунийской традиции. Саллюстий (Bell. Iugurth., XIX, 1) пишет: «После этого финикияне, одни ради уменьшения населения на родине, а другие из жажды власти возбудив плебс и прочих, жадных до новшеств, основали на морском побережье <Африки> Гиппон, Хадрумет, Лептис и другие города». Таким образом, согласно приведенному сообщению, в основании колоний принимали участие разнородные элементы. Прежде всего должны быть отмечены колонисты, покидавшие родину для того, чтобы сократилось ее население. К этой группе «избыточного» населения принадлежали, вероятно, крестьяне, потерявшие землю, и свободные ремесленники, не выдержав-

[15] **Ср.: *Тураев Б. А.* Остатки финикийской литературы. С. 7-98; *Jeremias F.* Tyrus bis zur Zeit Nebukadnezars. Leipzig, 1891. C. 20-21; *Rühl F.* Die Tyrische Königsliste des Menander von Ephesus. Rheinisch es Museum. Bd. 48. 1893. S. 565-578.**

шие конкуренции крупных мастерских, в которых эксплуатировался рабский труд. Рассказ Саллюстия позволяет выделить среди колонистов и другую прослойку — тех, кто возглавлял движение народных масс, а также элементов, враждебно настроенных по отношению к олигархии, и организовывал переселение недовольных во вновь основываемые города. Из сообщения Саллюстия следует, что в колонизации участвовали плебеи и «прочие, жадные до новшеств». Видимо, в финикийских городах существовало антиолигархическое движение, активных участников которого привлекали к себе основатели колоний. Это движение не было однородным по своему социальному составу. Противопоставление плебеям «прочих» показывает, что в нем принимали участие и отдельные представители состоятельных кругов, не имевших непосредственного доступа к власти. Любопытно, что движение в этот период направлено было не на свержение власти олигархов на родине, а на создание новых городов, что, быть может, объясняется деятельностью тех «прочих», о которых говорит Саллюстий. Наконец, текст позволяет установить, что некоторые колонии высылались непосредственно тирским правительством, в то время как ряд колоний был основан, вероятно, вопреки его желанию. В пользу сказанного свидетельствует и история основания Карфагена.

* * *

В жизни финикийских городов-государств большую роль играли торговые контакты со странами Эгейского бассейна. Вопрос о раннефиникийской торговле в этом районе до настоящего времени не привлекал внимания исследователей. Единственным исключением является труд К. М. Колобовой, посвященный древнейшей истории Родоса, где специальный раздел посвящен проблеме существования финикийских поселений на этом острове[16]. Краткие упоминания о сношениях финикиян с Эгеидой мы находим и у М. Л. Гельцера, который, однако, ограничивается лишь констатацией усиления греко-финикийских торговых связей в VIII в., подробно этот вопрос не разбирая.[17]

По-видимому, можно считать установленным, что во второй половине II тысячелетия до н. э. существовали не только контакты между ахейцами и финикиянами на Кипре, но и прочные торговые связи между Финикией и Эгеидой. Об этом свидетельствуют распространение микенской и минойской керамики в Передней Азии до Заиорданья[18] и значительное влияние микенского искусства на искусство Сирии и

[16] ***Колобова К. М.*** **Из истории раннегреческого общества. Л., 1951. С. 71-83.**

[17] ***Гельцер М.Л.*** **Заметки по истории Финикии VIII в. до н.э. // Палестинский сборник. 1957. №3. С. 58.**

[18] ***Lorimer H. L.*** **Homer and the monuments. London, 1950. S. 52;** ***Stubbings F. H.*** **Mycenean pottery from the Levant. Cambridge, 1951;** ***Immerwahr S. A.*** **Mycenean trade and colonization // Archaeology,**

Палестины[19]. Найденные во втором слое Угарита образцы критской керамики близки к стилю Камарес и могут быть датированы XVIII в. до н. э.[20] Примерно к этому времени относится начало эгейской торговли в Передней Азии. Впоследствии в Угарите существовал минойский эмпорий[21]. Один из угаритских документов (PRU, III, 16238) — иммунитетная грамота, выданная царем Аммистамру II купцу («тамкару») Синарану сыну Сигину, — свидетельствует о том, что корабли, принадлежавшие этому последнему, совершали регулярные плавания на Крит (^{mat}kabtu-ri)[22].

Однако государства материковой Греции и Крита, несомненно, стремились противодействовать массовому проникновению финикиян в Эгеиду, чтобы оградить свою торговлю от чужеземной конкуренции. Воспоминания о господстве критян в бассейне Эгейского моря отразились, как известно, в предании о талассократии Миноса (Thuc., I, 4). Любопытно, что установление критской талассократии Фукидид (I, 8) связывает с борьбой против карийцев и финикиян: «И не меньшими разбойниками были островитяне, карийцы и финикияне, ибо эти населяли большинство островов». Хотя далее Фукидид приводит доказательства только в пользу наличия карийского населения на островах, тем не менее ясно, что местоимение οὗτοι («эти») относится в его тексте и к карийцам, и к финикиянам. Греческий эпос не знает о существовании каких-либо поселений финикиян в Эгейском бассейне. Не исключено, что существовавшие на островах Эгейского моря до минойской талассократии финикийские центры были разрушены критянами. Возможно, однако, что на сообщения Фукидида оказали влияние обстоятельства более поздней эпохи.

Некоторые следы ранних эгейско-финикийских связей, очевидно, могут быть обнаружены в языке и эпосе греков. В. Ф. Олбрайт, в частности, отмечал, что греческое слово Βύβλος (Библ) восходит к форме, встречающейся в эль-амарнской переписке и, следовательно, бытовавшей в финикийском языке в середине II тысячелетия до н.э., — Gubla (Библ), чему в более поздний период, в I тысячелетии, должно закономерно соответствовать финикийское gubal (ср. евр. gebal)[23]. Наименования Τύρος (финик, sur — Тир) и Σιδών (финик, sidon — Сидон) проникли в греческий язык в тот период, когда в произношении финикиян еще отчетливо ощущалась разница

1960. N 1. S. 4-13; *Harding G. L.* Recent discoveries in Jordan. Palestine Explorations Quarterly. 1958. S. 7.

[19] *Kantor H. J.* Syro-Palestinian ivories // Journal of Near Eastern Studies. 1956. N 3. C. 153-174.

[20] *Segert S.* Ugarit und Griechenland // Das Altertum. 1958. N2. C. 67-80.

[21] *Stubbings F.H.* Mycenean pottery from the Levant. P. 53сл.; *Segert S.* Ugarit und Griechenland. P. 67-80.

22 Поэтому представления об односторонности греко-финикийской торговли во второй половине II тысячелетия до н. э. *(Lorimer H. L.* Homer and the monuments. P. 52 сл.) следует признать необоснованными.

[23] В финикийском языке беглый звук, как правило, был лабиализован *(Шифман И. Ш.* Пунийская надпись из эль-Хофра // Семитские языки. М., 1963).

между звуками t и s, которые на письме обозначались одною графемой fV Вероятно, это заимствование в греческом языке имело место во второй половине II тысячелетия **24**.

В «Одиссее» Менелай, рассказывая о своих странствиях после падения Трои, упоминает о том, что он посетил Финикию и сидонян. В этом рассказе нашли свое отражение воспоминания о плаваниях греков в Переднюю Азию. Весьма примечателен маршрут этих путешествий, который может быть восстановлен следующим образом: вдоль побережья Малой Азии[25] через Кипр к финикийским городам (Odyss., IV, 83-84).

Однако эпос свидетельствует и о появлении финикиян в Эгеиде. Необходимыми условиями для развертывания активной финикийской торговли в указанном районе были падение ахейских государств материковой Греции и уничтожение гегемонии Крита на море. Судя по тому, что Сидон назван в эпосе богатым медью (Odyss., XV, 425: Σιδώνος πολυχάλκου), можно полагать, что финикияне вели в Греции торговлю медными и бронзовыми изделиями. Чрезвычайно показательно отсутствие в поэме упоминаний о Тире, тогда как Сидон упоминается неоднократно. Отсюда может следовать, что в период, когда складывался эпос, Сидону принадлежала ведущая роль в финикийско-эгейской торговле, хотя какое-то участие в ней Тира представляется весьма вероятным[26].

Финикияне в больших масштабах вели в Греции торговлю рабами. Так, свинопас Эвмей был похищен финикиянами на родине и продан в рабство в Греции (Odyss., XV, 390-484). Одиссей рассказывает о том, как коварный финикиянин замыслил продать в рабство доверившегося ему эллина (Odyss., XIV, 284-297). Сюжет о похищении финикиянами свободных — греков и негреков — был широко распространен в греческой, да и не только в греческой традиции. Отметим, в частности, рассказ Геродота (I, 1) о похищении финикиянами из Аргоса Ио, дочери Инаха, восходящий, по указанию историка, к персидским источникам.

Торговали финикияне и предметами роскоши. Так, в «Одиссее» рассказывается о серебряном кубке с золотой отделкой, который подарил Менелаю царь Сидона Фэдим (Odyss., IV, 615—619; XV, 115 сл.). Там же (XV, 416) финикияне характеризуются как «везущие на черном корабле много нарядов» (μυρι ἀγοντες ασύρματα νηϊ μελαίνη; ср.: Il., VI, 289-291). Геродот (III, 107) рассказывает, что финикияне ввозили в Грецию стираксу, которую в финикийские города доставляли арабы. О

[24] *Albright W. F.* Some oriental glosses on the Homeric problem // AJA. 1950. S. 162-176.
[25] *Lorimer H. L.* Homer and the monuments. P. 52 сл.
[26] О. Эйссфельдт полагает, что этникон «сидоняне» первоначально не был связан с Сидоном, но применялся для обозначения либо всех финикиян, либо одного из наиболее могущественных финикийских племен, и что его возрождение в Библии и поэмах Гомера связано было с ростом политического и экономического значения Сидона *(Eissfeldt O.* Phoiniker und Phoinikia. Стб. 380сл.).

финикиянах как торговцах предметами роскоши рассказывают и другие источники (ср., например: Diod., V, 35, 4; Ps.-Arist., De mir. aus., 135), хотя непосредственно Грецию они в виду и не имели.

Археологический материал также свидетельствует о том, что в IX-VIII вв. финикияне вели активную торговлю в Греции. Мы имеем в виду обнаруженные в Идейской пещере, на Самосе и в храме Артемиды Орфии (Спарта) изделия из слоновой кости финикийско-египетского происхождения[27]. Интенсивное развитие торговли явилось в дальнейшем предпосылкой к переселению финикиян в Грецию. К сожалению, это подтверждает только письменная традиция, хотя анализ археологического материала также позволил Р. Д. Барнетту высказать предположение о возможности переселения финикийских ремесленников на запад. Геродот (VI, 47), рассказывая о разработке финикиянами металлических рудников на острове Фасос, писал: «Видел я и сам эти рудники, и больше всего из них удивительны те, которые открыли финикияне, под предводительством Фаса населившие (κτίςαντες) этот остров, который ныне имя имеет по Фасу этому, финикиянину. Рудники же эти финикийские находятся на Фасосе между местностью, называемой Энирами, и Кенирами против Самофракии, там, где большая гора совершенно разрыта в поисках металла».

Некоторые моменты этого этиологического предания следует признать исторически достоверными, тем более что свидетельства Геродота обычно достаточно авторитетны. Прежде всего невозможно отрицать наличие металлоразработок на Фасосе. Разработка этих рудников связывается с заселением острова финикиянами, основавшими там, как показывает употребленное Геродотом слово κτίςαντες (букв: «основавшие»), свое поселение и построившими храм Геракла — Мелькарта. «Видел я в Тире,—писал Геродот (II, 44), — и другой храм Геракла, имеющего прозвище Фасосского. Прибыл я также на Фасос, где нашел храм Геракла, посвященный финикиянами, которые, приплыв на поиски Европы, заселили (έκτισαν) Фасос; а это было на пять поколений раньше, чем в Греции родился Геракл, сын Амфитриона». Финикийские храмы, основывавшиеся за пределами собственно Финикии, служили опорными пунктами финикиян в их торговле с местным населением. Подобный храм весьма незначительных размеров с керамическим фондом начала I тысячелетия до н. э. был открыт П. Сэнта в районе так называемого святилища Тиннит в Карфагене[28]. Об основании подобного храма сообщает и Перипл Ганнона (Per. Hann., 4). Постройка на Фасосе храма Геракла-Мелькарта свидетельствует о значительной роли, которую ко времени его основания играл в торговле Эгеиды Тир[29]. Следовательно, основание храма должно отнести к концу II или к началу I тысячелетия. В библейской традиции Эгейский бассейн фигурирует прежде всего как

[27] ***Barnett R. D.*** **Early Greek and Oriental ivories. JHS. 1948. P. 1-25.**
[28] ***Cintas P.*** **Ceramique punique. Paris, 1950. P. 490-502.**
[29] ***Dussaud R.*** **Melqart d'apres les recentes travaux. Revue de l'histoire des religions. 1957. N1. P. 1-21.**

поставщик металла (ср., например: Ezech., XXVII, 13 и 19). Быть может, определенную роль в становлении этих представлений сыграла и эксплуатация рудников на острове Фасос. Интересно и направление финикийской экспансии в Эгеиде — на север, к выходам в бассейн Черного моря.

Геродот (I, 105) сообщает также, что финикиянами был сооружен храм Афродиты (Астарты?) на Кифере. Этим, однако, свидетельства в пользу широкого движения финикиян в Грецию не исчерпываются. Некоторые религиозные культуры в раннем Коринфе — Афродиты с сопровождавшей его священной проституцией, Геры Акреи с человеческими жертвоприношениями, Афины, носившей титул Φοινίκη (ср.: Schol. Lye., 658; St. Byz., s. π. Φοινικαίον), — испытали на себе, быть может, воздействие финикийской религиозной практики, хотя Т. Дж. Данбэбин, систематизировавший этот материал, считал спорным вопрос о том, селились ли финикияне и выходцы из Сирии в Коринфе[30].

Имеются некоторые сведения в традиции и о колонизации финикиянами острова Родос. Афиней (Deipnos., VIII, 15, 36) рассказывает, что родосский историк Эргий посвятил специальный труд этому вопросу. К труду Эргия восходит, очевидно, сообщение Диодора, согласно которому Кадм соорудил на острове храм Посейдону, а оставленные при храме спутники Кадма — финикияне впоследствии образовали симполитию с коренным населением острова (Diod., V, 58, 2). Вопрос о достоверности этого предания до настоящего времени не решен. На основании изучения камирских фигурок из слоновой кости, близких по своему стилю к нимрудским, и росписи родосских «тарелочек» Ф. Поульсен считал возможным постулировать длительное сосуществование греков и финикиян на острове[31]. К. М. Колобова полагает, что наличный археологический материал свидетельствует о финикийском влиянии только в период господства «ориентализирующего» стиля и что, следовательно, нельзя говорить о колонизации финикиянами Родоса[32]. Не решая здесь окончательно этой сложной проблемы, заметим только, что создание «ориентализирующего» стиля, несомненно, требовало длительного предварительного ознакомления с соответствующими образцами и внедрения их в быт. Вероятно, правильнее было бы утверждать, что наличный археологический материал и создание «ориентализирующего» стиля свидетельствуют о длительном экономическом и культурном взаимодействии финикиян и греков еще до создания указанного стиля. То обстоятельство, что археологические памятники, известные в настоящее время, не содержат прямых указаний на финикийскую колонизацию Родоса, само по себе не может служить достаточно веским доводом против античной традиции 33.

[30] *Dunbabin T. J.* The early history of Corinth. JHS. 1948. P. 66.
[31] *Poulsen F.* Der Orient und die frühgriechische Kunst. Leipzig, 1912.
[32] *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества. С. 71 сл.
[33] Отметим еще, что О.Эйссфельдт не сомневается в наличии многочисленных финикийских

Заслуживает быть отмеченным и предание о попытке финикиян под предводительством Кадма колонизовать Беотию (Herod., V, 57-58) и поселиться в районе Танагры, откуда, по преданию, они были изгнаны аргивянами.

В конце II — начале I тысячелетия до н. э. финикияне селились в греческих городах, причем происходил процесс эллинизации финикийских поселенцев, получавших, по-видимому, и гражданские права. Так, известный философ Гекатей Милетский вел свое происхождение от предков-финикиян (Diog. Laert., I, 22, ср.: Herod., I, 170). Геродот вопреки даже фамильным преданиям вел родословную афинского рода Гефиреев от финикиян — спутников Кадма (Herod., V, 57; ср.: Plut., De Herod, malign., 23). Все эти построения были бы невозможны, если бы грекам не были известны реальные случаи поселения финикиян в крупных греческих городах.

Таким образом, античная традиция, которую археологический материал не опровергает, позволяет предполагать, что в конце II — начале I тысячелетия до н. э. финикияне предпринимали попытки создать в Эгейском бассейне свои поселения и обосноваться в греческих городах. Однако им не удалось прочно осесть в каком-либо районе Греции. Быстрый рост греческих полисов, развитие в них частнособственнических отношений и товарного производства привели к потере финикиянами их торговой монополии, а позднее и к вытеснению финикиян с греческих рынков. Активное участие финикиян в греко-персидских войнах, очевидно, в какой-то степени объясняется их стремлением вернуть утраченное торговое господство в Эгеиде.

В жизни Греции финикияне сыграли очень большую роль. Им греки обязаны алфавитом (Herod., V, 58).[34] «Ориентализирующий» стиль расписной керамики возник под непосредственным влиянием «микенизирующего» ханаанейского искусства[35]. Наконец, через посредство финикиян греки познакомились со многими достижениями тогдашней науки.[36]

* * *

Одним из контрагентов Тира в его западносредиземноморской торговле в конце II тысячелетия до н. э. была область, называвшаяся в Библии словом tarsils, а в греческой литературе — Ταρτέσσος. Современными историками неоднократно пред-

поселений в Эгейском бассейне в конце II тысячелетия *(Eissfeldt O.* Phoiniker und Phoinikia. Стб. 380сл.)-

[34] Справедливая критика, которой С.Я.Лурье подверг построения В. Георгиева, избавляет нас от необходимости вновь рассматривать уже решенный в науке вопрос о происхождении греческого алфавита. Ср.: *Лурье С. Я.* 1) В. Георгиев. Проблемы минойского языка. София, 1953. [Рецензия] // ВДИ. 1954. №3. С. 108; 2) Язык и культура микенской Греции. М.; Л., 1957. С. 5-6.

[35] Ср.: *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953. С. 80 сл. Автор, однако, преуменьшает, на наш взгляд, значение восточного влияния при формировании «ориентализирующего» стиля.

[36] Подробно см.: *Лурье С. Я.* Очерки по истории античной науки. М.; Л., 1947. С. 25сл.

принимались попытки опровергнуть принятую в науке идентификацию этих топонимов. Так, испанский археолог П. Бош-Гимпера пытался доказать, что библейский Таршиш следует отождествлять не с Тартессом, а с малоазиатским Тарсом[37]. Однако такая идентификация представляется все же недостаточно обоснованной. В аккадских источниках Тарс именуется Tarzi[38], а одновременно встречается и термин Tarsisu, полностью соответствующий еврейскому tarsis и обозначающий своеобразный «край света», до которого простиралось могущество ассирийских царей[39]. Показательно, что связи финикиян с Таршишем осуществлялись только морским путем, причем термин «корабль таршишский» ('oni tarsis) превратился постепенно в terminus technicus для обозначения кораблей дальнего плавания, совершавших рейсы, в частности в Офир (I Reg., XXII, **49**)[40]. Все сказанное заставляет локализировать страну Таршиш на самых дальних окраинах Средиземноморского бассейна, вероятнее всего в устье реки Гвадалквивир на юге Пиренейского полуострова, где находился и Тартесс греческих авторов[41].

В связи со сказанным привлекает внимание и дебатировавшийся в литературе вопрос о значении термина tarsis и о его фонетической связи с греческим Ταρέσσος. В. Ф. Олбрайт пытался толковать слово tarsis как имя в форме taqtil от глагола räsis, предлагая перевод «рудник», «плавильня». По мнению Олбрайта, при заимствовании этого слова греками из финикийского языка (tarsis—Ταρτέσσος) имела место замена семитического sv греческим σ (*Ταρσις) с последующей ассимиляцией первого σ начальному τ и слиянием окончания -ις с архаическим греческим -εσσος **42**. Однако это предположение вряд ли правильно. Для греческого языка характерен

[37] *Bosch-Gimpera P.* La formaci6n de los pueblos de Espafia. Mexico, 1945. P. 167 сл.

[38] *Luckenbill D. D.* Ancient records of Assyria and Babylonia. Chicago, 1927. Vol. I. P. 207; Vol. II. P. 137. Ср. в хурритских текстах: Tarsa *(Garstang J., Gurney O.R.* The geography of the Hittite Empire. London, 1959. C. 61).

[39] *Messerschmidt L.* Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhaltes. Leipzig, 1911, N75; ср.: Jes., LXVI, 19.

[40] *Eissfeldt O.* Phoiniker und Phoinikia. Стб. 380 сл.

[41] «Тартесс же —остров против Геракловых Столпов» (Scholia Lycophr., 643). В этом известии, очевидно, нашел свое отражение факт распространения власти Тартесса на острова, прилегавшие к побережью Испании. См. также: Ps., XXII, 10 (масоретский извод Библии). Перипл Псевдо-Скимна (Per. Ps.-Scymn., 161 сл.) указывает, что Тартесс находился в двух днях плавания от Гадеса. Предположение, согласно которому название Тартесс первоначально прилагалось к району оз. Трионитида в Северной Африке *(Мюленштейн Г.* Историческое значение вопроса об этрусках // ВДИ. 1938. №4. С. 55; *Hermann A.* Atlantis und Tartessos. Petermanns Geographische Mitteilungen. 1927. N5—6. P. 145 сл.), не находит подтверждения в источниках С. Бартина *(Bartina S.* TarsTS. Verbum Domini. Vol. 34, 1956. N6. P. 342-348) также поддерживает локализацию Тартесса в устье Гвадалквивира (ср. также: Eusth., Ad Dionys. Perieg., 337; Strabo, 148).

[42] *Albright W.F.* New light on the early history of the Phoenician colonization // BASOR. 1941. N83. P. 21-22. Таково мнение и Х.-М. Сола-Соле *(Sola-Sole J.-M.* Miscelaneas punico-hispanas. II, 5. Tarshish y los comienzos de la colonizacion fenicia en Occidente. Sefarad. 1957. N1. P. 23-35).

вообще не переход ς в τ, а обратный процесс. Более того, в большинстве греческих диалектов группы согласных «плавная+ς» не изменяются и только в аттическом диалекте ρσ переходит в ρρ (ср. ионич. ταρσός, аттич. ταρρός — «сушилка», «плетенка»)[43]. Переход ς в τ в аттическом диалекте представляет собой сравнительно позднее явление. Против мнения Олбрайта говорят и передача в Септуагинте этого же имени словом Θάρσις, и форма Ταρσηίου, сохранившаяся у Полибия (III, 24, 2 и 4)[44]. Как справедливо отмечает Л. Виккерт, греческое Μαστίας Ταρσηίου, имеющееся у Полибия, представляет собой неудачное воспроизведение латинской архаической формы Mastiam Tarseiom[45].

Очевидно, встречающееся у Полибия географическое обозначение через реконструированную Л. Виккертом форму восходит к финикийскому термину, употребленному в пунийской редакции договора Карфагена с Римом. Что же касается классической греческой формы, то она, вероятно, возникла независимо от своего финикийского эквивалента. И та, и другая воспроизводили каждая своими фонетическими средствами местное тартесское наименование **46**.

Сколько-нибудь подробные и достоверные сведения по ранней истории Тартесса отсутствуют. В сокращении «Истории» Помпея Трога, составленном Юстином, сохранились лишь очень краткие свидетельства о том, что деятельности полумифического основателя тартесской царской династии — Хабида приписывалось создание законов, изобретение земледелия, а также разделение гражданского коллектива («плебса») между семью городами, т.е. по территориальному признаку. У Стефана Византийского названы тартесские города Элибирга и Ибилла (St. Byz., s. vv. Ἐλιβύργη и "Ιβυλλη). Если понимать Юстина буквально, то придется прийти к выводу, что в Тартессе территориальное деление не затронуло аристократическую верхушку. Это, однако, маловероятно. Видимо, Юстин в данном случае неточно передает терминологию Помпея Трога. Не вполне ясно, насколько отрывочные сведения Юстина (XLIV, 4, 10-14) соответствуют действительности. Быть может, на изложение Помпея Трога оказало воздействие стремление, обычное для греко-римской философ-

[43] *Боровский Я. М.* **Краткий очерк греческой фонетики //** ***Шантрен П.*** **Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 297, 314.**

[44] ***Garcia A. y Bellido.*** **La peninsula Iberica en Ios comienzos de su historia. Madrid. 1953. P. 145-153.**

[45] ***Wickert L.*** **Zu den Karthagerverträgen. Klio, 1938, стр. 354-356.**

[46] **Попытки А.Шультена** ***(Schulten A.*** **Die Etrusker in Spanien. Klio, 1930. С. 392-399) и его последователей (например:** ***Мюленштейн Г.*** **Историческое значение вопроса об этрусках) доказать, что Тартесс был основан этрусками, покоятся на случайном совпадении названия Ταρτέσσος с этрусским родовым именем tarte и поэтому не могут быть признаны убедительными. Не более обоснована ссылка А. Шультена** ***(Schulten A.*** **Tartessos. Hamburg, 1950. С. 12сл.) на находку в южной Португалии «очень древней» надгробной надписи, выполненной греко-малоазиатским письмом, — zaronah, которую он сопоставляет с этрусским zeronai из надгробия с острова Лемнос. Из того текста, на который А. Шультен ссылается, может следовать только то, что этруски селились на территориях, принадлежавших Тартессу.**

ской литературы, конструировать образ мудрого царя-законодателя, приобщающего варваров к цивилизации. Однако упоминание имени Хабида, не встречающегося в других источниках, позволяет предполагать, что в основе рассказа Помпея Трога лежала тартесская традиция, отражавшая реальные факты. Сказанное не противоречит тому, что в действительности появление земледелия, создание территориальной организации государства и запись законов были результатом длительного процесса развития, не будучи связанными с деятельностью одного какого-то царя-реформатора[47].

Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что на юге Испании, в Тартессе, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. существовало рабовладельческое государство[48]. Интересные сведения об этом государстве имеются у Авиена (Ora marit., 462), согласно которому река Тадер (ныне Сегура, к северу от Картахены) была границей Тартесса. Геродот (I, 163) рассказывает, что царь Тартесса Аргантоний приглашал фокейцев покинуть Ионию и заселить часть его страны, где они пожелают. Отсюда можно сделать вывод, что основанные в VII в. до н. э. колонии на Пиренейском полуострове, по крайней мере некоторые из них, например Майнака, были расположены на территории, первоначально принадлежавшей Тартессу.

Значительного развития достигли в Тартессе ремесло и торговля. Он был крупным экспортером драгоценного металла и посредником по доставке на средиземноморский рынок британского и галисийского олова. Уже в середине II тысячелетия до н. э. он имел прочные связи с Эгейским бассейном[49]. Не мудрено, что финикияне направили свои усилия прежде всего на то, чтобы обосноваться на юге Пиренейского полуострова, у Гибралтарского пролива и, пользуясь старинными торговыми путями, закрепить за собой подступы к ценным источникам сырья.

В современной литературе была сделана попытка пересмотреть традиционную датировку основания финикийских колоний в южной Испании. Ю.Белох, полностью отрицавший достоверность исторического предания, как библейского, так и греческого, утверждал, что финикийская торговля в Испании началась только в

[47] **Очерки истории Тартесса см.: *Schulten A.* Tartessos. Hamburg, 1950; *Bosch-Gimpera P.* La formacion de los pueblos de Espafia. C. 160; *Мишулин А. Н.* Античная Испания. М.; Л., 1952. С. 202-220; *A. Garcia y Bellido.* Vier Probleme der iberischen Geschichte und Kunst. Bd. 38. Klio, 1960. C. 128-132.**

[48] **Сомнения в реальном существовании Тартесского государства, основанные на признании данных античной традиции по этому вопросу гипотетическими (Всемирная история. Т. I. М., 1956. С. 135), представляются малообоснованными. Собственно, с чисто ученой конструкцией по вопросу о Тартессе, основанной на гипотетических построениях предшественников, мы встречаемся только у Страбона (III, 149-151). В сообщениях же Геродота о Тартессе наряду со сказочными мотивами нетрудно разглядеть и исторически достоверные детали.**

[49] ***Dixon P.* The Iberians of Spain and their relations with the Aegean world. London, 1940. C. 18; *Bosch-Gimpera P.* Etnologia de la peninsula Iberica. Barcelona, 1932. C. 246; *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952. С. 371-373, 450.**

VIII в.[50] П.Диксон полагал, что нет материалов, позволяющих датировать основание Гадеса временем около 1100 г., поскольку финикийские памятники из этого района датируются периодом не ранее VIII в.[51] Примерно такую же позицию занял и Д. Д. Петере, датировавший основание Гадеса временем около 850 г.[52] Развивая эту точку зрения, Карпентер утверждал, что путешествия финикиян в конце II тысячелетия в Тартесс неправдоподобны. По его мнению, до появления на Пиренейском полуострове греков, т.е. до VII в., торговля здесь вообще отсутствовала; древнейшие же финикийские материалы датируются, как он полагал, VI в.[53] П. Бош-Гимпера развил стройную и на первый взгляд убедительную систему доводов, долженствующих опровергнуть традиционную хронологию. По его мнению, в XI в. финикийской торговле препятствовали гегемония на море чакара и филистимлян, затруднявшая даже египетское мореплавание, а также военные действия ассирийцев. Финикийская торговля, как полагал П. Бош-Гимпера, началась в Западном Средиземноморье только в X в., когда была основана Утика[54]. А. В. Мишулин, основываясь на отсутствии археологического материала предшествующего периода, считал возможным датировать начало финикийской торговли в Западном Средиземноморье VIII-VII вв., а колонизацию финикиянами Испании относил ко времени после основания колонии на Эбессе, т. е. к концу VII — началу VI в. до н. э.[55]

Однако все эти предположения представляются недостаточно обоснованными. Вряд ли деятельность «морских» народов, хотя бы филистимлян или чакара, могла серьезно отразиться на развитии финикийской торговли. Ведь морское пиратство было повседневным явлением в конце II тысячелетия до н.э. (ср.: Thuc., I, 5); сами финикияне не чурались морского грабежа и были достаточно сильными, чтобы дать отпор любому противнику. Рассказ Ун-Амуна, на который ссылается П. Бош-Гимпера, относится к периоду крайнего ослабления Египта. Только оно позволило пиратам из сравнительно малозначительного переднеазиатского города предпринять враждебные действия против египетского посла. Характерно, что царь Библа, согласно этому рассказу, также отнесся к Ун-Амуну с большим высокомерием и предоставил ему кедр только после многократных и унизительных для достоинства Египта просьб. В то же время повесть о путешествиях Ун-Амуна не содержит

[50] *Beloch J.* **Griechische Geschichte. Bd. I. Berlin, 1926. S. 252-253.**

[51] *Dixon P.* **The Iberians of Spain and their relations with the Aegean world. P. 23.**

[52] *Петерс Д. Д.* **Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. Уч. зап. МГПИ. 1942. С. 133.**

[53] **Цит. по:** *Schefold K.* **Orient, Hellas und Rom in der archaologischer Forschung seit 1939. Bern, 1949. S. 227.**

[54] *Bosch-Gimpera P.* **1) La formacion de los pueblos de Espafla. P. 167; 2) Pheniciens et Grecs dans l'Extreme-Oxident. La Nouvelle Clio, 1951, №9-10. P. 272;** *Lorimer H. L.* **Homer and the monuments. P. 66.**

[55] *Мишулин А. В.* **Античная Испания. С. 222.**

каких-либо данных, которые свидетельствовали бы о враждебных взаимоотношениях финикиян Библа с филистимлянами и чакара или о слабости финикиян. То обстоятельство, что правитель Библа не хотел защищать Ун-Амуна от преследования чакара, еще не свидетельствует, что он не мог этого сделать.[56]

Походы Тиглат-Паласcара I, на которые ссылается П. Бош-Гимпера, завершились лишь захватом на непродолжительное время Арвада, Библа и Сидона[57]. Тир оказался вне сферы завоевательных операций, предпринятых Ассирией. В период XI-X вв. ассирийские цари были заняты не столько военными захватническими операциями, сколько борьбой за укрепление своей власти и обороной от нашествия арамейских племен.[58] Таким образом, и филистимляне вместе с чакара, и ассирийцы вряд ли могли так эффективно, как это представляется П. Бошу-Гимпере, воспрепятствовать развитию финикийской торговли.

Утверждение А.В.Мишулина о том, что древнейшие финикийские археологические материалы, найденные в Северной Африке и иных районах Западного Средиземноморья, датируются временем не раньше VII в.[59], явно ошибочно. В. Ф. Олбрайт, анализируя древнейшие финикийские изделия из слоновой кости, найденные в Кармоне, пришел к выводу, что они стилистически весьма близки не только соответствующим памятникам IX-VIII вв. из Самарии и Арслан-Таша, но и изделиям, открытым в Мегиддо и датируемым XII в.[60] Объектами финикийской торговли были к тому же чужеземные изделия нефиникийского происхождения, подражания им, либо благовония, масла и т.п.—все то, что по своей природе не могло сохраняться в течение длительного времени[61].

Наконец, южное побережье Пиренейского полуострова в археологическом отношении изучено еще далеко не достаточно. До настоящего времени точно не определено местоположение Тартесса. Раскопки Гадеса практически невозможны, так как на острове Сан-Себастьян, где находился город, в настоящее время расположена военная база. То, что сделано здесь до настоящего времени А. Шультеном, является поэтому не более как предварительной археологической разведкой[62].

Помимо археологических материалов, определенно свидетельствующих в поль-

[56] **Путешествие Ун-Амуна в Библ. Издание текста и исследование М. А. Коростовцева. М., 1960.**

[57] ***Weill R.*** **Phoenicia and Western Asia to the Macedonian conquest. Cambridge, 1940. С. 179 сл.;** ***Дьяконов И. М.*** **Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1948. С. 78.**

[58] ***Дьяконов И. М.*** **Развитие земельных отношений в Ассирии. С. 221.**

[59] ***Мишулин А. В.*** **Античная Испания. С. 221.**

[60] ***Albright W. F.*** **The archaeology of Palestine. Harmondsworth, 1960. P. 123.**

[61] ***A. Garcia y Bellido.*** **Phonizische und griechische Kolonisation im westliclien Mittelmeer. Historia Mundi. Bd. III. 1951. С. 330;** ***Pericot-Garcia L.*** **L'Espagne avant la conquete romaine. Paris, 1952. С. 205; Cambridge Ancient History. Vol. IV. Oxford, 1926. P. 347;** ***Eissfeldt O.*** **Phoiniker und Phoinikia. P. 380 сл.**

[62] **AA. 1927. С. 203-211.**

зу ранней датировки финикийской торговли в Испании, ценные сведения содержит и древняя письменная традиция. П. Бош-Гимпера[63] и А. В. Мишулин[64] считают ее недостоверной, несмотря на поразительную близость сведений, содержащихся в не зависимых друг от друга памятниках. П. Бош-Гимпера, несомненно, прав, утверждая, что библейская традиция не сохранила прямых сведений о Гадесе или иных финикийских колониях на юге Пиренейского полуострова. Но вряд ли это подкрепляет его основную мысль о позднем появлении финикиян на юге Испании. В Библии встречаются неоднократные указания на то, что Тир вел интенсивную торговлю с Тартессом (I Reg., X, 22; Jer., X, 9; Jezech., XXVII, 12). Наиболее ранние факты могут быть датированы X в. до н. э. Кроме того, в Библии косвенное отражение нашли колонизация финикиянами южной Испании и господство там Тира. В тексте Исайи (XXIII, 6) конца VIII в., обращенном к Тиру, читаем: «Переправляйтесь в Таршиш (Тартесс. — *И. Ш.),* плачьте, жители острова». Этот отрывок относится к осаде Тира ассирийцами, на что справедливо указал А. Шультен[65]. Вряд ли библейский пророк мог дать такой совет жителям Тира, если бы их переселения в Тартесс не происходили и раньше и если бы не существовало давно налаженной регулярной торговли между Тиром и Тартессом. Несколькими стихами ниже Исайя (XXIII, 10) обращается к «дочери Таршиша»: «Переходи на землю свою, как река, дочь Таршиша, нет препоны более». Следовательно, Тир на протяжении длительного времени, во всяком случае и в VIII в., играл роль «препоны» (mezah) по отношению к Тартессу. Иначе говоря, на юге Испании существовала область тирского господства, в которую входила часть территорий, первоначально принадлежавших Тартессу, подвергавшемуся каким-то притеснениям со стороны Тира.

В античной литературе, не зависимой от библейской версии, вопрос о финикийской торговле в Западном Средиземноморье, а также об основании финикийских колоний в этом районе впервые затрагивался Тимеем, известие которого сохранилось в передаче Диодора (V, 20). Однако ни Тимей, ни восходящее, по мнению Д. Д. Петерса[66], к тому же источнику свидетельство Посейдония, дошедшее до нас в передаче Страбона, не дают достаточных данных для датировки упомянутых событий. Согласно Веллею Патеркулу (I, 2), тирийцы основали Гадес примерно около 80-го года после гибели Трои. Помпоний Мела (III, 46) отмечает, что гадитанские жрецы датировали основание города временем гибели Трои. Сообщение Помпония Мелы чрезвычайно интересно. Несомненно, что те авторы, трудами которых пользовался Мела при составлении своей книги, хорошо знали гадитанскую храмовую традицию. Соотнесение даты основания Гадеса с моментом гибели Трои может сви-

[63] ***Bosch-Gimpera P.*** **La formacion de los pueblos de Espafia. P. 169.**
[64] ***Мишулин А. В.*** **Античная Испания. С. 224.**
[65] ***Schulten A.*** **Tartessos. C. 17.**
[66] ***Петерс Д. Д.*** **Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. С. 130.**

детельствовать о том, что греко-римские писатели стремились ввести полученные ими из гадитанских источников указания в русло общей античной традиции. Возможно, однако, что «эллинизация» местной традиции была делом самих гадесских жрецов. В этом случае указанный нами факт явился бы еще одним подтверждением того, насколько глубоким было влияние на различные районы Средиземноморского бассейна эллинской культуры. Еще более точные сведения имеются у Веллея Патеркула (I, 2, 4), который отмечает, что Гадес был основан за несколько лет до основания Утики, т. е. в конце XII в. до н. э.

Таким образом, как библейская, так и античная традиции, полностью совпадая друг с другом, свидетельствуют о существовании ранних — с конца II тысячелетия — связей между Тиром и Пиренейским полуостровом, а также о том, что Тиром были произведены на юге Пиренейского полуострова определенные территориальные захваты. Совпадение библейской и античной традиций служит убедительным доказательством в пользу их достоверности, тем более что гадитанская эра, несомненно, восходила к местным хроникам[67].

Библейская и античная традиции характеризуют финикийскую торговлю в южной Испании на различных этапах ее развития. Отсюда следует, что при характеристике этой торговли в доколонизационный период далеко не все свидетельства могут быть приняты во внимание. В частности, совершенно исключается из нашего поля зрения библейский материал, поскольку он относится ко времени после основания Гадеса.

Диодор (V, 35, 4), сведения которого восходят к Тимею, писал: «Так как местные жители не знали его (серебра. — *И. Ш.)* применения, финикияне, занимавшиеся торговлей и узнавшие о том, что произошло[68], покупали серебро за какую-нибудь небольшую плату другими товарами. Поэтому-то, доставляя <серебро> в Грецию, Азию и ко всем другим народам, финикияне приобретали большие богатства». Хотя некоторые детали рассказа Диодора носят явно легендарный характер, тем не менее его сообщение, несомненно, отражает действительность. События, о которых идет речь, датируются временем задолго до основания колоний. Таким образом, начало финикийской торговли в Испании можно было бы отнести к середине или второй половине II тысячелетия до н. э., во всяком случае задолго до рубежа II и I тысячелетий. То обстоятельство, что население Испании не было знакомо с использованием серебра, показывает, насколько был низок уровень его социально-экономического развития ко времени появления на полуострове финикиян. Деньги как средство обращения здесь еще отсутствовали. Варварство народа-производителя было важным

[67] *Willrich.* Gades. P.-W. RE. Halbbd. XIII. 1910. C. 439-461.

[68] Диодор имеет в виду легендарные обстоятельства, при которых на Пиренейском полуострове началась добыча серебра (Diod., V, 35, 3).

условием ведения финикиянами выгодной посреднической торговли[69]. Но финикийская торговля в свою очередь способствовала быстрому разложению остатков первобытнообщинного строя в этом районе Средиземноморского бассейна. Возможно, находки эгейских материалов на Пиренейском полуострове также указывают на посредническую деятельность финикийских торговцев в этом районе. Наконец, очень интересны сведения Диодора о финикийском импорте в Испанию. Они дополняются рассказом другого источника (Ps.-Arist., De mir. aus., 135), восходящего, вероятно, к той же традиции, что и Диодор. В этом рассказе отмечается, что финикияне вывозили в неимоверно больших количествах серебро из Тартесса, получая его в обмен на масло и другие мелкие товары морской торговли (ελαινον και άλλον ναυτικόν ρώπον).

Таким образом, были все предпосылки для создания финикийских торговых факторий на подступах к этим запасам сырья. Однако первая колония финикиян-тирийцев (ср.: Plin., Nat. hist., XIX, 63) была основана на африканском побережье Атлантического океана за Гибралтаром. Согласно Периплу, приписываемому Скилаку (Per. Ps.-Scyl., 112), город был расположен на правом берегу реки Ликс (совр. Луккус). Как показало археологическое обследование местности, основным центром финикийского поселения был холм Чеммиш неподалеку от современного населенного пункта эль-Араиш. Здесь обнаружены остатки финикийской городской стены, выложенной из массивных блоков. Храм Мелькарта — Геракла, как полагают, был расположен на острове, находившемся в эстуарии[70]. Согласно Периплу Псевдо-Скилака, на другом берегу реки Ликс находилось ливийское поселение. Не имея достаточных археологических данных, трудно решить, какое из этих двух поселений возникло раньше. Можно предполагать, что финикийская торговая база служила притягательным центром для ливийцев, равно как возможность вступить в непосредственный контакт с коренным населением могла оказаться очень соблазнительной для финикиян. Надо полагать, что оба поселения, ливийское и финикийское, были административно самостоятельными (в противном случае автор Перипла не упомянул бы их порознь) и что на ранней стадии колонизационного движения финикияне стремились избежать смешения с коренным населением. Точное название созданной финикиянами колонии неизвестно[71], общепринятое название — Ликс.

[69] Маркс К. (Капитал. Т. I. Госполитиздат, М., 1949. С. 85) указывал: «При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Народы торговые в собственном смысле этого слова существуют, как боги Эпикура, лишь в междумировых пространствах древнего мира».

[70] *Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. T. II. Paris, 1918. P. 173. Ср.: *Dessau*. Lix. P.-W. RE. Halbbd. XXV. 1926. С. 928-929.

[71] В источниках встречаются следующие наименования: Τρίγγα, Λίξον (Strabo, XVII, 3, 2), Λίγξ, Λύγξ (St. Byz., s. v.), Λίξα (St. Byz., s. v.).

Основание Ликса, несомненно, имело целью обеспечить плацдарм для овладения пиренейскими рынками драгоценных металлов. Однако, находясь в относительной близости от Тартесса — по сообщению Страбона (XVII, 3, 2), «на расстоянии восьмисот стадий», — Лике тем не менее был расположен в стороне от испанских рудников и от важнейших морских торговых путей, ведущих в Британию. Он никогда не играл сколько-нибудь заметной роли в экономической и политической жизни Средиземноморья. Именно по этой причине финикияне предприняли новые попытки основать колонии непосредственно на южном побережье Пиренейского полуострова.

У Страбона (III, 5) сохранилось предание о трех попытках финикиян колонизовать район Гибралтарского пролива. Эти сведения, по указанию самого Страбона, восходят к известному в древности географическому труду Посейдония, который в свою очередь ссылался на гадитанскую традицию (Strabo, III, 5, 5). Посейдоний, а вслед за ним и Страбон выражали сомнения в достоверности гадитанского предания, которое характеризуется как «ложь финикийская», однако нам такая оценка представляется неосновательной. В гадесском предании могло найти отражение воспоминание о тех многократных разведочных экспедициях, а также о попытках организации колоний, которые, несомненно, предшествовали основанию Гадеса.

Согласно сообщению Страбона, первая попытка колонизации была предпринята на Пиренейском полуострове, «там, где ныне находится город екситан», — в пункте, который, по мнению А.Шультена, идентичен с населенным пунктом Альмуньесар восточнее Малаги[72]. Однако, как пишет Страбон, здесь жертвоприношения были неблагоприятными и колонисты вернулись на родину. Вторая экспедиция была направлена некоторое время спустя. Миновав Гибралтарский пролив и пройдя далее около 1500 стадий, она попыталась основать город на Геракловом острове, в непосредственной близости от иберийского города Онобы, который А. Шультен отождествлял с Уэльвой в устье Рио Тинто[73]. Но и здесь жертвоприношения были неблагоприятными.

А. В. Мишулин без достаточных, по нашему мнению, оснований уклонился от разбора этого гадитанского предания[74]. Д.Д.Петерс полагал, что в предании рассказывается об экспедициях разведчиков, не имевших непосредственной целью основание колоний[75]. Эта точка зрения представляется весьма правдоподобной[76], хотя не исключено, что наряду с чисто разведочными целями перед этими экспедициями ставились и другие задачи. Очевидно, неудача, первоначально преследовавшая ко-

[72] *Schulten A.* Tartessos. P. 16.
[73] Ibid.
[74] *Мишулин А. В.* Античная Испания. С. 222-224.
[75] *Петерс Д. Д.* Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. С. 130.
[76] Ср.: Strabo, III, 5, 5: экспедиции высылаются «ради осмотра» (κατασκοπῆς χάριν).

лонистов, объясняется не столько неблагоприятными предзнаменованиями, сколько сопротивлением местных жителей, о котором по вполне понятным причинам гадесская традиция умалчивала. Характерно, что пункты, первоначально отвергнутые финикиянами, были ими впоследствии заселены, как, например, Альмуньесар. Эти пункты, следовательно, не представлялись финикиянам совершенно неприемлемыми; религиозный запрет не играл сколько-нибудь определяющей роли в принятии решения об основании колонии. Причин же для сопротивления финикиянам было достаточно. Иберы к тому времени были, несомненно, хорошо осведомлены о тех выгодах, которые приносила финикиянам торговля испанским серебром. Они могли стремиться к установлению непосредственных связей с рынками сбыта драгоценного металла, минуя финикийское посредничество. К тому же появление финикийских колоний создавало угрозу и политической самостоятельности иберийских племен и государств. Характерно, что в дальнейшем Гадес постоянно находился во враждебных отношениях с Тартессом.

Только третья экспедиция привела к основанию на острове Сан-Себастьян города, получившего название Гадес. Примечательно, что и в данном случае финикиянами был избран для заселения остров, а не какой-либо пункт на материке. Такое расположение колонии можно объяснить только желанием обезопасить ее от вражеских вторжений с суши. Видимо, у основателей города были причины опасаться таких нападений. Как уже говорилось, в настоящее время раскопки Гадеса не ведутся. А. Шультен, обследовавший город более тридцати лет назад, обнаружил здесь лишь незначительные и не поддающиеся датировке остатки финикийского поселения[77], в частности нескольких узких, шириной в 2-2,5 м, улиц, высеченных в скале. В одну из них упирался водосток. В пещере, расположенной в северо-западной части острова, по мнению А.Шультена, находился храм богини — покровительницы мореплавания, о которой упоминал Авиен (Ora marit., 314—318: Venus marina). От пещеры к морю вела лестница в шесть ступеней. На лежавшем неподалеку островке Сан-Педро А. Шультен предполагал существование храма Мелькарта, материальные остатки которого, по его мнению, скрыты под водой.

Характеризуя образ жизни гадитан, Страбон (III, 5, 3) писал: «Ведь они являются теми людьми, которые отправляют самые многочисленные и самые большие торговые корабли (ναυκλήρια) в наше море и за его пределы. Они не живут на большом острове, и не владеют большими территориями на лежащем напротив побережье, и не захватили другие острова, но главным образом живут на море». Таким образом, в I в. н. э. основным занятием гадитан была морская торговля. Показательно, что Гадес, согласно сообщению Страбона, не имел сколько-нибудь значительных терри-

[77] ***Schulten A.*** **Forschungen in Spanien. AA. 1927. P. 203-211;** ***Мишулин А. В.*** **Античная Испания. С. 225.**

ториальных владений непосредственно на Пиренейском полуострове. Если это так, то тем более вероятно, что при основании города, т. е. до войн с Тартессом, такие владения у Гадеса отсутствовали. Город, основанный финикиянами, должен был сыграть роль крупного торгового центра на Западе. Эти надежды, как показывает и приведенный выше отрывок из Страбона, полностью оправдались.

Опираясь на Гадес, финикияне могли начать планомерную колонизацию юга Пиренейского полуострова. Вероятно, наиболее значительной колонией здесь после Гадеса была Малака. Д. Д. Петерс полагает, что самое раннее упоминание об этой колонии сохранилось у Авиена (Ога marit., 426-427), где воспроизводится сообщение Перипла Массалиота. Но, как справедливо отмечает он же, неоднократные переработки, которым подвергался Перипл Массалиота, не позволяют принимать его в расчет при определении даты основания Малаки[78]. Ни это упоминание, ни упоминания других греческих и римских историков и географов, Страбона (III, 4, 2), Плиния (III, 8) и Помпония Мелы (II, 94), не дают возможности определить даже terminus ante quem. Расположена была колония на холме Алькасаба, неподалеку от устья реки Гвадальмедина. Береговое положение Малаки и наличие при городе хорошей гавани, несомненно, позволили ему стать важным центром торговли с иберами. Страбон отмечает близость от Малаки «серебряных и иных рудников». Имеются указания на торговлю соленой рыбой (CIL, VI, 9677) и маслами (CIL, XV, 4203), которую в императорский период вели жители Малаки. Вывоз масла свидетельствует, возможно, о том, что со временем Малака либо установила прочный контакт с местным земледельческим населением, либо привлекла к себе земледельческое население из метрополии, одновременно захватив какие-то территории в окружавшем ее районе. Другая финикийская колония, Секси, по-видимому, была расположена в районе Альмуньесар. Материалы, найденные здесь А. Шультеном[79], датируются временем карфагенского господства и не могут служить указанием на время основания города. Колония Абдера, которая упоминается у Страбона (III, 4, 3 и 6), Плиния (III, 8) и Помпония Мелы (II, 94), по мнению А. Шультена[80] и Д. Д. Петерса[81], должна была находиться на холме Монте Кристо (восточнее Адры), где найдены монеты с финикийской легендой 'bdrt[82].

А. Дитрих, анализируя иберийскую топонимику, пришел к выводу, что финикияне основали на Пиренейском полуострове также города Суэл, Картия и Традук-

[78] *Петерс Д. Д.* Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. С. 137.
[79] *Schulten A.* Forschungen in Spanien. AA. 1933. P. 564; *Петерс Д. Д.* Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. С. 138.
[80] *Schulten A.* Forschungen in Spanien. 1933. P. 563.
[81] *Петерс Д. Д.* Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. С. 139.
[82] Работа Г. Клейнера, посвященная хронологии абдерских монет *(Kleiner G.* Zur Chronologic der Munzen von Abdera. Jahrbuch fvir Numismatik. Bd. II. 1950-1951. S. 14-20), нам не доступна. См. о ней: Bibliografia historica de Espana y Hispanoamericana. II. Barcelona, 1957. P. 337.

та[83]. Его доводы, однако, не могут быть признаны убедительными. В частности, в дошедших до нас источниках Суэл рассматривается как город мастиенов (St. Byz., s. v. Σύαλις πόλις Μαστιηνών). Нет ни археологических, ни нумизматических материалов, ни сведений письменной традиции, которые бы свидетельствовали об основании города финикиянами. Ссылка А. Дитриха на еврейское sü'al— «лиса», близкое по звучанию к топониму Суэл, не восполняет этого пробела, поскольку в данном случае речь может идти только о созвучии. Город Традукта-Иоза был основан Августом и заселен выходцами из Северной Африки[84]; таким образом, о его возникновении в период финикийской колонизации не может быть и речи. Ссылка А. Дитриха на легенду об основании Картии Гераклом не подтверждается античной традицией.

* * *

Помимо юга Пиренейского полуострова, важным объектом финикийской колонизации в Западном Средиземноморье была Сицилия, а также прилегавшие к ней острова. По этому поводу имеется совершенно недвусмысленное указание Фукидида (VI, 2, б): «Жили также и финикияне по всей Сицилии, захватив приморские мысы и прилегающие островки ради торговли с сикулами». Аналогичное сообщение мы находим и у Диодора (V, 35, 3): «Поэтому-то финикияне, в течение продолжительного времени в результате такой торговли получая большой доход, высылали многочисленные колонии, одни — в Сицилию и на соседние с нею острова, а другие — в Ливию, Сардинию и Иберию». Оба автора отмечают, что развитие торговли послужило причиной финикийской колонизации Сицилии. У Диодора наблюдается определенная тенденция связать колонизацию Сицилии с испанской торговлей финикиян.

К моменту финикийской колонизации, как рассказывает Фукидид (VI, 2), Сицилия была заселена тремя этническими группами — сиканами, сикулами и элимами. Как полагают, сиканы, жившие в западной части острова, этнически и культурно были связаны с населением Иберии. Сикулы, появившиеся в Сицилии примерно в XI в., были италиками, о чем, кроме Фукидида, свидетельствуют сикульские глоссы античных авторов[85]. Элимы обычно связываются с лигурами и **Лигурийской** культурой[86], хотя традиция (Thuc., VI, 2) указывает на их малоазиатское происхождение.

Еще в середине II тысячелетия до н. э. Сицилия становится ареной торговой деятельности микенских и критских купцов[87]. С того времени сицилийские народно-

[83] ***Dietrich A.*** **Phonizische Ortsnamen in Spanien. Leipzig, 1936.**
[84] ***Schulten A.*** **Traducta. P.-W. RE. Bd. VI. 1937. C. 1892-1893.**
[85] ***Тройский И. М.*** **Очерки по истории латинского языка. М.; Л., 1953. С. 60-61;** ***Veller E.*** **War das Sikulische eine italische Sprache? Glotta. XL. 1962. N1-2. P. 62-73.**
[86] ***Hulsen.*** **Elymi. P.-W. RE. Bd. V. 1905. C. 2467-2468.**
[87] ***Чайлд Г.*** **У истоков европейской цивилизации. С. 317.**

сти начинают принимать все большее участие в обмене товарами. Как справедливо отмечает Циглер, тот факт, что сицилийскими греками были усвоены сикульские названия мер и весов, свидетельствует о большой роли, которую играла торговля ко времени греческой колонизации Сицилии в жизни ее коренного населения, земледельческого в основной своей массе[88].

Несомненно, что ранние связи Сицилии с Эгейским миром подготовили почву для развития в конце II тысячелетия до н. э. финикийской торговли.

В исторической литературе античная традиция о ранней финикийской колонизации Сицилии неоднократно оспаривалась. Известный русский ученый Ф. Ф. Соколов в работе, посвященной древнейшему периоду истории Сицилии, подвергнув справедливой убийственной критике недоказуемые гипотезы Моверса о ранней колонизации финикиянами этого острова[89], утверждал, что имеются основания говорить об освоении финикиянами лишь западного угла Сицилии. Он допускал, что, помимо Мотии, Солунта и Панорма, финикияне владели Тапсом, Макарой и Миноей; возможно, по мнению Ф. Ф.Соколова, что финикиянами были основаны колония на мысе Лилибей, а также города Мазара в области Селинунта[90]. По мнению Ю. Белоха, полностью отвергавшего нарративную традицию, греческая колонизация Сицилии, Италии и Лигурии предшествовала возникновению здесь финикийских поселений[91]. П. Орси и его многочисленные последователи полагают, что греческая колонизация Сицилии на востоке и финикийская на западе осуществлялись одновременно[92]. По мнению Р. Карпентера, сообщения Фукидида о финикийских поселениях в Сицилии были теоретическим домыслом этого автора, пытавшегося согласовать наличие финикиян в западной части острова с сообщениями Гомера о широком развитии финикийской торговли на Западе после Троянской войны[93]. Основной аргумент, который выдвигается противниками теории ранней колонизации финикиянами всей Сицилии, заключается (как это имело место применительно и к колонизации Пиренейского полуострова) в отсутствии достаточных археологических материалов.

Однако существует и другая точка зрения на этот вопрос. В частности, Циглер[94]

[88] *Ziegler.* **Σικελία. P.-W. RE. 2. Reihe. Bd. II. 1923. C. 2461-2522.**

[89] *Movers A.* **Die Phönizier. Bd. II. Teil 2. Bonn, 1850.**

[90] *Соколов Ф. Ф.* **Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865. С. 101.**

[91] *Beloch J.* **Griechische Geschichte. Bd. I. C. 253. Точку зрения Белоха разделяет и Парети** *(Rareti L.* **Sui primi commerci e stanziamenti fenici nei paesi Mediterranei e specialmente in Sicilia. Archivo Storico Italiano. Vol. X. 1934. C. 3-28. Цит. по:** *Berard J.* **La colonisation grecque de l'Italie meridioimle et de la Sicile. Paris, 1941. C. 81).**

[92] *Колобова К.М.* **Из истории раннегреческого общества. С. 176, 310, примеч. 147 со ссылкой на П. Орси** *(Orsi P.* **Hermata triglena. Strena Helbigiana. 1900. C. 277сл.; ср.:** *Berard J.* **La colonisation grecque de l'Italie meridionale et de la Sicile. P. 270).**

[93] *Carpenter R.* **The Phoenicians in the West. AJA. 1958. N1. P. 37.**

[94] *Ziegler.* **Σικελία. C. 000.**

не подвергает сомнению точность сообщения Фукидида[95]. Он целиком основывается на письменной традиции, полагая, что первые поселения финикиян, которые он считает не колониями в собственном смысле слова, а торговыми факториями, можно датировать рубежом II и I тысячелетий. Правда, он делает оговорку, что непосредственно из текста Фукидида эта датировка не вытекает. Из него следует только, что финикияне появились в Сицилии до греческой колонизации. Такова же в общем позиция Э. А. Фримена[96], А. Гольма[97], Дж. И. С. Уайтейкера[98]. Э. Пайс также не видел причин для того, чтобы отрицать финикийскую торговлю в Сицилии уже в XI в.[99]

Отсутствие прямых археологических свидетельств не может поставить под сомнение факт ведения финикиянами торговли в Сицилии. Как показал О. Бем, сведения Фукидида по истории Сицилии восходят к труду сиракузского историка Антиоха (вторая половина V в.)[100]; следовательно, нет оснований говорить о сообщении Фукидида как об ученой конструкции. В его распоряжении была местная сицилийская традиция. Показательно, что сведения Фукидида совпадают с сообщением Диодора, восходящим к Тимею. Надо полагать, что у сицилийских историков имелись достаточные данные, характеризовавшие и историю финикийской колонизации Сицилии, и историю борьбы между финикиянами и греками на острове. И если Фукидид, в точности и достоверности сообщений которого, как правило, сомневаться не приходится, воспользовался этими данными, то уже одно это свидетельствует в пользу их истинности.

В пользу письменной традиции свидетельствует и местная сицилийская ономастика. В частности, Птолемей (III, 4, 8) сохранил название Финикийская Гавань (Φοινικοῦς λίμην) для местности, расположенной к северу от мыса Пахин. Между Мессаной и Тавромением, как отмечает Ж. Берар, находилась местность Феникс (Phoenix)[101]. Он предполагает, что и имя собственное Συρακούσαι (Сиракузы) является греческой передачей древнейшего финикийского названия. Во всяком случае на острове Ортигия еще в конце VIII в. существовало сикульское поселение, где, возможно, имелось сезонное пристанище для финикийских купцов[102].

Эпос (Odyss., XV, 403 сл.), сомневаться в достоверности которого нет оснований, сохранил указания на финикийскую торговлю у восточного побережья Сицилии[103].

[95] **Ср.: *Лурье С. Я.* Очерки по истории античной науки. М.; Л., 1947. С. 300: «До сих пор историческая наука не нашла у Фукидида ни одного неправильного исторического сообщения».**

[96] ***Freeman E. A.*** **The history of Sicily from the earlist times. Vol. I. London, 1891. C. 242-245.**

[97] ***Holm A.*** **Geschichte Siziliens im Altertum. Bd. I. Leipzig, 1870. P. 80-83.**

[98] ***Whitaker J. I. S.*** **Motya, a Phoenician colony in Sicily. London, 1921. P. 43.**

"Pats *E.* Storia dell'Italia antica. Vol. I. Roma, 1925. P. 142-145.

[100] ***Boehm A.*** **Fontes rerum sicularum quibus Thucydides usus sit. Ludwigslust, 1875.**

[101] ***Berard J.*** **La colonisation grecque de l'Italie meridionale et de la Sicile. P. 80-85.**

[102] **Ibid. P. 142.**

[103] **Schmidt J. Ὀρτυγίη, P.-W. RE. Halbbd. XXXVI. 1942. Стб. 1520-1526. В пользу отождествле-**

Вероятно, финикияне не создавали в этом районе каких-либо прочных поселений, основывая временные торговые фактории, не имевшие постоянного населения. Финикияне вели здесь торговлю драгоценным металлом, тканями, благовониями и иными предметами роскоши, а также рабами[104]. Вероятно, имела место и посредническая торговля — вывоз ремесленных изделий из Эгейского бассейна. С.Гопкинс, очевидно, прав, когда сходство между удлиненными статуэтками Сардинии и Южной Италии и соответствующими памятниками греческого геометрического стиля объясняет развитием финикийской торговли в XI-VIII вв.[105]

Причину того, что основным районом финикийской колонизации в Сицилии стала не восточная, а западная ее часть, следует искать в стратегическом положении указанных территорий. Восточная Сицилия как бы замыкает собой восточную часть Средиземноморья, тогда как западная Сицилия открывает путь в Западное Средиземноморье—к берегам Лигурии, к Италии, к Пиренейскому полуострову. Большое значение для финикиян имела близость западной Сицилии к североафриканскому побережью, где к тому времени уже появились их первые колонии (Утика). Владея обоими берегами гигантского пролива, соединяющего Восточное Средиземноморье с Западным, финикияне могли рассчитывать, что им удастся на некоторое время избавиться от внешней конкуренции и обеспечить на Западе свою торговую монополию. Не случайно, когда началась греческая колонизация Сицилии, финикияне обратили основное внимание именно на укрепление своих позиций в западной части острова.

Литературные источники не содержат данных, которые позволили бы точно датировать создание в Сицилии финикийских колоний, в частности Мотии. В словаре Стефана Византийского (s. v. Μοτύη) сохранилось (со ссылкой на Гекатея) следующее предание о происхождении названия города: «Мотия, город сицилийский, по имени Мотии — женщины, указавшей Гераклу угнанных его быков». В данном случае перед нами, несомненно, греческая этиологическая конструкция, хотя связь ее с легендой о Геракле и заставляет предполагать, что версия Стефана Византийского—Гекатея как-то связана с местным финикийским преданием. Несколько больший свет проливают на этот вопрос данные раскопок Мотии, опубликованные в 1921 г.

Мотия была основана на южной оконечности островка Сан-Панталео у западного побережья Сицилии. Она была окружена стенами и башнями, выложенными из необработанных каменных плит без применения какого-либо вяжущего материала. Фундаменты башен представляли собой два ряда четырехугольных каменных

ния упоминаемого в «Одиссее» острова Ортигия с одноименным островом у побережья Сицилии высказывается и Лоример *(Lorimer H. L.* Homer and the monuments. P. 81).

[104] *Dunbabin F. G.* The western Greeks. Oxford, 1948. P. 20-21.

[105] *Hopkins C.* Early Phoenician trade in the Mediterranean // A JA. 1957. N2. P. 183.

блоков, подвергшихся предварительной грубой обработке.[106] В северной части острова обнаружено древнейшее кладбище. Впоследствии оно было оставлено в связи с расширением города, когда некрополь с острова Сан-Панталео был перенесен в Сицилию, в местность Бирджи, находившуюся вблизи города. Существенное значение имеет то, что, как отметил Уайтейкер, некрополь был найден под городской стеной[107]; он существовал, следовательно, до появления городских укреплений. Находка в некрополе протокоринфской вазы позволяет датировать постройку стен Мотии серединой VII в. Несомненно, что и некрополь, и город возникли задолго до постройки стен. По аналогии с Норой можно утверждать, что Мотия была основана не позднее X в. до н. э.

Особый интерес представляет то, что, по данным Уайтейкера, захоронения в древнейшем некрополе Мотии были почти исключительно кремационными[108]. Здесь обнаружены лишь семь саркофагов, сосредоточенных в западной части некрополя. Эти саркофаги были изготовлены из песчаника, не имели украшений и отличались грубостью отделки. Число кремационных погребений достигает 200. Эти захоронения совершались в своеобразных урнах и сопровождались мелкими керамическими изделиями, в которых, по правдоподобному предположению Уайтейкера, должна была находиться пища покойного. Последнее обстоятельство совершенно исключает мысль о сакральном характере погребений, что подтверждается также и отсутствием соответствующих вотивных надписей. Уайтейкер полагает, что в Мотии обычай трупосожжения возник в связи с необходимостью экономить земельные ресурсы города. Думается, однако, что отступления от сакральных норм только вследствие нехватки земли для некрополя вряд ли были возможны. Какие-либо данные, которые позволили бы приписать эти погребения коренному населению Мотии, также отсутствуют. Можно предполагать, что кремационные погребения Мотии в отличие от карфагенских, представлявших собой человеческие жертвоприношения, свидетельствуют об участии в основании города нефиникиян, впоследствии быстро финикиизировавшихся.[109] Следует в этой связи отметить, что и на самом острове, вблизи северной улицы, были найдены ингумационные погребения, что лишний раз подчеркивает немотивированность предположения Уайтейкера и показывает, насколько кратковременным и незначительным был эпизод с трупосожжением в жизни Мотии. Если наше предположение справедливо и наличие кремационных погребений

[106] *Whitaker J. I. S.* **Motya, a Phoenician colony in Sicily. P. 141-146.**
[107] **Ibid. P. 208.**
[108] **Ibid. P. 209-219, 238-256.**
[109] **Интересно в этой связи отмеченное Ж. Бераром сходство указанных погребений с материалами ранних некрополей Сиракуз и Мегары *(Berard J.* La colonisation grecque de l'Italie meridionale et de la Sicile. P. 270). Б. Х. Уормингтон показал близость керамики Мотии к соответствующим материалам из аль-Мины *(Warmington B.H.* Carthage. London, 1960. P. 28). Быть может, среди основателей Мотии находились выходцы из Эгейского бассейна?**

действительно свидетельствует об этнической разнородности древнейшего населения Мотии, то придется признать, что финикийское колонизационное движение не ограничивалось только Тиром или финикийскими городами. Очевидно, в это движение были втянуты и другие народности, с которыми финикияне поддерживали какие-то сношения.

Археологическое обследование Мотии позволило обнаружить там две улицы — северную и южную, заканчивавшиеся непосредственно у берега моря. В южной части острова Сан-Панталео финикиянами была сооружена обычная для финикийских городов искусственная гавань — котон (размером 51x37 м^2)[110], что говорит о значительной роли, которую играла морская торговля в жизни города. Рост торговых связей привлекал в Мотию все новых поселенцев, в результате чего произошло, вероятно, перемещение городского некрополя в Бирджи, т. е. непосредственно в Сицилию.

Другая финикийская колония в северо-западной Сицилии, Панорм, возникла, как показывают археологические материалы, на месте, где до этого существовало сиканское поселение.[111] Возможно, что между колонистами и сиканами произошло столкновение и сиканское поселение было уничтожено. Датировка основания Панорма не поддается точному определению. Древнейшие известные нам финикийские погребения из Панорма датируются VI в., а монеты с финикийской или греческой легендой — только V в. Наиболее вероятно, что Панорм возник вскоре после основания Мотии.

Какие-либо археологические материалы, подтверждающие пребывание финикиян в районе Солунта, до сих пор не выявлены, если не считать финикийскую статую неизвестного времени, изображающую богиню, восседающую на троне[112].

* * *

Можно предполагать, что колонизация финикиянами Сардинии происходила одновременно с колонизацией Сицилии. Географическое положение делает Сардинию исключительно важным опорным пунктом на подступах к Центральной Италии. Стремясь обеспечить себе доступ на италийские рынки, к этрускам, финикияне, несомненно, должны были здесь создать свои колонии.

Этническая принадлежность древнейших обитателей Сардинии до сих пор не определена. Обычно, ссылаясь на параллели в местной ономастике, их считают

[110] *Whitaker J. I. S.* **Motya, a Phoenician colony in Sicily. P. 163-193.**

[111] *Acanfora M. D.* **Panormo punica. AANL. Vol. I, fasc. 5. 1947. P. 199 сл.**

[112] *Berard J.* **La colonisation grecque de l'Italie meridionale et de la Sicile. С. 268. Предположение Р. Хакфорта, что Мотия, Панорм и Солунт были основаны во время греческого вторжения в Сицилию (Cambridge Ancient History. Vol. IV. Oxford, 1926. P. 349), покоится на неточном истолковании текста Фукидида (VI, 2, 6).**

принадлежащими к иберо-Лигурийской группе народностей[113]. Античная традиция полагает вероятным участие в заселении Сардинии также и ливийцев (ср.: Paus., X, 17, 2; Solin., 4, 1; Cic, Pro Scauro, 19, 42 и 45). Но уже то, что предводителем ливийцев античная традиция называет Сарда, по имени которого якобы получил свое название и остров, заставляет отнестись к этому преданию как к исторически недостоверной этиологической легенде, одной из тех, которые были широко распространены в греко-римской литературе. Не исключено, что в этом предании нашло свое отражение завоевание острова карфагенянами в более поздний период.

В конце II тысячелетия до н. э. Сардиния находилась в достаточно тесном контакте как с Эгейским бассейном, так и со странами Ближнего Востока. По указанию Г. Чайлда, в Сардинии найден «кипро-микенский» медный слиток с надписью.[114] Участие племен шардана — сардинцев — в нападениях «морских народов» на Египет общеизвестно. Таким образом, финикияне еще до своего появления на острове могли вступить с его аборигенами в непосредственный контакт и от них получить сведения о значительных природных богатствах Сардинии — обсидиане, меди, серебре. Строительство киклопических башен — нурагов — высотой в 10-20 м, окруженных группами круглых хижин, свидетельствует о том, что в Сардинии происходил процесс выделения родоплеменной аристократии. Сами нураги, видимо, использовались для закрепления господства знати над порабощенным населением.

Одной из древнейших колоний финикиян в Сардинии была Нора. Обнаруженные в этом городе археологические материалы исследователи склонны датировать сравнительно поздним временем — VII в. и позже[115], однако найденная там же финикийская надпись (CIS, I, 144) палеографически бесспорно датируется концом X или началом IX в.[116] Таким образом, имеются все основания датировать колонизацию финикиянами юга Сардинии и появление Норы в этом районе временем не позже X в. до н. э.

Существенно важными районами финикийской колонизации в Западном Средиземноморье были острова Мальта и Гоццо (ср.: Diod., V, 12), которые обеспечивали связь финикиян с Западом. Археологически присутствие финикиян и греков здесь засвидетельствовано только для VIII-VII вв.[117], т.е. для того времени, когда между финикийскими колониями и греками уже велась ожесточенная борьба за пер-

[113] ***Rhilipp.*** **Sardinia. P.-W. RE. 2. Reihe. Halbbd. II. 1920. Стб. 2480-2495.**

[114] ***Чайлд Г.*** **У истоков европейской цивилизации. С. 347.**

[115] ***Patroni G.*** **Nora, coloniia fenicia in Sardegna. MA. Vol. XIV. 1905. P. 110-258. Согласно публикации Патрони, в Норе обнаружены святилище, посвященное, по его мнению, культу Тиннит, погребения, а также богатый инвентарь.**

[116] ***Albright W. F.*** **New light on the early history of the Phoenician colonizations. P. 19. В особенности характерна архаичная форма буквы к.**

117 Mayr A. **Die Insei Malta im Altertum. Munchen, 1909. P. 76; *A. Garcia y Bellido.* Phonizische und griechische Kolonisation. Historia Mundi. Bd. III. 1951. P. 332.**

венство. Мальтийская колония финикиян играла, видимо, немаловажную роль в жизни Западного Средиземноморья и могла сама выводить колонии. Ахолла — одно из финикийских поселений в Тунисе, находившееся, по предположению А. Майра, неподалеку от Рас Кадидже[118], — считалось в древности колонией мальтийцев (St. Byz., s. v. Ἄχολλα).

* * *

Большую роль в истории финикиян на Западе сыграла колонизация ими Магриба, расположенного на пути к Пиренейскому полуострову. Магриб представляет собой горную страну, пересекаемую отдельными плодородными низменностями. Горы тянутся здесь от побережья Атлантического океана до мыса Бон, на расстояние примерно 2400 км; они затрудняют связь между отдельными районами Магриба и делают некоторые из них совершенно неприступными. В последнем обстоятельстве заключалась одна из причин, почему финикийские, а позже карфагенские колонисты старались обосновываться вдоль берегов моря, либо — в самом крайнем случае — в долинах рек и в достаточно обжитых низменных районах. Наиболее привлекательными для новых поселенцев были долина реки Баграда (совр. Меджерда) и приморская низменность Сахэль, тянущаяся от залива Хаммамат до Триполитании (северный Тунис). Этот район был очень важен в стратегическом отношении: он открывал непосредственный доступ в Западное Средиземноморье. К тому же эта местность еще в древности славилась исключительным плодородием. Геродот (IV, 198) рассказывает, что почвы Кинопа давали урожай в сам-триста. Эти сведения, восходящие к Гекатею, в общем хорошо согласуются с показаниями других авторов (Liv., XXX, 16; Plin., Nat. hist., V, 24; XVII, 41; XVIII, 94; Strabo, II, 5, 30; XVII, 3, 1). Правда, Страбон называет район более обширный, чем геродотовский Киноп, но это расширение пахотной земли следует отнести за счет проведения в древности значительных ирригационных работ, следы которых сохранились[119]. Строительство крупных оросительных каналов в Северной Африке началось еще в период карфагенского господства (Diod., XX, 8, 3, 4). Наличие столь благоприятных условий для земледелия, несомненно, содействовало быстрому прогрессу коренного ливийского населения.

Античная письменная традиция не сохранила никаких достоверных данных о жизни и общественном строе ливийцев к концу II тысячелетия. Сведения, имеющиеся у Саллюстия (Bell. Iugurth., XVIII), по его словам восходят к трудам пунийских историков (ibid., XVII, 7). Однако этот источник показывает только, насколько мало были осведомлены сами карфагеняне об историческом прошлом Магриба. У Сал-

[118] *Mayr A.* Die Insel Malta im Altertum. C. 71 сл.
[119] BA. 1905. C. 57, 63.

люстия сохранились лишь чисто фантастические сведения о происхождении нумидийцев и ливийцев от персов, мидян и армян.

Данные археологии дают основание полагать, что в период неолита в Магрибе имели место отделение земледелия от скотоводства и возникновение оседлых укрепленных поселений. На мысе Бон, в частности, при раскопках неолитического поселения найдены ручные мельницы[120]. Неподалеку от него, в районе Джебель эль-Калаа, обнаружены примитивные по своей конструкции стены, длиной 400 м, сложенные из массивных плит 121, видимо, являющиеся остатком поселения земледельцев[122].

Наиболее подробные сведения, характеризующие ливийское общество на грани II и I тысячелетий, содержат надписи египетского фараона Рамзеса III из Мединет-Абу, посвященные его войнам с ливийцами, а также сообщения папируса Гаррис[123]. Правда, речь в данном случае идет о ливийских обществах, живших вблизи египетской границы, т. е. в восточной Ливии, однако ясно, что по уровню своего развития восточные и западные ливийцы не могли резко отличаться друг от друга.

Согласно этим материалам, на границе с Египтом находились ливийские племенные образования — машаваша[124] и техену. Наряду с ними упоминаются и собственно ливийцы. Во главе этих племенных образований стояли вожди (wr). Во время войны с ливийцами египтяне захватили одного из вождей машаваша — Капура. В тексте, где перечисляется военная добыча, термин «вождь» употреблен во множественном числе. Автор, очевидно, имел основания полагать, что будет захвачен не один, а несколько вождей машаваша. В другой надписи упоминаются вожди страны машаваша. Можно предполагать, что этническая группа машаваша представляла собой союз племен, каждое из которых имело своего племенного вождя. Наряду с вождями (wr) из общей массы в 1205 пленных выделены 5 человек, обозначенные термином —по-видимому, представители племенной знати. Остальные пленные машаваша составляли, вероятно, рядовую массу.

Таким образом, египетские источники отразили процесс выделения у восточных ливийцев из массы членов племени аристократической верхушки — вождей и знати. Вероятно, и западные ливийцы находились на таком же уровне общественного развития, когда они в конце II тысячелетия столкнулись с финикийскими колони-

[120] *Baumgdrtel E.* Tunis. RLV. Bd. XIII. 1929. P. 456-482.

[121] *Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. Paris, 1913. P. 198.

[122] *W. v. Bissing.* Karthago und seine griechische und italische Beziehungen. SB. Vol. VII. 1933. P. 86-87.

[123] *Breasted J.H.* Ancient records of Egypt. Chicago, 1927, §36-58, 83-114, 405.

[124] Предполагают, что это название соответствует греческому Ma^urji: и современному берберскому Amaziy *[Berthelot A.* L'Afrique Saharienne et Soudanaise. Paris, 1927. P. 130; *Frase K. G.* L'origine du mot Amaziy. Acta Orientalia. Vol. XXIII, N3-4. P. 107).

стами[125]. Заинтересованность аристократической верхушки в развитии финикийской торговли, несомненно, служила важной предпосылкой успеха при основании финикийских колоний.

Античная традиция сохранила некоторые сведения о финикийской торговле на территории Ливии. В «Одиссее» рассказывается о том, как, вернувшись после длительных скитаний на родину, Одиссей в беседе с пастухом Евмеем выдает себя за претерпевшего много бедствий критянина, которого превратности судьбы забросили в Египет. Вот что он говорит: «Тогда пришел финикиец, муж, сведущий в хитростях, мошенник, который много зла причинял людям. Он меня, уговорив такими речами, побудил, чтобы мы прибыли в Финикию, где находились его дома и имущество. Там у него я оставался в течение целого года. Но когда завершились месяцы и дни вновь окончившегося года и пришла весна, он меня повез в Ливию на корабле, плавающем по морям, замыслив обман, чтобы я с ним вез товар (φόρτον), а там чтобы и меня продать в рабство (περάσειε) и получить огромную плату (ασπετον ώνον)» (Odyss., XIV, 288-297). При разборе этого отрывка возникает ряд трудностей, причем первая и наиболее существенная проблема заключается в хотя бы приблизительной датировке тех исторических обстоятельств, о которых идет речь. Как известно, окончательно текст гомеровского эпоса сложился в IX-VIII вв. Но в эпосе нашли свое отражение и те особенности греческой жизни, которые были характерны для более раннего периода — для периода крито-микенской культуры. Некоторые детали рассказа Одиссея позволяют предполагать, что в нем отражено время, соответствующее периоду набегов «морских народов» на Египет. Дело в том, что несколькими строками выше (XIV, 245 сл.) речь идет о неудачном морском набеге на Египет, в котором якобы принимал участие рассказчик. Если это так, то можно было бы сделать вывод о наличии весьма ранних торговых связей финикиян с Ливией. В пользу такого толкования памятника говорит и несомненное, как мы видели выше, наличие торговых связей финикиян с южной Испанией в XIII—XII вв. Но, как бы то ни было, свидетельство эпоса представляет совершенно исключительный интерес. И рассказчик, и его слушатель не сомневаются в том, что финикиянин направится для продажи своих товаров именно в Ливию. Эти товары, видимо, не отличались от тех, которыми финикияне торговали с другими своими контрагентами. Отсюда можно сделать вывод, что к моменту возникновения рассказа финикийская торговля в Ливии велась систематически, а начало ее следует отнести ко времени задолго до возникновения интересующего нас здесь повествования. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что Ливия представляется важным рынком сбыта рабов, таким рынком, где торговля рабами стала делом в высшей степени

[125] **Ср.: *Reyniers.* Notes sur le sanctuaire punique d'El-Hofra (Constantine). Recueil des notices et memoirs de la Societe Archeologique, Historique et Geographique de Constantine. Vol. LXX. 1957-1959. P. 110-123.**

прибыльным. Последнее возможно было только в условиях возникновения в Ливии рабовладельческого хозяйства[126].

Если не считать Ликса, который не сыграл какой-либо заметной роли в истории Африки и основание которого было связано скорее с попытками финикиян захватить в свои руки Гибралтарский пролив, нежели с их намерениями закрепиться на территории Магриба, первой колонией на Средиземноморском побережье Африки была Утика. О дате основания этого города античная традиция сохранила некоторые точные указания. Так, у Плиния (Nat. hist., XVI, 216) мы находим сообщение об основании города «1178 лет назад». Другой источник (Ps.-Arist., De mir. aus., 134) отмечает, что Утика, «как говорят, была основана на 287 лет раньше самого Карфагена, как написано в финикийских историях». Последнее указание особенно важно: неизвестный автор воспользовался данными, восходящими к трудам финикийских историков, что повышает ценность его хронологических выкладок. Наконец, Веллей Патеркул (I, 2, 4) писал, что Утика была основана вскоре после основания Гадеса (post paucos annos). Если учесть, что Карфаген был основан в 825 г., то в таком случае следует признать датой основания Утики 1112 г.[127] Археологически Утика изучена слабо. Древнейшие открытые здесь погребения датируются VIII в. до н. э.[128], что не исключает, однако, возможности нахождения в будущем и более ранних некрополей.

Об обстоятельствах, при которых была основана Утика, Юстин (XVIII, 4, 2) сообщает следующее: «До избиения господ они (тирийцы. — *И. Ш.),* будучи в расцвете сил и имея многочисленное население, отправив в Африку молодежь, основали Утику». Прочие источники (Plin., Nat. hist., V, 76; St. Byz., s. v. Ἰτύκη; Vell. Pat., I, 2, 4) подтверждают версию Юстина об основании Утики тирийцами[129]. Отправляя в

[126] Представляется недостаточно обоснованной точка зрения В. фон Биссинга *(W. v. Bissing.* Karthago und seine griechische und italische Beziehungen. P. 84), полагающего, что торговые связи финикиян с Северной Африкой относятся только ко времени возникновения Утики, которая, по его мнению, была основана финикийскими купцами, возвращавшимися из Гадеса на родину и воспользовавшимися для этой цели благоприятными течениями, ведущими от Гадеса непосредственно к району Утики. С. Я. Лурье (История Греции. Т. I. Л., 1940. С. 79), рассматривая отрывок из «Одиссеи», о котором шла речь, полагал, что в данном случае рассказывается, как «грек впервые научается торговать у финикиянина». Неточность подобного толкования очевидна. В отрывке речь идет о том, что финикиянин пытается продать грека в рабство. Возникновение же в Эгейском бассейне торговли причинно не связано с деятельностью финикиян в этом районе.

[127] Если это так, то датой издания «Естественной истории» Плиния Старшего, или по крайней мере ее XVI книги, следует признать 66 г. н.э., что не противоречит датам жизни этого ученого (23/4-79 гг.). Ст. Гзелль, считающий датой основания Утики 1101 г., исходит из «тимеевской» датировки основания Карфагена 814 г. *(Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 361).

[128] *Cintas P.* Deux campagnes des fouilles a Utique. Vol. II. Karthago. 1951.

[129] Ср., однако, у Силия Италика (Sil. It., Pun., III, 3, 241-242) — proxima Sidoniis Utica, что является, несомненно, данью поэтической традиции.

Северную Африку экспедицию «молодежи», правительство Тира достигало сразу же нескольких целей. Оно создавало укрепленную базу на подступах к Пиренейскому полуострову и тем самым закреплялось окончательно на важнейших торговых путях; одновременно оно получало возможность использовать эту базу для развертывания торговли непосредственно в Магрибе и для дальнейшей колонизации этой территории. Постепенно Утика превратилась в значительный торговый центр, который даже попытался в X в. обрести политическую самостоятельность (Fl. Ios., Ant. Iud., VIII, 146; Contra Aρ., I, 18)[130]. По сообщению Саллюстия (Bell. Iugurth., XIX, 1), такие крупные финикийские колонии, как Гиппон, Хадрумет и Лептис, были основаны финикиянами до основания Карфагена, хотя, вероятно, и позже Утики. Более точно датировать их возникновение в настоящее время не представляется возможным. Несомненно, однако, что колонизация Северной Африки представляла собой длительный процесс.

Об основании Лептиса Саллюстий (Bell. Iugurth, LXXVIII, 1) сохранил следующее известие: «Этот город был основан сидонянами, о которых мы знаем, что они, будучи изгнанными вследствие гражданских смут (profugos ob discordias civiles), на кораблях прибыли в эти места». Плиний (Nat. hist., V, 76), однако, называет основателем Лептиса Тир[131]. Судя по тому, что Саллюстий (Bell. Iugurth., LXXVIII, 4) отмечает сохранение в Лептисе сидонского права и культов (legum cultusque pleraque Sidonia; ср.: Iud., XVIII, 7, 28: mispat sidönim—«сидонское право»), указание Плиния представляется недостоверным.

У ряда авторов Лептис имеет также греческое название — Νεάπολις (Per. Ps.-Scyl., 109-110; Strabo, XVII, 634: Νεάπολις, f) καῖ Λέπτιν καλούμεν), бывшее, вероятно, переводом финикийского qrt hdst — «новый город». Э. Мейер в связи с этим утверждал, что Лептис был основан карфагенянами в VI в.[132] О. Мельтцер предполагал, что это название появилось после того, как Лептис вошел в VI в. в состав Карфагенской державы[133]. Вопрос о том, какое из названий города является древнейшим, весьма неясен, однако нет никаких оснований утверждать, что более древним было

[130] **Рукописи не дают точного чтения названия города в указанных отрывках из произведений Иосифа Флавия: обычны формы Ἡνκαίοις или Τιτυοῖς. К. Белох *(Beloch K.* Griechische Geschichte. Bd. I. P. 251) полагал, что речь идет о неизвестном городе в Сирии; Моверс *(Movers.* Die Phönizier. P. 220) считал, что имеется в виду Китион — колония Тира на острове Кипр (ср. также: *Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 361). Однако общепринятой является конъектура Гутшмида Ἰτυκαίοκ; *(Gutschmied.* Kleine Schriften. Bd. II. Berlin, 1890. P. 62 и 68-89), которую принял и Б. А. Тураев (Остатки финикийской литературы. СПб., 1903. P. 96, 102).**

[131] **Ср.: Sil. It., Pun., III, 255: Sarranaque Leptis. О.Мельтцер полагает, что в этом случае перед нами поэтический оборот *(Meitzer O.* Geschichte der Karthager. Bd. I. Berlin, 1876. P. 457).**

[132] ***Meyer E.* Geschichte des Altertums. Bd. II. Berlin, 1889. P. 807.**

[133] ***Meitzer O.* Geschichte der Karthager. Bd. I. P. 98; *Dessau.* Leptis Magna. P.-W. RE. Halbbd. XXIV. 1925. Стб. 2074-2076; *Gsell St.* Histoire ancierine de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 362-363.**

имя Лептис. Нам представляется, что название Νεάπολις — греческий перевод древнейшего названия города. Не случайно в Перипле Псевдо-Скилака название Лептис вообще не употребляется, тогда как у Страбона имя Νεάπολις явно является первичным, а Λέπτις — вторичным, производным. Вполне естественно, что, подобно тому как Карфаген был назван «новым городом» в противоположность «старому городу» — Тиру, Лептис, основанный при аналогичных обстоятельствах, получил свое название в противоположность «старому городу» — Сидону.

Сравнительно недавно в Лептисе обнаружены археологические памятники, датируемые VIII в. до н. э.[134], что позволяет уточнить terminus ante quem даты основания города.

Саллюстий упоминает о тесном контакте граждан Лептиса с нумидийцами, иначе говоря — с окружающим Лептис коренным ливийским населением. По сообщению этого автора, язык жителей Лептиса испытал заметное воздействие нумидийского языка (eius civitatis lingua modo convorsa conubio Numidarum). Судя по термину, употребленному источником, между Лептисом и соседними с ним племенами существовало установление, аналогичное римскому ius conubii. Наличие ius conubii свидетельствует о прочных, устойчивых и давних дружеских связях Лептиса с ливийцами.

С первых лет своего существования Лептис, несомненно, вел на побережье Большого Сирта разностороннюю и обширную торговлю. Финикияне не ограничивались только освоением побережья, они старались активно проникнуть в глубь материка, добиваясь при этом значительных успехов. Сравнительно недавно были обнаружены три караванные дороги, одна из которых вела от Лептиса на Мурзук, другая — на Гадамес и третья — на Мизда[135]. Когда бы ни были построены эти дороги, их направление было обусловлено направлением торговых путей, проложенных, очевидно, еще в период самостоятельного существования города.

Другим крупным центром, упомянутым в отрывке Саллюстия, был Хадрумет, основанный, согласно Солину (XXVII, 9), Тиром. Сохранившееся у Стефана Византийского (s. v. Ἁδρύμητος) предание о том, что основателем города был некто Ἁδρύμης, представляет собой обычную для греческой литературы этиологическую версию. Значительный интерес представляет открытое в Хадрумете древнее святилище, аналогичное карфагенскому святилищу Тиннит. Здесь наиболее древние слои находятся ниже современного уровня моря; к сожалению, краткое сообщение, имеющееся в нашем распоряжении, не дает материала для датировки. Как и в карфагенском святилище Тиннит, здесь найдены урны, закрепленные камнями на почве и содержащие остатки животных, а в древнейших слоях и остатки человеческих

[134] ***Barringer B., Garter Th. H.*** **Finding a Phoenician colony. Expedition. Vol. III, 1960. N1. P. 2-10.**

[135] Pace ***B., Sergi S., Caputo G.*** **Scavi Sahariani. MA. 1951. P. 170сл.**

жертвоприношений[136]. Возможно, что святилище было основано в Хадрумете уже в X в. до н. э.

Наконец, третий центр, о котором сообщает Саллюстий, — Гиппон. На Средиземноморском побережье Африки известны два города, носившие это имя, — Гиппон Царский (Sol., XXVII, 5: Hipponem Regiurn postea dictum), находившийся в устье Вади Сейбусе, и Гиппон Диаррит (ibid.: Hipponem alterum de interfluenti freto Diarrhyton nuncupatur), находившийся в районе современной Бизерты. Указание Солина о том, что оба города основаны греческими всадниками, как справедливо замечает Дессау, является «этимологической фантазией»[137]. В ранний период Гиппон Диаррит носил название "Ιππου άκρα (Per. Ps.-Scyl., III; там же и другой вариант: Ίππων πόλις; ср.: Diod., XX, 55, 3); греческая традиция сохранила и сокращенные формы — τά Ίππάγρετα (Arr., Lib., 11), ή των Ίππακριτών πόλις (Polyb., I, 82, 8). Моверс предлагал видеть в формах Ίππου άκρα и Ίππάγρετα грецизированное финикийское 'р' 'hrt («другой Гиппон»), ссылаясь на приведенные выше слова Солина[138]. Однако выражение Hipponem alterum у Солина не указывает на название города; Солин использовал это числительное при перечислении одноименных городов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Перипле Псевдо-Скилака отмечен только "Ιππου άκρα — Гиппон Диаррит, что заставляет усомниться в самом факте существования Гиппона Царского ко времени составления Перипла. Возможно, что Саллюстий в своем перечислении имел в виду именно Диаррит. Однако при нынешнем состоянии источников окончательное решение этого вопроса не представляется возможным[139].

В первой половине IX в. тирский царь Итоваал, согласно сообщению Менандра Эфесского (Fl. Ios., Ant. Iud., VIII, 324), основал в Ливии колонию Ауза, которую Ст. Гзелль считал возможным локализовать в пункте Аумале (Алжир)[140]. Однако, судя по тому, что в других источниках этот город не упоминается, он вряд ли играл в жизни Африки какую-либо заметную роль.

Самой крупной колонией Тира в Северной Африке стал Карфаген. Об основании этого города письменная традиция сохранила два различных варианта предания. Так, Аппиан (App., Lib., 1) сообщал: «Карфаген в Ливии основали финикияне за пятьдесят лет до падения Трои; основателями его были Зор (Ζώρος) и Карходон (Καρχηδών)». Кроме Аппиана, это сообщение имелось у Евдокса Книдского (Scholia ad Eurip., Troad., 220) и у Евсевия (FHG, I, 190). Ст. Гзелль вполне обоснованно

[136] **BA. 1946-1947-1948-1949. P. 215-216. Подробный отчет П. Сэнта (Revue Africaine. 1947. P. 1-80) нам недоступен.**

[137] ***Dessau.*** **Hippo. P.-W. RE. Halbbd. XVI. 1913. Стб. 1721-1722.**

[138] ***Movers.*** **Die Phonizier. P. 144, 511.**

[139] **Ср.: *Meltzer O.* Geschichte der Karthager. Bd. I. P. 95-97, 456; *Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 363.**

[140] ***Gsell St.*** **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 362.**

отмечал искусственный характер этой версии, восходящей, по словам Евсевия, к Филисту[141]. Действительно, в данном случае перед нами типичная этиологическая конструкция: Ζώρος сопоставляется с названием Тира (sör, ср.: I Reg., IX, 11; Jes., XXIII, 1, и т.д.); слово же Καρχηδών представляет собой греческое название Карфагена[142]. Датировать основание Карфагена по этим данным также не представляется возможным, хотя бы уже по той причине, что дата падения Трои по Филисту неизвестна. Очевидная недостоверность построения Филиста заставляет признать недостоверными и его хронологические указания.

Другое предание, восходящее, по словам Аппиана, к карфагенским и римским источникам, сообщает об основании Карфагена тирской царевной Дидоной-Элиссой, потерпевшей поражение в борьбе за власть со своим братом Пигмалионом. Помимо уже указанного выше отрывка из Аппиана, где это предание изложено крайне суммарно, оно приведено также у Вергилия (Aen., I, 335-370) и в наиболее полном виде у Юстина (XVIII, 4—б). Элисса как основательница города упомянута также у Солина Полигистора (XXVII, 9) и у Веллея Патеркула (I, 6, 4).

Значительный интерес представляет анонимный отрывок (FHG, I, 197), содержащий предание об Элиссе со ссылкой на Тимея. Приведем его полностью. «Тиоссо (Θειοσσώ). Тимеи говорит, что она по-финикийски звалась Элиссой и была сестрой Пигмалиона, царя тирийцев; ею, по его словам, был основан Карфаген, находящийся в Ливии. Когда ее муж был убит Пигмалионом, она, собрав имущество на корабль, бежала с некоторыми из граждан и, претерпев много бедствий, была занесена к берегам Ливии, и местными жителями была прозвана Дидоной (Δειδώ) за ее длительные скитания[143]. Основав же указанный город, она отказалась выйти замуж, когда ливийский царь пожелал на ней жениться; побуждаемая согражданами, она, ссылаясь на то, что необходимо произвести священный обряд для освобождения от клятвы, соорудила вблизи от дома большой костер и, возжегши его, бросилась в него из своего дома» **144**.

[141] Ibid. P. 375.

[142] П. Сэнта полагает, что в данной легенде нашел свое отражение постулируемый им факт основания Карфагена двумя этническими группами — финикиянами и киприотами-греками. По его мнению, наличие двух этнических групп в составе основателей города доказывается тем обстоятельством, что древнейшие погребения на холме Дермеш выполнены по методу трупоположения и снабжены финикийским инвентарем, тогда как погребения на холме Юноны представляют собой трупосожжения с инвентарем преимущественно критской или северосредиземноморской традиции *(Cintas P.* Ceramique punique. Paris, 1950. P. 564-577). Однако следует учесть, что погребения на холме Юноны датируются VII в. (ср.: AA. 1931. P. 471-472) и связаны, очевидно, с появлением в городе нефиникийского населения через какое-то время после его основания. Письменная традиция также не содержит данных об участии киприотов-греков в основании Карфагена.

[143] Ср.: App., Lib., I: Διδώ. В одном из поздних греческих словарей это имя переведено как πλανητίς — «блуждающая», перевод с финикийского.

[144] Слово Θειοσσώ О. Мельтцер предлагал заменить на Οἴνουσσα *(Meitzer O.* Geschichte der

Обычно в научной литературе отмечается близость этого варианта предания об основании Карфагена с рассказом Помпея Трога — Юстина; причем, согласно весьма распространенной точке зрения, текст Юстина является воспроизведением труда Тимея, с которым Помпей Трог мог ознакомиться либо непосредственно, либо через посредство неизвестных нам авторов[145]. Однако наряду с несомненным сходством в построении сюжета оба рассказа обнаруживают весьма существенные расхождения. Прежде всего у Юстина ни разу не упоминается имя Дидона, данное, согласно приведенному отрывку, Элиссе ливийцами. У Солина имя Дидона также не упомянуто. Предположить, что Помпей Трог, труд которого конспектировал Юстин, не знал о существовании этого имени, не представляется возможным. Юстин, проявлявший большой интерес ко всем деталям, связанным с происхождением того или иного государства или народа, также должен был обратить внимание на столь важный факт, как переименование основательницы города. Следовательно, остается допустить, что Помпей Трог считал имя Дидона, а значит, и ту версию предания, в которой оно имелось, недостоверной. На недостоверность этого предания намекает, по-видимому, и Веллей Патеркул, когда говорит, что «некий» автор называет Дидону Элиссой.

Помимо фрагмента Тимея, имя Дидона упоминается у Аппиана, Вергилия[146], а также у комментаторов последнего. В рассказе Аппиана (Lib., 1) говорится, что ливийцы оказали сопротивление высадке колонистов (ἐξωθούμενοι δ'ὑπό τῶν Λιβύων),—деталь явно позднего происхождения, поскольку во фрагменте Тимея, цитированном выше, о сопротивлении ливийцев не сказано. Возможно, однако, что эта подробность восходит к римским источникам, использованным Аппианом. Сервий Грамматик (In Aen., IV, 36), давая объяснение имени Дидона (Dido id est virago — «Дидона, т.е. доблестная»), указывает, что оно было дано Дидоне в знак уважения к ее мужеству. Между тем ханаанейские языки не дают оснований для такого толкования.

Вариант Сервия значительно отличается от версии Тимея; по-видимому, источник, которым воспользовался комментатор Вергилия, как-то пытался соединить имя Дидона с тем вариантом предания, в котором оно не упоминалось. Судя по другим

Karthager. Bd. I. P. 463), тогда как Ст. Гзелль — на Δειδώ *(Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 380). Обе конъектуры представляются слабо обоснованными. Это слово имеет характерную форму греческого женского имени. К тому же сам текст противопоставляет его финикийскому «Элисса» и ливийскому «Дидона».

[145] Такова точка зрения О.Мельтцера *(Meitzer O.* Geschichte der Kartbager. Bd. I. C. 114) и Ст. Гзелля *(Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 385сл.). Она же принята и М.Л.Гельцером (О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н.э. // Древний мир. М., 1962. С. 222-223).

[146] Версию Вергилия подробно исследовал О. Россбах *(Rossbach O.* Dido. P.-W. RE. Halbbd. IX. 1903. P. 426-433).

ссылкам у Сервия (In Aen., IV, 682), этим источником были труды Катона. Вероятно, и Аппиан, ссылающийся на римскую традицию, имел в виду историческое сочинение Катона. Таким образом, и в той версии, где встречается имя Дидона, могут быть выделены по крайней мере два варианта. В отрывке из Тимея утверждается, что Элисса возвела костер, в который она бросилась, кончая жизнь самоубийством, вблизи от дома, тогда как Юстин (XVIII, 6, 6-7) рассказывает, что костер был разложен на окраине города и что она не бросилась в огонь, а закололась мечом.

Традиция о дате основания города также не отличается единодушием. Хотя Вергилий и не приводит дату основания города, но по его рассказу ясно, что он придерживается хронологии Филиста. Согласно Тимею, на которого ссылается Дионисий Галикарнасский (Ant. Rom., I, 74), Карфаген был основан за 38 лет до первой олимпиады, т.е. в 814 г.[147] По сообщению Веллея Патеркула (I, 12, 5), Карфаген просуществовал 677 лет и, следовательно, был основан в 823 г. Такую же дату указывает и Солин. Сервий Грамматик (In Aen., I, 12) сообщает, что город был основан за семьдесят лет до основания Рима, т.е. в 824/3 г. Наконец, Юстин (XVIII, 6, 9) указывает, что Карфаген был основан за 72 года до основания Рима, иными словами, в 826/5 г. Таким образом, имеются три даты основания города: 814 г., 824/3 г. и 826/5 г., причем датировка 826/5-824/3 гг., с разницей всего в два года, была в древности общепринятой.

Итак, в предании об основании Карфагена Элиссой можно выделить три варианта: вариант Трога-Юстина (имя Дидона не упоминается, дата основания города — 826/5 г.), вариант Тимея (Элисса получила имя Дидона от ливийцев, дата основания — 814 г.) и вариант Сервия, восходящий, вероятно, к Катону (Элисса получила имя Дидона от сограждан после своей гибели, дата основания — 824/3 г.). Указанные различия позволяют предполагать, что вариант Трога-Юстина и вариант Тимея появились в греко-римской традиции независимо один от другого. Вариант Тимея, несомненно, восходит к рассказам карфагенян. Пользовался ли Тимей трудами карфагенских историков, установить невозможно, но его общее знакомство с пунийской традицией не подлежит, конечно, сомнению.

Сохранившийся у Сервия (In Aen., IV, 682) отрывок из труда Катона обнаруживает явное влияние терминологии Аристотеля: *«И народ, и отцов, и город твой.*

[147] Эту дату принимает большинство современных исследователей *(Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 374; *Cintas P.* Ceramique punique. P. 436; *Warmingtoh B. H.* Carthage. London, 1960. P. 20). Ж. Пикар необоснованно утверждает, что датировка 814 г. единогласно принята всеми античными авторами *(Ricard G.* Le monde de Carthage. Paris, 1956. P. 19). Н. А. Машкин указывает на неточность датировки Тимея, однако никакого решения вопроса не дает, ограничиваясь констатацией того, что Карфаген был основан в конце IX в. *(Машкин Н. А.* Карфагенская держава до Пунических войн // ВДИ. 1948. №4. С. 37).

Отцов — то есть сенат, город твой — тот, который ты построила. И некоторые в этом месте хотят видеть три соединенные части политии: власть народа, аристократов и царя. Ведь Катон говорит, что тремя этими частями управлялся Карфаген» *(Populumque patresque urbemque tuam.* Patres id est senatum; urbem tuam quam tu extruxisti. Et quidam hoc loco volunt tres partes politiae comprehensas, populi, optimatium, regiae potestatis: Cato enim ait de tribus istis partibus ordinatam fuisse Carthaginem).[148] Как известно, наряду с «Афинской политией» Аристотель и его ученики составили очерки истории и государственного строя всех греческих и важнейших негреческих государств. Среди них была и «Карфагенская полития», составленная, по указанию Афинея (Deipn., XIV, 27), Гиппагором — писателем, сведения о котором античная традиция не сохранила. Судя по термину politia, можно полагать, что сведения Катона восходят к труду Гиппагора.

Можно предполагать, что, как и все политии, составленные Аристотелем и его учениками, «Карфагенская полития» состояла из двух частей. По аналогии с «Афинской политией» первая часть должна была представлять собой очерк истории политической борьбы и развития государственного строя карфагенян, а вторая часть — очерк современного автору (середина IV в. до н.э.) государственного строя карфагенян. Последняя часть дала, вероятно, материал для соответствующего раздела «Политики» Аристотеля (II, 8). К ней, по-видимому, восходит и процитированный выше отрывок из Катона. Поскольку Помпей Трог не имел доступа к трудам карфагенских историков, а сведения Тимея он не использовал, остается допустить, что сравнительно подробный рассказ Юстина по «внутренней» истории Карфагена также прямо или косвенно восходит к первой части сочинения Гиппагора. Но если Катон счел необходимым связать предание, полученное им от Гиппагора, с именем Дидона, то Помпей Трог, видимо, полностью игнорировал Тимея.[149]

Обращает на себя внимание также следующее. Для происходящих из Карфагена монет различных эпох очень характерно изображение лошади или лошадиной головы в различных положениях, в том числе с Никой, а также изображение крылатого коня.[150] Такое пристрастие именно к изображению коня следует поставить, по нашему мнению, в связь с рассказом Юстина (XVIII, 5, 16) о том, что Карфаген был основан на месте, где была найдена голова коня. Эту находку, согласно Юстину, колонисты сочли предзнаменованием будущего могущества и будущей воинственности своего государства.

Заметим, кроме того, что Тимей в приведенном нами выше отрывке изображает

[148] О значении понятия πολιτεία в терминологии Аристотеля см.: *Доватур А. И.* Социальная и политическая терминология в «Афинской политии» Аристотеля // ВДИ. 1958. №3. С. 55-64.

[149] Г. Людеман, однако, без достаточных оснований возводит сообщение Юстина к Тимею *(Lüdemann H.* Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. Bottrop, 1933. C. 37):

[150] *Müller L.* Numismatique de l'ancienne Afrique. Vol. II. Copenhague, 1861. P. 74сл.

гибель Дидоны как простое самоубийство, тогда как, по рассказу Юстина (XVIII, 6, 6-7), Элисса совершила перед самоубийством жертвоприношения. В нашем распоряжении имеется найденное в Карфагене и выполненное в «грецизирующем» стиле надгробие — рельефное изображение женщины, полулежащей на небольшом возвышении и готовящейся к совершению жертвенного возлияния. Согласно наиболее вероятному толкованию этого памятника, предложенному французскими археологами Ж. и С. Шарль-Пикарами, он связан с легендой о жертвоприношении легендарной основательницы Карфагена.[151]

Все эти материалы позволяют прийти к выводу, что рассказ Помпея Трога-Юстина воспроизводит карфагенскую традицию, значительно отличающуюся от той версии, которая сохранилась у Тимея.

Перед нами, однако, встает вопрос о степени достоверности всех вариантов предания. Другим, не менее важным, является вопрос о том, насколько единогласна карфагенская традиция, нет ли возможности установить какие-то иные пунийские предания, связанные с основанием города.

У Аппиана (Lib., 2) имеется примечательное указание относительно принятой самими карфагенянами системы летосчисления: «На семисотом году от основания города римляне отняли у них (карфагенян. — *И. Ш.)* Сицилию». Контекст Аппиана не оставляет места для сомнений в том, что и в указанном отрывке имелся в виду Карфаген.[152] Поскольку в данном тексте речь идет о завершении I Пунической войны, 700-й год от основания города соответствует 242 г. до н. э., и, следовательно, основание Карфагена датируется 942 г. С этим указанием Аппиана необходимо сопоставить сообщение П. Сэнта о находке в районе святилища Тиннит древнейшего финикийского храма[153]. Этот храм, находящийся в материковой скале ниже уровня моря, представляет собой почти квадратное помещение размером 1x1 м. Оно включало небольшой склеп, игравший роль «святого святых», и систему коридоров и переходов, представлявшую собой своеобразный лабиринт. Здесь найдены 7 фрагментов лампы, которая обнаруживает значительное сходство с финикийско-палестинскими лампами XI-X вв. Наряду с этим очень интересны обнаруженные в храме много-

[151] *G. et C. Charles-Picard.* **La vie quotidienne de Carthage au temps d'Hannibal. Paris, 1959. P. 36.**

[152] **Аппиану, несомненно, были хорошо известны принятые римскими историографами даты основания Рима в промежутке между 753 и 731 гг. (ср.: *Зиман А.* Легенда о римских царях, ее происхождение и развитие. СПб., 1896. С. 357-376), и уже по этой причине он не мог датировать конец I Пунической войны 700-м годом от основания Рима.**

[153] ***Cintas P.*** **Ceramique punique. C. 490-502; *Leglay.* Nouveautes puniques. R. Afr. Vol. XCVI. P. 411; *Julien A.* Histoire de l'Afrique du Nord. Paris, 1951. P. 64; *G. et C. Charles-Picard.* La vie quotidienne de Carthage. P. 36 сл. Утверждение Б. Х. Уормингтона об отсутствии финикийских материалов из Карфагена, которые могли бы быть датированы временем до середины VIII в. до н. э. (*Warmingtoh B. H.'* Carthage. P. 22), нам представляется слабо обоснованным, поскольку оно покоится на недостоверной, с нашей точки зрения, датировке храма Сэнта (см. прим. 154).**

численные фрагменты эгейской вазы протогеометрического стиля, имевшей, судя по реставрации П. Сэнта, высокое и широкое горло. Некоторые детали орнамента, а также характерная витая ручка позволяют, возможно, датировать вазу концом X в.[154] Однако, даже если принять более позднюю датировку вазы, не подлежит сомнению, что храм возник до начала планомерного заселения города. Наиболее вероятно, что его основание следует отнести к X в. Если учесть, что более позднее святилище Тиннит располагалось в районе этого древнейшего храма и, следовательно, имела место определенная преемственность культа, можно полагать, что хронология Аппиана в разобранном нами отрывке восходит к храмовой хронологии святилища Тиннит. Появление такого храма, который был открыт П. Сэнта, еще не означало основания колонии. Подобные храмы финикияне создавали на освоенных ими морских путях в наиболее важных пунктах, где они могли играть роль своеобразных опорных баз и ориентиров. Неудивительно, что храм был создан в наиболее стратегически важном районе Западного Средиземноморья — в районе Карфагена.

Как показали раскопки святилища Тиннит, планомерная колонизация территории, на которой был расположен Карфаген, началась в конце IX в. Еще в прошлом веке В. А. Крамер высказал предположение, что общепринятая дата основания Карфагена—814 г. — недостоверна и что наиболее вероятной датой основания города является 825 г. Он исходил из того, что почти все авторы, донесшие до наших дней античную традицию по данному вопросу, принимали датировку 825-823 гг. Кроме того, он указывал, что тирский историк Менандр (в передаче Иосифа Флавия: Contra Ap., I, 18) датировал бегство Элиссы седьмым годом правления Пигмалиона, т. е., по мнению Крамера, 826 г. Не решаясь, однако, полностью отбросить датировку 814 г., он считал, что это был «год освящения»[155], а это вряд ли правильно.

Небольшая работа В. А. Крамера, изданная в Москве, не была замечена в научной литературе того времени. Ссылок на эту работу в больших и чрезвычайно подробных сводах О.Мельтцера и Ст. Гзелля нет. После появления работы Я. Ливера, посвященной хронологии Тира[156], тезис Крамера можно считать дока-

[154] **Мы исходим из хронологии Десбороу *(Desborough V. R. d'A.* Proto-Geometric pottery. Oxford, 1952. P. 294-295), а также хронологии протокоринфской керамики по Пэйну *(Payne H. G.* Protokorynthische Vasenmalerei. Berlin, 1933. P. 10), который датирует ранние протокоринфские геометрические вазы, близкие по орнаменту к рассматриваемому объекту, IX — началом VIII в. Ср. также орнамент ваз, обнаруженных в геометрических погребениях Пирея (Δ. Р. Θεοχαρη. Ανασκαφή έν Πάλαια Κοκκινιά Πειραιώς. Πρακτικά της έν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας του έτους 1951. Ἀθήνησιν, 1952. P. 116-122). Е. Буше, однако, датирует вазу VIII в. *(Boucher E.* Ceramique archaique d'importation au Musee Lavigerie de Carthage. CB, 1953. P. 32). Б. Х. Уормингтон относит материалы храма, открытого П. Сэнта, ко времени не ранее 725 г. до н.э. *(Warmington B. H.* Carthage. P. 23).**

[155] ***Krahmer W.A.* Carthago's wirklicher Gründungsjahr. Moskau, 1871.**

[156] ***Liver J.* The chronology of Tyre at the beginning of the First Millennium B. C. // IEJ. 1953. N2, P. 113-120. Ср.: *Гельцер М. Л.* О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н. э. С. 218.**

занным. Я. Ливер исходил из следующих посылок. Известно, что Карфаген был основан через 15-16 лет после смерти тирского царя Балеазара II (ср.: Fl. Ios., Contra Ap., I, 18), который, согласно данным недавно открытых анналов Салманассара III[157], вместе с израильским царем Иегу в 841 г. выплачивал дань Ассирии. Если принять дату основания Карфагена, предложенную вариантом Помпея Трога-Юстина, то тогда Балеазар II, правивший, согласно сообщению Иосифа Флавия, 6 лет, находился у власти с 846 по 841 г. Если же принять датировку варианта Тимея, то смерть Балеазара II следовало бы датировать 830-828 гг., что невозможно.

Дата основания Карфагена, таким образом, —825 г. Эта датировка варианта Помпея Трога-Юстина представляется бесспорной. Однако сравнительно недавно была выдвинута новая точка зрения, согласно которой Карфаген был основан в 673-663 гг., в период борьбы между Ассирией и Египтом, для того чтобы создать новую столицу вместо находившегося под угрозой Тира. Э. О. Форрер, автор этой концепции, считает традиционную дату основания города—814 г. (о дате 825 г. он даже не упоминает) — датой основания Карфагена на Кипре, ошибочно, по его мнению, перенесенной на североафриканский Карфаген[158]. Это построение находится в вопиющем противоречии с традицией, да и археологический материал не подтверждает, а опровергает фантастические домыслы Форрера[159].

Таким образом, карфагенская традиция в целом не отличается единогласием. В Карфагене существовала, вероятно, храмовая эра святилища Тиннит, согласно которой основание города датировалось серединой X в. Можно утверждать, что различия между вариантами Трога-Юстина и Тимея — это различия между двумя пунийскими версиями, которыми воспользовались в одном случае Гиппагор, а в другом — сицилийский историк. Исследование Я. Ливера показало, что из всех этих вариантов предания наиболее достоверен тот, который положен был в основу рассказа Помпея Трога. Впрочем, сказанное не исключает наличия и в этом варианте предания определенных сказочных элементов.

Как показывает вариант Трога-Юстина (Iust., XVIII, 4, 3-6,10), основанию Карфагена предшествовала ожесточенная внутридинастийная борьба в Тире. Для традиции, ведущей свое происхождение от пунийских историков, выражавших к тому же настроения олигархических кругов, чрезвычайно характерно стремление очернить противника легендарной основательницы Карфагена — тирского царя Пигма-

[157] ***Safar F.*** **A further text of Salmaneser III // Summer. Vol. VI. 1950. N2. P. 3-21;** ***Michel E.*** **Bin neuentdeckter Annalentext Salmanassars III. Die Welt des Orients, 1952. P. 454-471; 1954. P. 113-120.**

[158] ***Forrer E. O.*** **Karthago wurde erst 673-633 v. Chr. gegrundet. Festschrift Franz Dornseiff zum 65. Geburtstag, 1953. S. 85-93.**

[159] **Ср., однако, точку зрения Э. Фрезуля, который присоединяется к гипотезе Э. О. Форрера** ***(Frezouls E.*** **Une nouvelle hypothese sur la fondation de Carthage // BCH. 1955. P. 153-176).**

лиона, который обвинялся в убийстве мужа Элиссы Ахербы с корыстной целью: для захвата принадлежавшего тому имущества. Этот мотив автор предания старательно выдвигал на первый план, в то же время лишь мимоходом сообщая о том, что после смерти царя Муттона власть в Тире была завещана Пигмалиону и Элиссе, но что народ (populus) в обход Элиссы вручил власть тогда еще малолетнему Пигмалиону. Видимо, развитие событий следует представить себе следующим образом.

В 30-х годах IX в., ко времени смерти царя Муттона, в тирской правящей династии возникли две враждебные группировки, активно стремившиеся к власти. Во главе одной из этих групп находился (по крайней мере номинально) Пигмалион, во главе другой — Элисса и ее муж, жрец Ахерба. Если Пигмалион, как можно было видеть, опирался на демократическое движение, то сторонниками Элиссы и Ахербы были представители аристократической верхушки (senatores или principes), а также жречество. Таким образом, за обоими претендентами стояли определенные социальные круги; внутридинастийная борьба в какой-то степени отражала классовую борьбу в городе[160]. Можно предполагать, что после прихода к власти Пигмалиона Элисса, Ахерба и их сторонники предприняли с целью его свержения какие-то шаги, стоившие Ахербе жизни. Потерпев поражение, Элисса и ее сторонники предприняли попытку основать новое поселение вдали от Тира; такой колонией и явился Карфаген. Следует отметить, что в основании города приняли участие и кипрские финикияне. В предании сохранились сведения об обожествлении Элиссы после ее смерти (Iust., XVIII, 6, 8). Возможно, что этот культ нашел свое отражение в культе богини Тиннит, имя которой, происходя от корня tnh (порода Пи'эль), могло означать «почитаемая», «славная»[161].

Поселение колонистов было основано на холме Бирса, представляющем собой естественное укрепление, господствующее над местностью. К юго-востоку от Бирсы Лапейр обнаружил стену, выложенную из каменных блоков, расположенных на бетонном фундаменте или на туфе, в котором встречаются необработанные камни. Толщина стены 1 м. Имеющиеся материалы не позволяют датировать постройку стены[162], однако не исключено, что она была воздвигнута вскоре после основания города. Согласно традиции (Iust., XVIII, 5, 9), это место было куплено финикиянами у ливийцев, заинтересованных в развитии финикийской торговли. Насколько

[160] М. Л. Гельцер в этой связи справедливо отмечает рост влияния демократических слоев населения в Тире в конце IX в. до н. э. *(Гельцер М. Л.* О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н.э. С. 223).

[161] Э. Геффнер полагал, что культ Тиннит связан с почитанием Астарты *(Геффнер Э.* Небольшая посвятительная стела из Карфагена. Acta antiqua, 1952. С. 411-418). Однако, как показывают теофорные имена и посвятительные надписи, в Карфагене существовал культ Астарты параллельно почитанию Тиннит. О. Россбах также связывает культ Дидоны с почитанием Тиннит *(Rossbach O.* Dido. P.-W. RE. Halbbd. IX. 1903).

[162] BA. 1932-1933. P. 408-417.

соответствуют действительности сказочные детали этого предания, трудно сказать, но отрицать самый факт покупки данного участка и, следовательно, мирный характер водворения финикиян на их новой родине представляется невозможным. Юстин (XVIII, 5, 14), правда, отмечает, что за землю, на которой был основан Карфаген, пунийцы впоследствии производили ежегодные выплаты ливийцам (statuto annuo vectigali pro solo urbis). Можно полагать, что во взаимоотношениях пунийцев и ливийцев было два этапа: первый этап — покупка Бирсы, где первоначально был основан город, и второй этап — аренда территории, приобретенной в дальнейшем постоянно разраставшимся городом.

Одним из древнейших археологических памятников из Карфагена, помимо уже упомянутого выше храма, является святилище богини Тиннит. Его раскопки производились начиная с 1923 г. американскими и французскими археологическими экспедициями[163]. Оно было расположено неподалеку от западного побережья торгового порта карфагенян; вероятно, справедливо указание П. Сэнта о том, что строители сознательно стремились расположить его в непосредственной близости от древнейшего храма.[164] Выбор места для основания Карфагена опирался, следовательно, на определенную традицию.

Святилище Тиннит представляет собой своеобразное поле погребений, где обнаружены урны, содержащие пепел, а также остатки захоронений детей и мелких животных. Характерно, что погребения взрослых здесь не обнаружены. Вероятнее всего, здесь было не кладбище[165], а своеобразный священный участок — тофет, где приносились жертвы, в том числе и человеческие, сопровождавшиеся позднее соответствующими посвятительными стелами[166]. Древнейший слой святилища Тиннит датируется IX-VIII вв. до н. э. Посвящения здесь расположены без какого-либо определенного плана, на расстоянии примерно метра одно от другого. Они представляют собой, как правило, урны высотой в среднем 25 см, помещенные в выемках, выдолбленных в материковой скале. По-видимому, для защиты от повреждений они окружались необработанными камнями, хотя Келси склонен был думать, что эти камни

[163] *Kelsey F. W.* Excavations at Carthage 1925. New York, 1926.
[164] *Cintas P.* Ceramique punique. P. 504-505.
[165] Таково мнение фон Биссинга *(Bissing W. v.* Karthago und seine grie-chische und italische Beziehungen. P. 91).
[166] Согласно некоторым пунийским надписям (см., например: CRAI. 1946. P. 384 сл.), человеческие жертвы обозначались термином mlk, вероятно связанным первоначально с именем древнего ханаанейского божества Молоха, но постепенно превратившимся в обозначение человеческих жертвоприношений вообще. Полное отрицание существования божества Молох *(Eissfeldt O.* Molk als Opferbegriff im Punischen und Hebaischen. Berlin. 1935), равно как и огульное отрицание существования в поздний период термина mlk, не связанного с этим божеством *(Kornfeld W.* Der Moloch. WZKM. 1948/52. P. 287-313), представляется нам малоубедительным *(Шифман И. Ш.* Пунийский архив из эль-Хофра // ВДИ. 1962. N4. P. 133).

являлись предметом культа, заимствованного будто бы у коренного населения (ср.: St. Byz., s. v. Δούλων πόλις).

В первом слое святилища Тиннит обнаружены урны трех типов[167]. Наиболее распространены амфоры яйцевидной формы с вертикальными и горизонтальными ручками. Они украшались двумя горизонтальными полосами красного цвета, соединенными иногда вертикальными черными линиями. Орнаментировка концентрическими кругами и прямыми или зигзагообразными вертикальными линиями вообще характерна для пунийской керамики VIII в.[168] Урны другого типа представляют собой вазы с высоким горлом и крышкой, несколько напоминающие по форме русский крестьянский жбан. Ручки у этих ваз отсутствуют, орнамент не отличается от орнамента амфор. Как амфоры, так и вазы перед раскраской покрывались белой глазурью. Белой глазурью покрывались и урны третьего типа — низкие одноручные вазы с широким горлом, лишенные орнамента.

В исследовании, посвященном пунийской керамике, П. Сэнта указывает на значительное сходство карфагенской геометрической керамики IX-VIII вв. с керамикой некоторых центров Финикии и Палестины, в том числе Угарита, Мегиддо и т.д.[169] В угаритских погребениях, начиная приблизительно с 1600 г., встречаются керамические изделия — кувшины, светильники, которые можно назвать прототипами соответствующих карфагенских памятников. Сходство можно наблюдать даже в геометрическом орнаменте угаритских сосудов XIV-XIII вв.[170] Таким образом, можно утверждать, что местное керамическое производство опиралось в Карфагене на давнюю финикийскую традицию.

Другими материалами о развитии ремесленного производства в Карфагене в конце IX-VIII в. мы не располагаем. Тем не менее несомненно, что город уже в ранний период своего существования был крупным торгово-ремесленным центром. Правда, находка здесь кипрских ваз IX в.[171] может быть поставлена в связь с тем,

[167] *Harden D. B.* Punic urns from the precinct of Tanit // AJA. 1927. P. 299. В работах П. Сэнта отмечается длительное сохранение ранних форм керамики в пунийской Испании и Марокко *(Cintas P.* 1) Ceramique punique. P. 506—509; 2) Contribution a l'etude de l'expansion carthaginoise au Maroc. Paris, 1954).

[168] *Cintas P.* Ceramique punique. P. 393 и каталог.

[169] Ibid. P. 447-477. В. Ф. Олбрайт отмечает сходство древнейшей керамики из святилища Тиннит с раскрашенной керамикой Мегиддо IVB (X в. до н.э.). См.: *Albright W. F.* The archaeology of Palestine. Harmondsworth, 1960. P. 123.

[170] Ср.: *Schaeffer C.-F. A.* Ugaritica. Vol. II. 1949. P. 121 сл., рис. 53. В. фон Биссинг указывает, что аналогию карфагенским вазам дает керамика VIII-VII вв. из Феры, Элевсина и Мегары Гиблейской. В этом факте он усматривает подтверждение влияния, которое Эгейский бассейн оказывал на Карфаген *(Bissing W. v.* Karthago und seine griechische und italische Beziehungen. P. 98-99). Возможно, однако, что близость стиля объясняется развитием финикийской торговли в Эгейском бассейне.

[171] *Clermont-Ganneau Ch.* Recueil d'archeologie Orientale. Vol. V. Paris, 1902. P. 313-322.

что, согласно легенде, финикияне с Кипра приняли участие в основании города. Но находка в святилище Тиннит протокоринфской вазы[172] свидетельствует о развитии во второй половине VIII в. торговых связей Карфагена с греческим миром. Очевидно, уже в VIII в. существовали торговые связи Карфагена с Египтом, Этрурией и внутренними районами Африки.

* * *

В нашем распоряжении имеются лишь краткие и отрывочные сведения о внутренней жизни финикийских колоний на раннем этапе их существования. Можно предполагать, что основными занятиями колонистов были ремесло и торговля. Получали ли колонисты землю на новой родине, установить невозможно. Географическое положение таких колоний, как Мотия и Гадес, история основания Карфагена заставляют усомниться в наличии там сельских территорий и земледельческого населения.

О государственном строе финикийских колоний мы осведомлены очень плохо. Вероятно, у власти в городах, основанных с целью закрепления на торговых путях или, как Карфаген, эмигрантами-аристократами, стояла крупнорабовладельческая торгово-ремесленная олигархия.

Административно финикийские колонии в отличие от греческих были подчинены метрополии. Так, известно, что Утика обязана была выплачивать Тиру определенную денежную подать и при попытке уклониться от уплаты была усмирена специальной экспедицией (Fl. Ios., Ant. Iud., VIII, 146). Как показывает надпись CIS, I, 5 (VIII в. до н.э.), правителем кипрского Карфагена было лицо, носившее титул skn и являвшееся одновременно «рабом» ('bd) царя «сидонян» (имеется в виду тирский царь Хирам). Это указание свидетельствует о подчиненном положении правителя кипрского Карфагена — чиновника тирского царя. Как показал И. Н. Винников, термин skn «обозначал высшего чиновника, который наряду с царем принимал участие в управлении государством и в руках которого была сосредоточена, по преимуществу, судебная власть»[173].

Карфаген должен был занимать среди финикийских колоний особое место. Его основатели находились в конфликте с властями метрополии, поэтому естественно предположить, что город с первого дня своего существования был независимым[174].

[172] **AA. 1931. P. 471-472.**

[173] ***Винников И. Н.*** **Эпитафия Ахирама Библского в новом освещении // ВДИ. 1952. N4. P. 143-144.**

[174] **Поэтому не может быть признано обоснованным мнение Г. Людемана о завоевании Карфагеном независимости только около 600 г.** ***(Lüdemann H.*** **Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. P. 35). Предположение М.Л.Гельцера о поддержке, оказанной, как он считает, колонистам со стороны Тира, также представляется нам маловероятным** ***(Гельцер М. Л.*** **О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н.э. С. 224).**

Каков был государственный строй Карфагена в этот ранний период его истории, не вполне ясно. У Вергилия (Aen., IV, 296) Элисса — основательница города — названа царицей. У него же находим и намек на существование в Карфагене сената и народного собрания (Aen., IV, 682: populumque patresque urbemque tuam; ср. уже цитированный выше комментарий Сервия ad locum).

Если царская власть какое-то время в Карфагене действительно существовала, то ни продолжительность ее существования, ни ее прерогативы, ни ее характер установить по имеющимся данным невозможно. Во всяком случае власть династии Магонидов существенно отличалась от древней царской власти. Возможно, Элисса именовалась царицей как основательница города, представительница древней царской династии[175].

В дальнейшем, примерно до середины VI в., высшую власть сосредоточивала в своих руках Коллегия десяти — decern principes (Iust., XVIII, 6, 11; 7, 17). Вероятно, эта коллегия возникла из совещательного органа, имевшегося при царице. Ее члены, согласно легенде, отправились к царю макситан для решения вопроса о его браке с Элиссой, к ним же обращалась Элисса, отказываясь от брака. Но при каких обстоятельствах они захватили власть, источники не сообщают[176].

Важным органом олигархической диктатуры был в Карфагене Совет старейшин (Polyb., VI, 51, 1-2). Древность этого учреждения доказывается приведенными выше словами Вергилия об аристократическом элементе (patres) в государственном строе Карфагена. Члены совета носили, по-видимому, титул rb — «великий», засвидетельствованный в многочисленных надписях. Этот титул по наследству не передавался (ср.: CIS, III, 3588, 3610; в этих надписях сын лица, носящего титул rb, сам не является таковым); следовательно, членство в совете не было наследственным. Как подчеркивает Аристотель, магистраты в Карфагене выбирались по принципу знатности и богатства (ού γαρ μόνον άριστίνδην, άλλα καί πλουτίνδην), однако порядок комплектования совета неизвестен.

Ничего не сообщают источники и о той роли, которую играло в жизни раннего Карфагена народное собрание. Приведенные выше слова Вергилия показывают только, что оно, несомненно, собиралось. В этой связи нелишне отметить, что пунийская армия до середины VI в. до н.э. являлась народным ополчением (Iust., XVIII, 7). Это, возможно, свидетельствует о значительной роли плебса в жизни города.

[175] М. Л. Гельцер полагает, что царская власть в Карфагене отсутствовала уже на раннем этапе его истории; приведенные нами материалы он не рассматривает *(Гельцер М. Л.* О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н.э. С. 224).

[176] Возможно, что этот орган Полибий называет γερουσία (I, 21, 6; 18, 2) в отличие от Совета старейшин, который носит у него названия τό γερόντιον (VI, 51, 1), ή σύγκλητος (X, 18, 2). Однако терминология Полибия неопределенна; в частности, не вполне ясно, какой орган власти он называет τό συνέδριον (I, 31, 8). Аристотель (Polit., 1272b) под словом γερουσία имеет в виду, несомненно, Совет старейшин.

Можно предполагать, что и другие финикийские колонии имели аналогичные органы управления, деятельность которых могла осуществляться под контролем наместника, назначаемого метрополией.

Глава вторая

ОБЪЕДИНЕНИЕ ФИНИКИЙСКИХ КОЛОНИЙ В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ОБРАЗОВАНИЕ КАРФАГЕНСКОЙ ДЕРЖАВЫ

I

Основывая колонии в отдельных пунктах Пиренейского полуострова, финикияне натолкнулись на длительное и активное сопротивление со стороны Тартесса. Это сопротивление легко объяснить: создание финикийских колоний ставило под угрозу положение Тартесса как крупнейшего обладателя месторождений драгоценных металлов. Не подлежит сомнению, что постепенно ушли в прошлое времена, когда коренное население Пиренейского полуострова не умело использовать драгоценный металл и не знало ему цены. Большую роль в этом сыграла финикийская торговля. Вряд ли Тартесс был склонен без борьбы уступить финикиянам свое положение монополиста в Западном Средиземноморье. Источники не дают никаких оснований для того, чтобы вслед за А. В. Мишулиным постулировать какие-то договорные отношения между Гадесом и Тартессом[1]. Многократные попытки обосноваться в районе Гадеса, основание Ликса не на европейском, а на африканском побережье Гибралтарского пролива свидетельствуют, по всей видимости, о том, что тартесситы оказывали колонистам-финикиянам упорное и на первых порах небезуспешное сопротивление.

Основание Гадеса было серьезным успехом финикиян и одновременно серьезным поражением тартесситов в борьбе за рынки. После возникновения этой колонии борьба неизбежно должна была принять значительно более острый характер, чем прежде. К сожалению, источники не дают возможности восстановить цельную картину тартесско-финикийских отношений в X-VIII вв., но даже некоторые отрывочные сведения, дошедшие до нас, чрезвычайно показательны. В частности, у Макробия сохранилось известие (Sat., I, 20, 12) о нападении тартесситов на Гадес. Он пишет: «Когда Ферон, царь Ближней Испании (rex Hispaniae citerioris), охва-

[1] *Мишулин А. В.* **Античная Испания. М.; Л., 1952. С. 227.**

ченный яростью, вел борьбу морскими силами с целью захвата храма Геркулеса, гадитане выступили навстречу, плывя на длинных судах, и, когда произошло сражение, причем до тех пор битва велась без перевеса для одной из сторон, внезапно царские суда были обращены в бегство и в то же время, охваченные неожиданным огнем, сгорели. Очень немногие из врагов, которые остались в живых, говорили, что им явились львы, стоявшие на носах гадесских кораблей, и что их корабли были внезапно сожжены направленными на них лучами, такими, как их изображают вокруг головы солнца». Несомненно, что в данном случае мы имеем дело с поздней по происхождению версией предания; очень характерен такой анахронизм, как rex Hispaniae citerioris вместо ожидаемого rex Tartessis[2]. Несомненен также сказочный характер отдельных деталей легенды, сохранившейся у Макробия. Однако не подлежит сомнению и то обстоятельство, что в основе предания лежит воспоминание о реальных исторических событиях — о продолжительной, упорной и безрезультатной войне Тартесса с Гадесом, о морском походе тартесситов против Гадеса и о разгроме тартесского флота. Происхождение этого предания не вполне ясно. Быть может, то обстоятельство, что в тексте тартесситы названы «врагами» (hostes), свидетельствует о гадитанском происхождении предания; последнее подтверждается, возможно, и тем, что гадитане в легенде выступают как сторона, к которой явным образом благоволит божество.

На длительность борьбы между Тартессом и Гадесом указывает и Юстин (XLIV, 5, 2), отмечающий также, что Гадесу оказывали помощь карфагеняне. Следовательно, нет оснований, как это делает А. В. Мишулин, приписывать морскому сражению у Гадеса решающую роль в установлении финикийского господства на юге Пиренейского полуострова[3].

Видимо, между Гадесом и Тартессом происходила целая серия войн, ведущихся с переменным успехом, но не приводивших, однако, к полному уничтожению ни одного из противников. Сказанное не противоречит тому, что Тартесс, очевидно в результате наступления гадитан, оказался в чрезвычайно стесненном положении.

Выше мы говорили, что Исайя в своем пророчестве о Тире обращается к «дочери Таршиша»: «Переходи ('ibrl) на землю твою, как река, дочь Таршиша, нет препоны более» (XXIII, 10). В этом достаточно неясном тексте привлекают внимание следующие особенности. Глагол 'abar имеет основное значение «переходить»; таким образом, в тексте явно говорится не об освобождении от чужеземного господства,

[2] *А.* **Шультен достаточно убедительно показал, что Ферон, упомянутый в тексте, является царем Тартесса, поэтому мы не останавливаемся специально на этом вопросе** *(Schulten A.* **Tartessos. Hamburg, 1950. P. 37).**

[3] **Ср.:** *Мишулин А. В.* **Античная Испания. С. 227. Нет также данных, которые подтвердили бы тезис Р. Хакфорта о том, что около 800 г. Тартесс стал данником Тира (Cambridge Ancient History. Vol. ГУ. Oxford, 1926. P. 351).**

но о вторжении извне. Обращает на себя внимание и эпитет «как река» (kaye`or); слово ye`or применяется, как правило, к Нилу; в данном случае оно должно подчеркнуть стремительность вторжения «дочери Таршиша» в ее страну. То слово, которое нами переведено вслед за русским синодальным переводом как «препона» (mezah), встречается в Библии еще только два раза, и в обоих случаях оно означает «пояс» (Ps, CIX, 19; Iob, XII, 21). Представляется сомнительным, чтобы такой образ мог быть употреблен библейским автором, если бы речь шла о покорении Тартесса-Таршиша гадитанами или другими выходцами из Тира. Вероятнее другое, именно то, что финикияне сковывали развитие тартесской торговли, изолировали Тартесс от внешнего мира, прибегая к своеобразной блокаде. Не случайно Геродот (IV, 152) характеризует Тартесс как малопосещаемую гавань. То обстоятельство, что «дочь Таршиша» должна «переходить» на свою землю, свидетельствует о независимости Тартесса от финикийских захватчиков, хотя в то же время это говорит и о потере Тартессом какой-то части территории.

Исследуемый текст Исайи, однако, не содержит сведений о полном порабощении гадитанами Тартесса. Не свидетельствует об этом и тот отрывок из Страбона (III, 13), который обычно привлекается для обоснования теории о покорении Гадесом Тартесса[4]. В этом тексте действительно говорится о подчинении финикиянам населения Иберии: «Ибо они так прочно стали (ἐγένοντο) подвластными финикиянам, что большинство городов в Турдетании и ближайших поселений ныне заселено ими (финикиянами. — *И. Ш.)*». В тексте Страбона явно имеется в виду полное завершение финикийско-тартесской борьбы, окончательное подчинение иберийских племен финикийским колонистам, которое связано уже с наступлением Карфагена. Не случайно Страбоном употреблена форма ἐγένοντο и имеется указание на современное автору положение (νυν).

Некоторые данные свидетельствуют, что сфера борьбы тартесситов с финикиянами, возможно, и не ограничивалась только территорией южной Испании. У Павсания (Descr. Graec, X, 17, 4) сохранился рассказ об основании Норы на острове Сардиния иберами. Поскольку археологически присутствие иберов в Норе не засвидетельствовано, приходится признать, что в этой части предание не соответствует реальным историческим фактам. Сомнения в исторической достоверности предания подкрепляются еще и тем, что легендарный основатель города носит имя Νώραξ; таким образом, налицо явно этиологическая конструкция. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют и безоговорочно отбросить данные Павсания. Мы имеем в виду известную надпись из Норы (CIS, I, 144).

Эта надпись была обнаружена на территории Норы в 1773 г. и в настоящее время находится в музее Кальяри. Стела изготовлена из песчаника местного происхожде-

[4] **Ср.:** ***Schulten A.*** **Tartessos, passim.**

ния, высота ее 1,05 м, ширина 0,57 м. Высота отдельных букв примерно 0,12 м. Многочисленные издатели и комментаторы текста[5] в своих попытках добиться понимания его содержания исходили из некоторых предвзятых положений. В частности, большинство исследователей полагали, что камень обломан только сверху, но не обломан снизу и с боков. Исходя из мысли, что надпись представляла собой посвятительную стелу, они, дополняя текст сверху строкой, состоящей из двух букв, дали тексту следующее толкование:

[ms]	[Ст]
bt rš š	олп Роша, который
ngd šh'	Нагида, который жил
bšrdn š	в Сардинии. За-
Imh' š 1	вершил то, что относилось к
nṣb' m	постройке, Ма-
Iktn bn[r]	лакйатон сын [Ро-]
š b[n] ngd	ша сы[на] Нагида,
lpsy	лефсиец

Этот вариант чтения был принят в сборниках М. Лидзбарского, Дж. А. Кука, а также в Корпусе семитских надписей.

Такое толкование надписи вызывает ряд недоумений. В частности, согласно этому варианту, относительное местоимение «который» на протяжении девяти строк встречается в двух различных формах— 'š и š. Финикийский язык знает обе эти формы, но трудно предположить, чтобы они обе вошли в такую короткую надпись одновременно. Слово h' не может иметь значения «быть», «находиться», так как если воспринимать его как глагол, то следовало бы ожидать иного консонантного состава: hwh или hyh. Если же предположить, что перед нами не глагол, а местоимение 3-го лица, единственного числа, мужского рода, употребленное в качестве связки, то придется учесть, что использование местоименной связки с предложной конструкцией ни для финикийского, ни для родственного ему еврейского языка не засвидетельствовано[6]. Вызывает некоторые сомнения и написание nsb'. По мысли

[5] **CIS, I, 144 (там же вся предшествующая литература); *Lidzbarsky M.* Handbuch der nordsemitischen Epigraphik. Bd. I. Weimar, 1898. P. 427; *Cooke G.A.* A text-book of North-Semitic inscriptions. Oxford, 1903. P. 110-111; *Albright W. F.* New light on the early history of the Phoenician colonizations // BASOR. 1941. N83; *Dupont-Sommer A.* CRAI. 1948. P. 14; *Mehtz A.* Beiträge zur Deutung der Phönizischen Inschriften. Leipzig, 1944. P. 20сл.; *A. van den Branden*. L'inscription phénicienne de Nora (CIS, I, 144). Al-Machriq. 1962. P. 283-292.**

[6] ***Brockelmann C.* 1) Grandriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Bd. II. Berlin, 1911. P. 102сл.; 2) Hebräische Syntax. Neukirchen. 1956. P. 26-27.**

издателя, конечный 'алеф употреблен здесь в качестве mater lectionis, что маловероятно для столь раннего текста.

А. Дюпон-Сомме, отказавшись от попыток восстановить недостающие строки, предложил следующее чтение текста:

bt rš š	Храм мыса
ngr šh'	Ногара, который
bšrdn š	в Сардинии. М-
1m h' šl	ир ему. Ми-
m ṣr 'm	р Тиру, матери
Ikt nrn[k]	Китиона, Нарна[ка].
šbn ngr	То, что построил Ногар
lpmy	для Пумай

Однако и интерпретация А.Дюпон-Сомме грешит против законов фонетики и синтаксиса. Слово ngr автор понимает как имя собственное — Нора. Однако куда же в процессе развития этого имени исчезла корневая согласная, не ясно. О слове h' и возможностях его интерпретации уже говорилось выше. Слова šlm h' šlm sr не могут обозначать «мир ему, мир Тиру» из-за отсутствия необходимого в данном случае предлога 'ly. Эти сочетания можно было бы понять как «покоится он, покоится Тир», но эту возможность А.Дюпон-Сомме не учитывает. Не более приемлемо и близкое к этому толкование текста, предложенное А. ван ден Бранденом.

А. Ментц, читая ту же надпись, обнаружил в ней упоминания правителя Хааба, назначенного в Нору пришельцами из Испании, чье имя он сопоставлял с именем легендарного основателя Тартесского государства Хабида. Согласно его интерпретации, надпись содержит рассказ об изгнании Хааба в Тартесс и о последующем восстановлении его власти тартесским царем. Однако и в толковании текста Ментцем имеются явные натяжки. В частности, последние слова он читает как ngd lp my и переводит как «владыка входа в море». Но слово nägid— «военный предводитель, оратор», происходящее от глагола ngd — «быть впереди», «предводительствовать», не может означать владетеля, как это предполагает Ментц. Без достаточных оснований Ментц сближает греческое Ἴβηρες с финикийско-еврейским 'ibrim — в обычном толковании «люди с той стороны», — пытаясь доказать, что иберы, о которых идет речь у Павсания, — не кто иные, как заморские финикияне, гадитане. Несмотря на всю соблазнительность такого толкования, его приходится отвергнуть: слишком хорошо известно наименование Ἴβηρες как обозначение коренного населения Иберийского полуострова. К тому же и принятое автором толкование слова 'ibnm далеко не общепринято в настоящее время.

В. Ф. Олбрайт предлагает дополнить надпись (все ее строки) слева рядом знаков. Он читает:

btršš [.....w]	В [из?] Тартесс [.....и]
ngrš h'[dm h' lšt?]	будет изгнан этот че[ловек на год(?)]
bšrdn [.....h']	из Сардинии [.....этот че-]
dm h'š l[' .....bn]	ловек, у которого не[т.....или]
mṣb' m[ḥnt wbn mm]	начальник от[ряда, или ца-]
lkt wbn [skn (?) w 'm y]	рь, или [правитель(?). И если вер-]
šb wngr[š h'dm h']	нется, то будет изгна[н человек этот]
bymy	на всю его жизнь

Эту интерпретацию также нельзя признать удовлетворительной. Отрицание Г в финикийском языке не было употребительным; в известных нам финикийских текстах оно до сих пор не засвидетельствовано. Предлог bn не может иметь значения «или»; в еврейском языке он встречается только в значении «между». Сами по себе восстановления Олбрайта произвольны, а предложенное им понимание данного текста как фрагмента декрета, написанного наподобие Гортинских законов на ряде каменных блоков[7], не доказано.

Основной недостаток предложенных толкований, вариантов чтения и переводов заключается в полной произвольности положенных в основу понимания текста гипотез и в недостаточной точности чтения отдельных знаков, ясно читаемых в надписи.

В нашем распоряжении отсутствуют достаточно надежные воспроизведения памятника. Однако и те, что имеются, позволяют утверждать, что перед нами — фрагмент текста, обломанный со всех сторон. Поэтому нет никаких оснований думать, что надпись представляет в своем нынешнем состоянии связный текст, поддающийся последовательному прочтению справа налево и сверху вниз. Вероятнее всего, этот камень представляет собой отрывок из середины надписи, и, следовательно, у каждой строки отсутствуют начало и конец. Отсутствие огласовок, словоразделителей и стандартных формул не позволяет достоверно определить и значение отдельных сочетаний знаков, а также охарактеризовать с достаточной точностью содержание надписи: была ли она посвятительной, надгробной, строительной или иной. Поэтому всякие попытки восстановления недостающих частей текста представляют собой до открытия других памятников, которые позволили бы более достоверно понять смысл надписи, недоказуемые гипотезы.

Возможно, что в первой строке надписи читается слово trss. Не исключено, следовательно, что Нора находилась в каких-то отношениях с Тартессом, нашедших свое отражение в тексте надписи. Но это означало бы, что в предании Павсания

[7] ***Albright W. F.*** **The archaeology of Palestine. Harmondsworth, 1960. P. 122-123.**

имелось определенное историческое зерно, а именно, что легенда об основании Норы иберами связана с преданием о господстве в этом городе тартесситов. Традиция Павсания, игнорирующая факт основания Норы финикиянами, восходит к антифиникийской, возможно, к иберийско-тартесской или фокейской традиции. Однако господство Тартесса, если оно имело место в действительности, продолжалось в Норе недолго. Во всяком случае ко времени греческой колонизации Сицилии Нора уже представляла собой независимый город-государство.

Итак, общая расстановка политических сил в Западном Средиземноморье в конце II и начале I тысячелетия может быть охарактеризована примерно следующим образом. В южной Испании борьбу за источники сырья и за рынки вели два враждующих лагеря. К одному принадлежали финикийские колонисты, в другом находился Тартесс. Интересно, что в античной письменной традиции, повествующей о борьбе финикиян с иберами, упоминается только Гадес и отсутствуют какие-либо упоминания о других колониях на юге Испании — Малаке, Секси и Абдере, несомненно затронутых этой борьбой, тем более что после их основания Тартесс оказался в своеобразном кольце финикийских колоний (не это ли имел в виду Исайя, говоря: «Нет препоны (mezah — 'пояс') более»?). Позволительно поэтому предположить, что Гадес играл по отношению к другим финикийским колониям роль гегемона.

Борьба между тартесситами и финикиянами не ограничивалась районом южной Испании. Каков был действительный размах этой борьбы, при нынешнем состоянии источников установить невозможно.

* * *

К VIII в. до н. э. положение финикийских колоний в Западном Средиземноморье существенно изменилось. В результате захвата Ассирией Финикии и Кипра[8] финикийские города на западе оказались отрезанными от своих метрополий. Это обстоятельство имело для западных финикиян определенное положительное значение. Поскольку метрополии потеряли возможность осуществлять свой суверенитет, как это имело место прежде, западные финикияне обрели политическую самостоятельность. Но в то же время потеря поддержки со стороны метрополий значительно ухудшала их положение в борьбе с противником. Уже многократно цитировавшийся нами отрывок из пророчества Исайи, обращенного к Тиру, показывает, что современники именно так расценивали известие о падении Тира. Тир в представлении Исайи — это тот фундамент, на котором зиждется финикийское господство в юж-

[8] *Гельцер М. Л.* **Заметки по истории Финикии VIII в. до *н.э.* // Палестинский сборник. 1958. №3. С. 58-70. Мы, однако, не можем согласиться с предложенным М. Л. Гельцером пониманием слова mezah — «пристань», которое не находит подтверждения в других текстах Библии, где употреблено это слово.**

ной Испании. Гибель Тира, следовательно, должна была привести к неизбежному крушению владычества финикиян в этом районе.

Эти ожидания современников оказались необоснованными. Финикийские поселенцы на западе Средиземноморья оказались достаточно сильными, чтобы полностью удержать все ими захваченное и после катастрофы, постигшей собственно Финикию.

На Пиренейском полуострове финикийским колониям удалось, преодолевая сопротивление Тартесса, уже к началу VIII в. до н. э. установить прочные торговые связи с местным населением. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы знаменитого клада из Алиседы (испанская провинция Касерес). Здесь были найдены главным образом мелкие золотые украшения, в том числе золотая диадема, украшенная стилизованными изображениями цветов и шарообразными подвесками, дужка с присоединенными к ней кольцами, пара серег, украшенных изображениями лотоса и пальм. Очень интересен своеобразный пояс с золотой пряжкой и золотой чеканкой. В орнаментальном оформлении этого пояса имеются мотивы, несомненно возникшие под влиянием месопотамского искусства, например борьба человека с поднявшимся на задние лапы львом. Крылатый лев, вычеканенный на этом поясе, также находит свои аналогии в произведениях вавилонского изобразительного искусства. Кроме того, могут быть отмечены фигурки ястреба, колье с подвесками в виде сплющенных желудей (несомненно, местный иберийский мотив), печати со скарабеями, а также значительный фонд керамики, в котором особый интерес представляет коническая ваза с египетской иероглифической надписью[9].

Клад из Алиседы представляет собой сложный комплекс памятников разных эпох, наиболее поздние из которых датируются, по-видимому, III в. до н.э.[10] Среди них, как справедливо отмечал А. В. Мишулин, надо полагать, имеются изделия, выполненные иберийскими мастерами, воспринявшими как финикийские мотивы орнамента, так и (через посредство финикиян) стили Египта, Месопотамии, а также, возможно, и Эгейского бассейна. А. В. Мишулин особо отмечает наличие эгейских мотивов в орнаментах Алиседы[11].

Однако сказанное не исключает, что древнейшие материалы из Алиседы могли изготовляться финикийскими ремесленниками и доставляться иберам финикийскими купцами. Испанские археологи, в частности, отмечают, что некоторые вазы из Алиседы, датируемые VIII в. до н.э., находят себе аналогию в финикийской керамике Кипра и, видимо, доставлены оттуда[12]. Восточной является и манера изготов-

[9] *Мишулин А. В.* **Античная Испания. С. 86-88 (там же и история вопроса); Ars Hispaniae. Vol. I. Madrid, 1947. P. 157сл.**

[10] **Ars Hispaniae. Vol. I. P. 157.**

[11] *Мишулин А. В.* **Античная Испания. С. 86—90.**

[12] *Freijeiro A. B.* **Estudios de objetos Fenicios y Orientalizantes en la Peninsula // AEA. N93-94.**

ления вазовых ручек в виде стилизованных ладоней, встречающихся также в кладе из Алиседы, где изделия этого рода датируются VII-VI вв. Как полагает Е. С. Диас, изучавший указанные памятники, они импортировались из Кипра или непосредственно из Финикии через Гадес в Испанию[13]. Доставка этих изделий через порт Майнаку маловероятна.

Таковы те сведения о финикийском импорте в Испанию в VIII в., которыми мы располагаем. О финикийском экспорте из этого района мы знаем значительно меньше, главным образом по данным письменных источников, правда, значительно более поздних. Библейский пророк Иеремия (X, 9) говорит о доставке из Тартесса «сплющенного», т.е., очевидно, чеканного, серебра (kasap meruqqa). Но пророческая деятельность Иеремии датируется концом VII — началом VI в. до н.э.[14] У еще более позднего автора, Иезекиила (XXVII, 12), торговля Тартесса с Тиром характеризуется несколько подробнее: «Таршиш (Тартесс. — *И. Ш.)* продает тебе огромные богатства; серебро, железо, олово и свинец дают прибыли твои». Эти цитаты из Библии показывают, что связи восточных финикиян с западносредиземноморским миром были восстановлены достаточно быстро, возможно, уже в VII в. Но само слово «Таршиш», вероятно, употреблялось не для обозначения определенного государства, а для обозначения географического района, соответствующего южной Испании. При наличии враждебных отношений между Тартессом и финикийскими колониями в Испании трудно представить себе, чтобы торговля финикиян с Тартесским государством могла принести им значительные прибыли.

Если это предположение справедливо, то имеющиеся материалы позволяют сделать следующие выводы. Основным предметом вывоза финикиян из Испании попрежнему оставался драгоценный металл. Наряду с торговыми связями на Пиренейском полуострове финикияне, видимо, начали завязывать определенные контакты и за его пределами. В частности, указание на привоз олова «из Таршиша», вероятно, свидетельствует о том, что финикияне вели торговлю уже и в Британии, бывшей крупнейшим поставщиком олова.

Находка в кладе из Алиседы финикийских изделий VIII в. позволяет отнести к этому времени установление торговых связей финикиян с иберийскими племенами, о которых свидетельствуют библейские авторы. Можно с полным основанием утверждать, что указанные в библейских текстах товары вывозились из Испании и местными финикийскими поселенцами. Очень характерно указание Иеремии о доставке «из Таршиша» обработанного металла. Вероятно, металл подвергался предва-

1956. P. 3-51.

[13] ***Diaz E. C.*** **Los recipientes rituales metallicos llamados «braserillos punicos» // AEA. 1956. N93-94. P. 52-84.**

[14] ***Driver S. R.*** **An introduction to the literature of the Old Testament. New York, 1956. P. 247-249;** ***Eissfeldt O.*** **Einleitung in das Alte Testament. Tubingen, 1956. S. 420-421.**

рительной обработке в Гадесе, бывшем важнейшим центром финикийской торговли в указанном районе[15].

На положение финикиян в Сицилии существенное влияние оказало появление в Западном Средиземноморье в конце IX — начале VIII в. греческих купцов, о чем свидетельствует археологический материал. Так, в Коппо Невигата обнаружен фрагмент греческой протогеометрической вазы, в погребениях Канале найдена геометрическая греческая керамика IX в. Доколонизационные связи с Коринфом, Аргосом, Кикладами и Критом засвидетельствованы для острова Ортигия[16]. В особенности же оживленной стала греческая торговля в VIII в., когда греческие ремесленники усвоили модный в то время восточный, или ковровый[17], стиль росписи керамики и начали подражать ему, стремясь постепенно вытеснить с рынка финикийскую продукцию. Керамика «ориентализирующего» стиля обнаружена в сикульских поселениях острова Ортигия, Тременцано, Финочекито, Кастелуччо и т.д.[18]

Первые греческие колонии в восточной Сицилии появляются в середине VIII в., когда халкидяне основали Наксос, Катану, Леонтины и сделали попытку утвердиться на острове Ортигия. В 736/5 г. на Ортигии была создана коринфская колония Сиракузы, а в конце VIII в. участие в колонизационном движении стали принимать и Мегары, основавшие Мегару Гиблейскую. VII век в Сицилии начался основанием около 690 г. родосцами и критянами Гелы[19], которая несколько позже основала в свою очередь Акрагант. В 644 г. Сиракузы захватили Акры и Касмены, а в 599 г. — Камарину. Жители Мессаны, возникшей на базе старинного пиратского становища, основали в середине VII в. Гимеру. Тогда же появился и Селинунт[20].

Сицилийские финикияне не препятствовали закреплению греков в восточной Сицилии, видимо, не будучи сколько-нибудь серьезно заинтересованными в этом рай-

[15] **Сообщение I Reg., X, 22, вероятно, не имеет непосредственного отношения к иберийско-финикийской торговле, поскольку в Библии выражение 'oni taršiš — «таршишский корабль» часто обозначает корабль дальнего плавания, безотносительно к конкретному району его плавания.**

[16] ***Blakeway A.*** **Prolegomena to the study of Greek commerce with Italy, Sicily and France in the eighth and seventh centuries B. C. ABSA. 1935. P. 170-208. С.Хоукес датирует протогеометрический стиль временем около 1000 г., а геометрический — 950-750 гг.** ***(Hawkes C. F. C.*** **Chronology of the Bronze and Early Iron Age, Greek, Italian and Transalpine. ACIPPM, 1952. P. 260). Попытка А.Окерштрема датировать появление греческих геометрических изделий в Италии концом VIII — началом VII в.** ***(Åkerstrom A.*** **Der Gepmetrische Stil in Italien. Leipzig, 1943. P. 67, 87сл.; ср. также:** ***Säflund G.*** **Über den Ursprung der Etrusker. Historia, 1957. P. 15 сл.) не может быть принята** ***(Ельницкий Л. А.*** **Этруски и греки // ВДИ. 1948. N 1. С. 133-138).**

[17] **Термин «ковровый стиль» предложен В. Д. Блаватским (История античной расписной керамики. М., 1953).**

[18] ***Karo G.*** **Orient und Hellas in archaischer Zeit. MDAI, 1921. P. 106-156;** ***Duhbahin F. J.*** **The western Greeks. Oxford, 1948. P. 3-5.**

[19] **Подробно см.:** ***Колобова К.М.*** **Из истории раннегреческого общества. Л., 1951. С. 192-194.**

[20] **Очерк греческой колонизации Сицилии мы находим у Фукидида (VI, 2сл.).**

оне. Более того, находка в древнейшем некрополе Мотии протокоринфских ваз[21] свидетельствует, что в первой половине VII в.[22] между сицилийскими финикиянами и греками существовал определенный торговый контакт. Однако во второй половине VII в. в Мотии происходят два одинаковых по важности события: на месте старинных захоронений воздвигается крепостная стена, очевидно, для защиты города от возможного нападения извне, а некрополь переносится в Бирджи, непосредственно на территорию Сицилии, что вызвано было, вероятно, расширением города, увеличением численности его населения. Оба события должны быть поставлены в связь с теми явлениями, о которых сообщает Фукидид (VI, 2, 6): «Когда же многочисленные эллины начали совершать морские походы, оставив большую часть острова, <финикияне> стали жить, объединив (ξυνοικίσαντες) Мотию, Солунт и Панорм, поблизости от элимов, доверяя союзу с элимами, а также потому, что оттуда Карфаген имел кратчайший морской путь в Сицилию». В этом месте, восходящем, как показал О. Бем, к «Сицилийской истории» Антиоха Сиракузского (ср. также: Pans., X, 11, 3 — со ссылкой на Антиоха)[23], ясно прослеживаются три момента. Употребленное Фукидидом слово ξυνοικίσαντες определенно показывает, что бывшие прежде независимыми колонии финикиян теперь объединились в один государственный организм[24]. Во главе этого объединения, возможно, стояла Мотия. Косвенным указанием на это могут служить укрепление и расширение города. Новое государство, судя по этим же событиям в жизни Мотии, возникло во второй половине VII в. Его создание, очевидно, было вызвано основанием Гимеры и Селинунта, в чем сицилийские финикияне могли усмотреть угрозу своему положению в западной Сицилии и на путях из Передней Азии в Испанию. Сицилийское государство финикиян заключило военный союз (ξυμμαχία) с элимами, имевший, очевидно, явную антигреческую направленность. Наконец, сицилийские финикияне рассчитывали на помощь расположенного неподалеку Карфагена. Однако Фукидид, обычно очень точный, ничего не сообщает о союзе сицилийских финикиян с Карфагеном. Отсюда можно сделать вывод, что сицилийско-финикийское государство было самостоятельным и в какой-либо зависимости от Карфагена тогда не находилось.

[21] *Whitaker J. I. S.* Motya, a Phoenician colony in Sicily. London, 1921. P. 260.

[22] Мы принимаем датировки С.Хоукеса *(Hawkes C. F. C.* Chronology of the Bronze... C. 260).

[23] *Boehm O.* Fontes rerum Sicularum quibus Thucydides usus sit. Ludwigslust, 1875.

[24] Такова же точка зрения Ст. Гзелля *(Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. Paris, 1913. P. 407). Фукидид употребляет глаголы ξυνοικίζω и ξυγχατοικίζω в тех случаях, когда он хочет подчеркнуть, что из различных поселений или групп поселенцев возникает единый государственный организм. Ср., например, текст (Thuc, II, 15), где речь идет об объединении Аттики Тесеем и где для обозначения этого процесса употреблен глагол ξυνοικίζω. В «Археологии Сицилии», кроме разбираемого отрывка, мы встречаем указанные глаголы еще дважды (VI, 4,2 и 5,1). В обоих случаях речь идет о том, что различными группами колонистов создается один полис, следовательно, один государственный организм. Таково же значение глагола συνοικίζω и в более поздних текстах.

Можно думать, что создание нового финикийского государства в западной Сицилии приостановило продвижение греков в этот район. Во всяком случае источники ничего не сообщают о каких-либо попытках греков обосноваться в западной Сицилии во второй половине VII в.[25]

Хуже всего мы осведомлены о ранней истории финикиян в Северной Африке. Судя по рассказу Юстина, можно предполагать, что уже в момент основания Карфагена возник тесный союз между этим последним и Утикой. Юстин, в частности, сообщает, что «послы жителей Утики также доставили <основателям Карфагена> дары, как родственникам по крови, и уговаривали <их> основать свой город там, где будет указано место жребием» (XVIII, 5, **12).** В источниках, однако, не указываются причины этого гостеприимства, которые, по-видимому, следует искать в положении Утики в конце IX в. Обращает на себя внимание, что Саллюстий (Bell, Iugurth., XIX, **1),** перечисляя наиболее значительные колонии, основанные финикиянами в Северной Африке до конца IX в., не упоминает Утику. Думается, что такое умолчание не случайно. Оно может свидетельствовать о сравнительно незначительной роли, которую Утика, оттесненная более мощными соперниками, играла в жизни указанного района. Немалую роль в ухудшении ее положения должно было сыграть поражение при столкновении с метрополией. Утика могла рассчитывать с помощью Карфагена улучшить свое положение, тем более что его основатели также находились в резко враждебных отношениях с метрополией.

Возможно, существовал тесный союз Большого Лептиса, Эи и Сабраты[26] — финикийских колоний, находившихся на берегу залива Большой Сирт. Создание этого союза могло быть вызвано появлением в Кирене во второй половине VII в. греческих колонистов[27], что, несомненно, представляло прямую угрозу существованию и благосостоянию финикийских колоний, находившихся неподалеку.

Однако греческая колонизация в Северной Африке отнюдь не ограничивалась территорией Кирены. Греки предпринимали попытки обосноваться и непосредственно в районе финикийского господства на территории Африки. У Стефана Византийского (s. v. Κύβος) сохранилось со ссылкой на Гекатея Милетского следующее указание: «Кибос (Κύβος), город ионийцев в финикийской Ливии». Указать точное положение этой колонии источник не дает возможности, поэтому существующая в литературе точка зрения, согласно которой Кибос находился к западу от Карфагена[28], не может быть признана в достаточной степени обоснованной. Так как

[25] **Нам представляются необоснованными утверждения об отсутствии до начала VI в. враждебных отношений между западными финикиянами и греками (*Warmingtoh B. H.* Carthage. London, 1960. P. 35).**

[26] **Ср.: *Speck E.* Handelsgeschichte des Altertums. Bd. III. Teil 1. Leipzig, 1905. P. 34.**

[27] **Подробно см.: *Колобова К.М.* Из истории раннегреческого общества. С. 194-198.**

[28] ***Treidler H.* Eine alte ionische Kolonisation in numidischen Afrika // Historia. 1959. N 3. P. 263-**

Гекатей, живший во второй половине VI — начале V в., упоминает о Кибосе как о городе, реально существовавшем ко времени написания его Περιήγησις, можно утверждать, что эта колония ионийцев была основана во всяком случае до конца VI в. О взаимоотношениях ливийцев и финикиян с ионийскими поселенцами источник не дает сведений, но можно предполагать, что в Африке, как и в западной Сицилии, греки были встречены недоброжелательно и что здесь были приняты все меры к организации отпора грекам.

Правда, финикияне не сумели воспрепятствовать основанию Кибоса, но в дальнейшем грекам не удалось создать на территории Северной Африки ни одной колонии,[29] а те попытки, которые греками предпринимались, не достигали своей цели вследствие активного сопротивления финикиян. Судя по тому, что, кроме как у Гекатея, Кибос в иных источниках не упоминается, можно думать, что в V в. Кибос был уничтожен, по-видимому, карфагенянами.

Необходимость ведения общими силами борьбы против греков создавала предпосылки для создания объединения финикийских городов и в Северной Африке. Во главе этого объединения естественно должен был встать крупнейший финикийский центр в Африке — Карфаген.

II

Первые сведения об активной политике Карфагена вне пределов Африки относятся к середине VII в., когда была основана карфагенская колония на Питиусских островах. К тому времени Карфаген был одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Западного Средиземноморья, что в значительной степени объяснялось его благоприятным стратегическим положением.

В инвентаре наиболее древних погребений на холме Бордж-Джедид, которые датируются обычно VII-VI вв., обнаружены разнообразные золотые, серебряные, бронзовые и стеклянные украшения — кольца, бусы, серьги, а также керамические изделия — вазы различных типов[30]. В инвентаре погребений VII-VI вв., обнаруженных Ш. Соманем в районе к юго-западу от Бирсы[31], найдены бронзовое зеркало с ручкой из слоновой кости, сакральный топорик, украшения и керамика. Ш. Сомань отмечает следующие типы керамических изделий: одноручные ойнохои с высоким

266. Автор преувеличивает размах греческой экспансии в северо-западную Африку. Не обосновано мнение автора и о том, что финикияне «терпели» греков на своей территории.

[29] Сообщение Диодора (XX, 57) об эллинском населении Месхелы не означает, что этот город уже в VII-VI вв. был греческой колонией. Предание об основании этого города «в древности греками, приплывшими из Трои», явно неисторично. Легенда о колонизации Кирены (Herod., IV, 150) показывает, что греки до VII в. не знали точного местоположения Ливии.

[30] *Delattre.* Carthage. Necropole punique de la cilline de St.-Louis. Lyon, 1896.

[31] BA. 1932-1933. P. 83-90. Ср.: *Cihtas P.* Ceramique punique. Paris, 1950. P. 79, 87, 89, 97 и таблицы.

горлом, шарообразным корпусом и ручкой во всю высоту горла; одноручные ойнохои с широким низким горлом, цилиндрическим корпусом и ручкой до половины высоты горла; одноручные ойнохои с высоким горлом, цилиндрическим корпусом и ручкой до середины горла; двуручные шарообразные вазы с крышкой и низким горлом; двуручные вазы с крышкой и цилиндрическим корпусом, сужающимся кверху; остроконечные двуручные вазы; низкие одноручные вазы с широким горлом. Некоторые виды этой керамической продукции обнаружены также и в фондах святилища Тиннит. Керамические фонды второго слоя святилища Тиннит позволяют проследить эволюцию стиля пунийской керамики в сторону ухудшения ее качества и нарушения симметричности[32]. По указанию Гордона, для VII в. характерно наличие двуручных ваз яйцевидной формы с высоким горлом. Их орнамент представлял собой ряд черных горизонтальных полос, соединенных между собой красными или пурпурными вертикальными линиями. Около 600 г. появляются неорнаментированные цилиндрические вазы с небольшими ручками у горла.

В пунических надписях, дошедших до нас, упоминаются такие ремесла, как изготовление саркофагов, обработка золота, серебра, меди, изготовление деревянных повозок, гребней, щипцов, ткачество, портняжное ремесло и врачевание (CIS, I, 326-332, 338, 340, 342, 344, 345, 346, 354; III, 4873, 4877, 4883, 4884, 4886). Хотя эти надписи не поддаются точной датировке, все же не подлежит сомнению, что большинство этих ремесел, если не все, процветало в Карфагене уже в ранний период его существования, в VIII-VII вв.

Приведенные данные свидетельствуют, в общем, о высоком уровне развития ремесленного производства в Карфагене.

К VII в. Карфаген имел уже прочные и разносторонние связи со всеми областями средиземноморского мира. Не подлежит сомнению его тесный контакт с метрополией, о котором свидетельствует, в частности, ежегодное участие карфагенян в празднествах, посвященных Мелькарту, в Тире, а также посылка в Тир части военной добычи (Q. Curt., IV, 2, 10; Arr., Anab., II, 24, 5; Iust., XVIII, 7, 7; Diod, XIII, 108; Polyb., XXXI, 12). Весьма показательна находка в погребениях некрополя Дуимес (VII-VI вв.) сирийской цилиндрической печати начала II тысячелетия до н. э. и цилиндрической печати ахеменидского времени, датируемой, возможно, периодом правления Дария или Ксеркса[33]. Последняя находка позволяет говорить о наличии каких-то связей Карфагена с Персидской державой, хотя, разумеется, вряд ли она может свидетельствовать о политической зависимости Карфагена от Персии. Вероятно, речь должна идти о наличии торговли между Карфагеном и об-

32 Hardeh D. B. **Punic urns from the precinct of Tanit at Carthage // AJA. 1927. N3. P. 302-305.**
33 Amiet P. **Cylindres-sceaux orientaux trouvees a Carthage. CB. 1955. P. 11-16.**

ластями, входившими в состав Персидской державы, может быть, через посредство финикийских купцов.

Во втором слое святилища Тиннит[34] и в карфагенских некрополях[35] найдены многочисленные изделия египетской работы — сакральные топорики с рисунками в египетском стиле, скарабеи из египетского фаянса или стеатита, который вообще был наиболее распространенным материалом, применявшимся при изготовлении скарабеев[36], и амулеты. Скарабеи, найденные в Карфагене, были покрыты эмалью. На скарабеях имеются имена фараонов XXVI династии — Псамметиха I[37] и Псамметиха II, что позволяет датировать некоторые находки первой половиной VII в. Но имеются имена и более древних правителей Египта — Хефрена, Микерина, Тутмоса III и Петубастиса. Найдены также печать гиксосского фараона Мааибре (вторая половина XVII в. до н.э.) и погребальная статуэтка фараона Нехо II[38]. Наряду с этим на скарабеях встречаются имена богов— Исиды, Амона, Ра и Хонсу, имена частных лиц — Петосириса, Имаху и др., а также магические формулы. На амулетах и скарабеях имеются изображения богов Хатор, Осириса, Пта, Бэса, Гора, Анубиса, Ра и Исиды.

Все эти находки не дают, конечно, исчерпывающего представления об объеме и характере карфагено-египетских и карфагено-переднеазиатских торговых связей, что связано, несомненно, со спецификой самих археологических комплексов — погребений, в которых они обнаружены. Однако они свидетельствуют о прочности и длительности этих связей и о том значительном культурном влиянии, которое Египет оказывал на Карфаген.

В Эгейском бассейне в VII-VI вв. Карфаген, судя по данным керамики, имел определенные контакты с Коринфом (или его колониями), Кикладскими островами, Ионией и Афинами, а также с Родосом. В погребениях VII в. на холме Юноны найдены коринфские вазы и ойнохои[39]. Как показывает исследование Е. Буше[40], среди хранящихся в музее Лавижери (Карфаген) керамических коринфских изделий из некрополей Бирсы, Дуимес и Ард эль-Туиби могут быть выделены так называемые «пузатые» арибаллы (740-730 гг.), появляющиеся в начале VII в. яйцевидные и

[34] *Prorok Kh. de.* **The excavations of the sanctuary of Tanit at Carthage. Annual Report of the Smithsonian Institution, 1925. P. 572.**

[35] *Vercoutter J.* **Les objets egyptiens et egyptisants du mobilier funeraire carthaginoise. Paris, 1945.**

[36] *Лукас А.* **Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958. P. 253-254.**

[37] **Ср.: *Moore M.* Carthage of the Phoenicians in the light of modern excavations. New York, 1905. P. 35-37, 46.**

[38] *Vercoutter J.* **1) Empreintes des sceaux egyptiens *A.* Carthage. CB, 1952. P. 37-45; 2) Une statuette funeraire de Nechao II trouvee a Carthage. CB. 1955. P. 23-28.**

[39] **AA. 1931. P. 471-472.**

[40] *Boucher E.* **Ceramique archaique d'iraportation au Musee Lavigerie de Carthage. GB. 1953. P. 11-12. Ср.: Payne *H. G.* Necrocorinthia. Oxford, 1931. P. 187сл.**

грушевидные арибаллы, исчезающие около третьей четверти VII в. В последней четверти VII в. отмечается возникновение «переходного» стиля, последние экземпляры которого датируются временем около 550 г. Концом VIII в. датируются хранящиеся в том же музее кикладские кубки. Значительный интерес представляют ионийская чернолаковая ваза, датируемая первой половиной VI в., и аттическая чернофигурная ойнохоя[41].

Весь этот археологический материал представляет значительные трудности при его истолковании. Находка того или иного памятника, особенно если мы имеем дело с единичными находками, еще не дает оснований утверждать, что Карфаген имел торговые связи непосредственно с Афинами или Кикладскими островами, хотя это и не исключено. Вполне возможно, что кикладские или афинские изделия были доставлены в Карфаген финикийскими или коринфскими купцами. Однако в целом не подлежит сомнению, что систематическая торговля карфагенян с Эгейским бассейном началась в середине VIII в. и с тех пор уже не прекращалась.

Значительное место в жизни Карфагена занимала торговля с Этрурией. Этрусские вазы bucchero пего встречаются в погребениях Карфагена VII-VI вв.[42] По своему стилю, как отмечает Е. Буше, они также датируются указанным временем[43]. В самой Этрурии, в частности в Популонии, найдены значительные фонды финикийских изделий, среди которых, несомненно, должна быть и карфагенская продукция[44]. Однако при анализе этих памятников возникает ряд трудностей. Прежде всего, в целом ряде случаев оказывается невозможным отличить финикийские памятники от их египетских прототипов. Кроме того, не ясно, какие из памятников карфагенского, а какие ближневосточного происхождения. Наконец, неизвестно, кто доставил в Этрурию эти материалы — финикияне, карфагеняне, этруски, греки или египтяне. В частности, как полагают, многочисленные находки финикийских изделий «египтизирующего» стиля — скарабеев, амулетов Осириса, статуэток Бэса, стеклянных бус —в погребениях Тарквиний, Цере, Визенции, Ветулонии, Волатерр, Рима, Пренесте, Капуи, Норбы, Суессулы свидетельствуют о том, что азиатские финикияне в VIII-VII вв. поддерживали связь с италийскими рынками[45]. Если эта точка зрения справедлива, то тогда Карфаген и другие финикийские города Западного Средиземноморья выступали как конкурирующие центры в италийской торговле. Но сравнительно недавно была выдвинута и иная точка зрения. В. фон Биссинг, в частности, высказал предположение, что найденные в Черветери сосуды, из которых один изображает обезьяну, поедающую какой-то фрукт, а другой — преклоненную

[41] ***Boucher E.*** **Ceramique archaique d'importation au Musee Lavigerie de Carthage. P. 34.**
[42] **Публикации см.: BA. 1918. P. 297 сл., 307 сл.; 1925. P. CLII; 1927. P. 451, 455.**
[43] ***Boucher E.*** **Ceramique archaique d'importation au Musee Lavigerie de Carthage. P. 34.**
[44] ***Duhn Freiherr v.*** **Italische Graberkunde. Bd. I. Heidelberg, 1924. S. 283.**
[45] ***Kahrstedt U.*** **Phoenikischer Handel an der italischen Westkuste. Klio, 1912. P. 461-473.**

ниц женщину, могли быть доставлены в Этрурию через Карфаген[46]. Современное состояние источников не позволяет окончательно решить этот вопрос, однако наличие длительных и прочных торговых связей Этрурии с Карфагеном вряд ли может быть оспариваемо.

Рост карфагенской торговли, чрезвычайно благоприятное стратегическое и географическое положение привлекали в город многочисленное разноплеменное и разноязычное население. Чрезвычайно показательно в этом отношении свидетельство таблички из слоновой кости, найденной в 1898 г. в одном из погребений холма св. Моники и имеющей этрусскую надпись (CLE, 5552): mi ruinel karθtazie kzθ...na. Палеографически надпись может быть датирована, вероятно, VII или началом VI в.; в особенности характерны архаические написания букв m и п[47]. Как показал Э. Бенвенист, здесь перед нами генетивная конструкция с характерной частицей mi[48]. Таким образом, перевод той части текста, которая поддается истолкованию, должен быть: «Я — Руинела, карфагенянина». Владельцем таблички был этруск, называвший себя карфагенянином, возможно получивший карфагенское гражданство.

Особый интерес представляет в табличке имя собственное *kardaz. Встречающееся у некоторых римских авторов Carthada (Solin, 27, 10; Serv., In Aen., I, 366; Isid., Etym. magn., I, 30) является, несомненно, латинской передачей финикийского qrt hdšt, но отнюдь не самостоятельной формой. Латинизированная форма Carthada, которой соответствует греческое Καρχηδών, явно свидетельствует о выпадении в живой пунийской речи окончания -št. С учетом сказанного может быть принято предположение Э. Бенвениста, поддержанное И. Фридрихом[49], о том, что этрусское *karθaz восходит к форме Carthada. Однако было бы неправильным возводить латинское Carthago непосредственно к Carthada или к реконструируемой И. Фридрихом фор-

46 *Bissihg W. v.* Karthago und seine griechischen und italischen Beziehungen SE. Vol. VII. 1933. P. 100.

47 *Rallotiho M.* Elementi di lingua etrucsca. Firenze, 1936. P. 17-18.

i848 *Benveniste E.* La tablette d'ivoire de Carthage. SE. Vol. VII. 1933. P. 245-249. Чтение puinel, предложенное Э. Бенвенистом, неприемлемо, так как знак < в этрусском алфавите имеет значение r *(Pallotino M.* Elementi di lingua et rucsca. P. 17-18). См. об этой надписи: *Залесский Н. Н.* Этруски и Карфаген // Древний мир. М., 1962. С. 521.

49 *Friedrich J.* Zum Namen von Karthago. Revue des etudes indoeuropeennes. Vol. III. 1943. N1, P. 20-29. За возможность ознакомиться с этой работой автор приносит свою благодарность проф. И. Н. Винникову. Арабская форма qartagana *(Ibn Khordadbeh.* Kitab al Masalik wal-Mamalik. Ed. M.J. de Goeje. Lugdini Batavorum. 1889. P. 87), о которой упоминает в своей работе И.Фридрих, видимо, восходит не к латино-испанскому Cartagena, как он считает, а к арамейским qartaglna (Lev., r. set., 27, 170[d]) или qartaglnl (Men., 110"), происходящим от латинского Carthago-Carthaginis. Нам представляются необоснованными попытки видеть в тех изменениях, которые претерпевал топоним qrt hdst в Северной Африке, влияние арамейского языка *(Altheim F., Stiel R.* Die Aramaische Sprache unter den Achaimeniden, Lief. 2. Frankfurt am Main, s. a. P. 223-232), тем более что в дошедших до нас памятниках арамейского языка формы, близкие к Carthada, не засвидетельствованы.

ме *qarthadon[50]. Быть может, латинская форма восходит к этрусскому *karθaz с переходом этрусского z в латинское g. Недостаточная изученность этрусского языка не позволяет установить те фонетические закономерности, которые в данном случае проявились. Заметим, однако, что в ряде греческих диалектов также наблюдается соответствие позднего γ < δ архаическому ζ[51]. Если сказанное справедливо, то можно признать вероятным, что сведения о Карфагене и карфагенская продукция могли распространяться в Центральной Италии через Этрурию.

Раскопки многочисленных погребений на территории Карфагена показывают, что в VII в. до н. э. город значительно расширился, очевидно, за счет притока ремесленников и торговцев. Показателем роста карфагенской торговли является и расширение искусственной гавани — котона — путем постройки специального котона для размещения военных судов 52.

* * *

Все сказанное делает очевидным, что Карфаген не мог остаться в стороне от той активной борьбы за рынки, которая развернулась в Западном Средиземноморье в VIII-VII вв. Первые его действия в этом направлении обнаруживают прямое стремление к захвату Пиренейского полуострова. Активно вмешавшись в борьбу финикиян с Тартессом на подступах к Испании, Карфаген сумел добиться значительных успехов в этом районе.

Несомненно, крупным его достижением была высылка колонии на Питиусские острова. Как сообщает Диодор (V, 16, 2-3), здесь через 160 лет после основания Карфагена, иначе говоря, в середине VII в., была основана пунийская колония Эбес. Эта датировка восходит к рассказу Тимея, который, как мы видели, пользуется недостаточно достоверным вариантом хронологии. Поэтому, по данным дошедшей до нас традиции, возможна только приблизительная датировка основания Эбеса. Согласно описанию Диодора, основанный карфагенянами город представлял собой крупный центр финикийской торговли: Эбесс «имеет и хорошие гавани, и стены больших размеров, и много хорошо построенных домов. Населяют же его различные варвары, в большинстве финикияне». Уже рассказ Диодора исключает сомнения А. В. Мишулина в реальном существовании города[53]; археологический же материал, известный в настоящее время, в общем подтверждает сообщение Диодора. В частно-

[50] **Подобная реконструкция не обоснована. В греческом языке Carthada приняло форму чисто греческую — Καρχηδών, с переходом конечного a в δ и его назализацией, а также с выпадением t на стыке трех согласных.**

[51] ***Лурье С. Я.*** **Язык и культура микенской Греции. М.; Л., 1957. Р. 50сл.**

[52] **Ср.:** ***Meitzer O.*** **Geschichte der Karthager. Bd. I. Berlin, 1876. P. 153-220;** ***Gsell St.*** **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. II. Paris, 1918. P. 87сл.; AA. 1931. P. 471-472.**

[53] ***Мишулин А. В.*** **Античная Испания. С. 234-235.**

сти, на острове Ибисса, само название которого, вероятно, является видоизмененной формой пунийского имени, исследован некрополь Пуиг д'Эс-Молинс, содержащий более пяти тысяч захоронений. Эти захоронения представляли собой сводчатые камеры, доступ в которые открывался через шахты. Здесь были обнаружены характерные для пунийских погребений антропоморфные саркофаги. Интересно, что наряду с индивидуальными здесь имели место и коллективные захоронения; в одном погребении находят до двадцати трупов. Среди инвентаря погребений найдены глиняные статуэтки. Некоторые из них представляют собой изображения мужчин с бородой, по-видимому, связанные с культом Ваалхаммона. Однако большинство статуэток — женские фигурки с голубкой в руке. Предполагают, что в данном случае перед нами изображения Астарты. Имеются и статуэтки, выполненные в стиле символического изображения Тиннит. Керамический фонд Пуиг д'Эс-Молинс составляют несколько краснофигурных лекифов, стеклянные амфоры, а также большое количество карфагенских ваз, часть которых не имеет орнамента, а часть украшена характерным пунийским орнаментом в виде волнообразных горизонтальных полос. Значительный интерес представляет найденная здесь шарообразная ваза с совершенно необычной для пунийской керамики росписью — изображением восходящего солнца и распускающих свои лепестки цветов. Найдено здесь и некоторое количество монет, в том числе гадесской и эбесской чеканки. Некрополь Пуиг д'Эс-Молинс использовался в течение нескольких сот лет; наиболее древние погребения, как полагают, могут быть датированы началом VI в.[54]

Как сообщает А. Гарсия-и-Бельидо, неподалеку от некрополя, в районе Пуиг д'Эн-Валльс, обнаружены остатки поселения — зданий, цистерн и т. д., а также подземного храма[55]. Мы не располагаем подробными публикациями этого археологического комплекса, однако даже в настоящий момент ясно, что некрополь Пуиг д'Эс-Молинс и поселение Пуиг д'Эн-Валльс представляют собой единый археологический памятник, который должен быть отождествлен с диодоровским Эбессом.

Очень интересен также депозит Исла Плана, где найдены архаические терракотовые статуэтки — схематические мужские изображения. Предполагают, что эти статуэтки могут быть датированы VII в.; на возможность такой датировки указывают северосирийские параллели[56].

[54] **Публикация Вивеса-и-Эскудеро *(A. Vives y Escudero*. La necropoli de Ibiza, 1917) нам недоступна. Описания см.: *Roca J.* Les terracuites cartagineses d'Eivissa. Barcelona, 1938; *A. de Castillo*. Ibiza. RLV. Bd. VI. 1926. P. 9-11; Ars Hispaniae. Vol. I. Madrid, 1947. P. 143 сл. За возможность использования книги Х. Рока мы приносим благодарность проф. П. Бошу-Гимпере.**

[55] **Ars Hispaniae. Vol. I. P. 145.**

[56] ***Bosch-Gimpera P.* Fragen der Chronologie der phonizischen Kolonisation in Spanien. Klio, 1928. P. 251. Однако попытка автора доказать, что Эбесс был основан до финикийской колонизации Испании, находится в вопиющем противоречии с источниками. Ср. также: *Schulten A.* Tartessos. P. 72; Ars Hispaniae. Vol. I. P. 150.**

В античной традиции сохранилось указание на вхождение Эбесса и Балеарских островов в систему владений Тартесса (Serv, In Aen., VII, 662). С этим указанием следует сопоставить сообщение Библии (Ps., LXXI, 10), где упомянуты «цари Таршиша и островов» (malěkě taršiš we'iyim) и где речь идет явно об одном государстве. Правда, в соответствующем тексте Септуагинты говорится: βασιλείς Θαρσις καί αί νήσοι («цари Таршиша и острова»); это последнее чтение, однако, является, как нам кажется, результатом недоразумения. Мнение А. Шультена, который полагал, что источник не мог иметь в виду собственно Балеарские острова из-за их удаленности от Тартесса и что речь идет о трех островах в устье реки Бетиса[57], вряд ли обоснованно. Обладая значительным флотом и будучи в состоянии вести морскую войну с Гадесом, Тартесс, конечно, мог установить свое господство и на сравнительно более удаленных от Испании островах. Но если это так, то основание карфагенской колонии в Эбессе следует рассматривать как выступление Карфагена против Тартесса, может быть, в союзе с Гадесом.

Эбесс упоминается в одной из посвятительных надписей из Карфагена (CIS, I, 266), которая гласит:

lrbt ʻltnt pn bʻl	Великой Тиннит, украшению Ваала
wlʼdn lbʻlḥmn ʼ[š ndr]	и господу Ваалхаммону то, ч[то посвятил]
[ḥ]nbʻl bn bdʻštrt bn	[Ха]ннибаал сын Бодаштарта сына
[mṣn]r ʼš bʻm ybšm	[Мацна]ра, человека в общине Ибусситов

Отождествление общины ybšm с колонией Эбесс сомнений не вызывает; слово ybš в финикийско-пуническом языке означает «сухой» (*y/* ybš). Финикийское слово 't («народ») в пунийских надписях обычно значит «община». Так, в ряде пунийских надписей упоминается 'm qrthdšt — «народ карфагенян», т. е. община карфагенян (CIS, I, 270). Аналогичное словоупотребление мы встречаем и на монетах пунийско-сицилийской чеканки, на которых обычна легенда'm mhnt — «община военного лагеря».[58] Мацнар, упомянутый в надписи, как-то связан с данной общиной, он—«человек в общине ибусситов». Возможен и другой перевод—«тот, который в общине ибусситов», но сути дела это не меняет. Окончательно решить вопрос о том, каково было отношение Мацнара к общине, на данном этапе изучения вопроса не представляется возможным. Не исключено, что он был просто членом общины Ибусситов. Однако возможно и иное толкование. Посвятительные надписи в честь богини Тиннит и Ваалхаммона представляли собой официальные документы, для

[57] *Schulten A.* **Tartessos. P. 40.**
[58] *Head B. V.* **Historia nummorum. Oxford, 1911. P. 877.**

которых характерны следующие особенности: авторы этих надписей стремились запечатлеть в них свою родословную, которая, как правило, охватывала несколько поколений (в нашем случае перечисление доведено до второго поколения, что, вероятно, свидетельствует о сравнительной незнатности рода); посвятители, кроме того, стремились запечатлеть в тексте общественное положение каждого своего предка в существовавших тогда официальных терминах. Обе эти отличительные черты наблюдаются и в рассматриваемом тексте. Таким образом, можно предполагать, что выражение «человек в общине» (соответственно и «который в общине») представляло собой официальный титул, характеризовавший общественное или служебное положение данного лица. Когда речь шла о членах общины — гражданах, в пунийских текстах обычно употреблялась форма имени принадлежности, аналогичная арабской нисбе (ср., например: CIS, 4323: hmqty— «миктиец»), либо термин b'l— «хозяин», «гражданин» (ср., например: RES, I, 163—164: b'l hmktrm— «гражданин Мактара»; аналогичное словоупотребление имеется и в Библии, см., например: Iud., IX, 2 сл.) Поселенцы-метэки обозначались в пунийских надписях термином msb (RKS, I, 237; ср. в Библии термины ger (Gen., XIII, 48) и аналогичный пунийскому термин tosab (Gen., XIII, 45, *y/* ybs), употребляемый, однако, сравнительно редко). Отсюда может следовать, что выражение's b'm не обозначает ни гражданина общины, ни поселенца-метэка. Быть может, посвятитель являлся должностным лицом —резидентом карфагенского правительства в колонии. Косвенным подтверждением этого является то обстоятельство, что надпись была найдена в Карфагене; это, возможно, указывает на карфагенское гражданство посвятителя. Если высказанное нами предположение справедливо, то отсюда можно было бы сделать вывод, что карфагенские колонии были административно подчинены своей метрополии.

Создание базы в Эбессе позволило пунийцам предпринять наступление и непосредственно на юг Пиренейского полуострова. У Юстина (XLIV, 5, 2-3) имеется сообщение об удачной войне, которую карфагеняне вели здесь в союзе с Гадесом: «Так как соседние народы Испании мешали основанию нового города (Гадеса.— *И. Ш.)* и, кроме того, беспокоили гадитан войной, карфагеняне послали помощь родственникам по крови. Там счастливой экспедицией они и гадитан освободили от насилий, и большую часть области (provinciae) подчинили своей власти»[59]. Несомненно, что подобная экспедиция могла быть осуществлена только после основания Эбесса, следовательно, во второй половине VII в. до н. э.[60] Те условия, в которых Гадес находился буквально с первого дня своего существования, показывают, что наиболее вероятным противником карфагено-гадесской коалиции был Тартесс. Воз-

59 В рукописях встречается чтение maiorem и maiorem iniuriam. В последнем случае, однако, текст теряет смысл.

[60] Ср.: *Schulten A.* Tartessos. P. 41. Автор относит сообщение Юстина ко времени основания Гадеса.

можно, в тот период Гадес потерпел определенный урон в борьбе со своим извечным противником. Как видим, экспедиция карфагенян добилась осуществления сразу трех целей: Гадес был избавлен на некоторое время от угрозы со стороны своего старого конкурента; Тартесс был ослаблен и потерял часть своей территории, которая попала под власть Карфагена; последний получил возможность обосноваться на ближних подступах к драгоценным иберийским металлам, непосредственно на территории Пиренейского полуострова. Однако здесь Карфаген столкнулся еще с одним противником — Гадесом, который так недавно выступал в роли его союзника.

В источниках имеется сообщение об осаде и взятии карфагенянами Гадеса, причем с этим событием связывалось изобретение тарана, предназначавшегося для разрушения крепостных стен: «Упоминается, что раньше всего для осадных работ были изобретены "бараны". А было это так. Карфагеняне для осады Гадеса разбили лагерь. И, захватив сначала укрепление, они попытались его разрушить. Но так как они не имели для разрушения железных орудий, они взяли бревно и, поддерживая его руками и непрерывно ударяя его головной частью по верху стены, сбрасывали верхние ряды камней. И так постепенно, ряд за рядом они разрушили всю крепость. После этого некий тирский ремесленник по имени Пефрасмен, вдохновленный этим опытом и изобретением, установил вертикальный столб, к нему приделал другой, поперечный, наподобие весов, и, то отводя назад, то ударяя, сильными ударами разрушил стену гадитан» (Vitruv., De arch., X, 13, 1-2). В этом предании имеется ряд маловероятных подробностей. В частности, вряд ли финикияне были изобретателями тарана. Известно, что таран применялся уже ассирийцами во время их осадных работ[61]. Не исключено, что тирийцы участвовали в походе Карфагена против Гадеса, хотя «грецизация» имени тирского ремесленника, изобретателя тарана, свидетельствует о том, что традиция о борьбе Карфагена с Гадесом подвергалась обработке в греческой литературе и поэтому не вполне достоверна. Единственно бесспорным указанием Витрувия в данном отрывке следует признать, видимо, сообщение об осаде карфагенянами Гадеса.

В литературе имелись попытки истолковать сообщение Витрувия как сообщение об освобождении Гадеса от тартесского господства. Согласно одной точке зрения, гадитане и карфагеняне, имея единое этническое происхождение, легко могли договориться между собой, и в связи с этим, как утверждают, Гадес добровольно перешел под власть Карфагена.[62] Согласно другой точке зрения, в сообщении Витрувия имеется в виду не Гадес, а Тартесс. Сторонники этого мнения ссылаются на то, что

[61] *Луръе И., Ляпунова К., Матъе М., Пиотровский Б., Флитнер Н.* **Очерки по истории техники древнего Востока. М.; Л., 1940. Р. 120-123.**

[62] **Ср.: *Мишулин А. В.* Античная Испания. С. 254-255.**

в поздних текстах Гадес часто отождествляется с Тартессом.[63] Обе указанные точки зрения должны быть отвергнуты.

Для Гадеса проникновение карфагенян на территорию Испании представляло смертельную угрозу его монопольному положению в международной торговле драгоценными металлами. Трудно допустить, чтобы этническая связь, если она и ощущалась, могла оказаться сильнее этих экономических противоречий. Во всяком случае этническая близость к Карфагену не помешала, как известно, Гадесу, Утике и ряду других финикийских поселений в Западном Средиземноморье перейти на сторону Рима во время Пунических войн. Что же касается тезиса о смешении наименований, то следует иметь в виду, что древние, помимо Гадеса, смешивали Тартесс и с Картией (Plin., Nat. hist., 3, 7; App., Iber., 2, 63; Mela, 2, 96; Paus., 6, 19, 3), а также с рядом иных пунктов вне пределов Испании. Любопытно, что у Плиния встречаются обе основные версии (ср.: Plin., Nat. hist., 4, 120: «Гадес... наши называют Тартессом»), причем не ясно, какой из двух версий автор отдает предпочтение. Другим немаловажным обстоятельством является, как указывает и А. Шультен, то, что смешение Гадеса с Тартессом встречается впервые у римских авторов I в. до н. э. (Cic, Ad Att., 7, 9, 11; Sail. Hist., 2, 5). Ясно, что подобные отождествления были следствием полного или частичного забвения пунийской или тартесско-турдетанской традиции[64]. В нашем распоряжении нет каких-либо данных, которые позволяли бы утверждать, что, говоря о Гадесе, источник имеет в виду Тартесс. Можно предполагать, что источником, к которому восходит сообщение Витрувия, было обработанное греками пунийское предание, в котором такое отождествление было фактически невозможным.

Все сказанное заставляет признать вероятным, что в рассказе Витрувия речь идет об осаде карфагенянами Гадеса, причем не исключена возможность применения во время осадных работ тарана. Обращает на себя внимание ожесточенность осады и штурма города, а также то, что карфагеняне полностью разрушили укрепления Гадеса. Такие разрушения были бы не нужны, если бы Карфаген освобождал Гадес, но они вполне объяснимы, если учесть, что пунийцы стремились лишить Гадес всякой способности к дальнейшему сопротивлению, ослабить и обескровить его. Датировать падение Гадеса следует, видимо, также второй половиной или концом VII в. до н. э.

Захватив Гадес, Карфаген, несомненно, подчинил себе и другие финикийские колонии на юге Испании. Однако мы не располагаем данными, которые позволили бы датировать VII в. основание в Испании собственно карфагенских колоний. Археологические материалы Барии в устье реки Альмансор — обычные пунийские

[63] *Schulten A.* Tartessos. P. 74, 91 сл.

64 Ср.: *Guardan A. M. De.* Gades como heredera de Tartessos en amonedaciones conmemorativas del praefectus classis. AEA. N103. 1961. P. 53-89.

погребения, в которых найдены, в частности, культовые статуэтки Тиннит и разрисованные страусовые яйца, а также цистерны для приготовления гарума и засолки рыбы, — датируются обычно временем не раньше V в. до н.э.[65] Но основание колоний в конце VII в. или в VI в. весьма вероятно.

* * *

В течение продолжительного времени Тартесс боролся против финикиян в полном одиночестве, не имея сколько-нибудь серьезных союзников. Насколько мы осведомлены, почти все выступления тартесситов против финикиян заканчивались неудачей. Можно предполагать, что территория Тартесса значительно уменьшилась в своих размерах, он оказался почти отрезанным финикийскими колониями от средиземноморского мира.

Неудивительно, что правители Тартесса с большой радостью услышали о появлении у берегов Испании фокейских купцов, в которых они увидели врагов карфагенян и, следовательно, своих естественных союзников. Геродот (I, 163) рассказывает, что, «прибыв в Тартесс, они (фокейцы. — *И. Ш.)* стали союзниками (προσφιλέες) царя тартесситов по имени Аргантоний». Сообщение Геродота о том, что царь Тартесса предложил фокейцам «заселить часть его земли, где пожелают», свидетельствует о глубокой заинтересованности Тартесса в фокейской колонизации, а также о том, что Тартесс поддерживал фокейцев при основании колоний. Геродот рассказывает и о помощи, которая была оказана Тартессом в укреплении Фокеи, в подготовке ее к обороне против индийского нашествия. Последний факт свидетельствует о прочности и разносторонности заключенного союза.

Первая фокейская колония, Массалия, была основана около 600 г. до н.э. (ср. Solin, II, 52; Liv., V, 34; Iust., XVIII, 3) неподалеку от устья реки Родан. У Фукидида (I, 13) имеется краткое, но важное указание, посвященное древней истории этого города: «Фокейцы, живущие в Массалии, побеждали в морских сражениях карфагенян»[66]. О столкновениях карфагенян с основателями Массалии упоминает и Павсаний (X, 8, 6), который ставит захват фокейцами земель в Лигурии в прямую связь с поражением карфагенян: «Имея более сильный флот, чем карфагеняне, они (фокейцы. — *И. Ш.)* захватили землю, которою владеют». Юстин (XLIII, 5, 12) рассказывает, что предлогом к конфликту между карфагенянами и массалиотами послужил захват рыбачьих судов; правда, из его изложения невозможно

[65] ***Мишулин А.В.*** **Античная Испания. С. 231;** ***Menendez Pidal R.*****. Historia de Espaňa. Vol. I, pt. 2. Madrid, 1952. P. 355.**

[66] **А. Сонни обоснованно полагал, что в отрывке Фукидида речь идет о событиях, имевших место около 600 г.** ***(Sonny A.*** **De Massiliensium rebus quaestiones. Petropoli, 1887. P. 5-8). Мнение Хр. Розе, отрицающего достоверность сообщения Фукидида, не доказано** ***(Rose Chr.*** **Ein Emblem bei Thukydides. Jahrbücher für klassische Philologie. 1887. P. 257-268).**

установить, чьи именно суда и кто захватил, а также не ясно, имеет ли Юстин в виду те события, о которых рассказывает Павсаний, или иные. Юстин сообщает о частых поражениях, которые массалийцы наносили карфагенскому войску. Это предполагает определенную длительность событий и соответствует сообщению Фукидида. Особенно важно, что Юстин говорит о союзе массалиотов с «испанцами», под которыми Помпей Трог или его источник, быть может, имели в виду Тартесс[67].

Все эти данные позволяют реконструировать в общих чертах ход событий, однако недостаточная ясность источников не позволяет сделать более точные выводы. Видимо, фокейцы появились у берегов Лигурии тогда, когда карфагенянами уже были установлены более или менее прочные торговые связи с местным населением. Находка в районе Массалии знаменитого тарифа жертвоприношений местного финикийского храма, а также открытие в районе Авиньона финикийского погребения с соответствующей надписью[68] косвенно свидетельствуют, хотя сами тексты и датируются обычно IV в. до н. э., о давней и глубокой заинтересованности карфагенян в Лигурийских делах. Согласно храмовому тарифу жертвоприношений, финикийская община в Массалии имела своих эпонимных магистратов — суффетов и, видимо, в своей внутренней жизни была независима от греческого полиса. О давних связях карфагенян с лигурийцами свидетельствует, вероятно, и факт вербовки в Лигурии наемников в пунийскую армию уже в начале V в. (ср.: Herod., VII, 165). Карфагену пришлось столкнуться с коалицией двух крупных морских держав, которая имела численное превосходство на море. После ряда поражений карфагеняне, видимо, надолго были вытеснены из Лигурии. Не вполне ясна роль этрусков в этих событиях. Они вряд ли оставались равнодушными наблюдателями военных действий, непосредственно затрагивавших сферу их торговых интересов[69].

Как бы то ни было, разгромленный в результате военных действий, Карфаген оказался вынужденным примириться с появлением на Лигурийской территории нового соперника, а также с колонизацией Массалией восточного побережья Пиренейского полуострова, в непосредственной близости от финикийских городов. Так, Майнака — греческая колония — находилась на расстоянии 1 км от финикийской Малаки (ср.: Av., Ora mar., 426 сл.; Per. Ps.-Scyrtm., 145). Кроме нее, фокейцами были основаны Алонис южнее мыса Нао (St. Byz., s. v. Ἀλωνίς), Гемероскопейон (St. Byz., s. v. Ἡμεροσκοπεῖον; Strabo, III, 159, 161; Av., Ora mar., 476) и др.[70] Самый

67 П. Бош-Гимпера не учитывает приведенные материалы *(Bosch-Gimpera P.* The Phokaians in the Far West. The Classical Quarterly. 1944. N1-2. P. 53сл.).

[68] *Lidzbarski M.* Handbuch der nordsemitischen Epigraphik. P. 428-429; *Cooke G.-A.* A text-book of North-Semitic insriptions. P. 112-122.

[69] *Залесский Н. Н.* Этруски в Лигурии // ВДИ. 1958. *№ 1* . С. 71.

[70] Подробно см.: *Мишулин А. В.* Античная Испания. С. 235-247; Ars Hispaniae. Vol. I. P. 165-195.

факт основания греческой колонии в непосредственной близости от финикийской свидетельствует об очень тяжелом поражении карфагенян, а также об остроте конкурентной борьбы в этом районе.

К концу VII в. карфагеняне теряют и свои италийские рынки. Как показал У. Карштедт, массовый ввоз финикийских изделий в Италию во второй половине VII в. прекращается, и такое положение длилось, по всей видимости, до второй половины VI в.[71] Надо думать, положение особенно обострилось после основания на острове Корсика города Алалия, что произошло, как рассказывает Геродот (I, 165), за двадцать лет до захвата Фокеи персами, т. е. в первой половине VI в.[72] Согласно сообщению Геродота (I, 166), фокейцы занимались грабежом соседей и, вероятно, полностью дезорганизовали морскую торговлю на подступах к Италии.

О политике карфагенян в Сицилии в указанный период (VII-VI вв.) мы осведомлены значительно хуже. В нашем распоряжении имеется лишь краткое упоминание об удачных войнах, которые карфагеняне в течение продолжительного времени вели в Сицилии (Iust., XVIII, 7, 1). Во главе пунийской армии стоял полководец Малх.[73] В данном случае это, несомненно, имя собственное (CIS, III, 4849), а не прозвище, как предполагалось ранее. Косвенное указание даты экспедиции Малха имеется у Орозия (IV, 6), который говорит об одновременности деятельности Малха и Кира. Учитывая, что завоевание Киром Мидии и основание им Персидской державы датируются временем около 550 г., а захват им Вавилона — 538 г., можно предположить, что походы Малха должны были происходить в промежутке между этими датами и во всяком случае задолго до битвы при Алалии (535 г.). Нам представляется наиболее вероятной датировка походов Малха серединой VI в. — 60-50-е гг.[74]

Источники не сообщают каких-либо сведений о противниках, с которыми Малх столкнулся в Сицилии. Наиболее вероятно, что интервенция карфагенян была вы-

[71] ***Kührstedt U.*** **Phoenikischer Handel an der italischen Westküste. P. 463-464.**

[72] **Ср.:** ***Gsell St.*** **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 414.**

[73] **Конъектура Фосса.**

[74] **Ср.:** ***Glotz G.*** **Histoire grecque. Vol. I. Paris, 1925. P. 191;** ***Gsell St.*** **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 431;** ***Залесский Н. Н.*** **Этруски и Карфаген, стр. 522. Работа П. Мелони, посвященная хронологии походов Малха** ***(Meloni P.*** **La cronologia delle campagne di Malco. Studi Sardi. Vol. VII. 1947. P. 105сл.), нам недоступна. Т. Дж. Данбэбин полагает, что жертвоприношение Малха в Тире могло быть совершено только до взятия Тира Навуходоносором II в 573 г. и, следовательно, его походы должны быть датированы более ранним временем** ***(Dunbabin T. J.*** **The western Greeks. Oxford, 1948. P. 333). Однако, учитывая, что Тир после своего перехода под власть Навуходоносора II сумел быстро возобновить свои торговые связи, а также принимая во внимание указание Орозия, гипотезу Данбэбина приходится признать недостаточно обоснованной, хотя такая возможность и не исключена.**

звана угрозой со стороны тирана Акраганта и Гимеры Фаларида[75], хотя какая-либо традиция о столкновениях между ними отсутствует. Походы Малха имели своим последствием создание в Сицилии зоны карфагенского господства (cuius auspiciis et Siciliae partem domuerant); по-видимому, под власть Карфагена попало и сицилийское государство финикиян. Согласно первому договору Карфагена с Римом, римляне могли вести торговлю в финикийских городах Сицилии без надзора со стороны карфагенских властей (Polyb., III, 22). Вероятно, такое положение создалось вследствие уступок со стороны карфагенян сицилийским финикиянам.

Поход Малха в Сардинию оказался менее удачным. Значительная часть его армии погибла в сражении с сардами — наиболее вероятным его противником здесь. Это поражение имело для карфагенян настолько большое значение, что полководец и оставшаяся часть его армии были приговорены к изгнанию (Iust., XVIII, 7, 1-2). О причинах войны в Сардинии можно только догадываться. Возможно, что экспедиция Малха имела своей задачей обеспечение безопасности финикийских колоний от нападений сардов. Не исключено, что какое-то участие в событиях приняли и фокейцы из Алалии.

Неудача Малха способствовала укреплению положения фокейцев на подступах к Италии. Она поставила под угрозу и финикийские колонии в прилегающих к Италии районах Средиземноморского бассейна. Во внутренней жизни Карфагена она привела к резкому обострению внутриполитической борьбы.

Согласно рассказу Юстина (XVIII, 7, 3 сл.), который в этом вопросе является нашим единственным источником, после поражения в Сардинии Малх вместе со своими войсками был приговорен к изгнанию. В этом факте следует видеть, возможно, результат интриг со стороны враждебных Малху политических группировок. Воины во главе с полководцем отказались подчиниться решению своего правительства. Согласно преданию, Малх направил в Карфаген послов, которые должны были просьбами и угрозами добиться отмены принятого решения. Но посольство не увенчалось успехом. Получив отказ, Малх осадил свой родной город и взял его штурмом. Созвав народное собрание (contio), он добился решения о казни высших магистратов и установил свою власть над городом. Юстин говорит даже о введении Малхом собственного законодательства (urbem legibus suis reddidit). Но власть Малха была непрочной. Политические противники обвинили его в стремлении к царской власти. В этом сообщении Юстина, возможно, имеет место анахронизм, поскольку такие политические обвинения были характерны для Рима I в. до н. э. Однако не исключено, что и в данном случае рассказ Помпея Трога-Юстина воспроизводит непосредствен-

75 Dunbabin T. J. **The western Greeks. P. 333.**

но рассказ Гиппагора, восходящий к пунийской традиции. Но тогда следовало бы сделать вывод, что ликвидация в Карфагене царской власти сопровождалась борьбой между различными политическими группировками и что стремление к царской власти, которая могла представляться олицетворением враждебной народу тирании, встречало в Карфагене резкое сопротивление. Как бы то ни было, из рассказа Юстина определенно следует, что Малх был обвинен в стремлении к установлению своей единоличной власти, свергнут и казнен.

Созыв народного собрания явно свидетельствует о попытке Малха опереться в борьбе со своими политическими противниками на народные массы. Не следует также забывать, что солдаты Малха были карфагенскими гражданами. В Карфагене, очевидно, существовало значительное движение, направленное против господства олигархии, — движение, которым Малх пытался воспользоваться в своих целях. Убийство десяти правителей с санкции народного собрания, а также введение в Карфагене законов Малха свидетельствуют в защиту нашего предположения. К сожалению, мы не осведомлены о характере законодательной деятельности Малха. Однако из изложения Юстина ясно, что говорить о демократическом характере переворота нет оснований. Скорее речь идет о столкновении внутри олигархической верхушки, причем одна из враждовавших группировок прибегла к поддержке народных масс.

Социальная база диктатуры Малха оказалась непрочной. Неудачливый полководец не сумел сплотить вокруг себя на сколько-нибудь длительное время народные массы, чем и объясняется недолговечность его диктатуры[76].

Преемником Малха источник называет Магона, довершившего создание Карфагенской державы (Iust., XVIII, 7, 19) и, вероятно, принимавшего активное участие в низвержении своего предшественника и в подавлении антиолигархического движения народных масс[77].

[76] Г. Людеман считает многие детали предания о Малхе, в частности рассказ о его военных успехах в Сицилии и Африке, недостоверными (*Lüdemann H.* Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. Bottrop, 1933. P. 37—40). Он, несомненно, прав, когда видит в рассказе следы литературной обработки в духе греческой риторики (в частности, эпизод казни Карталона). Однако какие-либо данные, опровергающие сообщение Юстина, пока отсутствуют. Более того, обычная достоверность рассказов Юстина, касающихся истории Карфагена, свидетельствует, по нашему мнению, в пользу достоверности и этой части его повествования.

[77] Попытка Г. Людемана отождествить Магона с Ганноном — руководителем пунийской экспедиции за Геракловы Столпы (*Lüdemann H.* Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. P. 40-41) — представляется необоснованной. То сообщение Геродота (VII, 165), на которое ссылается Людеман и где пунийский полководец Гамилькар, павший в битве при Гимере, назван сыном Ганнона, основано на изустной и, очевидно, неточной традиции.

III

Придя к власти, Магон провел целый ряд важных в политическом отношении реформ. Из них Юстин (XIX, 1, 1) особо отмечает упорядочение военной организации. Обычно полагают, что под этим источник имеет в виду создание в Карфагене наемного войска, значительно превосходившего по своей численности и боевым качествам гражданское ополчение[78]. Это мнение можно признать наиболее обоснованным. Действительно, в дальнейшем мы встречаемся только с наемными войсками карфагенян; отряды, составленные из граждан города, играли сравнительно незначительную роль. Создание такого войска, связанного не с государством, а лично с полководцем (imperator), каковым являлся Магон, дало в руки последнего мощное оружие захвата власти, которым Малх не располагал. Наемная армия стала в Карфагене важной политической силой. Правители города вынуждены были с нею считаться. Не случайно и после свержения власти Магонидов в середине V в. пунийские полководцы, пытаясь захватить власть, старались использовать прежде всего наемные войска. Уместно напомнить и о значительной роли наемников в восстании 241-239 гг. В то же время нельзя не отметить, что реформа Магона носила явно антидемократический характер. Создание наемной армии с основным контингентом из иностранцев — иберов, лигуров и других — отстраняло карфагенский плебс от несения военной службы и тем самым ограничивало для него возможность влияния на государственные дела.

По-видимому, после прихода к власти Магона был заключен и союз карфагенян с этрусками, о котором сообщают Геродот (I, 165) и Аристотель (Polit, III, 5, 10). Последний в своем изложении выделяет три типа договоров Карфагена с этрусскими городами: договоры о торговле (συνθηκαι περί των εισαγώγιμων), договоры о недопущении противозаконных действий против другой договаривающейся стороны (σύμβολα περί του μή άδικεΐν), а также письменные соглашения о военном союзе (γραφαι περί συμμαχίας).

Безусловно, появление столь детализованных соглашений предполагает сравнительно длительный период дружественных сношений. Нет оснований предполагать, что соглашение карфагенян с этрусками, заключенное до битвы при Алалии, включало все условия позднейшего договора Карфагена с Римом и все детальные специальные соглашения, известные по рассказу Аристотеля. Союз, заключенный Магоном с этрусками, носил чисто военный характер (Herod., I, 166; Find., Pyth., I, 72)[79].

[78] *Gsell St.* **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 421.**

[79] **Ср.:** *Залесский Н. Н.* **Этруски и Карфаген. С. 522-523. Автор не выделяет в своем изложении этапов развития карфагено-этрусских договорных отношений, что, с нашей точки зрения, вряд ли правильно.**

Таким образом, можно утверждать, что в середине VI в. складывается карфагено-этрусский союз, явно враждебный по своим целям фокейско-тартесской коалиции. Пойти на союз с Карфагеном заставила этрусков, очевидно, угроза побережью Италии со стороны фокейцев, прежде всего со стороны Алалии. Некоторые данные Геродота (VII, 166) позволяют предполагать, что Магон путем династического брака обеспечил себе поддержку или по крайней мере благожелательный нейтралитет со стороны Сиракуз, которые также могли быть заинтересованы в уничтожении фокейских конкурентов.

Союз с этрусками позволил карфагенскому правительству добиться определенного перелома в борьбе за средиземноморские рынки. В морской битве при Алалии (535 г.) союзники, обладавшие значительным численным превосходством (по сведениям Геродота (I, 166), они выставили 120 судов — по 60 от этрусков и пунийцев — против 60 фокейских), полностью разгромили фокейский флот. Сорок кораблей греков были потоплены и только двадцать сумели скрыться в Алалию. Битва носила столь ожесточенный характер, что все пленные, захваченные этрусками и карфагенянами, были перебиты. Потерпев поражение, фокейцы не решились вести дальнейшую борьбу на подступах к Центральной Италии. Покинув Корсику, они переселились в Регий. Это позволило восстановить в полном объеме карфагено-этрусскую торговлю[80], что явилось одним из важнейших результатов битвы при Алалии.

Разгром фокейцев позволил карфагенянам начать активное наступление и в Сардинии. Базой этого наступления служила, видимо, Нора. Может быть, с потребностями ведения длительной борьбы против сардов связана постройка от Норы в глубь острова мощеной дороги, шириной примерно в 4 м; высота ее над материком составляла около 0,5 м.[81] После разгрома фокейцев карфагеняне основали в Сардинии свои колонии — Каралис (совр. Кальяри) и Сулх (совр. Сульчи; ср.: Paus., Descr. Graec, X, 17, 9). Как показали раскопки А. Тарамелли, Каралис первоначально был основан на мысе Сан-Элиа. Видимо, новый и быстро растущий центр, оттеснив Нору на задний план, занял на острове первенствующее положение[82].

Однако основание колоний далеко не обеспечивало карфагенянам полного господства на острове. Еще в конце VI — начале V в. карфагеняне вели продолжительную и тяжелую войну здесь, причем один из Магонидов, руководивших этими операциями, — Гасдрубал погиб, оставив командование своему брату Гамилькару (Iust., XIX, 3—6). Об ожесточенности борьбы свидетельствует запустение в указанный период сардских поселений, в том числе и таких крупных, как Ангелу Рую[83]. Сарды уходили в труднодоступные горные районы центральной части острова; по всей

[80] **Ср.: *Kührstedt U.* Phoenikischer Handel an der italischen Westküste. P. 461-473.**

[81] ***Patroni G.* Nora, colonia fenicia in Sardegna. MA. 1905. C. 120.**

[82] ***Taramelli A.* La necropoli punica di predio Ibba a S. Avendrace. MA. 1912. P. 45-46.**

[83] ***Freiherr von Duhn.* Italische Gräberkunde. Bd. I. Heidelberg, 1924. P. 111-112.**

видимости, окончательно подчинить их своей власти карфагенянам так и не удалось.

Наконец, битва при Алалии позволила карфагенянам изолировать Тартесс и повести успешное наступление на юг Испании. Пунийские изделия последней трети VI в., находимые не только в финикийской, но и в греческой зоне влияния (некрополь эль-Молар)[84], свидетельствуют об удачных попытках Карфагена расширить сферу своей торговли в Испании, об активизации его политики, направленной на вытеснение греков с Пиренейского полуострова. Вероятно, вскоре после битвы при Алалии Карфаген принял меры к уничтожению Тартесса, своего наиболее опасного противника в этом районе. В нашем распоряжении отсутствуют данные, которые позволили бы более или менее точно датировать гибель Тартесса, однако А. Шульten, несомненно, прав, принимая как terminus ante quem 510/9 г.—дату заключения первого договора Карфагена с Римом. В противном случае было бы беспредметным запрещение римлянам плавать за мыс Палое — Прекрасный мыс договора[85]. Но поскольку этот договор не первый в своем роде и далеко не единственный договор Карфагена с его италийскими контрагентами, можно предполагать, что Тартесс был разрушен в конце 30-х — начале 20-х годов VI в., вскоре после битвы при Алалии. В том варианте библейского текста, который был положен в основу греческого перевода Семидесяти — Септуагинты, нашел косвенное отражение факт падения Тартесса, а также то обстоятельство, что Карфаген после этого занял в жизни Западного Средиземноморья место, ранее принадлежавшее Тартессу. В пророчестве Исайи (XXIII, 1сл.) Тиру повсеместно, где в масоретском тексте Библии речь идет о Тартессе, в Септуагинте упоминается Карфаген. Сказанное позволяет установить и terminus post quem возникновения этого памятника в изводе Септуагинты — не ранее конца VI в. до н. э.

Разгром фокейцев в битве при Алалии, явное преобладание карфагенян в западной части Средиземноморского бассейна поставили союзников — этрусков и пунийцев — перед необходимостью более детально регламентировать свои взаимоотношения для того, чтобы карфагеняне не нарушали целостности Италии, не создавали там своих колоний и чтобы не терпела ущерба торговая монополия карфагенян. Образцом договоров, которые карфагеняне заключали с городами, находившимися в сфере этрусского владычества[86], является, как полагают некоторые[87], первый

84 Bosch-Gimpera P. **Una guerra fra cartaginesi e greci in Spagna. Rivista di filologia classica. 1950. P. 315.**

85 Schulten A. **Tartessos. P. 73.**

86 Существование договора, регулировавшего взаимоотношения Карфагена с Римом, позволяет предполагать, что эти соглашения карфагеняне заключали не с этрусским Двенадцатиградием в целом, но с отдельными городами, входившими в него. Н. Н. Залесский (Этруски и Карфаген. Р. 523) оставил этот вопрос нерешенным.

87 Таково мнение Ф. Уолбэнка *(Walbank F. W.* A historical commentary on Polybius. Vol. I. Oxford,

договор Карфагена с Римом, дошедший до наших дней в изложении Полибия (III, 22, 4-11). Полибий датирует его консульством Люция Юния Брута и Марка Горация — первым консульством после установления в Риме республики, иначе говоря, временем за 30 лет до вторжения Ксеркса в Грецию (P o l y b . , III, 22, 1-2). Таким образом, договор может быть датирован 510/9 г. до н. э.[88] Эта датировка, восходящая к римской традиции, несомненно, вполне достоверна. Текст договора, приводимый Полибием, переписан, судя по его собственным словам, с официального документа — надписи. Любопытно, что греческий историк сумел отметить и архаичность языка латинского оригинала, весьма затруднявшую понимание текста (P o l y b . , III, 22, 3). Сказанное исключает всякие сомнения в подлинности договора, текст которого мы воспроизводим ниже: «На следующих условиях быть дружбе между римлянами и союзниками римлян и карфагенянами и союзниками карфагенян. Ни римлянам, ни карфагенянам не плавать за Прекрасный мыс, если они не будут принуждены бурей или врагами. Если же кто-нибудь силой будет занесен, то да не будет ему позволено ни покупать что-либо, ни брать что-либо, кроме того, что необходимо для ремонта судна или для жертвоприношений, и в течение пяти дней пусть он удалится. Тем же, кто прибудет ради торговли, да не будет никакого расчета, кроме как в присутствии глашатая или писца. То же, что будет продано в их присутствии, да будет оплачено под государственной гарантией продавцу — то, что будет продано либо в Ливии, либо в Сардинии. Если же кто-нибудь из римлян прибудет в Сицилию, которой управляют карфагеняне, то да будет одинаковым <с карфагенянами > все, что касается римлян. Карфагеняне же пусть не притесняют народ ардеатов, антиатов, ларентинов, киркеитов, тарракинитов и никакой другой народ из латинян, которые подвластны <римлянам>. Если же какие-нибудь <народы> не являются подвластными, то пусть они (карфагеняне. — *И. Ш.)* не приближаются к городам, если же захватят, то пусть передадут римлянам в целости. Пусть они не основывают крепости в Лациуме. Если же как враги они войдут в страну, то пусть не переночуют в стране».

Как видим, договор резко распадается на две части, первая из которых содержит обязательства римлян, а вторая — обязательства карфагенян. Для Рима в конце VI в., который не располагал флотом и не вел сколько-нибудь значительной торговли, запрещение плавать за Прекрасный мыс и регламентация торговли в Африке, Сицилии и Сардинии не имели практического значения. Введение таких условий заметно отражалось на интересах тех, кто в действительности вел торговлю

1957. P. 342-343), который в этой связи отмечает указание Дионисия Галикарнасского (I, 28, 2) о том, что многие историки считали Рим этрусским городом.

***88 Wickert L.* Zu den Karthagervertragen. Klio, 1938. P. 349-358; *Beaumont R. L.* The date of the First Treaty between Rome and Carthage. JRS. 1939. P. 86. Ср.: *Aymard A.* Les deux premiers traites entre Rome et Carthage. REA. 1957. N 3-4. P. 277.**

с карфагенянами, прежде всего на интересах этрусков. Из сказанного ясно, что образцом договора карфагенян с Римом послужили их договоры с этрусскими городами. Необходимость урегулировать взаимоотношения с Римом после свержения этрусской царской династии и выхода Рима из сферы этрусского влияния заставила карфагенян, поскольку они были заинтересованы в торговле с Центральной Италией, пойти на заключение такого соглашения. Рим в свою очередь был заинтересован в обеспечении безопасности Лациума от пиратских вторжений пунийских купцов. Бросается в глаза то обстоятельство, что в договоре не говорится о союзе римлян с карфагенянами, в котором стороны, очевидно, не были заинтересованы.

Содержание первого договора Карфагена с Римом в общем соответствует приведенному выше краткому сообщению Аристотеля о договорах между этрусками и пунийцами. Римляне (а значит, и этруски) не должны были плавать в некоторые районы карфагенских владений и во всяком случае не должны были совершать там какие-либо закупки. Уже в древности вопрос о местонахождении Прекрасного мыса не был ясен. Полибий (II, 23, 1) помещал его в непосредственной близости от Карфагена, на североафриканском побережье. Как полагают некоторые исследователи, этот мыс следует идентифицировать с мысом Сиди Али эль-Мекки; предлагались в литературе и иные локализации — мыс эль-Абиад и мыс Бон[89]. Однако Л. Виккерт[90] представил убедительные доказательства того, что Прекрасный мыс должен быть отождествлен с мысом Палос на Пиренейском полуострове: только в этом случае становится понятным запрещение плавать к югу от него (P o l y b . , III, 23, 2). Это выделение сферы карфагенского влияния на средиземноморском рынке, зоны монопольной пунийской торговли, несомненно, восходит ко времени после гибели Тартесса. В противном случае вопрос о карфагенской монополии не мог бы быть поставлен в официальном документе. Обращает на себя внимание и строгий контроль карфагенян за римской (а следовательно, этрусской и вообще чужеземной) торговлей в Сардинии и Африке, постепенно приведший к упадку итало-африканской торговли и экономической изоляции Карфагена в Западном Средиземноморье.[91] Исключение составляла только Сицилия, где римляне (как, вероятно, и этруски) имели право вести торговлю на одинаковых с кафагенянами условиях. Характерно, что в договоре и сообщении Аристотеля не говорится о возможности вывоза этрусками товаров

[89] **Ср.:** ***Beaumont R. L.*** **The date of the First Treaty between Rome and Carthage. P. 76 (там же и литература вопроса);** ***Gsell St.*** **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 457. Ф. Уолбэнк локализовал Прекрасный мыс у мыса Фарина (*Walbank F. W.* A historical commentary on Polybius. P. 341-342).**

[90] ***Wickert L.*** **Zu den Karthagervertragen. Klio, 1938. P. 352-358. Ср.:** ***Мишулин А. В.*** **Античная Испания. P. 260-261. Из локализации Л. Виккерта исходит и Н. Н. Залесский в своем кратком анализе договора *(Залесский Н.Н.* Этруски и Карфаген. P. 524).**

[91] **Ср.:** ***Залесский Н.Н.*** **Этруски и Карфаген. С. 524-525.**

из подвластных Карфагену областей; это остается целиком монополией пунийских купцов.

Очень показательны и обязательства Карфагена не вторгаться на территорию Лациума и не строить там крепостей, которые могли бы стать опорной базой пунийской колонизации и реальной угрозой независимости Рима. Эта оговорка также должна была появиться в договорах Карфагена с италийскими городами вскоре после битвы при Алалии, когда морское могущество пунийцев не могло не внушать серьезных опасений прибрежным итальянским городам. Интересно, что, захватив независимые от Рима города Лациума, карфагеняне обязывались не оставлять им независимость, но передавать их под власть Рима. Таким образом, Лациум в конце VI в. рассматривался Римом как его владение, вне зависимости от того, шла ли речь о подвластных ему городах или нет (ср.: Polyb., III, 23, 6).

Захватом Тартесса завершается процесс создания морской державы карфагенян; договоры пунийцев с италиками закрепили границы и структуру этой державы международно-правовыми актами. Дальнейшие столкновения карфагенян с греками в конце VI в. у побережья Испании и в Сицилии, вплоть до битвы при Гимере (около 480 г.), не изменили соотношения сил или границ между греческой и карфагенской сферами влияния. Эта граница не изменилась даже после битвы при Гимере, когда экспансия карфагенян в Сицилии и Италии была на длительное время приостановлена. До нас дошли сведения, однако, о попытках греческих колонистов обосноваться в пределах финикийско-карфагенской сферы влияния. Обе эти попытки связаны с именем спартанского царевича Дориэя.

Нашим основным источником по вопросу об экспедициях Дориэя является рассказ Геродота (V, 42-48), использовавшего предания западных греков. Геродот, в частности, ссылается на рассказы жителей Сибариса и Кротона. Кроме того, им была использована спартанская и дельфийская традиции. Краткое сообщение Диодора (V, 33, 3), судя по контексту (легенда о походах Геракла в Сицилию, рассказанная со ссылкой на Тимея; ср.: IV, 22, 6), восходит к труду Тимея и, следовательно, к местной сицилийской традиции[92]. Видимо, к указанным двум источникам восходят и рассказ Павсания (III, 3, 9 сл.; 16, 4), и краткое упоминание у Юстина, где, однако, перепутаны имена и вместо Дориэя назван его брат Леонид.

Плавание Дориэя в Сицилию было вторым в серии экспедиций, предпринятых этим спартанским царевичем в конце VI в. Показательна настойчивость, с кото-

[92] Поэтому неправ Низе, полагавший, что сведения Диодора не имеют самостоятельного значения *(Niese*. Dorieus. P.-W. RE. Halbbd. X. 1905. Стб. 1558-1560). Обзор источников см. также: *Meltzer O*. Geschichte der Kartager. Bd. I. P. 489, 492-493.

рой Дориэй пытался обосноваться в сфере карфагенского господства—в Африке (во время первой экспедиции) и в Сицилии (во время второй экспедиции). Уже это обстоятельство показывает, что походы Дориэя должны рассматриваться не только как следствие его личных неудач в борьбе за царскую власть в Спарте, но и как проявление определенной последовательной политики греческих полисов, направленной на вытеснение карфагенян из Западного Средиземноморья, прежде всего из Сицилии. В частности, Геродот (V, 42) рассказывает, что перед отплытием в Африку Дориэй не обратился к Дельфийскому оракулу за указанием, в какой стране должна быть основана колония. В словах Геродота явно ощущается намек на то, что Дельфы, стоявшие во главе общегреческого колонизационного движения, явно считали нежелательной колонизацию Дориэем Северной Африки. Этот намек становится еще более очевиден, когда в дальнейшем мы узнаем, что советники Дориэя настойчиво убеждали его основать колонию в районе финикийского господства в Сицилии, поблизости от горы Эрикс, и что Дельфийский оракул одобрил этот план. (Herod., V, 43).

Основание Дориэем вблизи Эрикса колонии, названной Гераклеей, было воспринято финикиянами, в том числе и карфагенянами, как явная угроза их господству. У Диодора (IV, 23, 3) прямо говорится о том, что в финикийских городах существовало опасение, что, «став более сильной, чем Карфаген, она (Гераклея. — *И. Ш.)* отнимет у карфагенян господствующее положение»[93]. Неудивительно, что Карфаген ответил на основание Гераклеи войной, бросив против новой греческой колонии значительные воинские силы. Можно предполагать, что, помимо Карфагена, в походе на Гераклею принимали участие и финикийские города Сицилии, заинтересованные в уничтожении своего столь близкого соперника. Союзником Карфагена была и Эгеста (Herod., V, 46). Из этого сообщения вытекает, между прочим, что, установив свое господство в Сицилии, карфагеняне оставили в неприкосновенности старинный союз финикиян и элимов. В результате продолжительной и упорной борьбы (Iust., XIX, 1, 9) пунийцам удалось разгромить Дориэя и разрушить основанную им колонию.

В источниках сохранилось указание на битву при Артемисии у берегов Испании, в которой массалиоты одержали победу над карфагенянами, применив прием διέκπλους— прорыв через строй кораблей противника[94]. Многие детали, связанные

"Сказанное показывает, что мнение О. Мельтцера о «риторической окраске» и, следовательно, недостоверности сообщения Диодора *(Meltzer O.* Geschichte der Karthager. Bd. I. P. 492) вряд ли может быть безоговорочно принято.

[94]Единственный источник по этому вопросу — фрагмент исторического труда Сосила; см.: *Bilabel.* Die kleine Historikerfragmente auf Papyrus. 1922. № 10; *Jakoby.* Fragmente Griechischen Historiker. Bd. IIA. Berlin, 1920. P. 903-906. П. Бош-Гимпера полагает возможным связывать фрагмент Сосила с отрывками из Юстина и Фукидида, рассказывающими о войнах массалиотов с Карфагеном *(Bosch-*

с непосредственной причиной столкновения, продолжительностью и результатами войны, невозможно определить. Однако можно признать вероятным, что столкновение карфагенян с массалиотами произошло вскоре после битвы при Алалии. Одним из этапов этой борьбы, видимо, было разрушение карфагенянами Майнаки. Судя по тому, что южная Испания в дальнейшем продолжала находиться под карфагенским господством, можно предполагать, что и после победы при Артемисии массалиотам не удалось сколько-нибудь существенно нарушить пунийскую монополию в этом районе.

Вторжение персидских войск в Грецию в начале V в. существенно изменило положение финикийских и греческих поселений Западного Средиземноморья. Создалась реальная база для союза между Персидской державой и Карфагеном с целью одновременного удара по Сицилии с запада и по Балканской Греции с востока. Препятствием для такого союза были притязания персидских царей на власть над Карфагеном.

Как рассказывает Геродот (III, 17 и 19), впервые с подобными притязаниями выступил Камбиз (около 520 г.). После покорения Египта он пытался направить свой флот на овладение Карфагеном. Однако в силу того, что финикияне отказались выполнить приказ царя, мотивируя свой отказ клятвами, запрещавшими вести войну «против своих детей», поход не состоялся, благодаря чему карфагеняне избегли персидского рабства. Можно предполагать, что финикийские информаторы Геродота преувеличили роль Финикии в провале морской экспедиции Камбиза. Вряд ли финийские города Передней Азии могли решиться на открытое сопротивление Камбизу, равносильное прямому объявлению войны. Подлинные причины отказа персидского царя от первоначально намеченного плана неизвестны; вероятно, здесь сыграли свою роль и недостаточная подготовленность войск к далекому походу, и — что еще более существенно — начинавшиеся волнения в самой Персии, приведшие впоследствии к гибели Камбиза.

Около 500 г. Персия вторично выступает с претензией на власть над Карфа-

Gimrera P. **Una guerra fra cartaginesi e greci in Spagna. P. 313-325). Однако слишком общее сообщение Фукидида невозможно отнести к определенному историческому событию. Сообщение Юстина о союзе массалиотов с «испанцами» делает невозможным построение П. Боша-Гимперы, поскольку под «испанцами» источник мог иметь в виду только тартесситов. Датировка битвы при Артемисии 493-490 гг. возможна, однако не исключено, что битва произошла в конце VI в. Гераклид Милас-ский, командовавший, согласно источнику, войсками массалиотов, по другим сведениям (Herod., V, 121) участвовал в ионийском восстании против персидского господства. Однако Гераклид мог участвовать в битве при Артемисии не только после восстания, но и до него (ср.: *Wilcken U.* Ein Sosylus Fragment. Hermes, 1905, стр. 103). По мнению Якоби, в отрывке Сосила речь идет о неизвестном столкновении во время ионийского восстания у ионийского Артемисия *(Jakoby.* Fragmente Griechischen Historiker. Bd. IIC. 1926. P. 605). Но тогда непонятно, почему историк включил этот рассказ в книгу, посвященную походам Ганнибала, и к тому же связал его с военными действиями массалиотов против Карфагена во время II Пунической войны.**

геном. Юстин (XIX, 10-13) рассказывает: «Пока шла эта война (имеется в виду война между Карфагеном и Дориэем. — *И.Ш.),* в Карфаген прибыли послы царя Дария, принесшие указ, которым запрещалось пунийцам приносить человеческие жертвы и питаться собачьим мясом; царь приказал также сжигать трупы мертвых, а не хоронить их в земле; послы требовали также помощи против Греции, которой Дарий собирался объявить войну. Карфагеняне, отказав в помощи из-за непрерывных войн с соседями, прочему охотно повиновались, чтобы не казалось, что они во всем неуступчивы». В этом рассказе, несомненно, много сказочных деталей, не соответствующих иным, прежде всего археологическим, материалам. На протяжении всей своей истории карфагеняне практиковали и человеческие жертвоприношения, и трупоположение. Кроме того, как известно, персы никогда не вмешивались в религиозные дела подвластных им народов. Происхождение легенды в настоящее время определить невозможно, однако ее антикарфагенская направленность представляется очевидной.

Тем не менее кажется весьма вероятным, что Дарий мог пытаться включить в свою армию и пунийские контингента, выступив в роли верховного владыки Карфагена. Последнее находится целиком в русле той политики, которую пытался проводить Камбиз. Отказ в посылке войск, какими бы предлогами он ни был прикрыт, означал непризнание Карфагеном суверенитета Дария над ним, а так как персидский царь, занятый войной в Греции, не располагал достаточными средствами для осуществления своих притязаний, то ему пришлось примириться с фактом. В дальнейшем политика Персии по отношению к Карфагену существенно изменилась.

Как сообщает Диодор (XI, 1,4), около 480 г., накануне нового похода в Грецию, Ксеркс «направил послов к карфагенянам <с требованием> о ведении совместных действий и условился с ними, что он будет воевать против греков, живущих в Греции, а карфагеняне в то же время подготовят большую армию и будут воевать против греков, живущих в районе Сицилии и Италии». Аналогичные сведения мы находим и в схолиях к Пиндару (Scholia ad Pind., Pyth., I, 146) со ссылкой на Эфора — историка, к трудам которого восходит, вероятно, и процитированный отрывок[95]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Геродот не упоминает о союзе между карфагенянами и персами, связывая поход карфагенян в Сицилию только с внутрисицилийскими конфликтами. В различных вариантах предания отражены различные стороны одного и того же события. Политическая обстановка конца 80-х годов V в. делает понятной общую заинтересованность Персии и Карфагена в совместных действиях, поэтому молчание Геродота, который мог быть неосведомлен о всех аспектах внешней политики обоих государств, само по себе не является доста-

95 Meltzer O. **Geschichte der Karthager. Bd. I. P. 500-501.**

точно веским аргументом против версий Диодора и Эфора. В то же время вполне объяснимо молчание Диодора или его источника о столкновениях между греческими городами Сицилии: сицилийские историки стремились убедить своих читателей в единстве западных греков перед лицом нашествия «варваров», хотя и у Диодора имеются указания на враждебное отношение некоторых сицилийских городов к гегемонии Сиракуз. Все сказанное позволяет, несмотря на спорность и сложность вопроса, высказать предположение о том, что договор о совместных действиях, о котором сообщает Диодор, в действительности существовал и что для сомнений в достоверности сицилийской традиции, дошедшей до нас в монументальном творении Диодора, нет достаточных оснований[96].

Характерно, что персы на этот раз отказались от требования о присылке вспомогательных войск и, следовательно, в свою очередь признали суверенитет и независимость Карфагена. Показательно, что в персидских надписях времени Ахеменидов Карфаген при перечислении подвластных персам территорий не упоминается. Термин κοινοπραγία (совместные действия), употребленный Диодором, определенно указывает, что Карфаген являлся равноправной стороной в договоре с персами и что при заключении договора речь шла о согласовании внешней политики обоих государств при сохранении свободы и самостоятельности действий каждого из них. Из рассказа Диодора можно даже сделать вывод, что речь шла о разделе сфер влияния, который в общем соответствовал положению, сложившемуся в Средиземноморском бассейне в конце 80-х годов V в.

В самой Сицилии к этому времени возникли две враждебные группировки, боровшиеся за власть над островом. В одну из них входили Сиракузы, находившиеся под властью тирана Гелона, и Акрагант, где власть принадлежала Ферону. Союзники были тесно связаны родственными узами: Ферон был женат на дочери Полизела, брата Гелона, тогда как Гелон был женат на дочери Ферона (Schol. ad Pind., Ol. II, inscr., 28). Им противостояли Гимера, которой управлял тиран Терилл, и Занклы, завоеванные зятем Терилла Анаксилаем. Как следует из рассказа Диодора (XI, 21,4), к последнему союзу примкнул и Селинунт. Опасаясь постоянной угрозы со стороны

[96] У Эфора мы читаем: «От персов и финикиян прибыли к карфагенянам послы, предлагая так много кораблей, сколько потребуется (προστάσσοντας ὡς πλείστον δέοι στόλον), и направиться в Сицилию, и уничтожить тех из греков, которые замыслили плыть к Пелопоннесу». Понимая глагол προστάσσω как «приказывать», некоторые исследователи полагали, что он свидетельствует о политической зависимости Карфагена от Персии (ср.: *Meitzer O.* Geschitche der Karthager. Bd. I. P. 214; *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. II. Gotha. 1896. P. 259). Между тем в данном контексте этот глагол не может иметь указанное выше производное значение; таким образом, сообщение Эфора не противоречит рассказу Диодора. Возможно, схолиаст использовал тот отрывок из сочинения Эфора, в котором говорится о начальном этапе переговоров, т. е. отрывок, не вошедший в изложение Диодора, рассказывающего только об их конечном результате. Ср.: *Pfalz M.* Persien und Karthago. Leipzig, 1869.

Сиракуз и Акраганта, союзники постарались обеспечить себе поддержку пунийцев путем установления личных связей с родом Магонидов. Геродот рассказывает (VII, 165), что Терилл имел договор о гостеприимстве (ξεινίη) с Гамилькаром Магонидом, впоследствии карфагенским стратегом в битве при Гимере, и что Анаксилай отдал Гамилькару своих детей в качестве залога верности. В результате любое столкновение между двумя враждебными группировками превращалось в благоприятный предлог для вмешательства Карфагена, который выжидал только удобного случая для того, чтобы начать борьбу за овладение всей Сицилией, тем более что он мог быть уверен в поддержке со стороны Персии.

Около 480 г. Ферон лишил власти Терилла, который обратился за помощью к Гамилькару. Последний не замедлил вмешаться в конфликт. Во главе громадной наемной армии[97] он высадился у Панорма и оттуда направился к Гимере. На помощь Ферону пришел Гелон, которому удалось, использовав военную хитрость, напасть на пунийцев врасплох и нанести им сокрушительный удар. Случайно узнав, что Гамилькар собирается принести жертву морскому божеству и что к нему в этот день прибудет из Селинунта отряд всадников, Гелон выслал своих всадников к месту жертвоприношения с заданием убить пунийского военачальника и уничтожить карфагенский флот. Приблизившись к ничего не подозревавшим карфагенянам, которые сначала приняли сиракузцев за селинунтян, всадники Гелона уничтожили небольшой отряд, сопровождавший Гамилькара, и подожгли пунийские корабли. Погиб и сам Гамилькар, убитый всадниками (Diod., XI, 22, 1); впоследствии победители не могли найти его труп, а карфагеняне рассказывали, что их полководец бросился в жертвенный костер (Herod., VII, 166-167). Затем нападением на пунийский лагерь Гелон довершил разгром деморализованной, хотя и упорно сопротивлявшейся, карфагенской армии.[98]

В античной традиции битва при Гимере (около 480 г.) обычно сравнивалась с битвой при Саламине (ср.: Herod., VII, 165) и при Платеях (Diod., XI, 23, 1), обеспечившими независимость Греции. Обычно традиция приурочивала даже дату сражения при Гимере к дате одной из этих двух битв. Действительно, наступление карфагенян на Сицилию в результате их поражения при Гимере было приостановлено на длительное время. Тем не менее Карфаген был достаточно силен,

[97] Согласно Диодору (XI, 20, 2), она состояла из 300 тысяч пехотинцев, более 200 боевых судов и 3 тысяч мелких судов для перевозки грузов. Эти цифры недостоверны, так как они сконструированы по данным о составе персидского войска, вторгшегося в Грецию: 300 тысяч пехотинцев и 3 тысячи мелких судов *(Busolt G.* Griechische Geschichte. P. 263). Однако, вопреки мнению Бузольта (там же, стр. 264-265), в целом традиция Диодора о битве при Гимере, несомненно, достоверна и не противоречит рассказу Геродота.

[98] Рассказ Полиена (Strat., I, 27, 1-2) явно недостоверен. Карфагенским полководцем назван Гимилькон, о котором рассказывается, что он был убит выстрелом из лука, — версия, отсутствующая у Геродота и Диодора.

чтобы в полном объеме сохранить свою власть над обширными территориями Западного Средиземноморья, вести значительную по своим масштабам завоевательную политику в Африке и даже высылать колонии на побережье Атлантического океана.

Глава третья

ЗАВОЕВАНИЕ КАРФАГЕНЯНАМИ АФРИКИ И КОЛОНИЗАЦИЯ АТЛАНТИЧЕСКОГО БАССЕЙНА

К VII-VI вв. до н. э. в жизни ливийских племен — непосредственных соседей финикийских и греческих колонистов в Северной Африке — произошли значительные изменения. Об этих изменениях мы можем судить по «Ливийскому логосу» Геродота (IV, 168-199) — древнейшему, полностью сохранившемуся географическому и этнографическому описанию территории и коренного населения Северной Африки. Сам Геродот в Северной Африке не бывал и воспользовался доступными ему литературными материалами, прежде всего Περιήγησις Гекатея Милетского. Сохранившиеся фрагменты труда Гекатея позволяют установить наличие у Геродота текстуальных заимствований из него. Так, Геродот (IV, 194) сообщает о гизантах (Γύζαντες), что у них «много меда вырабатывают (κατεργάζονται) пчелы, однако еще больше, говорят, изготовляют демиурги (δημιοεργούς άνδρας)». Согласно заметке, имеющейся в словаре Стефана Византийского, о Зигантиде, полисе Ливии, писал и Гекатей; со ссылкой на Евдокса Книдского словарь приводит следующий рассказ о жителях этого города: «Они, собирая цветы, изготовляют мед так, чтобы не пропало ни капли меда, остающегося после пчел» (St. Byz., s. v. Ζυγαντίς). В рассказе Евдокса имеются подробности, которые отсутствуют у Геродота; следовательно, оба варианта независимы один от другого.

В то же время явное их сходство показывает, что восходят они к одному источнику, которым может быть только повествование Гекатея. Приведенная Геродотом в рассказе о гизантах ссылка на источники (λέγεται) является, несомненно, ссылкой на Гекатея, в чем убеждает и близость этниконов: Ζύγαντες у Гекатея и Γύζαντες у Геродота. Правда, говоря о войнах псиллов против южного ветра, Геродот ссылается на рассказ ливийцев (IV, 173), что может свидетельствовать об использовании писателем и изустной ливийской традиции[1].

[1] **Подробно об отношении Геродота к Гекатею см.:** ***Diels H.*** **Herodot und Hekataios. Hermes, 1887. P. 420сл.;** ***Жебелев С. А.*** **Скифский рассказ Геродота // Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 312 сл.**

То обстоятельство, что составленное Гекатеем описание Ливии известно лишь по кратким фрагментам, собранным во «Fragmenta Historicorum Graecorum» (I, стр. 23-24), не позволяет полностью судить об этой части его труда и о Ливии, какой она предстала перед греческим наблюдателем. Тем не менее отдельные сообщения Гекатея представляют значительный интерес. В частности, у Гекатея упоминались «полисы Ливии» (обычное обозначение πόλις Λιβύης; таковы Αυσιγδα, Ζήβυττις, Μέγασα, Ζυγαντίς, Δούλων πόλις, Μώλις, Μέλισσα, Ίαγξούατις см.: St. Byz., s. vv.), среди которых отмечались и полисы, населенные непосредственно ливийцами (Μέλισσα и Ίαγξούατις характеризуются как πόλις Λιβύων). Показательно, что в других случаях словарь, ссылаясь на Гекатея, иначе обозначает отдельные пункты на территории Ливии, например Κυνός σημα, τόπος Λιβύης (St. Byz., s. v.). Таким образом, представляется несомненным, что у ливийцев ко времени написания труда Гекатея уже существовали поселения городского типа, хотя, разумеется, вряд ли можно говорить о развитии в Ливии полисного строя, аналогичного строю греческих городов-государств. Согласно этим же фрагментам, можно установить, что к VII-VI вв. земледелие в Ливии уже отделилось от скотоводства. В частности, Гекатей отмечал наличие здесь кочевых скотоводческих племен (Μάζυες* οί Λιβύης νομάδες, см.: St. Byz., s. v.) и земледельческих поселений. Стефан Византийский цитирует следующее сообщение Гекатея о городе Мегаса: «Из нее — хлебоеды (Σιτοφάγοι) и пахари (Άροτηρες)». Явно связано с земледелием и пчеловодство зигантов (соответственно и гизантов), о котором рассказывалось выше.

Чрезвычайно интересен рассказ Гекатея о городе рабов — Δούλων πόλις (St. Byz., s. v.): «И если раб приносил в город камень, то он становился свободным, хотя бы и был чужеземцем (ξένος)». Данный текст, по-видимому, отражает неизвестный по другим источниками ливийский обряд манумиссии путем посвящения божеству необработанных камней. Если это предположение справедливо, то возможно постулировать значительное развитие у ливийских племен рабства, причем в качестве рабов выступали не только соплеменники, но и чужеземцы; оговорка κἂν ξένος η очень характерна. Поставкой рабов ливийцам, как показывает уже цитированный выше отрывок из «Одиссеи», занимались финикияне.

Описание Геродота[2] позволяет установить, что отдельные народности и племена Ливии в VII-VI вв. находились на различных ступенях общественного развития — от крайне примитивных первобытных обществ до этнических групп, в которых уже сформировался классовый строй. Однако почти повсеместно в Ливии, судя по рассказу галикарнасского историка, сохранялся либо полигамный брак, либо его пережитки. Наиболее высокой ступени развития достигли — опять-таки по Геродоту — ливийские племена, непосредственно соприкасавшиеся с классовыми обществами.

[2] Ср.: *Gsell St.* Herodote. Alger, 1915.

Не случайно Геродот отмечает, что адирмахиды, жившие вблизи Египта, пользовались египетскими законами (IV, 168), а асбисты — племя, обитавшее на границах Кирены, — подражали законодательству Кирены, видимо, в его наиболее существенных чертах (IV, 170). Принятие законов классовых обществ, несомненно, свидетельствует о том, что и в названных племенах шел по крайней мере процесс становления классов. В значительной степени ускорило процесс разложения родового строя развитие египетско-ливийской и кирено-ливийской торговли, содействовавшее развитию частнособственнических отношений.[3] Можно предполагать, что аналогичным было положение и в районах, расположенных в непосредственной близости от Карфагена и других финикийских колоний, где обитало земледельческое (Herod., IV, 191) племя макситан, хотя в нашем распоряжении нет сведений о заимствовании макситанами каких-либо финикийских обычаев.

Источники дают слишком отрывочные и недостаточно определенные сведения о взаимоотношениях карфагенян с ливийцами, как они сложились после основания города. Это обстоятельство объясняется тем, что греческих и римских историков, у которых мы черпаем наши сведения, интересовала прежде всего политика Карфагена в Средиземноморском бассейне, его взаимоотношения с греками и римлянами. Однако не подлежит сомнению, что и на территории Африки Карфаген пытался вести активную наступательную политику. Исключительную роль в ее проведении сыграло основание колоний.

Основанием колоний карфагенское правительство стремилось добиться осуществления сразу трех целей. В области внутренней политики — предотвратить выступления народных масс, направленные против олигархической верхушки (Arist., Pol., II, 8, 9). Колонии на средиземноморском и атлантическом побережье Африки давали также возможность карфагенскому купечеству захватывать важные торговые пути к исключительно ценным источникам сырья. Не случайно приморские колонии карфагенян располагались на прибрежных островах, полуостровах и в пунктах, пригодных для создания гаваней[4]. Наряду с этим пунийцы основывали свои поселения и в глубине материка. Очень характерно положение таких колоний, обычно находившихся на высоких холмах с крутыми скатами, что создавало благоприятные условия для обороны и нападения. Наиболее ярким примером такого поселения была Цирта — впоследствии столица нумидийских царей.[5] Подобные колонии, кроме того, способствовали установлению и закреплению власти карфагенян над окружавшим город коренным населением. Последнее обстоятельство существенно отличало карфагенскую колонизацию от финикийской — ее непосредственной предшественни-

3 О роли товарного производства в становлении классового общества см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е. Т. 21. Госполитиздат. М., 1961. С. 165-169.

***4 Cintas P.* Contribution a l'etude de l'expansion carthaginoise au Maroc. Paris, 1954. P. 10-13.**

5 Ibid. P. 14.

цы. Насколько можно судить, финикияне не ставили перед собой задачи подчинить своей власти колонизуемую территорию. Они довольствовались созданием своих торговых факторий и городов, призванных быть опорными пунктами в развитии торговли. Карфагеняне же, сохраняя и прежнюю политическую линию, одновременно пытались использовать свои колонии для подчинения ливийцев, для захвата территориальных владений в Африке. Последнее сближает политику Карфагена с политикой некоторых полисов в Сицилии, также порабощавших окружавшее их коренное население[6].

Литературная традиция почти не сохранила упоминаний о карфагенских колониях в Африке. Можно, однако, предполагать, что названные в словаре Стефана Византийского «города вокруг Карфагена» (πόλεις περί Καρχηδόνα) — Канфилия (Κανθηλία, см.: St. Byz., s. v.) и Гибела (Ὑβέλη, см.: St. Byz., s. v.), впервые упомянутые Гекатеем, на которого ссылается составитель словаря, были пунийскими колониями.

В настоящее время остатки пунийских поселений обнаружены в следующих пунктах на побережье Туниса: Бу Грара, Габес, Рас Капудия, Ксур Эссаф, Салакта, Махдия, эль-Алия, Рас Димас, Лемта, мыс Бон, Максула, Радас, Ферривиль (Сиди Йахья), Канн, Ла Галита. Вдали от моря, на территории Туниса, пунийские поселения существовали в пунктах Смират, эль-Кениссия, Сиди эль-Хани, Гурса, Загуан, Тебурсук, Беджа, Матер, Тебурба. На побережье Алжира пунийскими были Филиппвиль, Колло, Джиджелли, Алжир, Типаса, Гурайя, а внутри страны — уже упомянутая выше Цирта и ряд других, пока еще слабо изученных пунктов[7]. То обстоятельство, что в середине VII в. карфагеняне смогли основать свою колонию на острове Эбесс, показывает, что колонизация ими североафриканского побережья началась, во всяком случай, не позже VII в. до н. э. Значительный интерес в этой связи представляют археологические изыскания в Джиджелли, где были обнаружены погребения, которые Ж. Алькье и П. Алькье, первоначально склонны были датировать III-II вв.[8] Позже М. Астрюк высказала правдоподобное предположение, что некоторые погребения следует датировать VII-VI вв.[9] В особенности характерно наличие в одной из гробниц массивного серебряного кольца, аналогичного по форме кольцам, находимым в карфагенских погребениях указанного времени[10]. Из местной керамики должны быть отмечены вазы с высоким и широким горлом, напоминающие

[6] *Колобова К.М.* **Из истории раннегреческого общества. Л., 1951. С. 185-187.**

[7] *Cintas P.* **Céramique punique. Paris, 1950. P. 11-12, 45-51. Там же указаны важнейшие публикации. Ср. также:** *Gsell St.* **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. II. Paris, 1918. P. 153-154.**

[8] *Alquier J. et P.* **Tombes pheniciennes a Djidjelli. R.Arch., 1930. P. 1-17.**

[9] *Astruc M.* **Nouvelles fouilles a Djidjelli. R.Afr., 1937. P. 199-253.**

[10] **Астрюк ссылается на материалы, опубликованные Ш. Гокле** *(Gaukler Ch.* **Necropoles puniques de Carthage. Vol. I—II. Paris, 1917), которые нам недоступны.**

по стилю вазы первого слоя святилища Тиннит. В карфагенских некрополях такие вазы встречаются только в погребениях, датируемых обычно VII-VI вв., хотя наличие их позволяет и самые погребения датировать, быть может, VIII в. М. Астрюк отмечает далее, что подобные же вазы найдены Ш. Гокле и Ст. Гзеллем в Гурайе. Таким образом, есть некоторые основания полагать, что названные колонии возникли в конце VIII в., хотя М. Астрюк вслед за Ст. Гзеллем датирует их серединой IV в.[11]

Юстин (XVIII, 7, 2) кратко сообщает, что в середине VI в. карфагеняне под камандованием Малха вели против ливийцев победоносную войну. Более подробно ни о причинах, ни о ходе этой борьбы мы не осведомлены. Возможно, что она была вызвана нежеланием карфагенян выплачивать ливийцам арендную плату за городскую землю, а также стремлением к созданию своих опорных баз в глубине Ливии. Определение magnas— «великие», которое Юстин применяет к этим войнам (magnas res), позволяет, как нам кажется, утверждать, что война Малха в Африке закончилась для карфагенян успешно. Характерно, что в тексте Юстина завоевание части Сицилии и magnas res в Африке противопоставлены неудачным войнам этого полководца в Сардинии. Однако каковы были конкретные результаты войны, сказать трудно. Судя по дальнейшему рассказу Юстина (XIX, 1, 3-4), карфагеняне прекратили выплату vectigal pro solo urbis, что впоследствии рассматривалось ливийцами как нарушение их прав. В дальнейшем соседи Карфагена — макситане (Οπό Μαχέων τε Λιβύων) фигурируют в рассказе Геродота (V, 42) как союзники Карфагена в борьбе против Дориэя. Вероятно, воспользовавшись обострением внутренней борьбы в Карфагене в период восстания Малха и свержения его диктатуры, они восстановили свою независимость и заставили карфагенян считаться со своей силой и политическим влиянием.

В конце VI в. карфагеняне сумели завершить борьбу с Киреной за раздел африканской территории и установление точной границы между обоими государствами. Вероятно, как один из эпизодов этой длительной (ср.: Sallust., Bell. Iug., LXXIX, 3) войны следует рассматривать попытку Дориэя обосноваться на североафриканском побережье. Не случайно, согласно сообщению Геродота (V, 42), путь в Африку указывали Дориэю граждане Феры — метрополии Кирены[12]. Дориэй основал свою колонию в устье реки Киноп (совр. вади Умирре), в 26 км восточнее Лептиса. Основание греческой колонии в такой непосредственной близости от финикийской было воспринято как прямая угроза существованию Лептиса и возглавлявшегося им союза. На третий год пребывания в Африке греческие колонисты были изганы карфагенянами и союзными с ними макситана-

[11] ***Lapeyre G.G., Pellegrin A.*** **Carthage punique. Paris, 1942. P. 49-50. Основные материалы из Гурайи датируются этими авторами II—I вв.**

[12] ***Staufenberg A. v.*** **Dorieus // Historia. 1960. N2. P. 183.**

ми[13]. Это вмешательство Карфагена, о котором рассказывает Геродот, могло последовать только после соответствующей просьбы Лептиса и, очевидно, привело к потере политической самостоятельности последнего.

Источники не дают возможности проследить дальнейшее развитие отношений между Киреной и Карфагеном. Этиологическая легенда о братьях Филенах, имеющая, несомненно, позднее происхождение, указывает только, что одно из столкновений между обоими государствами закончилось установлением границы в районе Филеновых Алтарей (Sallust., Bell. Iug., LXXIX: arae Philaenorum; Per. Ps.-Scyl., 109: Φιλαίνου βωμοί)[15], т.е. в местности Муктар на побережье Большого Сирта.[16] Источники не позволяют датировать это событие, однако можно считать весьма вероятным, что оно произошло вскоре после изгнания Дориэя — в конце VI в.[17]

Область карфагенского господства в Северной Африке окончательно сложилась в первой половине V в., когда были покорены пунийцами соседние ливийские племена. Первоначально обстоятельства складывались для карфагенян неблагоприятно. Воспользовавшись тем, что Магониды вели тяжелую войну в Сардинии, ливийцы потребовали от Карфагена уплаты vectigal pro solo urbis за длительный срок. Не имея в своем распоряжении достаточных сил, карфагеняне предпочли уступить (Iust., XIX, 1, 3-5). Но после битвы при Гимере сумели принудить ливийцев отказаться от взимания этих платежей[18]. Судя по тому, что уже в конце V в. в пунийской армии имелись ливийцы, набиравшиеся по системе принудительной мобилизации (ср.: Diod., XIII, 44, 1; 54, 1; 80, 3; здесь упоминается как terminus technicus глагол καταγράφω), в результате продолжительных войн создается подвластная Карфагену провинция Ливия.

[13] ***Meitzer O.*** **Geschichte der Karthager. Bd. I. Berlin, 1876. P. 183-184;** ***Gsell St.*** **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. Paris, 1913. P. 449-450.**

[14] **Дессау датирует вхождение Лептиса в Карфагенскую державу VI в. (Dessau. Leptis Magna. P.-W. RE. Halbbd. XXIV. 1925).**

[15] **Ст. Гзелль полагал, указывая на греческую этимологию имени (ср.: Solin., 27,8: a laudis cupidine), что легенда о Филенах имеет греческое происхождение** ***(Gsell St.*** **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. Paris, 1913. P. 453 сл.). Однако более правдоподобно, что имя Philaeni происходит от корня pälä—«отделять». В Библии (I Sam., XXI, 3; II Reg., VI, 8; Ruth, IV, I) от этого корня происходит nomen derivativum pĕlóní— «некий», соответствующий, как полагают, греческому Φιλαίνος и латинскому Philaenus** ***(Meitzer O.*** **Geschichte der Karthager. Bd. I. P. 491). Хотя это соответствие и не доказано, представляется тем не менее несомненной связь имени Φιλαίνος с западносемитским pälä. Это имя могло быть образовано от основы Пи'эль названного глагола с помощью хорошо известного суффикса -n. Упоминание этого имени в одном случае в единственном, а в другом — во множественном числе свидетельствует, вероятно, о существовании двух вариантов предания.**

[16] ***Tissot Ch.*** **Geographie comparée de la province romaine d'Afrique. Vol. I. Paris, 1884. P. 222-230.**

17 Датировка V в., принятая Н.А.Машкиным (Карфагенская держава до Пунических войн // ВДИ. 1948. N4. P. 36), представляется маловероятной.

[18] ***Gsell St.*** **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 463.**

В политической жизни Карфагена значительное место занимала борьба за проникновение на побережье Атлантического океана, прежде всего на африканское побережье, где карфагеняне рассчитывали установить себе безраздельное господство над обширным рынком, почти недоступным для конкурентов. Главным средством для достижения этой цели должно было послужить создание колоний, которые, кроме того, могли поглотить значительную часть беспокойных плебейских элементов, угрожавших правящей верхушке Карфагена.

Греческая рукописная традиция сохранила до наших дней своеобразный документ[19] — так называемый Перипл Ганнона, представляющий собой, согласно заголовку рукописи, отчет о плавании отряда карфагенских мореходов за Геракловы Столпы, выставленный для всеобщего обозрения в храме Кроноса (Ваалхаммона)[20]. Ниже следует его перевод:

Ганнона, царя карфагенян, перипл ливийских земель[21], находящихся за Геракловыми Столпами, тот, который он посвятил в храме Кроноса и который сообщает следующее.

1. Постановили карфагеняне, чтобы Ганнон плыл за Геракловы Столпы и основывал города ливиофиникиян. И он отплыл, ведя шестьдесят пентеконтер[22], и множество мужчин и женщин, числом в тридцать тысяч, и везя хлеб и другие припасы.

2. Когда, плывя, мы миновали Столпы и за ними проплыли двухдневный морской путь (πλουν δυοῖν ήμερων), мы основали (έχτίσαμεν) первый город, который назвали Фимиатирион[23]; около него имеется большая равнина.

3. Плывя оттуда на запад, мы соединились у Солунта, ливийского мыса, густо поросшего деревьями.

4. Соорудив там храм Посейдона[24], мы снова двигались на восток в течение полудня, пока не прибыли в залив, густо поросший высоким тростником; там было много слонов и других пасущихся животных.

[19] Публикацию см.: GGM. P. 1-14. Ср.: *Harden D. B.* The Phoenicians on the West Coast of Africa. Antiquity. 1948. N 87. P. 42 сл.

[20] Отождествление Кроноса с Ваалхаммоном представляется несомненным; ср. греческую надпись Л»3 из эль-Хофра *(Bertier A., Charlier R.* Le sanctuaire punique d'El-Hofra a Constantine. Paris, 1955. P. 168-169).

[21] Буквально «частей земли» (της γης μέρων).

[22] Если принять цифры Перипла как достоверные, пассажировместимость каждого судна составит 500 человек, что вполне возможно, так как в древности были известны суда вместимостью до 600 человек. Грузоподъемность подобных судов должна была достигать 262 т. Таковы были крупнейшие суда, известные ко времени Фукидида (ср.: *Болдырев А. В., Боровский Я. М.* Техника мореходства // Эллинистическая техника. М.; Л., 1948. С. 332 сл.).

[23] Το Ὁομιατήριον — кадильница (ср.: Herod., IV, 162; Athen., Deipnosoph., 5, 197). Ср.: Per. Ps.-Scyl., 112: «После Ликса река Крабис и город финикиян по имени Фимиатирия (Θυμιατηρία); St. Byz., S. v. Θυμιατηρία: «Фимиатирия, город Ливии. Этникон-фимиатириец».

[24] Per. Ps.-Scyl., 112: «От Фимиатириона <плавание совершается> к мысу Солунт, который, поднимаясь, далеко выдается в море. Вся эта страна в Ливии — самая славная и святая. На вершине находится большой алтарь, посвященный Посейдону. На алтаре вырезаны изображения людей, львов, дельфинов; говорят, что это сделал Дедал».

5. Уйдя от залива на расстояние однодневного морского пути, мы основали[25] (κατωκίσαμεν) города на берегу моря, называемые Карийская Стена (Καρικόν τε τείχος)[26], Гитт[27], Акра[28], Мелитта[29] и Арамбис.

6. Плывя оттуда, мы прибыли к большой реке Лике[30] (Λίξον), текущей из Ливии. Вокруг нее пасут скот кочевники-ликситы. У них мы оставались до тех пор, пока не стали друзьями.

7. Выше них жили эфиопы негостеприимные, по-звериному обитая в стране, пересеченной высокими горами, с которых, говорят, течет Лике; а вблизи гор живут <как говорят> совершенно другие люди (ανθρώπους άλλοιομόρφους) — троглодиты; ликситы рассказывают, что в беге (έν δρόμοις) они побеждали лошадей.

8. Взяв у них (ликситов. — *И. Ш.)* переводчиков, мы плыли мимо пустыни на юг два дня, а оттуда <совершили> снова на восток дневное плавание (ημέρας δρόμον). Там мы нашли посредине какого-то залива (τίνος κόλπου) небольшой остров, имевший окружность в пять стадий; на нем мы основали (κατωκίσαμεν) колонию, назвав ее Керной[31]. Мы определили по пройденному пути (έκ τοΰ περίπλου), что она лежит по прямой линии к Карфагену (καθ' εΰθΰ κεΐσθαι Καρχηδόνος): ведь морской путь от Карфагена до Столпов был равен пути оттуда до Керны.

9. Оттуда мы прибыли в озеро, плывя по некоей большой реке, название которой Хретис; на этом озере имеются три острова, большие по размеру, чем Керна. От них, проделав дневное плавание, мы прибыли в самую отдаленную часть озера, над которой поднимаются высокие горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Эти люди, швыряясь камнями, наносили нам раны, не давая сойти на берег.

10. Плывя оттуда, мы вошли в другую реку, большую и широкую, в которой было много крокодилов и гиппопотамов. Оттуда же, повернув обратно, мы снова прибыли к Керне.

11. А оттуда мы илыли на юг двенадцать дней, проходя вдоль страны (την γήν παραλεγόμενοι), которую целиком населяли эфиопы, убегавшие от нас и не остававшиеся; говорили же они непонятно (ασύνετα δ°έφθέγγοντο) даже для ликситов, бывших с нами.

12. А на последний день мы бросили якорь у высоких лесистых гор. Там были благоухающие и разнообразные (ποικίλα) деревья.

13. Плывя от них в течение двух дней, мы оказались на неизмеримом морском просторе (έν ΰαλάττης χάσματι άμετρήτω),[32] против которого на берегу была равнина; там мы видели огни, приносимые отовсюду через определенные промежутки времени; <их было> то больше, то меньше.

[25] **Мнение К. Фишера *(Fischer C. Th.* De Hannonis Carthaginiensi periplo. 1893. P. 14-16; ср. также комментарий Мюллера: GGM. Vol. I. P. 3-4), что глагол κατωκίσαμεν означает в данном случае «заселять уже существующие города», в противоположность έκτίσαμεν (ср. §2 Перипла), не основательно. Ср.: Plato, De Rep., 2, 370; Isocr., 129; ср. также §8 Перипла.**

[26] **St. Byz., s. v. Καρικόν τείχος: «Карийская стена, город Ливии. К югу от Геракловых Столпов, как <сообщает> Эфор в пятой <книге> ». Данное название представляет собой, видимо, пример греческой народной этимологии неизвестного нам семитского наименования. Семитский корень определить на нынешнем уровне изученности финикийского языка не представляется возможным.**

[27] **Ср.: ή Γίττα — город в Палестине (Polyb., XVI, 41).**

[28] **Άκρα — «вершина» (Eurip., Troad., 1827; Paus., I, 1, 15; Herod., IV, 99), «крепость» (Plut., Cor., 18; Xenoph., Hell., IV, 4, 15). Города с таким названием имеются в Сицилии (Thuc, VI, 5; VII, 7—8), Этолии (Polyb., V, 13, 3).**

[29] **Μέλιττα — «пчела»; ср., однако, Μελίτη — финикийская колония Мальта (Diod., V, 12).**

[30] **Per. Ps.-Scyl., 112: «После мыса Солунт имеется река Ксион (Ξιών). Вдоль этой реки живут святые эфиопы».**

[31] **Per. Ps.-Scyl., 112: «Ниже нее (реки Ксион, соответственно реки Лике. — *И. Ш.)* есть остров по имени Керна... От Солунта до Керны морской путь <составляет> пять дней».**

[32] **Χάσμα — буквально «пучина», «бездна».**

14. Запасшись водой, мы плыли оттуда вперед вдоль берега пять дней, пока не прибыли в большой залив, который, как сказали переводчики, называется Западным Рогом (Ἑσπέρου Κέρας). В этом заливе есть большой остров, сойдя на который мы ничего не видели, кроме леса, а ночью мы видели много зажигавшихся огней, и игру двух флейт слышали мы, кимвалов и тимианов бряцание, и крик великий. Страх охватил нас, и прорицатели приказали покинуть остров.

15. Быстро отплыв, мы прошли мимо страны горящей, заполненной благовониями; огромные огненные потоки стекают с нее в море. Из-за жары сойти на берег было невозможно.

16. Но и оттуда, испугавшись, мы быстро отплыли. Проведя в пути четыре дня, ночью мы увидели землю, заполненную огнем; в середине же был некий огромный костер, достигавший, казалось, звезд. Днем оказалось, что это большая гора, называемая Колесницей Богов (θεών ὀχημα).

17. Плывя оттуда три дня мимо горящих потоков, мы прибыли в залив, называемый Южным Рогом (Νότου Κέρας).

18. В глубине залива есть остров, похожий на первый, имеющий бухту; в ней находится другой остров, населенный дикими людьми. Очень много было женщин, тело которых поросло шерстью; переводчики называли их гориллами. Преследуя, мы не смогли захватить мужчин, все они убежали, карабкаясь по кручам и защищаясь камнями; трех же женщин <мы захватили>; они кусали и царапали тех, кто их вел, и не хотели идти за ними. Однако, убив, мы освежевали их, и шкуры доставили в Карфаген. Ибо дальше мы не плавали, так как пища у нас кончилась.

Дошедший до нас текст так называемого Перипла Ганнона заметно отличается от обычных для греческой литературы памятников подобного рода, которые, как правило, представляют собой перечень тех географических точек, рек, городов, которые могут встретиться мореплавателю на пути, с указанием точных расстояний между ними. Особенно характерен в этом отношении Перипл Псевдо-Скилака (середина IV в.), который тщательно избегает каких-либо художественных описаний, могущих оживить повествование.

В Перипле Ганнона иногда приводятся точные расстояния между отдельными пунктами (§2, 5, 8), но в то же время в ряде случаев расстояние не указывается совершенно (так, в § 3 не отмечено расстояние от Фимиатириона до мыса Солунт, в §6 — от пяти колоний до реки Ликса, в §9-10 — от озера, в которое впадает река Хретис, до реки, наполненной крокодилами и гиппопотамами; ср. также § 13). В некоторых случаях географические указания Перипла отличаются совершенно необычной неопределенностью (§8 — τίνος κόλπου, §9 — δια τίνος ποταμού μεγάλου διαπλεύσαντες). Но в то же время в §8 мы находим попытку точного определения местоположения острова Керна относительно Карфагена.

Наконец, для Перипла Ганнона характерно стремление к беллетризации повествования, введению художественных деталей, явно рассчитанных на потрясение воображения читателя (ср. в особенности §13-18), так что порой отчет пунийского флотоводца напоминает авантюрный роман. Как полагает Ж. Жермен[33], некоторые параграфы Перипла совпадают с отдельными отрывками из «Ливийского логоса» Геродота. В качестве примера автор сравнивает § 7 Перипла и сообщение Геродо-

33 Germain G. **Qu'est ce que le Periple d'Hannon. Hesperis, 1957. P. 208.**

та (IV, 174). В первом отрывке мы читаем: τούτων δέ καθύπερΦεν Αιθίοπες ώκουν άξενοι, γην νεμόμενοι θηριώδη, тогда как во втором отрывке о гарамантах сообщается следующее: τούτων δέ κατύπερῦε πρός νότον άνεμον έν τη θηριώδει οίκέουσι. Можно было бы предполагать, что в данном случае имеет место совпадение, но можно отметить некоторые более явные черты сходства между Периплом и повествованием Геродота. Как и у Геродота, в Перипле явно чувствуется стремление к описанию «удивительных» явлений. Уделяя несколько строк беглому перечислению колоний и краткому рассказу о тех народах, с которыми путешественникам пришлось столкнуться, автор сосредоточивает главное внимание читателя на таинственных, необычайных явлениях, вроде извержения вулкана, таинственных звуков и т. д. Но в некоторых случаях автор как будто пренебрегает возможностью дать художественно-яркое описание, ограничиваясь краткими упоминаниями (ср. §2, 5, 10, 12). Обращает на себя внимание, что, как уже это отмечалось, большинство географических наименований в Перипле, в том числе и названия городов, основанных Ганионом, имеют греческую этимологию. Этот факт сам по себе не свидетельствует об исторической недостоверности памятника: известно, в частности, что даже города, достоверно основанные этрусками, имели наименования с греческой этимологией[34]. Поэтому не исключено, что грецизация географических наименований была произведена при переводе пунийского оригинала на греческий язык. Очень интересно в этой связи отметить, что, не поняв этимологии одного из названий, греки приняли его за слово Καρικός — «карийский», происходящее от имени хорошо им известного народа, который, однако, на атлантическом побережье Африки не засвидетельствован. Наконец, показательно, что первый параграф Перипла повествует о Ганноне в третьем лице, тогда как начиная со второго параграфа повествование ведется в первом лице множественного числа от имени Ганнона и его товарищей, что, быть может, свидетельствует о наличии пропуска в дошедшем до нас тексте. Примечательно, что в нашем тексте отсутствует рассказ о плавании Ганнона до Геракловых Столпов.

Таким образом, в Перипле нашли свое выражение две разнородные тенденции— тенденция к точности и тенденция к нарочитой неопределенности и неясности, тенденция к простоте и непритязательности изложения и тенденция к художественности изображения, вплоть до подражания признанным образцам прозы. Все сказанное позволяет прийти к выводу, что в дошедшем до нас тексте отражены две редакции — исходная, представляющая собой выдержанный в обычном стиле отчет о плавании экспедиции Ганнона, сомневаться в реальности которой, как нам кажется, нет оснований (ср.: Herod., IV, 196), и вторичная, литературно-художественная обработка для широкой публики. Упоминание города Карийская Стена у Эфора и

34 Ballisti C. **Per lo studio dell'elemento etrusco nella toponomastica italiana. SE. Vol. 1. 1927. P. 337.**

некоторые совпадения в изложении Перипла Ганнона и Перипла Псевдо-Скилака позволяют предполагать, что сведения об атлантическом побережье Африки в греческую литературу проникли, во всяком случае, до середины IV в. Поскольку карфагеняне старались не допускать своих конкурентов за Геракловы Столпы, наиболее вероятно, что сведения об этом районе греческие историки и географы могли получить только из карфагенских источников. Из сказанного следует, что Перипл Ганнона был переведен на греческий язык задолго до указанной выше даты[35]. Видимо, в дальнейшем Перипл подвергся литературно-художественной обработке, в результате которой появился текст ныне существующего памятника[36]. Интересно, что, судя по рассказу Плиния, в древности существовала версия, согласно которой Ганнон должен был в своем плавании достичь Аравии (Plin, Nat. hist., V, 8). Эта версия, однако, в тексте разбираемого памятника никакого отражения не нашла; видимо, ее следует признать плодом творчества поздних комментаторов. У Арриана (Ind., XLIII, 11, 12) сохранилось упоминание о том, что Ганнон плыл по направлению к востоку в течение 35 дней. Этому не предшествует какое-либо указание о плавании карфагенского флотоводца в южном направлении, так что у читателя складывается впечатление, будто Ганнон, выйдя в Атлантический океан, тотчас же повернул на восток, что невозможно. К тому же эта деталь в дошедшем до нас тексте Перипла отсутствует, как, впрочем, и указание на нехватку у Ганнона воды, которое имеется у Арриана. При всех предполагаемых отступлениях дошедшей до нас редакции от первоначального оригинала представляется маловероятным, чтобы такие детали, существенные как с точки зрения развития сюжета, так и с точки зрения художественной, могли быть опущены. Исходя из сказанного, можно, как нам кажется, утверждать, что Арриан пользовался сведениями, почерпнутыми из источников, не восходящих непосредственно к Периплу Ганнона и недостаточно достоверных. Не случайно и сам Ганнон назван в данном тексте ливийцем, что совершенно не соответствует действительности. Возможно, к первому варианту Перипла восходят некоторые названия местностей, отличающиеся от соответствующих названий приведенного нами текста.

В литературе неоднократно делались попытки идентификации отдельных пунк-

[35] Точка зрения В. Али, согласно которой инициатором перевода Перипла был Полибий, а самый перевод был выполнен во II в. *(Aly W.* Die Entdeckung des Westens. Hermes, 1927. P. 317-339), маловероятна. Ее, однако, приняли М.Кери и Е. Уормингтон *(Cary M., Warmington E.* Les explorateurs de 1'antiquité. Paris, 1932. P. 70).

[36] Попытка Ж.Жермен *(Germain G.* Qu'est ce que le Périple d'Hannon. P. 205-248) выделить исходную редакцию (§1-6) и вторичную (§7-18), исходя из употребления во второй части «поэтических» оборотов (ἄξενος, χάσματι ἀμετρήτω; πέτρος вместо λΜος), а также слов «позднего» происхождения, представляется недостаточно обоснованной. Как мы видели, черты, свойственные отдельным редакциям, можно наблюдать в обеих редакциях, выделенных Ж. Жермен. Мнение автора о неупотребительности некоторых выражений в IV в. также не обосновано.

тов, упомянутых в Перипле Ганнона. Так, К.Т.Фишер[37] предложил следующую схему маршрута пунийского флотоводца. Фимиатирион он локализует в Мехедии, Солунт отождествляет с мысом Кантен, Карийскую Стену — с Могадором, Гитт — с мысом Туфельне, Акру — с Агадир-н-Ириром, Мелитту — с устьем реки Меса, Арамбис — с Асакой (устье вади Нун). Большую реку Ликс он сопоставляет с вади Драа, остров Керна локализует в устье реки Сегиет эль-Хамра. Река Хретис, по его мнению, является притоком последней и тождественна с рекой эль-Дила. Гору Колесница Богов он отождествляет с горой Какулима, Южный Рог — с мысом Пальмас, а Западный Рог — с Зеленым Мысом. Согласно другому варианту, предложенному Штренгером[38], Южный Рог локализуется у мыса Сьерра-Леоне, а Западный Рог — в районе островов Бисрагос. Наконец, Р. Генниг[39] отождествлял Колесницу Богов с горой Камерун, а река Хрета, по мнению ряда исследователей, должна быть отождествлена с Сенегалом[40].

Все указанные выше локализации приходится признать в большей или меньшей степени гипотетическими, тем более что источник не позволяет установить, каково происхождение таких названий, как Колесница Богов, Западный Рог, Южный Рог. Согласно данным, полученным П. Сэнта в ходе произведенной им археологической разведки атлантического побережья Марокко, пока бесспорно установлено присутствие карфагенян только на мысе Кантен, где найдено классическое пунийское погребение начала IV в.[41], и в Могадоре, где обнаружены блестящая красная керамика, характерная для Карфагена VI в., и пунийская бронза. Из керамических изделий должны быть отмечены фрагменты одноручной вазы с крышкой, подобной карфагенским вазам VI в., и плоские тарелки, также изготовленные по карфагенским образцам. Из бронзовых изделий, назначение которых П. Сэнта удалось определить, он выделяет крючки и фибулы, сходные с соответствующими карфагенскими изделиями VI в. Наконец, среди керамических обломков в Могадоре найдены пунийкие граффити, два из которых представляют собой рисунок — вероятно, марку мастерской: и 'Ꝑ, а другие читаются следующим образом: №1 — 'nz', №3 — 'smn, №4 — ytn, №5 — mhys, №6 — 1, №7 — dbzr, №8 — 'b, №9 — wsqy, №10 — stn.

Можно утверждать, что эти надписи представляют собой имена или части их; под № 3 и 4 имена, несомненно, пунийского происхождения, тогда как происхождение остальных не вполне ясно[42].

[37] *Fischer C. Th.* **De Hannonis Carthaginiensi periplo. P. 6-64.**
[38] *Томсон Док. О.* **История древней географии. М., 1953. Р. 118.**
[39] *Hehhig R.* **Terrae Incognitae. Bd. I. Leiden, 1936. S. 77-78.**
[40] *Gary M., Warmihgtonn E.* **Les explorateurs de l'antiquite, 74-77; *Hyde W. W.* Ancient Greek mariners. New York, 1945. P. 143-146.**
[41] *Cintas P.* **Contribution a l'etude de l'expansion carthahinoise au Maroc. P. 17-34.**
[42] **Ibid. P. 35-59.**

Таким образом, имеются некоторые основания думать, что пунийское поселение в Могадоре возникло в VI в., а возможно, и в VII в.[43] Архаическая керамика, найденная здесь в слое III в., относится к тому времени, когда она исчезла в самом Карфагене. Это может быть не только объяснено влиянием финикийско-пунийских поселений Испании, но и понято как своеобразная черта развития местной керамики.

Из сказанного следует, что Перипл, в той его части, которая касается основания колонии на атлантическом побережье Марокко, отражает реальные исторические факты. Представляется весьма вероятным, что карфагенское правительство могло отправить специальную экспедицию в 30 тысяч человек для основания колоний. Перипл Псевдо-Скилака (Per. Ps.-Scyl., 112) сообщает, опираясь на источники, не учтенные, видимо, при вторичном редактировании текста, что остров Керна использовался как база финикийской торговли с эфиопами.

Совершил ли Ганнон плавание к югу от острова Керна, или эта часть Перипла (§ 9-18) целиком является плодом творчества неизвестного редактора, при нынешнем состоянии источников определить невозможно.

Установить точную дату экспедиции Ганнона также пока не представляется возможным. Указания Плиния (Nat. hist., V, 8: Punicis rebus florentissimis; II, 169: Carthaginis potentia florente) слишком неопределенны; они не дают возможности ни связать эту дату с битвой при Гимере[44], поскольку она, хотя и приостановила наступление Карфагена в Сицилии, все же не подорвала его морского могущества, ни датировать плавание Магона серединой V в.[45], поскольку тождество Ганнона-флотоводца с Ганноном Магонидом (Iust., XIX, 2, 1) не может быть доказано. Попытки связать некоторые сообщения Геродота (IV, 195-196) с экспедицией Ганнона[46] также не оправданы, так как предположение о том, что Геродот, рассказывая об острове Киравнис, имел в виду остров Керну, недоказуемо, а рассказ его о торговле карфагенян на атлантическом побережье Африки не обнаруживает каких-либо связей с плаванием Ганнона[47]. Приведенный выше археологический материал позволяет

[3] **А. Жоден считает возможным датировать раннюю пунийскую керамику из Могадора VII—VI вв. *(Jodin A.* Note preliminaire sur l'etablissement pre-romain de Mogador. Bulletin d'archeologie Marocaine. Vol. II. 1957. P. 9-10).**

[44] **Cary *M., Warmington E.* Les explorateurs de l'antiquite. P. 70.**

[45] **Ср.: *Fischer C. Th.* De Harnnonis Carthaginiensi periplo. P. 91; *Бейкер Док.* История географических открытий и исследований. М., 1950. С. 24.**

[46] ***Meltzer O.* Geschichte der Karthager. Bd. I. P. 231-236.**

[47] ***Daebritz.* Hanno. P.-W. RE. Halbbd. XIV. 1912. Стб. 2360-2363. Ст. Гзелль неосновательно полагает, что молчание Геродота об экспедиции Ганнона свидетельствует о ее поздней датировке — после появления труда галикарнасского историка *(Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 513сл.). Геродот специально историей Карфагена не занимался, и плавание Ганнона не могло быть предметом его специального рассмотрения. К тому же он мог и не знать об этом плавании.**

приурочить экспедицию Ганнона и основание пунийских поселений на атлантическом побережье Африки предположительно к VII-VI вв. до н.э.

В нашем распоряжении имеются лишь отрывочные сведения о тех этнических группах, с которыми карфагеняне столкнулись в этом районе. У Геродота (IV, 196), в частности, читаем: «Рассказывают также следующее карфагеняне, что есть страна в Ливии и люди, живущие за Геракловыми Столпами. Когда они к ним прибывают и выгружают товары, располагая их в ряд вдоль берега, то, взойдя на корабль, зажигают костер; туземцы же, увидев костер, приходят к морю и затем против товаров кладут золото и уходят далеко от товаров. Карфагеняне же, сойдя, смотрят и, если им покажется, что количество золота соответствует товарам, погрузив, удаляются, а если покажется, что не соответствует, они, взойдя снова на корабли, остаются; те же, придя, кладут еще золото в том количестве, которое запрашивается. И не обманывают друг друга. Ведь они не касаются золота прежде, чем, по их мнению, оно не уравняется по ценности с товарами; те же не касаются товаров прежде, чем они не возьмут золота». К сожалению, Геродот не указывает точно, где находилась эта местность — χώρον, в связи с чем мы лишены возможности определить, где велась такая торговля. Заметим только, что источник ясно говорит о систематичности, многократности плаваний. Думается, что подобный метод ведения торговли мог практиковаться там, где отсутствовали пунийские поселения, и, следовательно, рассказ Геродота свидетельствует о дальнейшей экспансии карфагенян на юг уже после основания колонии.

Тот способ обмена, который практиковали карфагеняне, судя по рассказу Геродота, представлял собой непосредственный обмен по известной формуле: x товара *A* = *y* товара *B,* где золото выступало как один из членов этой формулы. Можно полагать, что, поскольку экспедиции карфагенян носили регулярный характер, количественное соотношение обеих частей формулы было уже фиксировано обычаем. В этой связи следует подчеркнуть замечание Геродота, что «они не обманывают друг друга». Сама форма обмена, поражающая своей архаичностью, известна многим первобытным народам и на берегах Нигера велась едва ли не в конце XVIII в.[48] Не подлежит сомнению, что в данном случае оба торговых контрагента выступали как некий общественный организм: первобытная община, с одной стороны, и объединение купцов — с другой. Совершенно очевидно, что в той зоне, где карфагеняне вели свою торговлю, общество находилось на очень низкой ступени общественного развития[49].

[48] **Характеристику непосредственного обмена см.: *Маркс К.* Капитал. Т. I. Госполитиздат. М., 1949. Р. 94-95. Ср.: *Зибер Н. И.* Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937. Р. 344-345; *Herskovitz M. J.* The economic life of primitive peoples. New York, 1940. P. 159-162.**

[49] **М. Делафосс утверждал, что в суданских языках сохранились пунийские термины, обозначав-**

По-видимому, одновременно с колонизацией атлантического побережья Африки карфагеняне начали предпринимать попытки проникновения в глубь океана. Так, в частности, ими были колонизованы Канарские острова[50]. Однако вопрос о том, насколько далеко заходили пунийцы в океан, в течение длительного времени был объектом дискуссий и не может считаться решенным до настоящего времени[51]. Единственным письменным свидетельством об открытии карфагенянами каких-то островов в океане является рассказ Псевдо-Аристотеля (De mirab. ausc, 84), который указывал, что на расстоянии многих дней пути за Столпами Геракла карфагенянами был открыт поросший лесом остров, обладавший судоходными реками и отличавшийся значительным плодородием. Согласно этому рассказу, на острове возникло пунийское поселение, однако карфагенские власти запретили плавание к этим островам, чтобы там не возникло слишком значительное население. Ст. Гзелль высказал предположение, что это предание восходит к Тимею[52], и ставил его в связь с восходящим к последнему сообщением Диодора (V, 19—20). Однако у последнего речь идет об открытии океанских островов финикиянами; карфагеняне же, согласно тексту Диодора, препятствовали этрускам совершать плавания к океанским островам.

В ноябре 1749 г., по сообщению шведского ученого Йохана Подолина, в фундаменте одного разрушенного здания на острове Корво (Азорские острова) был найден поврежденный глиняный сосуд с монетами, часть которых была роздана местным жителям и затерялась, а часть была направлена в Лиссабон, откуда затем они были переданы в Мадрид к известному тогда нумизмату патеру Флоресу. В кладе имелись две пунийские золотые монеты, 5 пунийских медных монет и 2 кипрские золотые монеты[53].

Нам представляется невозможным подвергать сомнению рассказ Подолина и объявлять его сведения недостоверными. Почти все опубликованные монеты имеют изображения, характерные для пунийских монет IV—III вв., — стоящего коня, коня с повернутой головой, головы коня и (на реверсе) головы «Персефоны» (может быть,

шие конскую упряжь, оружие, одежду *(Delafosse M.* Les noirs de l'Afrique. Paris, 1922. P. 32). Однако отсутствие лексического материала не позволяет проверить достоверность этих сведений. Столь же неопределенны и археологические указания о связях Карфагена с Суданом *(Moore M.* Carthage of the Phoenicians in the light of modern excavations. New York, 1905. P. 44).

[50] Как утверждают, на Канарских островах пунийский язык оставался живым до конца средневековья *(Klima O., Segert S.* Mluvnice, hebrejStiny a aramejStiny. Praha, 1956. P. 8).

[sl] *Hennig R.* Terrae Incognitae. P. 111-119.

[52] *Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 521.

[53] Сообщение Подолина было опубликовано в «G6teborgske Wetenskap og Witterhet Samlingar* (1778. N 1, P. 6). Цит. по: *Hennig R.* Terrae Incognitae. P. 109-111.

Тиннит?); на некоторых монетах изображены пальмы[54]. К сожалению, легенда — явно греческая (К...Т, IA) — имеется только на одной монете. Во всяком случае те исследователи, которые считают, что эти монеты свидетельствуют о пребывании, по крайней мере кратковременном, карфагенян на острове Корво[55], высказывают наиболее правдоподобное предположение.

В какой связи стоит эта находка с материалами письменной традиции, не вполне ясно. Конечно, ни Диодор, ни Псевдо-Аристотель (а вернее, их источники) не могли иметь в виду Канарские острова, поскольку последние расположены в непосредственной близости от берегов Африки, а самый восточный из них, остров Фуэртевентура, ясно виден с африканского мыса Джуба. Возможно, что Диодор имел в виду остров Мадейра[56], тогда как источники Псевдо-Аристотеля — Азорские острова.

Если верить сообщениям последнего, колония на Азорских островах была организована без ведома государственных органов либо против их воли частными лицами. Запрет плавания к Азорским островам должен был, видимо, ликвидировать этот опасный прецедент, когда колония оказывалась вне юрисдикции карфагенского сената. К тому же Азорские острова лежали в стороне от торговых путей и не представляли для пунийцев в этом отношении сколько-нибудь серьезного интереса. Запрет плавания к Азорским островам соблюдался настолько тщательно, что путь к ним впоследствии был забыт. Слабый отзвук предания о них мы находим в фантастических рассказах об «островах блаженных», расположенных в глубине Атлантического океана (Plut., Sert., 8)[57].

Хотя источники и не сохранили прямых указаний на этот счет, весьма вероятно, что уже гадитане совершали плавания вдоль европейского побережья Атлантики на север, к Эстримнидским островам, — туда, откуда в Тартесс доставлялось драгоценное олово. После ликвидации политической самостоятельности Гадеса эти морские пути пытались освоить карфагеняне. Одной из ранних таких попыток было плавание Гимилькона (наиболее вероятная дата — конец VI в.), сведения о котором

54 Muller L. **Numismatique ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. II. Kobenhavn. 1849. P. 74сл.;** *Head B. V.* **Historia nummorum. Oxford, 1912. P. 879.**

55 Hyde W. W. **Ancient Greek mariners. P. 155. Ср.: Cary** *M., Warmihgton E.* **Les explorateurs de l'antiquite. P. 80.**

56 Gsell St. **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 521.**

57 Так называемые «финикийские» надписи из Америки представляют собой грубые подделки, на что обратил внимание уже М. Лидзбарский *(Lidzbarsky M.* **Handbuch der nordsemitischen Epigraphik. P. 47, 132).**

сохранились в «Ora Maritima» Авиена (113-129)[58]. Как сообщает этот источник, Гимилькон, находившийся в пути в течение четырех месяцев, был занесен течением в заросли морских растений, где царило безветрие и где мореплаватели могли наблюдать морских чудовищ, медленно проплывавших мимо. Этот рассказ со ссылкой на пунийские анналы (Punicorum annalibus) Авиен повторяет в стихах 397-415. Не подлежит сомнению, что в древности существовал также Перипл Гимилькона, на который ссылался Авиен (ср. также: Plin., Nat. hist., II, 169). Существует предположение, что в основе поэмы Авиена лежит «Перипл Массалиота»[59], однако не ясно, восходит ли ссылка Авиена на сообщение Гимилькона к этому или иному посреднику[60], или же Авиен воспользовался непосредственно трудом Гимилькона[61].

Обычно предполагают, что целью экспедиции были архипелаг Уэссан или Сорлингенские острова, куда олово доставлялось морским путем из Корнуола и где оно продавалось тартесситам и финикиянам[62]. Вопрос о точной локализации Эстримнидских островов представляется пока неразрешимым, тем более что археологические данные, которые могли бы подтвердить ту или иную точку зрения, пока отсутствуют.

Вероятно, к литературной схеме приключенческого романа, а не к сообщению Гимилькона, восходит красочный рассказ Авиена о морских чудовищах и зарослях морских растений. Поэтому представляются бесплодными споры о том, был ли отнесен Гимилькон в Саргассово море или же к некоторым пунктам на португальском побережье[63] Все гипотезы одинаково трудно доказуемы. Единственно достоверным является тот факт, что карфагеняне совершали плавания на север и что литературным отражением этого факта является рассказ о Гимильконе.

[58] Ср.: *Hennig R.* Terrae Incognitae. P. 80.

[59] *Мишулин А. В.* Античная Испания. М.; Л., 1952. С. 205-207 (со ссылкой на комментарии А. Шультена).

[60] *Томсон Дж. О.* История древней географии. С. 90; *Магидович И. П.* Очерки по истории географических открытий. М., С. 22.

[61] Таково мнение Ст. Гзелля *(Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 469сл.).

[62] *Hennig R.* Terrae Incognitae; *Hyde W. W.* Ancient Greek mariners. P. 123; *Horak B.* Dejini zemepisu. Dil I. Praha. 1954. P. 24; *Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. P. 470-471. Л.Сире локализовал Эстримнидские острова в устье реки Луары *(Siret L.* Les Cassiterides et l'empire colonial des Pheniciens. Paris, 1910).

[63] *Tozer H.F.* History of ancient geography. Cambridge, 1935. P. 109-112; *Blasquez A.* El periplo de Himilco. Madrid, 1909. P. 62; *Hyde W. W.* Ancient Greek mariners. P. 123-124; *Cazy M., Warmihgton E.* Les explorateurs de l'antiquite, стр. 50.

Глава четвертая

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ КАРФАГЕНСКОЙ ДЕРЖАВЫ

В середине V в. Карфаген представлял собой чрезвычайно сложный государственный организм, конгломерат городов, областей, племен и народностей, находившихся на различном уровне общественного развития, экономически и политически слабо связанных между собой. В состав Карфагенской державы входили западная Сицилия, южная оконечность Пиренейского полуострова, острова Питиусские, Мальта, Пантеллерия, Гоццо, Сардиния. В Северной Африке под властью Карфагена находилась громадная территория от Филеновых Алтарей до Атлантического побережья. Этнически новое государство было чрезвычайно разнородным: мы находим здесь ливийские племена Северной Африки, западных финикиян, иберов, элимов и сардов. Наконец, источники указывают еще одну группу населения Северной Африки — ливиофиникиян (Λιβυφοίνικες).

Вопрос о том, кто такие ливиофиникияне, вызвал в литературе немало споров. У. Карштедт, в частности, полагал, что этот термин означал тех финикиян, которые живут в Ливии [1]. По мнению Т.Моммзена, термин «ливиофиникияне» в пунийской государственной практике применялся к определенной группе населения державы, отличавшейся как от ливийских подданных Карфагена, так и от жителей Утики, находившихся в державе на особом положении. Этот термин не показывал этнической принадлежности ливиофиникиян[2]. Наконец, Ст. Гзелль считал, что слово Λιβυφοίνικες могло обозначать финикийских поселенцев в Ливии лишь в ранний период своего бытования, но что вместе с распространением в ливийской среде финикийского языка и финикийской культуры греко-римские писатели перестали ощущать разницу между ливийцами и финикиянами, применяя указанный термин к тем и к другим[3]. Источники дают следующее толкование термина. У Диодора, в частности, читаем: «Ведь четыре племени (γένη, буквально «рода») населяли Ливию (την Λιβύην διείληφε): финикияне, которые тогда жили в Карфагене, ливиофиникияне (Λιβυφοίνικες), имевшие много приморских городов и связанные (κοινωνοῦντες) с карфагенянами договорами о заключении законных браков (ἐπιγαμίαις); им вследствие близкого родства было дано такое имя. Многочисленный народ коренных обитателей, бывший древнейшим, назывался ливийским; они ненавидели карфагенян из-за жестокости их господства. Последними были кочевники (Νομάδες), пасшие стада в

[1] ***Meltzer O.*** **Geschichte der Karthager. Bd. III. Berlin, 1913. S. 73.**

[2] ***Моммзен Т.*** **История Рима. М., 1935. С. 463.**

[3] ***Gsell St.*** **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. II. Paris, 1918. P. 112-113; Vol. IV. Paris, 1928. P. 493.**

большей части Ливии вплоть до пустыни» (Diod., XX, 55). Плиний (Nat. hist., V, 24) рассказывает, что ливиофиникиянами (Libyphoenices) назывались те, кто населял Бизаций. По этим скудным сведениям вряд ли можно установить историю термина; несомненно, однако, что он применялся к населению Северной Африки, сложившемуся в результате смешения в течение длительного времени разнородных этнических элементов. Точка зрения Ст. Гзелля представляется наиболее правдоподобной.

Политическое и правовое положение населения различных областей, подвластных карфагенскому господству, было чрезвычайно разнообразным — в зависимости от местных условий и главным образом в результате того, что карфагенское правительство пыталось не допустить создания против себя единого фронта покоренных народов, находившихся в одинаково бесправном положении. В этом отношении политика Карфагена являлась прямым предшественником римского «divide et impera». Некоторые союзные города считались равноправными с Карфагеном и его метрополией — Тиром; к числу таких городов, в частности, относилась Утика. В преамбуле второго договора Карфагена с Римом (Polyb., III, 24, 3) читаем: «На таких условиях быть дружбе у римлян и союзников римлян с народом карфагенян, и тирян, и утикийцев с их союзниками». Еще в конце III в. в договоре Ганнибала с Филиппом V Македонским Утика особо выделялась среди городов, заключавших договор со стороны карфагенян (Polyb., VII, 9, 5:7). Можно предполагать, что формальную независимость сохранила и Коссура — финикийская колония на острове Пантеллерия. Во время I Пунической войны в 254/3 г. римляне справляли триумф по случаю победы над коссурцами и пунийцами[4]. В триумфальных фастах, несомненно, речь шла о независимых одна от другой общинах[5], поэтому невозможно предполагать, что в данном случае речь идет о различных группах населения одного города; термин же Poeni римляне обычно применяли только к карфагенянам в противоположность Phoenices, обозначавшему финикиян вообще.

Другую группу составляли собственно карфагенские колонии типа Эбесса. Вероятно, они также пользовались определенными привилегиями; судя по тому, что Мотия названа Диодором (XIV, 47, 4) карфагенской колонией (ἄποικος Καρχηδονίων), можно думать, что даже старинные финикийские города Западного Средиземноморья добивались получения статута карфагенской колонии.

Третью группу составляли города и территории, находившиеся под протектора-

[4] CIL, I. P. 458; *Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. I. Paris, 1913. P. 411.

[5] Ср. также триумф 362 г. по поводу победы над самнитами-палеополитанами (de Samnitibus Palaeopolitaneis) (CIL, I. P. 455), который показывает, вопреки мнению Белоха, что римляне отчетливо выделяли наряду с Неаполем находившийся неподалеку от него Палеополь (ср. также: Liv., VIII, 25, 9сл.). См.: *Heurgon J.* Recherches sur l'histoire, la religion et la civilisation de Capoue préromaine. Paris, 1942. P. 92-93 (там же указана и основная литература вопроса).

том карфагенян (υπάρχους, см.: Polyb., VII, 9, 5). В договоре Ганнибала с Филиппом V сказано, что эти города пользовались одинаковыми с карфагенянами законами (οσοι τοις αύτοΐς νόμοις χρώνται). Отсюда следует, что в более ранний период, когда Карфагенская держава создавалась, а также в первые годы ее существования пунийцы стремились к созданию в этих городах органов власти по образцу Карфагена, а также постепенно отменяли те законы этих городов, которые противоречили карфагенскому законодательству. Под протекторатом карфагенян, видимо, находилась основная масса финикийских городов Западного Средиземноморья, включая Сицилию, где сфера карфагенского господства официально именовалась επαρχία, иначе говоря— «зона протектората»[6]. О положении и внутреннем устройстве этих городов до нас дошли отрывочные сведения, почти не поддающиеся датировке. Можно, однако, с большой долей вероятности предполагать, что в общих чертах особенности карфагенского протектората сложились уже в середине V в.

Некоторые сведения по внутреннему устройству этих городов сообщают нам строительные надписи, в которых дается датировка произведенных работ по анонимным магистратам и содержится перечень лиц, принимавших участие в постройке. Один фрагмент надписи был найден на острове Мальта; в нем сообщается о постройке в Гавале (остров Гоццо) храмов[7]. Здесь упоминаются: rr 'dr 'rkt 'rš bn y'l — «господин достойнейший (?) Ариш сын Йаэля»; zbh b 'lšlk bn hn' bn 'bďšm[n] — «приносящий жертву Ваалшиллек сын Ганнона сына Абдэшмуна»; šmr mhsb — «надзиратель за каменоломней». Особенно интересна роль «господина достойнейшего», который упомянут в надписи перед остальными магистратами и является эпонимом города, но текст не дает возможности точно определить, какое место он занимал в системе городского управления. Недавно опубликованная надпись «Триполитанская №37» (конец II —середина I в. до н.э.) из Лептиса[8] показывает, что во главе городского управления Лептиса, по крайней мере в поздний период ее истории, стояли суффеты (šptm) и что в самом Лептисе население делилось на два сословия — «благородных» ('dr') и плебс (kl 'm). Можно предполагать, что эти особенности городского строя Лептиса возникли в более древний период и что они были присущи не только Лептису.

Из уже приведенного выше сообщения Диодора вытекает, что между ливиофиникийскими городами и Карфагеном существовал ins connubii. Как показывает первый договор Карфагена с Римом, города, находившиеся под карфагенским господством, должны были вести внешнюю торговлю под наблюдениех! карфагенян. Исключение было сделано только для Сицилии. Города, находившиеся под протекторатом,

[6] ***Meitzer O.*** **Geschichte der Karthager. Bd. II. P. 99 сл.**

[7] **CIS, I, 132;** ***Cooke G.A.*** **A text-book of North-Semitic inscriptions. Oxford, 1903. P. 105 сл.**

[8] ***Levi della Vida G.*** **Corpus des inscriptions tripolitaines. N37; Цит. по:** ***Fevrier J.-G.*** **L'inscription punique «Tripolitaine 37». R. Ass., 1956. N4. P. 185-190.**

должны были выплачивать своему протектору различные налоги. Так, по рассказу Тита Ливия (XXXVI, 62), Лептис платил по одному таланту в день. Тот факт, что подать исчислялась в деньгах, свидетельствует, что налог брался не с земельных владений граждан Лептиса (если таковые были), так как в противном случае налог исчислялся бы в долях урожая. Это и не подушная подать, которая не могла выплачиваться ежедневно. Очевидно, речь идет о пошлинах с ввоза и вывоза товаров. Громадная цифра налога, даже если источники Тита Ливия ее несколько преувеличили, говорит об интенсивной торговле Лептиса. Наряду с этим земледельческие поселения Сицилии выплачивали налог с земли в размере 1/10 доли урожая (ср.: Diod., XIII, 59, 3; 114, 1; Cic, In Verr., II, III, 6, 13).

Наиболее бесправными и угнетенными жителями Карфагенской державы были «подданные» — πόλεις και έθνη Καρχηδονίων ύπήκοα (Polyb., VII, 9, 5). Судя по приведенному выше отрывку Диодора, к этой категории населения относились ливийцы, покоренные карфагенянами в середине V в. Они должны были выплачивать государству налог за землю, который во время войны мог быть удвоен. Точные размеры этого налога источники не сообщают (ср.: Polyb., I, 72, 1-2; Liv., XXX, 45, 5). В пунийскую армию ливийцы набирались по системе принудительной мобилизации, на что очень ясно указывает терминология Диодора (XIII, 44, 1; 54, 1: τους τ εξ Ιβηρίας ξενολογηϋέντας και τους έκ Λιβύης καταγραφέντας), которая четко определяет разницу между вольнонаемными иберийскими воинами и мобилизованными ливийскими солдатами. Весьма правдоподобным кажется предположение Г. Бенгтсона о том, что Ливия была подчинена военному управлению, аналогичному эллинистической стратегии[9].

Политический строй Карфагена в период образования державы, именно в конце VI в. и в первой половине V в., представлял собой военную диктатуру. Первой попыткой установления такой диктатуры было неудачное выступление Малха, после которого власть захватила династия Магонидов. По рассказу Юстина (XIX, 1-2) нам известны три поколения этой семьи:

[9] ***Bengtson H. ZUT*** **karthagischen Strategie. Aegyptus, 1952. P. 158-162.**

Характер власти Магонидов не вполне ясен. Юстин, говоря о них, употребляет термины imperator, dux, familia tanta imperatorum. Отсюда можно было бы заключить, что Магониды опирались на армию, которую уже Магон сделал наемной. Любопытную параллель термину imperator в одной латинско-новопунической билингве составляет слово mnkd[10] (может быть, корень ngd); это же слово в том же значении в форме mnkdh употребляется в ливийских надписях, куда оно пришло, видимо, из пунийского языка; в форме amenukal в значении «верховный вождь» оно сохранилось в туарегском языке до настоящего времени.[11] Быть может, этот термин карфагеняне применяли к Магонидам.

Греческие источники определяют власть Магонидов несколько иначе. Геродот (VII, 166) рассказывает, что Гамилькар, пунийский полководец в битве при Гимере, царствовал (βασιλεύσαντα) над Карфагеном κατ ἀνδραγαθίην. Как правило, у Геродота сочетание ἀνήρ αγαθός, от которого происходит и ἀνδραγαθίη, не имеет социального звучания и, как и в надписях V в., обозначает «доблестный муж», «муж, хорошо себя проявивший».[12] Однако в данном контексте понятие ἀνδραγαθίη употреблено в несколько ином смысле. Геродот пишет: «Гамилькара, бывшего по отцу карфагенянином, а по матери сиракузянином, царствовавшего в соответствии с ἀνδραγαθΐη над карфагенянами». Указывая на происхождение полководца, историк имел в виду, говоря о его ἀνδραγαΰίην не только его личное мужество[13], но и знатность рода. Оговорка κοίτ' ἀνδραγαθίν свидетельствует, что это не наследственная власть в прямом смысле этого слова, но высшая магистратура функций и характера, которой Геродот не понял. Очевидно, что на нее в принципе мог претендовать любой гражданин, обладавший ἀνδραγαθίη, т. е. определенными личными достоинствами в сочетании со знатностью рода.

Только о последних шести представителях династии Магонидов, о которых Юстин (XIX, 2, 3) пишет, что «ими в то время управлялось государство карфагенян», можно с полной уверенностью утверждать, что они были самодержавными и полновластными правителями. Что же касается Магона, Гамилькара и Гасдрубала, то источники рисуют их только как полководцев, более или менее удачно командовавших карфагенской армией. Отсюда вытекает, что они вряд ли были единственными высшими магистратами города. Вероятно, Магониды лишь постепенно, опираясь на армию, захватывали в свои руки отдельные звенья управления городом. Однако об организации государственного аппарата при Магонидах источники сведений не

[10] **AA. 1936. P. 555.**

[11] ***Fevrier J.-G.*** **Que savons-nous du Libyque. R. Air., 1956. P. 263-273.**

[12] ***Доватур А. И.*** **Повествовательный и научный стиль у Геродота. Л., 1957. С. 60.**

[13] **Так считает и Г. Людеман *(Liidemann H.* Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. Bottrop, 1933. P. 29). Представляется, однако, необоснованной точка зрения автора, согласно которой власть Гамилькара являлась своеобразным знаком признания только его личных достоинств.**

сохранили, хотя можно предполагать, что продолжали функционировать Сенат и Совет десяти, но не представляется возможным определить их функции и характер власти.

Судя по тому, что Магониды пришли к власти в результате свержения Малха, можно предполагать, что первоначально они опирались на олигархические круги. Приведенная выше родословная показывает, что власть в роде Магонидов переходила от отца к сыну; такой последовательный характер их власти придавали поддержка олигархов и то обстоятельство, что в их руках была наемная армия, которую Магониды могли направить не только против внешнего врага, но и против возможного противника внутри города. Сведения Юстина позволяют предполагать, что власть последнего поколения Магонидов была коллективной[14].

Во второй половине V в. семейство Магонидов утратило власть, вступив в конфликт с олигархами. По-видимому, ближайшей причиной конфликта явилось чрезмерное, с точки зрения олигархов, усиление Магонидов (ср. Iust., XIX, 2, 3: «так как эта семья полководцев стала тяжкой для свободного государства, и они все сами делали и решали»). Усилившаяся экономически благодаря политике Магонидов карфагенская рабовладельческая олигархия (купцы, владельцы ремесленных мастерских, появившиеся в середине V в. крупные рабовладельцы) стремилась к непосредственному участию в управлении государством и добилась своей цели, создав специальный орган, ограничивавший власть полководцев (ср.: Diod., XX, 10, 3),-Совет 104-х (Iust., ibid.; Arist., Polit., II, 8)[15].

Этот Совет не был выборным органом; его члены назначались особыми коллегиями — пентархиями (Arist., Polit., P, 8, 4) по признаку принадлежности к олигархическому роду (ἀριστίνδην, см.: Arist., Polit., P, 8, 2) из числа членов Совета старейшин (сенаторов), по указанию Юстина. Поставленные, таким образом, под контроль олигархического совета, карфагенские imperatores потеряли всякое политическое значение. Впоследствии контрольные функции Совета 104-х были распространены и на другие магистратуры.

В связи с установлением в середине V в. в Карфагене олигархического строя существенно изменились функции и положение магистратов. Это прежде всего от-

[14] Ср.: Thucydidis de Bello Peloponnesiaco. Pars II / Curantibus G. Gervino et F. C. Wertlein. Vol. II. Frankfurt am Main, 1835. P. 213.

[15] Г. Людеман (*Lüdemann H.* Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. P. 56) считал, что датировать создание Совета 104-х серединой V в. невозможно. Он исходил при этом из указаний Исократа и Диодора на ту полноту власти, которой обладал военачальник карфагенян — βασιλεύς по греческой терминологии. Однако он не учитывал того, что в Карфагене имелись случаи совмещения должностей (ср.: Arist., Polit., II, 8, 8) и что Исократ и Диодор характеризовали условия военного времени. Исократ (III, 24) указывал, что для внутренней жизни Карфагена характерно олигархическое управление, а для военного времени — деспотическо-царское.

носится к тем магистратам, которых греческие авторы называли «царями». «Царская» власть, как отмечает Диоген Лаертский (III, 85), стала царской властью «по закону, ибо она является полисной магистратурой» (βασιλεία κατά νόμον* πολιτική γάρ έστιν). Этот переход от принципа βασιλεία κατ' άνδραγαθίην к принципу βασιλεία κατά νόμον обозначал введение выборности высших магистратов. Диодор (XIV, 54, 5) сообщает о том, что в 396 г. таким «царем» был избран Гимилькон. Выборы эти, как сообщает Аристотель (Polit., II, 8, 5), проводились «в соответствии со знатностью и богатством», что, разумеется, исключало для выходцев из городских низов какой- либо доступ к высшей магистратуре. В другом месте Аристотель (Polit., II, 8, 2) особо подчеркивает, что «царь» не мог избираться из одного и того же рода и избирался из среды выдающихся граждан, к числу которых представители социальных низов, безусловно, не могли принадлежать. Обращает на себя, однако, внимание то обстоятельство, что ни в латинских источниках, ни в пунийских надписях «цари» карфагенян, когда речь идет о рассматриваемом или более позднем периоде, не упоминаются. Высшие магистраты Карфагена Тит Ливий обычно называет суффетами, что соответствует и пунийскому термину špt, неоднократно встречающемуся в надписях из Карфагена (ср., например: Liv., XXXIV, 61). По-видимому, «цари» κατά νόμον греческих источников и суффеты латинских и пунийских — это одна и та же высшая магистратура, возникшая, возможно, в середине V в. до н.э. Сам термин špt «судья» свидетельствует о том, что высшие магистраты в Карфагене обладали судебной властью (ср. также: Arist., Polit., II, 8, 4). Должность суффета была эпонимной и одногодичной; выбирались, как правило, на один срок два суффета (Corn. Nep., Hannib., 7, 4; Zon., VIII, 8; ep. CIS, I, 165). Это разделение власти еще более препятствовало созданию единоличной диктатуры. В выборности «царей» — суффетов, в том, что они не могли принадлежать к одному и тому же роду, Аристотель (Polit., II, 8, 2) не без оснований видел преимущество карфагенского государственного строя, поскольку это обстоятельство также не благоприятствовало попыткам установления диктатуры. Важно отметить, что «цари» — суффеты были лишены военной власти. Аристотель говорит о том, что карфагеняне выбирают «как царей, так и стратегов» (τους τε βασιλείς και τούς στρατηγούς, см.: Arist., Polit., II, 8, 5). Известно, что в 383 г. «царь» Магон был назначен стратегом (Diod., XV, 15, 2; аналогичный случай ср.: Iust., XXII, 7, 10). Однако этот случай указывает лишь на возможность сосредоточения функций двух магистратов в одних руках, но правилом это не было.

Коллективные органы олигархической власти — Совет десяти и Совет старейшин — были реорганизованы. Состав Совета десяти был пополнен — он превратился в Совет тридцати, ставший высшим органом власти в Карфагене (ср.: Liv., XXX, 16, 3), в функции которого входило, в частности, ведение внешних сношений. Окончательные решения по всем важнейшим вопросам совместно с суффетами принимал

Совет старейшин, число членов которого возросло от 100 до 300 (Arist., Polit., II, 8, 3).

Важную роль в системе карфагенского государственного управления играли коллегиальные комиссии. Известны, в частности, «десятеро мужей, которые над святилищами» ('šrt h'sm **'s** Ί hmqdšm; см.: CIS, I, 175). В функции этой комиссии входили, очевидно, надзор за храмами, их строительство, проведение их ремонта и т. п. Аристотель (Polit., II, 8, 4) сообщает, что в Карфагене существовали коллегии пяти — пентархии, в функции которых входило, в частности, назначение членов Совета 104-х.

Пентархии являлись по своей социальной природе цитаделью олигархической власти. Они не зависели от какого бы то ни было волеизъявления народых масс; члены этих комиссии назначались путем кооптации и оставались в должности дольше всех прочих магистратов. Вполне естественно, что, назначая, например, членов Совета 104-х, пентархии могли воздействовать на решения этого совета; если пентархии занимались другими ведомственными вопросами, то и в этом случае они могли предопределить окончательное решение всех высших органов власти.

Демократические органы власти в Карфагене, в частности народное собрание, не имели сколько-нибудь серьезной власти. Главная функция народного собрания заключалась в выборах магистратов, но, так как здесь выборы проводились по принципу знатности и богатства, плебс не имел возможности выдвинуть на какую-либо должность человека из своей среды. Борьба за должности между различными политическими группировками привела к широкому распространению в Карфагене подкупов и коррупции (Arist., Pol., II, 8, 6; Polyb., X, 10, 9).

Подлинную власть народное собрание получало только в случае, если между олигархическими органами власти возникали разногласия (Arist., Pol., II, 8, 3). В этом случае народное собрание превращалось фактически в высший распорядительный орган; оно не только обсуждало вопросы, внесенные суффетами, но могло, в свою очередь, выдвигать предложения и принимать решения. Создание такого порядка было, конечно, немалым завоеванием социальных низов, однако их экономическая зависимость от олигархов, коррупция и в данном случае играли свою роль. Мы не знаем ни одного случая, когда бы народные массы Карфагена даже в период своего наибольшего господства в III-II в. до н. э. не шли за какой-либо олигархической кликой.

Из низших должностных лиц нам известно о существовании хранителей казны, в обязанности которых входило, вероятно, и наблюдение за чеканкой монеты (CIS, I, 356). Существовал при правительстве и большой, по-видимому, штат писцов (CIS, I, 273).

Вся эта организация, постепенно созданная в V в., обеспечила олигархии ничем не стесняемое господство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, мы можем выделить в истории становления Карфагенской державы три периода. Первый период — это время финикийской колонизации Западного Средиземноморья. Основными причинами колонизационного движения в финикийских городах следует признать стремление финикийского купечества к захвату торговых путей на Запад и одновременно обострение социальных конфликтов в финикийских городах. В результате этих конфликтов происходила эмиграция населения во вновь основанные города. В отличие от греческих колоний финикийские, за исключением Карфагена, были политически зависимы от своих метрополий. В течение второго периода происходило объединение финикийских городов Западного Средиземноморья. Первоначально возникали местные объединения (типа финикийского государства на северо-западе Сицилии), которые в дальнейшем объединились вокруг Карфагена. Ближайшим стимулом к созданию такого объединения послужила необходимость организовать отпор греческому наступлению, а также ликвидировать конкуренцию Тартесса в торговле драгоценными металлами. Наконец, в ходе третьего периода окончательно сформировалась Карфагенская держава, была установлена монополия карфагенской морской торговли, а также завоевана Ливия.

Держава, созданная Карфагеном, имела некоторые черты, присущие союзам городов-государств типа Афинского морского союза или римско-италийской федерации[1]. По отношению к финикийским и ливиофиникийским городам, а также иберийским племенам Карфаген осуществлял гегемонию, диктовал союзникам их внешнюю политику и взимал в той или иной форме налог с союзных городов. Пытались карфагеняне также диктовать своим союзникам их законодательство и определять тип государственного управления. Во взаимоотношениях с ливийцами Карфаген выступал как завоеватель. Эксплуатация подвластной ему сельской территории Ливии и, возможно, Сицилии является чертой, сближающей Карфаген с «эллинистическими» государствами Ближнего Востока.

По своему внутреннему устройству Карфаген представлял собой город-государство, ближайшие аналогии которому могут быть обнаружены в городах Финикии и Палестины и в полисном строе античного мира.

[1] *Машкин Н. А.* **Карфагенская держава до Пунических войн // ВДИ. 1948. №4. С. 38.**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории.
НДВШ — Научные доклады высшей школы, исторические науки.
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета, серия исторических наук.
Уч. зап. МГПИ — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. И. Ленина.
AA — Archaeologischer Anzeiger.
AANL — Atti della Accademia Nazionale del Lincei.
ABSA — Annual of the British School at Athens.
ACIPPM — Atti del I Congresso Internationale di Preistoria e Protostoria Mediterranea.
AEA — Archivo Español de Arqueologia.
AJA — American Journal of Archaeology.
ARM — Archives Royales de Mari.
BA — Bulletin archéologique.
BASOR — Bulletin of the American Schools of the Oriental Researches.
BCH — Bulletin de Correspondence Hellenique.
CAH — Cambridge Ancient History.
CB — Cahiers de Byrsa.
CIE — Corpus Inscriptionum Etruscarum.
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.
CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum.
CRAI — Comptes-rendus de 1'Académic des Inscriptions et Belles-Lettres.
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum.
GGM — Geographi Graeci Minores.
Hist. M. — Historia Mundi.
IEJ — Israel Exploration Journal.
JHS — Journal of Hellenic Studies.
JRS — Journal of Roman Studies.
MA — Monument! Antichi.
MDAI — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts.
PRU — Palais Royal d'Ugarit.
P.-W. RE — Pauly's Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, bearbeitet von G.Wissowa.
R. Afr. — Revue Africaine.
R. Arch. — Revue archéologique.
R. Ass. — Revue Assvriologique.
REA — Revue des Etudes Anciennes.
RES — Repertoire d'Epigraphie Semitique.
RLV — Reallexikon der Vorgeschichte.
SE — Studi Etruschi.
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

ГАННИБАЛ

Моей матери, Юлии Борисовне.

Великий Карфаген вел три войны. После первой он еще оставался великой державой, после второй он еще существовал, после третьей он был уничтожен.

Бертольт Брехт

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из важнейших событий в истории стран и народов Средиземноморского бассейна была II Пуническая война (218-201 гг.)*. Она положила конец соперничеству двух величайших держав того времени — Карфагена и Рима, их борьбе за «мировое» господство, то есть за власть над территорией от Пиренейского полуострова до Евфрата, от скифских степей Северного Причерноморья до бесплодных просторов Сахары. Победил Рим. Его победа надолго определила судьбу всего античного мира. Однако для утверждения своего господства римлянам придется еще воевать в Галлии и Испании, на Балканском полуострове и в Малой Азии, в Африке и на Кавказе. Еще будут пролиты реки крови во время сражений и беспощадно подавлены восстания народов против римского гнета, еще будут подвергнуты ужасающему опустошению богатые государства и приведены в Италию многие тысячи рабов, захваченных в различных уголках Средиземноморья. И вся вселенная (так по крайней мере казалось) покорно склонится перед жестокими и высокомерными властителями. Пройдет около двухсот лет, и римляне поставят эти кровавые бойни себе в заслугу. Их правители будут внушать своим подданным мысль о «римском мире», который якобы сменил прежнюю анархию только благодаря победам римского оружия. Они надменно пренебрегут культурными достижениями других народов, и величайший римский поэт Вергилий воскликнет:

Одушевленную медь пусть куют другие нежнее,
Также из мрамора пусть живые лики выводят,

***Все даты в книге даны до нашей эры.**

Тяжбы лучше ведут, и также неба движенья
Тростию лучше чертят и восход светил возвещают,
Римлянин, помни: властно народами править —
Вот искусства твои, мир водворять и порядок,
Покоренных щадить и побеждать непокорных.

Однако никогда больше вплоть до нашествий варваров, которые уничтожили созданную Римом огромную державу, римлянам не придется сталкиваться с врагом более опасным, чем Карфаген; никогда позже Рим не будет так близок к гибели, как во время II Пунической войны. Недаром, приступая к рассказу о событиях последней четверти III в., современник Вергилия, крупнейший римский историограф Тит Ливий счел необходимым предварить своего читателя: «Я буду писать о войне самой достопамятной из всех, которые когда-либо велись, войне, которую карфагеняне вели против римского народа. Ведь никогда еще более мощные государства и народы не поднимали оружие друг против друга, и сами они никогда еще не достигали такой силы и могущества... И до того изменчиво было военное счастье, что ближе всего к катастрофе оказались те, кто побеждали» [Ливий, 21, 1, 1-2]. Внимательный читатель без труда обнаружит здесь почти дословное воспроизведение мыслей, которые он уже встречал и во введении к сочинению Геродота о Греко-Персидских войнах, и в начале книги Фукидида о Пелопоннесской войне. И тот и другой подчеркивали, что они ведут речь о самых важных и достопамятных событиях в истории. Однако перед нами — не просто механическое копирование авторитетнейших литературных образцов. Тит Ливий воспроизводит именно ту оценку II Пунической войны, которую он нашел в трудах своих предшественников, римлян и греков, и в обоснованности которой, бесспорно, был убежден сам.

И они не ошибались. Если культура античной и средневековой Западной Европы была латинской, а не карфагенской, то произошло это прежде всего потому, что римляне сумели одолеть своего самого страшного противника, разгромить его и уничтожить.

Но странное дело: несмотря на то, что Рим победил, II Пуническая война неизменно связывается в нашем сознании с именем побежденного карфагенского полководца.

Все в этом человеке изумляло: его непозволительная, с точки зрения современников, молодость во времена его побед и солдатская непритязательность в условиях походной жизни, хладнокровие и физическая выдержка, владение тайнами воинского ремесла и подчеркнутый демократизм, настойчивость, целеустремленность и одновременно пренебрежение общепринятыми нравственными нормами, жестокость, коварство. Вспомним характеристику, которую дает Ганнибалу Тит Ливий [21, 4, 3-9]: «Никогда еще один и тот же характер не был так приспособлен к различнейшим

делам — повиновению и повелеванию... Насколько большую смелость он проявлял, принимая на себя опасность, настолько большую мудрость он выказывал в самой опасности. Никакая тягость не могла утомить его тело или победить душу. Он одинаково терпеливо переносил жару и холод; меру еды и питья он определял природной потребностью, а не удовольствием; он выбирал время для бодрствования и сна, не отличая дня от ночи: то, что оставалось от работы, он отдавал покою; его он находил не на мягком ложе, не в тишине; многие часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спал на земле среди воинов, стоявших на постах и в караулах. Ничто из одежды не отличало его от ровесников; его можно было узнать по оружию и коню. Он далеко опережал всадников и пехотинцев, первым вступал в бой, последним покидал сражение. Эти столь многочисленные доблести уравновешивались огромными пороками: бесчеловечная жестокость, вероломство более чем пунийское, ничего истинного, ничего святого, никакого страха перед богами, никакой клятвы, никакой совестливости».

Интересен в этой связи рассказ Фронтина [3, 16, 4] о том изощренном коварстве, с которым Ганнибал расправился со своими солдатами, перебежавшими к неприятелю. Зная о находящихся в его лагере римских лазутчиках, он объявил, что перебежчики действовали по его приказанию и должны были разведать планы и намерения противника. Римляне отрубили перебежчикам руки и выдали их Ганнибалу.

Диодор [26, 2] также вслед за своими источниками отмечает и физическую годность Ганнибала к ратной жизни, и его хорошую военную подготовку; в другом отрывке [29, 19] Диодор говорит и о том, что Ганнибал руководил многоплеменным и многоязычным войском, о его непобедимости и т. п. Ганнибал был известен и как литератор: еще его биограф Корнелий Непот [Корн. Неп., Ганниб., 13, 2] мог напомнить своей аудитории, что Ганнибал сочинил несколько книг на греческом языке, в том числе «К родосцам о деяниях, совершенных в Азии Гн. Манлием Вольсоном». Враждебная Риму традиция [Юстин, 32, 4, 9-11], желая выдвинуть на передний план личные достоинства Ганнибала, отмечает его стойкость перед житейскими соблазнами («среди стольких пленниц»,—пишет Юстин и добавляет: «можно было бы усомниться в его африканском происхождении»). Благодаря своей умеренности, продолжает Юстин [32, 4, 12], Ганнибал, командовавший армией, составленной из различных племен, никогда не был жертвой обмана или предательства.

Однако Аппиан [Апп., Ганниб., 43] иначе изображает образ жизни Ганнибала в момент, когда решалась судьба Капуи: Ганнибал предается в Лукании роскоши и любви; эта деталь, несомненно, восходит к враждебной карфагенскому полководцу римской историографии.

Стремившийся понять объективные причины успеха римлян и поражения карфагенян, Полибий, писавший, можно сказать, по горячим следам событий, основное свое внимание, насколько об этом можно судить, уделил Ганнибалу-военачальнику

[Полибий, 11, 19]: «...кто же не воздаст хвалу полководческому искусству, и доблести, и приспособленности этого человека к боевой жизни, приняв в расчет продолжительность всего этого времени, обратив внимание на большие и малые сражения, осады, измены городов, затруднительные обстоятельства, на огромность всего замысла и деяния. При этом, шестнадцать лет воюя в Италии против Рима, Ганнибал ни разу не уводил войска с поля битвы, но, удерживая их под своею властью, подобно искусному кормчему, удержал от бунтов против себя и от междоусобных столкновений такое полчище, хотя его воины не только к одному племени, но и к одному народу не принадлежали. Ведь у него были ливийцы, иберы, лигуры, галлы, финикияне, италики, греки, у которых от природы не было ничего общего — ни законов, ни обычаев, ни языка, ни чего-нибудь иного. Однако мудрость предводителя заставила столь многочисленные и разнообразные народы слушаться одного приказания и повиноваться одной воле, хотя обстоятельства менялись и судьба то часто им благоприятствовала, то наоборот. Поэтому достоин удивления талант предводителя в этой области, и можно с уверенностью сказать, что, если бы он начал войну в других частях мира и под конец пошел против римлян, ни один из его замыслов не остался бы неосуществленным. Ныне же, начав с тех, на кого следовало идти последними, он, воюя с ними, и начал и кончил свое дело». Не умолчал Полибий и о личных качествах Ганнибала. Однако, говоря о них, он проявил исключительную сдержанность. «Некоторые думают, — писал он [9, 22, 8-10], — что он был чрезмерно жестоким, а некоторые —сребролюбивым. Однако сказать правду о нем и о тех, кто ведет государственные дела, нелегко. Иные говорят, что природные свойства человека обнаруживаются чрезвычайными обстоятельствами и одни люди проявляют себя в счастье и власти, другие же, наоборот, в несчастье, как бы они вообще до этого ни сдерживались. Мне же, наоборот, сказанное кажется неверным. Ведь, по-моему, нередко, даже очень часто люди принуждаются и говорить и поступать вопреки своим намерениям, то ли следуя советам друзей, то ли под воздействием изменчивых событий». И далее [9, 23, 4]: «Хотя и невероятно, чтобы одни и те же натуры обнаруживали противоположнейшие качества, но, вынужденные приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам, некоторые властители обнаруживают противоречащее их характеру отношение к окружающим, так что из-за этого их природные свойства не только не проявляются, но скорее затемняются». Приведя фактический материал, подтверждающий, как он думает, его точку зрения, в том числе рассказав о некоторых предосудительных, если подходить с «обычной» меркой, поступках Ганнибала, совершенных либо под влиянием друзей, либо под воздействием политической необходимости, Полибий заключает [9, 26, 10-11]: «Вот почему очень трудно говорить о характере Ганнибала, так как на него влияли и советы друзей, и положение дел. Достаточно, что у карфагенян он слыл сребролюбцем, а у римлян — жестоким». Как можно видеть, Полибий вовсе не отрицает ни своекорыстия, ни

жестокости Ганнибала, хотя и пытается (и это кажется нам принципиально неприемлемым) снять с него личную ответственность за те или иные деяния.

Конечно, нельзя не считаться с тем, что наши сведения о Ганнибале мы черпаем преимущественно из сочинений, воспроизводящих римскую точку зрения или приспосабливающихся к ней. Поэтому едва ли можно до конца им доверять, когда они приписывают Ганнибалу чрезмерные пороки. Можно полагать, что Ганнибал в этом отношении сколько-нибудь существенно не отличался от своих греческих и римских коллег; напомним, что в древности (да и только ли в древности?) грабежи, насилия, опустошения и порабощение составляли, если можно так выразиться, повседневный быт войны. Уничтожение Мотии и Коринфа, Сагунта и Карфагена, Нуманции и Иерусалима, трагедия самого Рима, захваченного и ограбленного вандалами, привлекли внимание современников лишь размахом того, что происходило. Настороженность вызывают и чрезмерные восхваления пунийского полководца, преувеличенное восхищение его талантами. В одних случаях, когда об этом говорят враги римлян, здесь отчетливо прослеживается ненависть к Риму, в других — желание преувеличить славу Рима, который сумел в единоборстве одолеть столь грозного противника, в третьих — выделить из плеяды римских военачальников Сципиона, одержавшего единственную будто бы и решающую победу над Ганнибалом в битве при Заме.

И все же факт остается фактом. Разгромленный и затравленный врагами, переживший крушение всех своих надежд и замыслов, изгнанник, доживавший свои дни вдали от родины, он был приравнен к величайшим полководцам своего времени, поставлен рядом с Александром Македонским. Впечатление, которое Ганнибал произвел на весь тогдашний мир, было настолько сильным, воспоминания о его блестящих победах над римлянами такими яркими, что они заслонили собой и его поражение, и изгнание, и гибель. Даже у Тита Ливия и Аппиана, историографов I—II вв. н.э., явственно ощущается тот ужас, который испытывали римляне при одной мысли о Ганнибале, стоявшем у ворот «вечного города». Личность Ганнибала наложила свой отпечаток на все события политической и общественной жизни последней четверти III — первой четверти II в., и уже одно это оправдывает наш интерес к нему. Его необычная судьба и бесспорный талант полководца заставляют задуматься о том, каким был этот человек, в чем его сила и слабость, где предел воздействия, которое может оказать даже очень выдающаяся личность на ход исторического процесса.

Автор далек от мысли, что ему удалось исчерпать всю необозримую литературу о Ганнибале; он, однако, надеется, что основные точки зрения в предлагаемой работе так или иначе учтены. В нашу задачу не может, разумеется, входить изложение и анализ различных мнений о Ганнибале, которые высказывались многочисленными исследователями, и политическими деятелями XIX-XX вв.: для этого потребовалась бы специальная книга. К тому же нас интересует реальный человек, а не то, каким

он представляется отдаленному потомству, то есть не легенда о Ганнибале. Заметим здесь только, что унаследованное от античной историографии представление о Ганнибале как об одном из величайших полководцев всех времен прочно укоренилось и в научно-исследовательской и в популяризаторской литературе. Гениальный полководец, не потерпевший ни одного поражения, одержавший блестящие победы, но преданный жадным, корыстолюбивым советом купеческой республики,— такое изображение Ганнибала стало своего рода общим местом. Слов нет, Канны были величайшим достижением полководческого гения Ганнибала и одною из вершин военного искусства вообще. Но разве жизнь Ганнибала-военачальника может быть сведена к одним только Каннам? Допустимо ли измерять уровень полководческого мастерства одним только или двумя-тремя взлетами, а не всею полководческой его деятельностью, не результатами, которых он добился? Великий полководец... Но что скрывается за этими словами? Неужели величие полководца определяется только тем, что он на протяжении своей военной карьеры выиграл столько-то сражений и победил в стольких-то войнах? Не следует ли принять во внимание и цели, которые он ставил перед собою, то, для чего ведутся войны и одерживаются победы? Неужели можно назвать великим человека, несущего другим людям порабощение, разорение и гибель?

...Солнце еще не показалось над горизонтом: раннее утро. Над алтарем высокий столб пламени. Это карфагенский полководец приносит жертву грозному Ваал-хаммону и покровительнице города Тиннит — украшению Ваала. Сумрачны воины, переполнившие древний храм; жрецы в высоких шапках простерли руки к богам. Торжественные песнопения, громкие возгласы, невнятный шепот... И девятилетний мальчик, старший сын полководца, по приказу отца приносит клятву, ухватившись за «рога» алтаря. Этой клятве он останется верен до своего последнего часа.

Глава первая

КЛЯТВА ГАННИБАЛА

Среди сложных задач, с которыми сталкивается историк древнего мира, одна из самых трудных — определение точных дат жизни того или иного человека. Слишком часто мы вынуждены ограничиваться неопределенными ориентирами, в лучшем случае —с точностью до десятилетия, даже когда речь идет о людях, чья жизнь и деятельность на разных ее этапах привлекали внимание древних историографов. Правда, в нашем распоряжении имеются некоторые данные, позволяющие с большей или меньшей степенью достоверности определить хронологическую канву биографии Ганнибала. Однако, приводя их, древние авторы вовсе не стремились к тому,

чтобы наметить какие-то вехи жизненного пути этого человека. Говоря о возрасте, о поразительной с точки зрения эпохи молодости Ганнибала в моменты, когда он принимал ответственнейшие политические решения и одерживал самые блестящие победы, они пытались лишний раз подчеркнуть его редкие дарования.

Эти данные группируются вокруг трех основных событий: знаменитой клятвы, вступления в должность командующего войсками на Пиренейском полуострове и возвращения на родину из Италии. Все писавшие о Ганнибале единодушны в том, что свою клятву он принес в возрасте девяти лет [Полибий, 3, 11, 15; Корн. Неп., Ганниб., 2, 3; Ливий, 21, 1, 4]; произошло это событие в 237 г. Командование войсками он принял в 221 г.; по сведениям Корнелия Непота [2, 3], Ганнибалу тогда не было и двадцати пяти лет. Между тем значительно более поздний историограф Евтропий [3, 7] считает, что осаду Сагунта Ганнибал начал в двадцатилетнем возрасте и, следовательно, командование он принял, будучи еще более молодым. По мнению византийца Зонары [8, 21], излагающего Диона Кассия, Ганнибал достиг власти в возрасте двадцати шести лет. Согласно еще одному указанию Полибия [15, 19, 3], когда пунийский полководец в 203 г. вернулся из Италии на родину, ему было больше сорока пяти лет. По словам Павла Орозия [4, 19, 4], Ганнибал возвратился в Карфаген через тридцать шесть лет после своего отъезда с отцом в Испанию, то есть в возрасте сорока пяти лет. Исходя из этого, мы можем считать, что, по данным античной традиции, Ганнибал родился либо до 241 г. (Евтропий), либо в 246 г. (Тит Ливий, Ко
рождения Ганнибала — 247-246 гг.

Такая разноголосица объясняется, по-видимому, тем, что древние историографы не имели доступа к документам, где указывалась дата рождения Ганнибала (если предположить, что такие документы существовали), и вынуждены были довольствоваться слухами и приблизительными указаниями источников. У нас тоже нет другого выхода: приходится констатировать, что где-то между 248 и 246 гг., а скорее всего около 246 г. в семье крупного карфагенского военачальника и политического деятеля Гамилькара Барки, сына Ганнибала, родился сын. Эта семья, по-видимому, принадлежала к высшей карфагенской аристократии и возводила свою родословную к одному из спутников Элиссы — легендарной основательницы города [см.: Сил. Ит., 1, 73-80], после трагической гибели обожествленной, насколько можно судить, под именем Тиннит. Отец не утруждал себя выбором: новорожденного назвали самым распространенным пунийским именем — Ганнибал *(Ханнйба'ал* 'милостив ко мне Ваал'; по-русски обычно воспроизводится латинская форма — *Hannibal),* может быть, в память о деде, к тому времени, конечно, уже умершем. Именно тогда карфагеняне последним отчаянным усилием попытались вырвать у Рима победу в I Пунической войне и назначили командующим войсками в Сицилии, где развертывались основные операции, Гамилькара Барку.

I

Борьба между Карфагеном и Римом, в которой столь заметную роль сыграли и Гамилькар Барка, и Ганнибал, была естественным завершением всего предшествующего развития стран Западного Средиземноморья.

Основанный в 825 г. выходцами из Тира, Карфаген сравнительно рано (уже в VII в.) превратился в один из крупнейших центров средиземноморской торговли, чему немало способствовало его исключительно выгодное географическое положение, и выступил с притязаниями на господство в этом районе. В ходе ожесточенной борьбы с греческими колонистами в Сицилии, Лигурии и на Пиренейском полуострове, а также с древнейшим испанским государством Тартесс Карфагену удалось в союзе с этрусками уничтожить Тартесс, объединить вокруг себя североафриканские, сицилийские, сардинские и пиренейские колонии финикиян, а также подчинить своей власти обширные территории в Северной Африке, Южной Испании, Западной Сицилии и Сардинии[1]. Особое значение имел для карфагенян союз с этрусскими городами. Как показали параллельные по содержанию посвятительные надписи из Цере (KAI, 277), составленные на финикийском и этрусском языках и обращенные к финикийской богине Аштарт и ее соответствию — этрусской Уни (то есть Юноне), союз между этрусским Цере и Карфагеном отличался завидной прочностью и (хотя текст не вполне ясен: царь Цере Тефарие Велианас, видимо, «избранный» богиней на царство, посвящает ей на третий год своего царствования «место» — сакральную камеру) наблюдалось заметное культурное влияние пунийцев на этрусков: проникновение в этрусский мир карфагенских культов и обычаев, календаря (одна из датировок сделана по пунийской системе счисления) и финикийского языка. Очевидно, эти глубокие связи сказались, когда пунийские войска в последней четверти III в. появились на территории Этрурии, хотя прямых указаний на это у нас нет. Поражение, которое потерпели карфагеняне около 480 г. в битве при Гимере (Сицилия) от коалиции греко-сицилийских городов-государств во главе с Сиракузами, на несколько десятилетий приостановило борьбу на острове. Однако уже в конце V в. войны с Сиракузами за господство в Сицилии возобновились, а к середине III в. Карфаген стал фактическим хозяином всей Сицилии, вышел на ближние подступы к Италии.

Созданное карфагенянами государство было весьма типичным для древности военно-административным объединением, которое включало в свой состав территории и общества, стоявшие на различных ступенях общественно-экономического развития и не имевшие друг с другом сколько-нибудь прочных контактов. Если не считать государственной власти пунийцев, единственным связующим звеном между ними оставалась карфагенская торговля. Однако, стремясь к созданию своей

1 Подробнее об этом см.: *Шифман И.Ш.* Возникновение Карфагенской державы. М.; Л., 1963 (далее — *Шифман И.Ш.* Возникновение...).

монополии как во «внутренней», так и в «международной» торговле, карфагеняне фактически тормозили развитие подвластных им областей и тем самым способствовали усилению тенденций, ведших в конечном счете к распаду и гибели построенной ими державы.

Карфаген был рабовладельческим государством; согласно дошедшим до нас сведениям, в руках отдельных собственников могли сосредоточиваться десятки тысяч рабов, из которых во время междоусобных войн создавались даже частные армии; крупными рабовладельцами были храмы. Впрочем, рабы иногда имели собственное хозяйство, а также семью, признававшуюся законом. Очевидно, положение различных групп рабов в обществе не было однотипным. Существовало в Карфагене и вольноотпущенничество—как за выкуп, так и без выкупа. После приобретения формальной свободы вольноотпущенники продолжали сохранять фактическую зависимость от своих прежних хозяев. Они не получали равных прав со свободнорожденными карфагенянами: им предоставлялся статус лиц, пользовавшихся «сидонским правом», реальное содержание которого пока неизвестно. Не исключено, что последним термином обозначалась совокупность прав, которыми пользовались финикияне-неграждане, выходцы из городов переднеазиатской Финикии и из колоний в Западном Средиземноморье[2].

Другую группу зависимого, хотя формально и свободного, населения составляли в Карфагене *боды* (или, как любезно указал нам И.М.Дьяконов, возможно *буды),* также пользовавшиеся «сидонским правом»[3].

В самом тяжелом положении на землях, принадлежавших Карфагену, были коренные жители Северной Африки — ливийцы. Для того чтобы удерживать их в повиновении, карфагенское правительство разделило свои ливийские владения на территориальные округа и подчинило их стратегам[4]; оно ликвидировало суверенитет местных общин, их самостоятельность не только в области внешней политики, но и в решении вопросов внутренней жизни[5]. Ливийцы платили захватчикам непомерно высокие налоги; их сбор сопровождался насилиями, вымогательствами, кровавыми преступлениями. Полибий [1, 72, 1-3] следующим образом характеризует поведение пунийских властей на территории Ливии в период I Пунической войны: «Ведь во время предшествующей войны, полагая, что имеют благоприятный предлог, они жестоко властвовали над населением Ливии: от всех прочих плодов они собирали

[2] *Шифман И.Ш.* **Рабство в Карфагене // *Каллистов Д. П., Нейхардт А. А., Шифман И.Ш., Шишова И. А.* Рабство на периферии античного мира. Л., 1968 (далее — *Шифман И. Ш.* Рабство...). С. 245-257.**

[3] *Шифман И.Ш.* **К вопросу о значении термина «бод» в пунийских надписях // Эпиграфика Востока. 1963. Вып. XV. С. 17-23.**

[4] *Bengtson H.* **Zur karthagischen Strategie. Aegyptus. Milano, 1962. P. 158-162.**

[5] *Шифман И.Ш.* **Возникновение... С. 65-66.**

половину, установив городам также и двойные налоги по сравнению с прежним временем, не проявляя пощады к неимущим или снисхождения во всем, что касалось взыскания податей. Они прославляли и почитали не тех военных правителей, которые относились к народу милостиво и человеколюбиво, но тех, кто обеспечивал им наибольшие повинности и запасы, а с населением обращался самым жестоким образом». И далее [1, 72, 5] он говорит о мужчинах — главах семей («мужья и отцы»), которых уводили под арест или в рабство за неуплату налогов и поборов. О жестокости пунийцев в Ливии сообщает и Диодор [20, 55]. Значительные по размерам и лучшие по качеству земельные массивы в долине р. Баграда, а также на средиземноморском побережье карфагеняне отобрали у ливийцев; эти земли захватили пунийские аристократы и создали здесь свои виллы[6]. Как показывает терминология Тита Ливия [33, 47-48], такие хозяйственные организмы назывались «башнями», в чем можно видеть отражение переднеазиатского (аккадского) термина *димту,* распространенного в Финикии еще в середине II тысячелетия[7]. Наконец, на территории Ливии карфагеняне проводили регулярные мобилизации рекрутов в свою армию [Диодор, 13, 44, 1; 13, 54, 1], лишая ливийцев молодежи, которая проходила воинскую службу далеко от родины, проливала кровь за чужие интересы. Положение в Ливии всегда было крайне напряженным; время от времени здесь вспыхивали бунты, жестоко подавлявшиеся; враги карфагенян, высаживаясь на территории Северной Африки, всегда могли рассчитывать на дружественное отношение и прямую поддержку коренного населения.

Другую группу населения Карфагенской державы составляли жители сицилийских городов — греки, сикулы и сиканы. Они сохраняли, хотя и с большими и существенными ограничениями, свой суверенитет, действенный, когда на повестке дня оказывались внутриполитические проблемы. Их зависимость от Карфагена выражалась в необходимости сообразовывать внешнеполитический курс с интересами пунийцев и в выплате поземельного налога, составлявшего десятую долю урожая [Диодор, 13, 59, 3; 13, 114, 1; Циц., II Верр., 3, 6, 13][8]. Не исключено, что они обязаны были выполнять и другие повинности. Подвластные Карфагену сицилийские города сохраняли, несмотря на стремление Карфагена монополизировать всю торговлю в Западном Средиземноморье, возможность не прибегать к посредничеству пунийских купцов и устанавливать прямые коммерческие связи, в том числе и за пределами карфагенской державы. Так, в первом договоре Карфагена с Римом уста-

[6] ***Gsell St.*** **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord (далее — *Gsell St.* HAAN). Vol. II; *Шифман И. Ш.* Рабство...**

[7] **См.: *Янковская Н.Б.* Общинное самоуправление в Угарите (гарантии и структура) // ВДИ. 1963. №3. С. 35-55; *Marrassini F.* Formazione del lessico dell edizia militare nel semitico de Siria. Firenze, 1971. P. 111-114.**

[8] ***Шифман И. Ш.*** **Рабство...**

навливалось [Полибий, 3, 22, 10], что римляне пользовались в Сицилии равными с Карфагенянами правами. Во втором договоре аналогичная клаузула [там же, 3, 23, 12] изложена следующим образом: «В той части Сицилии, в которой господствуют карфагеняне, и в Карфагене все пусть и делает и продает (римлянин. — *И. К.),* что и гражданину позволено». Ситуация предполагала, несомненно, и соответствующее правовое положение самих сицилийцев.

Третья группа — граждане финикийских колоний в Западном Средиземноморье, объединившихся вокруг Карфагена. Они формально считались союзниками Карфагена с более или менее ограниченным суверенитетом во внешнеполитической области; их государственно-административное устройство, а также законодательство совпадали с карфагенскими; выходцы из колоний практически во всех сферах гражданской жизни были приравнены к карфагенянам, в том числе, что было особенно существенным, они имели право заключать с карфагенянами браки, признававшиеся законом; такие супружеские союзы не влекли за собой гражданского неполноправия детей [Диодор, 20, 55; Полибий, 7, 9, 5]. Однако они не могли участвовать в политической жизни Карфагена и, следовательно, оказывать прямого воздействия на судьбы государства, частью которого были. И другое немаловажное обстоятельство: карфагеняне старались не допускать, чтобы их союзники торговали за пределами державы. В особенности характерно следующее условие, зафиксированное во втором договоре Карфагена с Римом [Полибий, 3, 11]: «В Сардинии и Ливии никто из римлян пусть не торгует и не основывает города, кроме как с целью приобрести продовольствие на дорогу или построить корабль. Если же непогода занесет, в течение пяти дней пусть он удалится». Здесь, несомненно, запрещается установление контакта не только с коренным населением названных территорий, но и с финикийскими колонистами. Кроме того, деятельность купцов в финикийских колониях облагалась высокими пошлинами [Ливий, 36, 62].

В самом Карфагене у власти стояла аристократия. Вся административная система, вся структура государственного аппарата, сложившаяся к середине V в., должна была обеспечить ее господство. Высшим органом власти был совет, пополнявшийся из людей знатных и богатых [Полибий, 6, 51, 1-2; Арист., 2, 8, 3; Сервий, 4, 682]; внутри совета выделялся своеобразный «президиум» («первенствующие», «старейшины» — так его члены именуются обычно в наших источниках), состоявший первоначально из десяти [Юстин, 18, 6, 11; 7, 17], а позже, вероятно с V в., из 30 [Ливий, 30, 16, 3] чел предварительно на заседании «президиума», а затем окончательно всем советом. Народное собрание формально считалось одним из составных элементов карфагенского государственного устройства, однако фактически не функционировало; к нему обращались как к своего рода арбитру только в тех случаях, когда совет оказывался не в состоянии принять согласованного решения [Арист., 2, 8, 3]. В середине V в.

специально для того, чтобы предотвратить возникновение военной диктатуры, был создан совет 104-х, которому стали подотчетны должностные лица [Юстин, 19, 2, 3; Арист., 2, 8, 2; ср. у Диодора, 20, 10, 3]. Членов этого совета назначали специальные комиссии из пяти человек — пентархии, которые сами пополнялись путем кооптации [Арист., 2, 8, 4] по признаку принадлежности к аристократическому роду [Арист., 2, 8, 2]. Имелись в Карфагене и другие коллективные органы власти; такова, например, комиссия из десяти человек, ведавшая храмами [CIS, I, 175].

До сих пор плохо известна карфагенская система магистратов, которые осуществляли в городе исполнительную власть. Ее возглавляли двое суффетов ***(süpüttm*** 'судьи'; по терминологии греческих источников— «цари»), выбиравшиеся сроком на один год [Ливий, 34, 61; Корн. Неп., Ганниб., 7, 4; ср.: CIS, I, 165]. Помимо суффетов для ведения боевых операций часто назначались специальные военачальники, не бывшие одновременно городскими магистратами [ср. у Арист., 2, 8, 5]; пунийские правящие круги, судя по всему, старались не допускать, чтобы военная и гражданская власть концентрировалась в одних руках, хотя время от времени и имело место совмещение должностей суффета и полководца [Юстин, 22, 7, 10; Диодор, 15, 15, 2]. Источники упоминают и городских казначеев [Ливий, 33, 46]. Надо полагать, этим список должностных лиц в Карфагене не исчерпывался. Так как выполнение обязанностей магистратов не оплачивалось и требовало значительных расходов, государственные должности были доступны только представителям верхних слоев общества, располагавшим значительными денежными средствами. Как и при пополнении коллективных органов власти, при выборах должностных лиц неукоснительно соблюдался принцип — выбирать только богатых и знатных[9].

Демократические круги населения — многочисленные наемные работники, ремесленники, мелкие и средние торговцы — были, таким образом, прочно отстранены от ведения государственных дел. Более того, выходцы из этих слоев не могли иметь надежды когда-нибудь пробиться «наверх»: помимо денег следовало иметь еще и ценз знатности, то есть исконной принадлежности к правящей верхушке.

Особую роль играла в политической жизни Карфагена и система комплектования войск. Здесь уже давно отказались от народного ополчения; основу пунийской армии составляли наемные воинские формирования [Юстин, 19, 1, 1][10] и, как уже говорилось, соединения насильственно мобилизованных ливийцев. Недостатки подобной системы очевидны: наемные воины сражаются не за отечество, не за идею, но за жалованье, за возможность грабить побежденных. На них можно положиться лишь в успешном, победоносном походе; трудности, поражения, лишения, задержка жалованья делали их крайне ненадежными. Конечно, Ганнибалу удавалось, как

[9] **Общую характеристику государственного устройства Карфагена см.: *Lüdemann H.* Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. Bottrop, 1933; *Шифман И. Ш.* Возникновение...**

[10] ***Gsell St.*** **HAAN, I. P. 421.**

это отмечают многочисленные источники, удерживать свою многоязычную армию в повиновении, однако относительная дисциплинированность его солдат может быть легко объяснена и блестящими победами в Италии, и надеждами на новые успехи. Вероятно, сыграло свою роль и влияние личности Ганнибала, который был очень популярен в солдатской среде. Использование наемных войск имело важный внутриполитический аспект: отстраненные от воинской службы, народные массы оказывались не в состоянии влиять в своих интересах на развитие событий.

Среди самой карфагенской аристократии не было единства. Раскол в этой среде был порожден различиями в экономическом положении отдельных ее групп; их политическая линия определялась тем, что служило источником их благосостояния. Представители пунийской знати, располагавшие относительно большими земельными владениями на территории Африки, вовсе не желали проведения активной внешней политики. Настроения этих кругов точно выражены в дошедшем до нас изречении известного в древности карфагенского ученого-агронома Магона, который требовал, чтобы землевладелец отказался от своего дома в городе и целиком сосредоточился на ведении своего хозяйства [Плиний, 18, 35; ср. у Колумеллы, I, 18]. Основу их богатства составляла земля, поэтому они добивались укрепления власти Карфагена над ливийцами; их гораздо меньше заботило положение Карфагена как великой державы: от проведения завоевательной политики в Средиземноморском бассейне они не только не ожидали для себя каких-нибудь выгод, но даже предвидели тяжесть необходимости новых затрат государственных (это бы еще ничего!) и своих собственных средств[11].

Другую группу карфагенской аристократии составляло крупное купечество, благосостояние которого зависело от морской торговли со странами Средиземноморья и за его пределами. Как известно, Карфаген поддерживал активные торговые контакты с Египтом[12], Италией и греческим миром[13], а также с Испанией, где (на юге Пиренейского полуострова) пунийцы занимали господствующее положение[14]. Карфагенские торговцы активно участвовали в торговле с районами, прилегающими к Красному морю[15], а также проникали в бассейн Черного моря[16]. Естественно, что

[11] **Когда Т. Додж называет эту политическую группировку в Карфагене «демократической» (*Dodge Th. A.* Hannibal. Boston, 1891. P. 143), эта характеристика целиком противоречит фактам; в действительности, как увидим далее, именно демократические круги Карфагена поддерживали политику экспансии и выступали против мира.**

[12] ***Vercoutter J.*** **Les objets egyptiens et egyptisants du mobilier funeraire de Carthage. Paris, 1945.**

[13] ***Bissing W. von.*** **Karthago und seine griechische und italische Beziehungen, Studi etruschi. Firenze. Vol. VII. 1933; *Kahrstedt U.* Phoenikischer Handel an der italischen Westkuste. Klio, 1912.**

[14] ***Шифман И.Ш.*** **Возникновение... С. 73-76.**

[15] ***Wilcken U.*** **Puntfahrten in der Ptolemaerzeit, «Zeitschrift for Aegyptische Sprache und Altertumskunde». Bd. 60. Leipzig, 1925. S. 86-102.**

[16] ***Шифман И.Ш.*** **К восстановлению одной истрийской надписи // ВДИ. 1958. №4. С. 118-121.**

в этих условиях не могла не возникнуть влиятельная прослойка, интересы которой были связаны преимущественно, если не исключительно, с морской торговлей. Вполне понятно, что эти люди стремились к сохранению, упрочению и расширению власти Карфагена на морских торговых путях; их интересы смыкались с интересами тех, кто так или иначе обслуживал морскую торговлю или изготовлял для продажи различные ремесленные изделия. Основной целью внешней политики Карфагена они считали установление пунийской торговой монополии во всем известном тогда мире. Иначе говоря, если учесть необходимость уничтожить или подчинить конкурентов, речь шла о создании «мировой» державы, которая охватила бы всю ойкумену, с центром в Карфагене. Именно эту задачу пытались решить Гамилькар Барка и Ганнибал.

Сама по себе эта задача не могла казаться абсолютно неразрешимой. В середине второй половины IV в., немногим больше ста лет назад, совершил свой завоевательный поход Александр Македонский, подчинивший весь Ближний Восток, Иран, Среднюю Азию и часть Индии. Смерть застала его в разгар подготовки новой экспедиции, на этот раз на запад, против Карфагена. И, наблюдая развитие событий, трудно было не прийти к мысли, что, если бы не преждевременная гибель, он сумел бы успешно осуществить и это свое предприятие. Да и сама Персидская держава — разве она не включала помимо Средней Азии и собственно Ирана практически все Восточное Средиземноморье? Конечно, государство Александра развалилось. Но не потому ли оно развалилось, что его полководцы раздробили это государство и потом в непрестанных войнах выкраивали себе более или менее, в зависимости от таланта и удачливости, обширные владения? То, что удалось Александру, к чему стремились его преемники, мог бы повторить и Карфаген, если бы у его стратегов хватило умения и счастья.

Существовали ли объективные предпосылки для создания подобных «мировых» держав? Несомненно, да; в противном случае Римская империя не смогла бы, например, удерживать под своею властью все страны Средиземноморского бассейна в течение нескольких столетий. Конечно, они представляли собой довольно пестрый конгломерат различных по культуре и уровню социально-экономического развития районов, племен и народностей, «объединенных» копьем завоевателя. Существование данного государства часто зависело от военных способностей того или иного царя или полководца. Но ведь на месте гибнувших политических организмов постоянно возникали новые, каждый раз охватывая одни и те же или примерно одни и те же территории, и это явление нельзя объяснить только случайным стечением обстоятельств.

К числу таких предпосылок относится прежде всего развитие и сохранение на этих территориях, несмотря на постоянные войны, торговых и иных контактов между обществами, которые были серьезно затруднены тем, что за предела-

ми своего племени, своего гражданского коллектива человек оказывался практически вне закона. Его позволялось безнаказанно убить, захватить в плен, продать в рабство; в условиях непрерывных столкновений всех со всеми такая опасность была очень реальной. Ее пытались уменьшить или даже вовсе ликвидировать союзническими договорами, соглашениями о гостеприимстве (своего рода куначество) между частными лицами, а также между государствами, об обеспечении взаимной неприкосновенности. Однако эти полумеры не давали надежных гарантий. Только территориальное государство своими силами могло установить порядок, обеспечить мир и безопасность на обширных пространствах. Иначе говоря, развитие товарного производства и, как следствие, возникновение средиземноморского рынка — такова основная предпосылка возникновения древних территориальных государств.

Существенно ограничивая суверенитет входивших в него ячеек, такое государство никогда не ликвидировало его полностью. Общества, подвластные территориальному государству, сохраняли, как правило, свое административно-политическое устройство, более или менее самостоятельно вели внутреннюю политику и завязывали дипломатические контакты даже за пределами государства, имели собственные законы и т.д. Верховный суверенитет территориального государства, отношения которого с подвластными политическими организмами приобретали характерный облик союзнических, выражался в необходимости согласовывать политику местных властей с политикой центрального правительства и выплачивать последнему различные поборы, выраставшие из дани и контрибуций. При всей их тяжести ограничения эти, по-видимому, с избытком компенсировались установлением мира и безопасности, а также той поддержкой, какую центральное правительство обеспечивало местной землевладельческой и торгово-ремесленной знати в укреплении ее господства. Когда территориальное государство оказывалось не в состоянии обеспечить ни того ни другого, когда интересы местных правящих кругов вступали в непримиримый конфликт с интересами центрального правительства, когда оно превращалось исключительно в орудие эксплуатации подданных в интересах господствующего общества или прослойки населения, тогда оно теряло опору и гибло.

Гамилькар Барка и Ганнибал поставили перед собой именно такую, невыполнимую по самой своей природе задачу — укрепить и расширить Карфагенскую державу, созданную для того, чтобы обеспечить карфагенским землевладельцам и купцам возможность угнетать и эксплуатировать все остальное человечество, обогащаться за его счет. На этом пути карфагеняне столкнулись с Римом.

К середине III в. Рим давно уже перерос рамки небольшого воинственного города-государства, аристократической республики, вынужденной бороться с многочисленными внешними врагами не только и не столько за господствующее положе-

ние, сколько за само свое существование[17]. Ушли в прошлое времена, когда господство в городе принадлежало исключительно патрициям. В результате многолетней ожесточенной борьбы плебеи добились полного гражданского равноправия с патрициями и получили доступ к высшим государственным должностям, а также в сенат, комплектовавшийся из бывших должностных лиц,—право, воспользоваться которым могла, разумеется, только верхушка римского плебса. В III в. из немногочисленных (не более 30) патрицианских и плебейских родов в Риме складывается новая знать — нобилитет, экономическую основу которой составляло крупное землевладение. Эта новая знать выделилась из всаднической среды, то есть из среды граждан, чье имущественное положение позволяло им служить в кавалерии; из всадников, обладавших особенно высоким имущественным цензом и знатностью («нобилитетностью»), выходили должностные лица, занимавшие после отбытия своей службы сенаторские кресла. Сенат, таким образом, превратился в крепость нобилитета. Опираясь на формально свободных, но фактически зависимых клиентов и колонов, которые работали на их полях и поддерживали их при соискании должностей, а также при голосовании в народном собрании, нобили делали все для того, чтобы крепко держать в своих руках управление государством и не допускать выходцев из чуждой среды к высшим военным и гражданским должностям. Как и следовало ожидать, нобилитет не представлял собою сословие, чуждое каких бы то ни было внутренних потрясений и конфликтов; наоборот, можно констатировать соперничество между отдельными группами родов — политическими кликами, стремившимися захватить власть всю целиком. Одну из них возглавляли Фабии, тесно связанные с Атилиями, Лициниями, Манлиями, Отацилиями, Фульвиями, Манилиями, Огульниями и Лэториями. Ядро другой группировки составляли Эмилии; вокруг них объединялись Ливий, Вет
к ним примкнули и Лицинии. Большим влиянием в Риме пользовались Клавдии, заодно с которыми были Валерии, Сульпиции, Волумнии, Юнии, Марции, Семпронии; в начале III в. они солидаризировались с Фабиями, но позже разошлись с ними[18]. Насколько об этом можно судить, принципиальных разногласий между названными группировками не было; борьба шла вокруг отдельных кандидатур, вокруг наиболее целесообразной тактики. В период максимальной угрозы Римскому государству,

[17] **Подробно историю Рима до Пунических войн см.: *Beloch K. J.* Romische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. Berlin, 1926; *Pais E.* Storia di Roma durante i primi cinque secoli. Roma, 1913-1920 (далее — *Pais E.* Storia di Roma...). Vol. I-V; *Sanctis G. de.* Storia dei Romani. Vol. I—II. Torino, 1907; *Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1948; *Немировский А. И.* История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962.**

[18] ***Gelzer M.* Die Nobilitat der Romischen Republik, Kleine Schriften. Bd I. Wiesbaden, 1962 (далее — *Gelzer M.* Die Nobilitat...). S. 18-135; *Scullard H.H.* Roman Politics 220-150 B. C. Oxford, 1951 (далее — *Scullard H.H.* Roman Politics...); *Cassola F.* I gruppi politici romani nel III secolo A. C. Trieste, 1962 (далее — *Cassola F.* I gruppi...).**

да и вообще при определении долгосрочных кардинальных целей римской политики, все они действовали заодно. Те всадники, которые по своему имущественному положению и по отсутствию у них необходимой с римской точки зрения знатности не могли войти в среду нобилитета, в III в. постепенно составили специфическое («всадническое») сословие, поставлявшее высших военачальников и захватившее в свои руки торговлю и ведение финансовых операций.

Другим важным результатом острых классовых столкновений было уничтожение рабства-должничества (хотя система кабальных отработок за долги не была ликвидирована и вновь и вновь появлялась в Италии); тем самым укреплено было до известной степени положение римского крестьянства. Конечно, немалую часть сельского населения составляли клиенты и колоны, зависевшие от крупных собственников и, по всей видимости, не имевшие своей земли. Тем не менее значительную и очень влиятельную прослойку римского общества составляло свободное крестьянство — плебеи, получившие доступ к государственной земле, фонды которой непрерывно пополнялись во время завоевательных войн, мелкие и средние собственники из той же плебейской среды; ощущалось в общественной жизни и постоянное давление со стороны безземельных — пролетариев. Эта народная масса могла активно защищать свои интересы, выдвигать своих лидеров на руководящие посты, преодолевая сопротивление нобилитета. Обращение к народу или даже угроза такого обращения способны были заставить правящую клику отступить.

Основным объектом борьбы между новой знатью и рядовым гражданством была земля, и именно это обстоятельство делало тех и других заинтересованными в захватнических войнах. Войны приносили «законную» добычу, создавая условия для обогащения; войны увеличивали государственный земельный фонд («общественное поле»), за счет которого могли расширять свои владения все граждане (по крайней мере теоретически; на практике, разумеется, государственная земля так или иначе попадала преимущественно в руки нобилей); войны позволяли систематически выводить колонии в различные пункты Италии и таким образом наделять землею безземельных и малоземельных, избавляясь одновременно от слишком беспокойного «взрывчатого» элемента в самом Риме. К середине III в. под властью Рима практически оказалась вся Италия. Естественно было ожидать, что теперь он попытается овладеть и Сицилией — непосредственным продолжением Апеннинского полуострова.

Государственный строй Рима[19] к тому времени, которое нас здесь интересует, сохранял в целом значительно большие черты демократизма, восходящего к древнейшему общественному устройству, нежели Карфаген.

[19] **О государственном строе Рима см.:** ***Mommsen Th.*** **Romisches Staatsrecht. Bd I—III. Leipzig, 1887-1888;** ***Нетушил И. В.*** **Очерк римских государственных древностей. Вып. I—III. Харьков, 1894—1902.**

Этот демократизм проявлялся, во-первых, в действенности народных собраний. С незапамятных времен в Риме существовали три типа народных собраний (комиций): пережиточно сохранившиеся куриатные (первоначально собрания патрициев), ведавшие усыновлениями, утверждением завещаний и формальным утверждением во власти магистратов; центуриатные (собрания воинов), которые избирали всех высших должностных лиц, принимали законы, входившие в силу после их утверждения сенатом, объявляли войну и заключали мир, осуществляли правосудие по уголовным делам; трибутные, развившиеся с середины V в. из плебейских сходок. Решения трибутных комиций с первой половины III в. были приравнены по значимости к решениям центуриатных комиций, а в их работе стали принимать участие не только плебеи, но и патриции. Многоликость римского народного собрания способна вызвать некоторое удивление, однако она легко объяснима. Гражданский коллектив выступает в различных обстоятельствах в различном облике: в одних ситуациях — как сообщество граждан в прямом смысле этих слов, в других — как совокупность воинов, составляющих народное ополчение, в третьих — как масса плебеев, обсуждающих на своих собраниях государственные дела. Конечно, система прохождения дел в народном собрании и сенате позволяла состоятельным кругам добиваться приемлемых для них решений. Дело в том, что в центуриях граждане были распределены неравномерно и количественно, большую часть центурий составляли люди, обладавшие высоким имущественным цензом, которые к тому же голосовали первыми; на народных собраниях ставить вопросы на обсуждение могли только магистраты, и рядовые их участники, следовательно, были лишены законодательной и политической инициативы; решения центуриатных комиций нуждались в утверждении, а с середины IV в. — в предварительном одобрении сената. Тем не менее народные массы имели некоторую возможность оказывать своим волеизъявлением и голосованием определенное влияние на течение событий; принятие, хотя и после многолетних столкновений, благоприятных для народных масс законов достаточно показательно. Более того, согласно закону Гортензия (287 г.), решения плебейских собраний по трибам — плебисциты вообще не нуждались в одобрении сената. Существенно и то, что римская армия пока еще продолжала оставаться народным ополчением, что также давало в руки демократическим кругам средства воздействия на правительство.

Римский государственный строй, обеспечивая в целом господство нобилитета, в принципе не исключал для любого человека возможности активно участвовать в политической жизни и даже добиться выдвижения на высшие посты [см., например, Циц., Сеет., 137]. Римская система магистратур отличалась стройностью и одновременно сложностью. Они делились на ординарные (коллегия двух консулов, преторы, цензоры, плебейские трибуны, эдилы, квесторы) и экстраординарные (диктатор и его помощник — начальник конницы; военный трибун с консульской властью). Неко-

торые должностные лица (консулы, преторы, диктатор, военный трибун с консульской властью) обладали империем и считались по отношению к остальным высшими. К числу высших относились также цензоры и народные трибуны. Наконец, некоторые из магистратур считались курульными — консулы, диктатор, военный трибун с консульской властью, претор, цензор и курульный эдил. Они имели право восседать на особо почетном, так называемом курульном кресле, а по отбытии магистратуры, попадая в сенат, пополнявшийся бывшими магистратами, занимали там первенствующее положение («курульные сенаторы»). В Риме, как и в Карфагене, выполнение государственных обязанностей не только не оплачивалось, но и требовало значительных расходов со стороны магистрата; оно рассматривалось как почесть, предоставленная избраннику благосклонным к нему народом. Понятно, что при таких обстоятельствах и здесь возникали предпосылки для отбора кандидатов «по знатности и богатству». И все же характерная для римской традиции фигура сурового крестьянина Луция Квинкция Цинцинната, коего отечество призывает от сохи на высшую государственную должность и который, выполнив свой долг, спасши родину, возвращается к своему жалкому клочку земли [Ливий, 3, 26, 6-12],— этот хрестоматийный образ «римлянина старого закала» был создан не на пустом месте. Маний Курий Дентат, победитель одного из талантливейших полководцев эллинистической Греции, эпирского царя Пирра, происходил из деревенской глуши, был бедняком, а после победы, которая навсегда отдала Италию в руки Рима, продолжал по-прежнему хозяйничать на своем крохотном поле и сам, своими собственными руками пахал его, засевал и снимал урожаи; посетители застают его в скромном крестьянском доме сидящим перед очагом и варящим кушанье из репы, довольствующимся грубой глиняной посудой [Циц., Госуд., 13, 40; Циц., Кат., 55; Плиний, 19, 87]; его дочь получает приданое от государства [Апулей, 18]. Во время I Пунической войны Марк Атилий Регул, командовавший римскими войсками в Африке, обратился к сенату с письмом, в котором обращал внимание на бедственное положение своего небольшого хозяйства: оно пришло в отсутствие хозяина в полный упадок, разорено батраками; Регул просил, прислав ему замену, отпустить его домой [Ливий, Сод., 18]. Более того, Аппий Клавдий, будучи цензором, включил потомков вольноотпущенников в сенат [Диодор, 20, 36, 3]; вольноотпущенник самого Аппия — Гней Флавий, отец которого был рабом, получил должность курульного эдила [Диодор, 20, 36, 6; Ливий, 9, 46, 10]. Потомками вольноотпущенника были и Клавдии Марцеллы, один из которых сыграл такую видную роль во II Пунической войне. Конечно, и в Риме подобные явления были относительно редки (а мероприятия Аппия Клавдия вызвали решительный протест знати), однако они показательны как выражение определенной тенденции в жизни общества. Собственно, доступ во всадническую среду и к высшим должностям не был ни для кого закрыт раз и навсегда; указания на «низкое», незнатное происхождение тех или

иных магистратов довольно широко были распространены в публицистике и историографии эпохи. Скажем здесь только об одном человеке — Гае Теренции Варроне. Разгромленный при Каннах, он и после этой своей неудачи занимал видные выборные должности, хотя по понятным причинам был отстранен от руководства военными операциями. Знатностью («нобилитетностыо») в строгом смысле слова он не обладал [20].

И, наконец, еще одно обстоятельство. Римская система управления покоренными территориями, разумеется, была рассчитана на их полное подчинение завоевателю, а также на эксплуатацию их населения. Создавая различные правовые статусы отдельных областей и городов, римляне стремились исключить саму возможность их объединения против общего врага. Среди подвластных Риму политических единиц имелись: 1) автономные муниципии, граждане которых располагали римским гражданством (с правом участвовать в народном собрании или же без него), 2) города латинского права, жители которых были в Риме имущественно правоспособны, а в некоторых случаях могли заключать с римлянами браки, признававшиеся законными, 3) союзники, сохранявшие, хотя и с определенными ограничениями, свой суверенитет: они должны были согласовывать с Римом свою внешнюю политику, а также предоставлять ему вспомогательные войска. Наконец, особую группу обществ, подвластных Риму, составляли бесправные «подданные», лишенные какой бы то ни было автономии. Наиболее тяжелым для «союзников» и «подданных» Рима было то, что римляне отбирали у них от трети до половины земельного фонда, однако в целом положение италиков под властью Рима было, несомненно, гораздо легче, чем положение ливийцев под властью Карфагена. Рим, насколько об этом можно судить по имеющимися данным, не ставил преград экономическому развитию и торговой деятельности своих вольных или невольных «союзников» и «подданных»; идея монополизировать морские и сухопутные пути, рынки сырья и сбыта никогда не приходила в голову римскому правительству. Поэтому оно, обеспечивая в сфере своего господства определенный порядок и стабильность, могло рассчитывать на поддержку достаточно влиятельных слоев общества, прежде всего правящей аристократической верхушки, чью власть сенат обеспечивал всеми доступными ему средствами. Да и не хотело римское правительство вызывать у италиков особенно сильное недовольство. Далее мы увидим, что позиция италиков, в особенности после битвы при Каннах, была не такой единой, как можно было бы думать: на нее существенное воздействие оказывали и развитие общеполитической ситуации, и внутриполитиче-

[20] Материал собран у М.Гельцера *(Gelzer M.* Die Nobilitat... S. 28-31). Соглашаясь с мнением Л. А. Ельницкого *(Ельницкий Л. А.* Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. М., 1964. С. 89-90), полагающего, что в образе Цинцинната и ему подобных персонажей нашли свое отражение уравнительные тенденции и устремления низших слоев общества, мы должны все же иметь в виду жизненные факты, питавшие этот идеал.

ская борьба, и мечты обрести независимость (власть далекого Карфагена, казалось, будет меньше давить, тем более что Ганнибал готов был гарантировать все что угодно). Имелись и общества, давно и прочно враждебные Риму, — Самниум, Брутиум. Однако в целом проримские тенденции, особенно в Центральной Италии, да и на юге тоже, оказались более действенными, чем антиримские.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что Рим обладал в борьбе с Карфагеном определенными политическими преимуществами. Эти преимущества заключались не в том, что римское государственное устройство было аристократическим (Карфаген тоже был государством аристократическим), и не в пережитках демократизма (Баркиды, как увидим, опирались на народные массы Карфагена, выражали их интересы, а Гасдрубал, зять Гамилькара, был предводителем демократической партии); важнейшее преимущество Риму давали сохранение народного ополчения как основной военной силы государства (соответственно моральные качества римской армии были более высокими, чем у карфагенской) и его италийская политика.

В ходе борьбы Карфагена с Римом столкнулись две системы военной организации, обусловленные особенностями социальной структуры и политического строя обоих обществ.

Основную массу карфагенской армии (помимо «священной дружины», вооруженной длинными копьями, в которой проходили военную службу и стажировались для занятия командных должностей пунийские аристократы) составляли, как сказано, наемные солдаты — иберийцы, галлы, италики, греки, африканцы; их, как правило, мобилизовали пунийские власти. Кроме тяжеловооруженной (мечами и копьями) пехоты, составлявшей центр боевого построения — фалангу, карфагенское командование обычно располагало конницей, нумидийской или иберийской, которую размещали на флангах, балеарскими пращниками, находившимися перед боевым порядком, и боевыми слонами, которые должны были уничтожать живую силу противника. Надо сказать, однако, что слоны составляли и самую опасную для самих карфагенян часть их армии: слишком часто врагу удавалось обратить слонов против пунийских воинов. На стоянке войска обычно располагались в укрепленном лагере; построение такого лагеря неизвестно.

В римской армии все воины делились на следующие группы: велиты (вооруженные мечом, дротиками, луком со стрелами, пращой), копейщики (имевшие меч, пилумы, а также защитное вооружение — щит и кожаный панцирь, обшитый металлическими пластинками), «передовые» (ранее они помещались в первой шеренге; вооружение то же, что и у копейщиков), ветераны-триарии (вместо пилума у них было простое копье). Основным воинским подразделением римской армии был легион, состоявший из 30 манипул; каждая манипула насчитывала 120 воинов — копей-

щиков и «передовых», или 60 воинов (триарии). Манипулы состояли из 2 центурий; командир первой центурии был одновременно и командиром манипулы. В состав легиона входили и 10 отрядов («турм») конницы, по 30 всадников в каждом. К бою легион обычно выстраивался в 3 линии по 10 манипул. Интервал между манипулами был равен протяжению их фронта; дистанция между линиями составляла 15-25 м. Манипулы строились в 10 шеренг по 12 человек. В первой линии располагались обычно копейщики, за ними следовали манипулы «передовых», замыкали построение триарии.

Завязывали бой с карфагенской стороны, как правило, пращники, а с римской — легковооруженные велиты, отходившие после метания дротиков, стрел и камней в тыл и на фланги. Копейщики поражали своими копьями щиты противника и, лишив его, таким образом, возможности обороняться, бросались на него с мечами. Если эта атака не приносила успеха, копейщики отходили через интервалы в тыл и их сменяли более опытные «передовые», а затем в бой вводился последний резерв — триарии.

Такая организация римской пехоты и конницы создавала определенные сравнительно с карфагенской преимущества. Римляне были более подвижны. Их командование могло свободнее маневрировать, в том числе и небольшими группами воинов. Однако должно было пройти длительное время, прежде чем римские полководцы научились побеждать воинов Ганнибала.

После каждого дневного перехода римляне устраивали лагерь, окруженный рвом, земляным валом с воротами в каждой стороне и плетеными щитами. Палатки в лагере располагались в строго определенной последовательности, так что каждый воин точно знал и свое место, и размещение всех подразделений. Находясь в лагере, солдаты обычно чувствовали себя в полной безопасности[21].

Самые ранние контакты карфагенян и римлян уходят в глубокую древность. Полибий [3, 22] сообщает, что первый договор Карфагена с Римом датируется консульством Луция Юния Брута и Марка Горация, за двадцать восемь лет до вторжения в Грецию персидского царя Ксеркса, иными словами, 509 г.[22] Составленный, несомненно, по образцу соглашений, которые Карфаген заключал со своими этрус-

[21] См.: *Михневич Н.* История военного искусства. СПб., 1895. С. 59-65; *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. I. М., 1955. С. 282-290.

[22] Ср., однако, у А. Альфельди *(Alfoldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1963. P. 350-355), который полагает, что имена консулов данного года — М.Горация и Л. Юния Брута — представляют позднюю фальсификацию, а отнесение договора к первому году Республики и, следовательно, к названным консулам — измышление Фабия Пиктора. Однако приходится иметь в виду, что Полибий использовал архивный материал, архаичность латинского языка которого он не случайно констатирует. Поэтому и датировка, принятая им, несомненно, восходит к римским официальным данным.

скими союзниками 23, он, во-первых, предусматривал установление сферы карфагенской монополии за Прекрасным мысом, во-вторых, регулировал порядок римской (а вернее сказать, этрусской) торговли в Сардинии, Сицилии и Северной Африке, в-третьих, запрещал карфагенянам захватывать какие-либо территории в Лациуме и вести войны с союзниками Рима. Наибольший интерес исследователей и наибольшую полемику вызвал вопрос о местоположении Прекрасного мыса. Полибий [3, 22, 5] пишет: «Ни римлянам, ни их союзникам не плавать по ту сторону Прекрасного мыса, если не будут вынуждены непогодой или врагами» (цитата из договора). В своем комментарии к договору Полибий [3, 23,1-4] разъясняет эту клаузулу следующим образом: «Прекрасный мыс — это тот, который находится перед самим Карфагеном в направлении на север. Карфагеняне решительно полагали, что римлянам не нужно плавать по ту сторону к югу на длинных кораблях, потому что, как я думаю, они не хотели, чтобы те разведали места вокруг Бисатиса и вокруг Малого Сирта, которые они называют Эмпориями, так как эта страна плодородна. Если же кто-нибудь, занесенный силой непогоды или неприятелей, будет нуждаться в необходимом для совершения жертвоприношений и снаряжения кораблей, они полагают, что можно взять и что причалившие обязательно должны удалиться в течение пяти дней. А в Карфаген и во всю Ливию по сю сторону от Прекрасного мыса, и в Сардинию, и в Сицилию, коей владеют карфагеняне, ради торговли плавать римлянам дозволяется; и карфагеняне обещают государственным ручательством обеспечить соблюдение законности». Из комментария Полибия кажется очевидным, что Прекрасный мыс следует искать в Северной Африке, в непосредственной близости от Карфагена[24]. Однако вопрос этот, по-видимому, не может быть решен столь однозначно. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, в самом тексте договора местоположение Прекрасного мыса не указано; в то же время, когда в нем идет речь о торговле в Ливий, какие-либо территориальные ограничения отсутствуют. Этот факт свидетельствует против локализации, предложенной Полибием. Во-вторых, в пояснении Полибия имеется внутреннее противоречие: согласно второму договору Карфагена с Римом [Полибий, 3, 24, 4] и собственному комментарию Полибия к этому Документу [3, 24, 2], в непосредственной близости от Прекрасного мыса находились Мастия и Тарсей (то есть Таршиш, Тартесс), расположенные на Пиренейском полуострове. Эти факты делают, с нашей точки зрения, более правдоподобной локализацию Прекрасного мыса за пределами Северной Африки, вероятнее всего, на средиземноморском побережье Испании, в районе мыса Нао[25]. Очевидно, договор

[23] ***Walbank F. W.*** **A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957. P. 342-343.**

[24] ***Gsell St.*** **HAAN, I. P. 457;** ***Walbank F. W.*** **A Historical Commentary. P. 341-342;** ***Beamont R. L.*** **The Date of the First Treaty Between Rome and Carthage // Journal of Roman Studies. 1939. P. 76.**

[25] ***Wickert L.*** **Zu den Karthagovertragern. Klio, 1938. P. 352-358;** ***Мишулин А. В.*** **Античная Испания. М., 1952. С. 260-261;** ***Шифман И. Ш.*** **Возникновение... С. 75-76.**

с Римом был одним из многих в серии международно-правовых актов, которыми Карфаген закреплял в конце VI в. свое политическое господство и торговую монополию на юге Пиренейского полуострова после разгрома Тартесского государства и гибели Тартесса.

Второй договор Карфагена с Римом обычно датируется 348 г. [ср. у Ливия, 7, 27, 2; Орозий, 3, 7, 1-3; Диодор, 16, 69, 1][26], однако в 1958 г. была выдвинута новая точка зрения: указывалось, что второй договор представляет собой, в сущности, лишь развитие, конкретизацию и уточнение первого и поэтому не может слишком далеко хронологически отстоять от первого. Исходя из сказанного, предлагается датировать второй договор Карфагена с Римом концом VI в. или, более точно, временем около 500 г.[27] Эта гипотеза кажется весьма правдоподобной, однако пока, к сожалению, отсутствуют данные, которые позволили бы окончательно решить проблему. Как бы то ни было, согласно этому договору [Полибий, 3, 24, 3-13], римлянам запрещалось плавать за Прекрасный мыс, в Мастию и Тарсей — Таршиш, то есть в Южную Испанию, а также в Сардинию и Ливию. Право и возможность вести торговлю римляне сохраняют только в пунийской Сицилии и в самом Карфагене. Кроме того, договором регулируется «порядок», если можно так выразиться, пиратских набегов карфагенян на те районы Лациума, которые не были подвластны Риму, причем предусматривается возможность освобождения пленных союзников Рима на римской и Карфагена — на карфагенской территории.

Дальнейшее развитие этой линии взаимоотношений нашло свое отражение в договоре, основное содержание которого сохранил поздний римский автор Сервий в своем комментарии к «Энеиде» Вергилия [4, 628]. Обычно этот договор датируется 306 г.[28], однако в настоящее время в связи с пересмотром времени второго договора его предлагают отнести к 348 г.[29] Здесь предусматривается полный запрет карфагенянам плавать к берегам римских владений, а римлянам — карфагенских. Своеобразной буферной территорией, отделяющей одних от других, должна была стать Корсика. Аналогичные сведения имелись и в трудах прокарфагенски настроенного [Полибий, 1, 14, 3] греческого историка Филина. Согласно изложению Полибия [3, 26, 3], Филин писал, что «у римлян и карфагенян имелись договоры, согласно которым римлянам следовало отказаться от всей Сицилии, а карфагенянам — от Италии». Полибий резко отрицает сообщение Филина; такого соглашения, по его словам, никогда не было, и какие-либо записи о подобном отсутствуют [3, 26, 4]. Однако ар-

[26] *Gsell St.* HAAN, III. S. 68-71; *Aymard A.* Les deux premiers traites entre Rome et Carthage, Revue des etudes anciennes. 1957. P. 3-4.

[27] *Hampl F.* Das Problem der Datierung der ersten Vertrage zwischen Rom und Karthago. Rheinisches Museum. Bd. 101 (далее — *Hampl F.* Das Problem...). S. 58-75.

[28] *Моммзен Т.* История Рима. Т. I. М., 1936. С. 392-393; *Gsell St.* HAAN, III. P. 72.

[29] *Hampl A.* Das Problem...

гументация греческого историка в свете указаний Сервия не может быть признана убедительной; не исключено, что римляне скрыли от него документ, позволявший врагам (тому же Филину) обвинить их в вероломстве. Во всяком случае, политическая ситуация конца IV в., когда отчетливо ощущалась потребность в разделе сфер влияния и когда стороны еще не могли претендовать ни на Италию (Карфаген), ни на Сицилию (Рим), не исключает его существования. По-видимому, этот же договор имеет в виду Тит Ливий [9, 43, 26], когда пишет, что «и с карфагенянами в том же году (то есть в 306 г. — *И. К.)* был в третий раз обновлен союз, а их послам, которые прибыли для этого, любезно посланы дары».

В сочинении Ливия имеется упоминание [Ливий, Сод., 13] и об «обновлении» в четвертый раз союза между Римом и Карфагеном. Контекст, в котором находится это указание, показывает, что договор был заключен в разгар борьбы между римлянами и эпирским царем Пирром за господство в Южной Италии. Заранее можно предполагать, что речь идет о военно-политическом союзе, направленном против последнего. Полибий [3, 25, 3-5] сохранил сведения об условиях этого рода, включенных в соглашение, датируемое 280 г.; видимо, именно о нем говорит и римский историограф. Стороны взяли на себя следующие обязательства: «Если они заключат с Пирром договор о союзе, пусть сделают те и другие, чтобы они могли помогать друг другу на территории тех, кто подвергнется нападению. Кто бы ни нуждался, корабли пусть предоставят карфагеняне как для охраны путей, так и для нападения; жалованье своим воинам каждая сторона выплачивает сама. Карфагеняне пусть помогают римлянам и на море, если будет нужно. А команду пусть никто не принуждает сходить на берег против воли».

Таким образом, отношения между Римом и Карфагеном никогда не отличались чрезмерной сердечностью. Борьба против общего врага — Пирра, который замышлял создать для себя на западе мощное царство на обломках римского и карфагенского могущества, — казалось, должна была их сблизить. Однако последующие события обнаружили, что стороны опасались союзника не меньше, если не больше, чем противника. По крайней мере это можно сказать о Риме. Во исполнение договора или под этим предлогом якобы на помощь Риму была отправлена флотилия в составе 120 кораблей, однако сенат вежливо поблагодарил и отказался. Ему тем легче было это сделать, что непосредственная опасность миновала. Тогда карфагенянин Магон отправился к Пирру, было объявлено, что он хочет содействовать установлению мира между Римом и Пирром, хотя на самом деле он попытался выяснить планы последнего: карфагенян очень беспокоили слухи о том, что царь предполагает вторгнуться в Сицилию [Юстин, 18, 2, 1-4; Вал. Макс, 3, 7, 10].

Создается впечатление, что союзники действовали порознь, фактически независимо друг от друга, хотя Диодор [22, 7, 5] и сохранил сведения о том, будто пунийцы предоставили римлянам свои корабли для переброски воинов в Регий. Когда

худшие опасения карфагенского правительства оправдались, когда Пирр переправился в Сицилию и даже объявил себя царем этого острова, карфагеняне оказались в одиночестве и, потерпев ряд сокрушительных поражений от своего противника, поддержанного местным греческим населением, потеряли почти все [Юстин, 23, 3, 1-4; Апп., Самн., 12]. Единственное, что они сумели сохранить благодаря своему господству на море, — порт Лилибей. Опасность представлялась настолько грозной, а бездействие Рима настолько лишало всякой надежды на спасительную помощь извне, что карфагеняне решились, сознательно нарушая союзнические обязательства, предложить врагу мир. Они готовы были примириться с потерями и даже предоставить флот своему недавнему противнику. Переговоры не дали результата, так как Пирр потребовал уступить ему еще и Лилибей [Плут., Пирр., 22—24]. Господство карфагенян в Сицилии удалось восстановить только потому, что сицилийская политика царя (взыскание податей и повинностей, размещение гарнизонов и т. п.) сделала сицилийских греков союзниками карфагенян. Пирр в конце концов был изгнан из Сицилии в Италию [А п п . , Самн., 12]. Впрочем, в античной историографии есть указания и другого рода: отмечают, что Пирр покинул Сицилию, уступая настойчивым просьбам своих италийских союзников, которые опасались нового нашествия римлян [Юстин, 23, 3, 5-9]. По-видимому, и то и другое сыграло свою роль, хотя Пирру и, возможно, Риму было политически выгодно подчеркнуть именно второе обстоятельство. Как бы то ни было, если бы Пирр не восстановил против себя сицилийских греков, что использовали в своих целях карфагеняне, его отъезд в Италию едва ли мог повлечь за собой крушение всех планов, связанных с островом.

После того как Пирр оказался вынужденным оставить Сицилию, а затем и Италию, о союзе между Карфагеном и Римом уже не было и речи. Возобновилось их противостояние, теперь чреватое прямым конфликтом. Взаимные нарушения договора 306 г. — попытка Карфагена оказать помощь Таренту в его сопротивлении римской экспансии [Ливий, Сод., 14; Орозий, 4, 3, 1-2; 5, 2; Зонара, 8, 6] и вмешательство римлян в дела Мессаны [Полибий, 1, 8-11] — послужили предлогом для начала войны.

По существу, исход первой войны между Карфагеном и Римом — I Пунической войны (264-241 гг.) — был предрешен в самом начале. В течение кампаний 264-262 годов римлянам удалось заставить сиракузского царя Гиерона II — до этого союзника пунийцев — перейти на сторону Рима, в результате чего Карфаген оказался политически изолирован, и, кроме того, установить свое господство практически на всем острове. Особенно тяжким ударом для карфагенян было падение Акраганта, стратегически самого важного пункта в Сицилии. После этого под их властью оставались только некоторые приморские города, теперь снабжавшиеся и оборонявшиеся с моря.

До сих пор римский военный флот не шел ни в какое сравнение с карфагенским, и поэтому казалось, что сломить преимущество пунийцев в этой области Рим никогда не сможет. Перед соперниками открывалась перспектива затяжной, изнурительной войны. Добиться победы исключительно морскими силами Карфаген не мог. Но и Рим не мог победить только при помощи сухопутных войск. Поэтому перед первым возникла задача создать боеспособную пехоту, тогда как второй был поставлен перед необходимостью срочно строить новые военные корабли и обучать моряков. Мы осведомлены главным образом о действиях римлян, однако последующие события говорят сами за себя: римские военачальники выиграли соревнование. Захватив севшую на мель карфагенскую пентеру, они использовали ее в качестве образца и уже в 260 г. располагали флотом в 120 судов. Но этого мало: чтобы парализовать обычные для того времени приемы морского боя — прорыв строя кораблей и таран, римляне разработали новую тактику. Они изобрели абордажные мостки («вороны»); по этим мосткам воины перебегали на вражеский корабль и там вели рукопашную схватку. Тем самым римляне получали возможность использовать на море, в абордажном бою, превосходство своей пехоты. Правда, первое морское предприятие римлян окончилось неудачей: они попытались было овладеть Липарскими островами, но были заперты в гавани и захвачены в плен (17 кораблей под командованием консула Гнея Корнелия Сципиона). Однако поражение было с избытком компенсировано победой при Милах в 259 г., где были потоплены или взяты в плен около 50 военных кораблей, едва ли не половина пунийского флота. Этот успех потряс современников, в особенности самих римлян; консул Гай Дуилий, командовавший римским флотом, был удостоен помимо обычного триумфа совершенно исключительных почестей: по постановлению сената его должен был в общественных местах сопровождать флейтист. До нас дошла и надпись, воздвигнутая для того, чтобы увековечить подвиг Дуилия [CIL, I, 195; Плиний, 34, 20].

Теперь римские власти имели возможность попытаться сломить Карфаген на африканской территории. Весной 256 г. 4 легиона, которыми командовали оба консула — Марк Атилий Регул и Луций Манлий Вольсон, на 330 кораблях отправились к африканскому берегу. Карфагеняне, встретившие противника у Экнома, не сумели, несмотря на численное превосходство (у них было 350 судов), помешать своим врагам и заставить их вернуться в Сицилию. Потеряв 94 корабля (против 24 римских), пунийский флот отступил в Африку. Римляне высадились там, где их совершенно не ждали, — в районе крепости Клупея, которая стала их опорным пунктом. Половина десанта во главе с Вольсоном по требованию сената возвратилась в Италию; тем не менее Регул сумел поставить под свой контроль почти все африканские владения Карфагена и приобрести союзника в лице взбунтовавшихся ливийцев.

Не рассчитывая на военную победу, карфагенское правительство попыталось выйти из войны, примирившись с потерей Сицилии и Сардинии. Но этого Регулу

показалось мало. Во время переговоров он потребовал, чтобы пунийцы уничтожили свой военный флот и обязались поставлять корабли Риму. Принятие подобных условий означало бы ликвидацию Карфагена как великой державы и установление прямой его зависимости от Рима. Карфагеняне решили защищаться. Из Сицилии были вызваны войска. Кроме того, была создана новая армия из греческих наемных солдат во главе с талантливым полководцем спартанцем Ксантиппом (его предшествующая и последующая деятельность неизвестны). В результате соотношение сил резко изменилось, и карфагеняне смогли, главным образом благодаря стратегическому мастерству Ксантиппа, наголову разбить войска Регула неподалеку от Тунета. Ливийским союзникам Рима карфагеняне устроили кровавую бойню, и память о тысячах убитых и казненных еще долго жила в африканских деревнях и поселках.

Военные действия теперь снова сосредоточились в Сицилии и поначалу приняли явно неблагоприятный для пунийцев оборот, хотя операции римлян на море и не были особенно удачными. В 254 г. карфагеняне оставили Панорм, а в 251 г. потерпели тяжелое поражение под стенами этого города, потеряв 120 боевых слонов. В 249 г. пал Эрике, и в руках пунийцев остались только Дрепанум и Лилибей. Повторная попытка Карфагена заключить мир не дала результатов. Между тем римляне оказались не в состоянии полностью блокировать Дрепанум и Лилибей ни с моря, ни с суши. Карфагенские моряки на небольших парусных судах, минуя препятствия, созданные римлянами, проникали в гавани. Пунийские всадники наносили противнику чувствительные удары и перехватывали римские обозы с продовольствием, предназначавшимся для осаждавших. Желая круто изменить положение, консул Публий Клавдий попробовал было уничтожить карфагенский флот в гавани Дрепанума, но пунийскому флотоводцу Атарбе удалось окружить римские корабли и захватить 80 из них и уничтожить 100. Клавдий сумел спасти всего 30 судов. Разгром был дополнен уничтожением римского транспортного флота в районе Гелы и Камарины. В результате даже та неполная блокада Лилибея и Дрепанума, которую установили римляне, была ликвидирована. После тринадцатилетней изнурительной борьбы стороны вернулись к положению, которое сложилось уже в 262 г., и, по-видимому, так же как и в конце 60-х годов, были далеки от окончательной победы.

Такова была ситуация, когда в 247 г. командующим карфагенским флотом в Сицилии был назначен Гамилькар Барка, а в его семье приблизительно в то же время родился сын Ганнибал — в недалеком будущем самый упорный и самый опасный враг Рима.

II

Гамилькар, сын Ганнибала, носивший прозвище — может быть, родовое — Барка ('молния'), занял, по сообщению его биографа, важнейший по тому времени пост и

принял фактически на себя всю ответственность за исход войны с Римом в юношеском возрасте [Корн. Неп., Гам., 1, 1]. Как нам кажется, едва ли правильно чрезмерно доверять этим сведениям. На Гамилькара могли быть перенесены биографические данные, относящиеся к его несравненно более знаменитому сыну и преемнику. В любом случае до получения подобного назначения Гамилькар должен был пройти серьезную военную школу, принимая на разных должностях участие в боевых операциях против римлян, а также приобрести определенный административный опыт, исполняя обязанности магистратов, в том числе и на высоком уровне. Трудно представить себе, чтобы судьба Карфагена могла быть вручена неопытному и незрелому юнцу, который до этого ничем значительным себя не проявил. Заметим в этой связи, что к 240-230 гг., когда Ганнибалу исполнилось шесть-семь лет, у Гамилькара уже были по крайней мере две дочери, достигшие брачного возраста [Полибий, 1, 78, 8; Апп., Исп., 4]; они родились, следовательно, не раньше 255-252 гг., и, значит, сам Гамилькар вступил в брак не раньше 256 г. Все эти расчеты, конечно, далеки от необходимой точности и дают очень приблизительное представление о возрасте полководца, когда он впервые появился на исторической авансцене. С известной долей вероятия можно предполагать, что в 247 г. ему уже исполнилось где-то около тридцати лет, а может быть, и более. Источник, которым воспользовался Корнелий Непот, мог иметь в виду, если допустить, что он отражает действительные события, не абсолютную молодость полководца, а относительную, сравнительно с летами его коллег и противников.

Интересно, что Цицерон [Циц., Обяз., 3, 99] и Зонара [8, 10] отождествляли Гамилькара Барку с тем Гамилькаром, который командовал пунийскими войсками в Сицилии в 261-256 гг., участвовал в морской битве при Экноме, а также организовал в Африке борьбу против Регула и поддерживавших его нумидийцев. Однако такое отождествление кажется маловероятным.

Если бы подобное совпадение действительно имело место, наши основные источники не могли бы говорить о назначении Гамилькара Барки в тоне, показывающем, что он только в 247 г. впервые появляется в повествовании о I Пунической войне. Так, например, Полибий [1, 56,1] писал: «Карфагеняне назначили после этого полководцем Гамилькара, прозывавшегося Барка, и ему вручили командование флотом». Выражение «прозывавшегося Барка» определенно показывает, что Полибий или его источник хотели отличить именно данного Гамилькара от остальных, не имевших прозвища 30.

Как бы то ни было, в 247 г. Гамилькар Барка получил ответственнейшее назначение, которое в дальнейшем открыло ему путь к захвату всей власти в государстве.

[30] О возрасте Гамилькара Барки см.: *Gsell St.* HAAN, III. S. 96, прим. 2; *Meltzer O.* Geschichte der Karthager. Bd II (далее — *Meltzer O.* GK). S. 338-339.

Если верно, что изображению финикийского бога Мелькарта на одной из монет, происходящих из Нового Карфагена, приданы портретные черты Гамилькара Барки[31], то мы можем составить себе некоторое представление об его облике, хотя портрет и стилизован в духе современной исполнителю эллинистической манеры. Автору, который, несомненно, стремился не только добиться внешнего сходства, но и дать психологическую характеристику модели, удалось передать твердость воли, решительность, суровость и, пожалуй, жестокость властного и уверенного в себе надменного аристократа. Плотно сжатые тонкие губы, курчавая борода, настороженный, как будто пронизывающий взгляд... Художник старательно избегает всего, что могло бы выявить в этом бесспорно незаурядном человеке иные качества — мягкость, доброту, деликатность. Перед нами солдат, который не остановится перед потоками крови, расчетливый и непреклонный политический деятель — такой, каким его воспитала карфагенская действительность с ее интригами, коррупцией, смертельной враждой, отчаянной борьбой за власть. Античная традиция приписывает Гамилькару Барке государственную мудрость, презрение к опасности, исключительное воинское мастерство. Он никогда никого не посвящал в свои замыслы, чтобы противник не узнал о них, а его воины не были бы приведены в смятение размышлениями о тех опасностях, какие им предстоят [Диодор, 24, 5-7]. В Карфагене надеялись, что такому человеку удастся вывести военные действия из тупика и добиться победы.

Вначале обстоятельства складывались благоприятно для карфагенян[32]. Приняв командование, Гамилькар прежде всего подверг опустошительным набегам побережье Италии, и в особенности на юге Апеннинского полуострова, Локры Эпизефирские и Брутиум. Эта операция, в которой пунийские войска, по-видимому, не встретили активного сопротивления со стороны противника (Полибий вообще не говорит о нем), могла иметь несколько целей. Во-первых, заставить римлян обратить большее внимание на оборону Италии и тем уменьшить их военный напор в Сицилии — на основном театре военных действий. Во-вторых, захватить пленных, чтобы произвести обмен и выручить если не всех, то хотя бы часть своих. И действительно, обмен военнопленными из расчета один к одному состоялся в том же году, хотя пунийцам и не удалось добиться возвращения на родину всех своих соотечественников, видимо, не хватило добычи. Наконец, в-третьих, продемонстрировать силу карфагенского флота и подготовить римлян к мысли о мире на основе признания существовавшего в 247 г. положения вещей. Дальнейшие события показали, что свои

[31] ***Burian J.*** **Hannibal. Praha, 1967. P. 34.**

[32] **Основные сведения о сицилийской кампании Гамилькара Барки см.: Полибий, 1, 56-64; Диодор, 23, 22 и 24, 5-13; Зонара, 8, 16. Судя по ливианской традиции [Ливии. Сод., 19: «Многие полководцы счастливо вели войну против пунийцев»], в римской историографии существовала склонность преуменьшать значение действий Гамилькара и представлять события последних лет войны как цепь непрерывных римских побед.**

замыслы Гамилькар сумел осуществить лишь частично. Судьба войны решалась в Сицилии; именно здесь Гамилькар решил сосредоточить свои основные усилия. Ему удалось беспрепятственно высадиться недалеко от Панорма и занять гору Эйркте (совр. Монте-Пеллегрино), которую он превратил в свою военную базу.

Лучшего выбора сделать было нельзя. Крутые обрывы делали гору неприступной со всех сторон и позволяли укрепить ее без особого труда; на вершине — большом плоском кругообразном плато — находились пастбища и пригодные для обработки земли; на нем же и холм, который легко можно было превратить во внутреннюю крепость и наблюдательный пункт; у подножия горы естественная гавань обеспечивала надежный выход в море и связь с внешним миром. Дороги, которые вели в Эйркте — две из глубинных районов Сицилии и одна от моря, занятая пунийскими войсками, были труднопроходимыми, так что опорный пункт Гамилькара был почти недоступен для врагов. Однако, насколько об этом можно судить, четкий план наступательных операций на острове Гамилькар так и не разработал; во всяком случае, в его дальнейших действиях какая-либо планомерность не прослеживается. Более того, создается впечатление, что Гамилькар был связан своей базой в Эйркте.

Опираясь на нее, Гамилькар постоянно совершал набеги на южные области Италии. Когда римляне создали свою базу неподалеку от Панорма, рассчитывая сковать неприятеля, он в течение трех лет вел с ними изнурительную повседневную войну. Полибий, отказываясь от подробного и последовательного описания событий этого трехлетия, уподобил воюющих кулачным бойцам, наносящим друг другу удары, за которыми со стороны трудно уследить. Полибий ограничился общей оценкой: все военные хитрости, уловки и приемы были испробованы, а решающего сражения все не было. Равновесие нарушилось только тогда, когда пунийцам удалось захватить город Эрике и осадить римский лагерь, находившийся на вершине одноименной горы. Однако и здесь решающего результата Гамилькар не добился. Осада затянулась. В результате пунийский полководец утратил инициативу и не смог помешать врагу изменить ход событий.

В 243 г. римляне снова — в третий раз за время войны — построили флот — на этот раз в 200 кораблей. Сделано это было на средства граждан, которые индивидуально или компаниями в два-три пайщика (в зависимости от имущественного положения) обязывались построить по одному пятипалубному судну. Государство обязывалось возместить расходы только в случае успешного исхода военных действий.

Когда римская армада появилась на море, Гамилькар Барка оказался отрезанным от Карфагена. Пунийские власти решили принять меры для того, чтобы вывести свои войска из Сицилии. К северным берегам острова был направлен карфагенский флот, однако экспедиция оказалась неудачной. В битве при Эгатских островах карфагенская эскадра была разгромлена. Не видя теперь другого выхода,

карфагенские власти уполномочили Гамилькара Барку заключить мир. И в самом деле, в условиях, когда ресурсы государства были истощены (пунийцы оказались вынужденными, хотя и безрезультатно, просить заем в Египте), никакой надежды на восстановление морского могущества у Карфагена быть уже не могло. Гамилькар, внезапно оказавшийся перед крахом всех своих замыслов, должен был скрепя сердцем покориться обстоятельствам [ср. у Корн. Неп., Гам., 1, 3; Полибий, 1, 62, 3-6].

Карфагенское предложение закончить войну пришлось и римлянам как нельзя более кстати: казна Рима была пуста. Поэтому консул Г. Лутаций Катул, командовавший в Сицилии римскими легионами, «радостно», как пишет Полибий [1, 62, 7], принял предложение, полученное от Гамилькара Барки. Тем не менее во время переговоров Гамилькар должен был мобилизовать все свои дипломатические способности, чтобы добиться приемлемых условий: его контрагент, максимально использовавший преимущества победы при Эгатах и господства на море, пытался включить в договор статьи, выполнение которых должно было унизить пунийских воинов и тем самым затруднить вербовку наемных солдат, серьезно ослабить обороноспособность Карфагена. Г. Лутаций Катул потребовал, чтобы воины Гамилькара покинули Сицилию безоружными [Корн. Неп., Гам., 1, 5; Диодор, 24, 13]. В источниках, правда очень поздних, на воспроизводящих традицию Тита Ливия, есть даже сведения, будто римское командование настаивало, чтобы пунийские войска прошли под игом [Зонара, 8, 17]. Как проходили переговоры, мы не знаем, однако из их результатов ясно, что Барка заставил консула отступить: пунийские войска получили возможность эвакуироваться с острова после уплаты выкупа — 18 денариев за человека. И все же эта сравнительно небольшая дипломатическая победа не могла в целом компенсировать весьма неблагоприятного для карфагенян результата войны, хотя, само собой разумеется, Гамилькар сделал все для того, чтобы условия мира не подорвали боеспособности Карфагена и не помешали бы ему готовиться к реваншу.

Полибий [1, 62, 8-9] так излагает договор, заключенный Г. Лутацием Катулом и Гамилькаром Баркой: «На таких условиях быть дружбе между карфагенянами и римлянами, если и римскому народу будет угодно: карфагеняне очистят всю Сицилию, и не будут воевать с Гиероном, и не поднимут оружия ни на сиракузян, ни на союзников сиракузян; карфагеняне отдадут римлянам без выкупа всех пленных; карфагеняне выплатят римлянам в течение двадцати лет 2200 эвбейских талантов серебра». Было достигнуто соглашение и о судьбе пленных пунийских воинов [Евтропий, 2, 27]. Карфагеняне просили разрешения выкупить их, но встретили исключительную любезность недавнего противника: римские власти возвратили даром тех, кто содержался в государственных тюрьмах. Находившиеся в частных руках пленные карфагеняне могли быть выкуплены, причем активное участие в этом приняла римская казна. Вероятно, уже на данной стадии переговоров было зафик-

сировано соглашение, запрещавшее Карфагену направлять свои корабли в районы, находившиеся под контролем Рима и его союзников (да и не было у него подобной возможности), и вербовать наемников на территории Италии; несколько позже оно вошло в окончательный текст договора [Зонара, 8, 17; Апп., Сиц., 2].

Все эти условия поражают совершенно неожиданной для Рима мягкостью. Побежденный Карфаген ценою полного отказа от Сицилии, которая никогда и не была целиком в его власти, сохранил не только независимость и все остальные владения в Западном Средиземноморье, но также и свое положение великой державы, то есть он оставался грозным противником. Неудивительно, что в Риме такой договор вызвал недовольство и народное собрание отказалось его ратифицировать. В Сицилию была направлена специальная комиссия из десяти человек, чтобы на месте пересмотреть условия мира. Однако результат ее деятельности был до смешного ничтожен. Контрибуция возросла до 3200 талантов с обязательством уплаты в течение десяти лет; кроме того, в договор записали обязательство карфагенян покинуть острова, расположенные между Италией и Сицилией [Полибий, 1, 63, 1-3]. Но последняя клаузула, как обоснованно думает Т. Моммзен[33], конечно, только оформляла и закрепляла юридически положение, сложившееся после прекращения военных действий. В самом деле, трудно представить себе, чтобы, потеряв Сицилию, Карфаген мог сохранить какие бы то ни было владения в бассейне Тирренского моря. Комиссия 10-ти приняла решение, определенно убедившись в том, что не снисходительность Г. Лутация Катула, но объективные обстоятельства велят римлянам умерить свои аппетиты. Мы вряд ли ошибемся, предположив, что Гамилькар Барка убедил римлян не выдвигать своих требований, которые могли бы привести к срыву мирных переговоров. А судьба экспедиции Регула, да и самого Регула, погибшего в карфагенском плену, разумеется, была слишком памятна.

В 241 г. мир был подписан. Война окончилась. Гамилькар Барка вывел подчиненные ему войска из Северной Сицилии в Лилибей, после чего отказался от своих полномочий и, очевидно, уехал на родину [Полибий, 1, 66, 1]. Отставка командующего, подлинных мотивов которой мы не знаем, ознаменовала собой переход власти в руки враждебной Гамилькару аристократической группировки. Одним из ее крупнейших деятелей был Ганнон, сыгравший вскоре столь отрицательную по отношению к карфагенянам роль во время так называемой Ливийской войны.

В то время Ганнибалу было около пяти лет. Он рос в атмосфере рассказов о подвигах отца, плоды которых были вырваны у Гамилькара хищным врагом и бездарностью карфагенских аристократов — его политических противников. Гамилькар страстно желал сокрушить и уничтожить римлян. Эти же чувства он внушал и своим сыновьям — Ганнибалу, Гасдрубалу и Магону. Из уст в уста в Риме передавали

33 Моммзен Т. **История Рима. Ч. I. М., 1936. С. 505. Ср. также:** *Meltzer O.* **GK, II. S. 353.**

его слова, сохраненные до наших дней традицией, восходящей к Титу Ливию [Зонара, 8, 21]: своих сыновей он вскармливает, как львов, натравливая их на римлян.

Знаменитая клятва, данная девятилетним мальчиком, надо полагать, завершила определенный этап в его воспитании; отец не случайно и не только повинуясь внезапному душевному движению, заставил ребенка прийти в храм и принять участие в жертвоприношении: его сын должен был унаследовать и его ненависть. Но до этого момента оставалось еще целых четыре года, а пока Карфагену предстояло выдержать смертельную схватку за само свое существование и Гамилькару — руководить этой борьбой.

Все началось, как обычно, с мелкой, нерасчетливой скупости. Перед карфагенским правительством стояла довольно сложная задача — вывести из Лилибея в Африку своих наемных солдат (вероятно, около 20000 [Полибий, 1, 67, 13; Корн. Неп., Гам., 2, 2]), выдать им жалованье и наградные, а затем во избежание бунтов и насилий отправить на родину. Комендант Лилибея Гисгон благоразумно решил отправлять воинов в Карфаген относительно небольшими партиями через определенные промежутки времени, не допуская скопления в городе огромного количества хорошо вооруженных людей, уже утрачивающих всякое представление о дисциплине и порядке. Между тем карфагенское правительство вознамерилось заставить наемников отказаться от причитавшейся им доли жалованья. Наивно рассчитывая быстрее добиться своей цели, если все солдаты соберутся вместе, пунийские власти не отпускали их из Карфагена. В результате нормальная жизнь в городе очень скоро была нарушена. Грабежи и убийства происходили не только ночью, но и средь бела дня. Никто не чувствовал себя в безопасности. Власти оказались не в состоянии овладеть положением и, желая избежать худшего, решили теперь отправить наемников на юг, в город Сикку, расположенный в самом центре африканских владений Карфагена.

Смысл этой операции понятен. Здесь можно было бы не только вести переговоры, но и в случае необходимости локализовать, а затем и подавить любые солдатские бунты, если бы... если бы карфагеняне располагали достаточными военными резервами и если бы наемников не поддержало местное крестьянство. Но обстоятельства складывались совершенно иначе, и, отправляя наемников на юг, пунийцы своими руками создавали центр мятежа. Все это обнаружилось позднее, а пока воины отправлялись в Сикку, надеясь скоро вернуться назад и получить наконец свое жалованье: ведь небольшую сумму на прожитье перед уходом им все-таки выдали, так что их надежды, казалось, были оправданны. Конечно, известное беспокойство должно было внушать то обстоятельство, что карфагеняне заставляли забирать с собой все пожитки, однако воины не обращали на это внимания.

Несмотря на свое отрицательное отношение к наемникам, Полибий [1, 66, 10] рисует их лагерь в Сикке в относительно спокойных тонах: наемники наслаждают-

ся отдыхом и покоем, к которому они давно стремились (правда, историограф не забывает добавить: именно праздность ведет к солдатским бунтам). При всем желании он не может найти здесь беспорядка и анархии. Очевидно, наемники ждали и, ожидая, прикидывали и обсуждали между собой, сколько же они получат; каждый раз выходило, что им причитается гораздо больше, чем думали прежде, и что карфагенские полководцы, а особенно Гамилькар Барка, им обещали огромные деньги сверх жалованья [Полибий, 1, 66, 11-12; Апп., Исп., 4].

К этим людям наконец и прибыл Ганнон, в то время стратег — правитель Ливии; однако он повел совсем не те речи, которых от него ждали. К великому разочарованию своих слушателей, Ганнон долго распространялся о трудном положении Карфагена, о тяжести податей, которые приходится взыскивать, и настаивал на том, чтобы наемники согласились отказаться от какой-то доли своего жалованья. Естественно, в лагере начались волнения, на солдатских сходках зазвучали гневные речи, а Ганнон тщетно пытался успокоить бушующее море. Его положение осложнялось тем, что он был вынужден обращаться к разгневанным, ожесточенным толпам, ко всем этим галлам и иберам, лигурам и балеарам, ливийцам и полугрекам, часто не понимавшим пунийского языка, через добровольцев-переводчиков из числа тех же солдат или их командиров. А переводчики либо сами не могли толком уразуметь, что он говорит, либо сознательно искажали смысл его слов. «Все было наполнено, — пишет Полибий, — непониманием, недоверием, беспорядком». Наемники приходили к мысли, что карфагеняне специально прислали к ним именно Ганнона, которого никто никогда не видел на поле брани, а не тех, кто своими посулами заставлял их добывать победу и проливать кровь. Хитроумные пунийцы замыслили обман. Прервав переговоры, наемники двинулись к Карфагену и расположились лагерем в непосредственной близости от него, недалеко от ливийского города Тунета.

Только теперь, когда уже было поздно, карфагенские правители осознали, к чему привели их действия. Не имея возможности организовать оборону, они сами, своими руками создали опаснейший очаг мятежа и непосредственную угрозу Карфагену. Чтобы ликвидировать начинавшееся восстание, они соглашались теперь буквально на все: организовали в лагере наемников торговлю продовольствием по ценам, которые назначали сами покупатели, приняли все претензии солдат относительно жалованья. Эта запоздалая уступчивость лишь подстрекнула наемников к новым требованиям: они пожелали, чтобы карфагеняне возместили стоимость их коней, павших во время войны. Но и этого им показалось мало: за хлебный паек, который солдаты получили не весь, пока шла война, пунийцы должны были заплатить по наивысшей цене военного времени. Однако даже удовлетворение этого пожелания не могло уже водворить спокойствия. Полибий, видимо, прав, когда пишет, что среди наемников были люди, вообще не желавшие никакого соглашения. Хорошо помня свои успешные боевые действия в Сицилии, они могли рассчитывать на легкую

победу над Карфагеном, не имевшим армии, которая сумела бы защитить город. Можно думать, что и соблазнительный пример мамертинцев был у них перед глазами. С большим трудом посланцы карфагенского совета уговорили волновавшихся наемников доверить окончательное решение спора какому-нибудь полководцу, руководившему только что закончившимися операциями в Сицилии. Естественно, сразу же всплыло имя Гамилькара Барки, но эта кандидатура не прошла. Наемники считали, что, добровольно отказавшись от командования и позже не явившись в качестве посла в Сикку, он их предал. В конце концов, видимо, после долгих споров и взаимных угроз стороны сошлись на Гисгоне — том самом, который эвакуировал пунийские войска из Лилибея.

Гисгон явился в Тунет морским путем и приступил к раздаче денег. Обращаясь к командирам и рядовым солдатам, он снова и снова призывал их не бунтовать, сохранять верность Карфагену, который платит им жалованье. Однако именно теперь, когда конфликт, казалось, был близок к разрешению, сопротивление карфагенской правительственной пропаганде стало открытым и особенно ожесточенным. Его организовывал кампанец Спендий, беглый раб, отличавшийся большой физической силой и незаурядным мужеством. По словам Полибия, он опасался быть выданным своему господину и казненным в соответствии с римскими законами. Вместе с ним действовал и ливиец Матос — с самого начала, как говорит Полибий, один из наиболее активных противников соглашения с карфагенянами.

Выдвижение среди наемников именно этих людей вряд ли можно объяснить случайным стечением обстоятельств. И один и другой выражали настроения тех групп наемников, которые были заинтересованы не только в том, чтобы получить жалованье и вернуться к своим очагам. Для беглых рабов, которых было довольно много [ср. у Полибия, 1, 67, 7], «благополучное» (с точки зрения карфагенян и наемников — свободных, происходивших из Иберии или Лигурии) окончание волнений означало в лучшем случае новые скитания, в худшем — возвращение в рабство. Что же касается ливийцев, то для них вернуться домой означало снова попасть под тяжкий пресс карфагенского налогообложения. Поэтому, когда Матос, несомненно заранее договорившись со Спендием, обратился к ливийцам, то он не только «подстрекал» их к бунту, но и выражал их собственные настроения. Он говорил: все наемники-чужеземцы уйдут, а они, ливийцы, останутся. И тогда карфагеняне расправятся с ними. Эти слова падали на благоприятную почву: ливийцы еще хорошо помнили кровавую бойню, которую устроили карфагеняне в их стране после разгрома Регула. К тому же выяснилось, что Гисгон все же не выплачивает вознаграждения за хлеб и коней, а ливийцы и вообще ничего не получили. Неудовлетворенная алчность наемных солдат, стремление беглых рабов сохранить свою свободу, а ливийцев — избавиться от карфагенского господства — все эти факторы привели к дальнейшему росту возмущения в лагере. На солдатских сходках теперь слушали только Спендия

и Матоса и не давали говорить другим — тем, кто предостерегал против восстания.

Все попытки Гисгона парализовать влияние Спендия и Матоса не имели успеха. И он не выдержал. Когда в очередной раз ливийцы потребовали, чтобы он явился к ним и выдал деньги, Гисгон воскликнул: «Пусть ливийцы требуют жалованья у своего предводителя Матоса!». Эти слова привели толпу в ярость; бросившись на карфагенян, ливийцы арестовали Гисгона и его спутников, разграбили деньги. Теперь какое-либо мирное урегулирование спора между Карфагеном и его наемниками стало невозможным.

Перейдя в фазу вооруженного конфликта, восстание, начатое наемниками, постепенно стало утрачивать черты солдатского бунта, превращаясь в мощное движение угнетенных против угнетателей. Заслуживают внимания слова Аппиана [А п п . , Сиц., 2] из Карфагена. Однако самым существенным было другое: Матос и его соратники обратились к ливийским городам с призывом бороться за свою свободу и помочь восставшим. Их голос был услышан. В лагерь у Тунета отовсюду потянулись отряды ливийских воинов; со всех сторон посылали продовольствие и другие припасы. Энтузиазм был настолько велик, что люди жертвовали для победы все свое имущество и даже женские украшения. В руках Матоса и Спендия оказались огромные деньги; они не только уплатили своим товарищам жалованье, но и сохранили значительные средства на будущее. Всего в армию влилось, по словам Полибия [1, 73, 3], около 70000 ливийцев. Солдатский бунт наемников превращался в народно-освободительную войну — Ливийскую войну, как ее называют источники.

Разделив свои силы на две части, повстанцы осадили крупнейшие пунийские города в непосредственной близости от Карфагена — Утику и Гиппон Царский (в греческих источниках — Гиппакрит), отрезав тем самым Карфаген от Африканского материка. В городе шла лихорадочная подготовка к войне: поспешно собирали новые наемные войска, мобилизовали граждан, обучали всадников, заново оснащали боевые корабли. Командующим пунийской армией стал Ганнон, тот самый, который так неудачно вел переговоры с мятежными солдатами в самом начале бунта.

Ганнон с войсками (имея, между прочим, более 100 боевых слонов) двинулся к Утике и, получив из Утики катапульты и другое тяжелое вооружение, пошел на приступ лагеря мятежников. Слоны прорвали линию обороны, и повстанцы бежали, закрепившись неподалеку на холме. И в этот момент Ганнон, не позаботившись о закреплении победы, об организации лагеря и обороны, о наведении элементарного порядка среди победителей, удалился в Утику на отдых, а его солдаты разбрелись по местности. Повстанцы воспользовались такой беспечностью, напали на них, многих убили, еще больше обратили в бегство и захватили весь обоз Ганнона вместе с вооружением, полученным из Утики. Несколько дней спустя вблизи Горзы Ганнон опять упустил возможность разгромить противника. Полибий объясняет его

поведение тем, что он привык воевать с ливийцами, которые, потерпев поражение, обращались в бегство и отказывались от продолжения борьбы. А между тем Ганнон имел дело с опытными воинами, привыкшими после отступления переходить в контратаку и вырывать победу из рук неприятеля.

В этой ситуации командование новыми контингентами пунийских войск было передано Гамилькару Барке. В его распоряжении находились 70 боевых слонов и около 10 000 воинов — новые наемники, перебежчики из лагеря повстанцев, всадники и пехотинцы гражданского ополчения.

К началу операции обстановка складывалась следующим образом. Все три дороги, ведущие из Карфагена через труднопроходимые холмы (они отделяют полуостров, на котором расположен город, от материка) в глубь Ливий, были перерезаны отрядами повстанцев, которыми командовал Матос. Его люди заняли и мост через р. Баграда, построив там небольшое укрепление. Выбраться из этого кольца, а тем более остаться незамеченным казалось невозможным не только крупному воинскому соединению, но даже в одиночку. Однако Гамилькар избрал другой путь — через никем не охранявшееся устье Баграды; время от времени ветер наносил туда песок, и тогда можно было переправиться вброд. Дождавшись благоприятного момента, глубокой ночью Гамилькар вывел свои войска из города, а на рассвете, неожиданно не только для противника, но и для своих сограждан, оказался на другом берегу. Теперь он направился к мосту через Багради, рассчитывая овладеть этим стратегически важным пунктом.

Ответные действия Спендия и Матоса были хорошо продуманы, хотя им и не удалось выиграть этого важного боя. Одна группа повстанцев (не менее 10 000) двинулась от моста навстречу Гамилькару, тогда как другая (более 15 000) начала наступление от Утики. И те и другие шли на соединение, имея в виду окружить армию Гамилькара и уничтожить ее в рукопашной схватке. Внезапно Гамилькар так резко изменил направление движения, что его слоны и всадники оказались в тылу у врага. В последовавшем затем беспорядочном бою погибли около 6000 ливийцев и наемников, а около 2000 попали в плен. Остальные бежали: одни — в сторону Утики, другие — в укрепление у моста, а оттуда в Тунет. Захватив мост вместе с укреплением, Гамилькар установил свое господство на всей территории, непосредственно примыкающей к Карфагену.

Тяжелое поражение не обескуражило повстанцев. Матос, сосредоточивший свое внимание на осаде Гиппона Царского, решил избегать решающего сражения. Он предложил Спендию и действовавшему вместе с последним Автариту, предводителю наемников галльского происхождения, двигаться параллельно Гамилькару и при этом держаться горных местностей, чтобы сделать невозможным использование слонов и кавалерии. Они должны были изматывать противника постоянными атаками. Кроме того, Матос обратился снова к ливийцам и нумидийским племенам за

помощью и получил ее. Когда Гамилькар расположился в одной из долин, поблизости от него с фронта появился лагерь ливийцев, в тылу заняли позиции нумидийцы, а на одном из флангов — Спендий. Гамилькар очутился в западне.

В этот момент, когда гибель карфагенских войск казалась неминуемой, обнаружилось, что Матос допустил серьезную ошибку, приняв помощь нумидийской аристократии, вовсе не заинтересованной в поражении Карфагена. Один из нумидийских аристократов, Наравас, перешел на сторону Гамилькара и привел в его лагерь отряд численностью около 2000 человек, Ожидания Нараваса оправдались с избытком: карфагенский военачальник обещал выдать за него замуж свою дочь. Измена позволила Гамилькару победить и на этот раз. Автарит и Спендий бежали, около 10 000 их воинов погибли и почти 4000 попали в плен.

Вопреки ожиданиям Гамилькар отнесся к военнопленным в высшей степени миролюбиво. Вместо казней и расправ он позволил желавшим снова поступить на карфагенскую службу, а остальных отпустил кто куда пожелает. Чтобы парализовать воздействие этой политики Гамилькара, Матос, Спендий и Автарит организовали мучительную казнь Гисгона и его коллег, находившихся в руках повстанцев, и вопреки обычаям своего времени отказались выдать их тела для погребения. Более того, посланникам карфагенских властей они объявили, что в дальнейшем все пунийцы, которые попадут в плен к повстанцам, будут преданы смерти. Связав, таким образом, мятежников круговой порукой, Матос, Спендий и Автарит рассчитывали заставить своих воинов добиваться победы во что бы то ни стало, отказавшись от всяких надежд на примирение с карфагенянами.

Поставленные перед угрозой войны на уничтожение, Гамилькар и Ганнон по требованию совета объединили свои армии, «забыв» до лучших времен о взаимной вражде. Однако пунийские военачальники не смогли договориться между собой. Их постоянные конфликты парализовали армию. В конце концов карфагенское правительство было вынуждено предложить одному из них по выбору солдат покинуть войска. Предпочтение было оказано Гамилькару; Ганнон удалился от дел. Этим актом независимо от того, насколько он был целесообразен, правительство создало опасный для себя прецедент: мы увидим далее, что армия накануне новой войны с Римом провозглашала своих командиров, заставляя позже законные органы власти санкционировать свои решения. Вероятно, именно теперь Гамилькар почувствовал себя не столько карфагенским магистратом, сколько солдатским вождем. Именно теперь он научился рассчитывать исключительно (или почти исключительно) на своих воинов, хотя и не отказывался от поддержки демократических кругов.

Как бы то ни было, Гамилькар остался один. На жестокость он решил ответить жестокостью, убивая пленных и бросая их на растерзание диким зверям.

Между тем, пока воюющие стороны соревновались в кровавых расправах, в Гиппоне и Утике пришли к власти силы, враждебные Карфагену; важнейшие города

на средиземноморском побережье Африки, лежавшие в непосредственной близости от Карфагена, древнейшие финикийские колонии, старые «союзники» присоединились к восстанию. Уника даже обратилась к Риму с просьбой принять ее в систему римских союзов; если бы Рим воспользовался этим предложением, его африканская провинция, несомненно, была бы создана примерно на сто лет раньше.

Однако пунийцы сумели преодолеть грозную опасность. Из Карфагена к Гамилькару Барке пробился воинский отряд под командованием некоего Ганнибала. Своими рейдами Гамилькар, Ганнибал и Наравас парализовали доставку продовольствия в лагерь Спендия и Матоса и заставили их уйти от Карфагена.

Значительную помощь Карфагену в этот момент оказали сиракузский тиран Гиерон и Рим. Последний организовал снабжение пунийцев продовольствием. Он отклонил предложение Утики и тем самым отказался от блестящей возможности закрепиться на североафриканском побережье. Нам неизвестно, какими мотивами руководствовалось римское правительство, совершая такой исключительный поступок. Вероятнее всего, оно просто еще не считало себя достаточно сильным, чтобы вмешиваться в североафриканские дела.

После того как непосредственная угроза Карфагену была ликвидирована, восстание вступило в новую фазу. Измотав силы противника в крупных и мелких столкновениях, Гамилькар добился того, что повстанцы разделились: одна их часть под командованием Матоса обосновалась в Тунете, а другая, которую возглавляли Автарит и Спендий (около 40000), — в местности Прион. Именно там их и осадил Гамилькар.

Сравнительно быстро среди осажденных начался голод, дело дошло до людоедства. Отчаявшись получить помощь от Матоса, Автарит и Спендий решили вступить в переговоры с Гамилькаром. Последний выдвинул такое условие: карфагеняне выберут по своему усмотрению из числа бунтовщиков и накажут десять человек, а остальные получат возможность уйти куда захотят, но безоружными. Что же оставалось делать? У Автарита и Спендия не было выхода: они приняли требование Гамилькара. Сразу же пунийский военачальник объявил, что он выбирает тех, с кем ведет переговоры; в его руках оказалось все командование осажденного повстанческого лагеря. Мятежные ливийцы, ничего не зная об условиях мира и видя только, что их начальники арестованы, бросились к оружию, но были уничтожены.

Теперь в Ливии остался только один повстанческий лагерь — в Тунете. Отряды Гамилькара, Ганнибала и Нараваса принуждали ливийские города один за другим складывать оружие и прекращать сопротивление, а затем осадили в Тунете Матоса. С одной стороны расположился лагерем Ганнибал, а с противоположной — Гамилькар. Чтобы напугать Матоса и его солдат, Гамилькар приказал распять Спендия и его товарищей на крестах с тем расчетом, чтобы неприятель мог эту казнь видеть. Однако Гамилькар не добился цели: смелой вылазкой Матос разгромил стоянку Ган-

нибала, самого Ганнибала взял в плен и после изощренных мучений распял на том самом кресте, на котором совсем недавно погиб Спендий. Барка отступил от Тунета и расположился лагерем при впадении Баграды в Средиземное море.

Перед карфагенянами снова возникли прежние проблемы: нужно было создавать дополнительные военные контингенты, назначать новых командиров, разрабатывать новые планы боевых операций. С большими усилиями специальным делегациям карфагенского совета удалось еще раз добиться временного по крайней мере примирения Ганнона (который опять получил командование над значительными воинскими подразделениями) с Гамилькаром Баркой; они повели совместные и согласованные боевые действия. После ряда столкновений в большом сражении, подробности которого неизвестны, ливийцы и наемники были разбиты, а сам Матос попал в плен. Позже карфагеняне забили его до смерти на улицах города во время триумфального шествия карфагенской армии. Гиппон и Утика, осажденные Ганноном и Гамилькаром, капитулировали.

Так закончилось потрясшее Карфагенскую державу восстание наемных солдат, беглых рабов и ливийских крестьян, продолжавшееся более трех лет (241-239 гг.)[34]. В этот момент Ганнибалу, сыну Гамилькара Барки, было около семи лет.

После того как в африканских владениях Карфагена воцарился мир, Гамилькар Барка получил возможность сосредоточиться на том, что он считал самым важным, — на подготовке войны против Рима, на создании плацдарма, откуда войну можно было бы вести. Два года ушло у него на то, чтобы, постепенно расширяя сферу пунийского господства в Африке, превратить все африканское побережье Западного Средиземноморья в область, подвластную Карфагену [Корн. Неп., Гам., 2, 5].

Одновременно Гамилькар Барка укрепил свое положение внутри города. Хотя до нас дошли только слабые отзвуки сведений о политических конфликтах, разразившихся в Карфагене сразу же после ликвидации восстания, они показывают, что борьба, очевидно, между сторонниками Ганнона и Гамилькара — в конечном счете между сторонниками мирной политики и теми, кто стремился к войне с Римом, — достигла исключительного напряжения. Враги привлекли Гамилькара к суду как виновника бедствий отечества [Аппиан, Исп., 4]. Однако Гамилькар сумел добиться поддержки народных масс, чему в немалой степени способствовал брак одной из его дочерей с вождем демократического движения Гасдрубалом [там же; ср.

[34] Основным источником по истории Ливийской войны является повествование Полибия [1, 66-68]. Важные подробности, восходящие, по-видимому, к самостоятельной традиции, сообщает Аппиан [Сиц., 2]. Сведения Корнелия Непота [Гам., 2] и Диодора [25, 2-6] восходят, насколько об этом можно судить, к Полибию. О социальной природе Ливийской войны см.: *Машкин Н. А.* Последний век пунического Карфагена // ВДИ. 1949. № 2; *Ельницкий Л. А.* Возникновение. .. С. 211-217.

у Диодора, 25, 8]. Более того, Гамилькар снова привлек на свою сторону армию [Апп., Ганниб., 2]. В результате его политические противники были парализованы, а он сам получил возможность действовать без формального волеизъявления карфагенских властей [там же][35], приобретя, таким образом, совершенно исключительное положение. Казалось, возвращаются времена военной диктатуры Магонидов.

В 237 г. Гамилькар Барка решил перенести свою деятельность в Испанию. Принося жертвы перед началом похода, он обратился к сыну с вопросом: не хочет ли тот сопровождать его на Пиренейский полуостров. И услышав в ответ «да», подвел Ганнибала к алтарю и заставил его поклясться в вечной ненависти к Риму. Это событие навсегда запечатлелось в памяти будущего полководца. Много лет спустя при дворе сирийского царя Антиоха III он встретился с римлянами, которые всячески ухаживали за своим недавним противником, отличали его и делали все, чтобы Антиох заподозрил измену. Тогда-то Ганнибал рассказал недоверчивому царю о клятве далекого детства [Полибий, 3, 11; Корн. Неп., Ганниб., 2, 1-6; Ливий, 35, 19].

Внезапно детство кончилось. В воинских лагерях, в походах против врагов должен был получить закалку сын Гамилькара Барки — сподвижник отца и наследник его замыслов.

Глава вторая

ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ. ПОХОД В ИТАЛИЮ

I

Гамилькар Барка не случайно обратился именно к Испании. Еще в глубокой древности, в конце II тысячелетия, эта страна была объектом интенсивной колонизаторской и торговой деятельности финикиян. В конце II — начале I тысячелетия они основали на юге полуострова целый ряд больших городов и среди них такие крупные торгово-ремесленные центры, как Гадес, Малака, Секси и некоторые другие. Объединившись в ходе ожесточенной борьбы против Тартесса и греческой колонизации Пиренейского полуострова, они сравнительно рано вынуждены были признать вер-

[35] А. В. Мишулин, конечно, прав, когда пишет, что, вопреки мнению Фабия Пиктора, поход Гамилькара в Испанию был делом общегосударственного значения. Тем не менее едва ли с ним можно согласиться, когда он говорит *(Мишулин А. В.* Античная Испания. М., 1952. С. 272), будто сведения Тита Ливия о борьбе партий в Карфагене не соответствуют действительности: в нашем распоряжении нет материалов, которые опровергали бы данные римской традиции.

ховенство Карфагена. Понятно, что при таких связях, уходящих в глубокую древность, именно Испания была наиболее удобным плацдармом для организации похода в Италию, если, конечно, допустить, что уже Барка решил вторгнуться на Апеннинский полуостров с севера. Если бы такое предположение оказалось правильным, можно было бы думать, что впоследствии Ганнибал действовал в соответствии со стратегическим замыслом своего отца, о котором, конечно, хорошо знал. Впрочем, другая возможность для Барки и его преемников, видимо, исключалась: во время ливийского восстания 241-239 гг. Рим, воспользовавшись затруднениями Карфагена, захватил Сардинию, перекрыв тем самым все морские подступы к Центральной Италии.

К сожалению, мы располагаем очень неполными сведениями о деятельности Гамилькара на Пиренейском полуострове. Полибий [2, 1, 5-9] ограничился кратким замечанием: в течение девяти лет он непрерывно расширял сферу карфагенского господства в Испании, ведя войны и переговоры, пока не погиб в бою [ср. у Ливия, 21, 2, 1-2; Корн. Неп., Гам., 4, 1; Юстин, 44, 5, 4]. Дополнительная информация, сохранившаяся у Аппиана и Диодора, позволяет выявить лишь наиболее существенные подробности.

Высадился Гамилькар в Гадесе; ареной его боевых операций против турдетанов и бастулов, действовавших в союзе с кельтами, была долина р. Гвадалквивир [Диодор, 26, 10, 1][36]. Там ему удалось одержать важную победу; в сражении были убиты вожди кельтов Истолатий и его брат, имени которого источник не называет. Стремясь привлечь на свою сторону недавних противников (как сказано выше, подобную политику он проводил и в 241-239 гг.), Гамилькар включил в свою армию 3000 пленных вражеских воинов. Эту линию поведения восприняли и после смерти Гамилькара его преемники по командованию карфагенскими войсками в Испании.

Попытку возобновить сопротивление пунийскому нашествию вскоре предпринял один из иберийских вождей, Индорт, собравший ополчение в 50 000 человек. До сражения, однако, дело не дошло: Индорт бежал и в конце концов попал в руки неприятеля. Многие его воины погибли, а тех, кого карфагеняне сумели захватить, Гамилькар отпустил на все четыре стороны. Только Индорта, желая запугать возможных противников и предотвратить возникновение новых конфликтов, Гамилькар приказал ослепить и затем распять [Диодор, 25, 10, 1-2].

Ограбление Испании доставило Гамилькару Барке громадную добычу. Она использовалась для раздач воинам; она посылалась и в Карфаген для того, чтобы упрочить его популярность среди карфагенского плебса: часть добычи Гамилькар

[36] **См.: *Gsell St.* HAAN, III. P. 130. По мнению О. Мельтцера *(Meltzer O.* GK, II. P. 401), сведения Диодора, первоисточник которых не ясен, едва ли достоверны, однако данными, которые бы их опровергли, мы не располагаем.**

раздавал своим сторонникам [А п п . , Исп., 5; Корн. Неп., Гам., 4, 1; Корн. Неп., Ганниб., 2]. Гамилькару удалось прочно закрепиться на юге Пиренейского полуострова и подготовить расширение карфагенского господства в Испании. Имея в виду эту же цель, Гамилькар продолжил еще одно направление пунийской политики в интересовавшем его районе—-колонизацию, основав здесь крупный город, названный (до нас это наименование дошло в греческой передаче) Акра Левке 'Белая крепость', или 'Белый холм' [Диодор, 25, 10, 3].

Действия Барки вызвали естественное беспокойство греческих колоний на Пиренейском полуострове. Они почувствовали угрозу своей самостоятельности и обратились за защитой к Риму, который получил желанный повод вмешаться в испанские дела. По свидетельству Аппиана [Апп., Ганниб., 2], уже при жизни Гамилькара состоялись переговоры между Римом и Карфагеном, и между ними были разделены сферы влияния (южная — пунийская, северная — римская), а их границей признавалась река Ибер. Оказавшись, таким образом, между молотом и наковальней, греческие города так или иначе были вынуждены поступиться своей политической самостоятельностью — на этот раз в пользу Рима. Власть последнего, очевидно, не казалась им столь обременительной, как господство наемной солдатни под водительством хотя бы и Гамилькара Барки. И все же Барка имел все основания быть довольным исходом переговоров: он не только не должен был отказаться от сделанных им приобретений, но, наоборот, получил возможность расширять свою территорию, не опасаясь, по крайней мере на первых порах, римского вмешательства.

Пока целью, которую Гамилькар наметил для себя, стал город Гелика. Первоначально его осада складывалась благоприятно для пунийцев, и их командующий решил отправить большую часть своей армии и слонов на зимовку в Акра Левке. Но в этот момент «царь» племени ориссов, связанный, как казалось, дружескими отношениями с Гамилькаром, неожиданно пришел на помощь Гелике, и пунийцы, не выдержав его удара, обратились в бегство. Возникла непосредственная опасность для сыновей Гамилькара, находившихся в боевых порядках, и, для того чтобы ее ликвидировать, Гамилькар принял основной удар на себя; преследуемый противниками, он утонул в реке, а дети тем временем были доставлены в Акра Левке [Диодор, 25, 10, 3-4][37].

Едва известие о гибели Гамилькара дошло в Акра Левке, верховное командование пунийскими войсками взял на себя его зять Гасдрубал — в тот момент капитан одного из кораблей [Полибий, 2, 1, 9].

[37] Другую версию см. у Аппиана и Зонары [А п п . , Исп., 5; Зонара, 8, 19]. Тит Ливий, по-видимому, ошибочно считает местом гибели Гамилькара Акра Левке (Castrum Album). По словам Корнелия Непота [Гам., 4, 2], Гамилькар погиб в сражении против веттонов. Нам представляется наиболее достоверной версия Диодора, так как она наиболее точно соответствует ходу предшествующих событий, насколько они нам известны.

Для нас представляет определенный интерес вопрос о том, как Гасдрубал пришел к власти. По словам Полибия [2, 1, 9; ср. у Апп., Исп., 6], должность командующего ему «передали» карфагеняне, однако подобное слишком общее указание не позволяет раскрыть существа дела. До известной степени его проясняет повествование Тита Ливия [21, 2, 3-4]: будучи зятем Гамилькара, Гасдрубал получил свое положение благодаря влиянию баркидской «партии», особенно значительному среди воинов и городского плебса, вопреки желанию (и, надо полагать, при сопротивлении) карфагенской аристократии. Важное дополнение к этому находим у Диодора [25, 12]: Гасдрубала провозгласили стратегом «народ» и карфагеняне. Очевидно, под «народом» источник Диодора имел в виду демократические круги населения Карфагена. Исходя из всего изложенного, ход событий можно представить себе следующим образом: Гасдрубал, один из руководителей демократического движения в Карфагене, после внезапной смерти тестя оказался главой баркидской «партии»; получив власть из рук солдат, фактически возглавив армию, он сумел, опираясь на своих приверженцев в народе и на сторонников баркидской политики, добиться своего официального утверждения. По существу же, Гасдрубал приобрел то положение военного диктатора, к которому стремился и которым — на территории Испании — обладал Гамилькар.

К этому времени Ганнибалу исполнилось семнадцать лет. Судя по дальнейшим событиям, после гибели отца он вместе с братьями покинул Испанию и вернулся в Карфаген. Обстановка военного лагеря, участие в походах, наблюдения за дипломатической деятельностью отца и зятя, несомненно, оказали решающее воздействие на его формирование как полководца государственного деятеля. Воинские доблести Ганнибала, о которых говорит Тит Ливий [21, 4, 3-8], — храбрость, осмотрительность, выдержка, неутомимость, неприхотливость — все они сложились, конечно, под непосредственным влиянием Гамилькара. Вряд ли можно сомневаться и в том, что именно отцу Ганнибал был обязан и своим незаурядным образованием, в том числе знанием греческого языка и литературы, умением писать по-гречески. Насколько принципиальным был этот шаг Гамилькара Барки (приобщение детей к эллинской культуре), видно из того, что он был сделан вопреки старинному закону, запрещавшему изучать греческий язык [Юстин, 20, 5, 13]. Переступая через давнее установление, которое должно было отгородить пунийцев от исконного врага — Сиракуз, а фактически изолировало их от окружающего мира, Гамилькар не только стремился подготовить своих детей, прежде всего Ганнибала, к активной политической деятельности в будущем. Он хотел подчеркнуть свое стремление ввести Карфаген в эллинистический (греческий и грецизированный) мир — и не как чужеродное явление, но как органическую часть — и обеспечить ему поддержку и сочувствие греков в предстоящей борьбе с римскими «варварами».

Мы не знаем причин, заставивших Ганнибала покинуть Испанию. Не исключено, что Гасдрубал проявлял заботу о братьях своей жены. Возможно также, что он желал, хотя бы на короткое время, избавиться от опасного и неустранимого претендента на власть. Как бы то ни было, ближайшие пять лет Ганнибал провел в Карфагене, очевидно, внимательно приглядываясь к политической жизни на родине. Однако уже в 224 г. Ганнибал возвратился в Испанию и здесь начал проходить воинскую службу под руководством зятя, командуя всадниками.

Между тем Гасдрубал собрал в Акра Левке значительные силы — 200 слонов, 50000 опытных пехотинцев и 6000 всадников. Обратившись прежде всего против ориссов, он разгромил их и, как говорит Диодор [25, 12], перебил всех, кто был виноват в поражении и гибели Гамилькара. Гасдрубал подчинил себе 12 орисских городов, а также некоторые другие города Испании.

Важнейшим политическим актом Гасдрубала, которым он еще более, чем другими своими действиями, продолжил политику Гамилькара, было основание на пиренейском берегу Средиземного моря Нового Карфагена. Этому городу, расположенному на берегу удобного залива и окруженному цепью неприступных холмов, повезло больше, чем Акра Левке: если последний, насколько об этом можно судить, всегда оставался заштатным городом и с Гадесом соперничать не мог, то Новый Карфаген сразу же превратился в административный центр пунийских владений в Испании и в один из важнейших торговых центров всего Западного Средиземноморья [ср. у Полибия, 10, 10].

Постепенно, действуя главным образом мирными средствами, устанавливая с вождями иберийских племен отношения дружбы и гостеприимства [Ливий, 21, 2, 5], Гасдрубал подготовил основу для создания пунийского господства на Пиренейском полуострове. В особенности важными были отношения гостеприимства: они предполагали и тесный союз, и взаимную помощь против общего врага, и в случае необходимости обеспечение безопасности пунийцев на территории данного племени. Гасдрубал даже женился (видимо, после смерти дочери Гамилькара) на дочери одного из иберийских вождей [Диодор, 25, 12].

Политические успехи Гасдрубала вызвали беспокойство в Риме. Более непосредственная угроза галльского нашествия с севера лишала римлян возможности осуществить прямое военное вмешательство в дела Испании [Полибий, 2, 13, 5]; тем не менее римляне были кровно заинтересованы в нейтрализации опасного врага, который мог к тому же стать союзником галлов.

Очевидно, еще больше заинтересованы были во вмешательстве римлян греческие колонии на восточном берегу Пиренейского полуострова, а также Массилия, для которых продвижение Гасдрубала на север означало смертельную угрозу. Не исключено, что именно дипломатия Массилии особенно активно побуждала римское

правительство остановить экспансию Баркидов. Наши источники сообщают о договоре, который специальное римское посольство заключило с Гасдрубалом, имея в виду, насколько об этом можно судить, подтвердить достигнутое ранее соглашение с Гамилькаром и не допустить расширения карфагенской зоны в Испании.

Сведения об этом договоре, которые сохранила античная традиция, не отличаются единогласием. Полибий [2, 13, 7] пишет: «Поэтому-то (то есть вследствие галльской угрозы. — *И. К.)* заключили договор, в котором, умалчивая об остальной Испании, устанавливали, что не должны карфагеняне переходить реку, именуемую Ибером, ради войны». Текст Ливия [21, 2, 7] существенно отличается от слов Полибия: «С этим Гасдрубалом <...> римский народ возобновил союз, с тем чтобы границей власти тех и других была река Ибер, а сагунтинцам, расположенным посередине (то есть, очевидно, между Ибером и мысом Нао, прежней границей карфагенского господства. — *И. К.),* между сферами господства обоих народов, сохранялась свобода». В рассказе Ливия обращает на себя внимание прежде всего фраза о возобновлении союза, явно подразумевающая существование более раннего договора с Гамилькаром. Полибий ведет свой рассказ так, как если бы подобного договора не существовало. Ливий ясно говорит о разграничении между римлянами и карфагенянами, тогда как Полибий сообщает только об ограничении области возможного пунийского господства. Слова Полибия: «умалчивая об остальной Испании» — исключают указание Ливия: «чтобы границей власти тех и других была река Ибер», а также имеющуюся у него клаузулу о политическом статусе Сагунта. Очевидно, в данном случае Ливий воспользовался источником, не зависящим от Полибия; вероятнее всего, он воспроизводит версию Катона [см. фрагм., 84], который причиной II Пунической войны объявлял нарушение договора (имеется в виду осада Ганнибалом Сагунта). Рассказ Катона имеет, разумеется, свою политическую тенденцию: он должен был обосновать позицию самого Катона и стоявшей за ним сенатской группировки после II Пунической войны, их требование разрушить Карфаген. К ливианской традиции восходят сообщения Аппиана [Апп., Исп., 7; Апп., Ганниб., 2; Апп., Лив., 6], однако этот писатель располагает Сагунт между Ибером и Пиренейскими горами, допуская существенную географическую ошибку. По словам Аппиана [см. в особенности: Апп., Исп., 7], договор, ограничивающий карфагенскую экспансию на север Пиренейского полуострова, римляне заключили после того, как к ним обратились за поддержкой тамошние греческие города, прежде всего Сагунт, опасавшийся Гасдрубала. В этом сообщении Аппиана нет ничего неправдоподобного; оно показывает только, что на Пиренейском полуострове теперь, как и прежде, имелись проримские элементы. Интересно, однако, содержание договора в изложении

[38] ***Kramer F. R.*** **Massilian Diplomacy before the Second Punic War // American Journal of Philology>. 1948. Vol. 69. N1. P. 1-26.**

Аппиана: северной границей области карфагенского господства объявлялась река Ибер; римляне обязывались не вести войну к югу от нее; Сагунт и другие греческие полисы объявлялись свободными и автономными[39].

Вопрос о содержании договора римских властей с Гасдрубалом и, следовательно, о достоверности той или иной версии смыкается, таким образом, с другим — об исторической ответственности Рима и Карфагена (представленного в данном случае Гасдрубалом и Ганнибалом) за развязывание войны.

Специальную работу посвятил этой проблеме В. Отто. Он вообще не считал, что Гамилькар Барка стремился к реваншу[40], цель Барки была — закрепить позиции Карфагена в Испании, создав тем самым новую базу карфагенского могущества. Между тем Рим начинает интересоваться делами на западе Средиземноморского бассейна и заключает союз с Сагунтом, направленный прямо против Карфагена, имеющий целью остановить продвижение последнего на север. Что же касается интересующего нас договора, то в нем должна была иметься клаузула, содержавшая ответное обязательство Рима не переходить с военными целями через Ибер. Карфаген не признавал Сагунт, находившийся в сфере его господства, римским союзником, тогда как Рим явно вопреки договору настаивал на этом. Действия Ганнибала, осаждавшего и разгромившего Сагунт, не противоречили соглашению о разделе сфер господства и, следовательно, не были направлены против Рима. Обвинения последнего в адрес карфагенского полководца и правительства были неправомерными. В связи с этим заслуживает внимания интересное предположение В. Пирогова, согласно которому наряду с вариантом Полибия существовал римский, несомненно, подложный, вариант договора, в который была включена статья о Сагунте; этот подлог, по мысли В. Пирогова, нужен был сенату для того, чтобы заглушить недовольство в Риме и перспективой войны, и неудовлетворительной, с римской точки зрения, редакцией договора[41]. О.Гильберт думал, что договор между Гасдрубалом и римской администрацией предусматривал полную нейтрализацию Сагунта и невмешательство со стороны Рима и Карфагена в его дела; в такой ситуации превращение Сагунта в римского союзника должно рассматриваться как заведомое нарушение сенатом одного из условий соглашения (сообщение Полибия О. Гильберт рассматривает как проримскую фальсификацию, поскольку здесь о нейтрализации

[39] **Основываясь на этом, В. Пирогов (Исследования по римской истории преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878 (далее — *Пирогов В.* Исследования... С. 27)) думал, что Сагунт, которому гарантировалась только политическая независимость, не был союзником Рима. Это точка зрения, не поддающаяся проверке. Гарантии, о которых пишет Аппиан, не исключают союзнических отношений.**

[40] ***Otto W.*** **Eine antike Kriegsschuldfrage. Die Vorgeschichte des 2. Punischen Krieges, Historische Zeitschrift. Bd 145. 1931. S. 489-516. Здесь В. Отто расходится с единодушными показаниями античной историографии.**

[41] ***Пирогов В.*** **Исследования... С. 21-29.**

Сагунта речи нет)[42]. По мнению В. Кольбе[43], в роли агрессора выступал Карфаген; вину Карфагена он видит в том, что последний отказывался признавать договор Гасдрубала документом, накладывающим определенные политические обязательства на государство в целом. М. Гельцер полагает, что в договоре об Ибере положение Сагунта, уже бывшего, по всей вероятности, римским союзником, не определено; речь шла тогда только о том, чтобы предотвратить контакты Гасдрубала с галлами «по сю сторону Альп»[44]. Если бы римляне могли из этого договора, отмечает он, извлечь материал для того, чтобы обвинить Карфаген в нарушении обязательств, они совершили бы непостижимую глупость, не ссылаясь на него (у Полибия именно так!)[45]. Отсюда должно следовать, что позже, осаждая Сагунт, Ганнибал не нарушал договорных обязательств.

В исследовании на эту тему, принадлежащем перу Ж. Каркопино[46], выдвинута парадоксальная точка зрения: наряду с Большим Ибером (Эбро в 160 км севернее Сагунта) должен был существовать южнее этого города другой Ибер — между Валенсией и мысом Нао; его Ж. Каркопино отождествляет с р. Хукар (обычное название у древних авторов — Сукро). В интересующем нас договоре имелся в виду именно этот — Малый Ибер; таким образом, Сагунт находился в сфере римского господства, его безопасность обеспечивалась соглашениями, и, напав на него, Ганнибал развязал войну против Рима. Ф. У. Уолбэнк в своем комментарии к сочинению Полибия не приходит к определенному заключению, хотя и резко высказывается против концепции Каркопино[47]. По его мнению, трудно представить себе, чтобы римляне не были связаны аналогичной клаузулой (запрещение перехода через Ибер); однако договор выглядит как уступка Карфагену, признающая то, что произошло или должно было произойти к югу от Ибера. Заключенный между Гасдрубалом и сенатской комиссией, он, видимо, был ратифицирован в Риме, а в Карфагене не был[48];

[42] ***Gilbert O.*** **Rom und Karthago in ihren gegenseitigen Beziehungen 513-536 u.c. (241-218 v. Chr.). Leipzig, 1876.**

[43] ***Kolbe W.*** **Die Kriegsschuldfrage von 218 v. Chr. Geb., Heidelberg, 1934.**

[44] ***Gelzer M.*** **Der Rassengegensatz als geschichtlicher Faktor beim Ausbruch der romisch-karthagischen Kriege, Rom und Karthago. Leipzig, 1943. S. 189; ср.: *Gelzer M.* Kleine Schriften. Bd. II. Wiesbaden, 1963. S. 31. Курьезно, что дальше (Rom und Karthago. С. 191) он «объясняет» отрицательное отношение римлян к некоторым чертам пунийского характера тем, что римляне не могли сравняться с карфагенянами в умении доказать свою непричастность к развязыванию войны.**

[45] ***Gelzer M.*** **Kleine Schriften. Bd III. Wiesbaden, 1964. P. 87. М. Гельцер различает в рассказе Полибия отражение двух версий: Катона (Ганнибал перешел через Ибер до объявления войны) и Фабия Пиктора, стремящегося оправдать позицию сената в вопросе об оказании помощи Сагунту.**

[46] ***Carcopino J.*** **La traite d'Hasrubal et la responsabilite de la de uxieme guerre punique // Revue des etudes anciennes. Vol. 55. 1953. P. 258-293.**

[47] ***Walbank F. W.*** **A Historical Commentary on Polibius. P. 168- 172.**

[48] **Аналогичную точку зрения см.: *Drachmann A. B.* Sagunt und die Ebro-Grenze in den Verhandlungen zwischen Rom und Karthago 220-18. Kobenhavn, 1920.**

возможно, Баркиды имели право заключать местные соглашения. Если союз Рима с Сагунтом был заключен после подписания договора, то последний был нарушен Римом, если же до — неясно, в каком отношении союз с Сагунтом находился к договору между Римом и Гасдрубалом. Заметим здесь же от себя, что ответ на последний вопрос дает редакция договора у Тита Ливия, однако, по общему мнению, она представляет собою анналистическую фальсификацию[49]. Остроумную теорию выдвинул в связи с этим Э. Бикерман[50]. Подробно исследовав соглашение между Ганнибалом и македонским царем Филиппом V (об этом см. далее), Э. Бикерман пришел к выводу, что, как и последнее, договор об Эбро представлял собой одностороннюю личную клятву Гасдрубала (так называемый *берит* 'завет'), которая не связывала, по пунийский, а в конечном счете по общефиникийским представлениям, ни его возможных преемников, ни власти Карфагена. Наконец, И. И. Вейцковский исходит из того, что договор разделял сферы возможной экспансии Карфагена и Рима; римляне нарушили его, вмешавшись во внутренние дела Сагунта[51]. Очевидно, впредь до обнаружения новых источников вопрос о содержании договора между Гасдрубалом и Римом будет оставаться, по меткому выражению Ж. Каркопино, «своего рода прокрустовым ложем», на котором пытают тексты, получая в результате противоречивые и неприемлемые выводы. К сожалению, и сам Ж. Каркопино не избежал такого соблазна.

С нашей точки зрения, вопрос об исторической вине той или иной стороны в развязывании II Пунической войны в том виде, как его представили В. Отто и Ж. Каркопино, вообще лишен смысла. Все действия Гамилькара Барки и Гасдрубала показывают, что они готовили в Испании плацдарм для ведения войны против Рима; в свою очередь, Рим не мог не стремиться к тому, чтобы сначала остановить карфагенскую экспансию, а затем сокрушить карфагенское могущество в странах Средиземноморья. После окончания I Пунической войны логика событий неизбежно влекла обоих противников к новому столкновению, и в этом отношении и тот и другой выступали в роли агрессора, а договор, о котором идет речь, был не более чем временной попыткой урегулирования. Само собой разумеется, что лишена всякого основания попытка Ж. Каркопино установить существование еще одного Ибера — южнее Сагунта. Едва ли можно считать доказанной и концепцию, согласно которой текст Тита Ливия представляет собой не более чем фальсификацию, сложившуюся в патриотически настроенной римской историографии. Он, во всяком случае, больше соответствует последующему развитию событий, чем текст Полибия.

Учитывая все имеющиеся в нашем распоряжении сведения, можно предполо-

[49] *Hoffmann W.* **Livius und der Zweite Punische Krieg. Berlin, P. 19-20.**

[50] *Bickermann E. J.* **Hannibal's Covenant // American Journal of Philology. Vol. 73. 1952. C. 18.**

[51] *Вейцківський І. І.* **Зовнішня політика країн Західного Середземномор'я в 264-219 рр. до н. е. Львів, 1959. С. 103-133.**

жить, что события развивались следующим образом. Гасдрубал принес по старинному обряду, существовавшему у всех западносемитских народов, в том числе и у финикиян, клятву *(берит),* обязавшись не пересекать Ибер и не нарушать суверенитета Сагунта и других греческих колоний на Пиренейском полуострове. Только этим можно объяснить тот факт, что именно осада Сагунта послужила несколько лет спустя поводом для войны между Римом и Карфагеном. Очевидно, Полибий избрал недостоверную версию, не соответствующую дальнейшему ходу событий, почерпнув ее из прокарфагенски настроенного источника. Во всяком случае, союзником Рима Сагунт стал, по-видимому, уже в 231 г., за пять лет до договора с Гасдрубалом[52]. Эта клятва не была утверждена в Карфагене, может быть, потому, что, поскольку речь шла о личных обязательствах Гасдрубала, правительство, с пунийской точки зрения, не должно было вмешиваться в развитие событий. Как бы то ни было, в результате возникла формально юридическая лазейка, которая позволила говорить о Полной непричастности карфагенского совета к договору, гарантировавшему неприкосновенность берегов Ибера и безопасность Сагунта.

Итак, в 226 г. было достигнуто временное равновесие, фактически отдававшее в руки Карфагена всю или почти всю испанскую территорию к югу от Ибера. При этом государство карфагенян никакими формальными обязательствами связано не было. Большего Гасдрубалу пока и не требовалось.

В 221 г. Гасдрубал был убит на охоте кельтом (источники не называют его имя) — рабом, мстившим карфагенскому стратегу за казнь своего господина [Полибий, 2, 36, 1; Ливий 21, 2, 6; Апп., Исп., 8; Апп., Ганниб., 2; Диодор, 25, 12; Юстин, 44, 5, 5]. Ливий яркими красками рисует воодушевление убийцы, который вел себя так, как если бы ему удалось избегнуть опасности, и во время пыток, казалось, смеялся в лицо палачам. Видимо, в этой ситуации, уже не понятной римлянину конца Республики и первых лет Империи, нашли свое отражение нормы крайне архаичного общества: раб, включенный в состав рода, обязан осуществить кровную месть даже ценой своей гибели; выполнение этого закона доставляет ему наивысшее моральное удовлетворение; он не должен обнаружить слабость перед врагом.

Враждебная Баркидам политическая группировка в Карфагене — аристократическая партия во главе с Ганноном — попыталась использовать гибель Гасдрубала для того, чтобы свести счеты со своими политическими противниками и лишить их

[52] ***Gramer F. R.*** **Massilian Diplomacy. P. 11-14. Ср. также мнение Ф. Кассолы** ***(Cassola F.*** **I gruppi... P. 247-250), который считает, что договор Гасдрубала с Римом не давал определенных гарантий Сагунту. Необоснованными римские претензии на союзнические отношения с Сагунтом считает В. Отто** ***(Otto W.*** **Eine antike Kriegsschuldfrage. C. 489-516). И. И. Вейцковский** ***(Вейцкгвський 1.1.*** **Зовшшня пол1тика. С. 233) полагает, что карфагеняне потому отказались от обязательств, вытекавших из договора 226 г., что его нарушили римляне, вмешавшись в дела Сагунта. Т. А.Дори** ***(Dorey T. A.*** **The Treaty with Saguntum, Humanitas, San-Miguel de Tucuman. Vol. XI-XII. 1959-1960. P. 1-10) считает, что в 219 г. не было договора о союзе между Римом и Сагунтом.**

власти [А п п . , Исп., 8; ср. у Апп., Ганниб., 3]. Однако эти попытки не удались. Сразу же после смерти Гасдрубала воины пунийской армии, находившейся в Испании, провозгласили главнокомандующим Ганнибала; через некоторое время карфагенское народное собрание и совет утвердили этот выбор [А п п . , Исп., 8; Апп., Ганниб., 3; ср. у Полибия, 3, 13, 3-4; Ливий, 21, 3, 1].

Чем объяснить подобное решение? Прежде всего, конечно, происхождением Ганнибала. Сын Гамилькара Барки мог, естественно, рассчитывать на поддержку армии, созданной его отцом и зятем. Наемники, составлявшие ее основу, чувствовали себя связанными не столько с Карфагеном, сколько с династией военачальников, плативших жалованье, водивших в походы, щедро делившихся добычей. Кроме того, политической позицией Ганнибала. Он был уже, надо полагать, известен как непримиримый враг Рима. По словам Аппиана [А п п . , Исп., 9], едва вступив в должность, он уже нашел случай напомнить своим друзьям в Карфагене — и его слова предназначались, конечно, для общего сведения —о своей клятве быть врагом римлян, когда получит власть. Продолжение теперь уже традиционной линии Баркидов обещало солдатам ограбление Италии, а карфагенскому купечеству и ремесленникам — обильные доходы благодаря захвату важнейших рынков и торговых путей, а также перспективу увидеть свое государство властелином обитаемого мира. И наконец— личными качествами Ганнибала. Тит Ливий [21, 4, 1-4] пишет, что, когда Ганнибал в 224 г. вернулся в Испанию под командование Гасдрубала, он сумел завоевать авторитет у воинов: «Посланный в Испанию, Ганнибал, едва появившись, привлек к себе все войско; старые воины думали, что к ним вернулся молодой Гамилькар—та же мощь в лице, сила в глазах, тот же облик и черты». И действительно, судя по портрету Ганнибала на одной из монет, происходящих из Нового Карфагена[53], он поразительно напоминал отца; характеристика Ливия очень точно соответствует качествам, которые хотел выявить у своей модели портретист. «Но он быстро сделал так, — продолжает римский историограф, — что его сходство с отцом стало наименьшим из тех качеств, которые располагали к нему. Никогда еще один и тот же человек не был приспособлен к самым различным делам — к повиновению и командованию. Так что нелегко было решить, командующему или войску был он дороже: ни Гасдрубал не назначал охотнее кого-либо другого на дело, где нужно было действовать мужественно и стойко, ни воины с другим командиром не были более уверены в себе и храбры».

Первые же шаги Ганнибала показали, что его сторонники не ошиблись в своих ожиданиях.

[53] О портретном изображении Ганнибала см.: *Charles-Picard C* Le probleme du portrait d'Hannibal, Karthago. Vol. 12. Paris, 1963/1964. P. 31-41.

II

Когда Ганнибал пришел к власти, ему было двадцать пять — двадцать шесть лет. Господство карфагенян в Испании было уже в общем прочно установлено благодаря настойчивой и последовательной политике Гамилькара Барки и Гасдрубала, и южная часть Пиренейского полуострова казалась более или менее надежным плацдармом для наступления на Рим. Сам Ганнибал обзавелся уже традиционными для Баркидов прочными связями с иберийским миром: он был женат на иберийке из союзного Карфагену города Кастулона [Ливий, 24, 41, 7]. Со свойственным юности максимализмом новый пунийский главнокомандующий повел себя так, будто война с Римом уже решена и поручена ему, а сферой его деятельности назначена Италия [Ливий, 21, 5, 1]. Он, по-видимому, и не скрывал своего намерения напасть на союзный римлянам Сагунт и тем самым вовлечь Рим в прямой конфликт, однако стремился при этом сделать вид, будто атака на Сагунт произойдет сама собой, в результате естественного развития событий. Именно поэтому, заключает Тит Ливий [21, 5, 3], он прежде всего направил свой удар против олкадов, живших к югу от Ибера, между реками Таг и Анас, на территории, которая, как считалось, принадлежала карфагенянам.

Однако наряду с этой общеполитической программой у Ганнибала имелись и другие, более близкие цели. В своей характеристике олкадов Тит Ливий [там же] роняет беглое, но тем не менее многозначительное замечание: «За Иберам был этот народ, скорее в области, чем под властью, карфагенян». Очевидно, фактическую власть над ними еще предстояло установить, и именно такую задачу поставил перед собой Ганнибал, когда стремительно вторгся в страну олкадов, осадил их главный город и взял его штурмом[54]. Успех карфагенян заставил и другие города олкадов признать власть Карфагена; естественно, что на них была наложена подать [Ливий, 21, 5, 4]. зимовку в Новый Карфаген; там он щедро поделил награбленное между воинами и выдал жалованье, чем еще больше расположил их к себе: и служивших в войсках карфагенских граждан, и наемников [Ливий, 21, 5, 5].

Для нас представляет существенный интерес вопрос об общественно-политиче-

[54] **Название главного города олкадов неизвестно. Полибий говорит об Алфэе [3, 13, 5], тогда как Тит Ливий [21, 5, 4] называет Карталу. Как полагал А. Шультен (Fontes Hispaniae Antiquae. Barcelona, 1922. III. С. 23-27; Cambridge Ancient History. Vol. VII. Cambridge, 1928. С. 789; ср.: *Мишулин А. В.* Античная Испания. С. 276], источники имеют в виду два различных города, однако это построение неубедительно уже по той причине, что и Полибий и Ливий говорят о сильнейшем и значительнейшем городе олкадов. К тому же и взятие города, и последствия этого события оба источника описывают одинаково. Возможно, что перед нами два названия города: местное — *Алфэя* и пунийское — *Картала*. Ср. пунийское *qart 'город'. О войнах Ганнибала в Испании см. также: *Meyer E.* Kleine Schriften. Bd 2. Halle, 1924. P. 401-406.**

ском строе олкадов, поскольку важно (не говоря уже о других соображениях) знать, на каком уровне развития стояли те испанские племена и народности, с которыми сталкивался Ганнибал. Однако исходить мы можем только из того, что поселения олкадов Полибий называет греческим словом πόλις, а Ливий — его латинским соответствием *urbs;* среди них был один — сильнейший, главный. Не исключено, что, по представлениям названных писателей, олкады образовывали союз «городов», один из которых осуществлял гегемонию над остальными.

Весной 220 г. Ганнибал двинулся в поход на ваккеев, населявших среднее течение р. Дурис, и, преодолев упорное сопротивление, захватил в их области важнейшие города — Саламантику (Полибий [3, 14, 1] — Гелмантику; Ливий [21, 5, 6] — Германдику) и Арбокалу.

На обратном пути через Южную Гвадарраму[55] в Новый Карфаген победоносный полководец встретился еще с одним противником — карпетанами, которых побудили взяться за оружие спасшиеся после разгрома олкады и ваккеи — беглецы из Саламантики [Полибий, 3, 14, 3; Ливий, 21, 5, 7]. Логика рассуждений и самих карпетан, и тех, кто их уговаривал, очевидна: вчера разгромлены олкады, сегодня — ваккеи, завтра, несомненно, наступит очередь карпетан. Не лучше ли предупредить врага и попытаться разгромить его, не ожидающего нападения, перегруженного награбленным добром?

Враги ожидали Ганнибала у переправы через Таг, но Ганнибал уклонился от решительного сражения. Расположив свой лагерь на берегу, он в первый же удобный момент, когда напор карпетан несколько ослаб, вброд переправился через реку. Теперь между ним и его противником был мощный естественный рубеж и вал, устроенный, однако, так, что он открывал карпетанам доступ к реке. Ганнибал рассчитывал, что они попытаются преследовать отходящие карфагенские войска, и тогда его слоны и всадники встретят карпетанскую пехоту в реке. Противник попался в ловушку, ошибочно полагаясь, по-видимому, на свое численное превосходство. Согласно Полибию [3, 14, 8] и Ливию [21, 5, 11], вместе с олкадами и ваккеями войско карпетан достигло 100 000 человек. Будучи уверены, что Ганнибал не принял боя из страха перед возможным поражением, карпетаны с громким криком, не соблюдая даже элементарного порядка, бросились в реку. Осуществляя свой план, Ганнибал ввел в Таг слонов, которых было у него 40, и конницу. Во время сражения карпетанские воины не оказали сколько-нибудь серьезного и организованного сопротивления. С трудом нащупывая брод, опрокидываемые конями, они были бессильны перед всадниками и погонщиками слонов. Большинство карпетанских пехотинцев погибли в неравном бою, многие утонули. Последние ряды карпетан повернули на берег, но прежде чем они сумели занять оборонительную позицию, Ганнибал, выстроив свою

***55 Мишулин А. В.* Античная Испания. С. 276.**

пехоту в каре, ввел ее в реку и, достигнув противоположного берега, обратил деморализованные остатки карпетанских войск в паническое бегство. Пройдясь огнем и мечом по Карпетании, Ганнибал подчинил и ее власти Карфагена [Полибий, 3, 14, 2-8; Ливий, 21, 5, 9-16].

Победа у Тага имела исключительное политическое значение. Теперь под контролем Ганнибала оказалась вся территория Пиренейского полуострова к югу от Ибера, за исключением Сагунта [Полибий, 3, 14, 9; Ливий, 21, 5, 17; Юстин, 40, 5, б][56]. Далее мы увидим, что эти успехи были иллюзорными, что власть карфагенян на Пиренейском полуострове не отличалась ни прочностью, ни стабильностью, а его население, в том числе и финикийские колонии, в решающий момент поддержало римлян[57]. Однако все это еще было впереди. А пока, опьяненный блестящими победами, имея за спиной разоренные, покоренные, «умиротворенные» территории, Ганнибал чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов Риму. В известном смысле битва при Таге ознаменовала собою завершение важного периода в истории стран Западного Средиземноморья периода подготовки II Пунической войны.

Победа при Таге занимает особое место и в биографии самого Ганнибала. Здесь он впервые обнаружил свои незаурядные тактические способности, показал умение принимать смелые решения, ломая установившиеся военные каноны и обращая себе на пользу те особенности местности, которые на первый взгляд сулили неминуемое поражение. Если бы Ганнибал не переправился через Таг, его войска, прижатые к берегу реки, были бы, конечно, раздавлены превосходящими силами противника. Однако пунийский командующий навязал врагу сражение в наиболее выгодных для себя условиях и победил.

Теперь непосредственной целью политики Ганнибала на Пиренейском полуострове стал захват Сагунта — древней колонии Закинфа, в основании которой приняли участие и выходцы из рутульской Ардеи [Ливий, 21, 7, 2][58], однако в III в. уже иберийского города (как показывают сагунтинские монеты, его населяло племя арсах)[59]. Наш источник говорит о богатстве Сагунта, которым последний обязан

[56] **Существует предположение, согласно которому сообщения Ливия и Юстина о том, что вся Южная Испания до Ибера оказалась после битвы при Таге под властью Карфагена, содержат значительное преувеличение. Считают, что кельтиберийские племена верхнего Тага и верхнего Дуриса не подверглись карфагенским нашествиям *(Gsell St.* HAAN, HI. P. 134-135; *Мишулин А. В.* Античная Испания. С. 277). Однако эта концепция не подтверждается дошедшими до нас материалами.**

[57] **Ср.: *Мишулин А. В.* Античная Испания. С. 277.**

[58] **Точка зрения, следуя которой Тит Ливий ошибается, когда говорит о Сагунте как о греческой колонии *(Walter G.* La destruction de Carthage. Paris, 1947. P. 279), представляется необоснованной.**

[59] ***Pais E.* Storia di Roma durante le guerre Puniche. Vol. I. Torino, 1935. P. 190.**

интенсивному развитию морской торговли и земледелия, росту населения и строгости нравов [Ливий, 21, 7, 3], — идеализирующая Сагунт тенденция последнего замечания Тита Ливия очевидна. Однако не богатство прельщало Ганнибала, когда он предпринял свои военные действия против этого города: только овладев Сагунтом, он мог двинуться на север. Но если раньше Ганнибал не задевал, по крайней мере непосредственно, римских интересов, действуя строго в рамках обязательств, принятых Гасдрубалом, то теперь осуществление его замыслов грозило привести к столкновению с Римом, тем более что Сагунт уже имел к тому времени статус римского союзника и его безопасность была в какой-то форме гарантирована еще Гасдрубалом. Впрочем, Ганнибал мог рассчитывать на то, что Рим, руки которого были связаны длительной и тяжелой борьбой с галлами на севере Италии, а также с иллирийскими пиратами на Балканском полуострове, не сможет эффективно вмешаться в испанские дела, и, как увидим далее, этот расчет (если он существовал), в общем, оправдался.

Благоприятный для Ганнибала политический климат создавала «партийная» борьба в Сагунте. Источник [Полибий, 3, 15, 7] не говорит, из-за чего, собственно, происходили столкновения, тем не менее и вся ситуация, и в особенности энергичные действия Рима показывают, что речь могла идти только об одном: сохранять ли верность союзу с Римом или же добровольно перейти на сторону и под власть Карфагена. Ликвидировав смуты и казнив нескольких человек из среды сагунтинской знати, очевидно, враждебных проримской ориентации, римляне, вмешивавшиеся в сагунтинские дела, уничтожили надежды Ганнибала, если допустить, что они у него были, на сторонников союза с Карфагеном в Сагунте. Более того, они показали, что Рим никогда не примирится с потерей Сагунта, Ганнибал приведет римское правительство к необходимости объявить Карфагену войну, — именно этого Ганнибал и добивался. Нужно было только поспешить, чтобы на помощь Сагунту не явились римские легионы, чтобы они не навязали Ганнибалу войну в Испании, не помешали ему округлить пунийские владения на Пиренейском полуострове и отправиться на завоевание Италии.

Своих политических целей Ганнибал пытался достичь, действуя формально в рамках карфагено-римских соглашений. Не вступая в прямой конфликт с ориентировавшимся на Рим правительством Сагунта, он, по словам Тита Ливия [21, 6, 1-2], провоцировал столкновения между Сагунтом и соседними иберийскими племенами (главным образом турдулами)[60], находившимися в сфере карфагенского господства; предлагая сторонам свои услуги в качестве арбитра, Ганнибал рассчитывал навязать

[60] То обстоятельство, что столкновения между Сагунтом и иберийскими племенами действительно имели место (см.: *Gilbert O.* Karthago und Rom. P. 176-178), не исключает провокационных действий со стороны Ганнибала, который, как показывают все его дальнейшие действия, был кровно заинтересован в разжигании конфликта.

Сагунту решение, которое поставило бы этот город в зависимость от Карфагена, не давая Риму формального повода объявить войну.

Традиция, сохраненная Аппианом [А п п . , Исп., 10], позволяет выяснить некоторые подробности этой политической игры. По его словам, Ганнибал убедил торболетов (то есть турдулов) принести ему жалобу на сагунтинцев, вторгающихся будто бы на территорию, принадлежащую торболетам, и всячески их притесняющих. Создав обстановку конфликта, Ганнибал, не принимая решения, отправил торболетских послов в Карфаген, чтобы они там изложили свои претензии совету, и одновременно от себя послал совету письмо, где самыми мрачными красками обрисовал положение дел: римляне убеждают подвластные Карфагену иберийские племена отпасть, а сагунтинцы всячески помогают римским агентам. Решение совета, несомненно инспирированное самим Ганнибалом и сторонниками баркидской группировки, полностью его удовлетворило: ему было приказано действовать по отношению к Сагунту так, как он сочтет нужным.

Значение этого поступка, показавшего, что Ганнибал — не только талантливый полководец, но и незаурядный политический деятель, трудно переоценить. Ганнибал продемонстрировал карфагенскому общественному мнению, что он исполнен глубокого пиетета перед высшими органами государственной власти и, как и подобает верному и скромному слуге отечества, с положенным смирением ожидает их приказаний. Добившись положительного ответа на свои домогательства, Ганнибал связал карфагенский совет его же собственными решениями: теперь он выступал не в роли полководца, ведущего на свой страх и риск сложную авантюрную игру, чтобы втянуть Карфаген в полную опасностей войну, а в роли человека, выполняющего постановления совета, то есть действующего строго в русле официальной политики. Теперь карфагенский совет, даже если бы и хотел (а он вовсе этого не хотел), не мог бы отречься от Ганнибала. Давая ему свободу действий против Сагунта, совет — и это все хорошо понимали — предрешал войну с Римом.

Руки у Ганнибала теперь были развязаны. Он снова пригласил к себе торболетов и на этот раз представителей Сагунта, которые, однако, заявили, что передадут решение на суд Рима. Иначе говоря, они отказались признать верховную власть Карфагена. Ганнибал прервал переговоры, выгнал, как рассказывает Аппиан, сагунтинцев из своего лагеря, вторгся на территорию Сагунта, разорил его окрестности и, разделив свои войска на три части, окружил город.

Между тем, пока Ганнибал подготавливал нападение на Сагунт, сагунтинцы развернули энергичную дипломатическую деятельность, чтобы побудить Рим активно вмешаться в испанские дела [Полибий, 3, 15, 1; Ливий, 21, 6, 1]. Действия римлян, однако, наши источники рисуют по-разному. Согласно Титу Ливию [12, б, 3-5], сенат решил отправить в Испанию послов, которые должны были изучить на месте положение дел и, если сочтут необходимым, потребовать от Ганнибала оставить Сагунт,

союзника римского народа, в покое, а потом отправиться в Карфаген и там изложить жалобы сагунтинцев. Прежде чем послы двинулись в путь, в Рим пришло известие об осаде Сагунта, и в сенате назначили новое обсуждение сагунтинских дел. Полибий [3, 15, 2-13] изображает иначе ход событий; по его версии, римское посольство, то самое, которое было решено, по словам Ливия, сенатом к Ганнибалу состоялось. Ганнибал принял его в Новом Карфагене. Естественно, что предметом переговоров стал Сагунт. Римляне потребовали, чтобы Ганнибал отступился от Сагунта и не пересекал Ибера, как это и предусматривалось клятвой Гасдрубала. Отвечая послам, Ганнибал упрекал римлян в том, что они, вмешавшись в дела Сагунта, казнили там несколько человек из местной знати. Этого преступления, говорил он (согласно версии Полибия), карфагеняне не могут оставить неотомщенным. Одновременно Ганнибал затребовал из Карфагена указаний, какой политики он должен держаться, поскольку сагунтинцы, уповая на союз с Римом, совершают всякого рода бесчинства по отношению к карфагенским подданным. На этом Полибий обрывает свой рассказ, и мы не узнаем от него, какой ответ Ганнибал получил от своего правительства. Римские послы, не добившись от Ганнибала удовлетворительного ответа и ясно видя, что Риму предстоит война, отправились в Карфаген заявить свои требования непосредственно карфагенскому правительству. Дальнейшими сведениями о судьбе этого посольства (если предположить, что оно действительно состоялось) мы не располагаем.

В рассказе Полибия обращает на себя внимание не только отрывочность информации. Он очень сильно напоминает в основных пунктах рассказ Тита Ливия о посольстве, которое римляне отправили к Ганнибалу и в Карфаген после того, как осада началась. Единственный пункт расхождения — то, что в последнем случае Ганнибал не принял послов. Эпизод с затребованием из Карфагена инструкций в связи с действиями сагунтинцев также находит себе параллель в рассказе о посредничестве Ганнибала между сагунтинцами и турдулами. Все это позволяет предполагать, что Полибий отнес к данной ситуации эпизоды, фактически имевшие место либо раньше, либо позднее, и что, следовательно, более близок к истине в данном случае Ливий, опирающийся здесь на римскую традицию, независимую от Полибия. Что же заставило Полибия (если изложенные нами допущения справедливы) решиться на сознательное искажение истины? Не исключено, что Полибий стремился снять с римского правительства, где видную, а возможно, и решающую роль играли в этот момент Сципионы[61], к которым он был близок, обвинение в том, что оно не предприняло никаких шагов, чтобы защитить римского союзника — Сагунт — от опаснейшего врага.

Итак, наиболее вероятным приходится признать следующее: пока римский се-

61 Scullard H. H. **Roman politics... P. 39.**

нат обсуждал положение в Испании, Ганнибал начал осаду Сагунта (219 г.)[62]. Надо сказать, что эту операцию (и в особенности до того, как он был ранен) в отличие от предшествовавших и последовавших за нею пунийский полководец провел на чрезвычайно низком тактическом уровне; мы увидим далее, что овладеть городом ему удалось исключительно благодаря огромному превосходству в живой силе и фактическому невмешательству римлян. Все началось с того, что Ганнибал крайне неудачно выбрал место для разрушения городской стены — как раз у того ее угла, который выходил на более ровную и открытую долину, чем остальные участки. Сюда было очень легко подвести виней[63] и тараны. Однако он не учел, что именно здесь находилась огромная башня, именно здесь стена была выше, чем в других местах; само собой разумеется, что и охрана этого пункта была поручена «избранной молодежи» — самому надежному и боеспособному отряду сагунтинских воинов. Постоянной стрельбой из луков они держали карфагенян на почтительном расстоянии от стен, не давали им подвести орудия и начать осадные работы. Непрестанно совершая вылазки, сагунтинцы наносили карфагенянам значительный ущерб; сам Ганнибал, принимавший в стычках активное участие, был тяжело ранен дротиком в бедро и упал, что вызвало настоящую панику среди осаждавших.

Пока Ганнибал залечивал рану, карфагеняне не вели активных боевых действий, довольствуясь исключительно блокадой города; но тем более усиленно они строили осадные сооружения, а сагунтинцы — укрепления. Видимо, в этот период Ганнибал пересмотрел принятую им ранее диспозицию, которая не только не приводила к желательному результату, но отдавала инициативу в руки противника. Он решил начать разрушение стены в нескольких пунктах одновременно, что давало возможность использовать и технику, и численное превосходство. Тараны заработали. В стенах стали появляться проломы. И вдруг со страшным грохотом обрушились три башни и часть стены между ними. Завязалось сражение, не беспорядочное, как это бывает в подобных случаях, но, подчеркивает Ливий, по всем правилам военного искусства. Воины — и сагунтинцы и карфагеняне — выстроились в боевой порядок; пунийцы не сумели преодолеть сопротивления горожан и вынуждены были отступить. Сагунтинцы оттеснили их сначала к развалинам стен, а затем заставили бежать к лагерю. Именно в этот момент, когда новое поражение поставило, казалось бы, под угрозу главный замысел Ганнибала — захват Сагунта и, следовательно, войну с Римом, прибыло римское посольство.

Как мы уже говорили выше, известие об осаде Сагунта заставило римский сенат еще раз пересмотреть всю политическую ситуацию. По словам Тита Ливия [21, 6, 6-8], мнения в сенате разделились: одни настаивали на том, чтобы назначить консу-

[62] Самое подробное описание см. у Ливия [21, 7-9 и 14-15].

[63] *Винея* — обшитая досками передвижная камера, открытая спереди и сзади; с крыши, которая предохраняла воинов от обстрела сверху, свешивался таран.

лам в качестве провинций (т. е. объектов специального задания) Испанию и Африку и вести войну на суше и на море; другие предлагали сосредоточить все военные действия в Испании, обратив их против Ганнибала; третьи советовали дождаться, с чем прибудут послы из Испании, и уже тогда принять окончательное решение. Последняя точка зрения возобладала; послами назначили Публия Валерия Флакка и Квинта Бэбия Тамфила. Им было поручено посетить Сагунт, потребовать у Ганнибала отвести от города свои войска и, буде он откажется, направиться в Карфаген и там по старинному италийскому обычаю потребовать выдачи самого Ганнибала для наказания за нарушение договора. По традиции, восходящей к Диону Кассию [Зонара, 8, 22], за немедленное начало военных действий и вторжение в Африку и Испанию высказался Луций Корнелий Лентул, близкий к аристократической группировке Эмилиев и Сципионов; посольство предложил Квинт Фабий Максим — глава другой сенатской «партии», враждебной Эмилиям и Сципионам[64]. Он имел в виду, в частности, если бы переговоры сорвались, возложить на карфагенское правительство ответственность за развязывание войны. Интересно, что Полибий [3, 20, 1-5] крайне резко отрицает рассказы о совещаниях в Риме по поводу дальнейших действий; он утверждает, что, получив известие о падении Сагунта, сенат единодушно решил начать войну и направил соответствующее посольство в Карфаген. Между тем колебания сената, даже если не принимать во внимание римской внутриполитической борьбы, легко объяснимы: Риму угрожала тяжелая война в Иллирии; эта угроза быстро стала реальной [Полибий, 3, 16-19], и пока римляне не закрепили своего господства там, они не могли думать о серьезной и затяжной войне против Карфагена[65]. Трудно поверить Полибию и в том, что сенат начал рассматривать дело только после падения Сагунта. Ведь речь шла об экспансии Рима, о расширении сферы его господства, а в этом были заинтересованы влиятельные круги римского общества, чьи интересы и представляла группировка Эмилиев — Сципионов[66].

Как бы то ни было (мы последуем за рассказом Тита Ливия [21, 9, 3-11, 2], который представляется наиболее достоверным), Ганнибал, узнав о прибытии римского посольства (судя по свидетельству Аппиана [А п п . , Исп., II], вместе с ним явились и находившиеся в Риме послы Сагунта), решился на смелый шаг: он отказался принять Флакка и Тамфила; по его распоряжению послам сообщили, что их безопасность гарантирована быть не может, а сам полководец в столь критической ситуа-

[64] *Scullard H.H.* Roman politics... P. 40-41; *Cassola F.* I gruppi... P. 235; *Meyer E.* Kleine Schriften. Bd 2. Halle, 1924. S. 348-349.

[65] *Pais E.* Storia di Roma durante le guerre Puniche. Vol. I. P. 300. См. также: *Пирогов В.* Исследования... С. 17-21.

[66] Мельтцер *(Meltzer O.* GK, П. P. 45) говорит о компромиссе между различными точками зрения, который, по его мнению, был достигнут в сенате. В своем изложении событий О. Мельтцер опускает предание о посольстве Флакка и Тамфила.

ции не имеет возможности их выслушать[67]. Это рассчитанное оскорбление должно было заставить римлян выдвинуть неприемлемые требования и привести к срыву переговоров. Понимая, что теперь послы отправятся в Карфаген, Ганнибал, в свою очередь, обратился с письмами к руководителям баркидской группировки, дабы они могли заранее подготовиться. Судя по рассказу Тита Ливия, все было разыграно отменно: баркидской группировке удалось продемонстрировать политическое единство в совете[68]. Единственный, кто осмелился поддержать требования римлян в карфагенском совете, был старый враг Баркидов Ганнон, однако на него никто не обращал внимания.

Несколько иначе излагает события Зонара [8, 22], который, однако, связывает их уже с посольством, прибывшим для формального объявления войны. По Зонаре, точку зрения баркидской группировки высказывает некий Гасдрубал; ему безрезультатно возражает Ганнон, безрезультатно, хотя старики и те, кто помнил первую войну с Римом, его поддержали: молодежь и сторонники Баркидов решительно ему возражали. Гасдрубал, согласно этой версии, говоря об обретении «древней свободы», явно призывает к войне, поскольку следствием мирного развития в его изображении было рабство. Впрочем, версии Ливия и Зонары легко согласовать, приняв во внимание, что единственным оратором антибаркидской «партии» действительно выступил Ганнон, тогда как другие его сторонники выражали ему свое сочувствие в частных беседах, не осмелившись, видя господствующее настроение, защитить свою политическую позицию на заседании совета[69].

Тит Ливий приводит в своем сочинении речь Ганнона [21, 10]. Фактически эта речь сочинена самим Ливием. Здесь все то, что делают карфагеняне, настолько явно противопоставлено староримским добродетелям — верности, благочестию и т.п.[70], что она производит впечатление памфлета, направленного против современной Ливию порчи нравов, а не исторического документа.

В общем, поездка в Карфаген не принесла успеха римлянам. Карфагеняне обвиняли Сагунт в незаконных деяниях против их подданных [А п п . , Исп., 12] и свой окончательный ответ сформулировали следующим образом [Ливий, 21, 11, 2]: «Война начата сагунтинцами, а не Ганнибалом; римский народ поступил бы несправед-

[67] *Ср.,* **однако:** *Lenschau.* **Hannibal, Pauly's Realenzyklopadie der klassischen Altertumswissenschaft, bearbeitet von G. Wissowa (далее — *Lenschau. P.-W.* RE), Halbbd. 14. Stuttgart, 1914. Sp. 2323, который следует версии Полибия.**

[68] **Этот факт показывает, что утверждение Т. Додж *(Dodge Th. A.* Hannibal. P. 152), будто Ганнибал не мог рассчитывать на помощь из Карфагена, где важную роль играла «партия» мира, которая не позволила бы ему объявить войну, будто Ганнибал действовал со связанными руками и при постоянной угрозе быть отозванным, не соответствует данным, сохраненным традицией.**

[69] **На важность традиции Диона Кассия — Зонары особенно указывает О. Мельтцер *(Meltzer O.* GK, II. P. 450).**

[70] ***Hoffmann W.* Livius und der Zweite Punische Krieg. S. 23.**

ливо, если бы предпочел сагунтинцев стариннейшему союзу с Карфагеном». С этим римские послы возвратились на родину.

Тем временем осада Сагунта вступила в новую фазу. Потерпев серьезное поражение у пролома в городской стене, Ганнибал решил дать своим солдатам несколько дней отдыха (сагунтинцы воспользовались передышкой для того, чтобы на месте разрушенных стен возвести новые оборонительные сооружения). Неудача показала, насколько низок, в сущности, боевой дух карфагенского воинства, и Ганнибал сделал все, что мог, для повышения его боеспособности, обещая награды и главным образом обещая отдать солдатам всю добычу, которая будет захвачена при взятии Сагунта. Как видно, Ганнибал хорошо знал наемников, служивших у него под началом. И он не ошибся в своих расчетах. Ливий [21, 11, 4] пишет, что они «все до такой степени были возбуждены, что, если бы в этот момент (когда Ганнибал произносил свою речь. — *И. К.)* был дан сигнал, никакая сила, казалось, не смогла бы им противостоять».

Новый штурм карфагеняне начали одновременно во многих пунктах, так что сагунтинцы даже не знали, где должны они сосредоточить свои силы. Сам Ганнибал находился при передвижной осадной башне, бывшей выше всех городских укреплений. Подвергнув стены Сагунта интенсивному обстрелу из катапульт и баллист, установленных на башне, Ганнибал заставил защитников города спрятаться в укрытие, а потом отправил 500 солдат разрушать только что отстроенные укрепления. Через проломы карфагеняне снова вступили в город и, завладев там каким-то возвышением, снесли туда катапульты и баллисты, а само место окружили стеной. Так карфагеняне получили укрепленную позицию в Сагунте; судьба города была предрешена. Кольцо осады постепенно сжималось; сагунтинцы возводили все новые и новые стены; карфагеняне их захватывали и оттесняли противника все дальше в глубь города. К тому же в Сагунте начался голод.

Внезапно положение Ганнибала осложнилось: у ориссов (оретанов) и карпетанов вспыхнули волнения, которые могли бы отвлечь Ганнибала от Сагунта. И тех и других возмущала жестокость, с какой у них проводился набор в карфагенскую армию; они захватили присланных к ним пунийских чиновников и, казалось, уже готовы были свергнуть чужеземное иго, но Ганнибал быстрым и решительным ударом заставил их сложить оружие. Тем временем осада (ею в отсутствие Ганнибала — чего никто не заметил — руководил Махарбал, сын Гимилькона) продолжалась; в новых стенах Сагунта были сделаны новые проломы, и, наконец, когда Ганнибал вернулся, ему удалось занять часть акрополя.

Предпринимая сопротивление Ганнибалу, сагунтинцы, конечно, рассчитывали на вмешательство римлян, однако положение с каждым днем становилось все более отчаянным, а римские солдаты у стен Сагунта по-прежнему не появлялись. Помощи ждать было неоткуда, и один из влиятельных сагунтинцев, Алкон, решился на

последнее средство. По собственной инициативе и даже без ведома сограждан он явился к Ганнибалу, надеясь вымолить у него пощаду несчастному городу. Однако условия сдачи, которые объявил ему уверенный в победе карфагенский стратег, были таковы, что Алкон даже не посмел сообщить о них сагунтинцам и остался в лагере врага. Ганнибал потребовал, чтобы сагунтинцы удовлетворили все требования турдулов и, отдав им все золото и серебро, покинули город, взяв с собой лишь по одной одежде на человека, и поселились там, где укажет им победитель. Эти условия вызвался передать сагунтинским властям служивший в войсках Ганнибала, но еще раньше получивший от Сагунта статус «друга» и «гостеприимца» (проксена) испанец Алорк, который мог рассчитывать на личную безопасность. Услышав о том, какая судьба им уготована, сагунтинцы побросали в костер золотые и серебряные вещи, не желая, чтобы они достались врагу; многие сами кидались в огонь... А пунийцы тем временем прорвали укрепления и наконец полностью овладели городом. Ганнибал приказал убивать всех взрослых горожан, оказывавших еще беспорядочное сопротивление на улицах и в горящих домах, но победители не щадили и малолетних. Сагунт был уничтожен. По рассказу Аппиана [А п п . , Исп., 12], сагунтинские воины погибли во время ночной вылазки на пунийский лагерь после того, как они привели в негодность драгоценный металл. Разгневанный Ганнибал приказал уничтожить все население города, а затем заселил его пунийскими колонистами. Вероятно, только сообщение о создании пунийской колонии в какой-то степени соответствует у Аппиана действительности; все же остальное плохо вяжется с тем, что известно об осаде Сагунта.

Итак, главная цель Ганнибала на этом этапе была достигнута: Сагунт пал, и перед его войсками открывался беспрепятственный путь на север, в Италию. Однако для нового предприятия необходима была совершенно иная подготовка, и для этой цели Ганнибал решил использовать зимовку в Новом Карфагене.

В Риме известие о страшной судьбе Сагунта вызвало, как и следовало ожидать, единодушную, ту самую, которой добивался Ганнибал, реакцию: все без исключения требовали объявить Карфагену войну. Консулам 218 года (оба из группировки Эмилиев — Сципионов) в качестве провинций были назначены Испания (Публий Корнелий Сципион) и Сицилия с Африкой (Тиберий Семпроний Лонг; у Евтропия [3, 9] другой когномен — Гракх), иначе говоря, им была предопределена война с Ганнибалом. Лонг должен был, если бы Сципиону удалось удержать Ганнибала вне Италии, вторгнуться в Африку. В народное собрание было внесено предложение объявить войну карфагенскому народу. Для соблюдения необходимых по римским обычаям формальностей в Карфаген было направлено посольство в составе Квинта Фабия Максима, Марка Ливия Салинатора, Луция Эмилия Павла, Гая Лициния и Квинта Бэбия Тамфила. Как можно видеть, господствующее положение в посольстве, как и в правительстве, занимали сторонники Эмилиев, хотя руководство и

было поручено Фабию, известному своим стремлением к мирному урегулированию; может быть, в Риме хотели таким выбором показать, что дверь для переговоров пока остается открытой[71]. Послы должны были спросить, не по решению ли карфагенских властей Ганнибал осаждал Сагунт, и, если бы был дан утвердительный ответ, объявить Карфагену войну. По словам Ливия [21, 18, 3], Фабий ни слова не добавил к этой формуле; как пишет Полибий [3, 20, 8], посольство должно было потребовать выдачи Ганнибала [ср. также у Апп., Исп., 13]. Карфагеняне, оставляя в стороне вопрос, действовал ли Ганнибал по своему собственному усмотрению или по поручению своего правительства, поскольку это — внутреннее дело Карфагена и римлян не касается, доказывали, что договор римлян с Гасдрубалом, в котором имеется оговорка относительно Сагунта, не был утвержден пунийскими властями и поэтому для них не действителен; римлянам, следовательно, незачем ссылаться на испанские события как на предлог для объявления войны [Ливий, 21, 18, 4-12; Полибий, 3, 21, 1-5]. По словам Полибия [3, 21, 3-5], карфагеняне подчеркивали, что в договоре, заключенном после I Пунической войны, который является основным документом, регулирующим взаимоотношения между Карфагеном и Римом, ни слова не говорится об Испании или Сагунте, но речь идет только о взаимном ненападении на союзников; между тем Сагунт, как утверждали пунийцы, не был союзником Рима. В свою очередь, римские послы отказались вести разговоры о чьих бы то ни было правах; эти разговоры имели бы смысл, если бы безопасность Сагунта не была нарушена; теперь же карфагенское правительство должно либо выдать виновных в нападении на этот город и тем самым доказать свою непричастность к содеянному беззаконию, либо признать себя соучастником [Полибий, 3, 21, 6-8].

Аргументация обеих сторон, очевидно, была выдвинута в ходе предварительных переговоров, потому что, насколько мы об этом осведомлены, на заседании карфагенского совета римляне вообще не обсуждали вопрос по существу [Ливий, 21, 18, 13; Полибий, 3, 33, 1]. Выслушав заявление того члена совета, которому было поручено подготовить официальный ответ, а именно, что карфагенское правительство отрицает за Римом право вмешиваться в сагунтинские дела, посольство приступило к выполнению второй части своего поручения. Разыгралась патетическая сцена [Полибий, 3, 33, 2-4; Ливий, 21, 18, 13-14; Апп., Исп., 13]. Квинт Фабий Максим, подобрав полу своей тоги так, что образовалось углубление, сказал: «Здесь мы приносим вам войну или мир, выбирайте из них то, что вам больше подходит!». Суффет, председательствовавший на заседании, воскликнул: «Дай из них то, что пожелаешь сам!» — «Я даю вам войну», — ответил Фабий, распуская тогу, и под громкие

[71] ***Scullard H.H.*** **Roman politics... P. 42. О. Мельтцер** ***(Meltzer O.*** **GK, II. P. 452) и Х. Скаллард думают, что, вероятно, во главе посольства стоял Марк Фабий Бутеон, однако Ливий [21, 18, 1] определенно говорит о Квинте Фабии.**

крики участников собрания «Принимаем!» покинул вместе со своими товарищами зал[72].

III

Ганнибал добился своего: несколькими боевыми операциями на Пиренейском полуострове, и в особенности осадой и захватом Сагунта, он заставил римлян объявить Карфагену войну (218 г.), а карфагенское правительство поставил в такое положение, что оно уже не могло, если бы даже и хотело, дезавуировать Ганнибала и выдать его врагам. Теперь Ганнибал мог готовиться к походу в Италию, используя для этого пребывание на зимних квартирах в Новом Карфагене.

Первая его мера заключалась в том, что он, как бы парадоксально это ни выглядело, предоставил длительный (на всю зиму) отпуск иберам, служившим у него в войсках, и разрешил им разойтись по домам [Полибий, 3, 33, 5; Ливий, 21, 21, 1-8]; целью этого маневра было, по словам Полибия, «подготовить для будущего» стойких и воодушевленных воинов. И действительно, отдых на родине, в кругу семьи, вдали от казарменной обстановки и лагерного быта восстановил силы иберов, а надежда на новые победы, богатую добычу и в какой-то мере страх перед карфагенскими властями заставили их весною возвратиться в строй.

Другой заботой Ганнибала — одной из самых важных — была «идеологическая» подготовка войны. Экспедиция в Италию пугала солдат: дорога казалась слишком далекой и опасной; заготовка продовольствия обещала почти непреодолимые трудности; на пути должны были встретиться дикие варварские племена. Рассказывали, будто на военном совете, где часто говорили об испытаниях, с которыми предстоит столкнуться Ганнибалу и его армии, один из его «друзей», тоже Ганнибал, по прозвищу Мономах, серьезно уверял: есть, мол, только один способ добраться до Италии — научить воинов есть человеческое мясо и позаботиться, чтобы они привыкли к этой пище; Ганнибал будто бы оценил смелость и целесообразность предложения, но только не мог заставить себя и своих близких последовать совету Мономаха [Полибий, 9, 24, 4-6]. Насколько верен этот рассказ, трудно сказать, так как в нем ясно ощущается враждебная Ганнибалу политическая тенденция, однако в римской политической пропаганде широко муссировался, как увидим, восходящий к нему мотив: Ганнибал

[72] В римской традиции [Гелл., 10, 27] существовал рассказ, согласно которому за пятнадцать лет до описываемых событий во время одного из конфликтов Кв. Фабий послал карфагенянам копье — символ войны и кадуцей (жезл) — символ мира, чтобы они выбрали, что пожелают (по варианту М. Варрона — небольшие тессеры с соответствующими изображениями); карфагеняне предоставили выбор самому Фабию. Никаких последствий, согласно данному повествованию, эта акция не имела. Авл Геллий ссылается на «древние писания», а также на М. Теренция Варрона, однако само повествование, по-видимому, позднего происхождения и возникло, быть может, как параллель к традиции об объявлении войны Карфагену в 218 г. (ср.: *Пирогов В.* Исследования... С. 165-166).

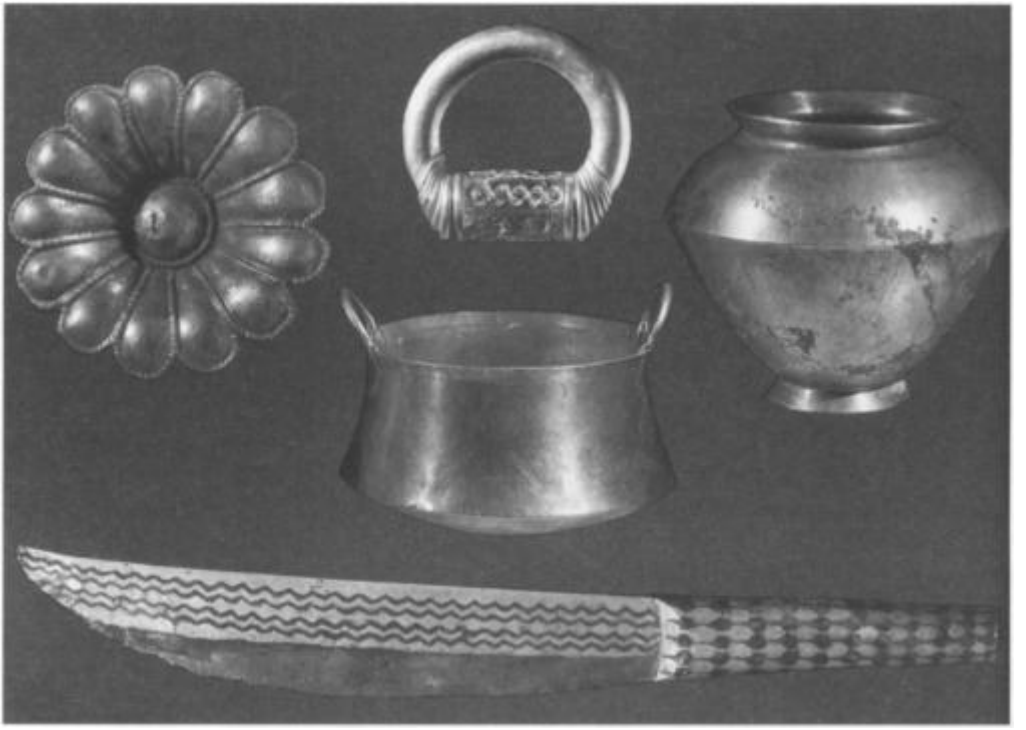
будто бы сознательно приучал своих воинов к людоедству. Вероятнее всего, перед нами — отражение ожесточенных споров в окружении Ганнибала о том, насколько выполнимо задуманное им предприятие, и Мономах бросил свою фразу, желая наиболее рельефно выразить свое отрицательное отношение к походу. Ганнибал, доводя до абсурда мысль Мономаха, столь же рельефно показывал, что его не остановят никакие препятствия.

Как бы то ни было, Ганнибал должен был убедить своих солдат, своих врагов и друзей, что боги сражаются на его стороне, что победа карфагенской армии обеспечена. С этой целью он отправился в Гадес и там, согласно ранее данным обетам, принес Мелькарту (Геркулесу, говорит Ливий) жертвы и совершил посвящения; там же, в храме Мелькарта, он взял на себя и новые клятвенные обещания богам на случай, если задуманное предприятие увенчается успехом [Ливий, 21, 21, 9]. По-видимому, тогда же среди воинов, да и не только среди них, стали распространяться слухи о чудесном сне, будто бы привидевшемся Ганнибалу и явно предвещающем победу [Циц., Предв., 1, 49; Ливий, 21, 22, 6-9; Вал. Макс, 17; Сил. Ит., 3, 163-214; Зонара, 8, 22].

Самые серьезные меры Ганнибал принял для обеспечения тыла — как в Африке, дабы обезопасить ее от возможного вторжения из Сицилии, так и на Пиренейском полуострове. Описывая эти меры, Полибий [3, 33, 18], за которым в данном случае точно следует и Тит Ливий, ссылается на надпись на медной таблице, которая по приказанию Ганнибала была воздвигнута в Лацинийском храме: там греческий историк нашел все необходимые сведения. Ганнибал решил направить в Африку воинов испанского происхождения, а в Испании разместить африканские гарнизоны; этой мерой, говорит Полибий [3, 33, 8], «он соединял обе части своей армии узами взаимной верности». Тит Ливий [21, 21, 11], мотивируя поступок Ганнибала, по-видимому, ближе к истине: пунийский полководец хотел, чтобы африканцы служили в Испании, а испанцы в Африке потому, что вдали от дома те и другие, как бы взаимно обменявшись заложниками, будут лучше исполнять свои обязанности. Очевидно, Ганнибал опасался не только римского вторжения, но и бунтов подвластных Карфагену ливийских и иберийских племен. В этом случае, конечно, наиболее целесообразно было использовать для подавления мятежей солдат-чужеземцев. Как бы то ни было, Ганнибал направил в Африку 13 850 пехотинцев и 1200 всадников, набранных из испанских племен — терситов, мастианов, оретан и олкадов; туда же он послал и 870 балеарских пращников [Полибий, 3, 33, 9-11; Ливий, 21, 21, 12]. Часть из них разместили в самом Карфагене, а основную массу — в ливийских городах. По настоянию Ганнибала в самой Ливий мобилизовали 4000 воинов и расквартировали в Карфагене — если понадобится, для обороны города, а при необходимости и в качестве заложников [Полибий, 3, 33, 14-16; Ливий, 21, 21, 13].

Командовать пунийскими войсками в Испании Ганнибал назначил своего брата

Карфаген. Торговый порт.



Медальон в форме розетки (XIX в. до н. э.), перстень-печатка (XIX в. до н. э.), два сосуда (XIX в. до н. э.) и царский нож с геометрическим декором (XVIII в. до н. э.). Бейрут, Национальный музей.

Сидон. Храм Эшмуна.
Бюст кипрского типа. VI в. до н. э.
Бейрут, Национальный музей.

Сидон. Храм Эшмуна (общий вид).

Карфаген. Гротескная маска негроидного типа.
VII-VI вв. до н. э.
Тунис, Музей Бардо

Аскос в виде кабана. Ок. III в. до н. э.
Палермо, Национальный археологический музей.

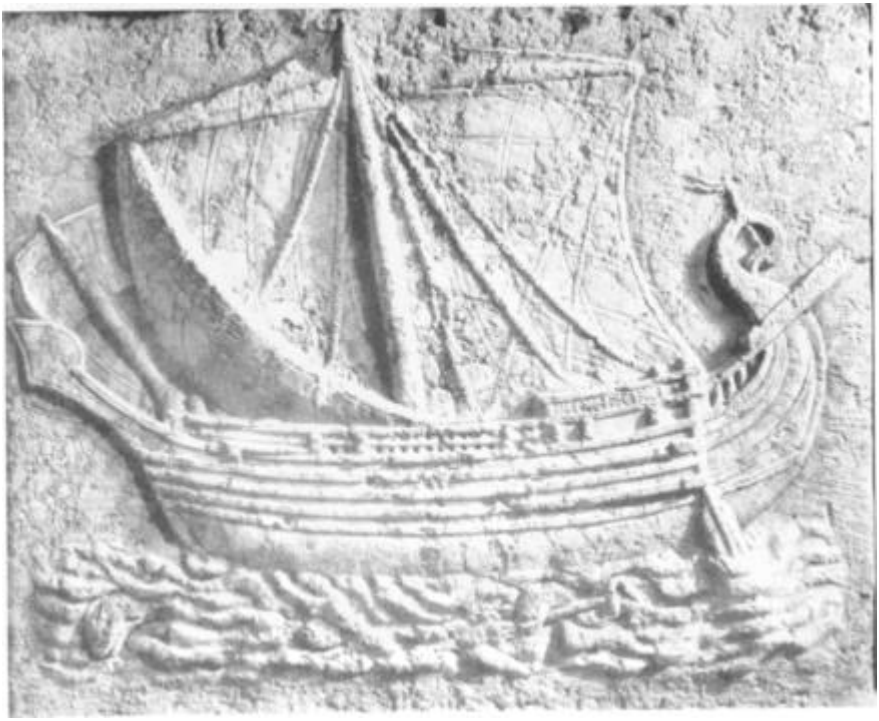
Библ. Бык, атакуемый грифоном и львом. XIII в. до н. э.
Бейрут, Национальный музей

Арслан-Таш. Орнамент царского ложа.
Сидящий сфинкс. Слоновая кость. IX в. до н. э.
Алеппо, Национальный археологический музей

Арслан-Таш. Орнамент царского ложа.
Рождение Гора. Слоновая кость. IX в. до н. э.
Париж, Лувр

Крышка саркофага жреца. IV—III в. до н. э.

Библ. Саркофаг царя Ахирама: царь изображен принимающим процессию несущих ему дары. XIII в. до н. э.



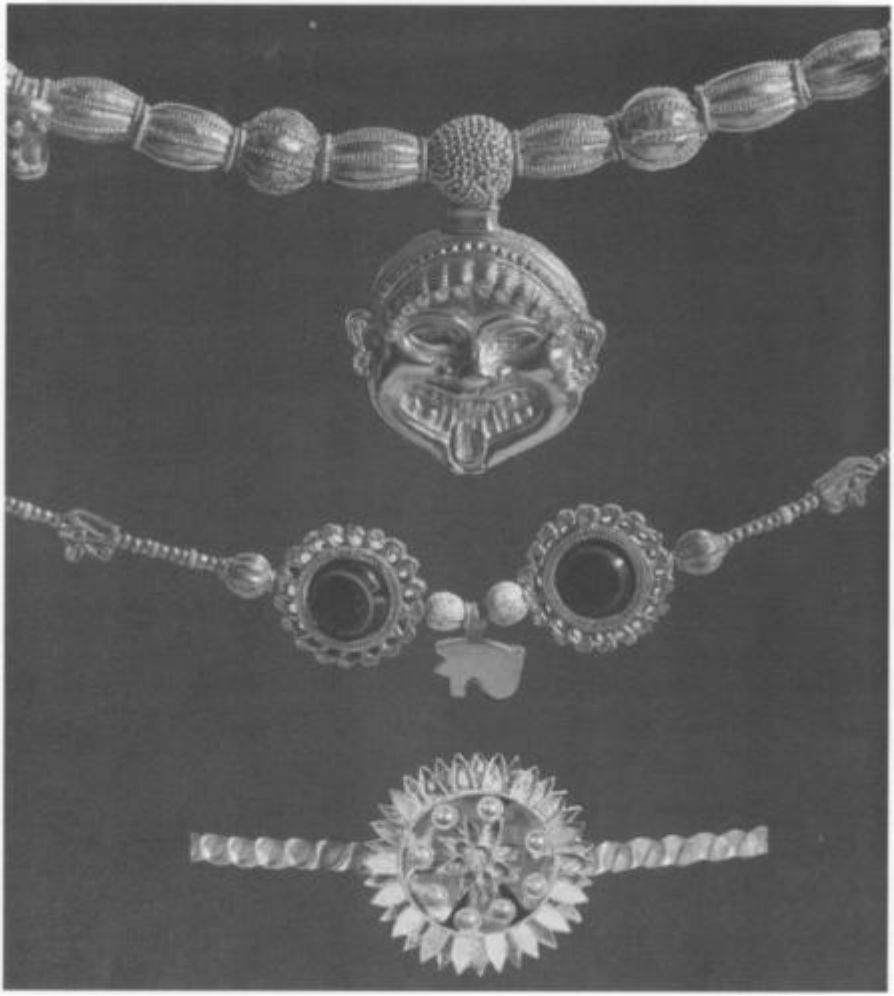
Сидон. Саркофаг (деталь): корабль. Ок. II в. н. э.

Угарит. Стела (деталь): Бог Ба'аль, вооруженный дубиной и копьем. XIX-XVIII в. до н. э. Париж, Лувр.

Библ. Саркофаг царя Аби Шему в погребальной камере. XIX в. до н. э.

Камень, на котором высечено стилизованное человеческое лицо. V вв. до н. э. Тунис, Музей Бардо.

Карфаген, тофет. Общий план.



Сидон.
Ожерелье с медальоном в виде гримасничающей головы Гаргоны (деталь).
V-IV вв. до н. э. Золото, филигрань.
Ожерелье с двумя агатами в оправе с утиными головами (деталь). V-IV вв. до н. э. Агаты, филигрань.
Венец с розой (деталь). V-IV вв. до н. э. Золото, перегородчатая эмаль, сердолики, бирюза.
Бейрут, Национальный музей.

Карфаген. Стела: бетиль с двойной триадой, астральными символами и «знаком Танит». IV—III вв. до н. э.
Париж. Лувр.

Сицилия. Монета.
Аверс: голова «Танит», окруженная дельфинами.
Реверс: «бюст» лошади и пальмы.
Ок. IV в. до н. э.
Палермо, Национальный археологический музей.

Карфаген. Стела (деталь): «знак Танит» и рыба. IV—III вв. до н. э. Париж, Лувр.

Карфаген. Тофет. Стела (деталь): жрец, несущий ребенка. Ок. IV в. до н. э. Тунис, Музей Бардо.

Гасдрубала и передал в его распоряжение значительные воинские силы: пехотинцев — 11850 ливийцев, 300 лигуров, 500 балеаров; всадников — 450 ливиофиникиян и ливийцев, 300 илергетов, 800 нумидийцев. Кроме того, у Гасдрубала были 21 слон и для обороны побережья от римского вторжения с моря флот в составе 50 пентер, 2 тетрер и 5 триер; правда, из них только триеры и 32 пентеры имели команды [Полибий, 3, 33 14-16; Ливий, 21, 22, 1-4].

Для похода в Италию Ганнибал располагал примерно 90 000 пехотинцев и 12 000 всадников [Полибий, 3, 35, 1; Ливий, 21, 23, 1]. Помимо собственно карфагенян, составлявших в этой армии, в общем, малозаметную прослойку, преимущественно командный состав, ее основные контингенты складывались из частью насильственно мобилизованных, частью завербованных ливийцев и иберийцев, а также из наемников различного происхождения и положения. На солдатских сходках Ганнибал говорил о том, с какой наглостью римляне требовали выдать его и всех военачальников, он рассказал, насколько плодородна и богата та страна, куда они идут, как дружески относятся к нему галлы — исконные враги Рима [Полибий, 3, 34, 8]. Легкая прогулка за богатой добычей — такою он рисовал своим солдатам будущую войну.

Впрочем, у него были основания рассчитывать на поддержку галлов. Используя зимнее время, Ганнибал развил энергичную разведывательную и дипломатическую деятельность. Агенты Ганнибала наводнили Южную Галлию. Они разведывали дороги, прощупывали настроения галльских племен и, что особенно важно, галльских вождей, вели с ними переговоры и от имени своего хозяина обещали все, что только можно было пожелать, за поддержку, за возможность пройти через Галлию, не подвергаясь нападениям со стороны местного населения. Результаты этих контактов как будто обнадеживали: антиримские настроения галлов позволяли надеяться если и не на прямую помощь, чего Ганнибал добивался, то по меньшей мере на дружеский нейтралитет [Полибий, 3, 34, 1-6; Апп., Исп., 13].

Римляне готовились оказать сопротивление. Еще до того как посольство Квинта Фабия Максима формально объявило войну Карфагену, они предоставили в распоряжение консулов крупные воинские контингенты. Тиберий Семпроний Лонг, которому, как уже говорилось, в качестве провинции была назначена Сицилия с перспективой вторгнуться в Африку, получил два легиона (из них в каждом было по 4000 пехотинцев и 300 всадников), 16000 пехотинцев и 1800 всадников из числа союзников, а также 160 боевых кораблей и 12 небольших вспомогательных судов. Всего, таким образом, Семпроний располагал 24 000 пехотинцев и 2400 всадников. Публий Корнелий Сципион имел также два легиона с 14000 пехотинцев и 1600 всадников из союзнических контингентов и, кроме того, 60 пентер — всего, таким образом, в его распоряжении находились 22 000 пехотинцев и 2200 всадников. Сверх этого со значительными силами в Галлию был послан претор Луций Манлий; там расквартировали два легиона с 10 000 пехотинцев-союзников и 1000 всадников-союзников;

всего римляне имели в Галлии 18 000 пехотинцев и 1600 всадников. В целом римская армия насчитывала 64000 пехоты и 6200 кавалерии [Ливий, 21,17, 5-9] — значительно меньше, чем было у Ганнибала. Существенное преимущество римлян заключалось, между прочим, в том, что им предстояло воевать на родине и для них мобилизация дополнительных воинских контингентов была более простым делом, чем для пунийского полководца получение подкреплений. Нельзя, впрочем, не видеть и распыленности римской армии, и отсутствия единого командования, что, конечно, затрудняло римлянам ведение боевых операций [ср. также у Апп., Исп., 14].

Дипломатическая подготовка войны, которую римское правительство попыталось было вести, обнаружила почти полную изоляцию Рима. Посольство Квинта Фабия Максима, возвращаясь из Карфагена, снова прибыло в Испанию (естественно, севернее Ибера). Там оно должно было склонить к союзу с Римом местные племена и поначалу добилось определенного успеха. Прибыв к баргусиям, ненавидевшим карфагенян, они смогли заручиться их поддержкой, однако потом направились к волкианам и там встретили отпор, тем более страшный, что он уничтожил все надежды на приобретение союзников в Испании. Как бы ни относиться к тексту речей, которые Ливий вкладывает в уста своих персонажей, и в частности здесь в уста волкианского старейшины, основной смысл ответа он передает, несомненно, верно. Старейшина («старейший по рождению», — пишет Ливий) напомнил послам о судьбе Сагунта, надеявшегося на римскую помощь и погибшего, так ее и не дождавшись. Совершив, таким образом, безрезультатную поездку в Испанию, Фабий и его коллеги отправились в Галлию [Ливий, 21, 19, 6-11]. Там их приняли еще более недружелюбно. Ливий изображает народное собрание одного из галльских племен, которое просьбы римлян не пропускать Ганнибала через Галлию в Италию встретило взрывом смеха: галлы вовсе не хотели ввязываться в тяжелую войну и подвергать свою страну разорению ради спасения Рима; к тому же притеснения, которые чинил Рим по отношению к цисальпинским галлам, не воодушевляли трансальпийских галлов на то, чтобы оказывать ему помощь. Такие или примерно такие сцены происходили повсеместно. «Вообще, — пишет Ливий, — послы не слышали ни одного сколько-нибудь приветливого и миролюбивого слова, пока не прибыли в Массилию» [Ливий, 21, 20, 1-

[73] У. Карштедт (см.: *Meltzer O.* GK, III. С. 371, прим. 1) считает рассказ о переговорах римского посольства в Испании и Галлии литературным вымыслом, который должен оправдать медлительность римской подготовки к войне. Ему кажется невероятным, чтобы послы, совершив такой исключительный акт, как объявление войны, отправились путешествовать, так что их правительство сначала узнало о выступлении неприятеля и только потом о возвращении своих послов. Эти рассуждения, однако, сами по себе не опровергают прямого указания Ливия. Обеспечить нейтралитет иберийских и галльских племен было слишком важной задачей, чтобы ее выполнение можно было отложить; сенат же, несомненно, мог быть извещен об исходе посольства задолго до его возвращения в Рим.

укреплению своего положения в Цисальпинской Галлии, и прежде всего колонизации этой страны. В Галлии быстро возводились городские стены, и было объявлено, что в течение 30 дней колонисты должны явиться на место (первоначальное население каждой колонии было определено в 6000 человек); так в кратчайшие сроки римляне основали две колонии — Плаценцию к югу от р. Пада и Кремону к северу от нее. Однако эти приготовления в самом близком будущем привели к новым осложнениям.

Между тем наступила весна 218 г., и Ганнибал, закончив необходимые приготовления, двинулся из Нового Карфагена вдоль морского побережья, мимо разрушенного Сагунта, мимо крупнейшего иберийского города Этовиссы на север и тремя колоннами форсировал Ибер [Ливий, 21, 22, 5; 21, 23, 1]. Здесь, севернее пограничной реки, он установил свою власть (или власть Карфагена, что в данном случае было одно и то же) над местными племенами — илергетами, баргусиями, авсетанами, преодолев их упорное сопротивление, а также над Лацетанией — страной, непосредственно прилегавшей к Пиренейским горам [Ливий, 21, 23, 2; Полибий, 3, 35, 2-4]. Наместником этой страны Ганнибал сделал Ганнона, которому дал 10000 пехотинцев и 1000 всадников; важнейшей задачей Ганнона было сохранить контроль над баргусиями, для чего Ганнибал предоставил ему неограниченные полномочия, и удержать в своих руках проходы через Пиренеи [Полибий, 3, 35, 4-5; Ливий, 21, 23, 23].

С серьезными осложнениями Ганнибал встретился и при переходе через Пиренеи — на этот раз он имел дело с недовольством в своей собственной армии: 3000 пехотинцев-карпетан отказались идти дальше и вообще служить под пунийскими знаменами. По-видимому, римскому патриотизму Ливия следует приписать его заявление, будто эти события произошли потому, что варвары точнее стали представлять себе предстоявшую им с Римом войну. Здесь же Ливий дает и более объективное объяснение: карпетаны опасались не столько самой войны, сколько длительного похода в Италию и неприступности Альп. Положение складывалось для Ганнибала весьма неприятное: уговорить взбунтовавшихся солдат вернуться на службу не удавалось, а применить к ним силу он также не мог, если не желал вызвать недовольство у других своих воинов. Ганнибал принял смелое решение: он сделал вид, будто добровольно отпускает карпетан, и заодно отправил на родину еще 7000 пехотинцев, о которых было известно, что они тяготятся службой в его армии [Ливий, 21, 23, 4-6; С пускает этих воинов для того, чтобы они сохранили верность ему, Ганнибалу, чтобы у всех остальных окрепла надежда вернуться домой, чтобы, наконец, все иберы — и уходящие в поход, и остающиеся дома — ревностно делали все, что от них потребуется, разумеется, для укрепления карфагенского господства [Полибий, 3, 35, 6].

Всего в распоряжении пунийского военачальника теперь осталось 50 000 пехотинцев и около 9000 всадников; с ними он преодолел Пиренеи и вступил в Галлию [Полибий, 3, 35, 7].

Известие о том, что карфагенские войска находятся в их стране и что Ганнибал разместил свой лагерь у г. Илиберры, вызвало у галльских племен волнение и тревогу, хотя лазутчики Ганнибала и уверяли, что их хозяин не собирается воевать в Галлии и разорять ее. Галлы были хорошо наслышаны о том, как поступал Ганнибал с иберийскими племенами, переправившись через Ибер, как он покорял их силой и размещал у них свои гарнизоны. Страх потерять свободу заставил галлов взяться за оружие; несколько племен собрались в Рускиноне, явно готовясь к войне. Дипломатическая подготовка, так искусно проведенная Ганнибалом, оказалась напрасной; как и в Испании, он снова стоял перед выбором: либо подчинить галльские племена оружием, либо с помощью переговоров добиться их благожелательного нейтралитета. Ганнибал решил прибегнуть ко второму пути и направил к галльским «царькам» — очевидно, племенным вождям и старейшинам — своих «ораторов» с приглашением явиться на личные переговоры. Посланцы Ганнибала снова и снова повторяли, что он пришел в Галлию как гость, а не как враг, что, если галлам это будет угодно, он обнажит свой меч, только вступив на территорию Италии. Галльские «царьки» прибыли в лагерь Ганнибала и, окончательно успокоенные его миролюбивыми речами и ублаготворенные богатыми подарками, позволили ему проследовать через их земли мимо Рускинона [Ливий, 21, 24]. Внушая одним племенам страх, а на других воздействуя дарами, Ганнибал беспрепятственно подошел к стране, которую занимало галльское племя волков, к берегам Родана (ср. также указание Полибия [3, 41, 7], где сказано, что, проходя через Галлию, Ганнибал должен был прибегать также и к насилию; однако Зонара [8, 23] пишет, что, пока Ганнибал шел через Галлию к Родану, никто не оказывал ему сопротивления).

Успешное движение Ганнибала через Северную Испанию и Галлию создавало прямую угрозу римским владениям в Северной Италии. Между тем Рим был втянут в трудную и кровопролитную войну с цисальпинскими галльскими племенами (бойями и инсумбрами), вообще не желавшими терпеть римского господства, а уж основание Кремоны и Плаценции воспринявшими как прямую угрозу и своим имущественным интересам, и остаткам своей независимости. Было ясно, что римские колонисты в самое ближайшее время вытеснят коренное население из долины Пада. Бойи, надеявшиеся на скорый приход Ганнибала и на близкое избавление от чужеземного гнета, рассчитывавшие, что римское правительство, занятое войной с Карфагеном, не сможет найти достаточно средств для борьбы еще и с ними, напали на обе колонии и заставили поселенцев, а также триумвиров, направленных для распределения земель между колонистами, бежать в Мутину. Там римляне оказались в

осаде и, не видя пока другого средства к избавлению, решили начать переговоры с противником. Бойи, по всей видимости, были согласны, однако, к ужасу колонистов, вместо обмена мнениями они попросту захватили в плен римских представителей, чтобы впоследствии обменять их на своих, взятых заложниками.

Получив известие об осаде Мутины и о судьбе послов, отправленных к бойям, претор Луций Манлий — тот самый, которому была поручена оборона Северной Италии, — отправился к Мутине. Единственная дорога к этому городу вела через глухие леса, и там бойи устроили засаду. С большим трудом и огромными потерями Манлий прорвался к поселению Таннет неподалеку от р. Пад; там римляне наспех построили укрепления и сели в осаду. Их положение несколько облегчалось тем, что по Паду они получали необходимые припасы и, кроме того, им оказывало помощь союзное Риму галльское племя бриксианы.

Теперь сенат поручил другому претору, Г. Атилию, в чье распоряжение был дан один легион и 5000 союзников нового набора, идти на выручку к Манлию; не встретив на своем пути противника, Атилий без труда прибыл в Таннет и снял осаду [Полибий, 3, 40, 6-14; Ливий, 21, 25, 2-26, 2]. Тем не менее положение в Цисальпинской Галлии оставалось очень напряженным; бойи и их союзники отнюдь не были покорены и не только с нетерпением ожидали Ганнибала, но даже вступили с ним, как увидим далее, в прямые переговоры.

Более успешными для римлян были военные действия в Сицилии [Ливий, 21, 49-51]. Вскоре после объявления войны карфагенское правительство отправило 20 пентер с 1000 воинов опустошать италийское побережье; 9 из них бросили якорь у Липарских островов, 8 — у о-ва Вулкана, а 3 были занесены течением в Мессинский пролив и там захвачены сиракузским царем Гиероном — старым союзником Рима. Допросив пленных, Гиерон узнал, что еще другие 35 кораблей идут в Сицилию для того, чтобы там побудить к антиримским выступлениям старинных союзников Карфагена и захватить Лилибей. Эти сведения Гиерон тотчас сообщил претору Марку Эмилию, управлявшему римской провинцией на острове. Эмилий приказал повсеместно на побережье быть в боевой готовности, а морякам заготовить на кораблях десятидневный запас сухарей, чтобы быть готовыми без промедления выйти в море. Свои войска он, следуя совету Гиерона, сосредоточил в Лилибее. Карфагенская флотилия не сумела незаметно подойти к Лилибею; при ее приближении лунной ночью в городе подняли тревогу; все воины мгновенно заняли свои места на стенах, башнях и кораблях. На рассвете карфагеняне отступили в открытое море и там, в абордажном бою, потерпели поражение. Римляне захватили 7 пунийских кораблей с экипажем в 1700 человек и без потерь вернулись в Лилибей. Тем временем в Сицилию явился консул Тиберий Семпроний Лонг и вместе с Гиероном двинулся в Лилибей. Там, узнав об одержанной победе, он отправил Гиерона обратно в Сиракузы, а сам, поручив претору охрану сицилийского побережья, напал на о-в Мелиту.

Тамошний пунийский гарнизон (около 2000 воинов) во главе с комендантом Гамилькаром, сыном Гисгона, сдался в плен; некоторое время спустя все пленные были проданы в рабство. Забегая несколько вперед, скажем и о других операциях Семпрония, развертывавшихся во время похода Ганнибала в Италию. Овладев Мелитой, Семпроний решил теперь расправиться с карфагенской флотилией, стоявшей у о-ва Вулкана, однако там он не нашел противника. Карфагеняне отправились к берегам Италии и совершили набег на Вибон; в этот именно момент консул получил известие, вынудившее его, приняв спешные меры для обороны острова и италийского побережья, незамедлительно выехать на север.

И действительно, главная опасность подстерегала римлян не там — не в Цисальпинской Галлии и не в Сицилии и на юге Италии, а у берегов Родана, где Ганнибал готовился к переправе. Задержать здесь пунийское наступление, не дать Ганнибалу двигаться дальше на восток было основной задачей и прямой обязанностью консула Публия Корнелия Сципиона: ведь это ему в качестве провинции была назначена Испания и, следовательно, поручена вооруженная борьба с Ганнибалом. У нас нет определенных сведений о месте, где застала Сципиона весть о том, что Ганнибал перешел через Пиренеи и движется к Родану. По рассказам Полибия [3, 41, 2] и Аппиана [Ганниб., 5], он уже направился в Иберию на 60 кораблях; из повествования Тита Ливия [21, 26, 3] следует, что консул еще находился в Риме и там проводил мобилизацию нового легиона взамен того, который под командованием Г. Атилия пришлось отправить в Северную Италию. Ясно одно: получив донесения о движении Ганнибала, Сципион, будучи еще в полной уверенности, что враг находится где-то у Пиренеев, бросился к Массилии; высадившись там и, к своему глубокому изумлению, узнав, что неприятель уже подошел к Родану, он отправил вверх по течению Родана 300 отборных всадников с массалиотскими проводниками и наемниками-галлами, служившими в массалиотских войсках. Они должны были проследить за тем, что предпримут карфагеняне [Полибий, 3, 41; Ливий, 21, 26, 3-5].

А Ганнибал готовился к переправе. Задача, которая ему предстояла, была поистине тяжела. Хотя он и сумел привлечь к себе волков, живших на правом берегу Родана [Полибий, 3, 42, 2; Ливий, 21, 26, 7], на левом берегу — и это карфагенскому полководцу было хорошо известно — собрались полчища других волков, настроенных воинственно и намеревавшихся не допустить переправу [Ливий, 21, 26, 6]. Переправлять через глубокую быструю реку нужно было не только людей и осадные орудия, но и лошадей и — самое трудное — слонов. В пунийском лагере, который Ганнибал разбил в четырех днях пути от моря, кипела работа: окрестные жители свозили туда лодки-долбленки и сшитые из досок, наращенных на шпангоутный скелет, а также древесину для постройки долбленок; в течение двух дней воины Ганнибала построили много суденышек, которые могли нести на себе тяжелый груз [Полибий, 3, 42, 2-3; Ливий, 21, 26, 7-9; ср. также у Зонары, 8, 23].

Тем не менее вся эта подготовка могла оказаться напрасной: пока на другой стороне находился враг, Ганнибал не мог решиться переправлять воинов, так как его армия понесла бы слишком большие потери, и тем более не мог переправлять лошадей и слонов. Необходимо было обезвредить левобережных волков. С этой целью Ганнибал послал ночью часть своей армии, главным образом иберов, под командованием суффета Ганнона, сына Бомилькара (согласно Зонаре [8, 23], с отрядом всадников был послан брат Ганнибала — Магон), вверх по реке. Там они должны были перейти на левый берег, создавая тем самым угрозу неприятелю. Пройдя на север около 200 стадий, воины Ганнона подошли к месту, где русло Родана разделяется на два рукава; на поспешно сколоченных плотах и иных подручных средствах, а многие иберы и вплавь, они перебрались на левый берег реки [Полибий, 3, 42, 5-9; Ливий, 21, 27, 2-5]. После однодневного отдыха отряд Ганнона двинулся к лагерю волков и, приблизившись к нему, кострами дал знать Ганнибалу о своем прибытии. Ганнибал немедленно начал переправу. Его солдатам пришлось бороться с быстрым течением и в особенности с неприятелем, завязывавшим схватки уже в реке. На левом берегу Родана огромная толпа волков, распевая боевые песни, поджидала карфагенян; однако в это время Ганнон захватил их лагерь и затем ударил по ним с тыла; поначалу волки пытались сопротивляться, но потом, не выдержав боя сразу на двух фронтах, разбежались. Ганнибал получил возможность спокойно завершить переправу [Полибий, 3, 43, 1-12; Ливий, 21, 27, 7-28, 4].

На следующий день, когда Ганнибалу оставалось еще самое трудное — перевезти на другой берег боевых слонов, ему донесли, что в устье Родана появился римский флот. Ганнибал отправил на разведку 500 нумидийских всадников, однако недалеко от своего собственного лагеря они столкнулись с римским конным отрядом, который Сципион послал на север. В ожесточенной схватке нумидийцы потеряли более 200 человек (тогда как их противники потеряли 160 не только римлян, но и их галльских союзников) и обратились в бегство; римляне преследовали их до самого лагеря, а затем повернули назад. Первое в этой войне столкновение между карфагенянами и римлянами принесло, таким образом, победу римскому оружию, однако эта победа не оказала сколько-нибудь заметного влияния на ход военных действий [Полибий, 3, 44, 3 и 45, 1-3; Ливий 21, 29, 1-4].

Какова была последовательность дальнейших событий, мы не знаем. По данным Полибия [3, 44-47], пока нумидийские всадники еще не вернулись в лагерь, Ганнибал устроил солдатскую сходку, на которой выступили представители бойев, звавшие пунийских воинов в Италию, после этого переправил слонов и уже затем двинулся дальше на восток. Ливий [21, 28-30] пишет, что слонов переправляли одновременно с экспедицией нумидийских всадников, потом, когда всадники вернулись, состоялась сходка с участием бойев и вслед за тем, воодушевив своих воинов, Ганнибал начал альпийский поход. По-видимому, столь значительные рас-

хождения объясняются тем, что все перечисленные события происходили более или менее одновременно, так что в памяти у разных свидетелей они отложились по-разному.

Во всяком случае, переправа слонов была, пожалуй, самой трудной частью всей операции. До нас дошло несколько рассказов об этом. По Ливию [21, 28, 5], всех слонов собрали на берегу; самого злобного удалось привести в ярость, и он бросился вслед за своим погонщиком в реку; за ним устремилось и все стадо. Когда животные теряли брод, само течение выносило их на берег.

Однако более правдоподобным Ливий считает другое предание [21, 28, 6-12], которое излагает и Полибий [3, 46]. Согласно этой версии, слонов перевезли на плотах. У берега пунийцы прикрепили канатами к деревьям покрытый дерном широкий помост, куда погонщики загоняли своих слонов, и уже оттуда животных заставляли переходить на плоты, также покрытые дерном и по внешнему виду не отличавшиеся от помоста. Окруженные со всех сторон водой, слоны волновались, а некоторые даже падали в реку, однако и они сумели выбраться на берег. Все закончилось благополучно.

Впрочем, не только переправа заботила Ганнибала. Не менее важно было решить другую, неожиданно возникшую задачу. У Ганнибала имелись две возможности—либо дать сражение армии Сципиона, находившейся в устье Родана (Сципион, сколько можно об этом судить, выжидал, предоставляя инициативу неприятелю), либо продолжать поход в Италию [Ливий, 21, 29, 5-6]. Конец колебаниям положило прибытие послов от бойев, среди которых был и их «царек» Магал (по Полибию, Магил). Бойи настойчиво убеждали Ганнибала не отказываться от первоначального замысла идти в Италию и предлагали свои услуги в качестве проводников и союзников.

Собственно, все преимущества такого решения были ясны и Ганнибалу: придя в Северную Италию, он попадет в окружение союзников, сможет поднять на вооруженную борьбу всех покоренных римлянами италиков и тем создаст угрозу самому существованию Римского государства, тогда как битва со Сципионом, не решая какой бы то ни было военно-политической задачи, привела бы только к ненужным, бессмысленным потерям; ведь даже после победы пришлось бы все равно идти в Италию и там все начинать сначала. Собрав своих воинов, Ганнибал без труда добился их одобрения [Полибий, 3, 44, 5-13; Ливий, 21, 30, 1-31, 2].

Предпринимая свое движение через Альпы, Ганнибал, что для него очень характерно, тщательнейшим образом подготовился к этому труднейшему походу: разведчики доставили ему точную информацию и о стране, через которую ему предстояло идти, и об антиримских настроениях ее обитателей (что, как мы увидим далее, вовсе не помешало им впоследствии напасть на пунийцев и сильно затруднить их действия); Ганнибалу удалось получить надежных проводников из местного населения,

хорошо знавших дорогу и сохранявших верность своему работодателю, несмотря на все трудности и невзгоды [Полибий, 3, 48, 10-11]. Знал пунийский полководец, разумеется, и о том, что Альпы вовсе не недоступны для многочисленной армии; его информаторы не могли не рассказать ему, как из долины Родана галлы не раз и не два переходили в Цисальпинскую Галлию через Альпы, чтобы там соединиться с местными галльскими племенами для совместной борьбы против Рима [Полибий, 3, 48, б][74]. Тем не менее всех опасностей он предусмотреть не мог.

Вначале, как пишет Ливий, на другой день после солдатской сходки, Ганнибал направился вверх по течению Родана на север, рассчитывая тем вернее уйти от римлян и не позволить им навязать ему сражение в долине Родана или у предгорий Альп; через четыре дня его армия подошла к Острову — местности, омываемой со всех сторон водами Родана и Исары. Там он столкнулся с совершенно для него неожиданной и тем не менее очень благоприятной политической ситуацией. Галльское племя аллоброгов, населявшее Остров и прилегающие территории и державшее в своих руках дорогу к Альпам, переживало смутное время; здесь шла борьба за власть между двумя братьями: старший из них, Бранк, уже управлявший племенем и пользовавшийся поддержкой совета старейшин («сената», пишет Ливий) и знати, был свергнут младшим, вокруг которого группировалась «молодежь», то есть, очевидно, все, кто не имел доступа к власти. Вмешавшись в эту борьбу по прямой, как пишет Полибий, просьбе старшего, Ганнибал помог изгнать младшего претендента. Благодарный победитель щедро заплатил за такую помощь. Армия Ганнибала получила продовольствие и теплую одежду, необходимые для перехода через Альпы, все старое и испорченное оружие было заменено новым. Однако самым существенным для Ганнибала было другое. Дружеские отношения с аллоброгами позволяли ему, казалось, не опасаться внезапного нападения: Бранк со своими воинами прикрывал с тыла карфагенскую армию [Полибий, 3, 49, 5-13; Ливий, 21, 31, 1-9].

От Острова Ганнибал двинулся на восток — через страну трискастинов и затем вдоль границ области виконтиев на земли трикориев, а там переправился через р. Друенцию [Ливий, 21, 31, 9-12].

Между тем Публий Корнелий Сципион решился наконец взять инициативу в свои руки, дать сражение и примерно через три дня после того, как Ганнибал отправился на север, двинул свои легионы в боевом строю к карфагенскому лагерю, однако... к величайшему своему изумлению, обнаружил, что неприятель уже давно ушел. Догонять Ганнибала показалось ему делом безнадежным, и он решил отправиться в Италию, чтобы там, у подножия Альп, встретить грозного противника. В Испанию для ведения войны с Гасдрубалом Баркидом он послал в качестве легата своего брата Гнея Корнелия Сципиона, дав ему почти все свои контингенты. Явив-

74 Ср.: *Pais E.* Storia di Roma durante le guerre Puniche. Vol. I. P. 210.

шись на Апеннинский полуостров, Публий возглавил римские войска, находившиеся в долине Пада [Полибий, 3, 49, 1-4; Ливий, 21, 32, 1-5].

На девятый день пути Ганнибал подошел к горам и обнаружил, что высоты, господствующие над проходом, заняты горцами (по Полибию, аллоброгами). Расположив свой лагерь у перевала и выжидая, пунийский полководец, подослав к аллоброгам своих лазутчиков, узнал: горцы занимают свои позиции только днем, а по ночам, оставляя небольшое сторожевое охранение, уходят к себе в «город» (очевидно, имеется в виду поселение горных аллоброгов). Используя это обстоятельство, Ганнибал днем, на виду у противника двинулся вперед, а ночью, зажегши в лагере костры, со сравнительно небольшим отрядом овладел высотами. На другой день пунийская армия начала свой путь через горы. Пользуясь тем, что подъем в этом месте был очень крут и узок, что вьючные животные при малейшем неосторожном движении падали в пропасть, что в армии Ганнибала царила обычная в таких случаях неразбериха, аллоброги, оправившись от смятения, вызванного утратой выгодных рубежей, решили ударить по карфагенянам; ценой огромных потерь Ганнибалу удалось обратить их в бегство и овладеть «городом», где он захватил продовольствие, вьючных лошадей и пленников.

После этого в течение трех дней Ганнибал мог двигаться, не встречая препятствий, однако на четвертый день попал в засаду. Идя по склонам гор параллельно движению Ганнибала, горцы обрушивали на его солдат камни и огромные глыбы; им даже удалось на какое-то время рассечь пунийскую колонну и отделить пехоту Ганнибала от конницы и обозов; ценой неимоверных усилий пунийская армия выбралась из ущелья. Позже Ганнибал не встречал в Альпах столь же серьезной опасности, однако тамошние жители пользовались любым подходящим моментом, чтобы захватить лошадей с их вьюками или пленных — усталых и обмороженных воинов, тащившихся все выше и выше в горы. Наконец пунийцы достигли перевала, через который открывался путь в Италию[75].

[75] Вопрос о том, через какой перевал Ганнибал пересек Альпы, на протяжении длительного времени служит объектом, в общем, бесполезной дискуссии. Уже Тит Ливий [21, 38) приводил гипотезы, согласно которым Ганнибал воспользовался либо пеннинскими Альпами (Валерий Антиат), либо Кремонским перевалом (Цэлий Антипатр). Наполеон полагал, что Ганнибал воспользовался перевалом Мон-Сени *(Napoleon I.* Correspondence. Vol. 31, Paris, 1869. P. 408). По мнению У. Карштедта *(Meltzer O.* GK, III. P. 121-188), точно определить маршрут Ганнибала в Альпах невозможно; У. Карштедт полагает, что он не мог идти через Сен-Бернар; наиболее вероятные пути — Мон-Женевр или Мон-Сени. Как думал К.Нейман *(Neumann C.* Das Zeitalter der Punischen Kriege. Breslau, 1883. P. 289), и Малый Сен-Бернар, и Мон-Сени исключаются; имеется только одна возможность — Мон-Женевр. Н.С.Голицын (Всеобщая военная история древних времен. Ч. III. СПб., 1874. С. 40-42) высказывается в пользу Мон-Сени. Н. Михневич (История военного искусства. СПб., 1895. С. 87) не высказывается определенно. Э. Паис *(Pais E.* Storia. Vol. I. P. 212-216) не высказывает определенной точки зрения. Леншау *(Lenschau.* Hannibal. Sp. 2329) считает наиболее вероятным, что Ганнибал шел через Малый Сен-Бернар; такую же позицию занимают

Два дня Ганнибал стоял лагерем на перевале: воины, измученные трудным и опасным подъемом, должны были отдохнуть перед не менее трудным и опасным спуском. Однако полностью восстановить силы своего воинства Ганнибалу так и не удалось: стояла глубокая осень, наступили холода, а в ночь заката Плеяд (то есть 7 ноября) выпал снег. На рассвете Ганнибал приказал сниматься с места; воины шли медленно, как бы нехотя; на всех лицах, пишет Ливий, можно было прочесть выражение тоски и отчаяния. Тогда-то, выйдя вперед, Ганнибал показал им с вершины гор Италию, прилегающие к горной цепи плодородные поля в долине Пада. Ливий вкладывает в его уста примечательные слова: теперь его воины преодолевают не только стены Италии, но и стены Рима; теперь все пойдет как по ровному отлогому спуску; одна, в крайнем случае две битвы отдадут в их руки важнейшую твердыню и главный город Италии. Испытанное средство подействовало: надежда на близкое уже разграбление богатой и, казалось, незащищенной страны вдохнула в солдат Ганнибала новые силы.

Они спускались по узкой, крутой, заснеженной и скользкой тропе; одно неосторожное движение — и человек летел в пропасть. Так карфагеняне подошли к скале, около которой тропа еще больше сужалась и становилась еще круче. Обойти это место было невозможно: сначала шли по снегу, а затем начали скользить по голому льду, не имея ни опоры, ни возможности подняться; лошади, пробивая копытами лед, оказывались как бы в капкане и не могли двигаться дальше. Расположив свой лагерь на перевале, Ганнибал приказал расчистить дорогу от снега; у скалы его солдаты развели огромный костер и потом залили раскаленную скалу уксусом и, работая железными орудиями, проложили дорогу через разрыхлившуюся массу. По словам Аппиана [Апп., Ганниб., 4], дорога, построенная солдатами Ганнибала, (продолжала существовать еще во II в. н.э.; она и тогда носила имя пунийского полководца — Ганнибалов проход. Через три дня можно было вывести в долину вьючных лошадей, которых тут же отправили на пастбища, и слонов. Дав утомленным воинам дополнительный отдых, еще через три дня Ганнибал оказался на равнине [Полибий, 3, 50-56; Ливий, 21, 32-37; Орозий, 4, 14, 3-4].

Т. Додж *(Dodge Th. A.* Hannibal. P. 195) и У.Моррис *(O'Connor Morris W.* Hannibal. New York, 1897. P. 114-115). Ж.Вальтер *(Walter G.* La destruction de Carthage. P. 311-314) высказывается в пользу Мон-Сени. С точки зрения Дж. де Вира *[Beer G. de.* Alps and elephants. New York, 1956], переход состоялся через Кол де ла Траверсетте. По Б. Комбе-Фарну, Ганнибал, вероятно, перешел Альпы между Малым Сен-Бернаром и Мон-Женевр. См.: *Combel FamouxB.* Les guerres puniques. Paris, I960. P. 82.

Глава третья

БЕСПОЛЕЗНЫЕ ПОБЕДЫ (ОТ ТИЦИНА ДО КАНН)

Вторжение карфагенских войск в Северную Италию существенно изменило политическую обстановку — разумеется, к невыгоде Рима. Ганнибал надолго превратил Италию в основной театр военных действий, сделав испанский фронт второстепенным и заставив римлян отказаться от активных боевых операций в Сицилии и тем более от мысли вторгнуться в Африку. На Апеннинском полуострове появилась грозная сила, на которую могли уповать все, кто мечтал об избавлении от римского владычества, — от постоянно бунтовавших бойев и инсумбров на севере до «союзников» поневоле в Южной Италии (правда, италики поначалу предпочитали выжидать). Однако римское командование поначалу недооценивало своего противника: Сципион думал, что Ганнибал никогда не осмелится пересечь Альпы, а если решится на такой безумный шаг, то неминуемо погибнет [Полибий, 3, 61, 5-7].

И действительно, войско Ганнибала понесло огромные потери. По данным Полибия [3, 56, 4; ср. также 3, 60, 5], который ссылается в данном случае на лацинийскую надпись, то есть на сведения, исходящие от самого Ганнибала, придя в Италию, он располагал 12 000 ливийских и примерно 8000 иберийских пехотинцев (всего, следовательно, около 20000) и не более чем 6000 всадников. По-видимому, эти сведения предпочтительнее, нежели традиция, повествующая, будто Ганнибал привел в Италию 80 000-100 000 пехотинцев, 20 000 всадников и 37 слонов [Евтропий, 3, 8; Орозий, 4, 14, 5]. Кроме того, армия Ганнибала нуждалась в отдыхе.

Неудивительно, что Ганнибал заботился прежде всего о восстановлении моральных и физических сил своих солдат [Полибий, 3, 60, 7]. Правда, ему предстояло столкнуться с войсками, которые Сципион принял от Манлия и Атилия, состоявшими частью из новобранцев, а частью из солдат, перенесших тяжелые и позорные поражения в борьбе с галлам [Ливий, 21, 39, 3]. И все же римские войска должны были вступить в борьбу после длительного отдыха и серьезной всесторонней подготовки. К тому же и Сципион был далеко не таким неспособным полководцем, как это казалось Ганнибалу. Последний был твердо убежден, что Сципион не сумеет в короткий срок явиться от устья Родана к подножию Альп, однако римскому консулу это удалось, и Ганнибал вынужден был признать, что ему противостоит военачальник, обладающий значительными тактическими и организаторскими способностями [Полибий, 3, 61, 1-4]. К тому же Ганнибал должен быть считаться еще с одним обстоятельством. Получив известие о том, что Ганнибал находится в Италии, сенат предложил другому консулу, Тиберию Семпронию Лонгу, вернуться из Сицилии в Италию. Семпроний незамедлительно отправил на родину флот, а пехоту переправил в Аримин [Полибий, 3, 61, 9-11; Ливий, 21, 51, 5-7].

Главная задача Сципиона заключалась в том, чтобы не дать карфагенянам возможности собрать свои силы для новой кампании, но он опоздал. Ганнибалу для отдыха потребовалось меньше времени, чем можно было предполагать.

Впрочем, первыми его противниками в Италии были не римляне, а, видимо, их союзники таврины — полугалльское, полулигурийское племя (его название и до сих пор живет в названии г. Турина), жившее у подножия Альп, которое как раз в это время вело кровопролитную войну с инсумбрами. Ганнибал, явившийся в Италию как союзник бойев и, следовательно, инсумбров, нуждался в прекращении тавриноинсумбрской междоусобицы и, само собой разумеется, в поддержке тавринов, которым предложил дружбу и союз. Натолкнувшись на отказ, он окружил крепость тавринов и после трехдневной осады овладел ею. Беспощадно расправляясь со всеми, кто пытался оказать сопротивление, Ганнибал внушил окрестным галльским племенам такой ужас, что те спешили отдаться под его «покровительство». Прибытие Сципиона к Плаценции до известной степени нарушило его планы: римляне отрезали от Ганнибала значительную часть союзных с ним галлов и даже заставили их выступить против пунийской армии. В этих обстоятельствах Ганнибал решил предпринять наступательные действия против римлян, справедливо полагая, что, победив, он станет полновластным хозяином Северной Италии и тогда-то галлы по доброй воле или по принуждению должны будут принять его сторону [Полибий, 3, 60, 8—13; Ливий, 21, 39, 3-7]. Однако теперь уже Сципион его опередил. Он переправился через Пад и расположился на правом берегу Тицина [Ливий, 21, 39, 10].

Можем ли мы доверять текстам Полибия и Тита Ливия, сохранившим для нас речи полководцев накануне сражения, (неясно: перед нами, по-видимому, не дословное воспроизведение оригинала, хотя общий смысл, вероятно, передается ими верно. В самом деле, что было более естественно, чем напомнить римлянам о победе в I Пунической войне, о вероломном нарушении договоров со стороны Ганнибала, об угрозе отечеству, как это, по-видимому, сделал Сципион [Ливий, 21, 40-41; Полибий, 3, 64]. И что было более естественно, чем указать пунийским солдатам, что отступать им некуда, что их ожидают либо победа, либо гибель, в лучшем случае плен [Ливий, 21, 43-44; Полибий, 3, 63], — эти слова традиция приписывает Ганнибалу. Вполне возможно, что те историографы, у которых Полибий и Ливий черпали свой материал, воспользовались рассказами о том, что говорили полководцы, в том числе непосредственные, участники событий. По единодушному свидетельству наших источников, прежде чем произнести речь, Ганнибал показал своим воинам впечатляющее зрелище. Военнопленные, захваченные во время перехода через Альпы, измученные тяжелыми оковами, бичеваниями, голодом и жаждой, были по его приказанию выведены на арену, со всех сторон окруженную пунийцами. Через переводчика Ганнибал спросил у пленных, кто из них согласится сразиться с товарищем по несчастью, при условии, что победитель получит боевого коня, вооружение и,

естественно, свободу, а побежденный, погибнув, избавится от непереносимых мук. Все горцы с восторгом согласились; многие возносили молитвы богам, чтобы жребий выпал на их долю. В этой схватке не на жизнь, а на смерть участвовали несколько пар; зрители — солдаты Ганнибала и остальные пленные горячо переживали все перипетии боя, а когда он окончился, шумно приветствовали победителей и прославляли побежденных, храбро павших в борьбе за свободу [Полибий, 3, 62; Ливий, 21, 42; Ди вить себе свое положение, которое ничем не отличалось от положения этих пленных; победить или умереть — другого выхода у них не было.

Боевые операции начались с того, что римляне построили мост через Тицин и для его охраны — небольшое укрепление и переправились с правого берега реки на левый, в страну инсумбров, где находились карфагеняне. Ганнибал, сам искавший сражения, не мешал им; пока он отправил отрад нумидийских всадников под командованием Махарбала грабить поля союзных Риму галльских племен. Характерно, однако, для италийской политики Ганнибала, что он распорядился всячески щадить галлов и делать все, чтобы привлечь их на свою сторону. Как можно было совместить это требование с ограблением галльских владений, не вполне понятно... Узнав, что римские легионы закончили переправу, Ганнибал велел Махарбалу срочно вернуться в лагерь.

По рассказу Ливия, Ганнибал теперь, непосредственно перед боем, снова обратился к своим воинам, суля им все, что только мог обещать своим наемным солдатам в случае победы их предводитель: землю где кто пожелает с освобождением от повинностей, которое должно было распространяться не только на самого получателя, но и на его детей, или — по желанию деньги, карфагенское гражданство, беспечальную жизнь на родине, а рабам, находившимся в войске вместе с господами, — свободу. Ганнибалу очень нужна была победа, и в ней-то он, видимо, еще не был уверен. Свое обещание Ганнибал скрепил клятвой: схватив левой рукой ягненка, а правой камень, он обратился к богам с молитвой, прося в случае нарушения слова предать его такой же смерти, какой он предает жертвенное животное; с этими словами Ганнибал разбил камнем голову ягненка. Воины отвечали Ганнибалу выражениями энтузиазма и преданности; они требовали немедленно идти в бой.

Противники расположили свои войска следующим образом. Сципион поставил впереди копьеметателей и галльских всадников, а остальных — римлян и отборные силы союзников — выстроил за ними в линию. Ганнибал разместил тяжелую кавалерию прямо против фронта римлян, а на флангах — нумидийских всадников, рассчитывая в дальнейшем окружить неприятеля. Враги стали быстро сближаться. Римские копьеметатели, едва бросив по одному дротику, бежали между отрядами стоявших за ними всадников. Началось конное сражение; многие всадники были сброшены с коней, а другие спешивались сами. Сражение постепенно превратилось

в бой пехотинцев. Тем временем нумидийские всадники Ганнибала, обойдя сражающихся с флангов, появились в тылу римской армии; копьеметатели были растоптаны их конями; в рядах римлян началась паника; сам Сципион получил рану, и его жизнь и свобода подверглись опасности (по преданию, Сципиона спас тогда еще несовершеннолетний его сын — будущий победитель Ганнибала, тоже Публий Корнелий Сципион; по другой версии, спасителем консула был раб-лигуриец). Римская армия обратилась в бегство [Полибий, 3, 65; Ливий, 21, 46; Апп., Ганниб., 5].

Эта первая победа Ганнибала над римлянами имела для него исключительное значение. Она не только обнаружила превосходство карфагенской кавалерии, и в особенности нумидийских всадников, над римской, она не только укрепила его положение в Северной Италии, но и продемонстрировала, что карфагеняне могут побеждать римлян на поле сражения. Ореол непобедимости, которым после I Пунической войны было окружено в глазах карфагенян римское оружие, начал блекнуть, и это больше, чем все речи, увещевания и посулы Ганнибала, способствовало укреплению морального духа его армии.

II

Победа при Тицине, однако, не могла удовлетворить Ганнибала. По существу, Сципион вывел из боя главные силы римской армии — пехоту. Ганнибал рассчитывал, что римляне решатся на новое сражение, и даже провоцировал их на это, но в ночь после боя Сципион тихо снялся с лагеря, переправился через Пад по ранее наведенному мосту и обосновался около Плаценции. Ганнибал бросился за римлянами, но опоздал. Ему удалось только захватить около 600 римских воинов, разрушавших мост. Ливий отвергает рассказ Цэлия Антипатра, согласно которому Магон Баркид, один из братьев Ганнибала, со всадниками и иберийской пехотой вплавь форсировал Пад. По его словам, течение реки для такой переправы слишком стремительно. Потратив на поиски два дня, Ганнибал, направившись вверх по течению, обнаружил удобное место, навел мост и приказал Гасдрубалу переправлять войска на другой берег. Сам он перешел первым и у самого моста встретил послов соседних галльских племен. Результаты победы при Тицине уже начинали сказываться: галлы явились к победоносному военачальнику с выражениями дружбы и предложениями союза; они готовы были доставить Ганнибалу необходимое продовольствие и принять непосредственное участие в борьбе против Рима. Пока велись эти переговоры, Магон Баркид во главе отряда всадников спустился вниз по течению к Плаценции; вскоре туда же подошли и основные силы карфагенской армии под командованием самого Ганнибала. Последний надеялся побудить Сципиона к новому сражению и даже выстроил на виду у неприятеля свое войско в боевой порядок. Но из римского лагеря никто не вышел, и Ганнибалу ничего не оставалось, как самому расположиться ла-

герем, также неподалеку от Плаценции и в непосредственной близости от римских войск [Полибий, 3, 66; 21, 47]. Нельзя, однако, не заметить, что Ганнибал не решился напасть на римский лагерь, хотя и имел к этому полную возможность, тем более что Сципион, лечивший свою рану, был, в общем, небоеспособен, среди римлян было много раненых и к тому же, как оказалось, карфагеняне могли рассчитывать и на определенную поддержку в самом римском лагере. Впрочем, о последнем обстоятельстве Ганнибал мог и не знать. В результате своей медлительности Ганнибал давал Сципиону время, необходимое для восстановления его армии, — ситуация, которая позже точно, хотя и в значительно больших масштабах, повторится после битвы при Каннах.

Однако Ганнибалу везло. Вскоре после того как он подошел к Плаценции, в римском лагере взбунтовались галлы (1200 пехотинцев и около 200 всадников) и после ночной резни, в которой погибли, вопреки словам Ливия, немало римлян, перебежали к пунийцам. Ганнибал, приняв перебежчиков, отправил их на родину, чтобы они склонили своих соотечественников к союзу с карфагенянами. Он полагал, что, каким бы ни был результат этого эксперимента, племена, к которым принадлежали перебежчики, не могли бы рассчитывать на дружбу с Римом. Тогда же к Ганнибалу явились и бойи для того, чтобы подтвердить свой союз с ним. Они даже хотели передать ему рижских магистратов, находившихся у них в плену со времен Мутинской войны, однако Ганнибал решил, что может позволить себе великодушный жест: он возвратил пленных бойям, дабы они могли обменять их на своих заложников [Полибий, 3, 67; Ливий, 21, 47]. Впрочем, некоторое время спустя Ганнибал обнаружил, что позиция галлов была значительно более сложной, чем это ему поначалу казалось, и что дипломатические шаги, которые он предпринял, далеко не достаточны и не обеспечивают, несмотря на все переговоры в теплой, дружеской обстановке и взаимные улыбки, не только их поддержки, но даже и нейтралитета. Галлы пока еще не очень верили в окончательную победу карфагенского оружия и, желая обезопасить себя от возможных репрессий в будущем, вели секретные переговоры также и с римлянами [Полибий, 3, 69, 5; Ливий, 21, 52, 3].

Бунт галлов чрезвычайно обеспокоил Сципиона. Он опасался, что эта резня — сигнал к выступлению всех галлов против Рима, и принял необходимые, с его точки зрения, меры предосторожности: на следующую ночь римские войска тихо снялись с лагеря и двинулись к р. Требии, где холмистая местность затрудняла действия кавалерии. Ганнибал отправил вдогонку свою конницу, но его нумидийские всадники бросились к покинутому римлянами лагерю, и, пока они искали там добычу и жгли постройки, враги сумели переправиться через Требию. Ганнибал, следуя по пятам за Сципионом, снова разместил свои войска около римской стоянки. Галлы помогали карфагенянам, в том числе и продовольствием; к тому же Ганнибалу удалось овладеть и римской крепостью Кластидием, где были сосредоточены большие

запасы зерна. Обошлось это Ганнибалу в 400 золотых, которые были уплачены за предательство начальнику местного гарнизона брундисийцу Дасию. Этим зерном пунийцы пользовались все то время, пока стояли у Требии [Полибий, 3, 68, 1-8; 69, 1-5; Ливий, 21, 48]. Следуя неизменной своей линии поведения в отношении италийских союзников Рима, Ганнибал велел чрезвычайно мягко обращаться с пленными, захваченными в Кластидии: он хотел показать, что италики могут его не бояться, что даже в плену им обеспечены снисхождение и благорасположение карфагенян.

Между тем в лагерь Сципиона под Требией прибыл Семпроний Лонг со своими солдатами. Теперь уже оба консула и почти вся римская армия, кроме подразделений, отправленных Сципионом в Испанию и оставленных Лонгом для охраны морских берегов Италии и Сицилии, противостояли Ганнибалу. В Риме, где поражение при Тицине вызвало, как деликатно выражается по этому поводу Полибий, изумление и где неудачу склонны были приписывать и неумению Сципиона, и измене галлов, приход Семпрония дал новые надежды; общественное мнение с нетерпением ожидало решительного и на этот раз победоносного сражения [Полибий, 3, 68, 9-12]. Неудивительно, что и Семпроний рвался в бой, хотя у него хватило благоразумия дать своим солдатам отдых после сорокадневного перехода из Лилибея в Северную Италию [Полибий, 3, 68, 14].

Вообще, и Полибий и Тит Ливий изображают дело так (и эта тенденциозная схема повторится неоднократно и в дальнейшем), будто в римском лагере шла дискуссия между благоразумным и опытным консулом Публием Корнелием Сципионом, который решительно выступает, руководствуясь интересами государства, против нового сражения с Ганнибалом, и его легкомысленным коллегой Тиберием Семпронием Лонгом, который из карьеристских целей настаивает на новом сражении, ставя под угрозу интересы и само существование Римского государства. Здесь нельзя не видеть отражения традиции, идеализирующей Сципионов, как впоследствии и Луция Эмилия Павла. Напомним еще раз, что именно к Сципионам был близок Полибий, а ведь Эмилии и Корнелии Сципионы принадлежали к одной и той же политической группировке. Эта традиция должна была быть противопоставлена преданиям о Квинте Фабии Максиме, который будто бы один, как писал Энний, своею политикой спас Рим. Античные историографы стремятся показать, что Корнелии Сципионы и Эмилии придерживались тех же политических принципов, что и Фабии; поражения и при Требии, и при Каннах объясняются просто-напросто тем, что их вовремя не послушали. Заметим также, что Семпронии были близки к Клавдиям, и это обстоятельство также в отрицательном плане повлияло на оценку действий консула. Правда, Ливий говорит [21, 52, 2] о дискуссии между консулами, и в особенности о позиции Сципиона, поначалу весьма сдержанно: один консул, исходя из собственного горького опыта, советовал ждать; другой, более решительный, не хотел терпеть ни малейшей отсрочки. Немного погодя, рассказав о победе римлян

в небольшой и не имевшей сколько-нибудь серьезного значения стычке с пунийцами, Ливий [21, 53, 1-7] приведет демагогические речи Семпрония (воины ободрены победой, все желают битвы, кроме Сципиона; кого еще нужно ждать — еще одной победы и еще одного консула; враг стоит чуть ли не под стенами Рима, тогда как «мы», позоря славное прошлое «наших» отцов, трусливо прячемся от него в лагере) и добавит, что Семпроний хотел использовать возможность самому одержать победу без участия коллеги и до выборов новых консулов, чтобы не оказаться перед необходимостью передать им ведение войны. Полибий [3, 70, 2-8] говорит об этом предмете значительно обстоятельнее. Он тщательно излагает аргументацию Сципиона: по мнению последнего, было бы лучше, если бы римские воины в течение зимы упражнялись в военном искусстве; можно надеяться и на то, что галлы, если пунийцы будут в течение длительного времени бездействовать, перейдут на сторону римлян. Не умалчивает Полибий и о личных мотивах Сципиона, но повествует о них в сдержанно-почтительных выражениях: Сципион надеялся, залечив рану, принести пользу государству (надо понимать, самому выступить в роли командующего). Когда же речь заходит о Семпронии, Полибий не считает нужным изложить его позицию хотя бы так, как это сделал Ливий, но унижается до прямой брани: Семпроний понимал, что Сципион говорит дело, но, побуждаемый честолюбием и самоуверенный, он спешил сразиться до того, как Сципион сумеет принять активное участие в борьбе, а новые консулы возьмут власть в свои руки. Поэтому-то, наставительно заключает Полибий, он неминуемо должен был потерпеть поражение: ведь он руководствовался не общими, а своекорыстными интересами.

При всей тенденциозности этих рассказов они отражают и определенные реальные факты — соперничество консулов, которые стремились победить Ганнибала, но не желали делиться друг с другом лаврами победителя.

А Ганнибал тоже рвался в бой. По словам Полибия [3, 70, 9-12], он был хорошо осведомлен о том, какие стремления обуревали Семпрония, и со своей стороны всячески поощрял римского полководца, прямо заманивал его в свои сети. Ход мыслей Ганнибала был примерно тот же, что и у Сципиона. Битва необходима уже потому, что еще есть возможность воспользоваться помощью галлов; битва необходима и потому, что сейчас карфагенской армии противостоят необученные новобранцы (к тому же и Сципион, пока он лечит рану, не может принять участия в сражении); наконец — и это, с точки зрения Полибия, самое существенное — Ганнибал считал нужным действовать, а не проводить время в праздности. Наш источник по этому поводу замечает: полководец, приведший свои войска в чужую страну, стремящийся осуществить необыкновенно дерзкие предприятия, должен постоянно возбуждать все новые и новые надежды в своих соратниках — в таком образе действий единственный для него путь к спасению. Слово «спасение» невольно настораживает: теперь уже не только в уста карфагенского полководца, обращающегося к своим

солдатам, вкладывается фраза о том, что у них есть только один выбор — победа или гибель. Теперь эту же мысль преподносит как итог своих размышлений едва ли не самый крупный из историографов древности — вдумчивый наблюдатель, глубокий мыслитель, сам опытный воин и государственный деятель.

Впрочем, не только эти соображения заставили Ганнибала в конце концов отказаться от той выжидательной позиции, которую он занял сразу после битвы при Тицине. Ближайшие события показали ему, что, пока римские легионы находятся в Северной Италии, он не может быть по-настоящему уверен в прочности своего положения. Как уже говорилось выше, Ганнибал узнал, что некоторые союзные ему галльские племена, обитавшие в долине Пада недалеко от Требии, начали переговоры с римлянами, рассчитывая таким способом обезопасить себя от мести в случае победы римского оружия, и римляне, явно довольные уже тем, что эти племена пытаются сохранить нейтралитет, благосклонно их принимают. Ливий пишет о возмущении, которое охватило Ганнибала; ведь это по призыву галлов, повторял разгневанный пуниец, он явился в Италию, чтобы освободить их от римского гнета. И вот теперь, желая, по-видимому, закрепить уже почти завоеванную свободу, Ганнибал отправил против припаданских племен карательную экспедицию (2000 пехотинцев и 1000 всадников — галлов и нумидийцев). Подвергшись страшному опустошению, эти племена обратились к консулам с просьбой о помощи, так как они страдали будто бы от чрезмерной преданности римлянам. По рассказу Ливия, между консулами и на этот раз началась дискуссия. Сципиону не нравилось ни время, когда римлянам предлагалось вступить в бой, ни сам повод, так как он не доверял галлам, считая их готовыми к новым изменам. Семпроний настаивал: самое лучшее средство сохранить союзников, говорил он, — это помогать тем из них, кто попал в беду и нуждается в помощи. И так как Сципион медлил и определенно не хотел действовать, Семпроний отправил против всадников Ганнибала большую часть конницы, находившейся непосредственно под его командованием, и с нею 1000 копьеметателей. Неожиданное нападение привело в смятение обремененных добычей карфагенских солдат, без всякого порядка, врассыпную бродивших по стране; многие из них были убиты, а остальные бежали к лагерю, под защиту караулов. Римляне тоже отошли к своей стоянке, однако Семпроний снова послал в бой уже всю свою конницу и всех копьеметателей. Ганнибал, остановив своих воинов у лагерных укреплений, выстроил их лицом к неприятелю и не позволил вступить с ним в соприкосновение явно потому, что в этом случае бой был бы ему навязан и протекал бы не так, как ему было бы желательно. Ганнибал хотел дать сражение в соответствии с собственными планами и замыслами. Именно так следует, очевидно, понимать Полибия, когда он пишет, что карфагенский военачальник не был в этот момент готов к решающей битве и считал, что без заранее разработанного плана, да еще по пустяковому поводу, не следует ее затевать [Полибий, 3, 69, 5-14; ср. у

Ливия, 21, 52, 3-11]. И все же главное было сделано: Ганнибал внушил Семпронию мысль, что он победил карфагенян (право на такое суждение давало ему то, что в этих стычках потери у пунийцев были больше, чем у римлян), и тем самым укрепил у него уверенность в близкой решающей победе. Радостно возбужденный, Семпроний не желал даже слушать коллегу; он больше не хотел выжидать. Однако на этот раз сражение подготовил и место для него избрал Ганнибал.

Между пунийским лагерем и Требией протекал ручей (Нуретта?) с высокими берегами, поросшими камышом, кустарником и деревьями. Это место уже давно привлекало внимание Ганнибала; во время своих рекогносцировок он осмотрел его и убедился, что там можно легко скрыть не только пехотинцев, но и всадников, особенно если положить оружие на землю, а шлемы спрятать под щиты. Там-то Ганнибал и решил устроить засаду. Предварительно он обсудил свой план на военном совете, куда созвал высших командиров своей армии, и, получив их одобрение, начал формировать специальный отряд. Командование этим отрядом Ганнибал поручил своему брату Магону, который уже возглавлял нумидийскую кавалерию после битвы при Тицине во время движения к Плаценции, и велел ему выбрать для засады 100 пехотинцев и 100 всадников. Когда с отобранными воинами Магон явился к Ганнибалу, тот приказал им, в свою очередь, отобрать из своих подразделений еще по 9 человек. Набрав, таким образом, 1000 пехотинцев и столько же всадников, он расположил их ночью в месте, которое до того сам облюбовал.

Был день зимнего солнцестояния. Рано утром шел снег, потом пошел дождь. Ганнибал приказал своей нумидийской коннице перейти через Требию и, подскакав к воротам неприятельского лагеря, забросать дротиками караулы, вызвать римлян на бой, а когда сражение начнется, медленно отступать к реке и заставить противника, в свою очередь, перейти на тот берег, где стояли карфагеняне. Всем остальным было предписано завтракать, подготовить оружие, коней и ждать сигнала.

Нумидийцы блестяще выполнили задачу. Когда они устроили у лагерных ворот шум и беспорядок (по Полибию, едва только было замечено их приближение), Семпроний, ни минуты не сомневавшийся в успехе, вывел против них свою конницу, а потом и остальных солдат. Однако проделал он это слишком торопливо. Его воины вышли на поле голодными и недостаточно тепло одетыми, кони были не кормлены. Когда римляне вступили в полосу речного тумана, преследуя отходящих нумидийцев, они все больше и больше мерзли. В реке холодная вода доходила им до уровня груди, так что, когда солдаты Семпрония вышли на другой берег, они едва могли держать в руках оружие.

Карфагенские воины тем временем грелись у костров, растирались оливковым маслом и завтракали. Получив условный сигнал о том, что римляне перешли через реку, Ганнибал вывел свои войска в поле. Впереди он поставил балеаров — легкую

пехоту (8000 человек), за ними — тяжеловооруженную пехоту (иберы, галлы и ливийцы; 20 000 человек), а на обоих флангах — всадников (по Ливию, 9000, а по Полибию, более 10000 человек) и слонов. Семпроний, увидев, что его всадники чрезмерно увлеклись преследованием нумидийцев, то отступавших, то вновь переходивших в контратаку, и подвергают себя чрезмерной опасности, приказал им отступить и присоединиться к основным силам. В центре Семпроний выстроил пехоту (по Полибию, 16000, а по Ливию, 18 000 римлян; 20 000 союзников и тех, кто имел права латинского гражданства; сверх этого воины из галльского племени кеноманов — исконных врагов инсумбров и, следовательно, Ганнибала), а на флангах—кавалерию (около 4000 воинов).

Сражение начали балеары, заставившие римских копьеметателей отступить (об этой детали, очевидной из рассказа Полибия, Ливий по понятным соображениям умалчивает), а затем присоединившиеся к карфагенским всадникам, наносившим фланговый удар. Римская конница была смята превосходящей по численности кавалерией противника, балеарами и слонами. Тяжеловооруженные пехотинцы дрались с большим упорством и ожесточением, но без определенного результата. Внезапно для римлян в их тыл ударил из засады отряд Магона и привел заднюю шеренгу римлян в замешательство. Оказавшись в окружении, римская пехота мужественно сопротивлялась, прорвала боевую линию карфагенян и заставила повернуть назад слонов, едва не бросившихся на самих пунийцев. Ганнибал приказал отвести слонов на фланги и направить их против кеноманов, которые обратились в паническое бегство. В этих условиях 10000 римских пехотинцев пробились сквозь карфагенские ряды и вырвались из окружения; не имея возможности вернуться в свой лагерь, они отступили к Плаценции. Туда же, а оттуда в Кремону ушли под командованием Сципиона и подразделения, остававшиеся во время боя в лагере (ср., однако, у Аппиана: римляне бежали в свой лагерь, и уже оттуда Сципион вывел остатки армии в Плаценцию и Кремону).

Карфагеняне победили и на этот раз, однако теперь со значительно большими потерями. Особенно сильные опустошения произвела в их рядах непогода: умирали люди, падали лошади, погибли почти все слоны; Полибий пишет, что у карфагенян остался только один слон, однако, по более точным, как нам представляется, данным Ливия, Ганнибал располагал после Требии еще более чем 7 слонами [Полибий, 3, 71-74; Ливий, 21, 54-55, 58, 11; Апп., Ганниб., 6-7].

III

Ганнибал мог быть доволен. Победа при Требии отдала ему Цисальпинскую Галлию и позволила привлечь на свою сторону все племена, населявшие эту страну [Полибий, 3, 75, 2]. Она, казалось, открывала ему путь и в Центральную Италию —

через Этрурию к Риму. Она вызвала, наконец, панику и в самом Риме, которая, естественно, также благоприятно сказывалась на положении карфагенян, вторгшихся в Италию.

Семпроний пытался поначалу скрыть от римского правительства и тем более от народа подлинные масштабы катастрофы. Он донес в Рим, что произошло сражение, но непогода помешала одержать победу [Полибий, 3, 75, 1]. Однако постепенно в Риме узнали правду — и что карфагеняне заняли римский лагерь, и что к ним примкнули все галлы, и что римские войска или, вернее, их остатки укрылись в городах, и что продовольствие им доставляется от моря по Паду: это был единственный путь, который Ганнибал не мог контролировать [Полибий, 3, 75, 2-3]. Эти известия посеяли в Риме страшную тревогу; судя по тому, как изображает ситуацию Ливий [21, 57, 1-2], там склонны были даже преувеличить размеры бедствия. Со дня на день ожидали приближения войск Ганнибала к самому Риму и не видели ни надежды на спасение, ни возможности получить помощь извне или эффективно сопротивляться. Таковы были настроения, когда в Рим для проведения очередных консульских выборов явился Тиберий Семпроний Лонг, пробравшийся сквозь рассеянные по Цисальпинской Галлии отряды вражеской конницы. Выполнив свою миссию, он таким же способом воротился на зимние квартиры.

Консулами на 217 год были избраны Гней Сервилий Гемин и Гай Фламиний. Насколько можно судить, этот результат был следствием острой политической борьбы в римском обществе, где основной проблемой была организация обороны против победоносного врага, и выражением определенного компромисса. Избрание Гнея Сервилия, представителя рода Сервилиев, близкого, как уже говорилось, к аристократической группировке Эмилиев — Корнелиев, позволяло последним, даже несмотря на неудачу Сципиона, сохранить свои позиции в правительстве. Однако тем более важным фактом было избрание в консулы Гая Фламиния. Этот человек уже давно зарекомендовал себя как руководитель демократического движения, народный вождь, ведущий непримиримую борьбу с сенатом. Известно, что в 232 г. в качестве народного трибуна он предложил закон о раздаче гражданам земли в Галльском поле, прямо направленный против интересов нобилитета. Он активно поддержал и «закон Клавдия», запрещавший сенаторам владеть кораблями вместимостью более 300 амфор и, следовательно, резко ограничивавший их участие в морской торговле. В 223 г., когда Гай Фламиний впервые был избран консулом, у него произошло столкновение с сенатом, который отказался признать законным исход тогдашних выборов; Фламиний пренебрег постановлением сената и отправился в поход против инсумбров, одержал над ними победу, а потом справил триумф, опять-таки по решению народного собрания и вопреки воле сената.

А что же Ганнибал? Ливий [21, 57] пишет, что до наступления морозов Ганнибал ночью совершил нападение «на хорошо укрепленный римский эмпорий недалеко

от Плаценции; однако остаться незамеченным ему не удалось; караульные подняли крик, который был услышан в Плаценции, и наутро явился Семпроний с отрядом всадников. В бою Ганнибал был ранен и покинул поле битвы. Сражение само собой прекратилось. Удачнее закончился другой его поход, против еще одного римского эмпория — Виктумвии. Пунийцы сумели обратить в бегство горожан и укрывшихся за стенами окрестных жителей, вышедших на ее защиту. На следующий день город сдался и принял карфагенский гарнизон; у населения отобрали оружие, и Виктумвия была разграблена. Сведения Тита Ливия в научно-исследовательской литературе были подвергнуты сомнению. Считают, что изображенные им боевые операции невозможны и, следовательно, не имели места. Нам эти предположения не кажутся убедительными. Наоборот. Ганнибалу нужно было закрепить свою победу и власть в Северной Италии в условиях, когда там еще находились римские войска, хотя и разбитые в двух больших сражениях, но тем не менее представлявшие собою крупную и серьезную силу, с которой приходилось считаться. Вполне естественно и то, что, избегая осады крупных городов, Ганнибал решил нанести удары по римским центрам снабжения, желая воспрепятствовать подвозу продовольствия в колонии. Наконец, детали, которые приводит в своем повествовании Тит Ливий, не выходят за пределы реального. Да и вообще, какой смысл был Титу Ливию или его источнику придумывать рассказ о сражениях, одно из которых свелось к тому, что римляне отразили нападение на эмпорий, а другое закончилось еще одним поражением, если не регулярных подразделений, то, во всяком случае, римских колонистов. Едва ли можно предположить, что рассказ о подобного рода боевых операциях способен польстить патриотическому чувству. Остается вопрос: почему об этих событиях ничего не говорит Полибий? Но молчание Полибия само по себе не свидетельствует против рассказа Ливия, опирающегося на независимые от греческого автора римские источники, во всяком случае в данном конкретном отрывке. По-видимому, эти предприятия показались Полибию настолько незначительными в общей цепи событий, что он счел возможным без ущерба для изложения не упоминать о них.

Вслед за этим Ливий [21, 58-59] рассказывает о попытке Ганнибала при первых признаках весны вторгнуться в Этрурию, чтобы там силой или убеждением привлечь на свою сторону местное население. Однако при переходе через Апеннины карфагенскую армию застигла буря, заставившая воинов остановиться; сильнейший ветер, дождь и град, а потом и мороз опустошили ряды карфагенян; погибло много лошадей и, добавляет Ливий, 7 слонов из тех, что еще оставались у Ганнибала после Требии. Спустившись с Апеннин, Ганнибал, как сообщает наш источник, снова двинулся к Плаценции; там произошло сражение — сначала с явным перевесом в пользу римлян, которые, обратив карфагенян в бегство, преследовали их до самого лагеря; однако Ганнибал, введя в бой дополнительные контингенты, заставил римлян отступить. Битва при Плаценции закончилась вничью. И римляне и карфагеняне были

вынуждены отступить: первые, как говорит Ливий, в Лукку, а вторые — в Лигурию. Там лигуры выдали Ганнибалу двух римских квесторов, Гая Фульвия и Луция Лукреция, двух военных трибунов и пятерых лиц из всаднического сословия, в большинстве сыновей сенаторов. Тем самым местные племена продемонстрировали свое желание установить с Ганнибалом союзнические отношения, принять участие в его борьбе против Рима.

Как и в предыдущем случае, сомнения по поводу достоверности изложенного выше повествования Ливия представляются нам необоснованными. Не говоря уже о том, что отсутствуют какие-либо данные, которые опровергли бы сообщение Ливия (свидетельство Полибия о том только, что Ганнибал «зимовал в Галлии», очень неопределенно [3, 77, 3]), но и все действия Ганнибала, о которых рассказывает римский историограф, представляются психологически оправданными и с военной точки зрения целесообразными.

То нетерпеливое стремление перенести войну в Этрурию, которое обнаружил, по-видимому, Ганнибал, организуя свой поход через Апеннины, легко объяснимо его военно-политическим положением. Ему было, конечно, хорошо известно, что римляне отправляли свои гарнизоны во все пункты, где они могли ждать нападения, — в Сицилию, Сардинию, Тарент, что они построили еще 60 атентер, что консулы (Сервилий и Фламиний) проводят в самом Риме мобилизацию новых контингентов и организуют ополчение союзников, что даже от сиракузского царя Гиерона они потребовали помощи и тот прислал им 500 критских наемников и 1000 пелтастов, наконец, что запасы продовольствия римляне сосредоточивали в Аримине и в Этрурии, явно намереваясь там преградить дорогу карфагенянам [Полибий, 3, 75, 4-7]. В этих условиях Ганнибалу жизненно важно было опередить противника и создать для себя наиболее благоприятную обстановку; в особенности важны ему были союзники. Не случайно Полибий подчеркивает, что Ганнибал всячески убеждал взятых в плен римских союзников, что он пришел в Италию воевать только против Рима. Если пленных римлян он содержал под стражей на голодном пайке, то к союзникам он желал обнаруживать свою глубокую благосклонность и в конце концов просто отправил их по домам без выкупа, чтобы они уговаривали сограждан присоединиться к карфагенянам, борющимся за восстановление италийской свободы, против римского владычества. Такова была, по словам Полибия, версия, которую пунийский полководец внушал всеми средствами. И если бы не буря, цель Ганнибала, конечно, была бы достигнута.

Эта причина была далеко не единственной. Ганнибала очень беспокоили настроения его галльских союзников. Он опасался измены и даже покушения на свою жизнь. Из предосторожности Ганнибал применил чисто «финикийскую», по словам Полибия [3, 78, 1-4], хитрость: он постоянно менял парики, соответствующие различным возрастам, и одежды, так что его не могли узнать даже ближайшие

соратники. Надо сказать, у Ганнибала были все основания беспокоиться. Галлы, конечно, призывали Ганнибала в Италию и ожидали от его войны с Римом для себя освобождения, но они были очень недовольны и тем, что война слишком долго идет в их собственной стране, и тем, что задерживается вторжение в Центральную Италию, где они ожидали для себя богатой добычи [Полибий, 3, 78, 5; Ливий, 22, 1, 1-4]. Имелся только один способ ликвидировать недовольство — как можно скорее уйти из Цисальпинской Галлии в Этрурию. Попытка преодолеть Апеннинские горы, несомненно, должна была способствовать устранению внутреннего конфликта в армии Ганнибала.

Наконец, тревожные вести приходили и из Иберии, где положение складывалось для карфагенян весьма неблагоприятно. Дело в том, что Гней Корнелий Сципион, которого его брат Публий, как уже говорилось, отправил в качестве своего легата в Испанию, высадился в греческой колонии Эмпории, постепенно снова подчинил римской власти все средиземноморское побережье до р. Ибера и в битве при Киссе разгромил соединенные иберийско-пунийские войска, взяв в плен их командующих, а также захватив богатую добычу, в том числе имущество, принадлежавшее воинам, ушедшим с Ганнибалом в Италию. Брат Ганнибала, Гасдрубал Баркид, форсировавший Ибер еще до этого сражения, после битвы при Кисее не решился атаковать Гнея Корнелия Сципиона. Напав на римских моряков, отряды которых бродили около Тарракона, он многих из них перебил, а потом ушел за Ибер. Сципион восстановил положение в Тарраконе и даже разместил там небольшой гарнизон. Тем временем севернее Ибера снова появился Гасдрубал, побудил племя илергетов отказаться от союза со Сципионом и начал опустошать вместе с ними поля римских союзников. Когда же Сципион выступил против него, Гасдрубал снова ушел за Ибер, предоставив илергетов их собственной судьбе. Через некоторое время Сципион опять подчинил себе илергетов, а затем и авсетанов — старых союзников Карфагена. Из сказанного следует, между прочим, что Аппиан ошибался, думая, будто Гней Корнелий Сципион ничего не предпринимал, дожидаясь прибытия в Испанию Публия [А п п . , Исп., 15]. Благодаря его действиям Северная Испания была возвращена в сферу римского господства, Пиренейский полуостров стал театром военных действий, там возникла реальная угроза пунийскому господству, и карфагенские войска, оставленные для обороны полуострова, не сумели этому воспрепятствовать [Полибий, 3, 76; Ливий, 21, 60-61] при Плаценции дали консулам время завершить подготовку к новой кампании и встретить Ганнибала в Этрурии.

К новой кампании римское правительство готовилось в атмосфере глубокой нервозности. В городе только и было разговоров, что о разного рода тревожных предзнаменованиях, и, конечно же, всегда находились свидетели, которые «своими гла-

зами» видели или «своими ушами» слышали то, о чем со страхом передавали из уст в уста, что впоследствии тщательно фиксировалось и попадало в повествования историографов. Рассказывали, что на овощном рынке какой-то шестимесячный ребенок свободных родителей выкрикнул слово «триумф»; что на скотном рынке бык взобрался на третий этаж и, когда люди подняли крик, испуганный, бросился вниз; что на небе показались изображения кораблей; что в храм Надежды на овощном рынке ударила молния; что в Ланувийском храме в руке у богини шевельнулось копье. Мало того. Ворон влетел в храм и сел на ее ложе. Говорили, что около Амитерна во многих местах показались призраки в белых саванах; что в Пиценуме шел каменный дождь; что в Цере сузились дубовые дощечки, по которым тамошние жрецы предсказывали будущее; что в Галлии волк выхватил у часового меч из ножен и унес. Власти назначили ритуальное очищение города, совершали молебны, приносили посвящения и жертвы, от имени государства давались обеты, что, как говорит Ливий [21, 62], в значительной степени успокоило людей.

Впрочем, как показывает его же дальнейший рассказ [22,1, 8-20], успокоение было непродолжительным. Не успел Фламиний вступить в должность, как по городу поползли новые слухи (и даже не слухи — распространялись официальные известия) о неблагоприятных знамениях [ср. у Плут., Фаб., Макс, 2]. Например, сообщали, что уменьшается солнечный диск; что в Пренесте с неба падали горящие камни: что в Арпах на небе видели щиты и солнце, сражающееся с луной; что гадательные жребии, на которых записывались изречения оракулов, сами собой уменьшились и один из них выпал с надписью: «Марс потрясает копьем»; что в самом Риме изображения Марса покрылись потом; что в Капуе небо как будто пылало, а луна вместе с дождем, казалось, падала вниз; что у каких-то граждан козы покрылись вместо шерсти волосами, куры превратились в петухов, а петухи —в кур [ср. у Плут., Фаб. Макс, 2]. Сенат во главе с консулом Гнеем Сервилием постановил совершить новые умилостивительные жертвы и посвящения, моления и праздники. В особенности интересно, что в городе непрерывно, день и ночь, устраивались сатурналии — празднества, которые должны были напомнить о «золотом веке» и выявить единство римского народа независимо от общественного положения и сословной принадлежности.

Однако были в Риме и другие причины для беспокойства. Фламиний начинал свое консульство в обстановке резко обострившейся борьбы вокруг «закона Клавдия». Консул опасался, что ненавидевшие его сенаторы под каким-нибудь предлогом помешают ему уехать из Рима и, предварительно отправив Семпронию приказ перевести войска из Плаценции в Аримин, — а по жребию Фламинию достались именно эти легионы, — сам почти тайком покинул город и, не совершив обычных религиозных церемоний, отправился на север; приняв под свое командование войска, он по горным тропам повел своих солдат в Этрурию.

Само собой разумеется, что явное пренебрежение Фламиния к римской государственной процедуре, и в особенности к сакральной обрядности, составлявшей ее неотъемлемую и важнейшую часть, дало хороший материал для враждебной ему сенаторской пропаганды; к нему даже отправили послов Квинта Теренция и Марка Антистия с требованием вернуться и проделать все необходимое, однако Фламиний не обратил на их речи внимания. Помимо враждебных отношений с сенатом и полной моральной невозможности для него подчиниться каким бы то ни было требованиям сенаторов Фламиний просто не мог терять попусту время. Он должен был преградить Ганнибалу дорогу в Центральную Италию [Ливий, 21, 63; 22, 1, 4-7].

Весной 217 г. консульские войска расположились следующим образом: части, находившиеся под командованием Гнея Сервилия, который, впрочем, задержался в Риме для совершения обрядов и жертвоприношений и прибыл к месту сосредоточения своих войск значительно позже Фламиния, явились к Аримину. Сервилий принял их от Публия Корнелия Сципиона, который в качестве проконсула теперь был направлен в Испанию [Аппиан, Исп., 8]. Фламиний расположился лагерем у Арреция [Полибий, 3, 77, 1-2]. Казалось, были преграждены карфагенянам все дороги, ведущие в Этрурию, и можно было спокойно ожидать их появления, чтобы дать сражение на подступах к этой стране. Однако внезапно до Фламиния дошла потрясающая весть: Ганнибал уже в Этрурии!

Само собой разумеется, что подготовка к новой кампании, которую мог себе позволить Ганнибал, заключалась в привлечении на свою сторону союзников, и прежде всего в разведке. Нужно было найти наиболее удобный и безопасный путь, так, чтобы сражение было дано в благоприятной для карфагенян обстановке. Однако сведения, полученные Ганнибалом, не давали повода для оптимизма: все обычные пути находились под наблюдением римлян, и они, конечно, помешали бы продвижению его армии. И тогда Ганнибал принял неожиданное решение — пройти в Этрурию дорогой, которой никто никогда не пользовался и которую Фламиний по этой причине совершенно не принял в расчет. Дорога вела через почти непроходимое болото, выделявшее ядовитые испарения. Уровень воды там резко повысился из-за разлива р. Арн. Но дорога позволяла избежать преждевременной встречи с римлянами и появиться в Этрурии непредвиденно быстро. Этот план Ганнибала, хотя он и сулил немало трудностей, стратегически был вполне оправдан: он обеспечивал полководцу то, что в его положении было самым существенным, — фактор внезапности [ср. у Полибия, 3, 78—6-8; Ливий, 22, 2, 2].

Переход Ганнибала из Цисальпинской Галлии в Этрурию по своей сложности, по всему, что его армии пришлось испытать, вполне можно было сравнить с походом через Альпы. В начале колонны Ганнибал поставил ливийцев и иберов вместе

с обозом — это были наиболее закаленные и опытные воины, способные преодолеть любые препятствия. Следом за ними должны были идти галлы. Замыкали колонну всадники и среди них нумидийская конница под командованием Магона Баркида, которому Ганнибал дал особое задание: если галлы взбунтуются и захотят вернуться на родину, Магон должен был силой заставить их идти вперед. Колонна шла, увязая в болотной грязи, преодолевая волны разлившегося Арна, почти не останавливаясь, четыре дня и три ночи. Особенно страдали галлы, не очень привычные к трудностям походной жизни. Они еле передвигались по вязкой тине, падали рядом с издыхающими вьючными лошадьми и уже не могли подняться; другие ложились на поклажу или на горы трупов животных, ища места, где можно было бы передохнуть хотя бы несколько часов. Сам Ганнибал ехал на единственном оставшемся у него слоне. Внезапно из-за сырости, ядовитых болотных испарений, бессонницы у него воспалились глаза, и, так как Ганнибал не имел ни времени, ни возможности лечиться, он потерял один глаз [Полибий, 3, 80; Ливий, 22, 2].

Как бы то ни было, Ганнибал пришел в Этрурию, область между Фэсулами и Аррецием, хотя и с большими потерями, но для римлян неожиданно быстро и после обычной разведки установил, что его основная и не очень трудная задача заключается теперь в том, чтобы спровоцировать Фламиния на битву, в которой войска Сервилия не участвовали бы. Фламинию нужна была победа, между прочим, и для того, чтобы еще больше укрепить свое положение, окончательно дискредитировать и отстранить от власти враждебные аристократические группировки. Учитывая особенности характера и политической позиции Фламиния, который, как замечает Ливий, пош стоя на краю болота, пунийский военачальник решил подстрекнуть римского консула. Местность у Арреция он не счел удобной для боя и, оставив лагерь противника слева, двинулся к Фэсулам, а потом пошел, не встречая сопротивления, уже по направлению к Риму, разоряя и уничтожая мирное население, сжигая дома и хозяйственные постройки. Фламиний бросился вслед. Увидав, что войска Фламиния приближаются, Ганнибал, избрав для сражения гористый район неподалеку от г. Картоны, возле Тразименского озера, велел своим солдатам изготовиться к бою.

Условия местности, которую выбрал Ганнибал, были для него очень благоприятны. Между горами и озером здесь лежала долина, в которую с запада вело узкое дефиле; у выхода из долины возвышался запиравший выход холм. Сам Ганнибал со своими ливийскими и иберийскими ветеранами расположился на центральных высотах, параллельных берегу; у входа в долину он скрытно разместил всадников и галлов, а на холме у выхода из нее — балеаров и легковооруженных пехотинцев. Вечером накануне боя Фламиний прибыл к озеру, а на следующее утро, едва рассвело, начал движение в ущелье.

Когда римляне постепенно втянулись в покрытую туманом долину, Ганнибал

дал сигнал своим частям к одновременному внезапному нападению. Карфагеняне сбежали вниз, и римляне, шедшие в густом тумане, услышав крики противников, поняли, что окружены. Они даже не могли ясно представить себе, что происходит. Бой вели одновременно и с фронта, и с тыла, и с флангов (ср. у Фронтина [2, 5, 24]). Попытки консула построить своих солдат для сражения ни к чему не привели: воины не слышали приказов; многие пытались бежать. Битва приняла такой ожесточенный характер, что сражающиеся не заметили даже страшного землетрясения [Плут., Фаб., 3; Циц., Предв., 1, 35; Плиний, 2, 86; Флор, 2, 6]. Сам консул погиб, убитый неким инсумбром Дукарием. После этого римляне обратились в паническое бегство; иные безрезультатно пытались спастись вплавь или заходили в озеро, пока было можно, и там гибли под ударами всадников Ганнибала. Только 6000 римлян сумели вырваться из этого ада, но были настигнуты и окружены карфагенской конницей, которой командовал Махарбал. Он обещал, что эти римские солдаты будут отпущены на свободу, если сдадут оружие, и римляне сдались в плен. Однако Ганнибал заявил, что Махарбал не имел права давать противнику какое бы то ни было обещание, приказал заковать римлян в цепи и отдал их под стражу галлам. Отпустил он только латинян — союзников Рима, снова повторив то, что говорил много раз: он пришел воевать не с италиками, а с римлянами за освобождение Италии.

Всего, по данным Ливия, который ссылается в этом случае на Фабия Пиктора, римляне потеряли убитыми при Тразименском озере 15 000 воинов. Аппиан исчисляет армию Фламиния в 30 000 пехотинцев и 3000 всадников [А п п . , Исп., 8]; Евтропий и Орозий пишут, что Фламиний потерял убитыми 25000 [Евтропий, 3, 9; Орозий, 4, 15, 5]; по данным Орозия, 6000 римлян были захвачены в плен. Среди убитых искали по приказанию Ганнибала труп Фламиния, чтобы предать достойному погребению. 10 000 римских воинов разбежались и теперь пробирались в Рим; 10 000 попали в плен [ср. у Вал. Макс, 1, 6, 6]. По Ливию, потери карфагенян составили 2500, по Полибию—1500 [Полибий, 3, 80-85; Ливий, 22, 3-7, 5; Апп., Ганниб., 9-10; Зонара, 8, 25], по Орозию [4, 15, 5] — 2000 человек.

IV

Когда Гней Сервилий Гемин получил в Аримине известие о том, что Ганнибал находится в Этрурии и расположился около лагеря Фламиния, первым его намерением, как повествует Полибий [3, 86, 3], было соединить свою армию с легионами коллеги и противопоставить Ганнибалу всю мощь римского оружия; однако он не мог это сделать «из-за тяжести войска». Предлог явно надуман. О подлинных мотивах Сервилия можно, конечно, только догадываться; думается, что решающую роль здесь сыграло фактически нежелание Сервилия, ставленника аристократических кругов, оказать действенную помощь Фламинию, вождю демократическо-

го движения. Однако оставаться абсолютно бездеятельным Сервилий тоже не мог и поэтому отправил к Фламинию 4000 всадников под командованием пропретора Гая Центения. Узнав, что произошло у Тразименского озера, Центений повернул в Умбрию. Тем временем Ганнибал, получив известие о новом противнике, отправил против него Махарбала с отрядом легковооруженных копейщиков и некоторым количеством кавалеристов. Настигнув противника, воины Махарбала уже в первой стычке перебили около 2000 римлян, а остальных загнали на какой-то холм, окружили и взяли в плен [Полибий, 3, 86, 1-5; Ливий, 22, 8, 1].

Теперь, после новой блестящей победы, перед Ганнибалом снова возник вопрос: что делать дальше? Именно об этом он совещался и со своим братом, и с приближенными, то есть, по терминологии того времени, «друзьями» — очевидно, с высшим командным составом пунийской армии. В своей окончательной победе теперь, после такого успеха у Тразименского озера, он был вполне уверен [Полибий, 3, 85, 6]; вероятно, именно эта уверенность привела его к мысли отказаться пока от похода на Рим, сосредоточить силы на укреплении своих италийских позиций и боеспособности солдат.

Как бы то ни было, Ганнибал не счел нужным идти на Рим и вместо этого, как рассказывает Тит Ливий [22, 9, 1-2], двинулся через Умбрию к Сполетию; опустошив поля вокруг этого города, он подошел к его стенам, но был с большими потерями отогнан. Натолкнувшись на сопротивление и не имея намерения тратить время на осаду, Ганнибал решил отступить и двинулся в Пиценум, где простоял несколько дней, а оттуда к побережью Адриатического моря и далее в Апулию. Там он остановился в районе Арп и Луцерии. По Полибию, Ганнибал прибыл в Япигию, где расположился около Ойбония и откуда совершал набеги на страну давнов [Полибий, 3, 86, 8-87, 5; 88, 1-6; Ливий, 22, 9].

Понимая, что ему предстоят еще новые бои, главное внимание Ганнибал уделял укреплению боеспособности солдат. И люди и лошади переболели у него различными болезнями, в том числе коростой, для избавления от которой он приказал купать их в старом вине. Оружие он заменил на трофейное, римское, захваченное в количестве, достаточном для того, чтобы удовлетворить все нужды карфагенян.

Теперь на своем пути Ганнибал беспощадно грабил и уничтожал местное население. Он отдал приказ убивать всех взрослых мужчин, которые повстречались бы его солдатам. Добычи захватили так много, что ее уже не могли нести за собой, и это удесятеряло силы пунийских наемников, заставляло их рваться к новым сражениям. Очевидно, после Тразименского озера Ганнибал на какое-то время усомнился в возможности привлечь на свою сторону италийских союзников и решил прибегнуть к своего рода тактике «выжженной земли», чтобы запугать потенциального неприятеля. Немного погодя он изменит свою тактику и вернется к прежней военно-политической линии.

Только после битвы при Тразименском озере, выйдя к Адриатическому морю, Ганнибал счел возможным и нужным официально донести карфагенскому совету о результатах почти двух лет войны. Совет Карфагена, в свою очередь, решил сделать все необходимое, чтобы помочь пунийским войскам в Испании и Италии [Полибий, 3, 87, 4-5]. Здесь показательно то пренебрежение, с которым Ганнибал относился к высшему органу власти у себя на родине, действуя совершенно независимо от него и даже не очень интересуясь его указаниями и предначертаниями. Трудно в самом деле предположить, что в течение столь длительного времени, одерживая одну победу за другой, Ганнибал не имел возможности так или иначе сообщить в Карфаген о положении дел. Ясно, что он не хотел терять положения бесконтрольного полководца, которое в результате своих боевых операций получил, и делить власть с советом, хотя бы и пробаркидски настроенным. Обратился же он к совету в момент, когда ему понадобилась военная помощь, рассчитывая — и, как показала реакция совета, не без основания — эту помощь получить.

Однако, какими бы соображениями ни руководствовался Ганнибал, предпринимая свое движение к Адриатике и затем на юг, какую бы добычу он ни захватил, как бы силы своего воинства он ни укреплял, в конечном итоге это его движение оказалось выгодным, хотя подобная мысль и кажется парадоксальной, Риму, который еще раз получил самое насущно необходимое — время для восстановления утраченной боеспособности.

При первых сообщениях о поражении у Тразименского озера римляне в большом страхе и смятении сбежались на форум. Женщины бродили по улицам и спрашивали встречных, что это за известие о разгроме получено и какова судьба войска. Наконец, толпа, отправившись к комицию и курии, стала вызывать магистратов, но только к вечеру претор Марк Помпоний вышел к согражданам и сказал: «Мы побеждены в большом сражении». Отсутствие точной информации, как всегда, породило разнообразные толки и слухи. Несколько дней у городских ворот стояли толпы женщин, ожидавших либо прибытия своих близких, либо известий о них. Тревога в Риме еще более увеличилась после того, как узнали о судьбе отряда Центения [Ливий, 22, 7, 6-8, 4].

Между тем нужно было принимать какие-то меры. Правда, Гней Сервилий, услышав о гибели коллеги и об участи его армии, устремился к Риму, чтобы сражаться в случае необходимости у городских стен [Ливий, 22, 9, 6], однако этого было слишком недостаточно. Сенат, заседавший от восхода солнца до заката в течение нескольких дней, нашел единственный и, казалось, возможный выход — диктатуру, которая позволяла сосредоточить в одних руках всю власть и, следовательно, сконцентрировать все усилия государства в нужном направлении[76]. Однако на этот

[76] **Поразительно, что Корнелий Непот в биографии Ганнибала [5, 1-3] относит диктатуру Квинта**

раз были допущены весьма существенные отклонения от обычной для Рима процедуры. Как правило, решение о назначении такого экстраординарного магистрата сенат должен был выразить формулой: «Пусть консулы примут меры, чтобы государство не потерпело ущерба», предоставляя тем самым консулам чрезвычайные полномочия, и уже в силу этих полномочий консулы своей властью провозглашали диктатора. Но один из консулов был убит, а другой находился за пределами города. Используя этот предлог, сенат и находившиеся в Риме магистраты вынесли вопрос о диктатуре на рассмотрение народного собрания, которое и избрало Квинта Фабия Максима. Мало того. Обычно диктатор сам, своей властью назначал себе помощника — начальника конницы, — мероприятие, вытекавшее из самой сущности диктатуры, когда вся власть должна была быть сосредоточена в одних руках и исходить только от диктатора. Не случайно при установлении диктатуры все выборные магистраты, кроме народных трибунов, слагали свои полномочия. Однако на этот раз не только диктатор, но и начальник конницы был избран на народном собрании, хотя никакой необходимости в таком отступлении от нормальной процедуры не было [Полибий, 3, 87, 6-9; Ливий, 22, 8, 6]. В результате начальник конницы, которым стал Марк Минуций Руф, получил определенную самостоятельность. Пока между Фабием и Минуцием не было разногласий, все было в порядке, но когда у Минуция появились сомнения в правильности политической линии Фабия, он не замедлил воспользоваться своим положением. Что же произошло? Почему римскому правительству понадобилось именно так и не иначе решить вопрос о власти в нарушение традиций, которые в Риме всегда тщательно соблюдались?

Страшное поражение и гибель Фламиния нанесли серьезный удар римскому демократическому движению. Смерть Фламиния лишила демократов их наиболее выдающегося руководителя, а разгром при Тразименском озере обнаружил неспособность демократов, пренебрегающих религиозными традициями и вековыми устоями, организовать сопротивление врагу. Претендовать на власть в таких условиях могли две сенатские группировки — Фабии и Эмилии — Корнелии. Назначение диктатором Фабия и начальником конницы Минуция, происходившего из рода, близкого к Эмилиям — Корнелиям, очевидно, было следствием компромисса, к которому пришли обе «партии»; в частности, пост Минуция позволял Эмилиям — Корнелиям сохранить влияние на течение государственных дел. Процедура выборов, в исходе которых никто не сомневался, должна была продемонстрировать всенародную поддержку политической линии Фабия, а избрание начальником конницы Минуция обеспечивало ему хотя и далеко не полную, но необходимую для его группировки независимость от диктатора.

Фабия Максима ко времени после битвы при Каннах. Он явно путает эту диктатуру с диктатурой, действительно введенной в Риме после Канн, когда там был другой диктатор — М. Юний Пера.

Свою деятельность Квинт Фабий Максим начал с демонстрации, явно направленной против Фламиния. Едва вступив в должность, он в тот же день созвал сенат и, обратившись к нему с речью, заявил, что Фламиний прегрешил не столько своим безрассудством и неумением, сколько небрежением к обрядам и предзнаменованиям, и что, следовательно, у самих богов нужно испросить совета, как смягчить их гнев и какие принести искупительные жертвы. Справившись в Сивиллиных книгах, обнаружили, что не выполнен должным образом обет, данный Марсу по случаю войны, что его следует выполнить в большем объеме, чем надлежало согласно обету, что Юпитеру должно посвятить великие игры, а Венере Эруцинской и Разуму — храмы, что необходимо совершить новые молебствия и лектистернии и, наконец, если война примет благоприятный оборот, а государство сохранится в том состоянии, в каком оно было до войны, посвятить богам так называемую Священную весну — первые плоды весеннего урожая и первый приплод скота. Все было исполнено в точности, причем решение о Священной весне и великих играх приняло народное собрание, обет о строительстве храма Венере Эруцинской взял на себя диктатор, а храма Разуму — претор Тит Отацилий [Ливий, 22, 9, 7-10, 10].

Выказав таким образом свое истинно римское благочестие и обеспечив тем самым государству благоволение и поддержку богов, Фабий мог заняться теперь и земными проблемами. По постановлению сената ему предстояло принять войска, находившиеся под командованием Сервилия; сверх этого Фабий мобилизовал еще 2 легиона, которым велено было собраться в Тибуре. Жителям неукрепленных поселений, и в особенности тех районов, через которые, как предполагалось, должен был пройти Ганнибал, диктатор велел уходить в безопасные пункты, сжигая дома и уничтожая урожай, чтобы врагу ничего не досталось. Отдав эти распоряжения, Фабий отправился навстречу Сервилию по Фламиниевой дороге. На Тибре у Окрикула диктатор увидел римских воинов и самого Сервилия, скачущего к нему во главе отряда всадников, и тут же послал сказать, чтобы консул явился к нему без сопровождения ликторов, то есть не как магистрат, облеченный высшей властью, а как частное лицо. Сервилий повиновался и, прибыв к Фабию, всем своим поведением старался подчеркнуть и значение диктаторской власти в Римском государстве, и роль Фабия, облеченного столь важными полномочиями [ср. у Плут., Фаб., 4]. Пока диктатор принимал командование, поступило тревожное донесение: римские транспорты, которые должны были доставить продовольствие из Остии в Испанию, захвачены недалеко от Козы карфагенским флотом. Тотчас же Фабий приказал Сервилию отправиться в Остию и, укомплектовав там экипажами римские боевые корабли, преследовать пунийцев и охранять берега Италии. С этой целью Сервилий произвел в Риме еще одну мобилизацию, которая затронула и вольноотпущенников, годных к военной службе; часть нового контингента он оставил в Риме для охраны города [Ливий, 22, 11]. Сам диктатор, приняв консульское войско, прибыл в

Тибур, а оттуда мимо Пренесте к Латинской дороге и далее к Арпам, где на виду у карфагенян расположил свой лагерь [Полибий, 3, 88, 9; Ливий, 22, 12, 1-3].

Итак, благодаря решительным действиям римского правительства, и прежде всего самого Фабия, которые умело использовали ситуацию, сложившуюся после битвы при Тразименском озере, Ганнибал снова, уже в четвертый раз, оказался в том же положении, в каком он был и перед этим сражением, и перед Требией, и перед Тицином: ему опять противостояла римская армия в 4 легиона. Войну приходилось опять начинать с самого начала.

Узнав о прибытии неприятеля, Ганнибал в тот же день вывел свои «войска из лагеря и выстроил их для нового сражения, однако Фабий не поддался на эту провокацию; римляне сохраняли полное видимое спокойствие и не покидали лагеря. Постояв некоторое время в бесполезном ожидании, Ганнибал отвел своих солдат [Полибий, 3, 89, 1; Ливий, 22, 12, 3-4].

Причины, заставившие Фабия уклоняться от очередного генерального сражения и перейти к другой тактике, не обычной для того времени, — к изматыванию противника небольшими стычками и своего рода партизанскими налетами, очевидны; Полибий [3, 89, 4-9] формулирует их следующим образом. Войска карфагенян уже давно и непрестанно упражнялись в военном искусстве; их предводитель вырос в лагере и научился вместе с ними воинскому мастерству; они много раз побеждали в Испании и дважды (Тицин, очевидно, не в счет) — римлян с их союзниками. Наконец — и это самое главное — они всё покинули за морем, и теперь их единственное спасение было в победе. Что же касается римлян, то у них все было иначе, то есть, насколько можно понять, их боевая подготовка и воинские качества их полководцев уступали карфагенским; они уже неоднократно терпели одно за другим страшные поражения; наконец, они, по-видимому, еще не пришли к мысли, что для них единственное средство спасти себя и свое государство — это победа, иначе говоря, их морально-боевые качества уступали качествам пунийской армии. Поэтому Фабий, определенно предвидя, что новое большое столкновение неминуемо закончится поражением римлян, решил всячески его избегать, рассчитывая на те постоянно действующие факторы, которые давали Риму явное преимущество: неисчерпаемость его материальных ресурсов сравнительно с армией Ганнибала и численное превосходство воинских контингентов [ср. также: Дион Касс, фрагм., 57, 9; Зонара, 8, 25; Плут., Фаб., 5].

Можно поверить Титу Ливию, когда он пишет, что неудачная попытка вызвать римлян на бой породила у Ганнибала глубокое внутреннее беспокойство. Хотя Ганнибал и говорил, что воинский дух римлян пал, что война окончена и что славою и мужеством карфагеняне превзошли римлян,—эти речи были настоятельно необходимы для того, чтобы поддержать боевой дух его собственных наемных солдат, — в

глубине души пунийский полководец опасался, что теперь ему придется иметь дело не с Фламиниями и Семпрониями, а с полководцем, равным ему дарованием и воинским мастерством, которого римляне, наученные разнообразными и многочисленными бедами, наконец-то для себя нашли [Ливий, 22, 12, 4-5]. Тем более энергично старался он побудить Фабия к бою. Его воины мелкими отрядами рыскали по стране в поисках продовольствия и фуража, грабя, разоряя и уничтожая все на своем пути. Часто передвигая лагерь и опустошая поля римских союзников, Ганнибал то скрывался из виду, то появлялся снова, то устраивал засады, ожидая, что Фабий спустится на равнину с холмов, где была расположена его стоянка. Казалось, Ганнибал, стремившийся такими действиями вызвать слепую ярость римлян, сам подставлял под удар своих солдат, чтобы постепенно внушить противнику уверенность в победе. Однако эти ухищрения, безотказно действовавшие на Семпрония и Фламиния, не принесли теперь ощутимых результатов. Диктатор неотступно следовал со своими легионами за Ганнибалом, не теряя его из виду, но и не спускаясь на равнину, оставаясь постоянно на возвышенных пунктах, господствующих над местностью. Имея в своем распоряжении и у себя в тылу большие запасы продовольствия, он не выходил из лагеря без крайней необходимости; на фуражировку и за дровами римляне выходили большими отрядами; в стычках, которые происходили между ними и пунийскими солдатами, римляне, как правило, побеждали, и это мало-помалу, как и рассчитывал Фабий, способствовало укреплению их морального состояния. Однако вопреки всем надеждам Ганнибала от большого сражения Фабий уклонялся [ср. у Полибия, 3, 90, 1-5; Ливий, 22, 12, 6-10].

Ганнибал принял смелое решение продолжить свое движение на юг Италии. Его пребывание в Центральной Италии показало, что рассчитывать на местное население он пока, во всяком случае, не может. Несмотря на все победы, ни один из городов Италии еще не перешел на сторону Ганнибала; они сохраняли верность Риму, хотя и терпели из-за этого многие беды [Полибий, 3, 90, 13]. Ганнибал рассчитывал, что на юге он либо вынудит Фабия принять бой, либо покажет, что одержал полную и окончательную победу. Страх заставит италийские города отказаться от союза с Римом и предпочесть ему дружественные отношения с пунийцами [Полибий, 3, 90, 11-12]. Однако эти замыслы не осуществились.

Двинувшись в Самниум, разорив земли Беневента и заняв г. Телесию (по Полибию, Венусию [3, 90, 7-8]; см. также у Ливия [22, 13, 1]), Ганнибал решил направиться в Кампанию. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали этому предприятию. Три кампанских всадника из римских союзников, захваченных в плен при Тразименском озере и затем отпущенных на свободу, настоятельно убеждали пунийского полководца, что, приведя свои войска в Кампанию, он сможет овладеть Капуей и, следовательно, стать полным хозяином на юге Апеннинского полуострова. Поведение кампанских всадников можно было истолковать как проявление готовности

всего населения данной области поддержать карфагенян. И все же только после долгих колебаний Ганнибал последовал совету кампанцев. Уж очень ненадежными и недостаточно авторитетными казались ему сами советчики. Но делать было нечего: побудить Фабия к сражению никак не удавалось; оставаться все время на одном месте и ожидать, пока римляне изменят свою стратегию, тоже нельзя было, так как без побед и успехов, без грабежа новых земель воинство Ганнибала могло, чего доброго, утратить свои боевые качества; отсутствие союзников, одиночество пунийской армии ощущалось очень остро — и с каждым днем все острее. Отправив кампанцев на родину и велев им возвратиться снова с другими людьми, в том числе и с облеченными властью, Ганнибал решил двигаться по направлению к Капуе, в область, принадлежавшую г. Касину; заняв ее, он мог, по словам тех, кто хорошо знал местность, отрезать римлян от их союзников и добиться, следовательно, важного стратегического преимущества. Но проводник не понял (или не хотел понять?) латинской речи пунийца; вместо Касин ему послышалось Касилин (город, расположенный на обоих берегах р. Вольтурна, на границе между Кампанией и Фалерном). Туда он и повел карфагенские войска. Двигаясь через Аллифы, Каллифы и Калы, пунийцы через узкий проход вышли на Сверкающее поле в Кампании и только тогда Ганнибал почувствовал что-то неладное. Увидев себя в стране, окруженной горами и реками, Ганнибал призвал к себе проводника и спросил, где они находятся. Проводник отвечал, что, мол, еще сегодня они придут в Касилин. Ярости Ганнибала не было пределов: Касин находился совсем в другой стороне, какое-то недоразумение привело его в ловушку... Проводника Ганнибал приказал высечь розгами, а потом в назидание другим распять на кресте. И все же ему ничего другого не оставалось, как укрепить свой лагерь у Вольтурна и отправить Махарбала во главе нумидийских всадников грабить Фалернскую область; опустошена была вся территория до Синуэссы [Полибий, 3, 92, 1-2; Ливий, 22, 13].

Тем временем Фабий стремительно вел свои легионы по вершинам горной цепи Массика, однако, подошедши к Фалерну, он лишь показался на горных склонах и, постоянно видя перед собою неприятеля, не спустился в долину [Полибий, 3, 92, 5-7; Ливий, 22, 14, 1-3]. Минуция он отправил охранять проход у Террацины, где Ганнибал мог со стороны Синуэссы проникнуть по Аппиевой дороге на собственно римскую территорию [Ливий, 22, 15, 11]. В результате Ганнибал оказался перед необходимостью искать зимние квартиры и, следовательно, покинуть Фалерн, уже совершенно разоренный и для зимовки непригодный. Фабий хорошо понимал, что Ганнибалу придется уходить тем же путем, каким он пришел, и, для того чтобы преградить ему дорогу, занял сравнительно небольшими отрядами в 4000 воинов гору Калликула и г. Касилин, а остальные части повел по тем же холмам назад, отправив в разведку конный отряд союзников под командованием Луция Гостилия Манцина. Последний вступил в сражение с нумидийцами, и его отряд был полностью истреб-

лен. Свой лагерь римляне разбили у дороги, по которой Ганнибал должен был идти к выходу [Полибий, 3, 92, 10-11; Ливий, 22, 15].

На следующее утро карфагеняне заняли дорогу между пунийским и римским лагерями. Римские войска расположились около самого своего вала, туда же Ганнибал подвел свою легковооруженную пехоту и, то начиная бой, то отступая, пытался заставить Фабия дать большое сражение. Римский строй оставался на месте; битва велась, как пишет Ливий, «лениво» и скорее в соответствии с замыслами диктатора, нежели по плану Ганнибала. В этой стычке, по данным Ливия [22, 16, 1-4], погибло 200 римлян и 800 карфагенян. Вполне возможно, что данные Ливия и не точны; не исключено, что его источник преувеличил количество убитых карфагенян. Однако главный результат был не в этом. Ганнибал не сумел преодолеть римского сопротивления и прорваться к Касилину; он должен был искать другой выход из окружения, в которое совершенно неожиданно попал; таким выходом могло стать только движение через Калликулу. Нужно было преодолеть горы так осторожно, чтобы враги не обнаружили карфагенских войск, пока не были окружены. Ганнибалу нужно было ошеломить неприятеля, парализовать все его действия.

И вот «тот, кто поставлен ведать работами» [Полибий, 3, 93, 4], то есть начальник интендантской и инженерной службы карфагенской армии Гасдрубал, получил от своего командующего приказ — заготовить как можно больше факелов из сухой древесины; когда это было сделано, Ганнибал распорядился привязать пылающие факелы к рогам угнанных с полей Фалерна быков, которых в лагере у него было около 2000, и гнать их ночью к горам, прежде всего к высотам, занятым римлянами. Зонара [8, 26] еще добавляет, следуя за Дионом Кассием, что по приказанию Ганнибала в пунийском лагере были перебиты все военнопленные, дабы никто не мог бежать к римлянам и раскрыть секрет готовящейся операции. С наступлением темноты факелы привязали к рогам быков, одновременно зажгли и погнали перед тихо шедшей за ними пунийской армией. Когда они подошли к подножию гор и холмов, Ганнибал дал условный знак, и быков погнали на вершины; животные, разъяренные видом пламени и страшной болью от горящих рогов и голов, разбежались по всей округе; от факелов стали загораться кустарники. Римские воины, занимавшие позиции у горного перехода, думая, что они уже окружены врагами, обратились в бегство, и легковооруженные копейщики Ганнибала заняли Калликулу, этот важнейший для него пункт. Среди шума и пламени, когда никто уже не мог понять, что, собственно, происходит, ни карфагеняне, ни римляне не решились дать сражения. Да Ганнибалу это и не нужно было. Он вывел свои войска из окружения, не встретив сопротивления, и расположился лагерем на территории Аллиф[77]. Там

[77] **Аппиан [Ганниб., 13-15) путает последовательность событий, помещая этот эпизод после рассказа о разрыве Фабия и Минуция. См. также у Фронтина [1, 5, 28].**

он долго не задержался. Дождавшись, когда иберийские всадники вывели с высот остававшихся там копейщиков, Ганнибал, делая вид, что идет к Риму, отправился через Самниум в страну пелигнов, по-прежнему разоряя все на своем пути, а немного погодя, двигаясь в Апулию, занял Гереоний — город, покинутый населением, так как у него обвалилась стена. Такова версия Ливия; по данным Полибия [3, 100, 3-4], Ганнибал овладел этим городом после осады и истребил его жителей. Фабий неотступно следовал за Ганнибалом, не вступая в сражение, и расположил свой лагерь в Ларинатской округе.

Внезапно из Рима поступили распоряжения, которых никто не мог предвидеть: диктатору предлагалось срочно возвратиться в город для совершения жертвоприношений. Пока Фабий отсутствовал, командование римскими войсками, естественно, перешло к начальнику конницы Марку Минуцию Руфу [Полибий, 3, 93-94; Ливий, 22, 16-18;

Осуществление стратегического плана, принятого Фабием, поставило Ганнибала в трудное положение. Без союзников, без эффективной поддержки извне, постоянно теряя людей то в одной, то в другой стычке, имея перед собой сильную и дисциплинированную армию противника, Ганнибал метался по стране без видимого плана, без определенной цели. То есть желания его были ясны. Ему нужно было еще одно победоносное сражение; оно сломило бы сопротивление Рима и сделало бы Ганнибала и его солдат хозяевами Италии. События, последовавшие за битвой при Каннах, показали, насколько иллюзорными были эти расчеты. Однако сражения не было; карфагенские войска изматывались; опасность со стороны римлян становилась все более грозной; ни один италийский город не переходил на сторону «освободителей»-карфагенян. Даже Капуя предпочитала выжидать. Прорваться на юг Италии не удалось. Обращался Ганнибал за помощью и к карфагенскому совету, но там его домогательства встретили смехом: полководец утверждает, что он победил неприятеля, а сам, вместо того чтобы, как подобало бы победителю, присылать в родной город добычу, требует новых людей и денег [Дион Касс, фрагм., 57, 14; Зонара, 8, 26]. Очевидно, положение Ганнибала было настолько тяжелым, что враждебная Баркидам политическая группировка в совете могла на какое-то время взять верх и отказать Ганнибалу в том, что ему было насущно необходимо. Аппиан относит это обращение ко времени, когда Ганнибал укрепился около Гереония [Ганниб., 16]. По словам Аппиана [там же], Ганнибал писал и к своему брату Гасдрубалу в Испанию, предлагая ему собрать войска и вторгнуться в Италию. Насколько это сообщение достоверно, трудно сказать; ясно только, что Гасдрубал, втянутый во все более острую борьбу с римлянами на Пиренейском полуострове, не в состоянии был помочь брату. Перед Ганнибалом отчетливо вырисовывалась перспектива изнурительного противостояния врагу в чу-

жой, враждебной стране, разложения армии, если не будет побед и добычи, и гибели.

И все же стратегия Фабия вызывала в Риме глубокое недовольство. Все громче раздавались голоса, обвинявшие Фабия в преступной медлительности, чуть ли не в предательстве. План Фабия был рассчитан на длительный срок и немедленных результатов не давал. Римские воины видели перед собою торжествующего противника, хозяйничавшего в Италии, идущего куда ему заблагорассудится, грабящего и разоряющего страну. А диктатор между тем не принимает никаких видимых мер для того, чтобы помешать грабителю и убийце остановить разгул его солдатни, защитить союзников Рима, да и самих римлян. Оборотной стороной стратегии Фабия было то, что она влекла за собой разорение и мелкого италийского, в том числе и римского, крестьянства, и крупных земледельческих хозяйств. Но если последние располагали более или менее значительными ресурсами для своего восстановления, то первые стояли просто перед угрозой гибели. Не мудрено, что в дисциплинированнейшей римской армии недовольство становилось все более глубоким и с каждым днем все более грозно выплескивалось наружу. Неудивительно и то, что во главе недовольных стоял начальник конницы Марк Минуций Руф.

Современная и близкая по времени к событиям античная традиция объясняет его поведение «легкомыслием», нежеланием прислушаться к советам мудрого, идеализированного Фабия. Интересно в связи с этим, что, по оценке Фронтина [1, 8, 2], Минуций не был равен Фабию ни по доблести, ни по воинскому мастерству — оценка, восходящая к тем же кругам, что и знаменитое высказывание Энния, приписывавшее Фабию, и только ему, спасение отечества. Спокойствию и мужественной выдержке диктатора противопоставляется истерическая нервозность начальника конницы, зависимость которого от мнений «толпы» была в конечном счете простой беспринципностью. В противоположность Минуцию Фабий показан как носитель староримских добродетелей, которые возвеличили Рим,—благочестия, дисциплинированности, стойкости, покорности магистратам[78].

В действительности, конечно, дело обстояло значительно сложнее. Мы уже упоминали, что Минуций пришел к власти, будучи представителем враждебной Фабию политической группировки в сенате; способ, каким ему была вручена должность, делал Минуция до известной степени независимым от диктатора. Не случайно, вопреки опять-таки всем римским традициям и нормам, диктатор, располагавший правом казнить любого человека по своему усмотрению, тем более в военное время, ничего не предпринимал для того, чтобы пресечь волнения,— не потому, разумеется, что не хотел, а потому, что не мог. Минуцию недовольство солдат, как, впрочем, и недовольство в самом Риме, давало удобный повод оттеснить Фабия и самому вы-

78 Ср.: *Hoffmann W.* Livius und der zweite Punische Krieg. P. 33-39.

двинуться на передний план; стоявшей за ним группировке Эмилиев — Корнелиев предоставлялась теперь неповторимая возможность отстранить Фабиев от руководства политической жизнью Рима.

Само собой понятно, что и Ганнибал делал все, чтобы скомпрометировать Фабия. В частности, он велел, грабя страну, не трогать поле, принадлежавшее Фабию, как бы в награду за выполнение некоего в действительности не существовавшего секретного соглашения [Ливий, 22, 23, 4; Плут., Фаб., 7; Фронтин, 1, 8, 2].

Тем временем произошел еще один эпизод, который враги Фабия представили как преднамеренный вызов с его стороны сенату и всему государству. И действительно, поступок диктатора трудно было согласовать с нормами полисной нравственности, предписывавшими строгое послушание высшим органам власти. Дело происходило так. При обмене пленными между римлянами и карфагенянами, который состоялся как раз в этот период войны, было заключено соглашение, что обменивать будут человека за человека. Сторона, получившая больше возвратившихся из плена воинов по сравнению с другой, должна была внести выкуп по два с половиной фунта серебра за каждого. К римлянам вернулись на 247 человек больше, чем к карфагенянам, однако сенат медлил с выделением денег. Тогда Фабий, пославши в Рим своего сына, тоже Квинта, продал свою землю, ту самую, которую не тронул Ганнибал, и из своих средств внес выкуп [Ливий 22, 23, 5-2; Дион Касс, фрагм., 57, 15; Плут., Фаб., 7].

Недовольство начало проявляться уже в первые недели деятельности Фабия, когда карфагенская и римская армии противостояли одна другой в Апулии и когда впервые стало ясно желание диктатора во что бы то ни стало избежать решающего сражения. В центре оппозиции дошедшие до нас повествования ставят Минуция. Присоединившись к мнению «толпы», он публично поносил Фабия, который ведет войну будто бы непристойно и трусливо; сам же он, Минуций, горячо желает сразиться [Полибий, 3, 90, 6]. Благоразумные планы диктатора встретили ожесточенного противника в лице начальника конницы, которому только недостаток власти мешал погубить государство. Суровый, быстрый в своих решениях, невоздержанный на язык, он сначала среди немногих, а потом и в «толпе» называл Фабия не медлительным, а лентяем, не осторожным, а трусом. Приписывая ему недостатки, похожие на достоинства, он возвышал себя и унижал высшего [Ливий, 22,12,11-12]. Несмотря на различие в тоне (Полибий значительно более сдержан в своих оценках, нежели Ливий), основная канва событий у того и другого совпадает с одним, правда, существенным различием. У Ливия Минуций выступает как инициатор возмущения; у Полибия он только присоединяется к «толпе».

Мы не знаем, как удалось Фабию заставить умолкнуть противников хотя бы на время. Во всяком случае, мы не слышим о новых волнениях в римской армии до ее прихода вслед за Ганнибалом к Фалерну. Коллега Фабия (Полибий употребля-

ет термин «соправитель») Минуций, все находившиеся в армии военные трибуны и центурионы, то есть весь командный состав, вопреки мнению диктатора, считали, что именно теперь необходимо в удобной местности захватить врага, преградить ему дорогу, спуститься на равнину и не дать возможности Ганнибалу разорять столь богатую и плодородную страну [Полибий, 3, 92, 4]. Как видим, и в данном случае Минуций выступает в повествовании Полибия не один; он действует вместе с другими командирами римской армии, снова, хотя и не так резко, как раньше, выступая против лица, облеченного высшей властью в армии и государстве. Ливий [22, 14] в соответствии со своей тенденцией снова изображает Минуция инициатором волнений. Он вкладывает в уста мятежного начальника конницы демагогически обличительную речь, в которой тот скорбит об упадке Рима, о том, что допускается разорение Италии, утрачена былая римская энергия и решимость, не раз спасавшая государство. Глупо думать, говорит в повествовании Ливия Минуций, что можно окончить войну, сидя и давая обеты (выпад Минуция против Фабиева староримского благочестия); нужно взяться за оружие, спуститься в долину и сразиться лицом к лицу. Римское государство возросло отвагой и деятельностью, а не той медлительностью, которую трусы называют осторожностью. Минуция окружали военные трибуны и всадники; его слова долетали до рядовых воинов; раздавались голоса, что если бы они могли выбирать, то наверняка предпочли бы Фабию Минуция.

На сей раз дело также не дошло до прямого разрыва. Однако последовавший вскорости отзыв Фабия в Рим под весьма прозрачным предлогом (наши источники даже не считают нужным упомянуть, какие, собственно, жертвоприношения Фабий должен был совершить в Риме) явился и выражением недовольства со стороны правительства деятельностью диктатора, и, несомненно, естественным завершением длительной, враждебной диктатуре, пропагандистской кампании. С отъездом Фабия командование переходило к Минуцию, причем, и это очень характерно для их взаимоотношений, Фабий, вместо того чтобы приказать Минуцию придерживаться определенной линии поведения, обратился к нему с увещеванием не губить свои войска и не следовать примеру Семпрония и Фламиния. Минуций не обратил на его слова никакого внимания [Полибий, 3, 94, 8-10; Ливий, 22, 18, 8-10].

О ходе дальнейших событий Полибий [3, 101-102] рассказывает следующее. Минуций, узнав, что Ганнибал захватил Гереоний, что его люди собирают хлеб на полях, а основные силы стоят под стенами города, спустился в долину и занял крепость Калела, господствующую над Ларинатидой, решившись именно здесь дать сражение. Со своей стороны Ганнибал, видя, что к нему приближается противник, отправил треть своей армии собирать хлеб, а с остальными отошел от города на 16 стадий (около 3,5 км), также идя на сближение с неприятелем, и на некоей возвышенности расположился лагерем. Тем самым он и создавал угрозу римлянам, и

прикрывал свои подразделения, действовавшие в долине. Ночью он отправил около 2000 копейщиков занять еще один холм между карфагенским и римским лагерями. Однако эта попытка закончилась неудачей. Наутро Минуций вывел против карфагенян свою легковооруженную пехоту, занял этот второй холм и перенес туда свой лагерь. Тем временем Ганнибал отправил еще одну группу своих солдат пасти скот и собирать хлеб; большая часть его армии оказалась рассеянной по долине. Воспользовавшись столь благоприятным стечением обстоятельств, Минуций среди дня приблизился к карфагенскому лагерю, выстроил против него тяжеловооруженную пехоту, а всадников и легковооруженную пехоту послал истреблять пастухов и фуражиров Ганнибала, приказав никого не брать в плен. Тяжелая пехота римлян прорвала укрепления карфагенян и едва их не окружила; положение спас Гасдрубал, явившийся с 4000 воинов, которые сбежались под охрану стен Гереония. Теперь Ганнибал сам перешел в контратаку, построил, хотя и не без труда, своих воинов и отбросил неприятеля. На следующий день Ганнибал покинул свой лагерь, тут же занятый Минуцием, и отошел к Гереонию.

Тит Ливий [22, 24] пишет, что Минуций, после того как перенес лагерь на второй холм, в непосредственную близость к карфагенянам, отправил тайно из задних ворот лагеря конницу и легковооруженные отряды для истребления пунийских сборщиков хлеба. Ганнибал, по его рассказу, не решался вмешаться, медлил и выжидал, а потом воротился к Гереонию. Что же касается остальных фактов, то о них Ливий пишет не как о реально имевших место, но как о сообщениях «некоторых авторов», утверждающих, что состоялось сражение, причем сначала карфагеняне были отброшены к своему лагерю, затем контратаковали римлян, и только появление отряда (8000 пехотинцев и всадников), который самнит Нумерий Децимий привел по приказанию диктатора на помощь Минуцию, заставило Ганнибала отступить. В Рим пришло известие о блестящей победе вместе с хвастливым письмом начальника конницы.

Нетрудно видеть, что традиция, дошедшая до нас в изложении Ливия, всячески стремится опорочить Минуция. Во всяком случае, преуменьшить значение его действий. Свидетельства о сражении между римлянами и пунийцами самой манерой подачи материала ставятся под сомнение, хотя оно прямо и не высказывается; при этом если бы даже сражение и произошло, то решающую роль в его исходе сыграли воины, посланные Фабием; наконец, потери сторон при том же условии называются как примерно одинаковые (6000 карфагенян, более 5000 римлян), так что доносить в Рим о блестящей победе не было оснований. Этот римский вариант рассказа о сражении явно восходит к официальным реляциям. Отсюда и цифры потерь, и упоминание о Нумерии Децимии, отсутствующие у Полибия; здесь, в общем, нет противоречия свидетельству Полибия. Он его лишь дополняет и уточняет. Можно думать, следовательно, что в основном события развивались так, как о них

рассказывает Полибий, но что прибытие отряда Нумерия Децимия было одним из факторов, заставивших Ганнибала отступить.

Как бы там ни было, в успехе римского оружия на этот раз никто не сомневался, хотя и можно было спорить о том, каковы масштабы победы. Один только Фабий не верил ни слухам, ни письмам и говорил, что, даже если бы все оказалось правдой, он успеха боится еще больше, чем поражения [Ливий, 22, 25, 2; Плут., Фаб., 8]. Но на него не обращали внимания. В Риме, судя по всему, склонны были преувеличивать значение произошедшего. Казалось, что уже наступает поворот к лучшему: блестящая победа над Ганнибалом свидетельствовала, что причиной бездействия и тяжелого морального состояния воинов была не их трусость, а чрезмерная осторожность их командующего [Полибий, 3, 103, 1-2]. Подобные мысли открыто высказывал народный трибун Марк Метелл, выходец из знатного плебейского рода. Ведь трибуны, как известно, пользовались сакральной неприкосновенностью, и Метелл мог безнаказанно выступать против диктатора. Вот что, по словам Ливия [22, 25, 3-11], он говорил. Существующее положение вещей стало уже совершенно невыносимым; диктатор не только, находясь в действующей армии, мешал успешно вести войну, но и, отсутствуя, старается противодействовать; он стремится затянуть войну, чтобы подольше сохранить верховную власть; Италия опустошается, а диктатор сидит в Касилине и римскими войсками охраняет свое поле; воинов, страстно желавших сразиться, он держал как бы в заточении за лагерными укреплениями; только когда он покинул армию, воины вышли за валы и разгромили врага; если бы римский плебс был исполнен древнего духа, то он, Метелл, смело предложил бы лишить власти Квинта Фабия, но теперь он удовлетворяется скромным предложением об уравнении в правах диктатора и начальника конницы [ср. у Плут., Фаб., 8].

Такого в Риме еще не бывало: никогда прежде, да и позже, не назначались одновременно два диктатора с одним и тем же заданием и кругом полномочий. Предложение Метелла подрывало сам принцип диктатуры — сосредоточение бесконтрольной власти в одних руках — и вело фактически к восстановлению коллегиальной власти типа консульской. По сути дела, оно явилось логическим развитием той ситуации, которая с самого начала была создана избранием Минуция на должность.

Попытки Фабия, уклонявшегося от участия в плебейских сходках, оправдаться перед сенатом и укрепить свои позиции диктатора не принесли успеха: в сенате он, по словам Ливия [22, 25, 12-15], восхвалял врага, то есть, надо думать, пытался втолковать своей аудитории, что Ганнибал — сильный и опытный противник, напоминал о поражениях римлян — следствии недальновидности и неумения командного состава, требовал, чтобы начальник конницы отчитался, почему он вопреки его, Фабия, указаниям сражался с карфагенянами. Если он сохранит верховную власть, говорил Фабий, то сумеет очень скоро доказать, что для хорошего полководца не

счастье важно, что господствуют ум и рассудительность, что больше славы вовремя и без позора сохранить армию, чем убить многие тысячи врагов. Надоевшего всем старика более не хотели слушать, и тогда диктатор, не желавший участвовать в народном собрании, где должен был решаться вопрос о его власти, накануне ночью отправился в армию. Наутро, однако, когда собралось народное собрание, где большинство было настроено против диктатора, нашелся все же только один человек из правящей элиты, который решился вслух высказаться в поддержку предложения Метелла. Это был Гай Теренций Варрон, человек в среде римского нобилитета новый, однако совсем недавно занимавший должность претора [Ливий, 22, 25, 17-18], ставший после гибели Фламиния одним из руководителей демократического движения в Риме. Против предложения Метелла тоже никто не высказывался; оно было принято (по рассказу Аппиана [Ганниб., 12], явно ошибочному, решение по предложению Метелла принял сенат).

Получив по дороге известие об уравнении в правах диктатора и начальника конницы, Фабий вернулся в действующую армию. При первой же встрече Минуций предложил, чтобы и тот и другой пользовались властью по очереди — через день или через более длительные промежутки времени. Фабий категорически отказался от этого решения, которое поставило бы его в полную зависимость от замыслов Минуция и его действий; по предложению Фабия диктаторы поровну разделили между собой пехоту, всадников и союзнические контингенты. Первый и четвертый легионы достались Минуцию, второй и третий — Фабию [Ливий, 22, 27, 5-11]. По словам Полибия [3, 103, 7-8], Фабий предложил своему коллеге либо командовать по очереди, либо разделить войска, и так как Минуций согласился на последнее, то войска были поделены. Мы, вероятно, никогда не узнаем, если только не появятся новые источники, которые пролили бы дополнительный свет на эту проблему, как было достигнуто соглашение; однако нам кажется более близким к истине рассказ Ливия. В самом деле, намереваясь дать Ганнибалу решительное сражение, Минуций был заинтересован в том, чтобы иметь возможность распоряжаться всеми римскими войсками, хотя бы и поочередно с Фабием; он всегда мог бы найти подходящее время для осуществления своих замыслов, превратив соперника в бессильного наблюдателя, — ситуация, для Фабия совершенно неприемлемая. Фабия, если только он желал придерживаться своей прежней линии поведения, устраивало только разделение армии; его он и добился. Дело кончилось тем, что Минуций увел свои войска из римского лагеря и расположился самостоятельно недалеко от стоянки Ганнибала.

Ганнибал, несомненно, с большим удовольствием следил за событиями в Риме, а разрешение политического кризиса там доставило ему особое удовлетворение. Теперь он имел перед собой противника, ослабленного внутренними разногласиями и разделением армии на две части, которыми командовали независимые один от дру-

гого полководцы, придерживавшиеся различных стратегических концепций. Наиболее опасный из них Квинт Фабий Максим — фактически утратил прежнюю власть и возможность серьезно угрожать карфагенянам, а другой — Марк Минуций Руф — не располагал достаточными силами, чтобы одержать победу. К тому же, играя на противоречиях между обоими диктаторами, можно было попытаться разбить их по одному.

Между карфагенским лагерем и лагерем Минуция находился большой холм, который Ганнибал решил сделать центром боя. Расположив вокруг него в различных укрытиях, неровностях и углублениях в засаде около 5000 пехотинцев и всадников, Ганнибал, чтобы отвлечь от них внимание противника, занял этот холм своими легковооруженными войсками. Минуций не заставил себя ждать: для занятия холма он послал легковооруженный отряд, за ним всадников, а за ними вывел и всю остальную армию. Ганнибал также посылал на холм необходимые подкрепления, которые сдерживали натиск противника и обратили в бегство его легковооруженный отряд. Паника охватила и римских всадников; только пехота Минуция продолжала двигаться вперед; внезапно с тыла на нее напали карфагеняне, укрывавшиеся в засадах, и римляне оказались в кольце. В этот момент на помощь легионам Минуция пришел Фабий; увидев, что подходят свежие силы противника и что войска обоих диктаторов перегруппировываются для контрнаступления, Ганнибал, явно не подготовленный к такому повороту событий, приказал своим солдатам отступать в лагерь.

В римской армии, а затем и в самом Риме результат сражения, и не без оснований, сочли победой Фабия. Минуцию не оставалось ничего другого, как вернуться в лагерь своего соперника, отказаться от прав, которые ему совсем недавно предоставило народное собрание, и приступить, как и прежде, к исполнению обязанностей начальника конницы [Полибий, 3, 104-105; Ливий, 22, 28-30].

V

Таким образом, в результате кампании, последовавшей после битвы при Тразименском озере, Ганнибал растерял все плоды своей блестящей победы. После всех своих передвижений по Италии Ганнибал смог только расположиться лагерем возле Гереония, имея непосредственно перед собой все 4 римских легиона. Так как приближалась зима, Ганнибал был обречен на бездействие.

В Испании кампания 217 года для карфагенян развивалась крайне неблагоприятно. Гасдрубал Баркид, правда, подготовил зимой 218/217 г. сильный флот и двинул свою армию по морю и по суше к Иберу, однако неподалеку от устья этой реки в морском сражении карфагенский флот был разбит. Римляне высадили свои войска

у Онуссы и даже подошли к стенам Нового Карфагена, а также напали на остров Эбесс. Когда римский флот воротился на север от Ибера, Гней Корнелий Сципион начал наступление к Кастулонским горам, тогда как Гасдрубал отступил в Луситанию, к берегам Атлантического океана. Тем временем илергеты восстали против римлян. Гней Сципион подавил их без особого труда, однако восстание послужило Гасдрубалу сигналом к новому вторжению в области севернее Ибера. Карфагенскому полководцу недолго пришлось стоять там и готовиться к схватке с римлянами: внезапно ему сообщили, что в карфагенские владения вступили племена кельтиберов, заключившие союз с Римом. Три города они захватили и дважды сражались с Гасдрубалом, который бросился на юг организовывать оборону; карфагеняне потеряли 15 000 убитыми и 4000 пленными. В этот момент в Испанию прибыл Публий Корнелий Сципион во главе флота в 30 кораблей и отряда в 8000 воинов. Соединившись с братом и пользуясь тем, что пунийцы были заняты войной с кельтиберами, он повел римские войска к Сагунту, где в тот момент содержались заложники иберийских племен. Заложники благодаря хитрости и измене сумели покинуть Сагунт, и это дало братьям Сципионам возможность привлечь на свою сторону новые иберийские племена. Наступление зимних холодов прервало кампанию [Полибий, 3, 95-99; Ливий, 22, 19-22], закончившуюся очевидным преимуществом римлян.

Более удачно для карфагенян сложилось положение в другом районе. Консул Гней Сервилий Гемин, командуя флотом в 120 кораблей, обошел берега Сардинии и Корсики, беря повсюду заложников, а затем отправился в Африку. Проходя через Менигу, он опустошил ее, а с Керкины взял выкуп 10 талантов серебра за то, чтобы не жечь и не грабить ее земли. Ему удалось высадиться в Африке. Однако, вместо того чтобы укреплять созданный таким образом плацдарм, он повел своих солдат и моряков опустошать окрестные поля, и, когда они разбрелись по стране, их встретили засады карфагенян. Римляне бежали к кораблям. Потеряв около 1000 человек, они отплыли в Сицилию [Ливий, 22, 31, 1-5]. Однако, несмотря на такой исход экспедиции, попытка Гнея Сервилия показала уязвимость карфагенских владений в Африке; поражение римлян было следствием их собственной недостаточной организованности, а отнюдь не защищенности африканского побережья.

Время шло, шестимесячный срок диктатуры Квинта Фабия Максима истек, и он обратился к консулам с предложением принять командование римскими войсками. Гней Сервилий Гемин, передав в Лилибее свой флот претору Титу Отацилию, с тем чтобы легат Отацилия Публий Сура доставил его в Рим, сам отправился к легионам, действовавшим против Ганнибала. Туда же явился и его коллега Марк Атилий Регул. Сменив диктатора и его начальника конницы, консулы строго придерживались стратегической линии Фабия — они держали армию Ганнибала под постоянной угрозой, но по-прежнему уклонялись от решающего боя, которого так хотел пунийский

полководец. Пунийская армия начала испытывать острый недостаток в продовольствии, и Ганнибал даже думал, не уйти ли на север, в Галлию; его удержала на месте только мысль, что враги и друзья примут это отступление за бегство, и тогда он окончательно потеряет все шансы на господство в Италии [Ливий, 22, 31, 6-32, 3; ср. у Диона Касс, фрагм., 57, 21].

С наступлением зимы военные действия у Гереония постепенно прекратились. Не прекратились, однако, события, демонстрировавшие полное одиночество Ганнибала в Италии, — следствие того военно-политического поражения, которое он потерпел от Фабия. В особенности серьезным актом было появление в Риме послов с дарами из Неаполя — одной из крупнейших греческих колоний на юге Апеннинского полуострова. Аналогичное посольство прибыло в Рим и из Пестума [Ливий, 22, 36, 9]. Сиракузский царь Гиерон также прислал в Рим огромные запасы продовольствия и вспомогательный отряд— 1000 стрелков и пращников [Ливий, 22, 37]. Когда принимали дары от неаполитанцев, были, если верить повествованию Тита Ливия [22, 32, 4-9], произнесены слова о том, что Рим —глава и акрополь всей Италии — борется не только за себя и свою власть, но и за своих союзников, их города и поля. Такова была та политическая пропаганда, которую римское правительство сочло нужным противопоставить речам Ганнибала, однако последний и в данном случае ничего не мог предпринять. Победы не было, а грабежи, убийства и пожарища очень слабо вязались с тем обликом освободителя Италии, в котором пунийский полководец хотел предстать перед ее многочисленными племенами и народностями.

Единственное, что оставалось Ганнибалу, это, пользуясь зимним перерывом, выжидать дальнейшего развития событий. Ему повезло. К моменту, когда в Риме должны были происходить выборы консулов на новый 216 год, там разразился еще один острейший политический кризис, исход которого непосредственно повлиял на ведение боевых операций как самими римскими военачальниками, так и Ганнибалом.

Этот политический кризис представлял собой очередную вспышку борьбы за власть между римским плебсом и сенатом. Спорили о том, как следует проводить выборы. По поручению сената претор Марк Эмилий обратился к Сервилию и Атилию с письмом, настаивая, чтобы один из них явился в Рим для проведения выборов. Сервилий и Атилий отказались: они считали, что без вреда для государства не могут покинуть армию, и, в свою очередь, предлагали, чтобы это было поручено междуцарю. Сенат счел более целесообразным прибегнуть к диктатуре. Консулы остановились на кандидатуре Луция Ветурия Филона, который и назначил своим начальником конницы Марка Помпония Матона. Однако не прошло и двух недель, как авгуры обнаружили в процедуре назначения какие-то упущения, и диктатор вместе со своим помощником получили приказание отказаться от должности; про-

ведение выборов сенат поручил междуцарю, приняв, таким образом, точку зрения Сервилия и Атилия [Ливий, 22, 33, 9-12]. В рассказе Ливия изложена официальная версия. Можно полагать, что сенат рассчитывал, используя механизм диктатуры, сломить сопротивление оппозиции, но эта попытка оказалась неудачной. Возможно, однако, что диктатура была уступкой плебсу, от которой в ходе выборов поспешили отказаться. Не случайно Ливий [22, 34, 9-10] вкладывает в уста одного из ораторов на выборах, Квинта Бэбия Геренния, слова о том, что диктатор был ненавистен сенату и что к междуцарствию прибегли только с одной целью — дать сенату возможность свободно распоряжаться на выборах.

Однако гораздо важнее был другой вопрос: кто получит на следующий год консульские должности. В роли одного из кандидатов выступал Гай Теренций Варрон — тот самый, который настаивал в свое время на уравнении в правах Фабия и Минуция, плебейский вождь, снискавший себе исключительную популярность. Ливий [22, 25,18-26, 3; ср. у Диона Касс, фрагм., 57, 23—25] изображает этого человека — несомненно, выходца из социальных низов — выскочкой и карьеристом. «Передают», что его отец был мясником, сам разносил свой товар и в этом рабском занятии пользовался помощью сына. Сын же, которому деньги, нажитые отцом, дали возможность в будущем выбиться в люди, избрал для себя политическую карьеру. Произнося речи в защиту людей низкого происхождения, против интересов знати, он обратил на себя внимание, а затем достиг и должностей, проделав обычную для Рима карьеру, — был квестором, плебейским и курульным эдилом и претором; теперь он претендовал на высшую государственную должность. Из этого очень пристрастного и далекого от объективности изображения мы можем тем не менее уловить черты народного вождя, очевидно, преемника Фламиния, ненавистного знати.

Для нас чрезвычайно существенно уяснить, какова была политическая программа, с которой пришел на выборы Гай Теренций Варрон. Ливий [22, 34, 3-11] вкладывает в уста его сторонника и родственника, уже упоминавшегося Квинта Бэбия Геренния, речь в поддержку плебейского кандидата: нобили на протяжении многих лет стремились к войне с Ганнибалом и в конце концов привели его в Италию; много раз имея возможность победоносно завершить войну, что показал пример Минуция, они злонамеренно ее затягивают. Не иначе как между нобилями существует сговор, и война может кончиться не прежде, чем консулом будет избран настоящий плебей, то есть новый человек, не принадлежащий к нобилитету, потому что знатные плебеи (нобили) потеряли связь с плебсом и презирают его, как и патриции. Показательно, что здесь Бэбий, в изложении Ливия, как бы подхватывает то бранное обозначение выскочки (homo novus), которое было в ходу в Риме, и возвращает ему буквальный его смысл. Речь, сочиненная Ливием, разумеется, не представляет собой буквального воспроизведения слов Бэбия или других сторонников Варрона. Тем не менее едва ли можно сомневаться в том, что в ней приводятся

какие-то шаблоны плебейской пропаганды, сведения о которых дошли до Ливия в сочинениях римских историков, прежде всего Цэлия Антипатра. Речь Бэбия — это яростная атака против методов Фабия, который сначала помешал римлянам победить и уже только потом — быть побежденными. Причины, вызвавшие подобные настроения, очевидны: все отрицательные последствия стратегии Фабия для римского, прежде всего мелкого, землевладения сохранились; если бы консулы и на будущий год ее сохранили, то и будущий год не принес бы ничего, кроме разорения.

Предвыборная борьба была исключительно острой. Был избран только Варрон. Победила плебейская линия, направленная на быстрое и решительное окончание войны. И все же другим консулом, согласно действовавшим в Риме политическим установлениям, должно было избрать патриция. Единственным, кто мог сколько-нибудь успешно вести политическую борьбу с Варроном и заставить его отказаться от своих замыслов, нобилитет в этих условиях считал известного врага плебеев Луция Эмилия Павла. Все те, кто ранее добивался консульства, сняли свои кандидатуры, прямые ставленники Фабиев ретировались, и на ближайшем народном собрании консулом был избран Луций Эмилий Павел, единственный претендент, — не столько в качестве коллеги, сколько в качестве противника Варрона, замечает Ливий [22, 35, 1-4][79].

Результаты выборов в Риме предопределили ход кампании 216 года. Ганнибал мог быть доволен: в римском правительстве не было и не могло возникнуть единства, так как теперь борьба между нобилитетом и плебсом превратилась в борьбу между консулами; у последних не только не было единогласия по вопросу о том, как бороться с Ганнибалом, но они придерживались прямо противоположных политических концепций; римская система управления (консулы либо делили армию на две части, либо командовали ею по очереди) позволяла Ганнибалу надеяться, что Варрон так или иначе проведет свой план в жизнь, и, следовательно, давала ему определенные шансы победить, выйти из того затруднительного положения, в которое он попал.

Как уже говорилось, одним из важнейших результатов стратегии Фабия было то, что Ганнибал фактически лишился военной инициативы и ход событий в значительной степени определялся действиями римского командования. Последнее начало подготовку к новой кампании в обстановке крайней нервозности. По городу снова

[79] Избрание Л. Эмилия Павла знаменовало, конечно, поражение Фабиев. Однако нет оснований думать, что сенат отказался от политики бывшего диктатора и что рассказы о нежелании Эмилия дать сражение не соответствуют действительности *(Scullard H. H.* Roman politics. P. 50-52). То обстоятельство, что Варрон и после Канн занимал ответственные посты, не свидетельствует о невозможности разногласий между ним и Эмилием или между ним и сенатом до Канн. О Полибиевой концепции истории этого периода см. далее.

распространялись слухи о грозных предзнаменованиях, что очень терроризировало население [Ливий, 22, 36, 6-9]. Однако Варрон и Эмилий Павел не смущались этими разговорами. Они намного увеличили численность армии. Мы, правда, не знаем точно, как это произошло. Уже Ливий [22, 36, 1-5] имел различные сведения о мероприятиях консулов. По одним источникам, они мобилизовали дополнительно 10 000 человек; по другим — сверх уже действовавших против Ганнибала 4 легионов, из которых состояла римская армия, они сформировали еще 4, увеличив, кроме того, численность пехотинцев в каждом легионе на 1000 человек (то есть до 5000) и всадников — на 100 (то есть до 300). Более чем вдвое увеличилась и численность союзнической пехоты — до уровня собственно римских легионов, а союзническая кавалерия должна была вдвое (по Полибию, втрое [3, 107, 9-12]) превосходить собственно римскую. Если исходить из второго варианта, который представляется более достоверным, можно сделать вывод, что всего в римском строю находилось 87200 человек. Плутарх [Плут., Фаб., 14] называет другую цифру — 92 000. Значение этого факта станет понятно, если учесть, что армия Ганнибала непрерывно уменьшалась, даже когда активные боевые операции не велись (множество солдат гибло во время экспедиций за продовольствием и фуражом), и резервами он не располагал. Кроме того, вновь избранный претор Луций Постумий Альбин был направлен с легионом в Галлию, чтобы отвлечь туда внимание Ганнибала, а галлов, находившихся в его армии, побудить вернуться на родину [Полибий, 3, 106, 6]. Наконец, в Сицилии был увеличен римский флот, и пропретор Тит Отацилий получил полномочия, если он сочтет полезным, высадиться в Африке [Ливий, 22, 37, 13]. Правда, Полибий [3, 106, 7] иначе изображает приготовления римских войск в Сицилии. По его словам, римляне в Сицилии были озабочены тем, чтобы возвратить флот, зимовавший в Лилибее; судя по тому, что известно о дальнейших событиях, Полибий или его источник несколько спутали последовательность того, что происходило.

Между тем положение Ганнибала становилось с каждым днем хуже и хуже. Он по-прежнему стоял у стен Гереония. Продовольствие кончалось; накануне битвы при Каннах у карфагенян был только десятидневный запас. Пополнить его было негде: все, что возможно, пунийские солдаты уже опустошили и разграбили. В лагере Ганнибала происходили волнения. Иберийцы готовились перейти на сторону неприятеля [Ливий, 22, 40, 7-9]. Воины требовали жалованья и роптали сначала на нехватку продовольствия, а потом и просто на голод. Положение сложилось такое, что иногда и самому Ганнибалу приходила в голову мысль бросить пехоту и со всадниками пробиваться в Галлию [Ливий, 22, 43, 2-4].

В этой ситуации Ганнибалу, естественно, было на руку стремление Варрона как можно скорее дать сражение, и он делал все, чтобы укрепить римского военачальника в его намерении.

Однако мы плохо осведомлены о кампании 216 года. По рассказу Полибия [3, 107, 1-7], еще до прибытия к римской армии новых консулов Ганнибал вывел свои войска из лагеря под Гереонием и занял крепость в Каннах — небольшом городке, куда римляне свозили продовольствие. Командовавшие римской армией до прибытия консулов Сервилий и Атилий требовали от сената инструкций, так как при сближении с неприятелем уклоняться от битвы никак невозможно, поскольку страна подвергается разграблению и союзники ропщут. Сенат высказался за то, чтобы дать сражение, однако приказал дождаться прибытия новых консулов. Консулы явились в действующую армию, когда Ганнибал уже давно и прочно занимал Канны; первые столкновения накануне знаменитой битвы произошли возле этого города [Полибий, 3, 110].

В повествовании Полибия имеются некоторые сомнительные детали. Во-первых, для того чтобы принять решение о дальнейшей стратегической линии, проконсулы не нуждались в указаниях сената: они могли и должны были сделать это своей властью, сообразуясь с обстоятельствами. Во-вторых, и Сервилий, и Атилий, придерживавшиеся точки зрения Фабия, не могли внезапно и так резко изменить свою позицию и говорить о необходимости сражения. Ведь, по сути дела, обстоятельства не изменились. Странной кажется и позиция сената, до этого момента активно, насколько мы знаем, противодействовавшего авантюристическим, с его точки зрения, замыслам Варрона; теперь обнаруживается вдруг, что сенат разделяет военно-политическую концепцию Варрона. Перед нами явно традиция, призванная обелить незадачливого консула и возложить ответственность за Канны на сенат, будто бы требовавший сражения, Нас, однако, больше интересует другое: прав ли Полибий, когда пишет, что карфагеняне в самом начале кампании заняли крепость в Каннах. Принципиально ничего невозможного в этом нет. Тем не менее, если явно неправдоподобно то, о чем пишет Полибий как о следствии занятия Канн, тень сомнения падает и на последнее указание. К тому же, пока Сервилий и Атилий находились во главе римской армии, Ганнибал не мог иметь сколько-нибудь обоснованную надежду вынудить их своими действиями на бой, от которого они все время уклонялись, а занятие Канн его положения существенно не меняло. Такая операция имела бы смысл только в том случае, когда перед Ганнибалом стоял новый противник, мечтавший о победе и быстром завершении войны.

Тит Ливий [22, 41, 1-4] иначе и, по-видимому, более достоверно изображает кампанию 216 года. Когда в действующую армию прибыли новые консулы — Гай Теренций Варрон и Луций Эмилий Павел, они объединили действовавшие ранее и мобилизованные перед началом боевых операций воинские формирования и устроили два лагеря, меньший из которых выдвинули ближе к позициям Ганнибала (командование этим лагерем, где находились 1 легион и 2000 союзников — всадников и пехотинцев, они возложили на Гнея Сервилия Гемина); в большем лагере находилась

остальная часть армии. Марк Атилий Регул, человек уже преклонного возраста, получил разрешение вернуться в Рим.

Первое столкновение между римлянами и карфагенянами произошло, в общем, неожиданно для полководцев. Когда карфагенские солдаты в очередной раз вышли из лагеря в поисках хлеба и фуража, на них бросились римляне, чтобы воспрепятствовать грабежу; завязалась беспорядочная стычка, закончившаяся очевидным успехом римлян: из последних и их союзников было убито около 100 человек, тогда как карфагеняне потеряли примерно 1700. Римляне врассыпную преследовали отступающего неприятеля, однако командовавший в тот день консул Л. Эмилий Павел остановил наступление, опасаясь засады. Варрон громко негодовал: враг выпущен из рук; если бы не бездействие, уже можно было бы кончить войну. В общем, не огорчался и Ганнибал: он понимал, что этот успех римлян укрепит у Варрона уверенность в победе и, следовательно, приблизит его, Ганнибала, к осуществлению своих замыслов.

Ганнибал решил прибегнуть к хитрости. Ближайшей же ночью он вывел свои войска из лагеря, оставив там все имущество. За горами по левую сторону он спрятал пехотинцев, справа — всадников; когда же римляне явятся грабить поспешно будто бы брошенный лагерь, Ганнибал рассчитывал напасть на них и уничтожить. Чтобы укрепить у римлян уверенность, будто лагерь покинут и карфагеняне поспешно бежали, Ганнибал оставил множество ярко горящих костров якобы для того, чтобы замаскировать свое отступление [22, 41, 6-9].

Когда рассвело, римские солдаты убедились, что пунийцы бежали, бросив свое имущество, и начали требовать от консулов, чтобы те немедленно вели их преследовать противника и грабить лагерь. Варрон добивался того же; Эмилий Павел настаивал, чтобы были приняты меры предосторожности, однако сумел только отправить на разведку отряд луканских всадников под командованием Мария Статилия. Вернувшись, разведчики доложили: засада, конечно, существует, огни оставлены только в той части лагеря, которая обращена к римлянам; палатки открыты, все дорогие вещи оставлены на виду, кое-где даже видно серебро, разбросанное на дороге как будто для приманки. Сообщение Мария Статилия произвело эффект, обратный тому, которого ожидал Эмилий Павел: воины стали еще громче и решительнее требовать, чтобы был дан сигнал к выступлению; в противном случае они пойдут сами и без сигнала. Варрон скомандовал выступать, и лишь в последний момент Павлу удалось остановить коллегу. Боевые значки легионов уже выносили за ворота, когда посланец Эмилия сообщил Варрону, что во время гадания на курах Эмилий не получил благоприятного предзнаменования. Суеверный страх побудил Варрона остановиться, но ему еще долго пришлось убеждать разгоряченных воинов вернуться в свой лагерь. Пока у ворот спорили, туда явились два раба. Один из них принадлежал формианскому, а другой — сицилийскому всадникам; во время

предыдущей кампании их захватили нумидийцы, а теперь они убежали к своим хозяевам. Приведенные к консулам рабы объявили, что вся армия Ганнибала укрыта за горами в засаде [Ливий, 22, 42].

План Ганнибала, основанный на глубоком знании психологии солдата, в том числе и римского, провалился из-за сопротивления Эмилия Павла и из-за нелепой случайности — бегства двух рабов, которые выдали противнику все замыслы карфагенского полководца. Перед Ганнибалом снова встал вопрос, что делать дальше, и он решил переместиться в более теплые места Апулии, где раньше созревал урожай. Снова ночью карфагенские войска покинули лагерь, оставив там несколько палаток и огни, чтобы враг по-прежнему опасался засады. Однако на этот раз никакой засады не было. Ганнибал расположился лагерем у поселения Канны, обратившись тылом в сторону южного ветра, несшего с собой массу пыли. Показательно, что Ливий не зна что засады нет, двинулись следом за ним [Ливий 22, 43].

Оказавшись в непосредственной близости от Канн и от неприятельских позиций, римляне, как рассказывает Ливий [22, 41,1-45, 1], устроили, как и при Гереонии, два лагеря: больший на одном и меньший на другом берегу Ауфида, где вообще не было карфагенских войск (то есть, очевидно, на левом). Теперь Ганнибал уже мог твердо надеяться, что желанное сражение будет дано, причем в условиях, максимально для карфагенян выгодных, — на равнине, удобной для наступления их конницы, значительно превосходившей римскую. Выстроив своих солдат, Ганнибал выслал вперед нумидийских всадников, чтобы вызвать римлян на битву. В римском лагере начались волнения: воины желали идти в бой, консулы ожесточенно между собою спорили. Пока так проходило время, Ганнибал возвратил своих воинов в лагерь.

Полибий [3, 110] иначе излагает эти события. По его версии, консулы, прибыв к действующей армии, повели все войска к расположению противника и после двухдневного перехода расположились примерно в 50 стадиях (около 10 км) от него. Эмилий Павел, видя, что местность благоприятна для конного сражения, считал, что необходимо пока уклоняться от боя, уходить дальше и заманить неприятеля в такое место, где исход боя могла бы решить пехота. Варрон придерживался другого мнения и, когда наступила его очередь командовать, приказал перевести римский лагерь поближе к неприятелю. Во время этого перехода Ганнибал внезапно напал на римлян отрядами легковооруженной пехоты и всадников, вызвал панику в их рядах. Однако римляне выдержали первый удар, выставив вперед тяжеловооруженных пехотинцев, а затем, направив против карфагенян метателей дротиков и всадников, одержали (так пишет Полибий) решительную победу. Ночью противники разошлись; на следующий день Эмилий, которому теперь принадлежало командование, не счел возможным продолжить сражение. Он не мог и отступить и расположился лагерем с двумя третями войска на берегу Ауфида; остальных он

разместил на другом берегу реки восточнее переправы, примерно в 10 стадиях от главного лагеря. После этого Полибий [3, 112] излагает события, о которых рассказывает Ливий.

Какая из этих двух версий, во многом исключающих одна другую, предпочтительнее? Полибий говорит о перемещении римского лагеря под Каннами и о победе римского оружия. Между тем Ливий об этом ничего не знает. По его версии, римляне сразу же расположились в непосредственной близости от противника, безуспешно пытавшегося вызвать их на бой и в конце концов вынужденного отвести свои войска от боевых позиций. Вообще говоря, версия Ливия представляется более логичной и действия, которые он приписывает обеим сторонам, — более целесообразными. В самом деле, останавливаться лагерем в 50 стадиях от неприятеля значило упустить его из виду и потерять возможность следить за его действиями. Добивалось ли этого римское командование? Едва ли, даже если исключить желание сразиться и предполагать только активное противостояние. Если принять во внимание тот план, который Полибий приписывает Эмилию Павлу, то и он не мог быть осуществлен без непосредственного соприкосновения с противником: римляне не могли без боя уйти, оставив Ганнибала хозяйничать в районе Канн. С другой стороны, переход на новое место, устройство нового лагеря делали римские войска уязвимыми. Трудно представить военачальника, даже такого неумелого, каким традиция изображает Варрона, который решился бы на подобную операцию в столь неблагоприятных условиях. Кстати говоря, и победа римлян, одержанная под командованием Варрона, не вяжется с представлением о неопытном и бездарном стратеге — Варроне в Полибиевом повествовании. Совершенно неоправданными выглядят и действия Эмилия, прекращающего победоносно начатое наступление из-за чрезмерной осторожности. Между тем в рассказе Ливия действия обеих сторон хорошо объясняются и объективными потребностями, и субъективными побуждениями действующих лиц. Римляне располагаются в непосредственной близости от Ганнибала на обоих берегах Ауфида, получают возможность контролировать более обширную территорию и повторить то, что Фабий и Минуций, а вслед за ними Сервилий и Атилий проделали под Гереонием, — довести армию Ганнибала до критический ситуации. Ганнибал, естественно, пытается вызвать римлян на поле брани, а Эмилий, исходя из своей, а в основе Фабиевой стратегической концепции, не выпускает римских воинов из лагеря.

Как бы то ни было, Ганнибал отвел все свои войска, кроме нумидийских всадников, которым велел переправляться на левый берег Ауфида и напасть на римских воинов, ходивших из лагеря за водой. Появившись там, всадники обратили в бегство нестройную толпу римлян, подскакали к посту перед лагерным валом и чуть ли не к воротам. Все это еще больше возбудило и без того волновавшихся римских солдат (пунийцы осмеливаются подходить уже и к лагерю!), и только власть Эмилия Павла да еще воинская дисциплина удержали их от немедленной переправы через реку.

По Полибию [3, 112, 2], действия Эмилия объясняются тем, что, согласно его предположениям, Ганнибал должен был перенести вскоре свой лагерь в другое место; сам же Эмилий был недоволен местностью. Однако на другой день командование перешло к Варрону, и тот своей властью (не советуясь с коллегой, замечает Ливий) перевел все войска на левый берег; там консулы выстроили всю римскую армию в боевой порядок: на правом фланге, более близком к реке, расположили всадников, на левом — конницу союзников и ближе к центру — их пехоту. В центре находились римские легионы, а перед строем — пращники и другие легковооруженные воины. Командование левым флангом взял на себя Гай Теренций Варрон, правый фланг он поручил Луцию Эмилию Павлу и центр — Гнею Сервилию Гемину [Полибий, 3, 112, 1-5; 3, 113, 1-5; Ливий, 22, 45]. Иначе изображает эти события Аппиан [Ганниб., 19]. Центром, по его словам, командовал Эмилий, левым флангом — Сервилий и правым — Варрон.

Цель, которую поставил перед собою Ганнибал, была достигнута. Рано утром он переправил на левый берег Ауфида балеарские части и другие легковооруженные формирования, а за ними и остальных солдат. На левом фланге, ближайшем к реке, он поставил иберийских и галльских всадников, которые должны были действовать против римской конницы, в центре — пехоту (половину — тяжеловооруженных ливийцев, посредине этого строя — галлов и иберов, а за ними — снова ливийцев) и на правом фланге — нумидийских всадников, которые здесь должны были сражаться с римскими союзниками. Ливийцы были вооружены трофейным оружием, отобранным у римлян. Численность карфагенской армии составляла 40000 пехотинцев и 10 000 всадников. Напомним, что римская армия насчитывала более 80 000 человек. Расположены были карфагеняне исключительно удобно: лицом к северу и спиной к ветру, дувшему и несшему песок и пыль в лицо римлянам; солнечные лучи не слепили воинов. При построении Ганнибал выдвинул вперед иберов и галлов, которые должны были первыми вступить в бой, а остальных расположил так, что образовалось нечто вроде выгнутого в сторону фронта огромного полумесяца, делавшегося по краям все тоньше и тоньше. Командование левым флангом Ганнибал поручил Гасдрубалу, правым — Махарбалу (по Полибию, Ганнону), а сам вместе со своим братом Магоном взял на себя центр. Сведения Аппиана [Ганниб., 20] и в этом случае существенно отличаются от сведений других авторов: по его данным, правым флангом командовал Магон Баркид, левым — племянник полководца Ганнон, центром — сам Ганнибал; Махарбалу был поручен отряд в 1000 всадников.

Сражение, как и обычно, завязали легковооруженные солдаты. Затем галльско-иберийская конница Ганнибала обрушилась на правый римский фланг. В ожесточенном сражении воины, сбившись в кучу, стаскивали один другого с коней, ожесточенно рубились. Наконец римляне, преследуемые врагом, побежали вдоль реки. Тем временем в бой вступила пехота, и иберийско-галльские пехотинцы Ганнибала после

упорного сопротивления начали медленно отступать, увлекая за собой римлян, проникавшие все глубже в расположение карфагенских войск. Между тем ливийские пехотинцы с обоих флангов атаковали римлян, а немного погодя заперли их и с тыла. Римская пехота оказалась в кольце. На левом фланге наступление нумидийской кавалерии началось с того, что около 500 всадников явились в расположение римлян и объявили, положив щиты и стрелы, что сдаются в плен; немного времени спустя, выхватив заранее спрятанные мечи, они бросились на римлян с тыла. Основную массу нумидийцев Гасдрубал отправил преследовать отступающего противника[80].

Судьба битвы была решена. Консул Л. Эмилий Павел был убит. Римляне со все большим напряжением держали круговую оборону; воины падали один за другим. По данным Полибия [3, 117, 3], в бою погибло около 70 000 римлян, а бежать сумело около 3000 человек. Евтропий [3, 10] исчисляет потери римлян следующим образом: 60 000 пехотинцев, 3500 всадников и, кроме того, 350 представителей знати — сенаторов и лиц, ранее занимавших высшие должности в Риме. По Орозию [4, 16, 2], сведения которого явно преуменьшены, римляне потеряли 44 000 убитыми. Плутарх [Фаб., 16] пишет, что римляне потеряли убитыми 50 000, пленными — 4000; примерно 10 000 было взято и в обоих лагерях. Среди убитых были Гней Сервилий Гемин и Марк Минуций Руф. Варрон с 50 всадниками (по Полибию [3, 117, 2], с 70 всадниками) бежал в Венусию [см.: Полибий, 3, 115-116; Ливий, 22, 47-49; Зонара, 9, 1; Апп., Ганниб., 17, 24; Фронтин, 2, 3, 7]. 7000 римлян сумели бежать в меньший лагерь, 10000 — в больший, а почти 2000 — в Канны. Последних окружил отряд карфагенян под командованием Карталона и захватил в план. Часть римских воинов во главе с военным трибуном Публием Семпронием Тудитаном прорвалась из меньшего лагеря в больший [Ливий, 22, 50]. Те, кто остались в меньшем лагере, после непродолжительного сопротивления сдались Ганнибалу. По соглашению между ними и пунийским полководцем они должны были выдать оружие и лоша-

[80] Источники, которые имеются в нашем распоряжении, не дают ясного ответа на вопрос, на каком именно берегу разыгралось сражение при Каннах, и вопрос о топографии этой битвы на протяжении длительного времени служит объектом ожесточенной полемики. Многие исследователи считают, что она происходила на левом, северном, берегу Ауфида *(Dodge Th.* Hannibal. P. 361-362; *O'Connor Morris.* Hannibal. P. 173, 178-180; *Neumann C.* Das Zeitalter der Punischen Kriege. Breslau, 1883 (далее — *Neumann C.* Das Zeitalter...); *Fried F.* Ueber die Schlacht bei Canna. Leipzig, 1898; *Delbruck H.* Die Schlacht bei Canna // HZ. Bd 109. 1912. P. 481-507; *Pais E.* Storia di Roma durante le guerre Puniche. Vol. I. P. 311-321; *Beer G. de.* Hannibal. C. 213; *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Т. I. М., 1936. С. 265-266). Согласно другой точке зрения, битва происходила на правом берегу — либо к западу от Канн *(Mellzer O.* GK, III. S. 428-429), либо к востоку от них *(Burian J.* Hannibal. C. 78; ср. также: *Cornelius F.* Cannae, Das militarische und literariscne Problem. Leipzig, 1932. P. 13-20). Основные точки зрения суммированы у Скалларда *(Scullard H. H.* A History of the Roman World from 753 to 446 B. C. C. 460-461). Нам представляется, что описание расположения римских и карфагенских войск накануне сражения показывает, что оно могло происходить только на левом берегу.

дей; за людей устанавливался выкуп: 300 денариев серебра за римлянина, 200 — за союзника, 100 — за раба. Некоторое время спустя из большего лагеря 4000 воинов ушли в Канусий, а остальные сдались на тех же условиях. Сам Ганнибал потерял, по данным Ливия [22, 52], 8000 воинов, а по сведениям Полибия [3, 117, 6], — около 6000.

Глава четвертая

НА ПУТИ К ЗАКАТУ (ОТ КАНН ДО ПАДЕНИЯ КАПУИ)

Блестящая победа при Каннах потрясла современников. Римская армия была полностью уничтожена. Италия, казалось, целиком была во власти Ганнибала. Тем не менее Рим еще не был покорен, и перед Ганнибалом снова встал вопрос: что же дальше?

Ливий рассказывает [22, 51, 1-4], что пунийские офицеры, поздравлявшие Ганнибала с победой при Каннах, советовали ему дать отдых себе и усталым воинам. Только начальник конницы Махарбал предлагал, не теряя ни минуты, двинуться на Рим. «На пятый день, — передает Ливий его слова, — ты будешь победителем пировать на Капитолии. Следуй за мной; я пойду со всадниками впереди, чтобы прийти раньше, чем они узнают, что я собираюсь идти». Однако Ганнибалу, по словам Ливия, это предприятие показалось слишком уж грандиозным, для того чтобы он сразу мог принять решение. «На обдумывание совета Махарбала нужно время», — такими словами ограничился пунийский полководец. «Не все, конечно, дают боги одному человеку, — ответил Махарбал. — Ты умеешь побеждать, Ганнибал; пользоваться победой ты не умеешь». Мы не знаем, как реагировал Ганнибал на такую неслыханную дерзость; вероятнее всего, он предпочел промолчать. Однако присутствовавшие при этом пунийцы и греки хорошо запомнили и совет, и решение Ганнибала, и заключительную фразу Махарбала; весь эпизод прочно вошел в античную историческую традицию, которую очень интересовало, почему Ганнибал не пошел на Рим [ср. у Плут., Фаб., 17; Зонара, 9, 1; Вал. Макс, 9, 5, 3]. Катон, также рассказавший о диалоге Ганнибала и Махарбала [Катон, фрагм., 86; Гелл., 10, 24, 7; ср. также: Цэлий, фрагм., 25; Гелл., 10, 24, 6. Его изложение также восходит к Катону], добавляет: на следующий день Ганнибал призвал к себе начальника конницы и сказал ему: «Я пошлю тебя, если хочешь, со всадниками». — «Поздно, — ответил Махарбал, — они уже знают» [Катон, фрагм., 87; Гелл., 2, 19, 9]. Очевидно, Махарбал рассчитывал на эффект полной внезапности; и действительно, операция, которую он предлагал,

могла стать успешной только в одном случае — если не давала врагу опомниться от понесенного страшного поражения.

Интересна позднейшая реакция Ганнибала и окружения на его действия после Канн. По словам Ливия [26, 7], они хорошо понимали, что открывавшиеся благоприятные возможности упущены; Ливий говорит даже о недовольстве ближайших сподвижников полководца.

Пока, однако, в командовании карфагенской армии, которая явилась под водительством Ганнибала в Италию, противостояли одна другой две точки зрения. И той и другой нельзя отказать в логичности. Совет предоставить войскам отдых имеет смысл, если принять, что основной целью Ганнибала был не прямой удар по Риму и его уничтожение, а разрушение Италийского союза[81] и объединение всех италиков для борьбы с Римом[82], если думать, что Ганнибал не имел (или считал, что не имеет) даже после Канн сил, достаточных для ведения победоносной борьбы непосредственно на уничтожение Рима[83], если считать, что Ганнибал хотел только принудить Рим заключить выгодный для Карфагена мирный договор[84]. Предполагают даже, что Ганнибал вообще не хотел ликвидировать Рим, дабы не создавать в Италии политического вакуума, который могла бы заполнить Македония[85]. Позиция Махарбала отвечала другой точке зрения, согласно которой целью войны было ниспровержение и уничтожение Рима любыми средствами; Махарбал основывался на том, что после кровавого побоища у берегов Ауфида Рим не располагал организованной вооруженной силой и, следовательно, не мог оказать сколько-нибудь эффективного сопротивления. Теперь главное уже сделано, и остается только последним решительным ударом добить врага и на римском пепелище закончить войну[86].

Насколько все эти концепции ведения войны были обоснованны, трудно сказать. Мы не можем провести исторического эксперимента, чтобы представить себе, как бы

[81] *Neumann C.* Das Zeitalter der punischen Kriege. S. 374; *Lenschau.* Hannibal. P. — W. RE, Halbbd. 14. Sp. 2336.

[82] *Salmon E. T.* Strategy of the Second Punic War, Greece and Rome. Vol. VII. 1960. P. 131-132; *Vogt J.* Römische Geschichte. 1. Hälfte. Freiburg, 1932. C. 91.

[83] *Bossi G.* La guerra d'Annibale in Italia da Canne a Metauro, Roma, 1891 (далее — *Bossi G.* La guerra...). P. 15-18; *Gsell St.* HAAN, IV. P. 158; *Pals E.* Storia di Roma durante le guerre Puniche. Vol. I. P. 250; *Warmington B. H.* Carthage. London, 1960. P. 477; *Lenschau,* Hannibal, Sp. 2337; *Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1948. С. 238; *Стоилов С.* Аннибал. София, 1966. Ср.: *Combet Farnoux B.* Les guerres puniques. P. 86.

[84] *Walter G.* La destruction de Carthage. P. 356.

[85] *Fitton A. D.* Brown. After Cannae // Historia. 1959, Bd. 8. N3. P. 365-371.

[86] К. Нейман *[Neumann C.* Das Zeitalter... P. 374) считает, что план Махарбала был с военной точки зрения нереален: нумидийская конница могла в лучшем случае только опустошить окрестности Рима; пехота подошла бы к городу только через две недели, когда эффект внезапности был бы уже утрачен. Однако и в этом случае сохранялась возможность начать осаду и через какое-то время овладеть Римом.

развернулись события, если бы Ганнибал последовал совету своего начальника конницы. И все же результаты его дальнейших действий на юге Италии говорят сами за себя. Как мы увидим далее, Ганнибал после Канн желал заключения договора. Возможно, что он считал свою армию, понесшую, конечно, значительные потери во время перехода через Альпы и в ходе военных действий в Италии, недостаточно сильной для того, чтобы атаковать Рим и осадить его. Однако дело не только в этом. Создается впечатление, что Ганнибал был морально не готов к продолжению войны, полагая, что разгром и уничтожение римской армии под Каннами завершает войну и делает Карфаген хозяином Западного Средиземноморья, принуждает Рим автоматически подчиниться пунийской власти. Однако попытки Ганнибала завязать мирные переговоры с римскими властями были с презрением отвергнуты. После Канн для восстановления сил Рим нуждался прежде всего во времени, и он его получил. Не случайно римская традиция довольно настойчиво утверждает, что именно медлительность Ганнибала в тот день спасла и город, и государство [Ливий, 22, 51, 4; Орозий, 4, 16, 4; Зонара, 9, 1]. Ганнибал оставался на юге, и вся Центральная Италия сохранила союз с Римом. Ганнибал тратил время и силы на бесполезные осады то одного, то другого города. А Рим тем временем готовил и обучал новую армию[87], сам перешел в наступление и добился успеха[88]. Римская система ведения войны вообще претерпела после Канн весьма существенные изменения[89]. Во главе армии ставились опытные военачальники, чьи полномочия в случае необходимости

[87] **Правда, как показал У. Карштедт (см.: *Meitzer O.* GK, III. S. 439-442), цифры и данные о действовавших и только еще формировавшихся легионах, приводимые Ливием, основаны на анналистической традиции и, по-видимому, несколько преувеличены. См. также: *Neumann C.* Das Zeitalter... S. 380-381; *Geizer M.* Die Glaubwürdigkeit der bei Livius überlieferten Senatsbeschlüsse über römische Truppenaufgebote, Kleine Schriften. Bd I. Wiesbaden, 1964. S. 220-255. Противоположную точку зрения см.: *Klotz A.* Das romische Wehrmacht im Zweiten punischen Kriege. Philologus, Bd 88, 1933. S. 42-89; *Toynbee A. J.* Hannibal's Legacy. Vol. II. London, 1965. P. 36-45.**

[88] **Мы не можем согласиться с У. Карштедтом (см.: *Meitzer O.* GK, III. S. 443), когда он утверждает, что все сообщения о поражениях Ганнибала сами собой отпадают, поскольку, согласно утверждениям Полибия и Корнелия Непота, до Замы Ганнибал не проиграл ни одного сражения. У. Карштедт говорит лишь о частичных успехах римского оружия. С нашей точки зрения, утверждения Полибия не могут без дополнительных доказательств (а они пока не обнаружены) опорочить конкретный материал, приводимый другими источниками. До открытия новых данных мы вправе считать слова Полибия лишенными оснований. Вероятно, историк, будучи близок к семейству Сципионов, хотел, перечеркивая победы римлян, представить победу при Заме, одержанную одним из Сципионов, как совершенно исключительное явление. По мысли У. Карштедта, все, что противоречит Полибию и выводам, которые из его повествования могут быть сделаны, должно быть отклонено. Нам представляется, однако, что, несмотря на всю авторитетность Полибия-историка, его сведения нуждаются в проверке, как и любая другая традиция. Мы не можем считать его абсолютно беспристрастным в римской внутрипартийной борьбе. Показательны в этой связи указания Фронтина [2, 3, 9] и Валерия Максима [4, 1, 7) о поражениях, которые Ганнибал потерпел от Марцелла.**

[89] **См. об этом: *Моммзен Т.* История Рима. Т. I. С. 579.**

продлевались на большой срок; римские полководцы уже не ограничивались только наблюдениями за действиями противника, но и не бросались безрассудно на врага, они занимали укрепленные позиции, стремились упрочить положение Рима в районе, ставшем театром военных действий, вступали в бой, когда победа обещала серьезные результаты, а поражение не грозило гибелью. В то же время Ганнибал в ходе многолетней войны терял своих ветеранов — основное ядро армии — и должен был их заменять новобранцами — италиками и галлами[90].

Результаты войны показывают, что, какими бы расчетами ни руководствовался Ганнибал, они оказались ошибочными, привели его к поражению и гибели. Весь последующий ход событий свидетельствует: если у Ганнибала и была когда-нибудь реальная возможность добиться окончательной победы, то только сразу же после Канн и только прямым ударом на Рим. После Канн, которые стали действительно переломным пунктом в ходе войны, Ганнибал, вероятно, не желавший рисковать плодами столь блестящей победы и, судя по всему, не имевший определенного плана военных действий, не сумел захватить главного — стратегической инициативы — и потерял все.

I

Как бы то ни было, уже первые шаги Ганнибала свидетельствовали о том, что он считает войну оконченной, а себя — несомненным победителем. Рассказывали, что он отослал на родину три аттических медимна (около 157,59 л) золотых всаднических и сенаторских колец, снятых солдатами с убитых врагов [ср. у Диона Касс, фрагм., 27; Орозий, 4, 16, 5], — трудно было более наглядно показать истинные масштабы римских потерь, то отчаянное положение, в котором очутились римляне. Однако одновременно Ганнибал решил сделать по отношению к Риму дружественный жест, приоткрыть дверь для переговоров, подать надежду на спасение от, казалось бы, неизбежной катастрофы.

Руководствуясь своим давним политическим расчетом — стремлением завоевать расположение италиков и оторвать их от Рима, Ганнибал, как это бывало и прежде, из общей массы пленных выделил римских союзников и отпустил их на свободу без выкупа [Ливий, 22, 58, 2]. Потом он обратился к римлянам и, по рассказу Ливия [22, 58, 3-9], который, по-видимому, более или менее точно передает содержание речи Ганнибала, заявил им, что вовсе не собирается вести с римлянами истребительную войну. Он сражается с Римом из-за чести и власти; отцы нынешних карфагенян были побеждены римской доблестью, теперь он, Ганнибал, хочет, чтобы Рим был побежден его доблестью и удачей. Поэтому он предоставляет римлянам, попавшим

90 Beer G. de. **Hannibal. P. 221-222.**

в плен, возможность выкупиться и назначает цену: за всадников — 500 денариев, за пехотинцев — 300 денариев, за рабов—100 денариев. Для того чтобы передать это предложение сенату, пленники избрали из своей среды десять человек, и последние без всякого залога отправились в Рим. С них была взята клятва вернуться в плен после обсуждения вопроса в сенате. За всеми этими словами и любезностями нетрудно было при желании услышать приглашение заключить мир на условиях, аналогичных тем, которыми в свое время окончилась I Пуническая война (только теперь основные положения договора продиктовал бы Ганнибал, а территориальные и иные потери в Сицилии и Италии выпали бы на долю Рима). Мало того, вместе с пленниками, уезжавшими в Рим, Ганнибал отправил одного из своих приближенных, Карталона, который должен был вступить в контакт с римскими властями и разузнать, не пожелают ли они начать мирные переговоры. Однако римский диктатор (мы подробно остановимся далее на мерах, принятых римским правительством для ликвидации последствий катастрофы) выслал навстречу полуофициальному посланцу Ганнибала ликтора с приказанием до наступления темноты покинуть территорию, принадлежащую Риму [Дион Касс, фрагм., 36].

Неудача миссии Карталона была для Ганнибала первым и, пожалуй, самым зловещим симптомом: Рим отказывался считать войну проигранной, видеть в Ганнибале победителя и просить у него пощады и мира. И римское правительство нетрудно было понять: заключая с Ганнибалом мир, оно должно было бы своими руками уничтожить все здание своего господства в Италии, поставить под угрозу земли, захваченные римским крестьянством в результате длительных, кровопролитных войн; господство Карфагена и его неминуемая гегемония в Италии создавали прямую опасность если и не физической гибели Рима, то, во всяком случае, утраты независимости и превращения в один из городов, подвластных Карфагенской державе. Для Рима после Канн война резко изменила свой характер: из войны за власть над Западным Средиземноморьем, в том числе над Италией, она стала на какое-то время войной за свободу и независимость, против чужеземного гнета.

Ганнибал плохо рассчитал. Вместо переговоров ему предстояло готовиться к новому туру войны.

Говоря о положении воюющих сторон после битвы при Каинах, Тит Ливий [22, 61, 10-12] пишет: «Насколько это поражение было серьезнее предшествующих поражений, показывает то, что верность союзников, которая до этого оставалась прочной, тогда начала колебаться только потому, что они потеряли надежду на сохранение римской власти. К пунийцам примкнули народы: ателланы, калатины, гирпины, часть апулийцев, самниты, кроме пентров, все брутии, луканы, а кроме них узентины и почти все греческое побережье (Италии. — *И. К.)* — тарентинцы, метапонтинцы, кротонцы и локры, а также все цисальпинские галлы». Приблизительно так же

оценивает ситуацию и Полибий [3, 118, 2-4]: «Карфагеняне благодаря этой победе тотчас же овладели почти всем остальным побережьем и так называемой Великой Грецией: ведь тарентинцы тотчас же им передались, а агриппинцы и некоторые из капуанцев звали к себе Ганнибала. Все же остальные обращали свои взоры на карфагенян, питая большую надежду, что они с ходу овладеют и самим Римом». Подобную картину рисуют и другие античные историографы: «После этого сражения многие города Италии, находившиеся под властью Рима, перешли на сторону Ганнибала» [Евтропий, 3, 11]; «Кампания и почти вся Италия, совершенно разочаровавшись в том, что римляне смогут восстановить свое положение, перешли на сторону Ганнибала» [Орозий 4, 16, 10].

Попытаемся, однако, выяснить, насколько эта оптимистическая для Ганнибала оценка ситуации после Канн соответствовала реальному положению вещей и, что особенно существенно, давала ли она Ганнибалу реальные военно-политические преимущества. На первый взгляд эти преимущества были очевидны: Италийский союз если и не распался окончательно, то, во всяком случае, много потерял в своей прочности, а Ганнибал получил в Италии относительно надежный тыл. И все же нельзя было забывать, что битва при Каннах послужила сигналом к обострению социально-политической борьбы в италийских городах и, следовательно, создала там атмосферу политической нестабильности, что никакие органические интересы не связывали новоявленных союзников с Карфагеном; раз изменив Риму, они могли при новом повороте судьбы изменить и Ганнибалу; все зависело от того, какая именно группировка—демократическая или аристократическая, проримская или антиримская — окажется у власти в каждый данный момент, а это, в свою очередь, в немалой степени зависело от побед и поражений самого Ганнибала. Кроме того, и на юге Италии значительная группа городов отказалась признать власть Ганнибала, так что ему приходилось применять против них вооруженную силу.

Само собой разумеется, на стороне Рима оставались латинские колонии в Южной Италии — Брундисий, Венусия, Пестум и другие, которые в случае победы Ганнибала рисковали потерять землю; ее пунийский полководец обещал возвратить коренному населению[91]. О позиции апулийских городов мы вообще плохо осведомлены. Известно, правда, что часть римской армии бежала из Канн в Канусий, где только одна местная аристократка Буса предоставила беглецам продовольствие, одежду и деньги [Ливий, 22, 52, 7]. Явно холодный прием, который оказала им основная масса горожан, объясняется, очевидно, опасением возмездия со стороны Ганнибала. Другой апулийский город, Аргириппы (Арпы), перешел на сторону Ганнибала. Организатором этого дела был Дасий Альтиний, один из местных аристократов, считавшийся потомком аргивянина Диомеда — основателя города [Ливий, 24, 45, 2;

[91] *Моммзен Т.* **История Рима. Т. I. С. 574.**

Апп., Ганниб., 31]. Враждебную Риму позицию заняла и Салапия, где во главе пропунийской партии стоял Дасий [Ливий, 26, 38, 6; Апп., Ганниб., 45], по всей видимости, родственник Альтиния. Не исключено, что в данном случае имело место совместное выступление обоих городов под общим руководством. Насколько мы знаем, Венусия сочувственно отнеслась к римлянам, бежавшим из-под Канн [Ливий, 22, 54, 1-3], что, быть может, объясняется присутствием именно в этом городе консула Г. Теренция Варрона, который собирал там и организовывал уцелевших воинов.

Сразу же после битвы при Каннах Ганнибал двинулся из Апулии в Самниум. Именно здесь, в стране, оказывавшей наиболее упорное и успешное сопротивление римлянам (достаточно вспомнить унизительные для Рима события 321 г., когда, окруженные в Кавдинском ущелье, римляне должны были заключить позорнейший мир, обязавшись уйти из Самниума и даже пройти под «игом»), в стране, где еще живы были традиции борьбы за свободу и независимость, он мог рассчитывать на эффективную поддержку. Надежды Ганнибала, в общем, оправдались.

Непосредственной целью наступления пунийских войск была страна гирпинов, куда Ганнибала призывал некий Статий Требий, принадлежавший к аристократическим кругам г. Компсы. У власти в Компсе стояли враги Требия — род Мопсиев с многочисленными клиентами и сторонниками, опиравшийся на поддержку Рима. Наш единственный источник — Тит Ливий [23, 1, 1-3] — говорит даже, что Мопсии были римскими ставленниками. Когда разнеслась весть о битве при Каннах, Требий распространил известие о том, что Ганнибал идет к Компсе, и перепуганные Мопсии со всеми своими приверженцами покинули город. Компса без боя сдалась Ганнибалу и приняла в свои стены пунийский гарнизон. Эти события показали Ганнибалу, что даже в среде местной аристократии он может рассчитывать на поддержку определенных кругов, именно тех, кому римляне преграждали дорогу к власти и кто боролся за первенство и господство с римскими приспешниками. Они показали, однако, и другое: роды, ориентировавшиеся на Рим, предпочитали изгнание соглашению с Ганнибалом[92].

Компсу Ганнибал решил сделать, по крайней мере на первых порах, своим опорным пунктом. Здесь он оставил добычу и обоз, отсюда он велел своему брату Магону двинуться в глубь Самниума, чтобы там принимать под власть Карфагена тех, кто будет переходить на его сторону, а тех, кто не пожелает добровольно, принуждать силой [Ливий, 23, 1,4]. По-видимому, кампания Магона была успешной, и, судя по тому, что известно о дальнейшем поведении самнитских городов, таких, как Ком-

[92] Ср.: *Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и италийцев в III-II вв. М., 1971 (далее — *Маяк И. Л.* Взаимоотношения...). С. 91. Мы не разделяем мнения И. Л. Маяк, будто уход Мопсиев из Компсы и ее сдача без боя означали, что приверженцы Рима составляли меньшинство тамошнего населения. Из текста Ливия следует только, что влияние Мопсиев после битвы при Каннах сошло на нет. Отказ от сопротивления Ганнибалу мог быть объяснен сознанием его безнадежности.

пультерия, Требула и Австикула [Ливий, 23, 39, 6], и о расправе, которую римляне учинили в районе Кавдии [Ливий, 24, 20, 4-5], самнитские города добровольно и с охотой признавали господство Ганнибала, избавлявшее их от римского владычества.

Сам же Ганнибал направился к Неаполю, чтобы осадить и захватить этот важнейший приморский город Южной Италии, получить таким образом выход в море [Ливий, 23, 1, 5]. Войдя на его территорию, часть своих нумидийских всадников Ганнибал расположил в засадах (чему немало способствовала сильно пересеченная местность, где должны были действовать карфагенские войска), а остальных вместе с добычей, захваченной по дороге, двинул прямо к городским воротам. Нумидийцы шли не очень большой, беспорядочной толпой и, казалось, легко могли быть уничтожены; эту задачу попытался решить отряд неаполитанских всадников, атаковавший приближающегося противника. Нумидийцы стали отходить, заманивая неприятеля к засаде, там окружили его и почти целиком уничтожили. Часть неаполитанцев из тех, кто умел плавать, спаслась на лодках рыбаков, занимавшихся недалеко от места боя своим обычным делом. Несколько молодых неаполитанских аристократов попали в плен и были убиты. Таким образом, неаполитанские власти не пожелали впустить к себе карфагенян; мы ничего не слышали и о каких-либо попытках заключить союз между Неаполем и Карфагеном. Очевидно, битва при Каннах не произвела на неаполитанцев того впечатления, на которое Ганнибал рассчитывал.

Т. Моммзен объясняет эту позицию Неаполя его отрицательным отношением к пунийцам и к италийским союзникам последних; италийские греки были привязаны к Риму, который обходился с ними необыкновенно мягко и никогда не упускал случая продемонстрировать свой эллинизм[93]. У. Карштедт отмечает два момента: греческое происхождение Неаполя и его враждебные отношения с городами кампанийского хинтерланда[94]. И. Л. Маяк ищет объяснения поведению Неаполя в истории этого города, который в 236 г. местные аристократы склонили к подчинению Риму с сохранением суверенного самоуправления; во время II Пунической войны аристократическая партия сохранила свое господствующее положение и свои связи с Римом[95]. Все эти соображения содержат, очевидно, определенную долю истины. Греческие города не могли не видеть в Карфагене исконного смертельного врага, с которым греки Западного Средиземноморья вели борьбу не на жизнь, а на смерть уже несколько столетий и победа которого привела бы к полной утрате всех их торговых связей, а может быть, и к гибели. Союз Ганнибала с коренным населением Южной Италии, враждебно относившимся к греческим колонистам и стремившимся

[93] *Моммзен Т.* **История Рима. Т. I. С. 574. Ср.:** *Beer G. de.* **Hannibal. P. 216-217.**
[94] *Meltzer O.* **GK, III. S. 446.**
[95] **Маяк** *И. Л.* **Взаимоотношения... С. 92.**

к ликвидации колоний, также не мог не насторожить греков. Наконец, само собой разумеется, что у власти в Неаполе стояла группировка, по всей видимости, аристократическая, враждебная Карфагену и давними и прочными узами связанная с Римом.

Одержав легкую победу над неаполитанскими всадниками, Ганнибал тем не менее не решился осаждать Неаполь [Ливий, 23, 1, 10; ср. у Зонары, 9, 2] и повел свои войска к Капуе — соседу и старому врагу Неаполя.

Наши источники, когда пытаются объяснить позицию, занятую Капуей после битвы при Каннах, основное внимание уделяют «изнеженности» и «испорченности» капуанцев — качествам, которые явно и определенно противопоставляются гражданским и воинским добродетелям тех, кто сохранил верность союзу с Римом [Полибий, 7, 1-2; Ливий, 23, 2, 1]. Однако в повествовании Тита Ливия, когда он говорит о своеволии капуанского плебса, без меры пользовавшегося свободой, проглядывают подлинные факты — острая социальная борьба, охватившая в этот момент Капую, борьба, судя по его дальнейшему повествованию [23, 2,3], между плебсом и сенатом, т. е. местными аристократическими кругами.

После Канн основной политической проблемой для Капуи стало — ориентироваться ли и далее на союз с Римом, или же предпочесть Ганнибала; было ясно, что, стоит только Ганнибалу приблизиться к городу, как капуанцы изберут последнее решение [Ливий, 23, 2, 3].

Как рассказывает Тит Ливий [23, 2-3] (ср. у Диодора [26, 10]), политической борьбой в Капуе решил воспользоваться в карьеристских целях один из капуанских аристократов, располагавший широкой поддержкой демократических кругов и уже однажды — в год Тразименской битвы — занимавший в городе высшую магистратуру *(медикс тутикус),* — Пакувий Калавий. Для достижения своих целей Пакувию Калавию необходимо было мирными по возможности средствами сломить сопротивление капуанского сената, и с этой задачей он блестяще справился. Собрав заседание сената, Пакувий Калавий обратился к перепуганным аристократам с речью, в которой самыми черными красками обрисовал их положение. Он сам, Пакувий, прочнейшими узами связан с Римом, и поэтому он согласится на измену римлянам только в случае крайней необходимости; однако народ замыслил убить всех сенаторов и затем передать государство Ганнибалу и карфагенянам. Только он, Пакувий, может спасти сенаторов от неминуемой гибели, если они ему доверятся. Получив согласие сенаторов и отчасти посвятив их в свои дальнейшие планы, он запер их в курии и поставил у входа стражу. Отрезав таким способом капуанский сенат от внешнего мира, Пакувий созвал народное собрание и приступил к исполнению второй части задуманной операции. По словам Тита Ливия, он предложил гражданам покарать каждого сенатора в соответствии с тяжестью его преступлений, однако при том непременном условии, чтобы на место каждого устраняемого

или казнимого члена совета тут же выбирался новый. Соблюсти это условие, как и рассчитывал Пакувий, оказалось невозможным; любая кандидатура вызывала резкие возражения: одни участники собрания кричали, что не знают этого претендента на сенаторское кресло, другие обличали его позорные поступки, третьи говорили о низком происхождении, о бедности, несовместимой со званием сенатора, о компрометирующих с точки зрения эпохи занятиях ремеслом. В конце концов стало ясно, что заменить сенаторов некем, и их выпустили из-под стражи **96**.

Устрашенные этими событиями, сенаторы (за редкими исключениями; исключения, как увидим, все же были) не сопротивлялись больше диктаторскому режиму, созданному Пакувием. Характеризуя положение в Капуе после переворота, Ливий [23, 4, 2-6] писал: «С этого времени сенаторы, позабыв о своем достоинстве и самостоятельности, начали пресмыкаться перед плебсом — низкопоклонничать, любезно приглашать, устраивать пиршества, брать на себя их судебные дела, в качестве судей решать спор в пользу той стороны, которая больше была любима народом и скорее могла доставить благосклонность толпы; вообще, все решалось в сенате так, как если бы там происходило собрание плебеев. Государство, всегда склонное к роскоши, не только из-за порочности граждан, но и вследствие огромного множества наслаждений и приманок ко всякого рода удовольствиям на море и на суше, тогда вследствие угодничества знати и своеволия плебса стало до такой степени распущенным, что не знало меры ни в желаниях, ни в расходах. К пренебрежению законами, властями, сенатом добавилось тогда, после сражения при Каннах, еще и презрение к римской власти, раньше внушавшей некоторый почтительный страх».

В результате действий Пакувия капуанский сенат утратил политическое значение; реальная власть оказалась в руках предводителей плебса, имевших возможность диктовать сенату и магистратам свою волю [Ливий, 23, 4, 2-6]. Победа Пакувия имела и другое последствие: значительно усилились антиримские тенденции. По рассказу Ливия [23, 4, 7-**8**], от немедленного разрыва Капую удерживало только то, что многие капуанские аристократические фамилии были связаны брачными узами с Римом, а также то, что некоторое количество капуанцев, в том числе 300 всадников из знатнейших семей, находились в римской армии, неся гарнизонную службу в Сицилии.

По требованию их родителей и родственников, пишет Ливий [23, 5], капуанское правительство направило посольство к консулу Г. Теренцию Варрону, которого они застали в Венусии. Однако из того, что произошло дальше, ясно: цель посольства заключалась в том, чтобы своими глазами определить масштабы поражения и соответственно выбрать линию поведения для своего города. Очевидно, своеволие плебса

[96] *Нейман К. (Neumann C.* Das Zeitalter. .. S. 376-377) считал, что рассказ Ливия о действиях Пакувия совершенно невероятен, что он напоминает исторический роман, однако К. Нейман не обосновывал своей точки зрения. Источники, во всяком случае, сообщение Ливия не опровергают.

и презрение к римской власти, о которых повествует Ливий, не мешали новому капуанскому правительству тщательно взвешивать свои внешнеполитические действия, пытаться учитывать реальное соотношение сил и всевозможные последствия.

В Венусии Гай Теренций Варрон произвел на послов впечатление человека, достойного презрения. Это впечатление еще более усилилось после речи, с которой Варрон обратился к послам, выразившим, как и следовало ожидать, соболезнования Капуи по случаю катастрофы и предложившим (иначе разговор вообще не мог бы состояться) помощь. Судя по тому, как Ливий излагает речь Варрона, последний не счел нужным скрывать от Капуи поистине отчаянного положения Рима. Римляне потеряли все — армию, продовольствие, деньги, так что союзникам следует не столько помогать римлянам, сколько вести войну вместо римлян, защищать от врага общее отечество. «Война идет не с самнитами или этрусками, — говорил он (цитируем изложение Ливия), — так что, если бы власть и была у нас отнята, она все равно осталась бы в Италии; враг, пуниец, даже не африканского происхождения, от дальних краев земли, от пролива Океанского (имеется в виду Гибралтарский пролив. — *И. К.)* и Геркулесовых Столпов, ведет войско, не знающее каких бы то ни было законов, не умеющее жить по-человечески, даже почти не владеющее человеческой речью. Их, по природе и характеру жестоких и диких, полководец еще более ожесточил, строя мосты и плотины из груды человеческих тел и, что даже сказать противно, приучая питаться человеческим мясом. Их, вскормленных такой ужасной пищей, с которыми и соприкасаться-то грешно, видеть и иметь господами; и из Африки, и в особенности из Карфагена, получать законы и терпеть, чтобы Италия стала провинцией нумидийцев и мавров, — у кого из уроженцев Италии это не вызвало бы отвращения?» Капуанцы могут выставить 20 000 пехотинцев и 4000 всадников; продовольствия и снаряжения у них больше чем достаточно, и если они выступят против Ганнибала, то власть Рима будет спасена. Едва ли можно сомневаться в том, что это изложение восходит к римской анналистической традиции и в общих чертах соответствует и содержанию самих переговоров, и линии, принятой римским правительством, и той антикарфагенской пропаганде, которую оно вело в Италии.

У послов сложилось твердое убеждение, что Рим воевать не в состоянии. Капуанцам предлагалось своими руками восстанавливать здание римского господства на том проблематичном основании, что когда-то давно римляне защищали Капую от самнитов и предоставили у себя значительной части капуанцев гражданские права. Но самниты давно уже были не опасны, а гражданские права... Что стоят гражданские права, если не сегодня завтра Рим погибнет и дело все равно придется иметь с Ганнибалом?

На обратном пути из Венусии в Капую один из послов, Вибий Виррий, повел речи, решительно противоположные тем, которых добивался Варрон: теперь, говорил

он, настало время, когда капуанцы не только могут возвратить себе земли, некогда отнятые у них римлянами, но и захватить господство в Италии; союз с Ганнибалом они могут заключить на любых условиях, а когда по окончании войны Ганнибал уйдет в Африку, власть в Италии будет принадлежать Капуе [Ливий, 23, 6, 1-2]. Вибий Виррий выразил общее мнение. После возвращения послов в Капуе римское дело сочли уже проигранным; плебс и большинство сената стали еще решительнее склоняться к союзу с Карфагеном, однако из-за сопротивления некоторых членов сената дело на несколько дней задержалось. По-видимому, речь идет о последних попытках все более редевшей проримски настроенной аристократической группировки, которую возглавлял, судя по дальнейшему рассказу Ливия, Деций Магий, не допустить разрыва с Римом, предотвратить переговоры с Ганнибалом.

Тит Ливий [23, 6, 6-8] рассказывает, что в сочинениях некоторых анналистов он нашел повествование о том, будто Капуя, перед тем как принять окончательное решение, направила в Рим посольство, обещая оказать помощь, но при непременном условии: один из консулов должен был быть капуанцем. В результате власть не только в Италии, но и в самом Риме ускользнула бы из римских рук и перешла к Капуе. Римское правительство, возмущенное этим совершенно неприемлемым для него требованием, приказало посольству немедленно покинуть Рим. Ливий считает эту традицию недостоверной, потому что о ней умалчивает Цэлий Антипатр и другие анналисты, которым он доверяет, однако ничего невозможного в данном факте нет. Не исключено, что правительство Пакувия решило попытаться перед разрывом выжать из римлян максимальную цену за свое сотрудничество; не случайно они требовали от римлян того же, что рассчитывали получить от Ганнибала. Возможно, далее, что посольство в Рим должно было заставить Ганнибала стать уступчивее во время переговоров с капуанскими послами 97.

Как бы то ни было, промедлив несколько дней, может быть, в ожидании возвращения послов из Рима, капуанское правительство направило свою миссию к Ганнибалу.

Таким образом, политическая борьба в Капуе закончилась весьма благоприятно для Ганнибала: в городе, одном из самых могущественных на юге Италии, победила опиравшаяся на демократическое движение группировка, враждебная Риму; в лагерь Ганнибала прибыли послы этого города с добровольным предложением союза. Нужды нет, что Капуя, возглавив антиримское движение, после победы будет претендовать на господство на Апеннинском полуострове. Во-первых, при сохранении верховной власти карфагенян это само по себе не так уж и страшно, а, во-вторых, после победы будет видно, как поступить с Капуей и ее претензиями. Пока Ганнибалу важно было любыми средствами закрепить свой политический успех; неуди-

97 Ср. также: Маяк *И. Л.* Взаимоотношения... С. 96.

вительно, что он фактически предоставил капуанцам все, что они хотели. Согласно условиям договора, заключенного Ганнибалом с Капуей [Ливий, 23, 7, 1-2], ни один карфагенский военачальник или гражданский магистрат не имел власти над гражданами Капуи, ни одного капуанского гражданина они не могли принуждать к несению военной службы или несению повинностей, в Капуе сохранялись ее собственные законы и магистраты. Сверх того Ганнибал обещал передать капуанцам из числа военнопленных-римлян 300 человек, которых можно было бы обменять на 300 капуанских всадников, несших, как уже было сказано, службу в римских войсках в Сицилии.

Разрыв с Римом, казалось, совершился теперь окончательно и бесповоротно; все римские граждане, по тем или иным причинам находившиеся в этот момент в Капуе, были схвачены, посажены в бани и там задохнулись от невыносимой жары [Ливий, 23, 7, 3] —

Между тем Ганнибал принял необходимые меры, чтобы разместить в Капуе свои войска. Когда слух об этом разнесся по городу, Деций Магий попытался отчаянным усилием предотвратить захват города новоявленными союзниками; он убеждал сограждан не пускать Ганнибала в Капую; позже, когда пунийцы заняли ее, Деций настойчиво советовал выгнать их или перебить. Речи Деция стали известны Ганнибалу, и он потребовал, чтобы Деций явился к нему в лагерь, но капуанец отказался: по условиям только что заключенного договора Ганнибал не имел над ним власти. Тогда пуниец, которому надоели все эти церемонии, велел арестовать Деция и привести связанным (этот приказ в Капуе не был исполнен до того, как туда явился сам Ганнибал) и между тем сообщил капуанским властям, что желает прибыть в город. Там ему устроили торжественную встречу. Деция Магия уже никто не слушал [Ливий, 23, 7, 4-12].

На следующий день по требованию Ганнибала было созвано заседание капуанского сената, на котором карфагенский полководец выступил с речью. Его заявление предназначалось, конечно, для Капуи, но услышали его не только капуанцы; оно показало всей Италии, какую судьбу готовит для нее победитель при Каннах, и поэтому оно было программным и во многих отношениях решающим. Поблагодарив капуанцев за то, что они дружбу с ним предпочли союзу с Римом, Ганнибал обещал, что в скором времени именно Капуя возглавит Италию, т. е. займет место Рима, что законы свои римляне, как и другие, должны будут теперь получать из Капуи [Ливий, 23, 10, 1-2]. Такого рода высказывания, конечно, были весьма по душе капуанскому правительству: пуниец ясно и недвусмысленно подтвердил, что реализация их мечты о господстве в Италии — дело очень близкого будущего, и взамен они готовы были принять любые требования Ганнибала. Другой вопрос — как к этому отнеслись остальные италики. Им предлагалась единственная перспектива — воевать против римской гегемонии во имя утверждения гегемонии капуанской

и господства Карфагена. Мы не располагаем прямыми указаниями о том, как италийские города реагировали на программу, сформулированную Ганнибалом в Капуе; думается, однако, что сопротивление, с которым он то в одном, то в другом случае сталкивался, не в последнюю очередь объясняется их отрицательным отношением к тому, что Ганнибал сулил капуанцам.

Только один человек, продолжал далее Ганнибал [Ливий, 23, 10, 3], должен быть исключен из карфагенско-капуанского союза — Деций Магий, которого даже и кампанцем-то назвать нельзя; оратор потребовал, чтобы здесь же, в его присутствии, сенат обсудил поведение Деция и выдал его карфагенянам. Требование Ганнибала не было для капуанских властей неожиданным: ведь он раньше настаивал на аресте и выдаче Деция, хотя, как можно было видеть, тогда его пожелания не были исполнены. Ближайшие цели, которых добивался Ганнибал, очевидны: ему нужно было полностью уничтожить в Капуе проримскую группировку и для этого расправиться с наиболее непримиримыми противниками, такими, как Деций Магий. Ганнибалу едва ли осталось неизвестным, что один из ближайших сторонников Деция, сын Пакувия Калавия, готовился его убить, и только вмешательство Пакувия заставило юношу отказаться от этого замысла [Ливий, 23, 8, 7-9, 12]. Судьба Деция была решена: капуанский сенат принял то постановление, которого Ганнибал и добивался: несчастного сенатора препроводили сначала в пунийский лагерь, а затем на корабль, чтобы переправить в Карфаген. Случайность спасла Деция Магия от неминуемой гибели, однако главная цель Ганнибала была достигнута: враждебную Карфагену партию заставили замолчать, а ее признанный вождь был удален из Капуи.

Насколько подобный образ действий Ганнибала был оправдан и целесообразен, трудно сказать. Судьба Деция продемонстрировала, во всяком случае, что договоры, которые Ганнибал заключал или мог заключить, для него значат не больше чем клочок папируса, что Ганнибал не задумается для достижения своих политических целей нарушить любые клятвы и обязательства. Речь Ганнибала в Капуе и в особенности насилие над Децием Магием не могли не иметь для него отрицательных последствий, не могли не заставить определенные и достаточно влиятельные круги попытаться избегнуть бремени столь тяжкого и опасного союза, тем более что, как внезапно обнаружилось, Рим уже далеко не беззащитен и начинает показывать свои когти.

Несмотря на союз с Капуей[98], положение Ганнибала становилось все более затруднительным. У него по-прежнему не было выходов к морю: Неаполь по-

[98] В настоящее время известна этрусская надпись из Тарквиний, поставленная неким Фельснасом Лартом, воевавшим, по-видимому, в Капуе на стороне Ганнибала. Приводим ее текст: felsnas: la: leves sval[ce|: avi] CVI murce: capue tlexe: hanipaluscle *(Pfiffig A. J.,* Eine Nennung Hannibals in einer Inschrift des 2 Jahrhunderts v. Chr. aus Tarquiniaio Studi Etruschi. Vol. 35. Firenze, 1967. P. 659-664).

прежнему отказывался признать его власть [Ливий, 23, 14, 5], а в Ноле он натолкнулся на совершенно неожиданное сопротивление [Ливий, 23, 14, 6-13]. Стало быть, указание Полибия [7, 1, 4; Суда, Катит)], будто под влиянием Капуи и другие города перешли на сторону Ганнибала, не вполне точно. Перед Ганнибалом, как и прежде, стояла перспектива вооруженной борьбы за Южную Италию.

Само собой разумеется, что, готовясь к новому туру войны против Рима, привлекая на свою сторону заманчивыми предложениями или подчиняя силой различные общества Южной Италии, Ганнибал нуждался в подкреплениях. Именно с этой целью — ошеломить карфагенский совет известием о блестящей победе и добиться отправки в Италию новых воинских контингентов — Ганнибал послал на родину своего брата Магона. Тит Ливий [23, 11, 7-13, 8] сохранил подробный рассказ и о докладе, который Магон представил совету, и о прениях, и о том, какие меры совет в конце концов принял.

Магон, естественно, постарался изобразить положение вещей в наиболее благоприятном для Ганнибала освещении: с шестью полководцами он сражался, в том числе с четырьмя консулами, одним диктатором и одним начальником конницы; с шестью консульскими армиями карфагенские войска скрестили оружие; из четырех консулов двое погибли, один бежал раненным, еще один едва спасся от полного уничтожения своей армии, уведя с поля боя едва 50 человек; начальник конницы разбит наголову; диктатор считается выдающимся полководцем только потому, что так и не решился вступить в сражение. Всего неприятель потерял более 200 000 убитыми и более 50 000 пленными; Брутиум, Апулия, часть Самниума и Луканий и, что особенно важно, Кампания перешли на сторону Ганнибала. Чтобы подкрепить свои слова, Магон приказал высыпать в вестибюле здания, где происходило заседание совета, 3 медимна всаднических и сенаторских колец. Так как Ганнибал ведет войну далеко от дома, на вражеской земле, продолжал Магон, переходя к наиболее щекотливой части своего поручения, расходует огромное количество продовольствия и денег, несет в стольких сражениях потери в живой силе, чтобы уничтожить неприятеля, необходимо дать ему подкрепления, а воинам — пищу и деньги.

Общее ликование было ответом Магону, и только один эпизод внес некоторый диссонанс в хор изъявлений восторга. Один из сторонников Ганнибала, Гимилькон, желая глубже уязвить руководителя антибаркидской группировки Ганнона, стал попрекать его прежними выступлениями, когда он решительно высказывался против войны и даже предлагал выдать Ганнибала римлянам. Ганнон не остался в долгу. Судя по рассказу Ливия, он говорил теперь, что победы, одержанные Ганнибалом, в сущности, бесплодны. Победитель требует еще воинов, еще продовольствия и денег, как если бы он был побежден и не захватил вовсе добычи. Ни один из латинских городов — союзников Рима не перешел на сторону Ганнибала; римское правительство не думает о заключении мира [ср. у Вал. Макс, 7, 2, 16]. Однако на эти речи никто

не обратил внимания. Совет постановил направить к Ганнибалу 4000 нумидийских всадников, 40 слонов и деньги. Кроме того в Испанию был направлен специальный агент (Ливий называет его диктатором) для вербовки наемников (20 000 пехотинцев и 4000 всадников), которые должны были пополнить карфагенские войска на Пиренейском полуострове и в Италии.

Позже Гасдрубал Баркид, командовавший карфагенскими войсками в Испании, получил распоряжение двигаться в Италию, но выполнить этот приказ было невозможно.

Результаты миссии Магона, как видим, далеко не соответствовали надеждам Ганнибала. 4000 всадников и 40 слонов — это, конечно, было каплей в море, да и их надо было доставить к Ганнибалу, не имевшему выходов к морю. К тому же пунийское правительство и не торопилось выполнять свои решения [Ливий, 23, 14, 1]. Как увидим далее, Магону удалось собрать значительно меньше воинов, чем это предполагалось по решению совета, однако в лагерь Ганнибала они все равно не попали. Действия карфагенского совета ясно показали, что Ганнибалу не приходится особенно рассчитывать на помощь со стороны своего собственного государства, что он должен надеяться и впредь главным образом на свою армию и на союзников, если их удастся найти. Обескураживающие результаты посольства Магона приоткрыли завесу и над другим, еще более неприятным обстоятельством. Ведь вопреки широко распространенной точке зрения, ставшей едва ли не тривиальным общим местом, карфагенский совет принял именно такие решения не потому, что близорукое правительство купеческой республики из жадности, неспособности или тайного недоброжелательства не хотело оказать помощь Ганнибалу, бросило его на произвол судьбы". Наоборот, судя даже по рассказу Тита Ливия, который, естественно, главное свое внимание сосредоточил на речи Ганнона, как раз доброй воли и желания помочь Ганнибалу было даже более чем достаточно. Не хватало другого — материальных ресурсов для того, чтобы эта помощь была по-настоящему эффективной. А это значило, что и в будущем Ганнибалу на действенную поддержку из Карфагена рассчитывать не приходится.

Тревожные вести приходили к Ганнибалу и из Испании. Кампания 216 года [Ливий, 23, 26 перебежчики склонили к враждебным антипунийским выступлениям тартессиев — очевидно, прямых потомков тартесситов, разгромленных и покоренных карфагенянами в конце VI в. После нескольких мелких стычек тартессии сумели добиться серьезного успеха — они овладели городом Аскуа; однако первая крупная победа настолько вскружила им голову, что Халб (один из вождей восстания) потерял над

99 Ср.: *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. С. 582-583; *Neumann C.* Das Zeitalter... S. 376.

ними контроль и Гасдрубалу Баркиду удалось сначала загнать в окружение, а потом и уничтожить беспечно рассеявшихся по полям неприятелей.

Вскоре Гасдрубал получил от карфагенского совета приказ вести свою армию в Италию и там присоединиться к Ганнибалу. Слухи о таком решении пунийского правительства быстро наполнили Испанию и, естественно, вызвали там новый подъем проримских настроений. Об этом Гасдрубал и написал в Карфаген: едва только он, Гасдрубал, двинется на север, прежде чем он дойдет до Ибера, вся Испания станет римской; у него нет ни армии, ни командиров, чтобы оставить их вместо себя; если совет хоть в какой-то степени обеспокоен судьбой Испании, то он должен прислать ему преемника с сильным войском.

Это послание произвело на совет впечатление, которого Гасдрубал и добивался. Правда, полученное ранее распоряжение двигаться в Италию было подтверждено (основное свое внимание, замечает Ливий, карфагенский совет уделял Италии, где решалась судьба войны; испанский фронт считался все же второстепенным), но в Испанию был прислан во главе наемных войск и флота Гимилькон. Собрав внеочередную дань со всех подвластных племен, Гасдрубал выступил в поход на север.

Командовавшие на Пиренейском полуострове римскими войсками братья Публий и Гней Корнелий Сципионы также повели свои легионы к Иберу, соединились, форсировали реку и там обратились против Гасдрубала. В ожесточенном сражении победителями оказались римляне: карфагенскую пехоту они частью перебили, частью разогнали; мавританская и нумидийская конница пунийцев обратилась в бегство, угнав также и слонов. По данным Евтропия [3, 11], карфагеняне потеряли в этом бою 25 000 человек убитыми и 10 000 пленными. Сам Гасдрубал едва спасся.

Неудача Гасдрубала очень тяжело сказалась на военно-политическом положении Ганнибала. Она не только вновь поставила под вопрос господство Карфагена в Испании и продемонстрировала неспособность последнего очистить от римлян Пиренейский полуостров; после событий, разыгравшихся у Ибера, стало ясно, что на помощь из Испании, во всяком случае пока, Ганнибал рассчитывать не может. Ему оставалось надеяться только на свои собственные силы. Не следует преуменьшать и значения морального фактора. Победа Сципионов в первом же крупном сражении после Канн свидетельствовала, что Рим вовсе не собирается сдаваться на милость победителей и успешно начинает новый этап военных действий.

II

Известие о поражении при Каннах привело Рим в состояние шока. По городу распространялись слухи, что вся армия уничтожена, консулы погибли (в Риме еще не знали, что Варрон жив и пытается создать из беглецов хотя бы некоторое

подобие воинского формирования), почти вся Италия уже в руках Ганнибала, не осталось больше ни одного римского воина и некому защищать город. Подлинные размеры несчастья еще не были ясны; во всех домах оплакивали погибших и живых. Не сомневались, что Ганнибал немедленно приступит к осаде Рима, ибо это только и оставалось сделать для завершения войны [Ливий, 22, 55, 2]. В этих условиях преторы Публий Фурий Фил и Марк Помпоний созвали заседание сената, чтобы рассмотреть один-единственный вопрос — как защищать город. Ливий [22, 55, 3] замечает, что вопли плачущих женщин, доносившиеся с площади, заглушали голоса сенаторов. Недавний диктатор Квинт Фабий Максим предложил отправить по Аппиевой и Латинской дорогам всадников разузнать, какова судьба консулов и армии, где Ганнибал и что он намерен делать, а в самом городе водворить спокойствие, запретить женщинам появляться в общественных местах, прекратить оплакивание родственников, вестников препровождать к преторам, никого не выпускать из города, гражданам сидеть дома и ждать сообщений о судьбе своих близких [Ливий, 22, 55, 4-8; Зонара, 9, 2].

Так и решили поступить, однако сразу же после заседания в Рим прибыло донесение Варрона, которое позволило сенату более точно представить масштабы катастрофы и решить, какими мерами восстановить силы государства для продолжения борьбы. Надо сказать, что и среди воинов, спасшихся от ужасающего побоища, царила паника; возник даже замысел покинуть Италию и бежать к какому-нибудь царю, чтобы там наняться на военную службу. Инициатором этого предприятия называют Луция Цецилия Метелла — выходца из рода Цецилиев Метеллов, известных своими антидемократическими настроениями. Только вмешательство Публия Корнелия Сципиона-младшего, тогда еще юного военного трибуна, а в будущем победителя Ганнибала, предотвратило осуществление этого плана [Ливий, 22, 53; Дион Касс, фрагм., 28; Орозий, 4, 16, 6; Знам., 46, 5-6], Все римские воины, оставшиеся в живых и не попавшие в плен, стекались в Венусию, где находился и консул, а также в Канусий. В конце концов и Варрон со всеми собравшимися вокруг него солдатами перешел в Канусий [Ливий, 22, 52-54]. Варрон писал сенату, что у него набралось до 10000 воинов, которые, однако, совершенно неорганизованны, а пуниец сидит около Канн, считает добычу и ведет торг. Вместе с письмом в Рим пришли сведения о потерях, и в городе воцарился траур; пришлось даже отменить ежегодные празднества в честь Цереры, поскольку в них не могли участвовать люди, находившиеся в трауре. Чтобы не допустить отмены других религиозных церемоний, сенат ограничил оплакивание погибших 30 днями [Ливий, 22, 56, 2-5].

Вообще, умилостивление богов, обеспечение победы с помощью потусторонних сил сенат считал одною из важнейших своих задач. Как раз в 216 г. две весталки, Опимия и Флорония, были уличены в прелюбодеянии, и все видели в этом факте в высшей степени дурное предзнаменование, более того, прегрешение, из-за которо-

го на римский народ обрушился гнев богов. Одна из них по обычаю была зарыта в землю у Коллинских ворот, а другая, не дожидаясь казни, покончила с собой. Возлюбленного Флоронии, некоего Луция Кантилия, который занимал должность писца при великом понтифике, последний собственноручно запорол на народном собрании до смерти. Квинта Фабия Пиктора, родственника диктатора и впоследствии одного из историографов II Пунической войны, сенат отправил к дельфийскому оракулу спросить, какими молитвами и жертвами римляне смогут умилостивить богов, каким будет конец столь великих бедствий. По указанию книги судеб совершались специальные жертвоприношения, в том числе и человеческие [Ливий, 22, 57, 2-6]. Надо сказать, что, насколько об этом позволительно судить, подобные жертвоприношения в Риме обычно практиковались при чрезвычайных обстоятельствах. Оно, в частности, имело место в 226 г., когда ожидали нашествия галлов [Орозий, 4,13, 3; Плут., Марц., 3], а также в 114 г. в связи с нарушением весталками их обета [Плут., Деян. римл., 83], от чего в Риме ожидали всевозможных бедствий[100].

Миссия Квинта Фабия Пиктора принесла римлянам благоприятный результат. Оракул перечислил богов и богинь, которым надо было принести жертвы, указал, как это сделать, а затем добавил: «Если вы так поступите, римляне, ваше положение улучшится и облегчится, положение вашего государства станет благополучным и победа в войне достанется римскому народу. Когда дела вашего государства пойдут хорошо и оно будет спасено, добившись удачи, пришлите дары пифийскому Аполлону и из добычи, из денег за ее продажу, из доспехов почтите; воздержитесь от необузданного веселья». Там же, в Дельфах, Пиктор принес всем богам в жертву фимиам и вино и, не снимая лавровый венок, в котором совершал жертвоприношения, отправился в Рим. Там он возложил венок на жертвенник Аполлона. По постановлению сената все молебствия и жертвоприношения были немедленно совершены [Ливий, 23, 11, 1-6].

Эти действия, гарантировавшие, согласно представлениям эпохи, благоволение и помощь богов, а в особенности предсказание грядущей победы, в котором никто не посмел бы усомниться, должны были произвести необходимый Риму морально-политический эффект: внушить самим римлянам уверенность в неминуемом конечном торжестве над неприятелем, солдатам Ганнибала, до которых доходили, конечно, слухи о посольстве Пиктора и его результатах, — убежденность в неизбежном поражении, в том, что боги явно не благоволят к их полководцу и его предприятию, союзников же Рима удерживать от немедленного перехода на сторону Карфагена. Позиция Дельфийского оракула была внушительной политической демонстрацией в пользу Рима. Она показала, что в Каннах война не кончилась и что дельфий-

[100] **См. об этом: *Ельницкий Л. А.* Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н.э., М., 1964. С. 60, прим. 30.**

ское жречество не сомневается в благополучном для Рима исходе войны. Римское правительство желало сохранить по крайней мере нейтралитет эллинского мира. Собственно, этим и объясняется обращение именно к греческому оракулу — одному из авторитетнейших — в обход италийских святынь. Предсказания пифии, несомненно, должны были оказать благоприятное влияние. Результаты посольства Квинта Фабия Пиктора были первым и очень важным политическим успехом римского правительства после Канн.

Обстоятельства требовали быстрых, решительных действий и в другом направлении. Нельзя было терять времени, которое Ганнибал тратил в Южной Италии, тем более что из Сицилии от претора Тита Отацилия поступило донесение об угрожающих римским позициям на острове действиях карфагенского флота. Если сенат, писал Отацилий, собирается защищать Сицилию, следует прислать еще дополнительные корабли [Ливий, 22, 56, 6-8]. Сенат, однако, основное внимание уделил собственно Италии и предписал претору Марку Клавдию Марцеллу, командовавшему римским флотом, находившимся в Остии, отправиться к остаткам римской армии в Канусий и там принять командование у Варрона. Это назначение выдвинуло на первый план Клавдиев, которые на длительное время сосредоточили в своих руках командование армиями, действовавшими непосредственно против Ганнибала. Варрону было предложено вернуться в Рим, как только это станет возможным без ущерба для интересов государства. Когда Варрон прибыл в город, его встречали толпы народа и благодарили за то, что он не отчаялся в спасении государства; тем самым сенат продемонстрировал единство римского народа, забвение «партийных» и иных распрей перед лицом грозной опасности, угрожавшей самому существованию государства[101]. Для организации обороны, и прежде всего для мобилизации новых воинских контингентов, сенат назначил диктатора Марка Юния Перу и при нем начальника конницы Тиберия Семпрония Гракха. В армии записывали теперь даже семнадцатилетних, а иногда и более юных. Таким образом набрали 4 легиона пехоты и 1000 всадников. За государственный счет были выкуплены и зачислены в римские войска 8000 рабов. Для вооружения всех этих солдат использовались все запасы, в том числе трофейное оружие, посвященное богам и хранившееся в храмах и портиках [Ливий, 22, 57, 9-12]. Кроме того, была предоставлена возможность вступить в армию с перспективой освобождения от наказания или уплаты долга преступникам и несостоятельным должникам, находившимся в заключении. Их —

[101] В литературе *(Hoffmann W.* Livius und der Zweite Punische Krieg. S. 43-45) обоснованно отмечалось очевидное влияние на рассказ Ливия идеологии периода гражданских войн. Ливий стремился показать, что именно единство народа спасло Рим от последствий катастрофы при Каннах. Однако тенденциозность Ливия не ставит под сомнение сам факт, о котором он сообщает: в положении, в котором оказался Рим, обострение и подчеркивание внутриполитических конфликтов было бы для него смерти подобно. Понятно, что это не исключало подспудной борьбы за власть.

6000 человек — также вооружили трофейным галльским оружием. Всего римское правительство располагало теперь 25 000 воинов [Ливий, 23, 14, 3-4; Зонара, 9, 2].

Между тем перед сенатом встала трудная и деликатная проблема. Предстояло решить вопрос о судьбе римлян, оказавшихся после Канн в плену у Ганнибала. Как уже говорилось, Ганнибал разрешил пленным избрать из их среды десятерых и отправил в Рим для переговоров. Тит Ливий приводит два рассказа и об этом посольстве, и о том, как в Риме происходило обсуждение этого вопроса.

Согласно одному из них [22, 58, 5-61, 4], события развертывались следующим образом. Когда послы выехали на родину, один из них (человек совершенно неримского склада, наставительно замечает Ливий) вернулся в карфагенский лагерь под тем предлогом, что он там забыл какую-то вещь, а затем догнал своих товарищей, спешивших в Рим. Там на заседании сената, окруженного толпами людей, в страхе и смятении ожидавших решения судьбы своих близких, возобладало крайнее ригористическое мнение Тита Манлия Торквата; было решено отказаться от выкупа пленных, и послы вернулись в лагерь Ганнибала. Того из них, кто, считая, будто притворное возвращение освободило его от клятвы, попытался было остаться в Риме, сенат приказал арестовать и под стражей доставить к неприятелю.

По другой версии Ливия [22, 61, 5-10], первоначально в Рим явились десять посланцев от пленных, и сенат долго колебался, допускать ли их вообще в город; в конце концов решили разрешить им войти в городские ворота, но не устраивать ради них заседания сената. Переговоры слишком затянулись, и в Рим прибыли еще трое пленных — Луций Скрибоний, Гай Кальпурний и Луций Манлий. (Если бы эта версия соответствовала действительности, сам факт присылки дополнительного посольства свидетельствовал бы о поразительной настойчивости, с которой Ганнибал добивался после Канн прекращения войны с Римом). Только после этого один из народных трибунов, родственник Л. Скрибония, поставил в сенате вопрос о выкупе пленных. Сенат отказал. Трое последних послов (Скрибоний, Кальпурний и Манлий) вернулись к Ганнибалу, а первые десять остались: отправляясь в путь, они с дороги возвратились в пунийский лагерь якобы для того, чтобы проверить списки пленных, и теперь считали себя свободными от клятвенного обязательства воротиться в случае неудачного исхода посольства. По вопросу об их судьбе в сенате состоялись бурные прения, и незначительным большинством голосов им разрешено было остаться. Впрочем, участь этих людей все равно была незавидной; цензоры донимали их выговорами и штрафами, так что некоторые предпочли покончить с собой, а другие опасались выходить из дома [ср. у Зонары, 9, 2]. По Авлу Геллию [Гелл., 6, 18], который ссылается на Корнелия Непота, из десяти послов в Риме остались двое, подвергшиеся позже репрессиям со стороны цензоров; в сенате обсуждался вопрос об их выдаче неприятелю, но большинством голосов это предложение было отклонено.

Еще один вариант повествования на эту же тему имеется у Аппиана [Апп., Ганниб., 28]: пл главе с Гнеем Семпронием; сенат не разрешил родственникам заплатить выкуп и, таким образом, отказался санкционировать освобождение тех, кто после Канн очутился во власти Ганнибала. Пуниец, придя в ярость, запрудил их телами реку Вергелл и по этому мосту переправил своих солдат [ср. у Вал. Макс, 9, 2, 2], а самых знатных заставил сражаться на потеху ливийцам — отцов с сыновьями и братьев с братьями (ср. у Зонары [9, 2]).

Текст Диона Кассия [фрагм., 36] сохранил стоящую особняком традицию: римляне, по его словам, вели переговоры с Ганнибалом, требуя возвращения пленных, однако отказываясь от обмена и тем более выкупа. О посольстве пленных этот источник не упоминает, однако приходится иметь в виду, что перед нами лишь отрывок, а не все повествование в целом.

Уже Ливий [22, 61, 10] меланхолически замечает, что можно только удивляться такому разногласию между историками, а установить, какая версия достоверна, нет никаких средств. Мы находимся не в лучшем положении. У нас пока нет информации, которая позволила бы предпочесть какой-либо из этих рассказов. Как бы то ни было, достоверно одно: Ганнибал предложил римскому правительству выкупить пленных и тем начать подготовку к мирным переговорам (такая мысль прямо не высказывалась, но, бесспорно, подразумевалась), а сенат определенно отказался выкупить пленных, продемонстрировав тем самым свою непримиримую позицию [102], и даже, если верить Диону Кассию, делал явно неприемлемые предложения, как если бы Рим не был побежден, сознательно идя на срыв переговоров.

Решительные меры, принятые сенатом, хорошо использовавшим время, которое ему предоставил Ганнибал, позволили римлянам очень скоро снова вмешаться в борьбу на юге Италии.

III

Между тем Ганнибал вступил со своими войсками на территорию, принадлежавшую Ноле. Судя по рассказу Ливия [23, 14], он рассчитывал, что и этот город ему удастся захватить без боя, тем более что народные массы, опасавшиеся разорения своих полей и тягот, которые были бы неизбежным следствием осады, настойчиво требовали расторгнуть союз с Римом и перейти на сторону карфагенян. Только

[102] Конечно, позиция сената объяснялась более глубокими политическими соображениями, нежели только нежеланием обогащать карфагенян *(Walter G.* La destruction de Carthage. С. 355). Сенату было важно после Канн показать всей Италии свое нежелание вести переговоры с Ганнибалом и уверенность в исходе войны. Не забудем, что речь шла о судьбе сограждан, иногда родственников и т.д.

местная знать (сенат, как пишет Ливий) стремилась сохранить прежние отношения с Римом, видимо, потому, что господство последнего обеспечивало власть в Ноле аристократических кругов. Возбуждение плебса было настолько велико (Плутарх [Плут., Марц., 10] даже прямо говорит о восстании), что сенат опасался предпринимать какие-либо открытые шаги; более того, он заявил, что готов пойти на заключение договора с Ганнибалом. Необходимо только время, чтобы выработать приемлемые условия соглашения. Казалось, в Ноле повторяется все то, что уже произошло в Капуе: власть перешла в руки народа, аристократия утратила всякое влияние и в страхе покорно удовлетворяла его требования. С часу на час Ганнибал мог ожидать в своем лагере послов из Нолы с приглашением войти в город.

Однако все произошло иначе. Явно уступая желаниям плебса и выражая готовность договориться с Ганнибалом, ноланский сенат тайно отправил посольство, но не к пунийскому полководцу, а в Касилин, где находились римские войска, частью собранные Варроном, а частью присланные из Остии, в Касилин, куда только что прибыл новый командующий — претор Марк Клавдий Марцелл. Посланцы ноланского сената заявили Марцеллу, что городу угрожает опасность: Ганнибал уже на территории, принадлежащей Ноле; плебс стремится к союзу с ним, и сенату только притворным согласием удалось оттянуть принятие окончательного решения. Марцелл предложил и дальше действовать в том же духе, а через некоторое время, идя по горным дорогам, сам со своими легионами явился в Нолу.

Предстояла первая после Канн схватка римлян с карфагенянами в пределах Италии. Правда, Ганнибал, узнав о прибытии римских войск, решил уклониться от боя и отправился к Неаполю — попытаться еще раз овладеть этим важнейшим приморским городом. Но в Неаполе к этому моменту обосновался приглашенный местными властями римский гарнизон во главе с Марком Юнием Силаном, и Ганнибал, не осмелившись осаждать город, отошел к Нуцерии. Там, подвергнув город блокаде, непрерывно бросая своих солдат на штурм его укреплений, безуспешно пытаясь завязать с гражданами мирные переговоры, пунийский стратег добился наконец некоторого успеха: жестокий голод принудил граждан Нуцерии сдаться на милость победителя. Безоружные, в одной только одежде, они покинули городские стены и, пренебрегши предложениями Ганнибала остаться, ушли в другие кампанские города, преимущественно в Нолу и Неаполь [Ливий, 23, 15, 1-6]. Впрочем, спастись от расправы удалось, видимо, не всем. По данным Аппиана [Апп., Лив., 63] и Диона Кассия [фрагм., 30], когда жители Нуцерии вышли из города, карфагеняне захватили тамошних сенаторов, загнали их в баню и сожгли, несомненно, потому, что сенат Нуцерии выступал против соглашения с Ганнибалом[103]. Безоружных плебеев, уходивших из города, закалывали копьями на дороге [см. также у Зонары, 9, 2].

103 Ср.: ***Маяк И. Л.*** **Взаимоотношения... С. 93.**

Положение Марцелла в Ноле, несмотря на то что Ганнибал на какое-то время отправился к Неаполю, а потом осаждал и штурмовал Нуцерию, было очень трудным. Римские солдаты не внушали ему достаточной уверенности в успехе; из горожан его безоговорочно поддерживала только знать, тогда как плебс по-прежнему стремился к союзу с Ганнибалом. Одного из руководителей антиримского движения, Луция Бантия, Марцеллу удалось привлечь на свою сторону, однако на самом движении это почти не отразилось. Оно еще больше усилилось, когда Ганнибал, расправившись с Нуцерией, снова подступил к стенам Нолы [Ливий, 23, 15, 7-16; Плут., Марц., 10].

Уведя свои войска в город, Марцелл ограничился на первых порах разрозненными и случайными стычками; так же поступал и Ганнибал, завязавший переговоры с руководителями ноланского плебса. Было условлено, что, когда римляне выйдут из ворот, ноланцы разграбят их обоз, запрут ворота и займут городские стены, чтобы в конце концов принять карфагенян. Рассчитывая на это соглашение, Ганнибал начал изо дня в день выстраивать свои войска в боевой порядок, вызывая противника на битву.

Когда Марцелл узнал обо всем происходящем от ноланских сенаторов, панически боявшихся Ганнибала и своих собственных сограждан, он решил больше не ждать. Своих солдат Марцелл выстроил внутри города, у городских ворот, обозу приказал следовать сзади, а обозному персоналу вооружиться кольями; резервные соединения были назначены охранять обоз. Ноланцам Марцелл запретил приближаться к воротам и городским стенам. Казалось, вот-вот распахнутся ворота, римляне выйдут из города, но ворота не открывались, а на стенах вообще исчезли вооруженные люди. Ганнибал подумал, что римляне узнали о его соглашении с ноланскими демократами, бездействуют, парализованные страхом, и решил начать штурм. В тот момент, когда карфагенские воины подходили к городским стенам, Марцелл приказал открыть ворота и ударить по врагу. Карфагеняне отступили; потеряв надежду овладеть Нолей, Ганнибал ушел к Ацеррам [Ливий, 23, 16, 2-17; ср. у Плут., Марц., 11][104]. Воротившись в Нолу, Марцелл учинил расправу над всеми теми, кто пытал-

[104] Как полагает К.Нейман *(Neumann C.* Das Zeitalter... S. 379), этот рассказ, предназначенный главным образом для украшения истории Бантия, у Ливия введен неудачно и мотивирован плохо. Ганнибал должен был, по мнению К. Неймана, пройти мимо Нолы, когда он шел от Нуцерии к Ацеррам; возможно, что пунийский полководец несколько дней провел возле Нолы и что действительно произошла стычка, однако сразиться в открытом поле Марцелл не решался. Все эти соображения не поддаются проверке и могут быть приняты только в том случае, если решиться на основании тех или иных предвзятых концепций исправлять к уточнять источник, который другими материалами пока не опровергается. У. Карштедт (см.: *Meltzer O.* GK, III. S. 446, прим. 2) отвергает как явно недостоверный рассказ Ливия о победе Марцелла у Нолы. Г.Дельбрюк *(Дельбрюк Г.* История. С. 280, прим. 2) думает, что «якобы большие победы» Марцелла под Нолой — всего лишь незначительные стычки. Стоит заметить в этой связи, что в пользу достоверности повествования о победе

ся установить дружественные отношения с Ганнибалом. Как рассказывает Ливий [23, 17, 1-2], по приказу римского претора казнили более 70 человек; их имущество конфисковали римские власти. Закрепив таким способом в Ноле власть сената, Марцелл оставил город и расположился лагерем недалеко от Суессулы.

Для самого Ганнибала неудача под Нолой обернулась серьезным военно-политическим проигрышем. Победители при Каннах были отброшены от стен Нолы теми, кто так еще недавно бежал от карфагенского меча и даже в панике решал для себя вопрос, не двинуться ли куда-нибудь из Италии. Неудача под Нолой показала Ганнибалу, что фактически Канны не только не приблизили его к окончательной победе, но и вообще не изменили сколько-нибудь существенно его положения. Как и до того, ему предстояло вести изнурительную борьбу в Южной Италии. Весьма проблематичные, как выяснилось, надежды на приобретение новых союзников сменялись горьким разочарованием.

События у Ацерр не замедлили подтвердить, насколько действенными оказались все те военно-политические факторы, которые работали против Ганнибала. Как это однажды удалось в Капуе, как он хотел это проделать в Ноле, Ганнибал и здесь пытался склонить жителей города к добровольной сдаче. Однако и здесь, как рассказывает Ливий [23, 17, 4-7], он столкнулся с решительным и категорическим отказом (наши источники не сохранили информации о положении, сложившемся в городе, когда к нему подошли воины Ганнибала; не исключено, что и здесь возглавлял антикарфагенское движение местный сенат), увидел себя вынужденным осаждать город и брать его штурмом. Не имея сил защищаться, горожане ночью бежали и разбрелись по Кампании. Ганнибал разграбил и сжег Ацерры. Аппиан [А п п . , Лив., 63] и Дион Кассий [фрагм., 34] к этому добавляют, что, захватив местных сенаторов, Ганнибал приказал бросить пленников в колодцы, вероятно, потому, что видел в них противников своего господства[105].

Из повествования Аппиана следует, что, расправляясь с тамошними сенаторами, Ганнибал действовал вопреки договору, заключенному с Ацеррами; автор хочет подчеркнуть вероломство коварного пунийца, но эта обмолвка имеет смысл только при одном допущении: если в Ацеррах имелись какие-то власти, которые могли заключить соглашение с Ганнибалом об условиях капитуляции, если такое соглашение действительно было заключено и если сенаторы не ушли из города.

Расправляясь с Ацеррами, Ганнибал получил известие, что на юг Италии идут римские войска. Желая предупредить их появление, овладеть переправой через Вольтурн и вести боевые операции как можно дальше от Капуи, Ганнибал дви-

Марцелла под Нолой свидетельствует указание Цицерона [Циц., Брут., 12]. Дж. Босси *(Bossi G.* La Guerra. P. 36-43), Т. А. Додж *(Dodge Th.A.* Hannibal. P. 397-401), Ж.Вальтер *(Walter G.* La destruction. P. 363) в целом принимают рассказ о сражении под Нолой.

[105] **Ср.: *Маяк И. Л.* Взаимоотношения... С. 93.**

нул свою армию к Касилину, где тогда находился небольшой римский гарнизон в 500 пренестинцев и 460 перузинцев с некоторым количеством собственно римлян и латинян. Они занимали часть города на северном берегу Вольтурна. Подходя к Касилину, Ганнибал выслал вперед отряд гетульских всадников, поручив его командиру Исалке завязать, если окажется возможным, переговоры с местными жителями, а в случае неудачи — напасть на город. В Касилине и особенно на его стенах царила мертвая тишина, когда к нему подскакали гетулы; они подумали уже, что римские солдаты и горожане бежали из города, и принялись ломиться в запертые ворота. Внезапно ворота с шумом распахнулись и 2 когорты римлян бросились на всадников. Исалка приказал отступать. Ему на помощь Ганнибал отправил Махарбала (того самого, который советовал Ганнибалу немедленно идти после Канн на Рим), но и его римляне заставили отойти от городских ворот. Делать было нечего: разбив лагерь под стенами Касилина, Ганнибал начал осаду. Во время одной из вылазок касилинцев ему почти удалось отрезать их от города; в стычке многие были перебиты. На следующий день начался штурм, но осажденные парализовали все действия карфагенян. В конце концов, оставив около Касилина укрепленный лагерь с гарнизоном, достаточным для поддержания блокады, Ганнибал отправился с основными своими силами на зимние квартиры в Капую [Ливий, 23, 17, 7-18, 9].

Пребывание карфагенских войск на зимних квартирах в Капуе римская анналистическая традиция считает одной из серьезнейших стратегических ошибок Ганнибала[106]. Ливий [23,18,11-12] яркими красками рисует разложение пунийской армии: «Тех, кого не победили никакие лишения, погубили слишком обильные удобства и неумеренные удовольствия — и это тем больше, чем с большей жадностью они с непривычки в них погрузились. Дело в том, что сон, и вино, и пиршества, и блудницы, и бани, и безделье, по привычке изо дня в день все более привлекательные, так ослабили их тела и души, что позже их больше поддерживали прежние победы, чем наличные силы». И далее [23, 18, 14-16]: «Итак, клянусь Геркулесом, как если бы он вышел из Капуи с другой армией, он не сохранил ничего от прежней

[106] У. Карштедт (см.: *Meltzer O*. GK, III. S. 445, прим. 2) отрицает достоверность повествований о зимовке Ганнибала в Капуе, считая вообще излишним их анализировать. Такова же позиция К.Неймана *(Neumann C*. Das Zeitalter... S. 393), а также Дж. Босси *(Bossi G*. La guerra... P. 52), который отмечает в особенности, что и после зимовки в Капуе Ганнибал в течение многих лет воевал на юге Италии и одерживал там победы. Аналогичной точки зрения придерживался и Т. Додж *(Dodge Th. A*. Hannibal. P. 406-407): конечно, пребывание в Капуе вело к отдельным нарушениям дисциплины, но в целом армия Ганнибала сохраняла порядок и боеспособность. Однако уже Т. Моммзен (История Рима. Т. 1. С. 581] не сомневался в достоверности римской традиции. Ж. Вальтер *(Walter G*. La destruction. P. 364) думает, что в основе своей рассказ Ливия о зимовке Ганнибала в Капуе соответствует действительному положению вещей, хотя в нем есть и бесспорные преувеличения. Ср. по этому поводу также: *Pais E*. Storia di Roma durante le guerre Puniche. Vol. I. P. 261-262.

дисциплины, ибо многие, спутавшись с блудницами, развратились, и, как только их стали держать в палатках, а также заставлять переносить походы и другие военные невзгоды, у них, подобно новобранцам, не хватило ни физических, ни душевных сил. И затем в течение всего лета многие без отпусков покидали знамена, и не было для дезертиров другого прибежища, кроме Капуи» [ср. также у Диодора, 26, 11; Вал., Макс, 9, 1, 9].

В этом описании нельзя не заметить определенного преувеличения; действительно, многолетние последующие боевые операции Ганнибала в Италии показывают, что ущерб, нанесенный его войскам зимовкой в Капуе, был не так велик, как это представляет своему читателю Тит Ливий. Тем не менее упадок прежней дисциплины, очевидно, очень остро ощущался (хотя бы и не в таких масштабах) и самим Ганнибалом, и вообще всеми наблюдателями.

Как бы то ни было, едва только спали холода, Ганнибал снова повел свою армию к Касилину, гарнизон которого и население жестоко страдали в осаде от голода. Рассказывали, что люди бросались со стен, подставляя грудь ударам вражеских копий, предпочитая смерть невыносимым мукам. Надежды на скорую помощь у осажденных, казалось, не было: Марцелл все свое внимание уделял Ноле, а диктатор М. Юний Пера отправился в Рим для гаданий, запретив начальнику конницы Тиберию Семпронию Гракху предпринимать какие бы то ни было действия. Урок кампании Фабия и Минуция хорошо запомнился. Единственное, что позволил себе Гракх, — это спускать вниз по Вольтурну в бочках зерно, пока однажды течение не прибило бочки к берегу и ими не завладели пунийцы. Пробовали еще высыпать в реку орехи, которые в городе вылавливали корзинами, однако толку от этого было мало. Изнемогавшие от голода касилинцы и римские воины начали есть кожу, траву, крыс. Видя, что солдаты Ганнибала распахали поле перед городской стеной, они побросали туда семена репы.

Однако и Ганнибал, может быть, по причинам, нашедшим отражение в приведенных выше словах Ливия, не предпринимал решительных действий. Очевидно, если римляне еще не чувствовали себя в состоянии решиться на новое генеральное сражение, то и Ганнибал после зимовки в Капуе не видел такой возможности для себя. Понимая, что осада Касилина сковывает его силы и заставляет напрасно тратить время (недаром ему приписывается раздраженный возглас: «Неужели мне суждено сидеть у Касилина, пока не вырастет репа?»), не решаясь захватить город силой, Ганнибал пошел в конце концов на переговоры. За выкуп в 7 унций золота с человека он разрешил осажденным покинуть город.

Взятие Касилина и в особенности бездействие римлян в начале кампании открыли Ганнибалу дорогу к новым успехам на юге Италии, позволили ему захватить силой или принудить к заключению союза некоторые города, сохранявшие еще верность Риму.

Среди них первой его жертвой стала Петелия — единственный, по словам Ливия, город в Брутиуме, не изменивший союзу с Римом. Она оказалась в безвыходном положении: осажденная карфагенянами и брутиями, Петелия запросила помощи у Рима, но получила отказ; сенат объявил, что никакой поддержки при сложившихся обстоятельствах он столь отдаленным союзникам оказать не может, и предложил петелийцам самим позаботиться о себе. По настоянию местного сената в Петелии решили сопротивляться [Ливий, 23, 20, 4-10], однако после осады, продолжавшейся несколько месяцев (по Полибию, II), изнуренные голодом горожане с позволения римского правительства сдались карфагенскому военачальнику Гимилькону, которому Ганнибал поручил осаду города [Ливий, 23, 30,1-4; Полибий, 7,1, 2]. По рассказу Аппиана [Ганниб., 29], который в одних случаях дополняет Полибия и Ливия, а в других — противоречит, события в Петелии разворачивались следующим образом: Ганнибал, подведя к городу осадные орудия, натолкнулся на отчаянное сопротивление немногочисленных граждан, мужчин и женщин, которым удалось эти орудия поджечь. Учитывая, что защитников Петелии было слишком мало, что они гибли в оборонительных боях, от голода и лишений, Ганнибал решил ужесточить блокаду. По его приказу вокруг Петелии была возведена осадная стена; командование осаждающими Ганнибал поручил Ганнону. Петелийцы послали на бой сначала тех, чья гибель принесла бы городу наименьший ущерб; за этими последовали и остальные. Только после уничтожения голодных и больных, которые не в состоянии были держать оружие, Ганнон сумел войти в город. Из населения спаслись бегством только 800 человек; когда война окончилась, римляне водворили их на прежнее место.

Сравнивая оба приведенные выше повествования, нельзя не признать, что традиция Полибия и следующего за ним Ливия производит впечатление более достоверной и объективной. В ее пользу говорят уже материалы о неудачных переговорах Петелии с Римом; отказ Рима помочь своим вернейшим друзьям, каковы бы ни были его причины, едва ли способствовал укреплению авторитета римского имени, и Полибий, а после него Ливий, конечно, могли эту информацию опустить, что и сделал источник, использованный Аппианом. Обращает на себя внимание и рассказ о сдаче Петелии. По Ливию, судьба города, сдавшегося в конце концов на милость победителя, выглядит менее героичной, нежели у Аппиана.

Как бы то ни было, однако Петелия оказалась в руках карфагенян; римляне лишились последнего оплота в Брутиуме.

Вскоре после этого, по рассказу Ливия [23, 30, 6-7], брутии, союзники Ганнибала, захватили греческий город Кротон; на сторону брутиев перешел и другой греческий город — Локры, где знать, как замечает Ливий [23, 30, 8], предала народ.

Согласно другой версии, также воспроизводимой Ливием [24, 1-3], Локры и Кротон были захвачены карфагенянами после того, как войска Ганнона, сына Бомилькара, по окончании военных действий в Кампании в 215 г. возвратились в Брутиум.

Этому противоречит, однако, то обстоятельство, что прибывшие перед событиями 215 г. в Кампании подкрепления Ганнибалу высадились в Локрах, которые к этому моменту уже стали союзниками карфагенян. Сказанное позволяет усомниться и в достоверности отдельных деталей этого рассказа. Так, Ливий пишет, что Локры сдались карфагенянам потому, что часть граждан, находившихся в поле, была отрезана от города, а «легкомысленные» предпочли новый союз и новое государственное устройство; они, однако, позволили римскому гарнизону тайно покинуть город. Здесь, по-видимому, в традиции имеется внутреннее противоречие: она говорит о государственном перевороте, явно антиримском по своей политической направленности, и в то же время о действиях, способных, безусловно, скомпрометировать Локры в глазах нового союзника. К тому же все, о чем в данном тексте рассказывается, противоречит замечанию самого же Ливия о знати, предававшей народ. Что же касается Кротона, то здесь, по словам Ливия, существовало демократическое антиримское движение, которое впустило в город брутиев, однако местная знать укрылась в акрополе; в конце концов кротонцы, засевшие в акрополе, переселились в Локры. Во второй версии Ливия не исключены, таким образом, хронологические аберрации; здесь могли найти отражение события, происходившие в Брутиуме до прибытия карфагенских подкреплений.

Некоторая активность элементов, враждебных Риму, наблюдалась и в Сицилии: Гелон, старший сын сиракузского царя Гиерона II, после Канн открыто принял сторону Карфагена. Он вооружал народ, всеми мерами привлекал к себе сторонников, готовясь захватить власть, и только внезапная смерть Гелона, в которой, может быть и не без причины, обвиняли его отца, сохранила, хотя и на короткое время, римско-сиракузский союз [Ливий, 23, 30, 10-12].

IV

Пока Ганнибал и союзники сражались в Южной Италии, его брат Магон собирал в Карфагене подкрепления. Ему удалось раздобыть 12 000 пехотинцев, 1500 всадников (вместо 4000, как предполагало решение совета), 20 слонов (вместо 40) и одновременно 1000 талантов серебра и 60 боевых кораблей. Всех этих воинов, животных, деньги и флот он уже собирался направить в Италию, как вдруг обстоятельства заставили круто изменить решение [Ливий, 23, 32, 5].

Во-первых, из Испании поступили вести о поражениях, которые потерпели там карфагенские войска, и о том, что почти все коренное население полуострова перешло на сторону римлян [Ливий, 23, 32, 6]. Во-вторых, в Карфаген прибыло тайное посольство из Сардинии, которая издавна была колонизована финикиянами[107]. По-

[107] **Как показали недавние раскопки, там было много пунийских поселений на побережье и на внутренних территориях. См.: *Pesce G.* Sardegna punica. Cagliari, 1960.**

сланцы рассказывали, что на острове стоит небольшой римский гарнизон, что прежний наместник, претор Авл Клавдий, отзывается и пока еще только ожидают нового, что население провинции созрело для бунта: оно утомлено длительным, жестоким, алчным господством римлян, тяжкими поборами и обязанностью поставлять римским войскам чрезмерно много продовольствия. Послов из Сардинии в Карфаген направили сардинские аристократы; главным инициатором заговора Ливий [23, 32, 7-10] называет Хампсикору, самого авторитетного и самого богатого человека на острове. Интересно, что, по рассказу Ливия, антиримское движение в Сардинии было преимущественно аристократическим. Может быть, здесь сказались давние политические, хозяйственные и культурные связи Сардинии с Карфагеном, разорванные после I Пунической войны, когда остров перешел под власть Рима, тем более что традиции карфагено-финикийской цивилизации в Сардинии сохранялись по крайней мере до III в. н. э. Не исключено, что антиримское движение в Сардинии могло быть инспирировано карфагенянами [Ливий, 23, 41, 2].

Как бы то ни было, карфагенский совет решил направить в Испанию Магона со всеми войсками, находившимися под его командованием, а в Сардинию — Гасдрубала Плешивого, которому дали примерно такую же армию, что и Магону [Ливий, 23, 32, 11-
ческой обстановкой, сложившейся в западносредиземноморском мире: необходимо было укрепить пошатнувшееся положение на Пиренейском полуострове, по возможности ликвидировав там римскую угрозу, а перспектива отвоевать назад Сардинию создавала реальную надежду овладеть выгодными стратегическими рубежами для нового вторжения в Центральную Италию. Все это так. Но о каких-либо подкреплениях из Карфагена в этих условиях уже не могло быть и речи. Тем более важными были для Ганнибала дипломатические шаги, дававшие, казалось, возможность обрести столь желанного союзника и начать объединение всей ойкумены для борьбы против Рима.

Борьба двух могущественнейших на земле народов, пишет Ливий [23, 33, 1], привлекла к себе внимание всех царей и племен, в том числе и Филиппа V, царя Македонии, который рассчитывал воспользоваться затруднительным положением карфагенян для достижения своих политических целей.

В 221 г. умер македонский царь Антигон Досон. Его преемник, Филипп V, должен был, так сказать, по наследству воевать против исконного врага Македонии — Этолийского союза и связанных с ним Спартой и Элидой (Союзническая война, 220-217 гг.). Получив известие об исходе битвы при Каннах, царь по совету одного из своих самых близких «друзей», Деметрия Фаросского, решил прекратить войну против Этолии; советник рисовал перед его взором не только картины господства над Грецией, которое уже достигнуто, но и перспективу завоевания Италии, а за-

тем и всего мира [Полибий, 5, 101, 9-102, 1]. Была у Филиппа и другая цель — отвоевать Иллирию, совсем недавно в результате войн 229-219 гг. оказавшуюся под властью Рима. Среди иллирийских территорий, захваченных римлянами, были области, принадлежавшие Деметрию Фаросскому, который был, таким образом, лично заинтересован в войне против Рима. Мы не знаем, каковы были условия мирного урегулирования между Филиппом V и его противниками, которого они достигли в Навпакте [Полибий, 5, 105, 1-2]; по-видимому, было восстановлено довоенное положение вещей— «союз» всех греческих обществ с Македонией, то есть фактическое господство в Греции македонского царя. Интересно, что, по рассказу Полибия [5, 104], важным стимулом к заключению Навпактского мира была угроза с запада. Во время переговоров навпактец Агелай указывал, что, кто бы ни победил в Италии, римляне или карфагеняне, они попытаются распространить свою власть и на Грецию. Предвидение это, как известно, полностью сбылось.

Для того чтобы противостоять этой угрозе, необходимо водворить в самой Греции мир и спокойствие, а царю Филиппу свой воинственный пыл обратить на запад, в чем греки будут его надежными и ревностными союзниками. Как видим, Филипп V лишь на весьма короткое время мог быть соратником Ганнибала; в перспективе в случае победы над Римом Филипп V превращался в весьма опасного врага карфагенян.

Пока же Навпактский мир развязывал Македонии руки. Построив и оснастив 100 кораблей, Филипп V вышел со своими войсками в открытое море, прибыл к Кефаллении и Левкаде, а затем, узнав, что римский флот стоит на якоре возле Лилибея (Сицилия), отправился морем к Аполлонии, в направлении на Иллирию. Однако там царь получил ложное сообщение, будто на него идет римский флот, и в панике отступил к Кефаллении, а оттуда вернулся в Македонию [Полибий, 5, 109-110]. Таким образом, первая его попытка овладеть Иллирией окончилась неудачей, главным образом из-за его же собственной неоправданной доверчивости и панического страха перед римлянами. В действительности у Регия были замечены 10 римских кораблей, которые, конечно, не могли вступить в бой с македонским флотом; но именно они послужили причиной преувеличенных слухов, по которым римский флот уже находился на подступах к Адриатическому морю.

Эта неудача сделала Филиппа V особенно заинтересованным в союзе с Ганнибалом, для которого, в свою очередь, поддержка Македонии имела первостепенное значение. Во-первых, можно было надеяться, что часть римских сил будет отвлечена на борьбу с греко-македонскими войсками за пределами Италии. Во-вторых, этот союз позволял выйти из дипломатической изоляции; можно было рассчитывать, что и другие властители эллинистического востока присоединятся к Ганнибалу в его смертельной схватке с Римом. О борьбе, которая ему предстояла бы сразу же после победы и о которой, как можно было видеть, говорили вслух, Ганнибал, вероятно,

старался не думать: самое главное — победить сейчас, в Италии, а потом будет время решить, что делать и с Иллирией, и с Македонией, и с самим царем Филиппом V.

Таковы были обстоятельства, при которых в лагерь Ганнибала было направлено македонское посольство, возглавлявшееся Ксенофаном. Миновав Брундисий и Тарент, охранявшиеся римскими сторожевыми судами, македоняне высадились у храма Юноны Лацинийской, несколько южнее Кротона, и оттуда через Апулию двинулись к Капуе, но по дороге натолкнулись на римское сторожевое охранение. Солдаты доставили послов к претору Марку Валерию Лэвину, стоявшему лагерем неподалеку от Луцерии[108]. Положение спас Ксенофан: не теряя присутствия духа, он заявил, будто послан царем Филиппом V заключить дружественный союз с римским народом; ему даны соответствующие полномочия и поручения к консулам, сенату и всему римскому народу. Обрадованный претор дал послам проводников, чтобы те указали самые удобные дороги и объяснили, где стоят римские и карфагенские войска. Без дальнейших приключений посольство, миновав римские гарнизоны, явилось в Кампанию, а там прямым путем — в лагерь Ганнибала [Ливий, 23, 33, 4-9].

Как протекали переговоры между Ганнибалом и Ксенофаном, неизвестно. Евтропий [3, 12] говорит, правда,, что Филипп предложил Ганнибалу помощь против Рима, с тем чтобы после победы Ганнибал помог ему против греков, однако, похоже, что он основывается на известном ему тексте соглашения. Мы осведомлены только об условиях союзнического договора, которые Ливий [23, 33, 10-12] излагает следующим образом. Царь Филипп переправится в Италию и опустошит морское; побережье, а также по мере своих сил будет вести воину на море и на суше; по окончании войны вся Италия вместе с городом Римом будет принадлежать Карфагену и Ганнибалу, причем последнему достанется и добыча; покорив Италию, союзники переправятся в Грецию и там будут воевать с теми, с кем пожелает царь; материковые государства и острова, прилегающие к Македонии, т. е. практически вся Балканская Греция с прибрежными островами и архипелагом, будут принадлежать Филиппу. Приблизительно так же передает содержание договора и Зонара [9, 3]: воевать они будут вместе, и Италию захватят карфагеняне, а Грецию с Эпиром и островами — царь Филипп.

Мы имеем редкую, поскольку речь идет о древности, возможность сравнить эти изложения с подлинным текстом договора, который в полном объеме приводится в историческом повествовании Полибия [7, 9]:

«Клятва, которую принесли Ганнибал-полководец, Магон, Миркан, Бармокар и все находящиеся с ним карфагенские герусиасты и все карфагеняне, воюющие вместе с ним, афинянину

[108] У. Карштедт (см.: *Meltzer O*. GK, III. S. 450, прим. 1) считает наиболее правдоподобным, что это событие произошло у Нуцерии (ср. в рукописях Ливия: *numeriam),* поскольку македонское посольство направлялось от Лацинийских гор в Кампанию. Однако путь послов не обязательно должен был быть прямым, тем более что они, несомненно, стремились обойти римские посты.

Ксенофану сыну Клеомаха, послу, которого послал к ним Филипп, царь, сын Деметрия, от себя, македонян и союзников, пред Зевсом, и Герой, и Аполлоном, пред Божеством карфагенян (δαίυονος Καρχηδονίων, — имеется в виду, очевидно, богиня Тиннит. — *И. К.),* и Гераклом, и Иолаем, пред Аресом, Тритоном, Посейдоном, пред богами соратствующими и Солнцем, и Луной, и Землей, пред реками, и озерами, и водами, пред всеми божествами, которые владеют Карфагеном, пред всеми богами, которые Македонией и остальной Грецией владеют, пред всеми богами, которые участвуют в походе, присутствующими при этой клятве. Ганнибал-полководец сказал, и все находящиеся с ним карфагенские герусиасты, и все карфагеняне, воюющие вместе с ним, что решили вы и мы дать эту клятву в дружбе и добром благорасположении, быть друзьями, и родственниками, и братьями, дабы царь Филипп, и македоняне, и прочие греки, которые суть их союзники, выручали бы карфагенских граждан (χυπιους Καρχηδονίους; в греческой формуле, несомненно, воспроизводится финикийско-пунийское: *b'ly qrthdSt* 'хозяева', 'граждане Карфагена'. — *И. К.),* и Ганнибала-полководца, и тех, кто с ним, и тех, кто под властью карфагенян, пользующихся теми же законами (что и карфагеняне. — *И. К.),* граждан Утики, и города, и народы, покорные карфагенянам, и воинов, и союзников, и все города и народы, с которыми у нас дружба, в Италии, Галлии и Лигурии, и с которыми у нас будет дружба в этой стране. Также и Филиппа, царя, и македонян, и из прочих греков [их] союзников будут выручать и охранять участвующие в войне карфагеняне, и граждане Утики, и все города и народы, покорные карфагенянам, и союзники, и воины, и все [дружественные нам] народы и города в Италии, Галлии и Лигурии, и другие, которые стали бы союзниками в этих местностях Италии. Мы не будем злоумышлять, не будем строить козни друг против друга; со всем усердием и благорасположением, без хитрости и злого умысла мы будем врагами тех, кто враждует с карфагенянами, за исключением царей, и городов, и гаваней, с которыми у нас имеются клятвы и договоры о дружбе. Будем также и мы врагами тех, кто враждует с царем Филиппом, кроме царей, и городов, и народов, с которыми у нас имеются клятвы и договоры о дружбе. Будете вы также нашими союзниками в войне, которую мы ведем против Рима, пока нам и вам боги не даруют победу. И вы нам поможете, насколько будет нужно и как мы договоримся. Если бы, когда боги даруют вам и нам победу в войне против римлян и их союзников, римляне просили заключить договор о дружбе, мы согласимся так, чтобы у них с вами была такая же дружба на условии, чтобы им не было разрешено начинать когда бы то ни было войну против вас и чтобы римляне не властвовали над керкирянами, аполлониатами, эпидамнянами, а также над Фаросом, Дималлой, Парфинией и Атинтанией. Они отдадут Деметрию Фаросскому всех его подданных, которые находятся в пределах Римского государства. Если же римляне начнут войну против вас или против нас, мы будем помогать друг другу, насколько каждой из сторон это будет нужно. Также и если кто-нибудь другой, кроме царей, и городов, и народов, с которыми у нас имеются клятвы и договоры о союзе. Если же мы решим изъять или добавить к этой клятве, то мы изымем или добавим, как это будет решено нами обоими».

Сравнение текста карфагено-македонского договора, сохраненного Полибием и не вызывающего сомнений по поводу своей достоверности (в особенности характерна проникшая в греческий перевод калька с финикийского), с изложением Ливия, Зонары и Евтропия показывает, что последние воспроизводили не столько содержание соглашения, сколько его истолкование римской официальной пропагандой, восходящее, как в этом легко убедиться, к речам Г. Теренция Варрона сразу же после Канн. В договоре отсутствуют какие бы то ни было конкретные обязательства Филиппа V, речь идет в весьма неопределенной форме об оказании помощи в войне против Рима. Нет в договоре и статьи, которая гарантировала бы Карфаге-

ну обладание Италией; более того, стороны даже выражают готовность заключить союзнический договор с Римом, причем единственным предварительным условием, оговоренным здесь, является отказ Рима от завоеваний на Балканском полуострове. Это последнее обстоятельство особенно существенно: продолжая свою прежнюю политику, которую он начал сразу же после Канн, Ганнибал и в соглашении с Филиппом V фактически повторяет Риму приглашение заключить договор о мире и дружбе. Однако и этот призыв не был услышан. В договоре очень неопределенно сформулированы и обязательства Ганнибала оказать помощь своему македонскому союзнику. Каких-либо гарантий последнему по поводу господства над Грецией здесь также нет. Создается впечатление, что договаривающиеся стороны проявили исключительную осторожность, не желая связывать себя определенными обязательствами 109.

Примечательна и форма договора, заключенного в соответствии с обычной процедурой ближневосточной дипломатии. Как показал Э. Бикерман в своем интереснейшем исследовании этого документа[110], греческий текст клятвы Ганнибала Филиппу V у Полибия — это точный до буквализма перевод финикийско-пунийского оригинала. По своей схеме он представляет собой *берит* — клятву, фиксирующую установление союзнических отношений; она совершается в присутствии богов и содержит обращения к богам своим и контрагента; ее формуляр и терминология восходят, по мнению Э. Бикермана, к ближневосточным договорам II тысячелетия. Клятву приносит сам Ганнибал и все находящиеся в его лагере карфагеняне; такая клятва, хотя она и предусматривает оказание помощи македонянам со стороны участвующих в войне карфагенян, обществ, подвластных Карфагену, и союзников, не накладывает обязательств на Карфагенское государство, как таковое, и не связывает карфагенское правительство в его действиях, подобно тому как клятва Гасдрубала не переходить через Ибер не связывала ни его преемников, ни центральные власти.

Последнее обстоятельство, которое Филипп V, очевидно, не принимал в расчет, делало союз между Карфагеном и Македонией весьма эфемерным и в дальнейшем могло породить немало затруднений. По сути дела, это был союз между Филиппом, действовавшим от имени и как олицетворение Македонского государства, и Ганнибалом, выступавшим только от своего собственного имени, представлявшим только себя самого.

И все же заключение союза было и для того и для другого большим дипломатическим успехом. Как уже говорилось, появление нового противника должно было

[109] **В связи со сказанным представляется ошибочной позиция Т. Моммзена, излагающего содержание договора в соответствии с римской версией. См.:** ***Моммзен Т.*** **История Рима. Т. I. С. 573.**

[110] ***Bickerman E. J.*** **Hannibal's Covenant // American Journal of Philology. 1952. Vol. 73. N 1. P. 1-23.**

при всех условиях отвлечь часть римских войск от борьбы в Южной Италии[111]; Филипп V получал, казалось, возможность без труда отобрать у обессилевшего Рима Иллирию. Однако реализовать эти возможности или по крайней мере воспользоваться новой политической ситуацией, которую они сами создали, стороны не сумели.

После окончания переговоров македонские послы двинулись из карфагенского лагеря в обратный путь; вместе с ними Ганнибал направил и своих уполномоченных— Гисгона, Бостара (то есть Бод'аштарта) и Магона, которые должны были получить у Филиппа V подтверждение договора и принять его клятву. Без особых приключений они добрались до храма Юноны Лацинийской, около которого были спрятаны корабли, и вышли оттуда в море, но были замечены с римских кораблей, охранявших берега Калабрии. Македоняне попробовали было спастись бегством; убедившись, что римляне их легко нагоняют, они решили сдаться. В этой ситуации Ксенофан решил прибегнуть к старому и уже испытанному трюку: он заявил командующему флотилией, что, дескать, царь Филипп отправил его к римлянам заключить договор о союзе, что он прибыл к Марку Валерию, к которому только и мог явиться, не подвергая себя опасности, но пробраться через Кампанию, занятую войсками противника, не сумел. На этот раз Ксенофану не поверили: карфагенский облик и платье, наконец, акцент изобличили посланцев Ганнибала, а потом нашли у перепуганных послов письмо Ганнибала к Филиппу и договор. Командующий римской флотилией счел необходимым немедленно отправить послов и захваченные материалы в Рим; пленных везли на 5 кораблях (каждого на отдельном) и содержали в строгой изоляции [Ливий, 23, 34, 1-9]. В Риме сенат приказал пленных заключить в тюрьму, а их провожатых продать в рабство [Ливий, 23, 38, 7].

Между тем один из македонских кораблей, захваченных римлянами, ушел на родину. После его прибытия стало известно, что и придворные Филиппа, и пунийцы, и документы захвачены неприятелем. Царь, не зная, на каких условиях Ксенофан пришел к соглашению с Ганнибалом, отправил к последнему новых послов с прежним поручением; на этот раз все закончилось благополучно. Но время было упущено: лето кончилось прежде, чем царь сумел что-либо сделать [Ливий, 23, 39, 1-4]. Утрачен был и момент секретности: осведомленное о союзе Ганнибала и Филиппа V и о деталях этого союза, римское правительство могло предпринять необходимые меры для организации отпора новому врагу.

Тем временем в Италии война шла своим чередом— «вяло», как говорит Ливий [23, 35, 1], потому что одна сторона была еще слишком слаба, а другая утратила наступательный порыв; и на этот раз инициатором новой кампании выступила Капуя,

11 Ср.: *Meltzer O.* GK, III. S. 449; *Gsell St.* HAAN, IV. S. 159.

решившая подчинить своей власти Кумы. Осуществление этого плана представляло серьезную угрозу Риму: Капуя тем самым не только заявляла свои претензии на господство в Италии, но и делала первые шаги для того, чтобы претворить их в жизнь. Гораздо сложнее было положение Ганнибала. С одной стороны, действия Капуи были подчеркнуто антиримскими и, следовательно, благоприятными для Ганнибала; они не выходили за рамки союзнических отношений между Ганнибалом и Капуей. С другой стороны, сама инициатива Капуи могла оказаться опасным предвестником будущих конфликтов, она не согласовала с Ганнибалом своих действий. Однако события приняли неожиданный для капуанцев и для самого Ганнибала неблагоприятный оборот.

Для осуществления своего замысла капуанцы решили воспользоваться общекампанскими ежегодными жертвоприношениями в Гамах. Они сообщили в Кумы, что на сей раз для совершения торжественного обряда прибудет в полном составе капуанский сенат, и просили, чтобы и куманский сенат явился туда же для совещания и разработки единой политической линии. Капуанцы обещали охранять Гамы от римлян и карфагенян. Кумы не отклонили предложения, но сообщили обо всем происшедшем римскому консулу Тиберию Семпронию Гракху, который в этот момент неподалеку от Литерна был занят обучением своих солдат. Гракх велел куманцам свезти все с полей в город и не появляться за городскими стенами, а сам повел войска в Кумы, находившиеся от Гам на расстоянии трех миль.

Капуанцы собрались в Гамы. Жертвоприношения продолжались три дня. Тем временем в засаде стоял большой по тогдашним масштабам отряд воинов (14 000 человек) под командованием Мария Алфия, высшего магистрата Капуи. Когда жертвоприношение окончилось, Гракх напал на капуанский лагерь, перебил там более 2000 человек и спешно возвратился в Кумы.

Пунийские войска, когда происходили эти события, стояли лагерем недалеко от Капуи, у горы Тифата. Едва в Капуе узнали об избиении в Гамах, Ганнибал быстро двинулся туда, рассчитывая застать там воинов Гракха, занятых, как он думал, грабежом и вывозом добычи, однако нашел он только трупы союзников и следы побоища.

Перед Ганнибалом снова встал вопрос: что делать дальше. Некоторые (наш источник не указывает, кто именно) предлагали ему немедленно осадить Кумы, да и сам полководец склонялся к этому решению. Однако, вместо того чтобы идти к городу, Ганнибал вернулся к Тифате, так как его солдаты ничего, кроме оружия, с собою не имели. Только на следующий день он подошел к Кумам и начал осаду. Первая попытка карфагенян овладеть городом не удалась. По приказанию Ганнибала около городской стены соорудили осадную башню, однако против нее на самой стене Гракх велел построить другую, значительно более высокую. Когда пунийцы придвинули свою башню вплотную к стене, осажденные подожгли ее; одновременно

смелой вылазкой из городских ворот они заставили карфагенские посты бежать в лагерь. На следующий день Ганнибал выстроил свои войска перед городскими воротами, рассчитывая, что воодушевленный успехом противник захочет сразиться в настоящем бою. Гракх не поддался на провокацию, и Ганнибал был вынужден уйти от невзятого города к Тифате [Ливий, 23, 36, 1-37, 9].

Примерно тогда же стало известно еще об одной неудаче карфагенян: в Луканнии, при Грументе, пунийский военачальник Ганнон, сын Бомилькара, был разбит римским — Тиберием Семпронием Лонгом и вернулся в Брутиум. Римляне силой восстановили свою власть над Верцеллием, Весцеллием и Сицилином, жестоко расправившись с приверженцами карфагенян [Ливий 23, 37, 10-13]. Серьезный удар нанес по Ганнибалу и консул Кв. Фабий Максим после того, как задержанный разного рода жертвоприношениями, он получил наконец возможность переправиться через Вольтурн. Кв. Фабий Максим взял штурмом Требулу и Австикулу[112], а потом, став лагерем недалеко от Суессулы, послал оттуда войска в Нолу, чтобы не допустить ее перехода к Ганнибалу [Ливий, 23, 39, 5-8].

Как уже говорилось, карфагенское правительство, узнав о начале в Сардинии антиримского движения и о возможности снова отвоевать ее у Рима, решило направить туда Гасдрубала Плешивого, однако страшная буря разметала пунийские корабли и отнесла их к Балеарским островам; там Гасдрубалу пришлось долго ремонтировать свои суда, прежде чем они были приведены в боевое состояние [Ливий, 23, 34, 16 тельно 5000 пехотинцев и 400 всадников и направить этот отряд под командованием Тита Манлия Торквата на подавление бунта [Ливий, 23, 34, 10-15].

Переправившись в Сардинию, Манлий приказал вытащить у Каралиса корабли на берег и сформировал из моряков пехотные соединения, принял под свое командование армию и таким образом получил всего 25 000 пехотинцев и 1200 всадников[113]. В первом же сражении, которое завязал с римлянами Гостий сын Хампсикоры, инициатора восстания, сарды были разбиты, потеряли 3000 убитыми и 800 ранеными; остальные, рассеянные по острову, собрались в г. Корне. Тем временем в Сардинию на помощь восставшим прибыл наконец флот Гасдрубала, и Манлий счел за благо уйти в Каралису; в свою очередь, Гасдрубал и Хампсикора также двинулись к Каралису. Манлий выступил им навстречу, карфагеняне попали в окружение и были

[112] Дж. Босси (*Bossi G.* La guerra... P. 64) считает, что путь Фабия, каким изображает его Ливий, невозможен окрестностях. Однако захват римлянами названных городов он не отрицает. Ср. также: Ливий, 24, 20.

[113] У. Карштедт (см.: *Meltzer O.* GK, III. S. 452, прим. 1) считает, что под командованием Манлия могло находиться не более 17 000 человек. Однако свидетельствами источников, которые опровергали бы данные Ливия, мы не располагаем.

почти полностью уничтожены. Римляне особенно гордились тем, что в плен попали три крупных карфагенских деятеля — сам Гасдрубал Плешивый, Гашюн — организатор восстания и Магон (он происходил из династии Баркидов и был близким родственникоим Ганнибала). Гостий, сын Хампсикоры пал в бою, а сам Хампсикора, узнав об этом, покончил жизнь самоубийством. Римское господство на острове было полностью восстановлено [Ливий, 23, 40-41; Евтропий, 3, 12].

Приблизительно тогда же произошло еще одно событие, в наших источниках отмеченное только беглым упоминанием [Ливий, 23, 41, 8]. Римский наместник Сицилии претор Тит Отацилий вышел со своим флотом из Лилибея к берегам Африки и там опустошил территорию, принадлежавшую карфагенянам. Значение этой операции, хотя она и не привела пока к созданию римского плацдарма в непосредственной близости от Карфагена, трудно переоценить. Она показала, что и после Канн североафриканские владения Карфагена не гарантированы от римского вторжения, что Рим очень быстро оправляется от последствий катастрофического, как думалось поначалу, разгрома. Это впечатление должно было еще больше усилиться, когда на обратном пути Т. Отацилий разгромил и рассеял пунийскую эскадру, возвращавшуюся из Сардинии на родину, и даже захватил 7 кораблей [Ливий, 23, 41, 9].

Однако основным театром военных действий продолжала оставаться Южная Италия. В Локры наконец прибыли подкрепления, присланные из Карфагена: воины, слоны и продовольствие. Отрядом командовал Бомилькар. Чтобы захватить его врасплох, римский военачальник Аппий Клавдий быстро перевел свои войска в Мессану, а оттуда подступил к Локрам, но Бомилькар ушел в Брутиум и там присоединился к Ганнону. Локры не допустили в свою гавань римские корабли, и Аппий Клавдий вынужден был вернуться в Мессану [Ливий, 23, 41, 10-12].

Тем не менее военную инициативу целиком сохраняло в своих руках римское командование. Проконсул Марк Клавдий Марцелл, возглавлявший римский гарнизон в Ноле, сумел использовать бездействие Ганнибала, стоявшего лагерем у горы Тифата, чтобы совершать набеги на территорию исконных врагов Рима — гирпинов и кавдинских самнитов — и опустошить ее так, что самнитам припомнились прежние их поражения в борьбе с римлянами [Ливий, 23, 41, 13]. Гирпины и самниты обратились за помощью к Ганнибалу [Ливий, 23, 42-43, 4], и он решил атаковать Нолу. Туда же прибыл из Брутиума Ганнон вместе с отрядом Бомилькара. Заметив приближение карфагенян, Марцелл запер свои войска в городе, а ноланским сенаторам приказал наблюдать со стен за действиями противника [Ливий, 23, 43, 5-8][114].

[114] Дж. Босси *(Bossi G.* La guerra... P. 63-66) относит вторую битву у Нолы ко времени до событий в Петелии и измены Локр и Кротона. Мы считаем более правильным придерживаться той

Свои новые операции у Нолы Ганнибал решил начать попыткой договориться с местными властями. Несомненно, по его приказанию к городским стенам подошел Ганнон[115] и вызвал для беседы Геренния Басса и Герия Петтия — очевидно, наиболее влиятельных сенаторов Нолы. С разрешения Марцелла они вышли из ворот, однако желательного Ганнибалу результата не получилось. Ганнон, если верить рассказу Ливия [23, 43, 9-44, 2], предлагал ноланцам сдаться и выдать римский гарнизон; в этом случае только от самих ноланцев зависело бы продиктовать условия союза между ними и Ганнибалом. Геренний Басс отвечал, что Нола сохранит свою верность римлянам, и на этом обе стороны расстались.

Такой исход переговоров показал Ганнибалу тщетность надежды овладеть Нолой мирным путем, и он приступил к подготовке штурма — окружил городские стены, чтобы одновременно со всех сторон напасть на город. Марцелл сделал вылазку, и, когда воины сбежались к месту схватки, там началось побоище, которое прекратилось только из-за проливного дождя.

На третий день, когда Ганнибал выслал часть своих солдат разграбить окрестности Нолы, произошла новая схватка. И римские и пунийские воины сражались поначалу очень нерешительно и, по-видимому, не очень охотно, однако, судя по рассказу Ливия, воодушевление римлян под влиянием поддержки ноланцев постепенно росло. В конце концов карфагеняне бежали в свой лагерь; римляне хотели было взять его штурмом, но Марцелл отвел их за стены Нолы. В бою Ганнибал потерял 5000 убитыми и 600 пленными; кроме того, погибли 4 слона, а 2 были захвачены римлянами. Вскоре после сражения отряд из 272 всадников перешел на сторону Марцелла. Результат боев под Нолой был для Ганнибала, пожалуй, самым неприятным. Он уже не мог быть полностью уверенным в собственных солдатах, которые начали разочаровываться в удачливости своего предводителя; сражаясь на стороне римлян, они, видимо, чувствовали больше уверенности в будущем. Кстати сказать, их надежды полностью оправдались: после войны они получили земельные наделы в Испании и Африке [Ливий, 23, 44, 6-46, 7; Плут., Марц., 12]. Римская традиция, надо сказать, высоко оценивала победу Марцелла под Нолой [см. у Орозия, 4, 16,12]: Марцелл первый после стольких катастроф пробудил надежду на то, что Ганнибал может быть побежден.

Итак, новая попытка карфагенян овладеть Нолой не удалась, как не удались и предыдущие[116]. Наступила зима, и Ганнибал, не желая оставаться под стенами

последовательности событий, которая дана у Ливия.

115 Вслед за В. Штрейтом Дж. Босси *(Bossi G.* La guerra... P. 66) полагает, что Ганнон командовал пунийскими войсками у Нолы. Однако источник не дает оснований для подобного допущения.

116 Т. А. Додж считает, что в сражении у Нолы ни одна из сторон не одержала победы. Противники отступили, один — к своему лагерю, а другой — в Нолу, не имея возможности контролировать действия неприятеля. См.: *Dodge Th.A.* Hannibal. P. 420-421.

неприступного для него города, отослал Ганнона с его войсками в Брутиум, а сам пошел на зимние квартиры к Арпам, в Апулию [Ливий, 23, 46, 8].

Услышав об этом, Кв. Фабий Максим явился на территорию, принадлежавшую Капуе, начал ее опустошать и заставил капуанцев выйти из города и стать лагерем в открытом поле перед стенами. Начались кавалерийские стычки, которые, однако, не принесли успеха ни той, ни другой стороне [Ливий, 23, 46, 9-48, 1]. Свои зимние квартиры Фабий устроил около Суессулы, а Марцеллу приказал, оставив в Ноле гарнизон, необходимый для обороны, остальных воинов отпустить в Рим [Ливий, 23, 48, 2]. Другой консул, Тиб. Семпроний Гракх, перевел свои войска из Кум в Луцерию и оттуда отправил претора М. Валерия в Брундисий организовывать оборону на случай возможного вторжения македонян [Ливий, 23, 48, 3].

В Испании положение карфагенских войск также становилось все более неблагоприятным. Римляне принудили карфагенян снять осаду с Илитурги, а затем и с Интибила [Ливий, 23, 48, 4-49]. Почти все племена и народности Испании перешли на сторону римлян.

V

Зиму 215/214 г. Ганнибал провел в Апулии, неподалеку от Арп, время от времени завязывая мелкие стычки с римлянами воинами Тиб. Семпрония Гракха, зимовавшими в Луцерии [Ливий, 24, 3, 16-17]. Кв. Фабий Максим использовал это время для того, чтобы занять Путеолы [Ливий, 24, 7, 10], обеспечив римлянам обладание этим важным торговым центром в Кампании.

Новые военные действия в Южной Италии начались с того, что Ганнибал спешно возвратился в свой старый лагерь у горы Тифата; его побудили к этому настойчивые требования капуанцев, опасавшихся, что римляне возобновят свои операции осадой Капуи. Движение Ганнибала к Арпам перед зимовкой, которое должно было закрепить его господство в Апулии, оказалось бесполезным: очень скоро он должен был увести оттуда свои войска, а римляне там остались. У Тифаты, однако, Ганнибал не пожелал задерживаться: оставив там своих нумидийских и испанских солдат, Ганнибал отправился к Авернскому озеру якобы для совершения жертвоприношений; в действительности он хотел атаковать Путеолы и находившийся там римский гарнизон [Ливий, 24, 12, 1-5].

Имея в виду эти его передвижения, консул Кв. Фабий Максим приказал Гракху передвинуть свои войска из Луцерии в Беневент, а своему сыну, претору Кв. Фабию Максиму, занять Луцерию [Ливий, 24, 12, 5-6].

Между тем Ганнибал достиг Авернского озера. Пока он приносил жертвы, к нему явились четверо знатных юношей из Тарента. Когда-то они побывали в Карфаген-

ском плену, одни после Тразименского озера, другие после Канн, были отпущены домой и теперь предлагали Ганнибалу воспользоваться случаем и захватить Тарент. Большинство тарентской молодежи, рассказывали они, согласны предпочесть дружбу и союз с Карфагеном дружбе и союзу с Римом, и вот теперь они пришли в лагерь Ганнибала посланцами от этих людей и просят его подойти со своими войсками как можно ближе к их городу. Как только из Тарента увидят его боевые значки, его лагерь, город сразу же будет сдан, потому что народ там находится под влиянием (Ливий употребляет даже более резкое слово: «во власти») молодежи, а государство — в руках народа [Ливий, 24, 13, 1-3]. Исходя из этого рассказа Ливия, можно было бы думать, что Ганнибала призывало в Тарент, как это было и во многих других случаях, демократическое антиримское движение, которым руководили некоторые выходцы из местной аристократии, надеявшиеся в результате неизбежного переворота прийти к власти.

Для Ганнибала предложение тарентинцев было и чрезвычайно заманчивым, и, казалось, легко осуществимым. Захват Тарента делал возможными прямые контакты между Ганнибалом и Филиппом V; в случае необходимости в Таренте могли быть высажены македонские войска. Неудивительно, что Ганнибала охватило огромное, как пишет Ливий, желание овладеть этим городом. Однако, прежде чем двинуться на юго-восток, Ганнибал решил все же напасть сначала на Путеолы; три дня он потерял под стенами Путеол, безуспешно пытаясь штурмом захватить их, и оттуда пошел к Неаполю, чтобы опустошить его окрестности. Приближение Ганнибала вызвало новую вспышку враждебных Риму настроений в Ноле среди тамошнего простонародья; к Ганнибалу даже прибыли из Нолы послы, обещавшие сдать ему город. Ноланские аристократы спешно призвали на помощь Марцелла, который, воспользовавшись медлительностью Ганнибала, не очень доверявшего своим сторонникам в Ноле, разместил там 6000 пехотинцев и 300 всадников [Ливий, 24, 13, 6-11].

Пока Ганнибал совершал все эти бесцельные передвижения, в Кампании произошли два события, которые должны были существенно повлиять на развитие обстановки: консул Кв. Фабий Максим начал осаду Касилина, занятого карфагенским гарнизоном [Ливий, 24, 14, 1], а Ганнон, сын Бомилькара, подступил из Брутиума к Беневенту. Туда же из Луцерии пришел и Гракх. Он вошел в город и, узнав, что Ганнон разместил свой лагерь примерно в трех милях, у р. Калор, вышел из Беневента и расположился на расстоянии примерно мили от пунийцев. Готовясь к бою, он обещал каждому из своих воинов, рабский статус которых пока еще сохранялся, свободу за принесенную голову неприятеля. Когда на другой день началось сражение, такое условие едва не стоило римлянам победы: убивая врагов, римские солдаты старались рубить им головы, а потом, держа головы в правой руке, покидали поле боя.

Когда военные трибуны донесли о происходящем Гракху, он приказал немедленно бросить головы: храбрость свою воины уже доказали и свободу они безусловно получат.

Сражение возобновилось с новой силой; против нумидийской конницы Ганнона были брошены всадники, однако исход битвы все еще не был ясен. Тогда Гракх объявил, что свободу его воины получат только в том случае, если враг будет обращен в бегство. Натиск римской пехоты усилился до такой степени, что воины Ганнона не выдержали и побежали. Бой, превратившийся в беспорядочную резню, продолжался в карфагенском лагере. Из 7000 пехотинцев, главным образом брутиев и луканов, и 1200 всадников Ганнона — нумидийцев, мавров и немногочисленных италиков — спаслись вместе с полководцем менее 2000, преимущественно конных. Гракх сдержал слово. Все рабы, участвовавшие в сражении под Беневентом, получили свободу. Интересно, что скот, захваченный в карфагенском лагере, Гракх изъял из общей добычи и объявил, что хозяева животных (очевидно, местные жители) могут в течение месяца предъявить на них право и забрать их. Такая мера должна была продемонстрировать италикам, что римские войска защищают своих союзников от грабежа и насилий [Ливий, 24, 14-26].

Некоторое время спустя Гракх набрал в Лукании несколько когорт и отправил их грабить врагов римлян. На рассеявшихся по полям солдат напал Ганнон и, нанеся противнику чувствительный урон, не меньший, чем он сам потерпел под Беневентом, говорит наш источник, торопливо ушел в Брутиум, избегая новой встречи с основными силами Гракха [Ливий, 24, 20, 1-3].

Тем временем Ганнибал подошел к стенам Нолы[117]. Обнаружив его приближение, Марцелл спешно вызвал в Нолу дополнительные контингенты из Суессулы; кроме того, он отправил темной ночью из города с отрядом конницы Гая Клавдия Нерона, который должен был обойти карфагенян, следовать за ними по пятам и, когда начнется сражение, напасть на них с тыла. Нерон, по-видимому, заблудился;

[117] Дж. Босси *(Bossi G.* La guerra... P. 83-88) считает, что рассказ о третьем столкновении при Ноле — измышление какого-то анналиста. Его аргументация сводится к следующему. Ганнибал не рассчитывал в своих действиях на поддержку ноланского плебса. Марцелл не мог теми дорогами, которые были ему доступны, в течение суток прибыть в Нолу. Рассказ Ливия предполагает отсутствие в городе римского гарнизона, тогда как, по его же словам, гарнизон в Ноле был. Римская кавалерия не могла сыграть той роли, которая, судя по описанию Ливия, ей отводилась. Все эти соображения не опровергают сообщения нашего источника. Во всех случаях речь идет либо о возможностях, а не о реально имевших место событиях, либо о соответствии данного сообщения той или иной предвзятой схеме. Единственное соображение Дж. Босси, заслуживающее внимания, — это его указание на противоречие между сообщением Ливия [24, 17, 2), согласно которому Марцелл призвал на помощь из Суессулы пропретора М. Помпония, и его же сообщением [24, 10, 3], где указано, что провинцией М. Помпония была Галлия. Разумеется, здесь Ливий или, что более вероятно, его источник допустил фактическую ошибку, однако она не исключает того, что Марцелл мог получить из Суессулы подкрепления и тем более до столкновения под Нолой.

может быть, ему не хватило времени, так или иначе, приказания он не выполнил. Тем не менее в сражении у Нолы карфагенские войска были принуждены отступить. Марцелл не решился их преследовать; на следующий день он снова вывел своих воинов на поле битвы, но Ганнибал впервые за все время войны предпочел уклониться от боя. Этот факт, по-видимому мелкий (наш источник почти не задерживает на нем внимания читателя, ехидно замечая только, что, не принимая боя, Ганнибал молча признал себя побежденным), был по-своему очень знаменательным. Прошло, очевидно, то время, когда именно Ганнибал старался навязать римлянам сражение, а они, во всяком случае, такие полководцы, как Фабий и Эмилий Павел, стремились его избежать. Трудно было более наглядно продемонстрировать, насколько резко изменилось соотношение сил в Италии. Как бы то ни было, третья попытка Ганнибала овладеть Нолой провалилась, и он, проведя под ее стенами три дня, пошел к Таренту [Ливий, 24, 17].

Неудача Ганнибала под Нолой и его поспешный уход к Таренту позволили римскому командованию уделить больше внимания осаде Касилина, который обороняли 2000 капуанцев и 700 воинов Ганнибала (гарнизоном командовал Статий Метий). Намереваясь напасть на лагерь Фабия, стоявшего в непосредственной близости от Касилина, Статий Метий вооружил и присоединил к своему отряду местных плебеев и рабов. Фабий призвал на помощь Марцелла, однако осада складывалась для римлян неудачно. Фабий предложил отказаться от ее продолжения и отступить. Марцелл не согласился: необходимо довести начатое дело до конца, чтобы не опозорить себя. Римляне начали осадные работы, и капуанцы, понимая, что во время неизбежного штурма они не смогут эффективно сопротивляться, обратились к Фабию с просьбой разрешить им уйти домой. Марцелл, однако, занял городские ворота, и все выходившие из города капуанцы были изрублены. Резня продолжалась и в самом Касилине. Только 50 капуанцев, успевших до этого бежать к Фабию, получили возможность под его охраной добраться до Капуи; все остальные — и оставшиеся в живых капуанцы, и воины пунийского гарнизона — попали в плен. Овладев Касилином, римляне отдали его во власть соседям, которые должны были не допустить новой измены [Ливий, 24, 19].

Теперь Марцелл снова вернулся в Нолу, а Фабий отправился восстанавливать римское господство в Самниуме и прилегающих к нему областях. Особенно жестоко он расправился с кавдинскими самнитами — давними и исконными врагами Рима: он выжег огромные поля, угнал добычу — скот и людей, штурмом взял Компультерию, Телесию, Компсу, Фугифулы и Орбитаний. Не удовлетворившись этим, Фабий занял в Лукании Бланды и в Апулии Эки. Тогда же его сын, претор Квинт Фабий Максим, действовавший в окрестностях Луцерии, захватил г. Акуку [Ливий, 24, 20, 3-8].

А Ганнибал, опустошая все на своем пути, двигался к Таренту. Только на территориях, принадлежавших этому городу, его войска прекратили грабежи — не по-

тому, замечает Ливий, только что рассказавший о чудовищных «подвигах» Фабия в Самниуме, что они стали дисциплинированнее, а потому, что Ганнибал не хотел раздражать тарентинцев. Однако он и здесь опоздал. За три дня до его появления пропретор Марк Валерий, командовавший римским флотом в Брундисии, направил в Тарент Марка Ливия для организации обороны. Набрав там молодежь и расположив ее у ворот, а также на стенах, он не дал возможности ни Ганнибалу внезапно напасть на город, ни заговорщикам совершить задуманное. Проведя в бездействии под стенами Тарента несколько дней, Ганнибал отправился к Салапии, где решил расположиться на зиму [Ливий, 24, 20, 9-16].

Как уже говорилось, сразу после битвы при Каннах в правящих кругах Сиракуз появилась «партия», добивавшаяся разрыва Сиракуз с Римом. Ее возглавлял Гелон, сын престарелого царя Гиерона. Только смерть Гелона при весьма загадочных обстоятельствах помешала ему прийти к власти и осуществить этот замысел. Однако летом 215 г. девяностолетний Гиерон II умер, и царский венец перешел к его совсем еще юному внуку — Гиерониму, сыну Гелона.

Римская анналистическая традиция не жалеет черных красок для характеристики этого правителя. «Мальчик, который едва ли бы нес умеренно бремя свободы, не говоря о власти. Каков возраст, таков ум: и опекуны и друзья воспользовались этим, чтобы ввергнуть его во всякие пороки», — читаем мы у Ливия [24, 4, 1- 2]. И далее [24, 5, 1-5]: «Гиероним, точно желая своими пороками сделать незабвенной память о деде, уже при первом своем появлении показал, насколько все переменилось. Те, кто в течение стольких лет не замечали, чтобы Гиерон или сын его Гелон одеждой и какими-либо другими знаками отличия выделялись среди прочих граждан, видели теперь пурпур, диадему, вооруженную свиту и даже то, что он, подобно тирану Дионисию, иногда выезжал из царского дворца на четверке белых коней. Столь блестящей и гордой внешности соответствовали презрение ко всем людям, гордый вид, с которым он слушал других, оскорбительные речи, редкий доступ не только для посторонних, но даже для опекунов, невиданные страсти, бесчеловечная жестокость». У Полибия мы встречаем выражения: «от природы неустойчивый» [7, 4, 6]; «неустойчивость и безрассудство мальчика» [7, 4, 8]; «глупость владыки» [7, 5, 3]. Однако тот же Полибий [7, 7, 1-5] резко выступает против изображения Гиеронима как чудовища жестокости и средоточия пороков: «Некоторые историки, писавшие о гибели Гиеронима, сочиняли длинные повествования, переполненные небылицами; рассказывали о знамениях, случившихся у них (то есть сиракузян. — *И. К.)* до его прихода к власти, и о бедствиях сиракузян; на манер трагиков рисовали и жестокий нрав, и нечестивые деяния, а в заключение — невероятные ужасы, случившиеся при его гибели, как будто ни Фаларид, ни Аполлодор, ни какой-нибудь другой тиран не были жестокосерднее его. И власть он получил ребенком, и, прожив после этого не

больше 13 или 12 месяцев, расстался с жизнью. За это время могло произойти так, что тот или другой подверглись пытке, и кто-то из друзей или иных сиракузян был убит, но неправдоподобны ни чрезмерное беззаконие, ни неслыханная нечестивость. Можно сказать, что он был нравом крайне безрассуден и преступал законы, но его нельзя сравнивать ни с одним из упомянутых выше тиранов»[118].

Не останавливаясь на личных качествах Гиеронима, тем более что объективных данных для суждения о них мы все-таки не имеем[119], заметим, что Гиероним только придерживался политической линии своего отца Гелона, о котором и римский писатель, цитированный выше, в общем, не может сказать ничего плохого, и которого Полибий [7, 8, 9] рисует как покорного и преданного сына, то есть как человека, наделенного наилучшими из возможных добродетелей[120]. К тому же Гелон был соправителем Гиерона II. После гибели Гиеронима Сиракузы, как известно, упорно сопротивлялись Риму, которому удалось овладеть городом лишь после длительной, тяжелой осады и кровопролитного штурма. Все эти факты показывают, что в Сиракузах наблюдалось массовое недовольство римской ориентацией.

Каковы могли быть причины, вызвавшие к жизни такие настроения? В литературе указывали, между прочим, на карфагенский эллинизм, на активное участие карфагенян в духовной жизни греческого мира (в частности, в разработке некоторых философских систем), да и вообще на интенсивную культурную жизнь в Кар-

[118] Один из историков, которым возражает Полибий, — по-видимому, Батон из Синопы, автор сочинения «О тирании Гиеронима» [Афиней, VI, 261]. См.: *Lenschau.* Hieronymus. P.-W. RE. Halbbd. 16. Sp. 1637-1539.

[119] В литературе, как это ни странно, стала общепринятой резко отрицательная характеристика Гиеронима, восходящая к враждебной ему проримской традиции. См., например: *Моммзен Т.* История Рима. Т. I. С. 573; *Ковалев С. И.* История Рима. С. 242-243.

[120] Это высказывание Полибия дает некоторые основания предполагать, что проримская ориентация Гиерона II не была искренней и что, в сущности, Гелон, а за ним и Гиероним пытались осуществить на практике тайные замыслы Гиерона (см.: *Лурье С. Я.* Архимед. М.; Л., 1945. С. 214-215), политика которого носила будто бы последовательно прокарфагенский характер, несмотря на его дружественные жесты в сторону Рима. С. Я. Лурье ссылается, правда неопределенно, на труды Т. Леншау, в которых, по его словам, раскрыто это направление политики Гиерона II. Не знаем, какую именно работу Т. Леншау С. Я. Лурье имел в виду. В статье, специально посвященной Гиерону II *(Lenschau.* Hieron И. Р. — W. RE. Halbbd. 16, Sp. 1503-1511), Леншау отмечает желание сиракузского царя поддерживать хорошие отношения со всеми государствами, в том числе с обеими противоборствующими сторонами, а во время войны его безусловный союз с Римом. Нам неизвестны действия Гиерона II, которые носили бы явно антиримский характер. Строительство военных машин в Сиракузах под руководством Архимеда могло быть направлено и против Баркидов, в случае победы которых возвращение карфагенян в Сицилию и возобновление их борьбы с Сиракузами было бы лишь вопросом времени. Вероятнее всего, орудия Архимеда предназначались для обороны от любого врага, который бы посягнул на независимость Сиракуз. Единственное косвенное доказательство в пользу тезиса С. Я. Лурье — это характеристика Гелона у Полибия. Однако не вполне ясно, насколько Полибий был осведомлен о подлинных взаимоотношениях Гиерона и Гелона. Напомним в этой связи еще раз о таинственной гибели Гелона.

фагене, которая не могла не вызвать сочувствия греческих образованных кругов, в том числе и в Сиракузах, в частности известнейшего сиракузского ученого и общественного деятеля Архимеда и его друзей[121]. Эти соображения, несомненно, должны были сыграть свою роль: в споре между римлянами и карфагенянами определенные слои греческой «интеллигенции» (далеко не вся «интеллигенция») склонны были принять сторону карфагенян. Так, пунийской ориентации придерживался историк Филин [Полибий, 1, 14, 3]; некоторые греческие писатели — Сосил-илиец, автор биографии Ганнибала в семи книгах [Диодор, 26, 4], и Силен — находились в лагере Ганнибала [Корн. Неп., Ганниб., 13, 3]. Впрочем, критические замечания Полибия [3, 20, 5] показывают, что Сосил отнюдь не пользовался репутацией сколько-нибудь авторитетного историографа. Однако не следует забывать и того, что сразу же после Канн римляне обратились за предсказанием в Дельфы и оракул дал благоприятный ответ, оказав тем самым огромную политическую и моральную поддержку Риму; что Фабий Пиктор написал свою историю II Пунической войны на греческом языке; что вокруг Сципионов уже во II в. группировались греческие литераторы. Иначе говоря, наблюдается определенное стремление римлян войти в эллинский мир, и это обстоятельство не могло не оказывать своего влияния на греков. Во всяком случае, позиция греческих городов-государств во время II Пунической войны, как показывает, в частности, пример Неаполя или дельфийского оракула, вовсе не была однозначной и определялась она, несомненно, более прозаическими мотивами. Что же касается вероломства и варварских методов ведения войны, то в этом и Ганнибал, и римские полководцы не уступали друг другу.

Рассматривая позицию Сиракуз после битвы при Каннах, нельзя забывать следующих обстоятельств. Союзнические отношения с Римом, хотя и обеспечивали Сиракузам мир и до определенной степени независимость, ложились тем не менее тяжелым бременем на плечи государства, поскольку материальная помощь Риму требовала немалых затрат. К тому же она, в особенности после Канн, ставила Сиракузы в угрожающую ситуацию: они могли в любую минуту ожидать санкций со стороны Карфагена. Наконец, союз с Римом не давал Сиракузам перспективы расширения их владений в Сицилии: весь остров, за исключением собственно сиракузской территории, уже представлял собой римскую провинцию, да и поглощение этой провинцией Сиракуз, то есть утрата последних остатков самостоятельности, было лишь вопросом времени. Сближение Сиракуз с Карфагеном влекло за собой освобождение от римской зависимости; поведение Ганнибала в Италии давало, казалось, основания полагать, что взаимосвязи с Карфагеном не будут столь обременительными и примут форму союза равноправных государств; наконец, в награду за помощь вероятному победителю можно было надеяться урвать из сицилийских

121 Ср.: ***Лурье С. Я.*** **Архимед. С. 179-182.**

владений Рима кусок пожирнее. Для Ганнибала союз с Сиракузами означал расширение сферы господства Карфагена в Южной Италии, вовлечение в войну с Римом новой силы, что не могло не повлиять в благоприятном для него смысле на положение вещей в целом; за это Ганнибал готов был обещать все что угодно, тем более что окончательно судьбу Сиракуз можно было решить, а в случае необходимости и пересмотреть после уничтожения главного врага — Рима, когда вся Сицилия снова станет карфагенской. Не исключено поэтому, что за кулисами событий, происходивших в Сиракузах, стоял Ганнибал. Не подлежит, конечно, сомнению, что сиракузское правительство сделало то, к чему стремился Ганнибал[122].

События в Сиракузах разворачивались следующим образом. После смерти Гиерона II сиракузским царем в соответствии с его завещанием был провозглашен еще совсем юный Гиероним, которому умиравший царь назначил 15 опекунов. Рассказывая об этом, Ливий [24, 4, 1-3] добавляет, что, обеспокоенный нравом своего внука, который не сможет вести «умеренную» жизнь, а тем более «умеренно» управлять государством, Гиерон перед кончиной, по слухам, думал о том, чтобы установить в Сиракузах «свободу», иначе говоря, передать власть полисным административным органам и таким образом предотвратить гибель царства, управляемого мальчишкой. Только уступая настояниям своих дочерей Демараты и Гераклеи, надеявшихся, что фактическими правителями при малолетнем царе будут они сами и их мужья Андранодор и Зоипп, Гиерон будто бы отменил свое намерение. Однако завещание Гиерона ближайшие его родственники бесцеремонно нарушили.

Вскоре после того как Гиероним был провозглашен царем, Андранодор разогнал регентский совет, заявляя, что Гиероним уже достиг юношеского возраста и может самостоятельно управлять государством. Слагая полномочия опекуна, он сохранил влияние на молодого царя [Ливий, 24, 4, 9] вместе, как выясняется, с Зоиппом и Фрасоном [Ливий, 24, 5, 7]. По Ливию [24, 5], Гиероним не слишком много внимания уделял государственным делам. Ливий пишет, что интересовали его главным образом распри и домогательства советников. Однако основного вопроса—к кому присоединиться, к Риму или Карфагену, — он не мог обойти. Решение этой проблемы осложнялось тем, что Андранодор и Зоипп были сторонниками карфагенской ориентации, а Фрасон — римской.

[122] Ср.: *Hoffmann W.* Hannibal und Sizilien. Hermes. Bd 29. 1961. P. 478-494. Концепция Т. Моммзена, который считал, что в первоначальный план Ганнибала не входило намерение вести войну в Сицилии и что борьба там разгорелась до некоторой степени случайно, а главным образом из-за ребяческого тщеславия Гиеронима *(Моммзен Т.* История Рима. Т. I. С. 584), вряд ли соответствует действительному положению вещей. Иначе и, по-видимому, более достоверно оценивает ситуацию Ст. Гзелль *(Gsell St.* HAAN, IV. P. 164-165), который думает, что Ганнибал благосклонно относился к ведению военных действий в Сицилии, не желая оставлять в римских руках и Сицилию и Сардинию. Однако, по мнению Гзелля, армии, погибшие в Сардинии и Сицилии, могли бы быть лучше использованы в Италии, где разыгрывались решающие бои.

Внезапно Каллон, ровесник и близкий друг Гиеронима, донес, что на царя готовится покушение. По-видимому, одна из группировок сиракузской знати рассчитывала вырвать власть у слабого правителя; он даже указал на одного из заговорщиков—некоего Феодота. Феодот под пыткой оговорил (по утверждению Ливия [24, 5, 11-12], ложно) Фрасона, который якобы являлся организатором всего предприятия. Фрасона и некоторых других приближенных царя, также обвиненных Феодотом, немедленно казнили. Ливий пишет далее [24, 5-14], что, несмотря на арест Феодота, никто из действительных участников заговора не скрылся и не бежал: они были уверены в мужестве и верности Феодота, который никого из них не выдал.

Результатом гибели Фрасона было то, что идея союза Сиракуз с римлянами, потеряв своего единственного влиятельного поборника, была безнадежно скомпрометирована в глазах Гиеронима соучастием, подлинным или мнимым, Фрасона в заговоре на его жизнь. Несомненно, не без влияния своих зятьев [ср. у Полибия, 7, 2, 1] Гиероним отправил к Ганнибалу посольство — киренца Поликлета и аргосца Филодема [Полибий, 7, 2, 2]; Ганнибал, в свою очередь, прислал в Сиракузы людей из своего окружения — молодого аристократа Ганнибала, в тот момент триерарха [Полибий, 7, 2, 3], а также родившихся в Карфагене Гиппократа и Эпикида, внуков одного сиракузского изгнанника, по материнской линии принадлежавших к пунийскому роду [Полибий, 7, 2, 4]. Союз был заключен, а Гиппократ и Эпикид — фактически агенты Ганнибала — остались при дворе Гиеронима [Ливий, 24, 6, 1-3].

Узнав об этих переговорах, претор Аппий Клавдий, которому римское правительство поручило управление Сицилией, немедленно отправил послов в Сиракузы. Успеха эта миссия не имела. Выслушав римлян, Гиероним спросил только, чем закончилась для них битва при Каннах; карфагенские послы рассказывали ему об этом событии невероятные вещи, а он хотел бы знать правду, чтобы принять решение. Римляне удалились, заявляя, что вернутся, когда царь захочет разговаривать серьезно, и предостерегая его от нарушения договора [Ливий, 24, 6, 4-6].

Полибий [7, 3, 1-9] по-другому рассказывает о римско-сиракузских переговорах. Речь римских послов рассердила Гиеронима, и он сказал, что сочувствует римлянам, столь позорно разгромленным карфагенянами в Италии. Оцепенев от наглости юного царя, послы могли только спросить: кто ему все это сказал о них? Гиероним указал на карфагенских послов и предложил римлянам опровергнуть их рассказы. Римляне отказались. Не в их обычае верить врагам. Возвратившись к своей теме, они снова убеждали царя сохранить дружественные отношения с Римом. Гиероним отвечал, что он по зрелом размышлении даст ответ, и без всякого перехода спросил, почему незадолго до смерти его деда римский флот неожиданно подошел к мысу Пахин, а потом, также без видимой причины, повернул назад. На это римские послы заметили, что провинциальные власти желали только защитить Гиеронима и укрепить его власть, если бы Гиерон умер; когда стало известно, что Гиерон жив,

кораблям приказано было вернуться. Позвольте и мне, римляне, заключил Гиероним беседу, защитить свою власть, перенеся надежды на карфагенян.

Кто из двух авторов ни оказался бы прав, ясно, что Гиероним принял римских послов в высшей степени недружелюбно, грубо напомнил им о тяжелейших поражениях римского оружия и без всяких околичностей дал понять, что политический курс Сиракуз резко меняется.

Основываясь на договоренности с Ганнибалом, Гиероним отправил послов в Карфаген — Агафарха, Онесигена и Гиппостена [Полибий, 7, 4, 1], и там был заключен новый договор о союзе (видимо, уже не берит, а межгосударственный). Будущей границей сиракузских и карфагенских владений в Сицилии после изгнания с острова римлян должна была стать река Гимера, как это было в конце V в., после битвы при Гимере [Полибий, 7, 4, 2]. Однако некоторое время спустя Гиероним потребовал, чтобы ему после победы была передана вся Сицилия. Карфагенское правительство согласилось и на это: для него решающее значение имел пока союз с Гиеронимом, а вовсе не условия этого союза [Ливий, 24, 6, 7-9; Полибий, 7, 4, 4-8].

Получив известия о соглашении между Сиракузами и Карфагеном, римские власти в Сицилии снова отправили к Гиерониму дипломатическую миссию. Нужно было принимать окончательное решение. В царском совете единства не было: коренные сиракузяне молчали, спартанец Дамипп и фессалиец Автоной высказывались за проримскую направленность сиракузской внешней политики, а Андранодор, Гиппократ и Эпикид — в пользу союза с Карфагеном. Гиероним принял точку зрения трех последних советников и в ответе римлянам заявил: он сохранит верность союзу с Римом, если он возвратит все золото, весь хлеб и все дары, полученные от Гиерона, и согласится уступить Сиракузам сицилийскую территорию до р. Гимеры [Полибий, 7, 5, 1-8]. Условия Гиеронима были для сената явно неприемлемы. С этого момента союз между Римом и Сиракузами прекратил свое существование.

Как мы видим, политические планы Гиеронима отвечали давним устремлениям всех сиракузских правительств: речь шла не более и не менее как об установлении гегемонии Сиракуз в Сицилии, о воссоздании на острове государства Дионисия Старшего. До тех пор пока противниками Гиеронима на острове были римляне, политические цели его и Ганнибала совпадали. Этим, собственно, и объясняется неожиданный, противоречивший традиционным взаимоотношениям обеих договаривающихся сторон союз между Сиракузами и Карфагеном. Ганнибал мог быть доволен.

Сразу же после заключения договора Гиероним предпринял все необходимые шаги для того, чтобы начать войну против Рима. Летом 214 г. он отправил отряд из 2000 солдат под командованием Гиппократа и Эпикида, чтобы овладеть городами, в которых находились римские гарнизоны. Сам царь во главе 15-тысячной армии двинулся к Леонтинам — одному из крупнейших и стратегически весьма важных го-

родов в глубине Сицилии, северо-западнее Сиракуз. Захватив Леонтины, Гиероним приобрел возможность бороться с римлянами непосредственно в их сицилийских владениях [Ливий, 24, 7, 1-2].

Однако жизни Гиеронима по-прежнему угрожала опасность. Не устрашенные ни арестом Феодота, ни казнью Фрасона, заговорщики, состоявшие, как пишет Ливий, на военн бывшие вместе с ним в Леонтинах, выжидали только удобного случая, чтобы привести свой замысел в исполнение — убить молодого царя. Этот момент настал тогда же, летом 214 г. На узкой леонтинской улочке, по которой Гиероним обыкновенно ходил на агору, они заняли пустой дом и там с оружием в руках поджидали свою жертву. Один из них, царский телохранитель Диномен, должен был любым способом задержать шествие. Все произошло так, как было задумано. Будто бы желая поправить обувь, Диномен остановил свиту царя, и, когда Гиероним один проходил мимо вооруженных людей, стоявших у ворот, эти люди внезапно напали на него и несколькими ударами убили. Поднялся шум. В Диномена, который уже явно преграждал дорогу, начали метать копья. Получив две раны, он все же сумел скрыться. Царские телохранители разбежались [Ливий, 24, 7, 3-7].

Устранение Гиеронима было тяжелым ударом по военно-политическим планам Ганнибала, тем более что заговорщики приняли все меры, дабы предупредить захват власти Андранодором и его сторонниками [Ливий, 24, 7, 7-8]. Правда, поначалу сиракузяне были не на стороне цареубийц. Среди воинов, стоявших в Леонтинах, начались волнения, и даже раздавались громкие требования отомстить за кровь Гиеронима [Ливий, 24, 21, 2]. Однако политическая агитация заговорщиков сделала в конце концов свое дело. Повсюду велись речи о восстановлении свободы, о гнусных преступлениях и отвратительной похотливости тирана, будились надежды на щедрое жалованье, на службу под командованием более достойных полководцев, и те же сиракузские воины, которые только что требовали казни убийц, бросили труп Гиеронима непогребенным, несмотря на то, что, по греческим религиозным представлениям, погребение умерших было важнейшей сакральной обязанностью [Ливий, 24, 21, 3]. Таким образом, сиракузские заговорщики сумели успешно привлечь на свою сторону армию. Не менее важным было для них и другое — захватить власть в самих Сиракузах.

Двое из заговорщиков — Феодот и Сисий прискакали на царских конях в Сиракузы, однако слухи об убийстве царя их опередили. Андранодор разместил свои гарнизоны на о-ве Ортигия[123]. Поздно вечером, после заката солнца, Феодот и Сисий въехали в город, призывая народ прийти с оружием в Ахрадину, чтобы бороться за свободу. На следующий день утром сиракузяне собрались в Ахрадине перед зданием

[123] **Остров Ортигия, Ахрадина, Тиха — городские районы Сиракуз.**

совета, и один из членов последнего, Полиен, предложил направить к Андранодору послов и во избежание междоусобицы потребовать от него капитуляции. Немного поколебавшись, Андранодор подчинился требованию совета и народного собрания; благодаря такой уступчивости ему удалось войти в состав нового сиракузского правительства [Ливий, 24, 22-23].

Однако на этом политическая борьба в Сиракузах не закончилась. В нее вмешались Гиппократ и Эпикид. Для начала они обратились к сиракузскому совету с естественной, казалось, для их положения просьбой: дать им способ вернуться к Ганнибалу и, так как по всей Сицилии бродят вооруженные римляне, предоставить им охрану на отрезок пути до Локр. Такие их речи и намерения целиком соответствовали желаниям совета, который хотел удалить их из города. Совет решил пойти навстречу Гиппократу и Эпикиду, но сиракузские магистраты не торопились выполнить это решение, и агенты Ганнибала получили время для осуществления своего замысла. Гиппократ и Эпикид начали вести антиримскую агитацию в демократических кругах, среди воинов и перебежавших в Сиракузы римских моряков. Клика, пришедшая к власти после убийства Гиеронима, говорили они, хочет отдать город в руки римлян и, воспользовавшись их поддержкой, стать единоличным хозяином Сиракуз [Ливий, 23, 23, 5-11].

Этими настроениями, которые искусно сеяли в Сиракузах Гиппократ и Эпикид, попытался воспользоваться Андранодор — один из вдохновителей антиримской политики Гиеронима, решившийся совершить государственный переворот вместе с Фемистом, женатым на дочери Гелона (и, значит, сестре Гиеронима). Заговор не удался: Андранодор рассказал о своем замысле трагическому актеру Аристону, пользовавшемуся полным его доверием, тот донес магистратам, и в результате, когда Фемист и Андранодор явились на заседание совета, они были убиты на месте, без суда [Ливий, 24, 24, 1-5]. Убийцы сумели добиться волеизъявления народных масс, которые не только задним числом оправдали их действия, но и обрекли на смерть дочерей Гиерона и Гелона [Ливий, 23, 25-26]. Каково бы ни было положение в Сиракузах, очевидно, там никто не желал восстановления в какой-либо форме власти прежней царской семьи. В конечном счете попытка Фемиста и Андранодора пошла на пользу Гиппократу и Эпикиду: на дополнительных выборах они были введены в коллегию верховных магистратов вместо погибших заговорщиков [Ливий, 24, 27,1].

Развитие событий в Сиракузах, естественно, не могло не привлечь к себе пристального внимания римского правительства. Наличных римских контингентов в Сицилии было далеко не достаточно для организации отпора; к тому же до прихода к власти Гиппократа и Эпикида римляне смотрели на Сицилию, сохранявшую полное спокойствие, не как на театр военных действий, а как на место рутинной и малопочетной гарнизонной службы, где нельзя было выдвинуться, заслужить отличий и т. п. Недаром, по определению сената, именно в Сицилии, как в своего рода

ссылке, должны были служить без жалованья, без надежды реабилитировать себя воинскими подвигами, без надежды вернуться на родину до конца войны беглецы из-под Канн — все, кто остался в живых. Внезапно все переменилось. Сицилия превращалась в поле битвы, и римское правительство поручило управлять ею консулу Марку Клавдию Марцеллу [Ливий, 24, 21,1]. Это назначение, даже вне зависимости от ранга Марцелла, показало, какое большое значение придают в Риме сицилийскому театру военных действий.

Между тем сиракузское правительство вопреки ожиданиям решило попытаться достичь мирного урегулирования с римскими властями. Гиппократ и Эпикид, хотя и вошли в коллегию верховных магистратов, все же не были достаточно сильны, чтобы воспрепятствовать этому шагу, на котором настояли приверженцы римской ориентации. Особенно устрашающе воздействовало на сиракузские власти присутствие у Мурганции римского флота в 100 кораблей, командование которого должно было наблюдать за положением в Сиракузах и действовать в соответствии с обстановкой. К Аппию Клавдию были отправлены из Сиракуз послы для заключения перемирия, а потом к нему явились оттуда же еще и другие послы для переговоров о заключении союза. В этот момент в Сицилию приехал Марцелл, и дальнейшие дипломатические контакты Аппий Клавдий передал ему [Ливий, 24, 27, 4-5].

Марцелл считал и условия урегулирования, о которых сиракузские послы договорились с Аппием Клавдием, приемлемыми для Рима, и само это урегулирование насущно необходимым; подтвердив действия Аппия Клавдия, он отправил в Сиракузы своих представителей для завершения переговоров [Ливий, 24, 27, 6].

Пока все это происходило, к мысу Пахин — крайней юго-западной точке Сицилии недалеко от Сиракуз — подошел карфагенский флот. Узнав об этой акции карфагенского правительства, свидетельствовавшей, что оно предполагает оказать своим сторонникам в Сиракузах действенную помощь, Гиппократ и Эпикид возобновили антиримскую кампанию, обвиняя — теперь уже своих коллег — в сговоре и намерении сдаться Риму. Их слова, казалось, подтверждали и сами римляне: Аппий Клавдий не нашел ничего лучшего, как расположить свой флот у входа в сиракузскую гавань для того, как гласила официальная версия, чтобы придать мужества проримской «партии». Собственно, поступок Клавдия был естественной для римлян реакцией на появление карфагенского флота у мыса Пахин. Однако в Сиракузах появление римского флота вызвало так же естественно взрыв народного возмущения; толпы горожан устремились к гавани, чтобы не дать римским морякам сойти на берег [Ливий, 24, 27 концов убедить народное собрание заключить с Римом мирный договор. Основной довод, который в ходе обсуждения выдвигался, был тот, что, отказав Риму в мирном договоре, Сиракузы окажутся перед перспективой неизбежной и очень близкой с ним войны [Ливий, 24, 28].

Несколько дней спустя в Сиракузы прибыло посольство из Леонтин с просьбой прислать гарнизон для защиты их границ. Вожди антикарфагенской группировки решили использовать удобный предлог для того, чтобы удалить из Сиракуз своих политических противников. Гиппократ получил приказание вести в Леонтины отряд перебежчиков; к нему присоединились и наемники, служившие во вспомогательных подразделениях сиракузской армии. Всего под его командованием оказалось 4000 человек [Ливий, 24, 29, 2].

Свою деятельность в Леонтинах, население которых было настроено резко враждебно к римлянам, Гиппократ начал с нападений, сначала тайных, на римские владения. Когда Аппий Клавдий прислал гарнизон для защиты пограничных с Леонтинами районов, Гиппократ атаковал одну из застав и перебил много воинов [Ливий, 24, 29, 4]. Но он не может быть сохранен, если не будут высланы из Сиракуз и вообще из Сицилии Гиппократ и Эпикид, действующие, как всем было ясно, в интересах, а возможно, и в соответствии с инструкциями Ганнибала [Ливий, 24, 29, 5]. Эпикид, видя явную для себя опасность, прискакал в Леонтины, чтобы присоединиться к брату. Немного погодя там же появилось и сиракузское посольство. Послы обратились к местному народному собранию с упреками по поводу нападения на римскую заставу. Они требовали, чтобы и Гиппократ и Эпикид отправились в Локры или куда хотят, но покинули бы Сицилию. Однако сиракузяне столкнулись с серьезным сопротивлением. Обращаясь к населению Леонтин, Эпикид кричал, будто Сиракузы заключили договор с Римом так, чтобы сохранить под своей властью территории, которыми раньше владели цари, а значит, и Леонтины. Леонтины вправе обрести свободу, поэтому они должны добиваться, чтобы подобное условие из римско-сиракузского договора было изъято, или же вообще не признавать договор. Сиракузяне услышали в ответ на свои требования, что никто не давал им полномочий заключать от имени Леонтин договор с Римом и что они, Леонтины, не связаны чужими союзническими отношениями [Ливий, 24, 29, 6—12; ср. у Апп., Сиц., 3]. Этот ответ сиракузское правительство сообщило Марцеллу, добавив, что Леонтины не признают власть Сиракуз, и что римляне могут, следовательно, не нарушая условий союза, воевать с Леонтинами, и что, наконец, Сиракузы также примут участие в этой кампании, если им будет гарантировано после победы обладание мятежным городом [Ливий, 24, 29, 12]. Со своей стороны сиракузское правительство назначило награду за головы Гиппократа и Эпикида, оценив их на вес золота [Апп., Сиц., 3].

Решительным ударом римские войска захватили Леонтины ([Ливий, 24, 30, 1]; Гиппократ и Эпикид бежали в Гербес. Сиракузяне, пославшие отряд в 8000 воинов, опоздали, однако то, что они услышали о судьбе города, повергло их в ужас. Рассказывали, что в Леонтинах перебиты все — и воины, и мирные жители; что там не

осталось в живых ни одного взрослого гражданина; что город разграблен и добыча роздана воинам. До какой степени все это верно, трудно сказать. Ливий [24, 30, 4; ср. у Плут., Марц., 14] по понятным причинам говорит о приведенных им слухах как о смеси истины и лжи, однако и он не отрицает, что почти 2000 перебежчиков были выпороты, а затем казнены по приказанию Марцелла. Сиракузские военачальники не могли ни заставить своих солдат продолжать движение к Леонтинам (известия о судьбе Леонтин застали сиракузский отряд у р. Мила), ни принудить их оставаться на месте и ждать новых известий. В конце концов они повели свой отряд в Мегару Гиблейскую (городок на морском берегу, несколько севернее Сиракуз) и потом сами с немногими всадниками поскакали к Гербесу — в глубь Сицилии, на запад, рассчитывая среди всеобщего замешательства без особого труда овладеть городом. Замысел этот не удался, и на следующий день сиракузяне подтянули к Гербесу из Мегары все свои войска. Положение Гиппократа и Эпикида казалось безнадежным. Тогда-то оба авантюриста приняли смелое решение — сдаться сиракузским воинам. Приняты они были с огромным энтузиазмом; попытка арестовать Гиппократа вызвала столь бурную реакцию, что сиракузские военачальники Сосид и Диномен должны были отступиться. Гиппократу удалось убедить перебежчиков из римской армии, служивших у сиракузян, что сиракузские власти одобряют кровавую расправу, которую Марцелл учинил в Леонтинах. С трудом Гиппократ и Эпикид могли успокоить солдат и удержать их от немедленного нападения на командиров. Сосид и Диномен в панике бежали. Тем временем Гиппократ и Эпикид послали в Сиракузы вестника, который должен был сообщить совету все то, что совсем недавно узнали сиракузские воины о судьбе Леонтин [Ливий, 24, 30, 5-31, 15].

Рассказы вестника произвели на совет и народ Сиракуз огромное впечатление. Алчность и жестокость римлян, говорили в городе, обнаружились в Леонтинах; так же и даже еще хуже они поступили бы и в Сиракузах, где смогли бы лучше, чем в Леонтинах, удовлетворить свою жадность. Решено было запереть ворота и охранять город [Ливий, 24, 32, 1-2]. Однако некоторые местные аристократы и магистраты больше, чем римлян, опасались простонародья и воинов Гиппократа и Эпикида, стоявших уже у Гексапила (городские ворота Сиракуз, состоявшие из шести камер, следовавших одна за другой). Несмотря на их сопротивление, Гиппократ и Эпикид проникли в город: народ открыл им ворота. Магистраты бежали в Ахрадину, но и она пала при первом же штурме. Те из магистратов, кто не скрылся во время смятения, погибли. На следующий день было провозглашено освобождение рабов, а из тюрем выпустили заключенных. Так, опираясь на демократическое движение в Сиракузах, Гиппократ и Эпикид снова пришли к власти и были повторно избраны верховными магистратами [Ливий, 24, 32-33].

Получив известия о том, что происходит в Сиракузах, Марцелл немедленно двинул свои войска из Леонтин к Сиракузам. Избрание Гиппократа и Эпикида римское

правительство могло воспринять только как верный признак окончательного превращения Сиракуз в союзника Карфагена. Надежды на восстановление прежних союзнических отношений больше не было, да и сами новые сиракузские правители показали, что они не желают вести переговоров с Римом: когда Аппий Клавдий отправил было морским путем своих послов в Сиракузы, сиракузяне сделали попытку захватить их в плен, так что послы едва спаслись бегством [Ливий, 24, 33].

Сухопутные войска римлян расположились лагерем на расстоянии полутора миль от города, в Олимпии, недалеко от храма Зевса [Ливий, 24, 33, 3]. Римское фециальное право требовало (дабы война была «законной» и угодной богам), чтобы будущему противнику была формально объявлена война и чтобы при этом ему были предъявлены требования и претензии, оправдывающие разрыв мирных отношений. В данном случае это было необходимо с римской точки зрения еще и потому, что между Римом и Сиракузами формально продолжал существовать договор о союзе. Все эти обстоятельства заставили Марцелла снова начать фактически уже никому не нужные и явно обреченные на провал переговоры. Чтобы не допустить римлян в Сиракузы, Гиппократ и Эпикид вышли из ворот; здесь, у городской стены, состоялся обмен краткими речами. Глава римского посольства заявил, что он принес сиракузянам не войну, но помощь и защиту тем, кто, спасшись от резни, бежали к римлянам, а также тем, кто, объятые ужасом, были вынуждены терпеть рабство более мерзкое, чем изгнание или даже смерть; римляне не оставят безнаказанным позорное избиение своих союзников; если тем, кто к ним (римлянам) бежали, будет позволено безопасно возвратиться на родину, если будут выданы зачинщики убийств, если будет восстановлена в Сиракузах свобода и законность, войны не будет; если же этого не произойдет, римляне будут преследовать войной каждого, кто попытается сопротивляться. Иначе говоря, римские представители потребовали восстановить в Сиракузах власть проримски настроенных аристократических кругов, выдать на расправу Гиппократа, Эпикида и их сторонников. Естественно, что на такого рода соглашение новые сиракузские правители пойти не могли, и Эпикид коротко заметил: он бы отвечал, если бы у послов было поручение к нему; пусть послы возвратятся, когда власть над Сиракузами окажется в руках тех, к кому они пришли; если же римляне начнут войну, то сами по ходу дела поймут, что осаждать Сиракузы — это не то же самое, что осаждать Леонтины. С этим Гиппократ и Эпикид покинули послов и приказали запереть ворота [Ливий, 24, 33, 3-8].

Теперь римляне начали штурмовать Сиракузы одновременно с суши (со стороны Гексапила) и с моря (со стороны Ахрадины). Однако натолкнулись на совершенно неожиданное сопротивление, организатором которого античная традиция называет одного из крупнейших ученых того времени — Архимеда. Здесь в нашу задачу не может входить сколько-нибудь подробная характеристика Архимеда-исследователя,

и мы, отсылая читателя к монографии С. Я. Лурье, посвященной этому человеку[124], ограничимся лишь несколькими общими замечаниями.

Архимед, родившийся около 287 г, в семье математика и астронома Фидия, был родственником Гиерона II; получив в родительском доме хорошую для своего времени математическую подготовку, он продолжал свои занятия в Александрии, где прежде всего он изучил сочинения Евклида. Архимед сделал интереснейшие астрономические наблюдения, в частности определение диаметра Солнца и расстояния между планетами. Он изобрел такой важный астрономический прибор, как «сфера», — небесный глобус, позволявший изучать движение планет, фазы Луны, солнечные и лунные затмения; много и успешно работал Архимед в области механики — над изобретением разного рода орудий и приспособлений (между прочим, он разработал учение о центре тяжести и о рычаге), а также над решением математических и физических задач. Политическая позиция Архимеда, очевидно, в немалой степени определялась его родством с царским домом: едва ли он мог сочувствовать людям, организовавшим истребление всех потомков и близких родственников Гиерона, тогда как в Гиппократе и Эпикиде он не мог не видеть продолжателей Гиеронима; наконец, в защите отечества от чужеземных захватчиков, которые определенно хотели лишить Сиракузы их самостоятельности, он должен был видеть свой гражданский долг. Как бы то ни было, весь свой огромный талант ученого в последние месяцы жизни Архимед, явно присоединившись к Гиппократу и Эпикиду, отдал оборону родного города от римлян. Кстати сказать (мы мимоходом уже упоминали об этом), многие оборонительные механизмы были устроены на стенах Сиракуз под руководством Архимеда еще в годы царствования Гиерона II [Ливий, 24, 34; Полибий, 8, 9, 2; Плут., Марц., 14].

Стену Ахрадины, рассказывает Ливий [24, 34], Марцелл штурмовал с моря 60 квинкверемами; с одних кораблей, находившихся на некотором расстоянии от цели, пращники, копейщики и стрелки из луков вели настоящую охоту за каждым, кто появлялся на городской стене; другие суда он приказал соединить по два и, установив на них осадные орудия, подвести вплотную к укреплениям сиракузян. Архимед поражал дальние корабли огромными камнями, которые воины метали с помощью катапульт; судам, находившимся в непосредственной близости от стен, он наносил серию непрерывных, хотя и более легких ударов. Чтобы сиракузские воины могли, не подвергаясь опасности, обстреливать неприятеля, Архимед велел пробить в стене множество бойниц. Когда, спасаясь от обстрела, римские корабли заходили в мертвое пространство непосредственно у городской стены, сиракузяне с помощью подъемной машины обрушивали на нос неприятельского судна железную лапу; вырвав захваченный лапой нос корабля из воды, судно ставили торчком на корму, а часто и поднимали его над морем; затем лапа срывалась, и корабль вместе с экипажем с неимоверной высоты падал в море, разбивался и тонул. Все попытки Марцелла ворваться в город со стороны моря были тщетными. Штурм Сиракуз с суши также не принес римскому оружию удачи; катапульты Архимеда метали на головы солдат массивные каменные глыбы; такие же камни сиракузяне сталкивали со стен навстречу штурмовавшим. Неудача всех этих попыток принудила римское

***124 Лурье С. Я.* Архимед.**

командование отказаться от мысли штурмом взять город и ограничиться только блокадой с моря и с суши.

В нашем распоряжении имеются и другие рассказы об осаде римлянами Сиракуз, в частности рассказ Полибия [8, 5—9], в некоторых пунктах дополняющий или уточняющий Ливия. Так, по словам Полибия, на римских судах, которые должны были подойти к городской стене, были устроены самбики — подъемные лестницы, по которым можно было взобраться на стену. Стрельба сиракузян из катапульт не давала Марцеллу возможности подвести корабли к стене, и тогда он решился на ночную атаку; тогда-то римляне и были встречены новым обстрелом из бойниц; Архимед ввел в действие катапульты и механизмы, вырывавшие суда из воды. Некоторые корабли, пишет Полибий [8, 8, 4], валились на борт, другие опрокидывались, большинство же погружалось так глубоко в море, что зачерпывали воду и приходили в негодность. Пытаясь скрыть за веселостью охватившую его тревогу, Марцелл говорил, что Архимед угощает его корабли морской водой, а его самбики позорно прогнаны с попойки [Полибий, 8, 8, 6]. На суше происходило примерно то же самое, причем машины с лапами здесь выхватывали воинов из рядов и швыряли их с большой высоты на землю [Полибий, 8, 9, 4].

По свидетельству Плутарха [Плут., Марц., 14-17], в котором также имеются некоторые дополнительные подробности, Марцелл соединил 8 кораблей и на них воздвиг осадную башню, против чего Архимед употребил изобретенный им механизм. Некоторые суда тонули от удара чудовищной лапы. Часто корабль, поднятый из воды в воздух, раскачивался во все стороны до тех пор, пока экипаж не был сброшен в море. Издеваясь над своими неудачами, Марцелл вскричал: «Не прекратить ли нам борьбу с этим геометром-Брианреем, который, сидя спокойно у моря, уничтожает наши корабли и, одновременно осыпая нас таким множеством стрел, превосходит легендарных сторуких гигантов?» У Марцелла были основания сказать это: в конце концов Архимед внушил римским воинам такой ужас, что они в панике бежали, завидев над городской стеной кусок каната или бревно.

Все эти сообщения (ср. также у Диодора [26,18]; Зонары [9, 4]) взаимно друг друга дополняют и в целом создают картину яростного и для римлян крайне неудачного штурма, который мог закончиться только тем, чем и закончился: прекратились активные боевые операции и перешли к новой тактике — блокаде, дававшей возможность взять Сиракузы измором. Против такого метода ведения войны созданные Архимедом катапульты и боевые механизмы были бессильны.

Какую же позицию во время всех этих событий занимали карфагеняне, и в том числе, что для нас особенно важно, Ганнибал? Мы уже говорили выше, что в свое время, дабы поддержать в Сиракузах прокарфагенские настроения, к мысу Пахин был послан карфагенский флот. После того как к власти в Сиракузах пришли Гиппократ и Эпикид, командующий этим флотом Гимилькон спешно уехал в Карфаген;

туда же прибыли и послы Гиппократа, и письмо Ганнибала. Содержание последнего представляет особый интерес, поскольку оно раскрывает истинные цели всех манипуляций и его собственных, и его агентуры в Сиракузах: Ганнибал писал, что уже настало время, покрыв себя великой славой, снова завоевать Сицилию. Опираясь на поддержку Ганнибала и на просьбы сиракузского посольства, Гимилькон добился от карфагенского совета новых подкреплений [Ливий, 24, 35, 4-5]. Было ясно, что римское командование попытается взять реванш за неудачу у стен Сиракуз, восстановить свое положение в остальной Сицилии. И действительно, не желая, как пишет Полибий [8, 9, 11-12], попусту терять время на осаду города, Марцелл и Аппий Клавдий Пульхр разделили между собой армию. Две трети солдат под командованием последнего остались блокировать Сиракузы, а остальных Марцелл повел завоевывать сицилийские города, отказавшиеся признать римское владычество. Гелор и Гербес сдались ему добровольно, но Мегару Гиблейскую он взял штурмом, разрушил и разграбил, чтобы, замечает Ливий, не пытающийся на сей раз отрицать чудовищной и обдуманной жестокости римлян, внушить страх другим сицилийцам, в особенности же сиракузянам [Ливий, 24, 35, 1-2; Плут., Марц., 18].

Гимилькон был готов к такому повороту событий. Едва только прибыли дополнительные войска, он двинул свой флот на запад, к старинным карфагенским владениям на острове, где было значительное финикийское население и где легче было рассчитывать на поддержку карфагенской армии. Там он высадил 25 000 пехотинцев, 3000 всадников и 12 слонов, овладел Гераклеей Минойской, а вслед за ней и Акрагантом. Марцелл хотел было помешать ему, но опоздал [Ливий, 24, 35, 3-6].

Появление карфагенских войск в Акраганте и явная неудача Марцелла вызвали на острове новый подъем антиримских настроений. В Сиракузах осажденные решили несколько активизировать свои действия; полагая, что смогут успешно защищаться и с меньшим по численности гарнизоном, они разделили армию на две части: одна под командованием Эпикида осталась для охраны Сиракуз, а другая во главе с Гиппократом (10 000 пехотинцев и 5000 всадников) ночью покинула город, чтобы двинуться на соединение с Гимильконом, и пока расположилась недалеко от Акриллы. Там не ожидающими нападения, в трудах по устройству лагеря сиракузян застал Марцелл, возвращавшийся от невзятого Акраганта; пехота Гиппократа была без особого труда окружена римлянами, однако отряд всадников вместе с командиром ускакал в Акры. Несколько дней спустя Гимилькон и Гиппократ объединились и подошли к р. Анап; они остановились примерно в 8 милях от Сиракуз [Ливий, 24, 35, 7-36, 2; Плут., Марц., 18].

Война в Сицилии принимала все более острый характер. Внезапно в сиракузскую гавань вошла карфагенская флотилия (55 «длинных» кораблей) под командованием Бомилькара — это пунийский совет решил направить в Сицилию дополнительные контингенты. Римское правительство также не желало бросать сицилийский фронт

на произвол судьбы, и эскадра в составе 30 квинкверем высадила в Панорме еще один легион. Гимилькон искал с ним встречи, но ошибся в расчетах: пунийцы двинулись в глубь острова по дороге, которую римское командование, казалось, должно было избрать для перехода к Сиракузам, но римляне в сопровождении флота шли морским берегом к мысу Пахин, куда им навстречу прибыл Аппий Клавдий. Бомилькар, опасавшийся численного превосходства римлян на море, недолго оставался в Сиракузах; не желая подвергаться излишней, по его мнению, опасности, он увел свои корабли в Африку. Все попытки Гимилькона сразиться с Марцеллом ни к чему не привели: римский командующий искусно уклонялся от боя. Тогда Гимилькон отправился в глубь Сицилии, предоставив римлянам осаждать Сиракузы [Ливий, 24, 36].

Первой владычество Карфагена в Сицилии признала Мурганция, выдавшая Гимилькону неприятельский гарнизон [Ливий, 24, 36, 10]. Это событие побудило и другие города Сицилии изгонять римских солдат или выдавать их карфагенянам. Только в Генне римляне избегли подобной участи, и то лишь потому, что командир стоявшего там отряда, Луций Пинарий, во время переговоров вероломно напал на граждан и всех их перерезал [Ливий, 24, 37—39]. Однако кровавая бойня в Генне произвела действие, обратное тому, на которое, по-видимому, рассчитывал Марцелл, одобривший действия Пинария: даже те, кто пока еще колебался, перешли теперь на сторону карфагенян [Ливий, 24, 39].

Между тем время активных боевых действий в Сицилии подходило к концу. Гиппократ увел своих солдат в Мурганцию, Гимилькон — в Акрагант, Марцелл — в Леонтины, а оттуда к Сиракузам. В местности Леонт, примерно в 5 милях от городских ворот, Марцелл устроил зимние квартиры [Ливий, 24, 39, 10-13].

Рассмотрим теперь, как развивались события на восточном фланге этой коалиции, на том фронте, который Ганнибал создал, заключив союз с Филиппом V всего год назад. Филипп V, опираясь на дружественные отношения с Карфагеном, возобновил летом 214 г. свои попытки закрепиться в Эпире и Иллирии, а также на подступах к ним. Первой его жертвой снова должна была стать Аполлония, к которой царь подошел на 120 легких биремах. Осада затянулась; Филипп V ударил по Орику и с ходу овладел этим плохо защищенным городом.

О событиях в Эпире и Иллирии посланцы Орика известили римское командование на юге Италии — претора Марка Валерия Лэвина, охранявшего Брундисий и побережье Калабрии. Претор, оставив гарнизон в 2000 воинов во главе с Публием Валерием, переправился в Эпир и там без особого туда занял Орик. Туда же прибыли и послы из Аполлонии. Они требовали присылки римского гарнизона: город осажден и, если римляне не помогут, не сможет дальше сопротивляться. Лэвин отправил к Аполлонии флотилию под командованием Квинта Нэвия Криспы, который

сумел ночью проникнуть в македонский лагерь, очень плохо охранявшийся, и произвести там страшные опустошения. Не добившись успеха и понеся тяжелые потери, Филипп V ушел в Македонию [Ливий, 24, 40]. Таким образом, реальной помощи Ганнибалу Филипп V оказать не мог; наоборот, чтобы осуществить свои притязания на Иллирию, он сам нуждался в поддержке карфагенян.

На Пиренейском полуострове кампания 214 года началась с того, что, воспользовавшись уходом римской армии за Ибер, Магон и Гасдрубал Баркиды разгромили огромную армию местных племен. Публий Корнелий Сципион, чтобы не допустить перехода постоянно колебавшихся иберийцев к карфагенянам, спешно переправился назад и расположился лагерем у Акра Левке. Эта местность была наводнена пунийскими солдатами. Особенно встревожило Сципиона нападение вражеских всадников, которые истребили около 2000 римских воинов. Сципион решил покинуть столь опасное место, укрепился у горы Ника (Ливий дает латинское обозначение *Victoria* 'победа'). Туда же прибыл и Гасдрубал, сын Гисгона, а также Гней Корнелий Сципион.

Во время их противостояния, когда Публий Сципион, совершая рекогносцировку, едва не попал в окружение и плен, когда спас его брат Гней, произошли некоторые события, в общем для пунийцев неблагоприятные. Во-первых, на сторону Рима перешел г. Кастулон. Во-вторых, попытка карфагенян штурмом взять Илитурги, где находился римский гарнизон, провалилась из-за вмешательства Гнея Сципиона, а когда они подошли к стенам Бигерры, появление Гнея Сципиона заставило их снять осаду. У г. Мунды произошло сражение, закончившееся поражением карфагенян, в результате которого они потеряли до 12 000 убитыми, 3000 пленными и 39 слонов. Оттуда пунийцы отступили к Аурингу; туда и Магон привел подкрепление — новых галльских наемников, однако и это не помогло: карфагенская армия снова была разбита.

Таким образом, кампания 214 года в Испании представляла собой целую серию римских побед, серьезно поколебавших пунийское господство на Пиренейском полуострове [Ливий, 24, 41-42]. Неудивительно, что именно теперь римское правительство сочло возможным предпринять исключительную по значимости политическую демонстрацию — восстановить Сагунт, несколько лет назад разрушенный Ганнибалом, тот самый Сагунт, который был поводом для войны между Карфагеном и Римом.

VI

Военно-политические итоги кампании 214 года были таковы, что они не позволили Ганнибалу в следующем, 213 г. предпринять какие-нибудь серьезные наступательные действия. Пока в других местностях Италии, в Африке и Испании развер-

тывались по инициативе римского командования боевые операции, Ганнибал ждал сдачи Тарента сначала в Салапии [Ливий, 24, 47, 9], а позже на территории саллентинов, на крайнем юго-востоке Италии, в непосредственной близости от Тарента и Брундисия [Ливий, 25, 1, 1]. Там на его сторону перешли несколько малозначительных саллентинских городов [Ливий, 25, 1, 1]. В Брутиуме, где на сторону римлян перешли консентины и таврианы, Ганону удалось разгромить отряд римских всадников, которыми командовал претор Тит Помпоний [Ливий, 25, 1, 2-4]. Однако при всем этом (Тарент, конечно, Ганнибалу был очень нужен: он, как сказано, давал ему крайне необходимые контакты с Македонией) Ганнибал оказался на периферии войны и не смог не только вырвать у римлян инициативу или вообще оказать какое-то влияние на ход событий, но и воспрепятствовать дальнейшему укреплению римских позиций на юге Апеннинского полуострова.

Одним из пунктов, вокруг которых римское командование в Италии сосредоточило свои усилия, стали в этот момент Арпы. В самом начале кампании к консулу Квинту Фабию Максиму, сыну Кунктатора, явился в сопровождении трех рабов знатнейший и богатейший гражданин Арп Дасий Альтиний и повел неожиданные речи — он обещал передать город римлянам, если ему будет обещано за это вознаграждение [Ливий, 24, 45, 1]. Эта измена Дасия, того самого, который после Канн принял сторону Ганнибала и был инициатором и организатором установления союзнических отношений между Арпами и Карфагеном [Ливий, 24, 45, 2], глубоко потрясла военный совет, к которому консул обратился за решением. По словам Ливия [24, 45], некоторые участники обсуждения этого происшествия исходили из «староримских» морально-этических принципов; они предлагали, не вступая в дальнейшее рассмотрение вопроса, выпороть Дасия и казнить как двоедушного общего врага: полагая, что верность должна сопутствовать удаче, он после битвы при Каннах перебежал к Ганнибалу, а теперь, когда дела римлян вопреки его ожиданиям и желаниям стали поправляться, он замыслил новую измену — на этот раз в пользу тех, кого когда-то предал. Иначе и, разумеется, более глубоко учитывая интересы Римского государства, высказался Кв. Фабий Максим, знаменитый диктатор, отец консула, находившийся при армии сына в качестве легата. Сейчас, говорил он, необходимо думать о том, как сохранить италийских союзников и одновременно вернуть тех, кто присоединился к Ганнибалу. Расправа над Дасием покажет, что для тех, кто после Канн отказался от дружественных отношений с Римом, нет обратной дороги, и тогда вся Италия будет союзницей Карфагена. Фабий разглядел в поступке Дасия главное: в Италии начался пересмотр общественного мнения; перед Ганнибалом вырисовывалась, правда пока еще отдаленная, перспектива военно-политического одиночества. В этих условиях Фабий предлагал бессмысленно жестокой расправой с Дасием не отталкивать возможных перебежчиков, какими бы слабыми и двуличными они ни были. Правда, он не настаивал

и на освобождении Дасия, так что последний был передан под домашний арест в Калы.

В самих Арпах внезапное исчезновение Дасия Альтиния вызвало беспокойство всего населения. Опасались переворота и, прежде всего, решили обратиться к Ганнибалу. Однако он сделал только одно: захватил и распродал имущество Дасия, а его жену и детей, арестованных и доставленных в карфагенский лагерь, приказал сжечь живьем [Ливий, 24 45, 11-14].

Тем временем Фабий-сын подошел из Суессулы к Арпам, и ночью, взломав ворота, римляне ворвались в город [Ливий, 24, 46]; во время уличных стычек между арпинцами и римлянами завязались разговоры; в конце концов местный верховный магистрат, побуждаемый согражданами, явился к консулу, и, получив клятвенное заверение в возобновлении союза, арпинцы ударили по карфагенскому гарнизону. На сторону римлян перешли в Арпах и 1000 испанских всадников, однако они выговорили для карфагенян право свободно покинуть город [Ливий, 24, 47, 1-11].

Примерно тогда же претор Публий Семпроний Тудитан захватил Атрин и там 5000 пленных [Ливий, 24, 47, 14]. Однако гораздо значительнее оказался несущественный на первый взгляд факт. В самой Капуе среди аристократии обнаружилось течение в пользу возобновления отношений с Римом. Правда, римское правительство не смогло воспользоваться таким обстоятельством, однако сами по себе эти настроения должны были серьезно обеспокоить Ганнибала. Дело было так: пока консулы отсутствовали, к римскому лагерю прискакали 120 капуанских всадников с предложением сдать Капую, если им будет гарантировано их имущество. Беседовавший с их десятью представителями претор Гней Фульвий Центимал обещал им, разумеется, полную поддержку и все, что они просили [Ливий, 24, 47, 12-13]. Еще бы! Казалось, заколебался краеугольный камень карфагенского господства в Южной Италии. Особенно важно было то, что всадники действовали явно с разрешения капуанских властей. Однако все ограничилось только переговорами.

В 213 г. произошло еще одно событие, которое и в самом Карфагене, и в лагере Ганнибала не могли не воспринять как серьезную угрозу: братья Сципионы, успешно воевавшие на Пиренейском полуострове, высадились в Северной Африке. Это была уже вторая попытка римского командования перенести войну непосредственно на территорию Карфагенской державы. На этот раз африканская экспедиция привела к большому дипломатическому успеху римлян. Им удалось воспользоваться тем, что у карфагенян возникли столкновения с одним из нумидийских «царей» — вождем племени масайсилиев — Сифаксом, и заключить с ним союз. Центурион Квинт Статорий остался даже у Сифакса обучать его воинов римскому боевому строю и военному искусству. Результаты не замедлили сказаться: вскоре в одной из стычек масайсилии разбили карфагенян [Ливий, 24, 48, 1-13]. Насколько опасным карфагенское правительство считало сложившееся положение, видно уже из

того, что, по данным Аппиана [А п п . , Исп., 15], оно вызвало в Африку Гасдрубала Баркида с частью его армии. По завершении операции Гасдрубал вернулся в Испанию.

Парализовать постоянную угрозу со стороны масайсилиев карфагеняне могли только одним-единственным способом — натравить на Сифакса извечных врагов, другое нумидийское племя — массилиев, «царем» которых тогда был Гала. Карфагенские послы без особого труда уговорили Галу напасть на масайсилиев, пока римляне не переправили в Африку больших контингентов и союз между ними и Сифаксом существует скорее на словах, чем на деле. Особенно рвался в бой семнадцатилетний сын Галы, Массанасса, которому престарелый «царь» поручил верховное командование. Присоединив к своим отрядам карфагенские формирования, Массанасса разгромил Сифакса в большом сражении и вынудил его бежать в Мавретанию, к Гибралтару. Там Сифакс набрал новую армию и переправился в Испанию; туда же явился для продолжения войны с Сифаксом и Массанасса [Ливий, 24, 13-49, 61]. Ливий особо подчеркивает, что Массанасса вел эту войну самостоятельно, без помощи карфагенян.

Насколько эта информация достоверна, трудно сказать, тем более что театром военных действий была все же Испания, где если и не вели в данный момент активных боевых действий, то все же противостояли друг другу лунийская (возможные союзники Массанассы) и римская (по ходу событий союзники Сифакса) армии. Участие Гасдрубала Баркида по крайней мере в африканской кампании Массанассы представляется весьма вероятным. Очевидно, римская традиция была заинтересована в том, чтобы всячески преуменьшить грехи молодости Массанассы — его союз с Карфагеном. Как бы то ни было, однако, не посредственную угрозу Карфагену со стороны масайсилиев пунийцы ликвидировали, а победоносные войска Массанассы, явившись на Пиренейский полуостров, рано или поздно должны были присоединиться к карфагенянам.

Наступил 212 год — год, когда Ганнибалу дано было еще раз испытать военную удачу на территории Италии.

Мы уже говорили о том, что в Таренте в 214 г. проявило себя демократическое антиримское движение, руководители которого призывали Ганнибала и обещали ему сдать город без сопротивления. Тогда благодаря энергичным действиям римского командования на юго-востоке Италии замысел не был осуществлен. Однако теперь сложились более благоприятные условия; в значительной степени новый подъем антиримского движения в греческих колониях на юге Италии, в так называемой Великой Греции, вызвала чудовищная и политически крайне вредная жестокость римских властей по отношению к заложникам — фурийцам и тарентинцам, пытавшимся бежать из Рима.

Как рассказывает Ливий [25, 7], события развертывались следующим образом. В Риме уже давно под предлогом выполнения посольских обязанностей жил тарентинец Фалея, которому удалось найти доступ к заложникам, взятым в обеспечение верности от Фурий и Тарента. Эти заложники содержались в атриуме Свободы. Римские власти охраняли их без особой тщательности, так как думали, что ни им самим, ни их государствам не было выгодно обманывать римлян. Фалея подкупил двух стражей, с наступлением сумерек вывел заложников из места заключения и вместе с ними бежал из города. По-видимому, задание Фалеи, собственно, и заключалось в том, чтобы вырвать заложников из римских лап. На рассвете бегство было обнаружено. Отправленные в погоню воины нашли всех беглецов недалеко от Таррацины; их схватили, приволокли в Рим и по решению народного собрания сначала выпороли, а потом сбросили со скалы.

Эта расправа глубоко потрясла и оскорбила население Фурий и Тарента не только самим фактом, но и тем, что казни был придан нарочито позорный характер. Осуществилось именно то, против чего предостерегал Фабий Кунктатор, когда решалось дело Дасия Альтиния: римляне не устрашили колеблющихся «союзников», но оттолкнули их от себя, своими руками, можно сказать, направили их в лагерь противника. Повсюду возбуждены были дружеские и родственные чувства; кровь погибших взывала к мести; никто не мог быть уверен ни в свободе, ни в безопасности, и в Таренте составился новый заговор молодежи во главе с Никоном и Филеменом [Ливий, 25, 8]. Явившись к Ганнибалу, они изложили ему свои планы и намерения. Никон и Филемен несколько раз побывали в эти дни у Ганнибала, выходя из города то будто бы на охоту, то якобы для угона карфагенского скота. В ходе переговоров стороны выработали условия сдачи: свободные тарентинцы сохраняют свои законы и все свое имущество; они не будут платить карфагенянам подати и не будут также обязаны принимать против своей воли чужеземные войска. Римский гарнизон заговорщики обещали выдать Ганнибалу.

Для того чтобы облегчить Ганнибалу проникновение в город, Филемен стал даже чаще, чем прежде, выходить на ночную охоту; наконец, стражи городских ворот настолько уже привыкли к его вылазкам, что открывали ему вход по первому сигналу. Тогда-то Ганнибал, притворившийся больным, чтобы усыпить бдительность противника, решил, что настало время. Глубокой ночью (в четвертую стражу, замечает наш источник) он двинул к Таренту 10 000 пехотинцев и всадников, выслав дозором и сторожевым охранением около 80 нумидийских конников, и расположился в 15 милях от Тарента. Желая сохранить в тайне свой замысел, Ганнибал уклонился от каких бы то ни было объяснений. Он потребовал только от воинов соблюдать строжайший порядок, не уходить с дороги и выполнять все приказания командиров. Когда наступит время, он сам расскажет, что хочет сделать. Снова наступила ночь, и Ганнибал повел своих солдат к стенам. По Таренту между тем разнесся слух, буд-

то небольшая группа нумидийских всадников опустошает поля и наводит страх на земледельцев. Начальник римского гарнизона выслал часть своей конницы с заданием остановить грабеж, однако более серьезных мер предосторожности не принял: он думал, что Ганнибал вообще не покидал своего прежнего лагеря. Проводником Ганнибалу служил Филемен, будто бы возвращавшийся с охоты; Филемен должен был провести группу вооруженных солдат Ганнибала через калитку, пользуясь которой он обычно входил в город, а основную часть своей армии Ганнибал намеревался подвести к Теменитидским воротам, расположенным в восточной части городской стены. Там их ожидал Никон.

Приблизившись к воротам, Ганнибал приказал зажечь сигнальный огонь. В ответ блеснул сигнал Никона, и снова все погрузилось в темноту. Карфагенские воины в полном молчании, соблюдая абсолютную тишину, собрались у ворот. Внезапно Никон напал на спящих часовых, перебил их в постелях и распахнул ворота. Ганнибал вошел с пехотинцами в город, а всадникам приказал оставаться вне городских стен. Тем временем и Филемен подошел к своей калитке, разбудил сторожа и со словами «Едва возможно держать огромную тушу» вошел внутрь. Размеры добычи, а это был действительно громадный вепрь, поразили охранника, и он на мгновение отвернулся от Филемена, чтобы получше разглядеть зверя; в этот момент Филемен ударил охранника рогатиной; тотчас в калитку ворвались 30 вооруженных солдат, взломали ближайшие ворота, и еще один карфагенский отряд вступил в город[125]. В полной тишине он проследовал к рыночной площади и там присоединился к Ганнибалу. Приближалось утро. Ганнибал разделил 2000 галлов на 3 отряда, разослал их по городу занимать наиболее многолюдные улицы и убивать римлян [Ливий, 25, 8-9].

В шуме, суете и тревоге, которые, как ни старался Ганнибал соблюдать тишину и порядок, в конце концов охватили город, тарентинцы и римляне долго не могли понять, что, собственно, происходит. Тарентинцы думали, что римляне вышли разграбить город; римские солдаты считали, что это горожане затеяли бунт и предательство. Начальник римского гарнизона Гай Ливий, разбуженный (он спал мертвецким сном после попойки) при первых сигналах тревоги, бежал в гавань, а оттуда на лодке переправился в тарентинский акрополь. Когда стало светать, римляне узнали пунийское и галльское оружие, греки-тарентинцы увидели на улицах трупы римских солдат. Всякие сомнения исчезли: Ганнибал захватил город. Уцелевшие от резни римляне сбежались в акрополь. Ганнибал созвал невооруженных тарентинцев и приказал им отметить свои дома, чтобы уберечь их от грабежа; дома и имущество римлян были разграблены [Ливий 25, 10].

На следующий день Ганнибал предпринял попытку захватить акрополь, где за-

125 Ср. также у Фронтина [3, 3, 6], где, однако, предателем назван Кононей.

сели остатки римского гарнизона и некоторые тарентинцы, не желавшие порывать связи с Римом. Акрополь Тарента был защищен с одной стороны морем и скалами, а с другой — стеной и огромным рвом; взять его штурмом Ганнибал не имел ни малейшей возможности. Поэтому он решил отделить город от акрополя валом. Когда начались работы, римляне сделали вылазку, но были разбиты, обращены в бегство и уже больше не мешали воинам Ганнибала выкапывать ров и насыпать земляную стену. По завершении работ Ганнибал попытался еще раз штурмовать акрополь, но безуспешно: римские воины, к которым на помощь прибыл отряд из Метапонта, ночью разрушили и частью сожгли осадные сооружения. Теперь все надежды Ганнибал возложил на блокаду акрополя, однако она не могла быть достаточно эффективной, пока акрополь имел выходы к морю; наоборот, засевшие в акрополе римляне и тарентинцы, господствуя над выходом в открытое море, отрезали от него Тарент. Ганнибал объявил своим тарентинским сторонникам, что единственный способ выжить римлян из акрополя — это блокировать его с моря. Тарентинцы рассчитывали, что морскую осаду организует сам Ганнибал, призвав карфагенскую эскадру из Сицилии, потому что их, тарентинцев, флот не имеет возможности пробиться в открытое море. Однако пунийский полководец предложил другой план: тарентинские корабли на повозках были перевезены вокруг акрополя, спущены на воду и стали на якоря у входа в гавань [Ливий, 25, 11][126].

Организовав с моря и суши осаду тарентинскюго акрополя, Ганнибал удалился из города. То обстоятельство, что ему не удалось вытеснить римлян из акрополя и, следовательно, целиком овладеть городом, отрицательно сказалось на военно-политическом положении Ганнибала, тем более что в тылу Тарента находился Брундисий с римским гарнизоном. Тем не менее взятие Тарента явилось крупным успехом Ганнибала. Тарент был одной из древнейших, спартанской по происхождению греческой колонией на юге Италии; можно было надеяться, что влияние Ганнибала в Великой Греции, а также и на Пелопоннесе благодаря добровольному переходу тарентинцев на сторону Карфагена еще более упрочится. И то и другое немедленно сказалось в ходе боевых операций.

Стоило римскому командованию переправить свой гарнизон из Метапонта в Тарент, как граждане Метапонта приняли сторону Ганнибала. Так же поступили и другие города Великой Греции, среди которых Ливий называет Фурии. Друзья и родственники казненных в Риме заложников-фурийцев обратились с письмами к Ганнону и Магону — карфагенским полководцам, командовавшим пунийскими войсками в Брутиуме, — с предложением сдать город, если только они подойдут к его

[126] О захвате Ганнибалом Тарента см. также у Полибия [8, 26-36] — традиция, в общем точно совпадающая с рассказом Ливия. Аппиан [Ганниб., 32-34] вместо Филемена называет Кононея организатором сдачи Тарента, не упоминая других участников заговора. В его изображении, взятие города связано только с действиями Кононея.

стенам. Карфагеняне разделили свою армию: Ганнон с отрядом пехотинцев пошел на город, а Магон с конницей укрылся среди холмов. Затем во время боя из засады он и напал на воинов римского гарнизона, которых пунийские пехотинцы успешно заманили к холмам. Фурийцы, сопровождавшие римлян в вылазке, бежали; за ними вскоре последовали и римские солдаты, однако в город заговорщики впустили только своих сограждан и нескольких римлян вместе с командиром гарнизона Марком Атинием. После ожесточенных опоров они разрешил и Атинию покинуть Фурии и наконец открыли ворота карфагенянам [Ливий, 25, 15].

По свидетельству Аппиана [Ганниб., 34], события развивались несколько иначе: тарентинцы захватили продовольствие, посланное Фуриями гарнизону, укрывшемуся в акрополе; Ганнибал освободил фурийцев-пленных, и они убедили своих сограждан сдаться карфагенянам; римский гарнизон тайно отплыл в Брундисий. Из Метапонта, по словам Аппиана [Ганниб., 35], в Тарент была выведена только половина гарнизона, а остальных римских солдат граждане перебили. Вместе с Фуриями и Метапонтом на сторону карфагенян перешла Гераклея.

Однако эффект этого успеха карфагенян в значительной степени ослаблялся другим, на первый взгляд гораздо менее существенным обстоятельством, чем переход на сторону Ганнибала таких городов, как Метапонт, Фурии и Гераклея. Легат Гай Сервилий, посланный в Этрурию заготовлять продовольствие, сумел на нескольких кораблях пробиться сквозь боевое заграждение в гавань Тарента и доставить это продовольствие римлянам, засевшим, как сказано, в тамошнем акрополе. Эти действия Сервилия побудили тарентинцев, присоединившихся к римскому гарнизону, усилить свою пропаганду среди населения, уговаривая сограждан переходить к римлянам и их приспешникам [Ливий, 25, 15]. По-видимому, их речи не остались неуслышанными. Во всяком случае, из краткой реплики Ливия можно заключить, что противоположная агитация прекратилась. И действительно, Гай Сервилий показал, что выставленное тарентинцами охранение у входа в гавань не может действенно воспрепятствовать установлению контактов между осажденными в акрополе и основными силами римской армии. И для Ганнибала и для Тарента это был грозный признак.

Между тем все более густые тучи собирались над Капуей — важнейшей опорой карфагенского господства в Южной Италии. Ганнибал занимался судьбой Тарента, оставив Капую фактически без какого бы то ни было прикрытия; поэтому, хотя оба консула, Квинт Фульвий Флакк и Аппий Клавдий Пульхр, находились в Самниуме, римские войска начали постепенно усиливать свой напор на Капую, имея в виду подвергнуть ее блокаде. Капуанцы уже начали испытывать голод и обратились к Ганнибалу с просьбой распорядиться привезти в Капую хлеб из окрестностей, пока консулы не вторглись на ее территорию и не перерезали дорогу. Ганнибал по-

чти не обратил внимания на содержавшееся в речах капуанцев недвусмысленное предостережение; во всяком случае, он ничего не сделал для предотвращения осады и только приказал Ганнону перейти из Брутиума в Кампанию, чтобы обеспечить Капую съестными припасами. Избегая встречи с неприятелем, Ганнон подошел к Беневенту и расположил свой лагерь в 3 милях от города; в этот лагерь велел он доставить хлеб и сообщил в Капую, когда за ним можно будет явиться. В назначенный день, однако, капуанцы (из-за своей легкомысленной беспечности, замечает Ливий) прислали всего лишь немногим более 400 повозок и несколько вьючных животных. Этого явно не хватало, и раздраженный Ганнон приказал капуанцам явиться снова, и на этот раз с достаточным количеством телег [Ливий, 25, 13].

Само собой понятно, что подобные операции невозможно было сохранить в тайне: очень скоро граждане Беневента оказались в курсе всего происходящего в карфагенском лагере и сообщили обо всем римским консулам в Бовианум, которые решили, что помешать Ганнону должен Квинт Фульвий Флакк, тем более что ему специально поручено было вести войну в Кампании. Вторгнувшись туда, Фульвий ночью вступил в Беневент. Ганнон в эти дни был по горло занят раздачей хлеба; в его лагере находилось много невооруженных капуанцев с 2000 повозок; воинского порядка, казалось, там уже не было. Воспользовавшись столь благоприятными обстоятельствами, Фульвий атаковал пунийцев; большие потери вынудили его дать сигнал к отступлению, однако римские воины и их союзники — пелигны, не обращая внимания даже на приказ консула (случай, в римской армии неслыханный), ворвались в лагерь карфагенян и учинили там страшную резню. Они убили больше 6000 пунийских воинов и более 7000 взяли в плен, в том числе капуанцев, прибывших к Ганнону за хлебом. Сам Ганнон, в момент боя находившийся почему-то в Коминии Церите (Ливий [25, 13-14] не сообщает причины), узнав о разгроме своего лагеря, с несколькими фуражировщиками, которые случайно оказались при нем, поспешно удалился в Брутиум [там же].

Капуанцы отправили к Ганнибалу новое посольство. Оба консула находятся в Беневенте, сообщали они своему далекому союзнику (пока Фульвий сражался с карфагенянами, в Беневент прибыл и Аппий Клавдий Пульхр), всего в одном дне пути от Капуи. Война почти у ворот и стен их города. Если Ганнибал не придет на помощь, Капуя попадет в руки врагов еще быстрее, чем Арпы. Он не должен из-за Тарента, а тем более из-за его акрополя предать Капую, которую всегда ставил на один уровень с Карфагеном, покинутую и беззащитную, римскому народу. Ганнибал хорошо понял угрозу, содержавшуюся в речах капуанских послов: ему напомнили об Арпах, совсем 'недавно перешедших к римлянам, о Дасин Альтинии — таком верном, казалось бы, друге карфагенян, предложившем тем не менее свои услуги римлянам. Опасность и страх потерять Капую подействовали на Ганнибала: он обещал

заняться капуанскими делами, а пока отправил для защиты города от разорения 2000 всадников [Ливий, 25, 15].

Аппиан [Ганниб., 36-37] немного иначе излагает эти события. По его версии, Ганнибал послал в Капую Ганнона с 1000 пехотинцев и 1000 всадников для обеспечения ее безопасности. Когда римляне вошли в Кампанию и там разграбили поля Капуи и других городов, капуанцы обратились за помощью к Ганнибалу, который заявил, что у него в Япигии достаточно продовольствия, и предложил капуанцам получить его сколько хотят. Сам Ганнибал пошел навстречу капуанцам из Япигии и остановился лагерем возле Беневента на р. Калор. Однако внезапно Ганнибал, оставив в своем лагере небольшой гарнизон, ушел в Луканию, куда его вызвал Ганнон; в его отсутствие римляне захватили лагерь и разграбили. Думается все же, что Ливий более логично и последовательно изображает действия Ганнибала, нежели Аппиан.

Предположения капуанского правительства полностью подтвердились. Не теряя понапрасну времени, консулы повели свои легионы из Беневента к стенам Капуи. Они рассчитывали еще до конца своего консульства захватить ее и разрушить. Для обороны Беневента они вызвали из Лукании Тиберия Семпрония Гракха с отрядом всадников и легковооруженных пехотинцев [Ливий, 25, 15]. В Лукании в этот момент произошли, очевидно, не без влияния успехов Ганнибала в Великой Греции, важные события: руководитель проримской «партии» Флав (по Аппиану, Флавий) внезапно для римлян изменил свою ориентацию и начал искать теперь контактов с карфагенянами; свои дружественные отношения с ними он решил скрепить головой римского военачальника, с которым его связывал договор о взаимном гостеприимстве. И это обстоятельство, конечно, усугубляло в глазах римлян вероломство и преступность Флава. Договорившись с Магоном, командовавшим карфагенскими войсками в Брутиуме, Флав без труда заманил Гракха в ловушку; там и сам Гракх, и сопровождавшие его воины были без труда уничтожены [Ливий, 25, 16; Апп., Ганниб., 35][127]. Говорили, что Ганнибал устроил Гракху достойное погребение; по другой версии, Ганнибал приказал отнести голову Гракха в римский лагерь квестору Гнею Корнелию, и последний устроил Гракху торжественные похороны в Беневенте [Ливий, 25, 17].

Как бы то ни было, гибель Гракха почти ничего не изменила ни в положении дел, ни в намерениях римского командования, которое просто не обратило внимания на события в Лукании. Переход Тарента, Метапонта и Фурий в карфагенский лагерь не мог не сказаться на настроениях луканской знати; консулы явно рассчитывали, что, удерживая свои позиции в Брундисии и тарентинском акрополе, захватив Капую, они сумеют без труда восстановить римское господство в Лукании. Римские

[127] По другим версиям, которые также приводит Ливий [26, 17], Гракх погиб случайно, столкнувшись с пунийцами то ли при купании, то ли во время жертвоприношений.

войска вступили на территорию, принадлежавшую Капуе. Правда, первая вылазка горожан и карфагенских всадников, присланных Ганнибалом, закончилась большой удачей: римляне были разбиты и потеряли около 1500 человек [Ливий, 25,18]. В свою очередь, Ганнибал также двинул свои войска к Капуе (поздно, если учесть, что римляне уже подошли к городским стенам) и через три дня после прихода в Кампанию дал римлянам сражение.

Засыпаемые стрелами и дротиками, теснимые конницей, римские солдаты стояли непоколебимо, пока их командующие не дали сигнал к кавалерийской атаке. В это время показались воины Гракха, которыми теперь командовал Гней Корнелий. И римляне и карфагеняне приняли их за подкрепление, идущее к противнику. С обеих сторон последовал приказ отступить. Ни одна из сторон не осуществила в этом бою своих целей: Ганнибалу не удалось ликвидировать угрозы блокады, а консулам—угрозы своим осадным работам. Казалось, нового столкновения не избежать; внезапно Ганнибал получил удивительное донесение. Римский лагерь пуст, Фульвий ушел в Кумы, а Аппий Клавдий — в Луканию. Ход мыслей Ганнибала нетрудно себе представить: римляне наконец-то снова отступают, римляне признают себя побежденными... После непродолжительных колебаний Ганнибал бросился за Аппием Клавдием, несомненно рассчитывая на поддержку своих луканских союзников, и по дороге уничтожил партизанский отряд центуриона Марка Центения Пенулы (16 000 воинов), с недавних пор действовавший в Лукании. Аппий Клавдий, поводив Ганнибала в разных направлениях и, очевидно, от него оторвавшись (большую услугу ему оказал М. Центений, отвлекший Ганнибала от преследования), вернулся к Капуе. Обманное движение, предпринятое римским командованием, дало блестящие результаты [Ливий, 25, 19].

Снова, с еще большей энергией и упорством, консулы приступили к осаде Капуи; они укрепили гарнизонами Путеолы и Касилин, создали в Касилине большие запасы продовольствия [Ливий, 25, 20]. Ганнибалу приготовления римлян внушали большое и оправданное беспокойство, однако на сей раз он отправился в Апулию, откуда ему непрерывно доносили об успешных действиях претора Гнея Фульвия Центимала. Центимал находился в этот момент около стен Гердонии. Ганнибал, хорошо осведомленный о настроениях неприятеля (воины Центимала буквально рвались в бой), решил дать там сражение; он не сомневался в успехе, видя, что Центимал едва сохраняет власть над своими солдатами, и к тому же, слишком воодушевленный прежними успехами, утратил способность трезво оценивать обстановку. Поздней ночью Ганнибал разместил в окрестных виллах, лесах и кустарниках 3000 легковооруженных пехотинцев. Магону он дал почти 2000 всадников и велел занять все дороги в направлении возможного бегства. На следующее утро римляне выстроились, вытянувшись в длину и не имея достаточной глубины, как пишет Ливий, без всякого порядка. Каждый становился где хотел. Уже первый натиск карфагенян сломил

сопротивление неприятеля; видя, что все потеряно, Центимал ускакал с 200 всадников. Всего из 18 000 римских воинов спаслись в этом бою не более 2000 [Ливий, 25, 20-21].

Эта победа Ганнибала, хотя и напугала римское правительство, оказалась бесполезной. Консулы и присоединившийся к ним из Суессулы претор Гай Клавдий Нерон продолжали с трех сторон вести осадные работы у Капуи. Они подготавливали строительство валов, воздвигали редуты и так успешно отражали вылазки капуанцев, что заставили их в конце концов отказаться от попыток оказать сколько-нибудь серьезное противодействие неприятелю. Капуя снова обратилась за помощью к Ганнибалу, который тем временем увел своих солдат из Гердонии в Тарент, рассчитывая овладеть тарентинским акрополем, а оттуда, без видимого успеха, к Брундисию, где рассчитывал найти сторонников и с их помощью овладеть городом. Капуанцам Ганнибал дал высокомерный ответ: один раз он уже заставил консулов снять осаду, и теперь произойдет то же самое. Однако, когда капуанские послы вернулись, их город был уже окружен двойным рвом и валом. Прежде чем приступить к правильной осаде, римские власти сочли необходимым предложить гражданам Капуи до середины мая покинуть город и унести с собою имущество; им обещали сохранение свободы и достояния. Капуя категорически отказалась, а отказ был облечен в вызывающе высокомерную и грубую форму. Началась осада Капуи, а вместе с нею и новый этап войны в Италии [Ливий, 25, 22].

Надо сказать, что осада Капуи, несомненно, с лихвой компенсировала римлянам все неудачи в Южной Италии и Великой Греции. Римское командование не зря именно в этом пункте сконцентрировало все свои основные усилия. Вместо того чтобы получить помощь от Капуи, Ганнибал должен был сам оказывать ей помощь; а ведь и Ганнибал и римляне отлично знали, что и при первой попытке Фульвия и Аппия Клавдия ему не только не удалось снять осаду, но он даже поддался ловкому маневру, который отвлек его от города. Теперь Ганнибал был связан и осадой Капуи, и римским гарнизоном в акрополе Тарента; падение Капуи, несомненно, повлекло бы за собой переход всех или почти всех союзников Ганнибала на сторону Рима. Занятый Тарентом, Ганнибал не обратил должного внимания на смертельную опасность и, даже когда осада уже началась, фактически пренебрег ею.

На другом театре военных действий, в Сицилии, обстановка складывалась в 212 г. для Карфагена крайне неблагоприятно. Важнейшим событием здесь было падение Сиракуз, что логически привело к окончательному изгнанию пунийцев из Сицилии.

Вообще говоря, осада Сиракуз, хотя она и велась после неудачи памятного штурма в 214 г. со всею тщательностью, на которую римляне были способны, представлялась Марцеллу, по-прежнему командовавшему римскими войсками в Сицилии и непосредственно руководящему операциями в районе Сиракуз, делом в высшей степени бесперспективным. О том, чтобы овладеть городом с помощью силы, нечего

было и думать: оборонительные механизмы Архимеда являли собой смертельную угрозу для каждого, кто осмелился бы подойти к сиракузским стенам. Блокада города оказалась малоэффективной, так что продовольствие в Сиракузы регулярно завозилось из Карфагена [Ливий, 25, 23]. Надежды свои Марцелл возлагал только на перебежчиков да на проримски настроенных сиракузян и в своем лагере, и в осажденном городе (по словам Ливия, в римской армии находились несколько знатнейших сиракузян, изгнанных за свое полное несогласие с антиримской политикой).

Очень долго сиракузским изгнанникам не удавалось наладить контактов со своими друзьями за городскими стенами. Сиракузские власти особенно бдительно следили за тем, чтобы не допустить каких бы то ни было встреч и переговоров. Наконец случай отыскался: раб одного изгнанника под видом перебежчика получил доступ в город и там — возможность говорить с теми немногими, кого сиракузяне — приближенные Марцелла считали наиболее надежными врагами Эпикида и его правительства. Этот раб мог сообщить своим собеседникам весьма утешительные новости: Марцелл, известный, как уже говорилось, по слухам о расправе, которую он устроил или будто бы устроил в Леонтинах, предлагает в случае сдачи Сиракуз сохранить их гражданам свободу и право иметь свои законы—иными словами, обещает сохранить в рамках «союза» с римлянами, то есть в условиях римского верховенства, полисное самоуправление и суверенитет. Само собою было очевидным и, конечно, не требовало дополнительных разъяснений, что к власти в Сиракузах придет новое правительство — те, кто свергнут Эпикида и предадут город в руки римских солдат» Переговоры завязались.

Прикрывшись в рыбацкой лодке сетями, несколько сиракузян пробрались морским путем из города в римский лагерь и там установили контакт с изгнанниками; постепенно эти поездки стали учащаться; в блокированных Сиракузах число людей, причастных к заговору, росло и уже достигло 80 человек... Внезапно все рухнуло. Аттал, человек, близкий к заговорщикам, но, видимо, не вполне посвященный в их замыслы (Ливий [25, 23] говорит, что его оскорбило недоверие, проявленное к нему), донес, о чем знал, Эпикиду. Заговорщики были схвачены и после пыток казнены [там же]. Вскоре, однако, Марцеллу представился другой случай.

Все началось с того, что Сиракузы попытались было завязать непосредственный контакт с македонским царем Филиппом V; эти их попытки, в сущности, продолжали аналогичную политику Ганнибала и должны были в конце концов закрепить созданную последним систему антиримских союзов. Для ведения переговоров из Сиракуз в Македонию был послан спартанец Дамипп, но его постигла судьба первого посольства Филиппа V к Ганнибалу: Дамипп попал в плен к римлянам. Эпикид начал усиленно хлопотать о его выкупе, и Марцелл охотно пошел навстречу сиракузскому правительству: занятым войной с Филиппом V римлянам казалось

целесообразным заручиться поддержкой Этолийского союза, с которым дружескими узами была связана Спарта. Переговоры велись в местности, прилегающей к так называемой Трогильской гавани (северный берег полуострова, где находятся Сиракузы), недалеко от башни Галеагра. Во время довольно частых поездок на встречи с сиракузскими представителями один из римлян обнаружил, что стена в этом месте сравнительно низка и что взобраться на нее можно даже по не очень высоким лестницам [ср. у Полибия, 8, 37, 1]. О своих наблюдениях он сообщил Марцеллу; римский командующий видел, конечно, что именно здесь сиракузяне охраняют город особенно бдительно. Подойти к стене не было ни малейшей возможности [Ливий, 25, 23].

Наконец в римский лагерь явился перебежчик (Сосистрат; см. у Фронтина [3, 3, 2]) и рассказал, что в осажденном городе совершается обычное трехдневное празднование в честь богини Артемиды; еды на пиршествах не хватает, но зато в изобилии пьют вино, которое Эпикид щедро раздает народу. Узнав об этом, Марцелл решил воспользоваться подходящим моментом для того, чтобы ворваться в город.

Поздно ночью, когда пьяные сиракузские стражи спали мертвецким сном или, не обращая ни на что внимания, продолжали пить, отряд римлян в 1000 воинов, соблюдая полную тишину, проник в город и подошел к Гексапилу. Там римляне взломали небольшую калитку рядом с главными воротами. Тем временем другие римские воины под звуки труб, с криком и шумом стали занимать стены. Едва проснувшиеся и протрезвевшие стражи, думая, что уже все потеряно, бежали куда глаза глядят, прыгали со стен и увеличивали только панику и беспорядок. Иные продолжали спать. Перед рассветом ворота Гексапила были разломаны, и Марцелл со всеми остальными войсками вступил в город (районы Тиха и Эпиполы). Переправившийся с острова Ортигия Эпикид думал было ворваться в Эпиполы и прогнать оттуда врага, однако сил у него явно не хватало. И он повернул обратно [Полибий, 8, 37, 2—11; Ливий, 25, 23-24; Плут., Марц., 18]. Возможно, Тит Ливий прав, когда пишет [25, 24], что Эпикид опасался восстания дружественных Риму элементов, которые могли захватить остальные районы города и запереть перед ним ворота Ахрадины.

Как бы то ни было, в руках Эпикида все еще оставались Ахрадина и о-в Ортигия, когда Марцелл предложил начать переговоры о сдаче города [там же]. Однако ворота Ахрадины и ее стены занимали перебежчики, когда-то покинувшие римские или союзные римлянам знамена и теперь сражавшиеся в сиракузской армии. Понимая, что их во всяком случае ожидает неминуемая гибель, они никому не позволяли даже приближаться к стенам. Положение Марцелла в Эпиполах заметно осложнилось. Ахрадиной и тем более Ортигией овладеть с ходу не удалось; мирные переговоры оказались невозможными; к тому же в тылу, у крайней западной точки Сиракуз, неприступную, по-видимому, крепостцу на холме Эвриал занимал по-прежнему си-

ракузский гарнизон под командованием назначенного Эпикидом аргосца Филодема [Ливий, 25, 25].

Холм Эвриал был стратегически очень важен; он господствовал над дорогой, ведущей в глубь острова, так что засевшие там сиракузяне могли серьезно затруднить римлянам доставку продовольствия; к тому же к Эвриалу могли подойти карфагенские войска Гимилькона и отряды Гиппократа, чтобы затем истребить римлян на улицах Эпипол. Марцелл приказал отойти к Эвриалу и попытался завязать переговоры с Филодемом, послав к нему Сосида, одного из убийц Гиеронима. Филодем размышлял, колебался и явно затягивал переговоры; было видно, что он ожидает Гимилькона и Гиппократа. Не имея возможности пока овладеть Эвриалом, Марцелл снова отвел свои войска в глубь города и расположил их между Тихой и сиракузским Неаполем. Он опасался, что, если войдет в более населенные кварталы, его воинство бросится грабить население и тогда в случае опасности он не сможет организовать сопротивление [Ливий, 25, 25]. Впрочем, о сколько-нибудь эффективной борьбе с грабежами и насилиями речи не могло быть. Они все равно начались. В лагерь Марцелла явились было посланцы от населения Тихи и Неаполя с просьбой остановить пожары и убийства. Дело показалось Марцеллу настолько серьезным и трудным, что для его решения он созвал специальное заседание военного совета и, только получив общее согласие, приказал не посягать на личность свободных людей. Все остальное Марцелл отдавал на поток и разграбление своей армии [ср. у Плут., Марц., 19; Диодор, 26, 20, 1]. Укрепив на случай внезапного нападения лагерь, Марцелл дал долгожданный сигнал. Выломав от нетерпения ворота собственного лагеря, римляне рассеялись по улицам и площадям. В шуме и беспорядке никто из граждан не был убит, потому что римские солдаты строго соблюдали приказ своего командующего. Но грабеж прекратился только тогда, когда растащили все, что могли унести [Ливий, 25, 25].

Между тем Гимилькон и Гиппократ явно запаздывали, Филодему держаться на Эвриале становилось все труднее, и он решил в конце концов сдать укрепление, выговорив для себя и своего отряда право уйти в Ахрадину к Эпикиду. Марцелл охотно пошел на это условие: сдача Эвриала давала ему возможность избежать нападения с тыла и сосредоточить все силы на осаде Ахрадины [там же]. Кроме того, переход Филодема к Эпикиду, ничего не меняя в соотношении сил, увеличивал у Эпикида численность едоков и соответственно усиливал его продовольственные затруднения.

В Сицилии успехи римской армии в Сиракузах вызвали глубокую тревогу. Сицилийские города открыто принимали сторону Гиппократа, присылали ему продовольствие и войска, которых набралось до 20 000 пехотинцев и 5000 всадников [Апп., Сиц., 4] нию римской власти на всем острове.

Пока в Сиракузах происходили эти события, карфагенское правительство и командование пунийских войск в Сицилии принимали меры для организации сопротивления. Выждав удобный момент, Бомилькар, командовавший карфагенским флотом, оставив Эпикиду 55 кораблей, спешно отправился во главе эскадры из 35 судов в Карфаген; там он доложил о положении, в котором оказались Сиракузы, и через несколько дней возвратился, ведя 100 кораблей [Ливий, 25, 25]. На суше к Сиракузам наконец-то подошли Гимилькон и Гиппократ. Гиппократ, предварительно сообщив в Ахрадину о своих намерениях, напал на прежний римский лагерь, которым командовал Криспин. Одновременно Эпикид сделал вылазку против Марцелла, а карфагеняне высадили десант, чтобы помешать Марцеллу помочь Криспину. Все эти операции не принесли желаемого результата. Гиппократа Криспин обратил в бегство, а Эпикида Марцелл принудил вернуться в Ахрадину [Ливий, 25, 26].

Стороны собирались готовиться к новым столкновениям, однако в этот момент (была осень) и в пунийско-сиракузском и в римском лагерях началась эпидемия, вызванная непомерной жарой и ядовитыми болотными испарениями. Смерть косила солдат в обеих армиях, но римляне, находившиеся в городе и имевшие возможность укрыться в домах, пострадали меньше, чем карфагеняне. Сицилийцы, служившие у Гимилькона и Гиппократа, разбежались по своим городам; карфагенская армия погибла у стен Сиракуз [Ливий, 25, 26].

Насколько об этом можно судить, тяжелая неудача не ослабила, по крайней мере на первых порах, решимости карфагенян и самих сицилийцев добиваться изгнания римлян из Сицилии. Те сиракузяне, а также и другие сикелиоты, которые совсем недавно составляли отряд Гиппократа, заняли два небольших города: один в 3, а другой в 15 милях от Сиракуз, и уже оттуда начали созывать новые войска для борьбы с Марцеллом.

Бомилькар, теперь единственный представитель пунийского высшего командования на острове, снова отправился за подкреплением в Карфаген. Там он убедил совет в наличии реальной возможности захватить римлян, сидящих в Сиракузах, и вернулся в Сицилию во главе нового огромного флота из 130 боевых и 700 транспортных кораблей. Ветры, которые помогли Бомилькару благополучно переправиться в Сицилию, когда он плыл вдоль южного берега острова, теперь мешали ему обогнуть мыс Пахин. В свою очередь, Эпикид, поручив оборону Ахрадины командирам наемных отрядов, отправился морем навстречу Бомилькару. Марцелл, видя, что на острове созывают новое антиримское ополчение и что на помощь этому ополчению пришел карфагенский флот, решил помешать Бомилькару войти в Сиракузы. Недалеко от мыса Пахин римский и карфагенский флоты ожидали только благоприятной погоды, чтобы столкнуться в решающем бою, но, когда погода настала, Бомилькар внезапно вышел в открытое море, отправил транспортным судам, стоявшим в Гераклее Минойской, приказ возвращаться в Карфаген, а сам отплыл в

Италию, взяв курс на Тарент [Ливий, 25, 27]. Может быть, это случилось оттого, что в последний момент он пришел к мысли, что его помощь нужна Ганнибалу на италийском театре военных действий, что именно там, а не под стенами Сиракуз он окажет решающее влияние на ход и исход войны?.. По словам Полибия [9, 9, 11], Бомилькар явился в Италию по просьбе тарентинцев, чтобы помочь им в борьбе против римлян. Как бы то ни было, сицилийские греки истолковали неожиданный поступок Бомилькара в том смысле, что Карфаген отказывается от борьбы за Сицилию. Эпикид, не желая снова очутиться в осажденном городе, ушел в Акрагант, чтобы там выждать итог войны [Ливий, 25, 27). Там же, в Акраганте, укрылась и какая-то часть карфагенской пехоты под командованием Ганнона [Ливий, 25, 40]. Сицилийцы, засевшие недалеко от Сиракуз и совсем недавно активно готовившиеся к новым сражениям, начали переговоры с Марцеллом об условиях сдачи Сиракуз [Ливий, 25, 28].

Условия, на которых обе стороны пришли к соглашению, были следующие. Все то, что совсем недавно и где бы то ни было принадлежало царям, теперь будет принадлежать римскому народу. Тем самым решалась судьба Сиракуз, Леонтин и других городов, состоявших под властью Гиерона II и Гиеронима. Все же остальные сицилийцы сохранят свою свободу и свои законы, то есть суверенное самоуправление [там же]. По-видимому, последнее условие не могло распространяться на территорию, бывшую до начала военных действий римской провинцией, хотя в тексте договора, приведенном Ливием, об этом прямо ничего не говорится. Добившись этих условий, сицилийские представители обратились к правителям Сиракуз, на которых Эпикид, отплывая навстречу Бомилькару, возложил оборону Ахрадины и Ортигии, и получили разрешение войти в город. Там, рассказывая родственникам, друзьям и знакомым о результатах своих бесед с Марцеллом (очевидно, особенно сильное ударение они делали на том, что после ухода Бомилькара и, следовательно, отказа карфагенян от вмешательства в сицилийские дела, после того как Эпикид бросил своих сторонников на произвол судьбы, всякое сопротивление римлянам бесполезно), они тем временем организовали государственный переворот и убийство наместников Эпикида (Помоклита, Филистона и Эпикида Синдона [Ливий, 25, 28]), может быть, потому, что те активно противодействовали мирным переговорам. Созвав народное собрание, заговорщики убедили граждан воспользоваться случаем и начать мирные переговоры. Новым магистратам было поручено избрать из своей среды послов и отправить их к Марцеллу. Однако, в то время как в римском лагере шли переговоры, в Сиракузах снова начались столкновения и бунты: римские перебежчики, опасавшиеся расправы со стороны Марцелла и потому, естественно, с глубоким беспокойством следившие за ходом переговоров, убедили наемных солдат сиракузской армии в том, что и их ожидает такая же участь. Истребив только что выбранных для ведения переговоров магистратов, наемники разбежались по

городу, убивая на своем пути всех встречных сиракузян и растаскивая что подвертывалось под руку. Постепенно их ярость стала стихать. Чтобы не оставаться без власти и руководства, они избрали шесть командиров. Трем поручили оборону Ахрадины и трем — о-ва Ортигия. Постепенно, вникая в содержание переговоров, наемники пришли к выводу, что их положение более благополучно, нежели положение людей, изменивших римскому знамени. В этом их убеждали и сиракузские послы, вернувшися из римского лагеря: у римлян, говорили они, совершенно нет причин для того, чтобы преследовать или наказывать наемников [Ливий, 25, 29-30].

Особое внимание и послы, и римское командование обратили на иберийца Мэрика, одного из трех избранных наемниками командиров, в ведении которых находилась Ахрадина. К нему подослали одного испанца, который и склонил Мэрика к предательству. Настояв на прекращении переговоров и на усилении охраны всех подступов к Ахрадине (для этой цели он предложил разделить линию обороны на отдельные участки и передать каждый под командование кому-нибудь из вождей наемников), Мэрик взял под свой контроль местность от источника Аретуса до входа в большую гавань у южной оконечности Ахрадины. Поздно ночью Марцелл подогнал к этому месту большую квадрирему и высадил десант; Мэрик впустил римлян в ворота недалеко от Аретусы. На рассвете Марцелл начал штурм Ахрадины; пока для отпора неприятелю отовсюду сбегались воины, он высадил еще один десант на о-в Ортигия и после короткой схватки овладел им [Ливий, 25, 30]. В руках сиракузян оставалась только часть Ахрадины, когда Марцелл приказал прекратить наступление: он боялся, чтобы его воины не разграбили несметных богатств сиракузских царей [там же]. Воспользовавшись затишьем, перебежчики покинули город, а жители вышли к победителю, умоляя теперь уже только о сохранении жизни. Марцелл отправил на Ортигию гарнизон для охраны царской казны, разместил караулы в домах тех, кто с самого начала боев находился в римской армии, и отдал Ахрадину своим солдатам на разграбление. Во время этой вакханалии насилий и грабежа (Ливий говорит, что «много было явлено отвратительных примеров злобы, много — алчности») погиб и Архимед, углубленный в изучение чертежа на песке; по словам Ливия [25, 31], Архимеда убил воин, не знавший, с кем он столкнулся; Марцелла будто бы эта смерть огорчила, он озаботился погребением великого ученого, а его родственников защитил от насилий.

Гибель Архимеда на протяжении длительного времени была сюжетом многочисленных повествований. Плутарх [Плут., Марц., 19], который, подобно Ливию, старается уверить читателя, будто смерть Архимеда глубоко огорчила римского командующего, приводит три рассказа о его кончине. Согласно одному из них, Архимед был погружен в изучение геометрических чертежей; он не обращал внимания на римлян, бежавших по улицам, и даже не знал, что город уже взят неприятелем; когда перед Архимедом внезапно предстал римский воин и потребовал его к Марцеллу, ученый от-

казался, объясняя это тем, что он пока не решил проблемы и не закончил доказательства; солдат вытащил меч из ножен и заколол Архимеда. По другой версии, когда к Архимеду явился римский солдат с мечом в руке, ученый просил дать ему короткое время, чтобы задача, которою он занимался, не осталась нерешенной; убийца, не обращая внимания на слова Архимеда, пронзил его своим мечом. Еще один рассказ, сохраненный Плутархом: Архимед шел к Марцеллу и нес математические инструменты; солдаты, встретившие его по дороге, решили, что он несет сокровища, и убили его с целью грабежа. У Валерия Максима [8, 7, 7) также сохранилось предание, будто Марцелл приказал пощадить Архимеда, который был убит не только без ведома, но и вопреки ясно выраженному указанию Марцелла. Воину, ворвавшемуся к нему в дом, Архимед сказал: «Не порти это [чертеж]!»; римлянин, оскорбленный этими словами, отрубил ему голову. В изложении Диодора [26, 18] и Диона Кассия [фрагм., 45], Архимед был погружен в свою работу, когда какой-то римлянин предстал перед ним; не видя, кто ему мешает, Архимед сказал: «Отойди, человече, от моего чертежа!»; схваченный врагом, поняв, что он попал в руки римлянина, старик закричал: «Пусть кто-нибудь из моих даст мне какое-нибудь орудие!»; перепуганный римлянин тут же его убил. Марцелл оплакал Архимеда и приказал торжественно похоронить в родовой усыпальнице; убийцу казнили. По Зонаре [9, 5], Архимед чертил какой-то чертеж, когда к нему явился римский воин; за головой, заметил Архимед, а не за чертежом он пришел, и продолжал работать, почти не обращая внимания на солдата; едва успевший сказать «отойди, человече, от чертежа», он был убит разгневанным римлянином. Зонара не считает нужным говорить что-либо о действиях Марцелла и ограничивается констатацией: «Захватив их (Ахрадину и о-в Ортигию. — *И. К.),* римляне убили многих других и Архимеда». Согласно этой традиции, Марцелл не приказывал пощадить ученого, не печалился о его гибели и уж тем более никого не наказывал.

Как и во многих других случаях, мы вынуждены оставить открытым вопрос об обстоятельствах смерти Архимеда и о подлинной реакции Марцелла на это событие. Факт остается фактом: Архимед был убит во время дикой оргии грабежа и убийств, развязанной Марцеллом в Сиракузах. Не исключено, что Марцелл счел необходимым продемонстрировать свою скорбь по поводу столь грустного инцидента и отдать последний долг убитому: в той ситуации, которая сложилась и в самой Сицилии, и в Балканской Греции, где римляне отчаянно нуждались в поддержке греческих союзов против Филиппа V, римлянам политически было крайне невыгодно появляться в роли убийц и насильников, хладнокровно истребляющих лучших представителей греческой мысли. Напомним, что римляне уже старались привлечь на свою сторону Дельфийский оракул. Сопоставление с Ганнибалом, при штабе которого, как сказано, находились греческие литераторы, было бы слишком невыгодным[128]. Как бы то ни было, достоверно известно [Циц., Госуд., 1, 14], что Марцелл одну из знаменитых Архимедовых «сфер» посвятил в храм Мужества, а другую взял себе как причитавшуюся ему долю добычи; в его семье эта реликвия передавалась из поколения в поколение.

Несомненно, однако, и другое: в Сиракузах, когда они оказались под властью римлян, было далеко не безопасно вспоминать Архимеда — одного из организаторов сопротивления римскому нашествию, вероятно, наиболее бескомпромиссного врага

128 Ср., однако: *Лурье С. Я.* Архимед. С. 228-230.

римлян[129]. Этим, надо полагать, объясняется, что могила Архимеда была заброшена и забыта, и только Цицерон уже в I в. после многих трудов смог ее отыскать [Циц., Туск., 5, 64-66].

Взятием Сиракуз война в Сицилии окончена еще не была. В сицилийских городах происходили столкновения между сторонниками Рима и приверженцами Карфагена; только вмешательство Марцелла могло обеспечить победу проримских группировок [ср. у Плут., Марц., 20]. О том, на какие уступки Марцелл вынужден был идти, говорит свидетельство Аппиана [Сиц., 5[: заключая договор с Тавромением, Марцелл отказался от права размещать в этом городе римский гарнизон и набирать там солдат во вспомогательные формирования римской армии. В Акраганте еще сидел Эпикид; там же находился с пунийскими подразделениями Ганнон; наконец, туда же Ганнибал прислал Муттона — гражданина Гиппона Диаррита, хорошо изучившего военное дело под его руководством. Муттону Эпикид и Ганнон подчинили нумидийских всадников. Очевидно, Ганнибал не терял еще надежды поправить положение на острове. И действительно, совершая смелые рейды во главе отряда, Муттон снова поднял по всей Сицилии антиримское движение. Наконец, Эпикид и Ганнон вместе с Муттоном вывели свои войска к р. Гимера. Там Муттон сумел в нескольких стычках разбить римлян, однако бунт нумидийцев, часть которых внезапно ушла в Гераклею Минойскую, заставил его отвлечься от борьбы с римлянами. Пока он отсутствовал, Ганнон и Эпикид решили дать сражение. Но их воины не выдержали первого же натиска и бежали. Одержав эту победу, Марцелл торжественно возвратился в Сиракузы [Ливий, 25, 40-41; Зонара, 9, 7].

Падением Сиракуз и разгромом карфагенян и греков у р. Гимера был предрешен исход борьбы за Сицилию. Остров, хотя в Акраганте еще оставались карфагенские войска и отряды Эпикида, становился римской провинцией; все планы карфагенского правительства, все военно-политические устремления самого Ганнибала, связанные с Сицилией, и в частности с Сиракузами, терпели крушение. Вместо того чтобы связывать Ганнибала с Карфагеном, Сицилия превращалась в непреодолимую преграду, отделявшую пунийскую армию в Италии от возможных источников подкреплений. Вместо того чтобы стать надежным тылом для армии Ганнибала, Сицилия делалась плацдармом, откуда можно было в любой момент ожидать и вторжения римских войск в Африку, и удара через южные районы Апеннинского полуострова по Ганнибалу. Рушилась надежда создать македонско-тарентинско-капуанско-сиракузско-карфагенскую коалицию для уничтожения Рима. В Таренте в акрополе засели римляне, Капуя была осаждена, Сиракузы захвачены Марцеллом. Что еще? Разве что новый рейд Тита Отацилия в Африку. За несколько дней до захвата Сиракуз, вторгнувшись рано утром на 80 квинкверемах в гавань Утики,

[129] **Там же. С. 230.**

он увел нагруженные продовольствием транспорты, опустошил поля вокруг Утики и с торжеством вернулся в Лилибей [Ливий, 27, 31][130].

В Испании кампания 212 года началась при следующих обстоятельствах. Как известно, на Пиренейском полуострове находились в этот момент две римские армии: одна — под командованием Публия Корнелия Сципиона и другая — под началом его брата Гнея. Когда наступил сезон боевых операций, римские полководцы покинули зимние квартиры и объединили свои силы. Им противостояли три армии карфагенян: две — под командованием Гасдрубала сына Гисгона и Магона сына Гамилькара Барки — находились в общем лагере на расстоянии приблизительно пяти дней пути от римлян, и одна стояла около г. Анторга (ее возглавлял Гасдрубал сын Гамилькара Барки). Для того чтобы разработать план кампании и определить ее цели на ближайшее время, Сципионы созвали военный совет; его участники пришли к единодушному мнению: до сих пор стремились только помешать Гасдрубалу Баркиду пробиться в Италию, теперь же (несомненно, после блестящих успехов предшествующих кампаний) настало время закончить войну в Испании. Средств должно было хватить: к римлянам присоединились 20 000 кельтиберов — по тем временам весьма грозная сила. Сначала римское командование решило нанести удар по Гасдрубалу сыну Гамилькара Барки. Все были уверены в успехе и беспокоились о том, как бы напуганные его поражением Гасдрубал сын Гисгона и Магон Баркид не ушли в горы и не затянули бы войну. Поэтому римляне разделили свои войска. Две трети прежней армии Публий Корнелий Сципион повел против Магона Баркида и Гасдрубала сына Гисгона; одну треть прежней армии и кельтиберов Гней Корнелий Сципион двинул к Анторгу против Гасдрубала Баркида [Ливий, 25, 32]. Карфагеняне предоставили римлянам начать военные действия.

Хорошо понимая, что свои надежды Гней Сципион фактически возлагает на кельтиберов, Гасдрубал Баркид сделал все, чтобы оторвать их от римлян. Его аргументы оказались настолько полновесны, а потому и настолько убедительны и для рядовых кельтиберских воинов, и для их вождей, что они покинули римский ла-

[130] У. Карштедт *(Meitzer O.* GK, III, S. 484, прим. 1) считает, что в рассказе Ливия об экспедиции Т. Отацилия в Африку за несколько дней до взятия Сиракуз нет ни слова истины. Если бы, замечает он, в Лилибее стоял римский флот из 80 квинкверем, Марцеллу не нужно было бы опасаться численного превосходства флотилии Бомилькара. Однако это предположение само по себе не опровергает римской традиции: о том, что у берегов Сицилии действовала как самостоятельная боевая единица римская флотилия, которою командовал Т. Отацилий, хорошо известно. Судя по тому, что Отацилий еще прежде совершил набег на африканское побережье, можно думать, что его морской отряд имел специальное поручение такого рода и должен был действовать вне зависимости от развития событий у Сиракуз. К тому же обстановка под Сиракузами складывалась для римлян благополучно.

О топографии Сиракуз интересующего нас периода см.: *Drögenmüller H.-P.* Syrakus. Heidelberg, 1969. S. 139-149.

герь, заявив на прощание, будто междоусобные распри мешают им принять участие в предприятии Сципионов. Гней, не имея теперь ни достаточной армии, чтобы осуществить первоначальный план и сразиться с Гасдрубалом Баркидом, ни возможности соединиться с братом, решил отступить, по возможности уклоняясь от боя на открытой местности; карфагеняне преследовали его по пятам [Ливий, 25, 33].

Положение Публия Корнелия Сципиона также становилось все более затруднительным. Набеги нумидийской конницы Массанассы постоянно тревожили его солдат. Удары, наносимые ею, с каждым днем становились все ощутимее, так что в конце концов римляне оказались в полном смысле слова осажденными в собственном их лагере. Большую тревогу вызвал у Сципиона слух о том, что на помощь карфагенянам идет один из испанских вождей, Индебил, и ведет с собой отряд суессетанов в 7500 человек. Желая предотвратить худшее и, во всяком случае, не допустить Индебила соединиться с карфагенянами, Публий Сципион ночью бросился ему навстречу, оставив в лагере небольшой гарнизон под командованием Тиберия Фонтея. Сражение завязалось с ходу, и римская пехота уже, казалось, побеждала, как вдруг с флангов на нее напали нумидийские всадники, а с тыла — карфагеняне, очевидно, внимательно следившие за всеми передвижениями Публия. Во время боя Публий Корнелий Сципион был убит, и эта гибель предрешила исход дела: лишившись командования, римляне стали разбегаться; многие из них были изрублены уже во время бегства [Ливий, 25, 34]. По данным Аппиана [Исп., 15], Публий Корнелий Сципион был убит во время рекогносцировки, которую он совершал с немногочисленным отрядом всадников.

Сразу же после этой победы Гасдрубал сын Гисгона и Магон Баркид повели свои войска на соединение с Гасдрубалом Баркидом. Заметив их прибытие, Гней Сципион решил снова отступить и ночью оставил свой лагерь. На рассвете карфагеняне начали преследование, выслав вперед нумидийскую конницу, которая заставила римлян остановиться и принять бой. К наступлению следующей ночи Сципиону удалось занять на холме, господствовавшем над местностью, круговую оборону и даже возвести из обозной клади какое-то подобие заграждений. Однако сопротивляться численно превосходящему противнику римские солдаты не могли. Растаскивая набросанные тяжести, карфагеняне, испанцы, нумидийцы расчистили себе дорогу и начали резню; большинство римлян укрылись в окрестных лесах, а потом бежали в лагерь к Тиберию Фонтею. Гней Сципион погиб во время боя; по одним рассказам, он был убит прямо на холме, по другим — бежал в башню недалеко от холма и там погиб, когда ею овладели карфагеняне [Ливий, 25, 35-36; ср. также у Апп., Исп., 15].

Смерть обоих Сципионов и разгром римской армии открыли карфагенянам путь на север Пиренейского полуострова, и они спешно направились к Иберу, куда отсту-

пали и остатки римских войск, собранные всадником Л. Марцием и соединившиеся с Фонтеем. Когда римляне переправились через Ибер и там начали строить свой лагерь, они избрали командующим Л. Марция. Гасдрубал сын Гисгона также переправился через Ибер и подошел к римскому лагерю. Сражаясь отчаянно, римляне отбили нападение карфагенян, и те ушли, выказывая полное пренебрежение к совсем недавно разбитому наголову противнику. В охране своего лагеря, а также в наблюдениях за противником карфагеняне были крайне неосторожны и невнимательны: имея дело с остатками армии Сципионов, от которых, они думали, не могла исходить сколько-нибудь серьезная опасность, пунийское командование не считало нужным соблюдать мер предосторожности. Воспользовавшись этим, Л. Марций решил осадить лагерь Гасдрубала сына Гисгона; темной ночью римляне ворвались в карфагенский лагерь и уничтожили его [Ливий, 25, 37- 39]. Ливий, следующий в данном случае за римской анналистической традицией, склонен, по-видимому, преувеличивать значение победы Л. Марция, описанию которой он, естественно, уделял больше места, чем гибели Сципионов и разгрому всей римской армии на Пиренейском полуострове [141].

Победа над Публием и Гнеем Сципионами снова отдала в руки карфагенян Испанию к югу от Ибера. Однако нельзя преуменьшать и значения того, что сделал Л. Марций: он превратил беспорядочную массу ускользнувших от гибели солдат в воинское формирование, способное успешно сопротивляться карфагенянам и даже наносить им чувствительные удары, он удержал римский плацдарм к северу от Ибера. Борьба в Испании могла теперь возобновиться сначала.

Тем временем события на Балканском полуострове, в которых активнейшую роль играл союзник Ганнибала македонский царь Филипп V, развивались своим чередом. Неудача под Аполлонией не остановила действий Филиппа в Иллирии. Уже в 213 г. он овладел на иллирийском побережье Адриатического моря г. Лиссом [Полибий, 8, 15-16], у северной границы Иллирийского царства, а затем отнял у римлян Атинтанию и Парфинию. Большинство иллирийских городов сдались ему без сопротивления [Полибий, 8, 16, 10]; римляне увидели себя удерживающими узкую полоску земли на адриатическом побережье Иллирии. Казалось, еще одно усилие, и Филипп V, сбросив римлян в море и окончательно утвердив свое господство на севере Балканского полуострова, сможет вмешаться в италийские дела. Однако и здесь римляне сумели противопоставить победам македонского царя (а следовательно, замыслам его карфагенского союзника) свою энергию и настойчивость: не имея пока

[131] Сказанное едва ли означает, однако, что рассказ о поражении, нанесенном Гасдрубалу сыну Гисгона, — анналистическая фикция, которая должна была уравновесить впечатление от поражения обоих Сципионов *(Scullard H. H.* Scipio Africanus in the Second Punic War. Cambridge, 1930. P. 53). Тот факт, что римляне могли сохранить свой плацдарм в Испании, свидетельствует о достоверности Ливиевой традиции.

возможности содержать на Балканском полуострове силы, достаточные для уничтожения македонской армии, но, сохраняя за собой плацдарм, римское правительство, по-видимому, уже в 212 г. начало тайные переговоры с Этолийским союзом —естественным противником Филиппа V в борьбе за гегемонию в балканской Греции. Ганнибал ничего не знал, вероятно, об этих контактах, а если и знал, то ничего не сделал, чтобы предотвратить столь важную победу римской дипломатии. Да и что он мог сделать? Любой союзник Филиппа V автоматически становился врагом этолян, и, следовательно, даже при более благоприятной военно-политической ситуации Ганнибал не мог рассчитывать с помощью каких-нибудь ухищрений привлечь их на свою сторону.

VII

К началу кампании 211 года уже стало ясно, что центром военных действий будет Капуя и что именно ее судьба определит исход и самой этой кампании, и военных действий в Италии вообще. Не случайно римский сенат не только продлил срок полномочий осаждавшим Капую Квинту Фульвию Флакку и Аппию Клавдию Пульхру (консулами на этот год были избраны Гней Фульвий Центимал и Публий Сульпиций Гальба), но и приказал, чтобы они не уходили от стен Капуи, пока не овладеют ею.

Не случайно и Ганнибал, какое-то время колебавшийся между желанием во что бы то ни стало захватить тарентинский акрополь и необходимостью оказать помощь Капуе, решил в конце концов сосредоточить свои усилия в районе Капуи, тем более что из Капуи ему были доставлены сведения о тяжелом положении, в котором оказался город, отрезанный от внешнего мира и лишенный продовольствия, и что между осаждающими и осажденными начались столкновения, в которых побеждала то капуанская конница, то римская пехота [Ливий, 26, 4]. Как и римское правительство, Ганнибал отлично понимал, что судьба Капуи окажет решающее влияние на развитие событий в Южной Италии, и поэтому, оставив в Брутиуме большую часть обоза и тяжеловооруженных солдат, он во главе отборной пехоты и конницы, за которыми следовали еще 33 слона, ускоренным маршем прибыл в Кампанию и снова расположился у горы Тифаты.

Овладев по пути небольшой крепостью Галатией и прогнав оттуда римский гарнизон, Ганнибал нашел способ известить осажденных о времени, когда он собирается напасть на римские войска, чтобы и капуанцы со своей стороны нанесли удар по врагу, отвлекая часть его сил на себя. При создавшемся положении римское командование решило разделить свои войска: Аппий Клавдий Пульхр должен был сражаться с капуанцами, Квинт Фульвий Флакк — противостоять Ганнибалу, пропретор Гай Клавдий Нерон занял дорогу на Суессулу, а легат Гай Фульвий Флакк с союзнической конницей — местность, прилегающую к р. Вольтурн.

Битва развернулась так, как и предвидели полководцы обеих армий. Капуанцы напали на легионы Аппия Клавдия, и тот сначала успешно отражал их атаки, а затем оттеснил к воротам. Ганнибал сражался с легионами Фульвия и на первых порах добился серьезной удачи: один из легионов (шестой, говорит Ливий) не выдержал натиска испанских наемников Ганнибала и отступил; отряд испанцев, сопровождаемый 3 боевыми слонами, прорвал строй римлян и подошел к валу римского лагеря. Здесь Фульвий организовал ожесточенное сопротивление и серией контратак заставил пунийцев остановиться. Видя, что его испанский отряд гибнет под ударами римлян, что враги упорно отражают все попытки овладеть их лагерем (в ходе боя погибли боевые слоны; их телами заполнился ров перед лагерным валом, и воины дрались не только на валу, но и на трупах животных, которые образовали своего рода мост), Ганнибал велел отступить; Фульвий не пожелал его преследовать [Ливий, 26, 5-6]. Ливий [там же] передает и другой рассказ об этом событии: нумидийцы и испанцы вместе со слонами будто бы неожиданно ворвались в римский лагерь, устроили там панику, а знавшие латынь воины Ганнибала от имени римского командующего приказывали римлянам бежать из лагеря в близлежащие горы, потому что лагерь-де уже захвачен Ганнибалом. Дело закончилось, однако, истреблением проникших в римский лагерь солдат, а слонов прогнали огнем. Этой же традиции близок и Аппиан [Апп., Ганниб., 41], однако он относит битву ко времени после похода на Рим.

Как бы то ни было, сражение явно закончилось вничью, но эта ничья была для Ганнибала равна поражению. Попытка его прогнать римлян от стен Капуи не удалась. Больше он уже не предпринимал атак на римский лагерь, видимо не считая себя в состоянии прямым ударом заставить Фульвия и Аппия Клавдия покинуть Кампанию. Надо было во что бы то ни стало найти какое-то другое средство, чтобы отвлечь внимание римского командования от осажденного города. И ему показалось вдруг, что такое средство существует: нужно создать смертельную угрозу существованию Римского государства или по крайней мере симулировать возникновение подобной угрозы. Тогда римское командование бросит все и устремится спасать отечество. Так был решен поход на Рим.

Мы уже говорили о том, что сразу же после битвы при Каннах среди ближайших соратников Ганнибала родилась идея немедленного похода на Рим; мы видели даже, что командир нумидийских всадников Махарбал предложил ее Ганнибалу и, выслушав ответ, позволил себе громогласно усомниться в умении Ганнибала воспользоваться плодами своей победы. Упоминали мы и о том, что Ганнибалу, видимо, не раз приходилось выслушивать в ходе последующих кампаний упреки со стороны своих полководцев и терпеть их ропот; он тем более не имел никакого морального права пресечь нежелательные разговоры, что его самого в глубине души грызло

раскаяние, что он и сам понимал, какие возможности упустил [ср. у Ливия, 26, 7, 3].

Когда же теперь, почти через четыре года, Ганнибал наконец решился, обстановка коренным образом переменилась. После Канн Рим был беззащитен до такой степени, что вынужден был составлять свои легионы из добровольцев-рабов, которым в награду за службу было обещано освобождение. Теперь Рим накопил достаточно сил, чтобы вести успешную или с переменным успехом войну и в Италии, и в Сицилии, судьба которой была фактически решена кампанией 212 года, и в Испании и даже совершать набеги на Северную Африку, а также парализовать македоно-карфагенский союз. Всего этого Ганнибал не мог не понимать. Он рассчитывал, что если Рим подвергнется опасности, то либо оба римских командующих, либо один из них покинет Капую. Когда они разделят свои войска, каждый станет слабее, и либо сам Ганнибал, либо капуанцы достигнут какого-то успеха. Единственное, что тревожило Ганнибала, — это позиция Капуи. Он боялся, что, узнав об его уходе на север, капуанцы внезапно сдадутся осаждающим. Желая предотвратить такое развитие событий, Ганнибал нашел способ переправить в Капую письмо, где объяснял свой замысел: его уход заставит римлян удалиться от стен Капуи для защиты Рима; потерпев еще несколько дней, капуанцы вообще будут избавлены от осады. Переправившись в одну из ночей через Вольтурн (в своем лагере он приказал не гасить огней), Ганнибал двинулся на север [Ливий, 26, 7].

Успех всего предприятия, задуманного Ганнибалом, в немалой степени зависел от того, насколько будет велик элемент неожиданности в его нападении на Рим. Однако сохранить свой замысел в тайне Ганнибалу не удалось: Фульвий Флакк узнал обо всем от перебежчиков и немедленно известил римское правительство. В Риме тотчас было созвано заседание сената. Один из сенаторов, Публий Корнелий Асина, требовал для защиты Рима вызвать всех полководцев и все войска, действовавшие в Италии, то есть сделать именно то, чего хотел Ганнибал. Ему возражал Квинт Фабий Максим. Он считал преступным оставлять осаду Капуи и, поддаваясь страху, совершать какие бы то ни было военные маневры под влиянием угроз и действий Ганнибала. «Неужели, — восклицал он,—тот, кто после Канн, будучи победителем, не осмелился идти на Рим, теперь, отброшенный от Капуи, возымеет надежду овладеть Римом? Не для осады Рима, но для освобождения Капуи от осады идет он. Рим будет защищен теми войсками, которые находятся у города, Юпитером, свидетелем того, как Ганнибал нарушал договоры, и другими богами». Обсуждение завершилось принятием компромиссного предложения Публия Валерия Флакка. Аппию Клавдию и Фульвию написали письмо, в котором сообщили, какими силами располагает Рим для обороны; если кто-нибудь из них может быть послан с частью войск для защиты города, но так, чтобы продолжалась по всем правилам осада Капуи, то пусть они договорятся между собой,

кто будет продолжать осаду, а кто пойдет к Риму, чтобы там противостоять Ганнибалу.

Само собой понятно, что римское командование у Капуи не могло, каковы бы ни были действительные цели Ганнибала, игнорировать опасность, нависшую над Римом, и письмо сената; оно решило поэтому направить часть своих войск в Рим (15000 пехотинцев и 1000 всадников). Аппий Клавдий, раненный в боях с капуанцами, не мог возглавить этой экспедиции, тем более что следовало торопиться, и поэтому командование взял на себя Квинт Фульвий Флакк [Ливий, 26, 8; ср. у Апп., Ганниб., 4 так и не удалось заставить римлян снять осаду с Капуи[132].

Известие о том, что Ганнибал идет на Рим, и в особенности сообщение вестника, прискакавшего из Фрегелл, о приближении карфагенских полчищ, вызвало в городе огромную тревогу. Люди бегали по улицам, обменивались новостями и слухами, присоединяя к истине всякого рода небылицы, распространяя повсюду страх и смятение. Рассказывали, например, что карфагенянин только потому осмелился пойти на Рим, что он уже уничтожил легионы, стоявшие под стенами Капуи [Полибий, 9, 6, 2]. Из домов доносился женский плач, по улицам от одного храма к другому бегали почтенные матери семейств и, покрывая своими волосами ступени алтарей, простирали руки к богам, чтобы те защитили город от врага и сохранили невредимыми римских женщин и детей [Полибий, 9, 6, 2-3]. Организующей силой в этом хаосе были, по словам Ливия [26, 9], сенат и магистраты. Сенат непрерывно оставался на форуме на случай, если потребуется его решение; туда приходили все желавшие и имевшие физическую возможность участвовать в обороне, получали приказания и отправлялись выполнять свои обязанности. По рассказу Аппиана [Ганниб., 39], все, кто мог носить оружие, охраняли ворота; старики защищали стены, женщины и дети подносили камни и метательные снаряды [ср. также у Полибия, 9, 6, 3]. До подхода Фульвия (получив известие о его движении к Риму, сенат, дабы не лишать его власти командующего в пределах городской черты[133], решил предоставить ему права и полномочия консула) римские власти расположили гарнизоны в крепости, на Капитолии, на стенах вокруг города, а также на дальних подступах к Риму в крепости Эсула и на Альбанском холме [Ливий, 26,

[132] В рассказе Полибия [9, 6—7] говорится о том, что римляне вообще не уходили от Капуи; однако в связи с этим решением Полибий называет только Аппия Клавдия и ничего не говорит о Фульвий, что само по себе делает его сведения подозрительными. Э. Пайс *(Pais E.* Storia di Roma durantele guerre Puniche. Vol. I. P. 292) принимает рассказ Ливия о движении Фульвия. Отвергает эту традицию Дж. Босси *(Bossi G.* La guerra... P. 133-138). Он полагает, что источники смешали Фульвия Флакка и Фульвия Центимала.

[133] Согласно римским обычаям, полномочия, предоставленные Кв. Фульвию для осады Капуи (продление консульской власти, то есть проконсульство), не имели силы в пределах римской городской черты.

9]. Насколько достоверны сведения Аппиана [Ганниб., 39], что в Риме, когда Ганнибал предпринял свой поход, не было достаточных сил для обороны, неизвестно. Они, во всяком случае, противоречат свидетельствам Ливия и Полибия. По данным Полибия [9, 6, 6], консулы как раз в этот момент завершили формирование одного легиона и занимались формированием другого.

Между тем Ганнибал и Фульвий спешили к Риму. Фульвий несколько задержался на переправе через Вольтурн: Ганнибал сжег речные суда, и римляне второпях сколачивали плоты; древесины не хватало. Пока преодолевали это затруднение, должно было пройти много времени. А Ганнибал шел на север, опустошая все на своем пути и почти не встречая сопротивления. Только когда он вступил на территорию Фрегелл и подошел к р. Лирис, его движение несколько замедлилось, так как мост был разрушен. Беспощадно разорив Фрегеллы и восстановив переправу, Ганнибал продолжил свой путь в Лабики, затем, минуя Альгид, в Тускул, оттуда в Габии и, наконец, разбил свой лагерь в Пупинии, в 8 милях от Рима [Ливий, 26, 9][134]. Примерно тогда же, преодолев наконец Вольтурн и не встречая больше никаких преград, в Рим прибыл Фульвий, вошел в город через Капенские ворота и расположился между Эсквилинскими и Коллинскими воротами. Появление Фульвия с

[134] Полибий [9, 5, 8] пишет, что Ганнибал шел к Риму через Самниум, тогда как Ливий [26, 9] намечает иной маршрут — через Кампанию в Лациум: минуя Калы через области сидицинов и далее через Суессу, Аллит и Касину по Латинской дороге, миновав Интерамну и Аквин во Фрегеллы, оттуда через земли фрусинатов, ферентийцев и анагнийцев в Лабики, далее через Альгид в Тускул, оттуда в Габии и затем уже в Пупинийскую область. Традиция Цэлия Антипатра [Ливий, 26, 11, 10-13] близка к указаниям Полибия: Ганнибал из Кампании шел в Самниум, оттуда в Пелигнию и, минуя Сульмон, в страну марруцинов; потом через область Альбы в землю марсов, оттуда в Амитерн и Ферулы и далее к Риму. Интересно, что Ливий, не оспаривая этого маршрута, ставит вопрос, шел ли этим путем Ганнибал к Риму или от Рима. В литературе предпочтение отдается версии Полибия *{Моммзен Т.* История Рима. Т. I. С. 605; *Meltzer O.* GK, III. S. 490, прим. 2; *Gsell St.* HAAN, IV. P. 165; *Scullard H. H.* A History of the Roman World from 753 to 146 B. C. P. 227; *Beer G. de.* Hannibal. S. 245; *O'Connor Morris W.* Hannibal. S. 237). Дж. Босси *(Bossi G.* La guerra. P. 126-133] думает, что Ганнибал шел через Самниум по Валериевой дороге. К. Нейман *(Neumann C.* Das Zeitalter... S. 439, прим. 1) отрицает достоверность предания Полибия и Цэлия Антипатра, поскольку путь, о котором они говорят, не позволял Ганнибалу достичь желаемого результата — внушить проконсулам мысль об опасности, угрожающей Риму. По мнению Т. Додж *(Dodge Th. A.* Hannibal. P. 483-484), у Ганнибала не было никакой необходимости уходить в Самниум, что увело бы его в сторону от намеченного маршрута. Ж. Вальтер (*Walter G.* La destruction de Carthage. P. 375) говорит, что Ганнибал шел по Латинской дороге. Э. Пайс *(Pais E.* Storia di Roma durante le guerre Puniche. Vol. I. P. 290) пишет, что современные историки не могут предложить точного решения данной проблемы, но тут же замечает, что Касин в римское время считался самнитским городом; не исключено, что в «более древние» времена слово «Самнитида» распространялось на район, более обширный, чем тот, который позже обозначался словом «Самниум». Последняя гипотеза, устраняющая кажущееся противоречие между источниками, представляется нам наиболее правдоподобной, однако окончательное решение возможно будет, очевидно, только по обнаружении новых источников.

его отрядом заставило римские власти в какой-то степени пересмотреть сделанные ранее распоряжения. Теперь было решено, что консулы расположат свои войска между Коллинскими и Эсквилинскими воротами, то есть фактически присоединятся к Фульвию. Командование подразделениями, находившимися в Капитолии и крепости, поручили городскому претору Гаю Кальпурнию.

А Ганнибал еще ближе подошел к Риму. Теперь он расположил свой лагерь у р. Аниона, в 3 милях (в 40 стадиях, по Аппиану [Ганниб., 39], в 32 стадиях, по Полибию [9, 5, 9]) от города, и во главе 2000 всадников поскакал на рекогносцировку в направлении Коллинских ворот; он уже приближался к храму Геркулеса и осматривал городские стены и расположение улиц, когда Фульвий выслал против него отряд конницы и заставил пунийцев удалиться в свой лагерь [Ливий, 26, 10].

Ганнибал у ворот! Казалось, вся Италия, затаив дыхание, замерла в ожидании. В самом Риме то тут, то там возникала тревога, начиналась паника, люди в смятении ожидали, что бои вот-вот завяжутся на улицах города. Особенную тревогу вызвал следующий эпизод. В Риме к моменту, когда Ганнибал подошел к его стенам, находились на Авентине около 1200 нумидийских всадников-перебежчиков. Пока у Коллинских ворот происходила стычка между римской и карфагенской конницей, сенат приказал этим перебежчикам сосредоточиться на Эсквилине, полагая, что они лучше других смогут сражаться там, среди оврагов, садов, гробниц и канав. Когда перебежчики спускались с холма, население, не зная, в чем дело, решило, что Авентин уже занят карфагенянами. Разбегаясь по домам и постройкам, люди нападали на нумидийцев, забрасывали их камнями и дротиками, и ни разъяснить, в чем дело, ни успокоить народ не было ни малейшей возможности. В таких обстоятельствах (город к тому же был переполнен беженцами, их повозками и скотом) власти решились на крайнюю меру. Всем бывшим диктаторам, консулам и цензорам был предоставлен империй, то есть полномочия высшей военно-административной власти для поддержания порядка, пока враг не удалится от города [Ливий, 26, 10].

На следующий день Ганнибал форсировал Анион и вывел на битву все свои войска. Фульвий и консулы также решили не уклоняться от сражения. Обе армии уже были построены и готовились к бою. Внезапно разразился страшный дождь с градом, который привел и римлян и карфагенян в такое жалкое состояние, что они едва добрались до своих лагерей. На следующий день повторилось то же самое, и по пунийскому лагерю поползли слухи, что это боги мешают Ганнибалу сразиться; говорили, будто сам Ганнибал восклицал: у него не хватает то ума, то счастья, чтобы овладеть Римом [Ливий, 26, 11]. Очевидно, этот эпизод послужил Полибию основой для рассказа о том, что консульские войска, выстроенные перед городом, остановили Ганнибала, когда тот устремился на Рим [9, 6, 8-10].

Между тем Ганнибалу доложили сразу о двух событиях, которые произвели на него исключительное впечатление. Во-первых, он узнал, что, пока он стоит под сте-

нами Рима, римское правительство отправило в Испанию дополнительные воинские контингенты. Эта военно-политическая демонстрация римлян ясно показала, что ни одной из своих целей он так и не добился. Хотя Фульвий и ушел в Рим с какой-то частью римских войск, стоявших под Капуей, осада этого города продолжалась по-прежнему; победить ни ему, ни капуанцам так и не удалось; римское правительство ничуть не испугалось и даже посылает своих солдат на далекие заморские театры военных действий, не обращая внимания на то, что он, Ганнибал, стоит у самых Коллинских ворот. Во-вторых, Ганнибал узнал, что то поле, на котором располагался его лагерь, поле, принадлежавшее ему по праву войны, кто-то, очевидно юридический собственник, продал в Риме за обычную цену; на покупателя не произвело никакого впечатления, что этим полем в данный момент фактически владеет не продавец, а Ганнибал. Едва ли можно сомневаться в том, что и эта коммерческая сделка была остроумной и блестяще проведенной политической демонстрацией, которая должна была показать всей Италии, и прежде всего, конечно, Ганнибалу, насколько прочны позиции Рима, насколько уверены в себе римляне [Ливий, 26, 11, 5-6].

Римляне, надо сказать, произвели на Ганнибала именно то впечатление, которого добивались. Правда, в порыве бессильной ярости карфагенский полководец приказал продать у себя в лагере лавки римских менял [Ливий, 26, 11, 7]. Однако он так и не решился больше предлагать Фульвию сразиться под стенами Рима; сначала он перенес свой лагерь к р. Тутии, в 6 милях от Рима, а потом, разграбив окрестности города [Полибий, 9, 6, 10], и в том числе храм в роще Феронии, ушел на юг Апеннинского полуострова [Ливий, 26, 11][135]. В Риме отступление Ганнибала восприняли как чудо, совершенное богом «Возвратителем» (Rediculus) или «Охранителем-возвратителем» (Tutunus Rediculus; Фест., 282 м.), алтарь которому

[135] Евтропий [3, 14] иначе, вне связи с осадой Капуи, и, по-видимому, менее достоверно рассказывает о походе Ганнибала на Рим: Ганнибал дошел до четвертого милевого столба, а его всадники — до городских ворот; затем, опасаясь войск противника, он возвратился в Кампанию. Орозий [4, 17, 2-7] следует Ливию. По рассказу Аппиана [Ганниб., 40], Фульвий не входил в Рим, но расположился против лагеря Ганнибала по другую сторону Аниона. Так как мост через реку был разрушен, Ганнибал решил обойти реку у ее истоков; рассказывали, что ночью Ганнибал с отрядом гипаспистов проник в город, тайно его осмотрел и затем (настолько сильно было полученное им впечатление) отступил к Капуе. По-видимому, версия Аппиана интересна только в одном отношении: еще и через несколько столетий Ганнибала считали способным решительно на все.

Т. Моммзен (История Рима. Т. I. С. 605] полагает, что Ганнибал и не собирался сражаться под Римом и ушел от города во исполнение ранее задуманного плана. Однако против этого определенно свидетельствует античная традиция. У. Карштедт (см.: *Melzer O.* GK, III. S. 492] и Леншау *(Lenschau.* Hannibal. Sp. 2339) полностью отвергают традицию Ливия. Между тем, вопреки их мнению, традиции Ливия и Полибия во многих деталях совпадают (или объясняются одна из другой) или дополняют друг друга. Расходятся они только в одном, хотя и весьма существенном пункте: имело ли место движение Фульвия. Ср. также у Вальтера *(Walter G.* La destruction... P. 376), который следует в целом Ливию, но в вопросе о действиях Фульвия — Полибию.

воздвигли на том месте, откуда грозный карфагенский полководец начал свое движение на юг[136].

Римский поход Ганнибала закончился тяжелым военно-политическим поражением, хотя у стен города не произошло сколько-нибудь серьезных боев (может быть, именно по этой причине), а противники лишь примеривались друг к другу. Он показал, что у Ганнибала нет ни продуманного плана ведения войны, ни сил, необходимых для одержания новой серьезной победы над врагом или хотя бы освобождения Капуи от осады и достижения сколько-нибудь ощутимого перелома. Что ется Капуи, то ее судьба была предрешена. Ганнибал, видимо, не слишком долго предавался докучным размышлениям о ее будущем, решительно перечеркнул все свои надежды, связанные с нею, и, в то время как Фульвий возвратился из Рима к Капуе, устремился через Луканию (так и у Аппиана [Ганниб., 43], который пишет, что Ганнибал остался на зиму в Лукании) в Брутиум и далее к Регию, к Мессинскому проливу [Ливий, 26, 12, 2]. По Полибию [9, 7, 7], во время этого похода Ганнибал напал на преследовавшие его консульские легионы и нанес им серьезный урон [ср. также у Апп., Ганниб., 41-42]. Это с военной точки зрения совершенно бесцельное движение показало, что внутренне карфагенский полководец уже примирился с падением и гибелью Капуи и со всеми последствиями, которые это событие должно было иметь.

В Капуе уход Ганнибала в Брутиум истолковали однозначно, так, как его и следовало истолковать: карфагеняне, отчаявшись в своих попытках спасти город, бросили его на произвол судьбы. Римляне могли надеяться, что теперь мятежные капуанцы одумаются, прекратят бесполезное сопротивление и попытаются войти в соглашение с римским правительством, которое желало подчеркнуть и свое миролюбие, и свою готовность забыть прошлое. Во исполнение сенатского постановления один из командующих осадной армией (Фульвий?) издал указ о том, что все граждане Капуи, которые до означенного срока перейдут на сторону римлян, не будут преследоваться за преступления, совершенные ими против Рима; судя по тому, в каких формулировках Ливий [26, 12] цитирует данный указ, римское командование обещало Капуе «амнистию» и восстановление союзнических отношений. Однако, несмотря на предательство Ганнибала и явную бесперспективность дальнейшей борьбы, Капуя отклонила примирительный жест Рима; не было, свидетельствует Ливий [26, 12], ни одного случая перехода капуанцев в римский лагерь.

Ливий объясняет такое поведение граждан Капуи не столько «верностью» (Ганнибалу? родине?), сколько страхом [ср. также у Диодора, 26, 17]. Думается, однако, что мы вправе усомниться в достоверности этого объяснения, восходящего, по всей

136 См.: *Немировский А. И.* Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 53.

видимости, к римской официальной версии, тем более что изложенный здесь указ, как его передает сам Ливий, предусматривал амнистию вне зависимости от тяжести и характера совершенных деяний.

Материал, имеющийся в распоряжении исследователя, позволяет иначе подойти к вопросу. Сам Ливий следующим образом характеризует положение, сложившееся в Капуе: знать оставила государственные дела, и ее невозможно было созвать на совет; власть находилась в руках недостойного человека: меддикс тутикус в Капуе был в этом году Сеппий Лэсий — выходец из местной бедноты [Ливий, 26, 6]. Знать не появлялась ни на форуме, ни в общественных местах и, запершись дома, ожидала участи своей и города. Ведение всех дел было поручено Бостару и Ганнону — командирам пунийского гарнизона в Капуе [Ливий, 26, 12]. Если оставить в стороне окраску, которую придает этим фактам наш источник, можно считать достоверным, что власть в Капуе находилась в руках карфагенского командования и магистрата — представителя плебейских масс; знать либо самоустранилась (во всяком случае, те, кто не хотел принимать участия в антиримских действиях), либо была отстранена, но при всех обстоятельствах не принимала участия в управлении городом. То обстоятельство, что даже проримски настроенные «сенаторы» (а такие в городе, безусловно, были) не воспользовались гарантиями и обещаниями римлян, можно объяснить только одним: и Бостар, и Ганнон, и Сеппий Лэсий создали обстановку, при которой сама мысль о сдаче оказывалась невозможной. Их мотивы понять нетрудно. Карфагеняне не хотели идти в плен, капуанские плебеи не желали отдавать своего города на поток и разграбление римским солдатам, тем более что восстановление римского господства повлекло бы за собою приход к власти той части капуанской аристократии, на которую всегда опирались римляне.

Единственную надежду осажденные могли питать только на помощь извне. Бостар и Ганнон решили обратиться к Ганнибалу с письмом. Они упрекали его в том, что он предал врагу не только Капую, но и своих солдат. Если он вернется к Капуе и начнет здесь активные боевые действия, то и капуанцы будут готовы совершить вылазку. Карфагеняне перешли Альпы не для борьбы с Регием или Тарентом, но для войны с Римом. Где римские легионы, там должны находиться и пунийские войска. Это письмо карфагеняне отдали группе нумидийцев, которые под видом перебежчиков явились в римский лагерь, а оттуда должны были пробраться к Ганнибалу. Однако это резкое послание не дошло до адресата. Какая-то женщина-капуанка, любовница одного из нумидийцев, раскрыла замысел вражескому командованию; захватив всю группу, а также других перебежчиков-нумидийцев, бродивших по лагерю, римляне отрубили им руки и прогнали [Ливий, 26, 12].

Лэсий решил во что бы то ни стало созвать сенат. По словам Ливия [26, 13], ему пришлось угрожать насильственным приводом, чтобы заставить сенаторов со-

браться. Как бы то ни было, сенат почти единодушно высказался за немедленную капитуляцию. Вибий Виррий, который так недавно убеждал капуанцев порвать союз с Римом, говорил теперь, что римляне жестоко расправятся с Капуей; сам он, не дожидаясь позорной казни, предпочитает добровольно уйти из жизни (кстати сказать, Виррий и его сторонники тогда же отравились [Ливий, 26, 14]). В римский лагерь были отправлены капуанские послы для переговоров о сдаче [там же], а на следующий день широко распахнулись городские ворота, посвященные Юпитеру, и римские войска вступили в Капую. Пунийский гарнизон был взят в плен, сенат арестован, и те сенаторы, которые были известны как инициаторы отпадения от Рима, выдворены под стражу в Калы и Теан. Там Фульвий с ними и расправился, пренебрегши возражениями Аппия Клавдия и не обратив даже внимания на письмо претора Гая Кальпурния и постановление римского сената, который намеревался сам решить судьбу капуанской знати. Фульвий вскрыл письмо, когда было уже поздно [Ливий, 26, 15; ср. у Орозия 4, 17, 12; Апп., Ганниб., 43]. Остальные аристократы либо оставались в тюрьмах, либо были направлены под стражу в города латинского права; множество капуанцев продали в рабство. В стенах города разрешили остаться жителям, не имевшим ранее гражданских прав, вольноотпущенникам, мелким торговцам, ремесленникам (то есть всем, кто, не имея ранее в Капуе гражданских прав, не мог влиять на ход событий), однако городскую землю и общественные здания объявили собственностью римского народа [ср. у Апп., Ганниб., 43]. Победители не разрешили организовать в Капуе никакого подобия самоуправления; суд и расправу должен был чинить в городе ежегодно сменяемый римский наместник [Ливий, 26, 16]. Давний соперник, на протяжении многих десятилетий оспаривавший у Рима власть над Италией, вторая «столица» Италии, был уничтожен.

Несмотря на то, что Ганнибалу суждено было еще почти десять лет сражаться на территории Италии, результаты войны там, по сути дела, уже определились[137]. Он ничего больше не мог сделать для того, чтобы подорвать сколько-нибудь серьезно фундамент римского господства на Апеннинском полуострове. У него не хватало и людских ресурсов: по подсчетам У. Карштедта, в 211 г. (приблизительно через пять лет после Канн) у Ганнибала имелись еще около 26 000 солдат, а возможно, и того меньше[138].

[137] Ср.: *Neumann C.* Das Zeitalter... S. 443-444.
[138] *Meltzer O.* GK, III. S. 489.

Глава пятая

НА ПУТИ К ЗАКАТУ (ОТ ПАДЕНИЯ КАПУИ ДО ЗАМЫ)

Падение Капуи лишило Ганнибала самого сильного и, пожалуй, самого влиятельного в пределах Южной Италии союзника. А жестокая расправа, которую римское командование учинило над населением Капуи, показала всей Италии, какая участь ожидала тех, кто имел неосторожность изменить союзу с Римом и упорно не желал отказываться от дружественных отношений с карфагенянами. Падение Капуи обнаружило и бессилие Ганнибала, не сумевшего предотвратить в высшей степени неблагоприятное для него развитие событий. Не мудрено, что в городах Италии, связанных с Ганнибалом, начались волнения; все искали только подходящего случая или предлога, чтобы перейти к римлянам. Это положение внушало Ганнибалу жестокую тревогу: он не мог быть одновременно всюду, чтобы удержать от измены колеблющихся. Не мог он и распылять свои войска, если не желал оказаться слабее неприятеля. Пришлось бросить некоторые города, а из других вывести гарнизоны; из нескольких пунктов Ганнибал переселил жителей в другие места, а их имущество отдал на разграбление своим воинам. Во время всех этих операций — когда карфагеняне занимали италийские города и когда их покидали — люди жестоко страдали от грабежей, насилий и убийств со стороны Ганнибаловых солдат, уверенных, и не без оснований, в том, что, стоит только уйти, и население тут же предастся неприятелю [Полибий, 9, 26, 2-9; Ливий, 26, 38]. Весьма характерный эпизод рассказывает Аппиан [Апп., Ганниб., 44]: в г. Тисия (Брутиум) насилия карфагенян привели к тому, что там был составлен заговор с целью передать город римлянам. Заговорщики сумели под видом пленных сконцентрировать в Тисии значительную группу римских солдат, которые напали на пунийский гарнизон и захватили город. Немного времени спустя, когда мимо Тисии проходил Ганнибал, римляне бежали оттуда в Регий, и карфагенянин снова водворил там своих солдат. Участников заговора он велел сжечь.

Тем не менее Ганнибал еще мог держаться: у него за спиной были Лукания и Брутиум, его еще поддерживала Великая Греция и, что особенно важно, в Таренте стоял пунийский гарнизон. Ганнибал мог даже наносить неприятелю довольно чувствительные удары, выжидать удобного случая, благоприятного поворота событий. Однако теперь все зависело от того, какой оборот примут военные действия в Испании.

I

Говоря о кампании 212 года на Пиренейском полуострове, мы упоминали о том, что смелые и инициативные действия Л. Марция позволили римлянам, несмотря на гибель Гнея и Публия Корнелиев Сципионов, сохранить плацдарм к северу от Ибера и, следовательно, возможность снова начать борьбу за Испанию. Мы видели также, что в тот самый момент, когда Ганнибал стоял у ворот Рима, сенат счел возможным отправить несколько боевых подразделений в Испанию. Конечно, это была демонстрация, но не только демонстрация: действия римского правительства показывали, насколько, в сущности, важным для него стал испанский театр войны. Видимо, до известной степени этим объясняется и отказ сената утвердить Л. Марция на посту, где он так хорошо себя проявил и куда был избран воинами, оставшимися без командования. Само собой разумеется, сенат почувствовал себя задетым и даже ущемленным в своих правах: какой-то никому не ведомый Луций Марций, правда, всадник, но не назначенный «отцами-сенаторами», а всего лишь избранный воинами, позволил себе, донося в Рим обо всем происходившем, именовать себя пропретором. Олигархическое правительство Рима видело здесь чрезвычайно опасный прецедент на будущее: если воины в обход сената вздумают облечь своих избранников полномочиями магистрата и если такое положение вещей будет санкционировано, возникнет смертельная угроза власти сената [ср. у Ливия, 26, 2]. Поэтому, признавая деяния Л. Марция величественными, сенат тем не менее воздержался от того, чтобы адресовать свой ответ пропретору Луцию Марцию; было решено вынести на народное собрание вопрос, кому поручить командование в Испании войсками, ранее бывшими под началом Гнея Корнелия Сципиона [Ливий, 26, 2].

Пока же, вскоре после взятия Капуи, сенат поручил Г. Клавдию Нерону с 6000 пехотинцев и 300 всадников, а также с 6000 пехотинцев и 800 всадников из латинских союзников переправиться в Испанию. Высадившись у Тарракона и пройдя оттуда к р. Ибер, Нерон принял армию от Тиберия Фонтея и Луция Марция, а затем двинулся на карфагенян [Ливий, 26, 17]. Гасдрубал Баркид в этот момент находился у Черных Камней, между Илитургами и Ментиссой. Нерон занял там ущелье и поставил Гасдрубала тем самым в затруднительное положение. Последний решил пойти на хитрость и предложил римскому командующему начать переговоры: если ему, Гасдрубалу, будет гарантирован свободный проход, то он обязуется увести из Испании все карфагенские войска. Нерон с радостью ухватился за это предложение, отдававшее римлянам весь пиренейский плацдарм без борьбы, да еще сразу же после понесенного там римской армией тяжелого поражения и гибели двух полководцев. Переговоры по конкретным вопросам (следовало уточнить условия сдачи городов, сроки эвакуации гарнизонов и вывоза пунийского имущества) Гасдрубал просил назначить на следующий день. Получив согласие, он с наступлением су-

мерек начал в полной тишине выводить всеми возможными путями свои обозы. На следующий день переговоры продолжались; карфагеняне навязали римской стороне обсуждение стольких проблем, в том числе и вовсе не относящихся к делу, что их решение пришлось перенести на следующий день, а потом откладывать еще и еще раз. Тем временем Гасдрубал выводил по ночам свою армию. Наконец, когда почти все уже было сделано, Гасдрубал снова попросил Нерона перенести переговоры на другой день, так как, по его словам, в тот день, когда была назначена решающая встреча, религиозные установления запрещали карфагенянам вести какие-либо дела (суббота?). Тем временем, воспользовавшись туманом, Гасдрубал тихо ушел со своими всадниками и слонами в безопасное место. Только когда туман рассеялся, римляне увидели опустевший лагерь неприятеля; Нерон бросился за ним, однако Гасдрубал уходил от боя, и дело ограничивалось небольшими стычками между пунийским арьергардом и авангардными соединениями римлян [Ливий, 26, 17].

В Риме, однако, посылкой Нерона вопрос о судьбе испанской кампании отнюдь не считали решенным. Здесь полагали необходимым значительно увеличить численность армии, сражавшейся на Пиренейском полуострове, и послать туда проконсула — полководца, который обладал бы высшей военно-административной властью. При обсуждении этого вопроса выяснилось, что и власти не могут прийти к какому-либо решению, и никто не стремится занять эту должность — никто, кроме двадцатичетырехлетнего (по Полибию [10, 6, 10], двадцатисемилетнего) Публия Корнелия Сципиона, сына того Публия и племянника того Гнея Сципионов, которые совсем недавно погибли в Испании. Невзирая на свой непозволительно с римской точки зрения юный возраст, неожиданный претендент был избран, хотя и с большими сомнениями и колебаниями [Ливий, 26, 18].

Личность Публия Корнелия Сципиона-сына, будущего победителя Ганнибала, человека, сыгравшего исключительную роль в политической и культурной жизни Рима в конце III — первой половине II в., вызывала пристальный интерес античной историографии. Как бы ни оценивать те или иные рассказы о нем, о его поведении, о его мировоззрении, едва ли можно усомниться в том, что это был в высшей степени незаурядный человек [ср. у Диона Касс, фрагм., 88] и, бесспорно, один из самых способных наряду с Фабием Кунктатором и Марцеллом полководцев, какими располагала римская армия во время II Пунической войны.

Родился Сципион в 236-235 г. в одной из знатнейших римских патрицианских семей, выходцы из которой, как показывают знаменитые элогии Сципионов, в течение многих десятилетий в III-II вв. играли видную роль в политической жизни Рима. Как уже говорилось, Сципионы были тесными узами связаны с Эмилиями; нелишне, вероятно, напомнить, что к Сципионам были близки Семпроний Гракхи и что Корнелия, мать знаменитых трибунов, возглавивших во II в. плебейское движение, была дочерью победителя Ганнибала, а их сестра Семпрония была замужем за Сципионом Эмилианом — выходцем из рода Эмилиев, усыновленным Сципионами, Как можно было видеть, отец нового командующего римскими войсками в Испании был консулом в 218 г., когда началась война (Сципионы играли в этот момент решающую роль в римском правительстве), а позже вместе со своим братом Гнеем командовал римскими войсками в Испании. Претензию

юного Публия и его избрание можно было в связи с этим трактовать как признак того, что ведение войны на Пиренейском полуострове воспринималось как своего рода наследственный удел Сципионов. Может быть, этим объясняется тот факт, что других претендентов на столь почетный и ответственный пост не было? Может быть, и в самом деле в сенаторских кругах заранее решили предоставить командование в Испании именно этому кандидату, отведя всех остальных, в том числе хорошо себя проявивших и опытных полководцев?[139]

В связи с этим заслуживают внимания некоторые детали рассказа Аппиана [А п п . , Исп., 18]. По его словам, выступая в народном собрании, молодой претендент велеречиво говорил о своем отце и дяде и, оплакав их гибель, заявил, что он сам может быть мстителем за них и за отечество; более того (он вещал теперь как бы в порыве божественного вдохновения), он захватит не только Испанию, но и Африку, и самый Карфаген. Некоторые, пишет далее Аппиан, решили, что эти слова — по-юношески безрассудная похвальба. Однако народу (имеется в виду, несомненно, плебейская масса) Сципион внушил страх, да к тому же и клиенты Сципионов приветствовали его речи, и он был избран командующим римскими войсками в Испании, как если бы совершил смелые деяния и был человеком достойным. Сенаторы (старцы, пишет Аппиан) склонны были говорить не о смелости, а об опрометчивом безрассудстве молодого Сципиона. Узнав об этих речах, Сципион объявил, что откажется от должности, если кто-нибудь из стариков возьмет ее на себя. Никого не нашлось. И тем дело и кончилось. Из свидетельства Аппиана, бесспорно, следует, что в сенаторских кругах существовала оппозиция Сципиону (да и сама информация восходит к традиции, явно для него недоброжелательной) и что избран он был главным образом благодаря поддержке демократических кругов; допущение, будто назначение Сципиона сенат предрешил заранее, оказывается, в свете данных Аппиана, несостоятельным.

Как бы то ни было, избрание Сципиона было значительным политическим успехом группировки Эмилиев — Корнелиев Сципионов[140].

За Публия Корнелия Сципиона говорили не только его происхождение, не только престиж имени Сципионов.

Рассказывали, что в семнадцать лет он участвовал в битве при Тицине и там спас жизнь своего отца, то есть проявил то самое «благочестие», которого римская мораль требовала от сына [см. выше; Полибий, 10, 3, 2-6; Ливий, 21, 46, 7-8; Дион Касс, фрагм., 38]. Это трогательное повествование, исходившее от самих Сципионов и широко ими распространявшееся (Полибий, сам будучи близок к Сципионам, ссылается на Гая Лэлия, одного из ближайших друзей юного героя, занимавшего при его особе важнейшие должности—легата, начальника конницы и т.п.), затмило другую версию, имевшуюся у Цэлия Антипатра, о спасении консула рабом-лигурийцем [Ливий, 46, 10][141]**. Но это еще не все. Сципион участвовал в битве при Каннах в должности военного трибуна; он был среди тех, кто спасся в Канусий и вместе с Аппием Клавдием Пульхром принял на себя командование смятенными и подавленными римскими солдатами; он помешал Луцию Цецилию Метеллу и его сообщникам осуществить их предательский план бросить Рим на произвол судьбы**

[139] Ср.: *Моммзен Т.* История Рима. Т. I. С. 595-596; *Neumann C.* Das Zeitalter der Punischen Kriege. S. 445-446; *Scullard H. H.* Scipio Africanus: Soldier and Politician. P. 31.

[140] *Scullard H. H.* Scipio Africanus in the Second Punic War. Cambridge, 1930 (далее — *Scullard H. H.* Scipio Africanus...). P. 39-41.

141 Вероятно, Х. Скаллард прав, когда говорит о невозможности установить в данном случае истину; не исключено, что версия Цэлия Антипатра была рассчитана на то, чтобы оклеветать Сципиона, тогда как версия Полибия — чтобы его прославить и возвеличить (см.: *Scullard H. H.* Scipio Africanus... P. 37-38).

и бежать куда глаза глядят [см. выше; Ливий, 22, 53; Дион Касс, фрагм., 28; Орозий, 4, 16, 6; Фронтин, 4, 7, 39; Знам., 49, 5-6].

Таким образом, традиция рисует Сципиона — а ее сведения и оценки восходят, бесспорно, ко времени II Пунической войны — настоящим римлянином — пламенным патриотом, мужественным воином, тщательно, нередко с опасностью для жизни соблюдающим нравственно-этические принципы тех, кто создал могущество и славу Рима. Такая репутация сама по себе могла обеспечить избрание Сципиона. Однако в его арсенале было еще одно сильнодействующее средство.

Говоря об избрании Сципиона на один из самых ответственных постов, какими располагало в тот момент Римское государство, Тит Ливий [26, 19, 3-5] пишет: «Сципион не только вызывал изумление своими истинными доблестями, но и с юношеских лет разными способами выставлял их напоказ, многое совершая пред толпою, побуждаемый или ночными видениями, или божественным внушением — либо потому, что и сам был в какой-то мере суеверен, либо чтобы его повеления и замыслы, как бы ниспосланные своего рода оракулом, выполнялись без промедления. Подготовляя к этому умы с самого начала, он с того времени, как надел мужскую тогу, никогда не совершал никакого общественного или частного дела, пока не сходит в Капитолий и, войдя в храм, не расположится и не проведет там некоторое время, большей частью в одиночестве, в уединении» (ср. также у Диона Касс, фрагм., 39, что, несомненно, восходит к Ливию [26, 196]). Этого обычая, добавляет Ливий, Сципион придерживался в течение всей своей жизни. И далее [26, 19, 8]: «Он сам никогда не разрушал веру в эти чудеса (имеется в виду легенда о его чудесном рождении, о которой мы еще рассчитываем говорить далее. — *И. К.);* но он еще укрепил ее, с особым искусством ничего не отрицая и не подтверждая». Характеристика, данная Ливием, весьма уклончива: перед нами или чистый юноша, искренне верующий в богов и в божьи знамения, которые направляют всю его жизнь, или ловкий, холодный, циничный карьерист, умело эксплуатирующий религиозные чувства и суеверия толпы. Полибий [10, 2, 12-13] считает необходимым опровергнуть рассказы о боговдохновенности Сципиона и объясняет своему скептически настроенному читателю действия знаменитого римлянина трезвым расчетом: «Публий... всегда внушая толпе, что он замышляет свои планы под влиянием божественного вдохновения, подготавливал подчиненных, чтобы они смелее и охотнее шли на опасное дело. А что он каждое дело совершал, заранее рассчитав и обдумав, и поэтому все завершилось так, как он рассчитывал, это станет ясно из последующего изложения».

Как бы то ни было, поведение Сципиона должно было продемонстрировать римскому обществу его глубокую религиозность, в которой он, пожалуй, не уступал и самому Фабию Кунктатору; оно должно было показать, что Сципион не принадлежит к тем радикально настроенным элементам, которые едва не привели Рим к гибели. Чем бы ни объяснялось поведение Сципиона, оно создавало ему в высшей степени благоприятную репутацию и, конечно, способствовало его стремительному продвижению к власти.

Особые «связи» Сципиона с богами привели в конце концов к возникновению слухов о его божественном происхождении.

Рассказывали, что в спальне его матери часто видели змея, который при появлении людей скатывался с постели и исчезал с глаз [Ливий, 26, 19, 7; Знам., 49, 1), что Сципион — сын Юпитера

[Знам., 49, 1-2; ср. у Диона Касс, фрагм., 39] и что, когда он по ночам отправлялся на Капитолий, собаки на него не лаяли. В биографиях Сципиона, составленных Г. Оппием, современником Г. Юлия Цезаря, и Юлием Гигином, жившим во времена Августа, а также в других сочинениях, посвященных этому человеку, рассказывалось, что мать будущего полководца долго считалась бесплодной и ее супруг потерял надежду иметь детей; внезапно обнаружилось, что в отсутствие мужа в ее спальне и на ее постели рядом с нею лежит огромный змей; те, кто это видел, перепугавшись, начали кричать, змей исчез, и разыскать его не удалось. Публий Корнелий Сципион-отец обратился к гаруспикам. Они ответили, что родится ребенок; несколько дней спустя женщина почувствовала себя беременной и на десятом месяце родила будущего победителя Ганнибала [Гелл., 6, 1, 2-4]. Уже Ливий [26, 19, 7| сравнивал это предание с аналогичной легендой о матери Александра Македонского, легендой «столь же суетной и баснословной». Авл. Геллий [6, 1, 1] также считает нужным подчеркнуть тождественность повествования об Олимпиаде, матери Александра Македонского, и о матери Сципиона.

Оставляя в стороне вопрос о том, как сам Ливий или его источник относились к данному рассказу (а отношение Ливия, очевидно, насмешливо-недоброжелательное, он явно не склонен верить всем этим разговорам), не рассматривая также в этой связи и другой проблемы — эллинистического влияния на культурную жизнь Рима, заметим только следующее. Легенда должна была показать, что в лице Публия Корнелия Сципиона-сына миру явлен новый Александр, сын Юпитера, которому суждено свершить великие подвиги, завоевать вселенную, повергнуть ее к ногам Рима, — вот впечатление, которое авторы легенды о Сципионе хотели внедрить в сознание народа. Конечно, в эпоху Августа отрицательное отношение к претензиям Сципиона на божественное происхождение могло диктоваться официальными установками правительственной пропаганды, и это легко объясняет позицию Ливия. Не исключено тем не менее, что эпитеты, использованные Ливием, отражают и тот иронический скепсис, с которым в Риме встретили претензии Сципиона[142].

Однако в конце концов слухи о божественной природе Сципиона можно было рассматривать как своего рода издержки его подлинной или искусно симулируемой глубокой религиозности. Они не повлияли отрицательно ни на судьбу, ни на политическую карьеру этого человека. Не считаться с желаниями Публия Корнелия Сципиона, благочестивого, ревностного сына отечества, возглавившего теперь одну из самых могущественных семей римского патрициата, приобретшего к тому же поддержку народа, сенат, разумеется, не мог, хотя и воспринял его избрание без энтузиазма. Сципион получил назначение, которого добивался, — пост командующего римскими войсками в Испании.

Как реагировал на это событие Ганнибал, источники не сообщают; однако, судя по его поведению, он явно не придавал испанскому театру военных действий важного значения; появление на Пиренейском полуострове нового полководца, ничем пока себя не проявившего, не заставило Ганнибала изменить этой оценки. Он

142 О Сципионовой легенде см. также: *Haywood R. M.* Studies on Scipio Africanus. Baltimore, 1933.

не только сам оставался в Италии (он и не мог, конечно, уйти из Италии, что для него означало бы признать крушение всех его замыслов), но и своего брата Гасдрубала побудил впоследствии совершить, покинув Пиренейский полуостров, бросок в Италию, закончившийся для Гасдрубала трагической гибелью в битве при Метавре. Очевидно, по мнению Ганнибала, события, происходившие в Испании, не могли иметь решающего влияния на ход войны; все должны были решить будущие сражения на Апеннинском полуострове.

Между тем Сципион высадился со своей армией в 10 000 пехотинцев и 1000 всадников в Эмпории, отправился в Тарракон. Там он вел успешные переговоры с многочисленными союзниками и наконец вступил в командование войсками, уже ранее находившимися на севере Пиренейского полуострова. Характерно для него, что Марция он окружил почетом явно для того, чтобы привлечь к себе солдат, выдвинувших Марция из своей среды. На зимние квартиры Сципион встал в Тарраконе, Гасдрубал сын Гисгона — в Гадесе, Магон Баркид — у Кастулонского хребта, а Гасдрубал Баркид — около Сагунта [Ливий, 26, 19-20][143].

Падение Капуи было далеко не единственной катастрофой, которую Ганнибалу пришлось пережить в этом труднейшем для него 211г. Не меньшей силы удар, хотя и не военный, а дипломатический, римское правительство нанесло ему на Балканском полуострове, где, по-видимому, уже в 212 г. оно, как это говорилось выше, начало переговоры с руководителями Этолийского союза. Судьба Капуи, несомненно, произвела на этолийцев сильное впечатление и решающим образом воздействовала на их политическую позицию, поэтому вскоре после захвата Капуи Марк Валерий Лэвин смог явиться на специальное заседание этолийского совета и там открыто предложил союз с Римом. Судьба Сиракуз и Капуи, говорил Лэвин (в изложении Тита Ливия), показывает, насколько успешно римляне ведут войну в Италии и Сицилии. От предков, продолжал он, римляне унаследовали обычай заботиться о союзниках, из коих одним они дали гражданские права, а других поставили в такие благоприятные условия, что те предпочитают быть скорее союзниками, нежели гражданами;

[143] По мнению М. Юмпертца *(Jumpertz M.* Der romisch-karthagische Krieg in Spanien 211-206. Berlin, 1892. S. 6-8), Ливий допустил хронологическую ошибку. Как полагает исследователь, Сципион был избран в 211 г. проконсулом, а потому мог вступить в должность только после 15 марта 210 г. На зимних квартирах он находился зимой 210-209 г., а Новый Карфаген занял в 209 г. [ср. у Полибия, 10, 8, 1]. Однако пока нет оснований думать, что Сципион дожидался 15 марта 210 г. для вступления в должность. Такое допущение противоречило бы указаниям римской традиции, несомненно, хорошо осведомленной в правовых аспектах проблемы, о действиях Сципиона. В сообщении Ливия [26, 37, 7), где речь идет об отправке римских войск в Испанию после взятия Тарента, речь идет о посылке подкреплений Сципиону. Что же касается повествования Полибия [в частности, 10, 8, 1), то оно не содержит хронологических указаний, которые исключали бы данные Ливия, кроме явно ошибочных сведений о возрасте Сципиона (27 лет; но тогда его избрание следовало бы отнести к 209-208 г.).

положение этолийцев, которые первыми из заморских народов установят дружественные отношения с Римом, будет особенно почетным; в борьбе с Македонией Рим поддержит Этолийский союз и, в частности, поможет ему вернуть Акарнанию. Так как предварительно все уже было решено, слова Лэвина, судя по дошедшей до нас информации, не встретили возражений. В пользу союза с Римом, превознося силу и величие римского народа, выступили стратег Этолийского союза Скопас и один из ведущих его политических деятелей Доримах; главной приманкой, как подчеркивает и Ливий, конечно, была Акарнания, то есть выход к Ионийскому морю. Условия союза между Римом и Этолийским союзом, как их излагает Ливий, заключалис фракийский царь Плеврет и иллирийский Скердилед пожелали, то на тех же условиях, что и этолийцы, они могли бы стать союзниками римлян. Это положение чрезвычайно существенно, и недаром римский историограф именно с него начинает изложение договора: римско-этолийский союз, по мысли Лэвина и Скопаса, должен был стать ядром мощной коалиции, которая со всех сторон окружила бы Македонию и сделала бы ее военно-политическое положение в высшей степени трудным. Этолийцы обязывались начать сухопутную войну против Филиппа V, а римляне — помогать им флотом не менее чем в 25 пентер (иначе говоря, всю тяжесть войны с Македонией римское правительство возлагало на этолийцев, а на себя брало только поддержку их действий с моря, что должно было парализовать действия македонского флота, в том числе его возможные акции против Италии); все города с их домами, стенами и землей между Этолией и о-вом Керкирой должны были достаться этолийцам, а вся остальная добыча — римлянам; римляне должны были сделать так, чтобы Акарнания принадлежала этолийцам; если бы этолийцы заключили с Филиппом мир, должно быть оговорено, что македонский царь воздержится от военных действий против римлян, их союзников и подданных; в свою очередь, римское правительство обязывалось при заключении мира с Македонией установить, что Македония не имеет права вести войну против этолийцев и их союзников [Ливий, 26, 24].

В результате того что этолийцы немедленно по заключении этого договора выступили против Македонии, а сам Лэвин штурмом взял Закинф и, овладев двумя акарнанскими городами, передал их Этолийскому союзу, договор между Филиппом V и Ганнибалом фактически утратил какое-либо значение, превратился в ничего не стоящий клочок пергамента. Окруженный со всех сторон врагами, Филипп V не мог теперь, даже если бы и хотел, вмешаться в италийские дела. Война с Этолийским союзом заставила его позаботиться о безопасности македонских границ на западе и севере, а затем углубиться в греческие проблемы [Ливий, 26, 24-26].

II

Итак, кампания 210 года начиналась для Ганнибала в неблагоприятных условиях. Правда, и в Риме продолжительная и разорительная война вызывала все более растущее недовольство народа. Говорили, что поля опустошены, что Италия истощена мобилизациями, что каждый год одна за другой гибнут армии, что оба консула — Лэвин и Марцелл — слишком воинственны и способны скорее посреди глубокого мира разжечь войну, чем во время войны дать государству хоть немного вздохнуть [Ливий, 26, 26]. Когда римскому правительству понадобилось мобилизовать новую партию гребцов и обеспечить им жалованье и консулы распорядились, чтобы и гребцов и деньги на их содержание доставляли частные лица в соответствии с их имущественным положением, в Риме начался такой ропот, что, замечает Ливий, не хватало скорее вождя, нежели повода к бунту [26, 35]. После сицилийцев и кампанцев консулы вознамерились погубить и растерзать римских плебеев, истощенных податями и уже ничего не имеющих, кроме голой и опустошенной земли; их дома сожгли враги, их рабов, возделывавших поля, присвоило государство, то выкупая за ничтожную плату для несения военной службы, то приказывая отдавать их в качестве гребцов; все деньги истрачены на жалованье гребцам да на ежегодные подати; у кого ничего нет, у того ничего и не возьмешь; пусть продают их имущество, пусть отнимают свободу, а у них нет средств даже на выкуп — в таких или близких к ним выражениях Ливий [26, 35] передает то, что огромная толпа, собравшаяся на форуме, яростно кричала консулам. С большим трудом власти сумели успокоить недовольных, обязав сенаторов и всадников сдать почти все золото, серебро и медь в казну; вслед за этим добровольные или полудобровольные взносы сделали и остальные.

Однако положение Ганнибала было гораздо хуже. Падение Капуи заставило многих его «союзников» решиться на новую «измену» — теперь уже в пользу Рима; Ганнибал не мог рассчитывать на их верность, а удержать их своими гарнизонами он уже не был в состоянии, да и не имел он столько солдат, чтобы свои гарнизоны разместить всюду. Армия его таяла; помощи ожидать было неоткуда, если только он не хотел бросить Испанию на произвол судьбы; его союз с Филиппом V превратился в пустую, малоэффективную декларацию. Все эти обстоятельства не замедлили сказаться на положении в Южной Италии, где заметно активизировались элементы, враждебные Ганнибалу.

Так произошло, в частности, в Салапии, которая в свое время в числе первых изменила Риму и установила союзнические отношения с карфагенянами. Собственно, судя по рассказу Ливия [26, 38], там никогда не прекращалась скрытная деятельность проримской группировки и ее руководителя Блаттия — одного из влиятельнейших людей в городе. Теперь Блаттий завязал тайные сношения с Марцеллом и, не

надеясь только на собственные силы, решился после долгих раздумий и колебаний склонить на свою сторону Дасия — главу «партии», дружественной Ганнибалу (по Зонаре [9, 7], проримскую группировку возглавлял Плавтий, а прокарфагенскую — Алиний). Поначалу Дасий не хотел присоединиться к Блаттию (по словам Ливия, потому, что он относился отрицательно к замыслу и, кроме того, неприязненно — к Блаттию, сопернику в борьбе, за влияние и власть) и даже сообщил обо всем Ганнибалу. Последний вызвал обоих к себе в лагерь, и там, пишет Ливий, произошла изумительнейшая сцена. Пока Ганнибал занимался другими делами, Блаттий снова заговорил с Дасием о том же предмете, и Дасий стал кричать, что его опять склоняют к предательству на глазах самого карфагенского полководца. Ганнибал и его окружение не поверили Дасию, настолько невероятным показалось им все то, что они слышали; легко можно было предположить, что доносчиком движут ненависть и соперничество, поэтому он и обвиняет своего врага, да еще в деяниях, которые ни один свидетель не может ни подтвердить, ни опровергнуть.

Чем объяснить решение Ганнибала? Тем ли только, что он, как говорит римский историограф, не был убежден словами Дасия (но странным кажется в подобной ситуации довольно неожиданное соблюдение правовых норм и вообще формально-юридической процедуры, а в особенности ссылка на отсутствие свидетелей), или же еще и тем, что он, хотя и с запозданием, пытался представить себя в глазах италиков хранителем законности и порядка, мы не знаем. Однако Блаттию такой поворот событий дал возможность продолжать его деятельность и, несмотря ни на что, обработку Дасия. В конце концов Блаттий добился своего: Дасий решил принять участие в заговоре; соответственно и та группировка в Салапии, выразителем интересов и руководителем которой он был, изменила свою внешнеполитическую ориентацию[144]. Город перешел на сторону римлян; карфагенский гарнизон — 500 нумидийских всадников — был почти полностью истреблен в уличном бою, и сохранить жизнь удалось только 50 из них. Все они попали в руки неприятеля. Гибель этого отряда была, по словам Ливия, для Ганнибала еще более тяжела, чем потеря Салапии: Ганнибал окончательно потерял свое превосходство в коннице. Но все же и утрата Салапии была для него чувствительным ударом, тем более что ее примеру могли последовать и другие. Неудивительно, что после этого события Ганнибал вынужден был отправиться в Брутиум [Ливий, 27, 1].

[144] Аппиан [Апп., Ганниб., 45-47) дает несколько иную версию традиции. Согласно его рассказу, Дасий не изменил Ганнибалу. Блаттий, не доверяя Дасию, уехал в Рим и там выпросил 1000 всадников, а Дасий снова отправился к Ганнибалу, подтвердил свои обвинения и с отрядом карфагенян вернулся назад. Однако Блаттий уже занял Салапию. Впустив Дасия в город, он убил и его, и тех, кто его сопровождал, недалеко от ворот. Такое развитие событий маловероятно; едва ли, в частности, Блаттий мог получить в Риме столь значительное воинское формирование, тем более что командование пунийского гарнизона должно было тщательно следить за его передвижениями.

Воспользовавшись столь благоприятным стечением обстоятельств, Марцелл штурмом отнял у самнитов и карфагенян города Мармореи и Мелы, отдав их на поток и разграбление своим воинам [там же], причем около 3000 воинов пунийского гарнизона погибли. Однако предпринятая тогда же новая попытка римлян штурмом овладеть Гердонией закончилась крупной неудачей. Условия для этой операции складывались в высшей степени благоприятно, так как население города было склонно изменить Ганнибалу и признать римское господство. Находившийся около Гердонии проконсул Гн. Фульвий был уверен в успехе и не принял мер для организации боевого охранения в лагере, который к тому же расположил в далеко не безопасном месте. Узнав об этом, Ганнибал решительно устремился к Гердонии и подошел к римским позициям, выстроив свои войска в боевой порядок. Фульвий вывел свои войска ему навстречу. На сей раз Ганнибал решил снова применить тот же маневр, который обеспечил ему победу при Каннах: пока пехота сражалась, он послал часть своих всадников напасть на римский лагерь, а других ударить в тыл неприятелю. Расчеты Ганнибала полностью оправдались: многие римляне бежали, многие (по одним сведениям, 7000, а по другим — 13 000, в том числе и сам Фульвий [Апп., Ганниб., 48]) погибли в бою. Ганнибал жестоко расправился с населением города: всех жителей Гердонии он переселил в Метапонт и Фурии, а тех из местной знати, кто был уличен в тайных контактах с Фульвием, приказал казнить [Ливий, 27, 1].

Победа Ганнибала во второй битве при Гердонии серьезно обеспокоила римское правительство, в особенности потому, и это вскоре подтвердили события в Кампании, что она могла способствовать активизации враждебных Риму сил. Именно поэтому Марцелл, срочно явившись в Луканию, расположился лагерем на равнине у Нумистрона, на виду у неприятеля, стоявшего на холме. Произошло сражение, в котором, однако, ни Ганнибалу, ни Марцеллу не удалось добиться решающего успеха. На следующий день Ганнибал уклонился от боя, а затем ночью без шума ушел в Апулию. Марцелл бросился за ним; у Венусии завязались стычки, однако пунийский полководец не принял сражения и продолжил свой путь в Апулию. Марцелл неотступно двигался за ним [Ливий, 27, 2].

Между тем в Кампании, где римское командование занималось продажей имущества, захваченного у капуанской знати, и раздавало в аренду земли, ставшие по праву войны собственностью римского народа, группа местных жителей, несомненно не без влияния победы Ганнибала при Гердонии, решила предпринять отчаянную попытку свергнуть ненавистное иго. Воспользовавшись тем, что Кв. Фульвий Флакк вывел своих солдат из Капуи и расположил их у городских стен и ворот, 170 кампанцев во главе с братьями Блоссиями замыслили поджечь ночью римский лагерь. Однако рабы, принадлежавшие Блоссиям, своевременно предупредили Флакка, и он тут же запер ворота, по тревоге поднял солдат и арестовал заговорщиков. Все они

были казнены, а доносчики получили свободу и по 10 000 ассов в награду [Ливий, 27, 3].

После гибели Капуи основной опорой карфагенских войск в Италии, хотя и не очень надежной, оставался Тарент, акрополь которого продолжали удерживать римский гарнизон и враждебные карфагенянам тарентинцы. Попытка римского флота пробиться к акрополю и доставить туда продовольствие не удалась. В морском сражении при Саприпорте он был разгромлен, его командующий Д. Квинкций погиб, а флагманский корабль попал в руки противника. Правда, в какой-то степени эта неудача была компенсирована успешной вылазкой осажденных, когда они принялись избивать на полях в окрестностях города безоружных и не ожидавших нападения тарентинцев [Ливий, 26, 39]. Главной задачей римлян теперь стало изгнание карфагенян из Тарента, а до тех пор — оказание помощи гарнизону в тамошнем акрополе. С этой целью, скупив в Этрурии хлеб, римское правительство направило его в Тарент вместе с 1000 воинов из гарнизона города Рима, а также 1000 союзников [Ливий, 27, 3]. На этот раз операция, по-видимому, прошла успешно.

В Сицилии победой римлян у р. Гимеры далеко еще не закончилась война. Между прочим, это позволило сенату отказать Марцеллу в триумфе после взятия Сиракуз и ограничиться только «овацией» — значительно менее почетным и менее торжественным въездом в Рим [Ливий, 26, 21]. Вскоре после отъезда Марцелла карфагеняне высадили на острове 8000 пехотинцев и 3000 нумидийских всадников. На сторону Карфагена перешли некоторые сицилийские города, в том числе Мурганция, Гибла и др. В течение всего 211 г. нумидийские всадники под командованием Муттона опустошали поля, принадлежавшие союзникам Рима. Римский командующий, претор М.Корнелий, должен был усмирять волнения в своей армии, недовольной условиями службы [Ливий, 26, 21].

Во второй половине 210 г. в Сицилию прибыл консул Лэвин, которому удалось, используя раздоры среди пунийского командования, полностью очистить остров от карфагенян. Дело в том, что успехам Муттона и его репутации командира уже давно завидовал Ганнон, верховный командующий карфагенской армией в Сицилии. Отношения между ними в конце концов обострились до такой степени, что Ганнон сместил Муттона и передал его должность своему сыну. В этом поступке, если учесть, что Муттон, как говорилось выше, был ставленником Ганнибала, нельзя не видеть отражения внутрикарфагенской борьбы за власть между Баркидами и их политическими противниками. Однако момент для сведения счетов Ганнон выбрал крайне неудачный; к тому же он не учел, насколько Муттона любили его солдаты — нумидийские всадники. Они просто отказались повиноваться другому командиру, сам же Муттон вступил в переговоры с Лэвином о сдаче Акраганта. Когда римляне подошли к городу, нумидийцы, частью прогнав, а частью уничтожив часовых,

заняли ворота, ведущие к морю, и впустили через них неприятеля. Обеспокоенный шумом, Ганнон решил, что имеет дело с обыкновенным солдатским бунтом, и вышел усмирять непокорных всадников; разглядев на улицах римских воинов, услышав их крики, он вместе с Эпикидом бежал через другие ворота, погрузился на небольшой корабль и отплыл в Африку, бросив Сицилию на произвол судьбы. Оставленные своим командованием, пунийцы и сицилийцы даже не пытались сопротивляться; они все погибли на улицах города.

Расправа, которую Лэвин учинил в Акраганте, напомнила сицилийцам о судьбе Капуи и наглядно продемонстрировала, что ждет тех, кто попытается сопротивляться римскому оружию: городских магистратов и членов совета («тех, кто был первыми людьми в Акраганте», — пишет Ливий) выпороли розгами и казнили, всех остальных продали в рабство, продали и захваченную в городе добычу. Неудивительно, что сицилийские города один за другим сдавались римлянам; только шесть из них Лэвину пришлось брать штурмом. Вековая борьба за Сицилию закончилась [Ливий, 26, 40].

Впоследствии Муттон получил самую высокую награду, на которую только мог рассчитывать, — права римского гражданства [Ливий, 27, 5]. Этим римское правительство еще раз подчеркнуло то значение, которое придавало оно успешному для Рима исходу войны на острове. И действительно, римская армия возвратила себе великолепный плацдарм для вторжения в Африку. Кстати, вскоре после захвата Акраганта римский флот под командованием Марка Валерия Мессалы совершил набег на африканские владения Карфагена. Римляне высадились около Утики, разграбили и опустошили ее окрестности и, захватив множество пленных и богатую добычу, вернулись в Лилибей [Ливий, 27, 5]. Кроме того, Сицилия была важнейшей житницей Рима; отсюда в Рим доставлялся дешевый хлеб, что приобретало особое значение в условиях, когда Италия была разорена многолетней войной. Победа при Гердонии даже отдаленно не могла уравновесить потери Сицилии. Показательно, однако, что источники ничего не говорят о действиях Ганнибала в связи с событиями на острове: он ничего не мог сделать ни для того, чтобы поддержать Муттона в его конфликте с Ганноном и предотвратить его измену, ни для того, чтобы помешать Лэвину овладеть Сицилией.

В Испании кампания 210 года также была ознаменована исключительно тяжелой неудачей пунийского командования, всей политики Баркидов: в руки римлян попал Новый Карфаген, важнейшая опорная база Карфагена на Пиренейском полуострове. Под угрозу было поставлено владычество карфагенян в этом районе и, следовательно, их монопольное хозяйничанье на морских торговых путях за Гибралтаром. Вот как это случилось [Полибий, 10, 6-20; Ливий, 26, 41-45; ср. также у Апп., Ганниб., 20-22].

В начале весны Сципион, оставив на севере небольшой гарнизон, переправил основные свои войска через Ибер (2500 пехотинцев и 2500 всадников) и двинул их к Новому Карфагену. Одновременно и римский флот под командованием Гая Лэлия направился вдоль берегов Испании к этому же городу. Операция подготавливалась, разрабатывалась и осуществлялась в глубокой тайне; о конечной цели похода кроме самого Сципиона знал только Лэлий, которому было приказано так рассчитать время плавания, чтобы подойти к городу одновременно с сухопутными частями. Все это было исполнено в точности. Обороной Нового Карфагена руководил Магон[145] (основные силы карфагенян были примерно в десяти днях пути от города), разместивший своих воинов следующим образом: 2000 горожан — непосредственно против римского лагеря, 500 — в акрополе и еще 500 — на холме внутри города. Все остальные должны были служить резервом и бежать на помощь туда, где обстоятельства сложатся не вполне благоприятно для осажденных.

Приняв эти меры, Магон приказал распахнуть ворота и вывел солдат навстречу неприятелю. Сципион велел своим воинам немного отступить, чтобы сражение происходило в непосредственной близости от римского лагеря и можно было бы легко доставлять подкрепления. В бою сказалось подавляющее численное превосходство римлян. Непрерывно вводя в дело все новые и новые контингенты, Сципион вынудил карфагенян к отступлению, перешедшему в беспорядочное бегство. Римляне едва не ворвались в город на плечах неприятеля; их остановил только в высшей степени некстати данный сигнал к отступлению.

В Новом Карфагене началась паника. Многие воины бросили свои посты на стенах, и Сципион, решивший воспользоваться их смятением, начал общий штурм. Однако стены города оказались для осаждавших слишком высокими; лишь немногие лестницы были с ними вровень; воины не могли взобраться на стены, падали вместе с лестницами, срывались с лестниц от сильного головокружения, и Сципион вынужден был остановить бой, а потом снова начать его со свежими силами. Впрочем, ему уже было ясно, что Новый Карфаген ударом в лоб не возьмешь и что битва за стены может служить только одной цели: отвлечь силы и внимание противника от объектов, которым грозила действительная угроза. Римский полководец искал уязвимое место в обороне, и оно отыскалось. На западных подступах к Новому Карфагену, перед самой городской стеной, находилось озеро, уровень воды в котором уменьшался во время отлива; к тому же и ветер гнал воду из озера через подземные протоки в море. По его дну можно было легко подойти к стене. Осажденные, уверенные в том, что эта часть стены недоступна врагу, увели оттуда войска в пункты, где, казалось, возникла непосредственная опасность городу. В результате римский отряд сумел без боя преодолеть стены, бро-

145 Орозий [4, 18, 1] и Евтропий [3, 15] путали этого Магона с Магоном Баркидом.

сился к воротам, вокруг которых шла наиболее ожесточенная схватка, ударил с тыла по оборонявшимся и, приведя карфагенян в замешательство, взломал замки и распахнул створки ворот. Магон пытался некоторое время защищаться в акрополе; римляне пока истребляли горожан на улицах. В конце концов Магон сдался со всем гарнизоном. Избиение прекратилось; начался повальный грабеж. Римляне захватили в Новом Карфагене 276 золотых патер (чаш), каждая примерно по фунту весом; 18 300 фунтов серебра (недалеко от Нового Карфагена были серебряные рудники), а также много серебряных сосудов; 400 000 модиев пшеницы (1 модий = 8,7 литра), 270 000 модиев ячменя; 63 транспортных корабля, некоторые из них с грузами.

Распоряжения Сципиона в Новом Карфагене представляют исключительный интерес. Всего он захватил в городе 10 000 свободных мужчин; из них граждан Нового Карфагена Сципион отпустил на свободу и «возвратил» им город (то есть позволил им сохранить городское самоуправление, законы и т. д.) и имущество, которое уцелело от разграбления; 2000 ремесленников (по-видимому, они не пользовались в Новом Карфагене гражданскими правами и были там зависимыми — *бодами)* сделал государственными рабами и обещал их освободить, если они проявят усердие во время предстоящей войны. Всех остальных, главным образом молодежь и сильных рабов, Сципион сделал гребцами на своих кораблях. Им он также обещал свободу по окончании войны. Кроме того, Сципион предпринял необходимые шаги для того, чтобы вернуть на родину заложников от иберийских племен, находившихся в Новом Карфагене: повсеместно были разосланы послы, чтобы представители каждого племени, явившись к Сципиону, забрали своих, очевидно подтвердив союз с Римом. Конечно, Сципион решил предстать перед населением Пиренейского полуострова, в том числе и перед гражданами финикийско-пунийских колоний, в роли не завоевателя, но освободителя от карфагенского господства. Судьба Нового Карфагена должна была убедить остальных не только в бесполезности, но и в ненужности сопротивления, в том, что им гораздо выгоднее принять сторону Рима, нежели сохранять верность Карфагену.

III

Несмотря на тяжелые поражения в Италии, Сицилии и Испании, карфагенское правительство еще не считало войну окончательно проигранной. Оно решило ценою новых усилий добиться коренного перелома в свою пользу. В чем должны состоять эти усилия, двух мнений также не было: Гасдрубалу Баркиду следовало вторгнуться с севера в Италию, там присоединиться к Ганнибалу и, с новыми силами возобновив борьбу на Апеннинском полуострове, победить. Карфагеняне старались всеми средствами закрепить союз с Массанассой, дружные отношения с ним в какой-то

степени облегчили Карфагену ведение войны с другим нумидийским царем — Сифаксом. Они вербовали по всей Африке новые контингенты наемников, которых предполагали отправить в Испанию, к Гасдрубалу. Готовился также и флот для нового вторжения в Сицилию [Ливий, 27, 5, 11-13].

Эти свои замыслы и приготовления карфагенские власти не сумели сохранить в тайне. Пленные, захваченные Мессалой, рассказали ему обо всем. Известие, которое Мессала спешно довел до сведения римского правительства, серьезно обеспокоило сенат; было решено назначить диктатора, и после некоторых споров и проволочек (Лэвин, находившийся в тот момент в Риме, настаивал на кандидатуре Мессалы) диктаторские полномочия были вручены Квинту Фульвию Флакку, который недавно расправился с Капуей. Начальником конницы стал Публий Лициний Красс [Ливий, 27, 5, своего легата Гая Семпрония Блэза [Ливий, 27, 6, 1]. Однако диктатура на этот раз просуществовала в Риме недолго. После избрания консулами самого Фульвия и Кв. Фабия Максима Фульвий от нее отказался [Ливий, 27, 6, 12]. Надо сказать, что у сената были серьезные основания для беспокойства. Помимо непосредственной угрозы с севера и с юга внезапно проявилось острое недовольство римских колоний и союзников затянувшейся войной. Двенадцать колоний даже отказались доставлять воинов и деньги. Ценой больших усилий сенат преодолел возникшие затруднения, однако недооценивать значение столь грозного симптома он не мог [Ливий, 27, 9-10]. Даже и впоследствии необходимость обеспечивать покорность колоний и союзников отвлекала внимание сената и значительные силы и средства. Тем не менее, определяя для себя план кампании 209 года, консулы решили основное свое внимание сосредоточить на Таренте: захват Тарента, который взял на себя Фабий, лишил бы Ганнибала последней крупной опорной базы в Италии. Фульвий и Марцелл должны были своими нападениями отвлекать внимание Ганнибала [Ливий, 27, 12, 1-3]. Кроме того, Фабий велел начальнику римского гарнизона в Регии вторгнуться в Брутиум, а затем начать осаду Кавлонии.

Исполняя приказ консула, Марцелл повел свои войска навстречу Ганнибалу и застал его около Канусия. Очевидно, начиная кампанию, Ганнибал хотел в какой-то степени восстановить свои позиции в Самниуме и Кампании; этим, надо полагать, объясняется и то, что он оказался у стен Канусия, и то, что он пытался убедить граждан Канусия перейти на его сторону. Появление Марцелла заставило Ганнибала отступить в горные районы. Марцелл шел за ним по пятам; время от времени происходили небольшие столкновения, и наконец римский полководец навязал Ганнибалу большое сражение. Давление карфагенян было настолько сильным, что правое крыло римлян и отборные части (extraordinarii) начали отступать. Тогда Марцелл попытался было выдвинуть в первый ряд один из своих легионов, но во время перегруппировки в его армии началось смятение, и римляне побежали. На

следующий день битва возобновилась. Ганнибал ввел в действие слонов и снова обратил в бегство часть римской армии. Однако римляне стали метать в слонов дротики. Раненые животные, увлекая за собой остальных, повернули назад и бросились на карфагенян. Последние, в свою очередь, начали отступать. Ночью Ганнибал оставил свой лагерь и ушел в Брутиум [Ливий, 27, 12-15, 1].

Но и там положение Ганнибала было уже не таким прочным, как прежде. На ситуацию в Брутиуме большое воздействие оказали и набеги из Регия, о чем уже говорилось, и в особенности сдача Фульвию гирпинов, луканов и вулькиентов, предавших римскому командованию и стоявшие у них пунийские гарнизоны. Квинт Фульвий в противоположность тому, что он проделал в Капуе, на сей раз проявил к возвращавшимся под власть Рима «милость» и ограничился только словесными упреками [Ливий, 27, 15]. Такое поведение легко объяснимо: Ганнибал еще действовал на крайнем юге Италии, и римское правительство, конечно, было заинтересовано в том, чтобы лишить его последних союзников по возможности мирными средствами. Эта политика дала свои результаты: в лагере Фульвия появились знатнейшие и влиятельнейшие вожди брутиев, братья Вибий и Паккий, с предложением признать власть римского народа на условиях, которые только что были предоставлены луканам [там же].

Между тем Квинт Фабий Максим двигался к Таренту, захватив по дороге в области самнитов г. Мандурию. Подойдя к Таренту, он расположил свой лагерь у входа в тамошнюю гавань. Одновременно он большой флотилией запер и выход в море. Случай помог Фабию. В свое время Ганнибал оставил в Таренте отряд брутиев; начальник этого отряда был влюблен в некую тарентинку, брат которой служил у римлян. Узнав из письма сестры о ее знакомстве с богатым чужеземцем, пользующимся у своих соплеменников большим почетом и влиянием, этот человек решил использовать такое стечение обстоятельств для того, чтобы послужить римлянам. С разрешения Фабия он под видом перебежчика пробрался в город, там сблизился с начальником брутиев и уговорил его сдать римлянам свой пост. В условленное время Фабий расположился в засаде у восточной окраины города, а из акрополя, гавани и с кораблей были даны боевые сигналы, послышались боевые крики. В Таренте началась паника. Войска, охранявшие подступы к восточному его району, были спешно приведены туда, где, по-видимому, начиналось сражение, и Фабий, не встречая сопротивления, с помощью брутиев занял стену, проник в город и взломал городские ворота. В самом городе тарентинцы почти не оказали сопротивления, только у входа на агору произошла ожесточенная схватка. Повсюду на улицах озверевшие победители истребляли тарентинцев, карфагенян и даже брутиев, только что впустивших в город римскую армию. Римляне захватили в Таренте, по слухам, 30 000 рабов, огромное количество серебра, 83 000 фунтов золота, произведения искусства [Ливий, 27, 15-16; ср.: Апп., Ганниб., 49; Зонара, 9, 8]. Рассказ Плутарха

[Плут., Фаб., 21-22], в общем соответствующий римской анналистической традиции, добавляет к этому существенную деталь: Фабий велел перебить брутиев, с помощью которых овладел городом, дабы не обнаружилось, что он захватил Тарент благодаря предательству...

А что же Ганнибал? В это время он был занят борьбой с осаждавшими Кавлонию и вынудил их капитулировать. Он, видимо, просто не обратил внимания на движение Фабия или не понял его значения, предоставив, таким образом, римскому консулу возможность беспрепятственно подойти к Таренту. Услышав об осаде Тарента, Ганнибал быстрым маршем направился туда, но опоздал. Постояв некоторое время в полумиле от города, Ганнибал двинулся в Метапонт.

Взятие Тарента римлянами еще более ухудшило его и без того тяжелое военно-политическое положение. Теперь он мог опираться только на два или три небольших городка в Великой Греции, да еще на брутиев; надежда на тех и на других была очень слабой. Ганнибалу нужно было ликвидировать последствия своей тяжелой ошибки, и теперь, чтобы заманить неприятеля на верную гибель, он решил прибегнуть к хитрости. Внезапно для Фабия в римский лагерь прибыли посланцы Метапонта с предложением сдать город, если римляне воздержатся от «наказания» за прежнюю «измену», то есть за переход на сторону Ганнибала. Такое предложение показалось Фабию вполне естественным, в особенности после падения Тарента, и он уже назначил день, когда подойдет к Метапонту. Ганнибал, в свою очередь, расположил на подступах к городу засады. Все, казалось, предвещало успех. Однако в последний момент Фабий, совершая гадания, получил неблагоприятные предзнаменования (гаруспик сказал ему даже, что следует опасаться засады и коварства противника) и отказался от похода. К нему в лагерь снова прибыли посланцы из Метапонта; под пыткой они рассказали о замыслах пунийского полководца [Ливий, 27, 16]. И

Падение Нового Карфагена заставило, как уже говорилось выше, пунийское правительство и командование пересмотреть план дальнейших боевых операций; было решено послать из Испании в Италию новую армию под командованием Гасдрубала Баркида на соединение с Ганнибалом. Гасдрубал и его коллеги (Гасдрубал сын Гисгона и Магон Баркид) понимали, что, предпринимая эту экспедицию, необходимо если и не ликвидировать Сципиона и его армию, то по крайней мере устранить с этой стороны непосредственную угрозу карфагенскому господству на Пиренейском полуострове, где силы карфагенян после ухода Гасдрубала Баркида были бы резко ослаблены. А опасность была очень серьезной: не говоря уже о потере денег, продовольствия, снаряжения, даже об утрате важнейшей опорной базы, своего рода «столицы» пунийской Испании, блестящий успех Сципиона снова вызвал среди иберийских племен волну переходов на сторону Рима, чему в немалой степени способ-

ствовали и действия карфагенских полководцев, водворявших пунийское господство в Испании насилиями и террором [ср. у Полибия, 10, 36, 3-6], и политика самого Сципиона. Так, в римский лагерь явился Эдескон, глава племени эдетан, один из славнейших, по характеристике Ливия, испанских вождей [ср. у Полибия, 10, 34, 2-10]. В руках римского командования находились его жена и дети, поэтому действия его не требуют дальнейших объяснений, хотя Ливий говорит и о других причинах, побудивших Эдескона к измене. Из карфагенской армии ушли со своими войсками Индебил и Мандоний, которых Ливий называет несомненными вождями (principes) всей Испании [Ливий, 27, 17; Полибий, 10, 35, 6-8]. Не было никакой надежды, что этот центробежный процесс сам собой прекратится, и Гасдрубал Баркид решил как можно скорее дать бой Сципиону [ср. у Полибия, 10, 37, 1-5]. Полибий объясняет это тем, что Гасдрубал надеялся выиграть сражение и после этого решить, что делать дальше; в том случае если бы его постигла неудача, Гасдрубал предполагал уйти в Галлию, а оттуда в Италию. Однако — и об этом только что говорилось — поход Гасдрубала в Италию был уже предрешен в любом случае: победа нужна была ему для того, чтобы обеспечить себе прочный тыл на Пиренейском полуострове. Сципион, в свою очередь, также стремился к бою: он хотел иметь дело с одним только Гасдрубалом до подхода остальных карфагенских армий. В начале весны Сципион выступил из Тарракона [Ливий, 27, 17].

Армия Гасдрубала Барадда стояла в тот момент около Бэкулы. Туда Сципион и повел свои войска. Перед своим лагерем Гасдрубал расположил конные заградительные отряды, однако первые же удары римских легковооруженных воинов и вообще всех тех, кто шел во главе колонны, заставили всадников ускакать в лагерь; Ливий пишет, чт ворота.

Ночью Гасдрубал увел своих солдат на возвышенность, вершина которой представляла собою ровное плато. Это была удобная позиция, господствовавшая над местностью; от удара с тыла ее надежно защищала река, а с фронта и флангов крутые обрывы сильно затрудняли подъем. Однако она имела и существенный недостаток: здесь можно было обороняться, но отсюда тяжело было бы вести наступательные операции. Ниже этого плато, где расположился Гасдрубал Баркид, находились террасы, также со всех сторон окруженные обрывами; их по приказанию Гасдрубала заняли нумидийские всадники, а также легковооруженные балеарские и ливийские стрелки [Ливий, 27, 18]. Сципион послал одну из своих когорт занять вход в долину, через которую в тылу у карфагенян протекала река, а другую — перерезать дорогу, ведущую из Бэкулы на поля. Сам он во главе легковооруженных пехотинцев начал подниматься к лагерю противника и, несмотря на упорное сопротивление, овладел террасами, а потом с трех сторон ударил по основным силам карфагенян. В лагере Гасдрубала началось замешательство, и, пользуясь им, римляне взобрались на

плато. Окруженная со всех сторон, брошенная своим командующим (Гасдрубал, отправивший еще до начала сражения деньги и слонов, ушел по течению Тага на север, к Пиренейским горам), карфагенская армия недолго сопротивлялась: около 8000 воинов были убиты, а 10000 пехотинцев и 2000 всадников попали в плен. Следуя своей политической линии, Сципион отпустил всех иберийцев без выкупа. Африканцев он велел продать в рабство [Ливий, 27, 18-19][146]. Среди пленных африканцев оказался Массива, племянник Массанассы. Сципион разрешил ему возвратиться к дяде, и эта любезность явилась первым шагом на пути к установлению дружественных отношений между римлянами и Массанассой.

Разгром не остановил Гасдрубала. Вскоре после сражения при Бэкуле карфагенские армии (Гасдрубала сына Гисгона, Магона Баркида и остатки войск Гасдрубала Баркида) соединились на севере Пиренейского полуострова, и там трое командующих решили придерживаться намеченного плана: Гасдрубалу Баркиду идти, набрав как можно больше воинов, в Италию, где должна решиться судьба войны [Ливий, 27, 20].

IV

Пока Гасдрубал повторял италийский поход своего брата, военные действия в Италии шли своим чередом. Кампанию 208 года один из тогдашних консулов, Тит Квинкций Криспин, начал с того, что армию, которой прежде командовал Квинт Фульвий Флакк, передвинул вместе с подкреплениями в Луканию, а затем, вторгнувшись в Брутиум, приступил к осаде Локр [Ливий, 27, 25]. Эти действия соответствовали тому направлению войны, которое ей придал Фабий взятием Тарента: перед римским командованием в Италии, конечно, стояла теперь задача овладеть городами Великой Греции и отрезать Ганнибала от выходов к морю. Однако вскоре Криспину пришлось снять осаду, так как Ганнибал, в свою очередь, подступил к Лацинию (он снова предпринял, таким образом, попытку закрепиться в Апулии), а Марцелл, другой консул 208 года, с которым Криспин хотел соединиться, вышел из Венусии. В конце концов Криспин и Марцелл расположили свои лагеря между Венусией и Бантией, примерно на расстоянии 3 миль один от другого. Туда же явился и Ганнибал [там же].

Консулы рвались в бой. Они были уверены, что, если Ганнибал посмеет сразиться с обеими армиями, его ждет неминуемая гибель. Изо дня в день они выстраивали утром свои войска и ждали: может быть, Ганнибал не выдержит и очертя голову бросится на противника [там же]. Однако и карфагенский полководец не считал,

[146] Ср. описание битвы также у Полибия [10, 38, 7-39, 9] и у Аппиана о событиях в Испании после падения Нового Карфагена [А п п . , Исп., 24-28].

вероятно, свои силы достаточными для подобного дела. Он всячески уклонялся от битвы, которую ему навязывали Криспин и Марцелл, ограничивался мелкими стычками и искал место для засад [Ливий, 27, 26].

Римское командование постепенно начало ощущать нетерпеливое раздражение. Время шло, ничего серьезного не происходило, так и все лето могло миновать, не принеся ощутимого результата. По этой причине, видимо, римляне решили вернуться к первоначальному замыслу Криспина и возобновить осаду Локр. Луций Цинций Алимент, один из римских флотоводцев, получил приказ перевести флотилию, которою он командовал, к Локрам; для блокирования города с суши было решено использовать часть гарнизона, стоявшего в Таренте. Однако Ганнибал своевременно узнал об этом новом предприятии римлян, о нем сообщили Ганнибалу какие-то граждане Фурий. Это само по себе характеризует настроения и симпатии по крайней мере части населения Великой Греции. Пуниец послал 3000 всадников и 2000 пехотинцев перерезать дорогу из Тарента к Локрам. Карфагеняне расположились в засаде у подножия Петелийского холма; на них-то и наткнулись римляне, шедшие беспечно, без сторожевых охранений и разведки. Около 2000 римских воинов были убиты, почти 1500 попали в плен. Остальных карфагеняне рассеяли и заставили вернуться в Тарент [Ливий, 27, 26].

Между тем Ганнибал, по-прежнему искавший в предвидении неизбежного сражения удобного места для засады, обратил свое внимание на поросший лесом холм между карфагенским и римским лагерями и в одну из ночей послал туда несколько подразделений нумидийской конницы. Консулы Криспин и Марцелл под давлением окружающих также пришли к мысли о необходимости занять этот холм и по предложению Марцелла отправились на рекогносцировку во главе отряда из 220 всадников — фрегелланов и этрусков. Внезапно их окружили нумидийцы, и в короткой схватке Марцелл был убит. Раненый Криспин бежал в лагерь [Полибий, 10, 32, 1-6; Ливий, 27, 26-27]. Ганнибал тотчас же перенес свой лагерь на холм, нашел там труп убитого консула и похоронил его. Он вообще желал обнаруживать по отношению к командованию противника своеобразное рыцарство, если употреблять терминологию значительно более позднего времени. Криспин ушел в горы и закрепился там [Ливий, 27, 28]. По версии Аппиана [Апп., Ганниб., 50], Марцелл напал на нумидийских всадников, грабивших окрестности, и погиб, окруженный врагами и брошенный своими солдатами. Тело его Ганнибал сжег, а кости отослал его сыну в римский лагерь.

Гибель Марцелла, хотя бы и в небольшой стычке, и поспешное отступление Криспина создали Ганнибалу определенные военно-политические преимущества, которые он попытался использовать, закрепляя достигнутый успех. Особенно важным казалось то, что в руки Ганнибала попал перстень Марцелла с его печатью, и карфагенский военачальник получил возможность, пока весть о гибели консула не распро-

странилась, рассылать якобы от его имени подложные распоряжения. Он, в частности, отправил в Салапию извещение, что Марцелл в ближайшую ночь явится туда со своими войсками. Но его опередили: Криспин, которому в голову приходили такие же точно мысли, спешно известил все окрестные города о смерти своего коллеги и предостерегал их не верить письмам и распоряжениям, которые могут быть скреплены печатью Марцелла. В Салапии, где власти опасались расправы со стороны Ганнибала и за измену, и за истребление карфагенских всадников, решили прибегнуть к хитрости. Отправив восвояси посла (это был римский перебежчик), они расположили в стратегически важных пунктах города отряды граждан, усилили на стенах караулы, а у ворот сосредоточили отборную часть гарнизона. Поздно ночью, около четвертой стражи, Ганнибал подошел к городу. По требованию римских перебежчиков, находившихся в первых рядах, часовые подняли на относительно небольшую высоту решетку, преграждавшую проход в ворота; когда около 600 перебежчиков вошли в город, решетка внезапно опустилась, часть салапийского гарнизона бросилась их истреблять, а остальные воины обрушили свои стрелы и дротики на карфагенян [Ливий, 27, 28; Полибий, 10, 33, 7; Апп., Ганниб., 51; Зонара, 9, 9].

Попытка хитростью взять Салапию не удалась, и Ганнибал спешно двинулся на юг, к Локрам. Дела принимали там неблагоприятный оборот: Цинций успешно вел осаду, и Магон, командир стоявшего в Локрах пунийского отряда, уже думал о сдаче. Получив известие о приближении Ганнибала, он воспрянул духом и со своей стороны ударил по врагу. Когда в бой вступили нумидийские всадники Ганнибала, римляне, бросая осадную технику, устремились к своим кораблям, и, таким образом, осада была снята [Ливий, 27, 28].

Итак, убив одного консула (Марцелла) и тяжело ранив другого (Криспина) [Ливий, 27, 3
позиции на юге Италии. Криспин вскоре после этих событий умер. Бездействие римской армии после гибели Марцелла позволило Ганнибалу решительным ударом освободить Локры от блокады. Такой результат кампании можно было бы считать до известной степени успешным, тем более что Ганнибал сохранил возможность дождаться Гасдрубала Баркида, чтобы с его помощью развернуть новые широкие операции против Рима, если бы его значение не умерялось новым набегом римского флота из 100 кораблей под командованием Лэвина на африканские владения Карфагена. Опустошив территорию вокруг Клупеи, где они не встретили ни одного человека, римляне, едва только до них дошли слухи о приближении карфагенского флота, вернулись на корабли. В морском сражении у Клупеи пунийцы, эскадра которых насчитывала 83 судна, были разбиты, и Лэвин с большой и разнообразной добычей беспрепятственно вернулся в Лилибей [Ливий, 27, 29].

Тем временем Гасдрубал вел свою армию на Апеннинский полуостров. Его появление в Галлии вызвало там живейшее волнение: передавали (и послы из Массилии, давнего соперника Карфагена в борьбе за Западное Средиземноморье, поспешили известить об этом римское правительство), что он принес с собой огромные деньги для вербовки наемных солдат; и действительно, Гасдрубал Баркид собрал в Галлии многочисленную армию и, не встретив, по-видимому, сопротивления, подошел к подножию Альп. Наш источник, во всяком случае, ничего не говорит о каких-либо столкновениях Гасдрубала с галльскими племенами. Более того, мы узнаем о присоединении к Гасдрубалу каких-то галльских и альпийских племен [Ливий, 27, 39]. Наступление зимних холодов помешало ему преодолеть Альпы, однако было очевидно, что с приходом весны еще одно карфагенское полчище появится в Италии, на севере полуострова [Ливий, 27, 36]. Правда, сам Гасдрубал неоднократно бывал побежден, и шел он в Италию, потерпев накануне поражение от Сципиона, но ведь и он одно время жестоко бил римлян, а совсем недавно ловко обманул Нерона, предшественника Сципиона в Испании, и ушел от окружения и, казалось, неминуемого плена. Консулы 207 года — Гай Клавдий Нерон, тот самый, с которым Гасдрубал проделал свой коварный трюк, и Марк Ливий, впоследствии получивший прозвище Салинатор, — имели пред собою достаточно серьезного противника, а в руках Ганнибала такая армия могла бы превратиться в грозную силу, которая позволила бы ему изменить или, осторожнее будет сказать, попытаться изменить ход войны в свою пользу. Недооценивать опасность не приходилось.

Этими обстоятельствами определялись и непосредственные цели обеих сторон в ходе кампании. Ганнибалу нужно было во что бы то ни стало соединиться с Гасдрубалом по возможности до того, как он войдет в соприкосновение с римскими войсками. Римское командование стремилось, во-первых, навязать Ганнибалу продолжение вооруженной борьбы на юге, не дать ему уйти навстречу брату (решение этой задачи возлагалось на Нерона, командовавшего римскими войсками в Лукании и Брутиуме) и, во-вторых, разбить Гасдрубала на севере, пока он не присоединился к Ганнибалу. Операцию по уничтожению Гасдрубала должен был осуществить Марк Ливий, «провинцией» которого была назначена Цисальпинская, то есть посюсторонняя, южнее Альп, Галлия. В его распоряжение даны были римские войска, дислоцировавшиеся в Этрурии и Галлии, а также воинские подразделения, стоявшие непосредственно в Риме.

С наступлением весны Гасдрубал перешел Альпы. Тит Ливий [27, 39] объясняет тактический успех Гасдрубала (выигрыш времени) главным образом отсутствием сопротивления со стороны альпийских племен, убедившихся в том, что проходящие через их владения карфагеняне вовсе не желают их завоевывать. В Италии Гасдрубала уже ожидал сильный отряд лигуров. Однако, вместо того чтобы двинуться на юг, на соединение с Ганнибалом, он приступил к осаде Плаценции. Намерения его

были очевидны: захватить и разрушить Плаценцию, что он надеялся сделать без особого труда, устрашить другие города на севере Италии и заставить их перейти на сторону Карфагена. Однако взять Плаценцию ему не удалось. Бесполезная осада только замедлила движение Гасдрубала на юг и, что уже совершенно необъяснимо, внушила Ганнибалу удивительную мысль: пока Гасдрубал осаждает Плаценцию, оставаться еще некоторое время на зимних квартирах и выступить на север позднее [там же].

В конце концов Ганнибал все же пошел вдоль границ Ларинатской области в страну саллентинов. Во время этого движения его войска подверглись неожиданному нападению римских отрядов, состоявших под командованием Гая Гостилия Тубула. Карфагеняне потеряли около 4000 человек.

Известие о походе, предпринятом карфагенским полководцем, заставило и Квинта Клавдия, командовавшего римскими войсками в стране саллентинов, покинуть зимние квартиры. Избегая сражения, Ганнибал ушел в Брутиум, а оттуда в Луканию и подступил к Грументу. Кв. Клавдий вернулся в страну саллентинов, а Гостилий, направившись в Капую, где он должен был сменить проконсула Кв. Фульвия, встретил в Венусии консула Нерона и передал ему часть своей армии [Ливий, 27, 40].

Идя к Грументу, Ганнибал надеялся вернуть себе города, перешедшие на сторону римлян. Однако туда же из Венусии прибыл и Нерон, ставший лагерем примерно в полутора милях от Ганнибала. Между их позициями находилось открытое поле, и там постоянно завязывались мелкие стычки. Ганнибал, желая отделаться от неприятельской армии, изо дня в день выводил на это поле солдат, однако Нерон с таким же постоянством уклонялся от боя. Консул хотел не дать врагу уйти на соединение с Гасдрубалом. Долго так продолжаться, конечно, не могло. Нерону нужно было на что-то решиться, и однажды ночью он велел нескольким когортам укрыться в засаде за холмами, а на рассвете вывел своих воинов из лагеря и построил их в боевой порядок. В пунийском лагере был поднят сигнал к бою. Солдаты, схватив оружие, устремились на римлян. В беспорядке пунийцы не могли противостоять хорошо организованному неприятелю. В самый разгар боя Ганнибан пытался навести порядок, однако в этот момент из засады ударили римляне. Пунийцы бежали. Несколько дней спустя Ганнибал ночью тихо покинул свою стоянку и ушел в Апулию [Ливий, 41-42].

Разграбив брошенные карфагенянами укрепления, Нерон повел свою армию в погоню и настиг Ганнибала недалеко от Венусии. Там была еще одна схватка, в которой погибли более 2000 пунийцев, и Ганнибал, резко повернув на юг, отправился в Метапонт. Оттуда он послал начальника местного пунийского гарнизона Ганнона в Брутиум набирать еще новых солдат и, когда это было исполнено, возвратился в Венусию, а оттуда перешел в Канусий. Нерон следовал за ним по пятам [Ливий, 27, 42].

Тем временем Гасдрубал, прекратив наконец осаду Плаценции, решил пойти на соединение с Ганнибалом и отправил к нему 4 всадников — 2 галлов и 2 нумидийцев — с письмом, где, насколько об этом можно судить, было указано время и место встречи (Умбрия). Послание не достигло адресата: галлы и нумидийцы, не знавшие дороги, попали в Тарент и там были пленены римскими фуражирами. Ознакомившись с содержанием захваченного документа, Нерон принял смелое решение: в послании сенату он предложил отозвать из Капуи в Рим расквартированный там легион; собственно римский гарнизон, пополнив его путем дополнительной мобилизации, поставить у Нарнии, дабы в случае необходимости оказать сопротивление Ганнибалу; сам же Нерон, отобрав 6000 пехотинцев и 1000 всадников, ночью ушел к Пицену му. Своим заместителем на юге он оставил легата Квинта Катия [Ливий, 27,43].

В Риме действия Нерона вызвали большую тревогу. Опасались, что Ганнибал, узнав о его движении на север, может, уничтожить и римскую армию на юге, которая осталась без командующего, и самого Нерона (если бы Ганнибал стал его преследовать), имевшего всего только 7000 воинов. Сомневались, что Нерон сумеет одолеть своего противника — коварного и способного полководца, тем более что Гасдрубал, как сказано, однажды уже его обманул [Ливий, 27, 44].

Однако не только эти сомнения сопровождали Нерона. На всем пути его отряд встречали толпы мужчин и женщин, желавших воинам победы, называвших солдат спасителями Рима, и свободы римлян, дававших обеты богам, предлагавших в изобилии пищу и фураж [Ливий, 27, 45]. Наконец темной ночью, без шума Нерон вступил в лагерь Марка Ливия неподалеку от Сены. Лагерь Гасдрубала находился примерно в полумиле от стоянки римлян [см.: Ливий, 27, 46; ср. у Фронтина, 1, 1, 9; Вал. Макс., 7, 4, 4].

По настоянию Нерона уже на следующий день консулы и претор Л. Норций Лицин, действовавший во взаимодействии с Марком Ливием, решили дать сражение. Римские войска сразу же после совета были построены в боевой порядок. Карфагеняне уже были готовы к бою, но перед самым его началом Гасдрубал, заметив у римлян старые щиты, каких раньше не видел, и загнанных лошадей, заподозрил, что к Ливию прибыли подкрепления, и приказал играть отбой. Гасдрубал решил проверить свои догадки, и очень скоро худшие его предположения подтвердились: если раньше в римском лагере боевые сигналы подавались только один раз, то теперь сигналили дважды, один раз—для воинов М.Ливия и другой —для отряда Нерона. Все было ясно. Гасдрубалу противостояли оба консула.

Ночью Гасдрубал приказал покинуть лагерь, однако оказался в очень трудном положении: проводники бежали, а карфагеняне не знали ни дорог, ни бродов. Бесцельно проблуждав по полям, он решил идти по берегу р. Метавр. В безуспешных поисках брода Гасдрубал провел целый день, и римляне, которым гораздо лучше

были известны все дороги, без труда его настигли. Избежать сражения было невозможно.

Гасдрубал развернул в боевой порядок своих утомленных длительным и бесцельным переходом солдат. Против правого фланга римлян, которым командовал Нерон, Гасдрубал выстроил галлов. Левому флангу римлян, где с основной массой пехоты находился М. Ливий, Гасдрубал противопоставил свои иберийские части, которыми решил командовать лично. В центре соединениям Лицина Гасдрубал противопоставил отряды лигуров. Позиция Гасдрубала, по-видимому, чрезмерно растянувшего войска, была не очень удобна: возвышавшийся перед галлами холм мешал им вступить в дело, когда на левом фланге римлян завязалась битва. Сражение на левом фланге, куда Гасдрубал двинул и слонов (обезумевшие от шума и ран, они метались среди дерущихся воинов), было очень упорным и кровопролитным. Ни одна из сторон не могла добиться перевеса. В разгар боя Нерон, обойдя римские войска с тыла, перевел несколько своих когорт с правого фланга, где они стояли без движения, на левый и ударил по правому флангу Гасдрубала. Одновременно римляне напали на противника с тыла. Иберы и лигуры оказались в почти замкнутом кольце; большинство галлов разбежались, а те, что остались, не могли выдержать боя. Гасдрубал попытался было еще организовать сопротивление, но, видя, что разгром неотвратим, он, пришпорив коня, ворвался в ряды одной из римских когорт и погиб [Ливий, 27, 47-49; Полибий, 11,1, 2-12; ср. у Апп., Ганниб., 52; Орозий, 4, 18, 9-14; Зонара, 9, 9].

Нерон сразу же после сражения стремительным маршем (пройдя весь путь за шесть дней) вернулся в свой лагерь на юге Италии. Он не отказал себе в удовольствии бросить голову Гасдрубала в лагерь неприятеля и выставить перед вражескими солдатами связанных пленных пунийцев. Двух пленников он даже освободил и отправил к Ганнибалу рассказать о происшедшем. Карфагенский полководец был потрясен. Его надежды изменить ход войны в свою пользу рухнули. Брат погиб. Не видя выхода, Ганнибал стянул войска и сосредоточил их в Брутиуме, переселив туда и жителей Метапонта, а также луканцев, находившихся под его властью [Ливий, 27, 51}.

V

Гибель Гасдрубала и всей его армии в битве при Метавре была тяжелейшим военно-политическим поражением Ганнибала. Можно поэтому понять ликование, с которым в Риме встретили известие об этом событии [Ливий, 27, 50-51]. И в самом деле, Ганнибал уже не мог больше рассчитывать на подкрепления. Предпринимать своими силами сколько-нибудь серьезные операции он тоже не мог, да и не пытался этого сделать [Ливий, 28, 12]. Ему оставалось только пассивно ожидать в Брутиуме

оборота событий в Испании и на севере Апеннинского полуострова. Впрочем, как пишет Аппиан [Апп., Ганниб., 54], Ганнибал, видимо, уже понял, что в очень недалеком будущем ему предстоит покинуть Италию, и именно поэтому стал позволять себе всякого рода насилия над брутиями.

Кампания 207 года на Пиренейском полуострове, как справедливо замечает Тит Ливий [вскоре после ее начала карфагенское правительство прислало на Пиренеи еще одного командующего — Ганнона. Ганнон за короткое время навербовал в Кельтиберии много новых солдат в дополнение к войскам Магона Баркида и армии Гасдрубала сына Гисгона, который стоял в районе Гадеса, снова превратившегося после падения Нового Карфагена в важнейшую опорную базу карфагенян в Испании.

Сципион, желая предупредить действия Ганнона, направил против него одного из своих помощников, Марка Юния Силана, приблизительно с 10 000 пехотинцев и 500 всадников. Идя быстрым маршем, Силан приблизился к армии Ганнона и узнал, что слева от дороги, по которой он шел, находится лагерь кельтиберов (более 9000), а справа — укрепленный и хорошо охраняемый собственно пунийский лагерь. Силан напал на кельтиберов, затем в бой были втянуты и карфагеняне. Магон Баркид с конницей и частью пехоты бежал к Гадесу, а Ганнон попал в плен [Ливий, 28, 1-2]. Используя и развивая этот свои успех, Сципион быстро пошел на юг полуострова чтобы выступить против Гадсрубала, который в тот момент находился в Бэтике. Однако Гасдрубал внезапно двинулся оттуда к Гадесу, а армию свою разделил, разместив в различных пунктах, прилегающих к городу [Ливий, 28, 2; ср. у Фронтина, 1, 3, 5]. Не желая тратить силы на их осаду и штурм, Сципион повернул к Тарракону, захватив в Бэтике г. Оронг [Ливий, 28, 3].

Весной 206 г. борьба возобновилась. Гасдрубал сын Гисгона и Магон Баркид собрали новую армию — 50 000 (по некоторым сведениям, 70 000) пехотинцев и 4500 всадников [Ливий, 28,12]. Однако в сражении при Бэкуле Магон и Массанасса были разбиты [Ливий, 28,13; Полибий, 11, 21], а Гасдрубал сын Гисгона после длительного и упорного боя у Илипы обратился в бегство [Ливий, 28, 14-15; Полибий, 11, 22, 24], но был застигнут неприятелем и, выдержав еще одну резню, а потом и осаду, бросил армию и бежал в Гадес. Магон тоже направился в Гадес.

Неудачный для карфагенян исход кампании 206 года на Пиренейском полуострове показал, что успешно бороться с римлянами за господство в Испании они уже были не в состоянии [Ливий, 28, 16]. Предстояли, правда, еще бои в Испании. Римляне еще должны были столкнуться с упорнейшим сопротивлением иберийских племен новому завоевателю. Однако спор о господстве на Пиренейском полуострове был уже решен. Может быть, именно этим объясняется намерение Массанассы как раз теперь завязать тайные переговоры с Силаном, чтобы подготовить свой переход на сторону римлян [там же]. Окончательная договоренность была достигнута при

личной встрече Массанассы и Сципиона [Ливий, 28, 35]. Этим же объясняется и другое немаловажное событие: некоторое время спустя к Сципиону явились перебежчики из Гадеса, которых не испугала ни трудная война Сципиона с некоторыми иберийскими племенами, ни волнения в самом римском лагере, и вызвались сдать город с карфагенским гарнизоном и флотом [Ливий, 28, 23]. Возможно, что кроме общего военно-политического положения в Испании на решение гадитан повлияла долгожданная реальность перспективы избавления от карфагенского господства и карфагенской торговой монополии. Но Магон Баркид раскрыл заговор и отправил заговорщиков в Карфаген, и римляне ушли от стен Гадеса в Новый Карфаген [Ливий, 28, 31]

Поступок Массанассы был для Сципиона чрезвычайно выгоден. Считая войну в Испании в общем уже законченной, он мыслил теперь перенести войну в Африку, что и должно было завершить борьбу с Ганнибалом [ср. у Полибия, 11, 24; Дион Касс, фрагм., 53-56]. Сципион нуждался в союзниках. Он, подвергнув свою жизнь серьезной опасности, сам даже ездил в Африку, к царю масайсилиев Сифаксу, врагу Массанассы, для того чтобы привлечь его к союзу с Римом. В это же время у Сифакса находился Гасдрубал сын Гисгона, прибывший к царю с такой же миссией. Ливий рассказывает, что Сципион, следуя желаниям царя, должен был не только присутствовать вместе с Гасдрубалом на царском пиру, но и возлежать с ним на одном ложе. Однако римлянину удалось и в дипломатической схватке победить карфагенянина. Хотя и очень ненадолго, Сифакс стал союзником римлян [Ливий, 26, 17-18 и масайсилиев (Сифакс), и массилиев (Массанасса).

В этой обстановке Магон Баркид обратился к карфагенскому совету с настоятельным предложением еще раз выслать ему подкрепления, для того чтобы, с одной стороны, не допустить отпадения Гадеса и, с другой, — пользуясь трудностями римлян, возобновить борьбу за Пиренейский полуостров [Ливий, 28, 31]. Однако вместо подкрепления Магон получил приказание переправить флот из Гадеса в Италию, там навербовать сколь возможно больше галлов и лигуров и идти на соединение с Ганнибалом. Для этого ему были доставлены средства из государственной казны; кроме того, и сам Магон взыскал с гадитан сколько мог, ограбив их городскую казну, храмы и заставив всех частных лиц отдать золото и серебро. По дороге Магон подступил с моря к Новому Карфагену, однако взять его не сумел и, потерпев серьезный урон, вернулся к Гадесу [Ливий, 28, 36]. Но в Гадес его не пустили. Выманив из города магистратов и казнив их, Магон отправился к Питиусским островам, где находилась старинная карфагенская колония, а оттуда на Балеарские острова, надеясь там перезимовать. На большем из островов балеарские пращники встретили его градом камней, однако на меньшем Магону удалось обосноваться. Гадес сдался римскому командованию [Ливий, 28, 37]. Теперь римско-карфаген-

ская война на Пиренейском полуострове была окончательно завершена в пользу Рима.

О действиях Ганнибала в этот период источники ничего не сообщают, вероятно, потому, что он, ожидая благоприятного поворота событий, который позволил бы ему перейти в наступление, ничего не делал. Потеря Испании должна была еще больше углубить в нем то состояние безысходности, которое охватило его после битвы при Метавре и гибели Гасдрубала Баркида. Теперь можно было предвидеть, что Сципион, который и не скрывал своих намерений, постарается перенести войну в Африку. Устранить эту угрозу могла только новая активизация военных действий в Италии.

Весной 205 г. Магон Баркид высадился в Италии, имея 12 000 пехотинцев и 2000 всадников, занял без боя Геную и заключил союз с лигурийским племенем ингаунов. Впечатление было такое, что снова начинается война, которую два года назад пытался вести на севере Гасдрубал Баркид. Именно так это событие было воспринято в Риме: проконсул Марк Ливий получил приказание занять Аримин, а Марк Валерий Лэвин повел легионы в Арреций [Ливий, 28, 46]. Однако Ганнибал никак не реагировал на происходящее, может быть, потому, что его воины страдали от чумы и голода. Но ведь если бы он питал какую-то надежду на успех, он должен был хотя бы попытаться соединиться с Магоном. Однако ничего подобного не произошло. Лето Ганнибал провел у храма Юноны Лацинийской. Там он воздвиг жертвенник с надписью на пунийском и греческом языках, в которой рассказывал о своих деяниях [там же]. На эту надпись, до нас, к сожалению, не дошедшую, ссылается, как уже говорилось, Полибий. Может быть, Ганнибал сделал это, почувствовав, что для него уже наступило время подвести итог своей жизни, целиком отданной борьбе с Римом. Во всяком случае, если экспедицию Гасдрубала Баркида Ганнибал встретил с нетерпеливым ожиданием помощи и перелома в войне, то к высадке Магона Баркида он отнесся индифферентно, скорее всего потому, что не ожидал от нее сколько-нибудь заметных изменений в военно-политическом положении, в ходе войны в Италии. И если так, то Ганнибал не ошибся в своих оценках.

Несмотря на тревогу, которую вызвало появление Магона в Италии, экспедиция в Африку не была отложена. Правда, Сципиону пришлось столкнуться с сопротивлением весьма влиятельных кругов — старых врагов Корнелиев, и прежде всего с возражениями Фабия, когда этот вопрос рассматривался в сенате. Конфликт наметился сразу же по возвращении Сципиона из Испании. Его отчет о боевых операциях на Пиренейском полуострове (сколько раз победил неприятеля, сколько городов силой отнял у врагов, какие народы подчинил римской власти) сенат слушал в храме Беллоны за городской стеной, поскольку Сципион надеялся получить триумф и даже делал соответствующие намеки. Однако он, по-видимому, и сам не верил в такую

возможность и не настаивал. Триумфа Сципиону не дали, может быть, под тем благовидным предлогом, что триумфальное вступление в город предоставлялось только магистратам, а Сципион магистратом не был [Ливий, 28, 38].

Сенат хотел этим актом, несомненно, поставить Сципиона на место, умерить оценку его побед в Испании и, следовательно, его возможное политическое влияние. Но такие булавочные уколы не могли достигнуть цели. Успешное завершение трудной войны и покорение Испании принесли Сципиону огромную популярность. Люди отовсюду приходили в Рим посмотреть на него, посетить его, присутствовать во время его торжественного жертвоприношения на Капитолии; при небывалом до того стечении народа Публий Корнелий Сципион был единогласно избран консулом на 205 год вместе с великим понтификом Публием Лицинием Крассом. На исход голосования решающее влияние оказала общая уверенность в том, что именно Сципиону суждено победоносно закончить войну; все говорили и действовали так, как если бы «провинцией» (то есть сферой деятельности) ему уже была назначена Африка [там же].

Первый тур борьбы за возможность осуществить свою идею — перенести войну в Африку и там нанести Карфагену решающий удар — Сципион выиграл. Когда распределялись провинции, Крассе, который в качестве великого понтифика не мог покидать Италию, избрал для себя Брутиум и, следовательно, противостояние Ганнибалу. Сципиону досталась Сицилия, и все хорошо понимали, что он не ограничится действиями на этом острове. Да Сципион и не думал скрывать ни своих намерений, ни своего пренебрежительного отношения к сенату. Он высказывался в таком духе, что он, мол, избран не для продолжения, а для завершения войны, что этого можно достигнуть, только если сам он переправится в Африку, и что если сенат будет возражать, то он добьется своего с помощью народа [Ливий, 28, 40]. В сенате, как уже упоминалось, против Сципиона высказался Фабий. В своей речи, как ее передает Тит Ливий [28, 40-42], авторитетнейший диктатор, бывший тогда первоприсутствующим в сенате, предлагал иное решение: сначала окончательно разбить Ганнибала, изгнать его из Италии и уже только после этого переправиться в Африку. Он указывал на ненадежность союзников и враждебное отношение африканского населения к римлянам. Как повествует Аппиан [А п п . , Лив., 7], аргументация противников африканской экспедиции сводилась к следующему: когда Италия разорена войною, когда ее опустошает Ганнибал, когда Магон вербует себе наемников — лигуров и галлов, нельзя воевать в Африке, нельзя захватывать чужую страну, не освободив прежде всего свою родину. Возражая, Сципион рассказывал [Ливий, 28, 43-44] о своих успехах в Испании, где вести войну ничуть не легче, чем в Африке, и о том, что, как показывает опыт, в Африке можно добиваться победы над карфагенянами и рассчитывать на поддержку местных ливийских племен. По Аппиану [А п п . , Лив., 7], сторонники Сципиона прежде всего говорили о стратегической целесообразности

похода: пока война за пределами Африки и Карфаген в безопасности, он, конечно, будет пытаться сохранить свои позиции в Италии; когда же его вынудят сражаться на собственной его территории, карфагенское правительство отзовет Ганнибала.

В конце концов сенат принял желательное Сципиону решение: одному из консулов (то есть самому Сципиону) предоставлялась Сицилия и разрешалось переправиться в Африку в том случае, если, по его мнению, этого потребуют интересы государства, другому (то есть Крассу) — Брутиум и непосредственно борьба с Ганнибалом. Насколько можно судить, был достигнуть компромисс: консул предоставил решение вопроса о провинциях сенату и отказался от своего первоначального намерения в случае неудачи обратиться к народу. Если бы этот замысел осуществился, Сципион превратился бы в вождя демократического движения, а власть сената получила бы серьезный, если и непоправимый удар. Это был бы первый шаг на пути к его единоличной власти. В свою очередь, сенат снял свои возражения против существа требований и военных планов Сципиона [Ливий, 28, 45]. В целом, следовательно, Фабии проиграли. Однако — и это характерно для позиции сената — Сципиону не дали возможности набирать войска в Италии. Он должен был ограничиться призывом добровольцев и несколькими военными судами, которые имелись в Сицилии. Денег из государственной казны Сципиону также не дали; он должен был, следовательно, финансировать экспедицию, от которой зависела конечная победа и судьба Рима, из своих средств, а также прибегая к займам у частных лиц [Ливий, 28, 45-46; Апп., Лив., 7]. Сенат сделал все, чтобы максимально затруднить предприятие Сципиона.

Конечно, сенатская оппозиция Сципиону объяснялась не столько тем, что его «греческое изящество и слишком современные образование и взгляды были не по вкусу суровым и мужиковатым отцам города», и даже не сомнениями в его способности поддерживать дисциплину и подчиняться указаниям сената [147], и не только завистью старика Фабия к молодому Сципиону[148], а более глубокими причинами. Предполагают[149], что Фабий и его сторонники хотели только как можно скорее избавиться от Ганнибала, тогда как Сципион желал разгромить и Ганнибала, и самый Карфаген. Однако в действительности спор шел только ведь о последовательности действий, а вовсе не о целях войны. Не подтверждается традицией и другая концепция: будто Сципион и Фабий по-разному представляли себе будущее Рима. Считается[150], что Фабий представлял консервативные аграрные круги, стремившиеся окончить войну, залечить раны и, может быть, развивать Северную Италию, тогда

[147] *Моммзен Т.* История Рима. Т. I. С. 615.
[148] *Walter G.* La destruction de Carthage. C. 395-396; ср.: *Pais E.* Storia di Roma durante le guerre Puniche. Vol. II. P. 462. Ср. также: *Neumann C.* Das Zeitalter der Punischen Kriege. S. 508.
[149] *Scullard H. H.* Scipio Africanus... P. 160-166, 109.
[150] Ibid. P. 161-166, 168.

как Сципион, чей горизонт был шире, полагал, что чисто италийская политика уже отжила и Рим должен превратиться в средиземноморскую державу. Предположение о том, что Фабий отрицательно в отличие от Сципиона оценивал греческое влияние на Рим, вряд ли соответствует действительности. Показательно, что сразу же после Канн, когда влияние Фабия было наиболее значительным, римское правительство обратилось к Дельфийскому оракулу, что миссия эта была возложена на одного из Фабиев, Пиктора, и что Пиктор писал свой исторический труд на греческом языке. В то же время Сципион обнаруживает не меньшую, чем Фабий, приверженность к религиозной староримской традиции. У нас нет также оснований думать, будто Фабий возражал или мог бы возражать против дальнейшего усиления Рима.

Борьба вокруг планов Сципиона была по сути своей одним из этапов длительной борьбы за власть между группировками Фабиев и Корнелиев. Репутация «единственного мужа», который своим промедлением спас Рим (так это выразил Энний [Энний, 370-372; см. также: Циц., Обяз., 1, 84]), была важным для Фабия козырем во внутриполитической борьбе, не говоря уже о том, насколько такая репутация почетна и важна была сама по себе. И Фабий, естественно, не желал, чтобы такое же положение — положение победителя Ганнибала — приобрел и Сципион[151].

Прибыв в Сицилию, Сципион начал интенсивную подготовку к экспедиции в Африку, и в частности, для того чтобы обеспечить благоприятное к себе отношение сицилийских греков, принял все меры к возвращению сиракузянам их имущества, которое они потеряли во время войны, но которое сенат постановил вернуть [Ливий, 29, 1]. Од
Гая Лэлия. Лэлий ночью подошел к Гиппону Царскому, а наутро, выведя своих воинов и матросов на сушу, принялся опустошать окрестности [Ливий, 29, 3][152].

[151] Сомнения в достоверности этой традиции *(Gsell St.* HAAN, IV. P. 204) представляются едва ли обоснованными.

[152] В исследовательской литературе высказывались сомнения по доводу того, что Лэлий высадился именно у Гиппона Царского (см.: *Zielinski Th.* Die letzten Jahre des Zweiten Punischen Krieges. Leipzig, 1880. С. 7-16). Аргументация по этому поводу сводится к следующему. Гиппон Царский находился на морском берегу страны массилиев, принадлежавшей Массанассе; ограбление его окрестностей римлянами невозможно, если принять во внимание, что римское правительство нуждалось в союзе с Массанассой. Кроме того, набеги римского флота всегда имели целью собственно карфагенские владения (Зевгитана и Бизаций); Гиппон Царский слишком далеко находился от Карфагена, так что тревога последнего необъяснима. Ф. Зелинский также отвергает предположение, что Ливий имел в виду Гиппон Диаррит, поскольку в этом случая кажется невозможным свидание Массанассы, скрывавшегося у Малого Сирта, с Лэлием. Ученый предлагает искать на историко-географической карте Африки еще один Гиппон и находит его в районе Бизация, между Малым Лептисом и Керкиной. Нам представляется, однако, что эти соображения не опровергают традиции Ливия. Во-первых, солдаты Лэлия грабили территорию, принадлежавшую Гиппону, и, следовательно, не наносили ущерба Массанассе как царю массилиев. Во-вторых, тревога в Карфагене была вызвана появлением римлян (как предполагали, Сципиона) в Африке. Ожидая нападения непосредственно на Карфаген, его население и правительство едва ли придали бы особое зна-

Перепуганные вестники сообщили в Карфаген, что в Африке уже появился римский флот под командованием Сципиона, и это известие произвело на правительство и народ Карфагена тяжелейшее впечатление. Перспектива бороться с римлянами на территории Африки в условиях, когда сами карфагеняне не имеют достаточной боевой выучки, нумидийцы либо уже стали врагами (Массанасса), либо готовились ими стать (Сифакс), действия Магона в Лигурии недостаточно эффективны, а Ганнибал в Брутиуме явно теряет силы, — эта перспектива приводила людей в смятение. Но делать было нечего. Карфагенский совет решил ввиду угрожающей смертельной опасности провести спешную мобилизацию, укрепить город, свезти продовольствие, заготовить вооружение и послать корабли к Гиппону против римского флота. Эти приготовления были в полном ходу, когда в Карфагене узнали, что в Африке высадился не Сципион, а Лэлий с войсками, силами которых можно было лишь разорить прибрежные территории, а не вести продолжительную войну, а тем более осаждать Карфаген [Ливий, 29, 4].

Итак, непосредственная опасность Карфагену пока не угрожала, и его правительство получило возможность принять еще и другие меры, рассчитанные на обеспечение военной и дипломатической поддержки, а также и на то, чтобы активизировать войну в Италии и заставить римский сенат сосредоточить свое внимание на италийских делах. Карфагеняне направили к Сифаксу и другим соседним царям посольства для возобновления и закрепления союзнических отношений. К Филиппу V также прибыли карфагенские послы и предложили ему 200 талантов серебра, если он вторгнется в Италию или Сицилию. Но это было делом, в общем, бесполезным: Филипп вышел на какое-то время из игры. После длительной и с переменным успехом борьбы с антимакедонской коалицией в Греции он сумел заключить сепаратный мир с Этолийским союзом (206 г.), а затем достичь временного, как потом выяснилось, урегулирования с Римом (205 г.). Римляне по-прежнему оставались в Иллирии, поэтому о вторжении Филиппа V в Италию пока не могло быть и речи. И все же македонский царь не хотел разрывать окончательно дружеских отношений с Карфагеном — ведь они могли пригодиться в будущем — и послал своим союзникам солдат, которые потом приняли участие в битве при Заме. Пройдет несколько лет, и римляне поставят этот поступок в счет заносчивому македонянину.

Принимали карфагеняне и чисто военные меры. По свидетельству Аппиана

чение, кроме, разумеется, чисто тактического, вопросу о расстоянии, которое противнику нужно было бы пройти. Наконец, свидание Массанассы и Лэлия также нельзя считать и в этом случае физически исключенным. Все изложенное позволяет — по крайней мере до обнаружения и публикации новых материалов — считать традицию Ливия достоверной. Г. Фальтин (см.: *Neumann C.* Das Zeitalter. S. 512, прим. 2) также присоединяется к точке зрения, согласно которой Лэлий не мог высадиться у Гиппона Царского, но не принимает и других гипотез. Традицию Тита Ливия принимают Ст. Гзелль (HAAN, IV. S. 205], Х. Скаллард *(Scullard H.H.* Scripio Africanus... P. 112), Э.Паис *(Pais E.* Storia, II. P. 494).

[А п п . , Лив., 9], Гасдрубал сын Гисгона был отправлен на охоту за новыми боевыми слонами. По возвращении Гасдрубал собрал небольшой отряд из 6000 пехотинцев, карфагенян и ливийцев, и 600 всадников; к ним он присоединил еще 2000 всадников и, продолжая вербовать наемников, расположился лагерем вне Карфагена, на пути в Нумидию. В Италии карфагенские полководцы получили распоряжение всеми мерами задержать Сципиона. Магону, кроме того, прислали 25 военных кораблей, 6000 пехотинцев, 800 всадников и 7 слонов, а также в большом количестве денег для вербовки наемников; ему предписывалось переместиться к Риму и идти на соединение с Ганнибалом [Ливий, 29, 4; Апп., Лив., 9].

Но не только карфагеняне готовились к новому туру войны. Исключительную заинтересованность в дальнейшем ходе событий проявил Массанасса, рассчитывавший с помощью римлян восстановить свое положение в Нумидии. Когда Лэлий гнал взятый им полон, к нему явился Массанасса и стал настойчиво внушать римлянину, что Сципион должен как можно скорее высадиться в Африке, пользуясь тревогой и смятением в Карфагене, а также тем, что Сифакс, весьма ненадежный союзник, занят войнами с соседями. Он, Массанасса, хотя пока и изгнан из своего царства, готов тем не менее предоставить римлянам значительные вспомогательные войска — пехоту и конницу [Ливий, 29, 4]. С этим Лэлий и отплыл в Сицилию [Ливий, 29, 5, 1]. Сципион с большим удовольствием выслушал пересказанные ему Лэлием речи Массанассы. Он и его солдаты загорелись еще большим нетерпением, однако римлян задерживали италийские дела.

Положение в Италии складывалось следующим образом. На севере Магон Баркид, по распоряжению карфагенского совета, собрал сходку галлов и лигуров, заявил им, что желает освободить их от римлян и даже получил для этого вспомогательные войска. Однако, чтобы успешно бороться с врагом, ему нужны еще новые и новые контингенты воинов. Галлы согласились оказать ему помощь тайно, опасаясь римского вторжения; лигуры обещали Магону через два месяца доставить своих солдат. Угроза наступления Магона становилась все более реальной. Чтобы ее парализовать, М. Ливий перешел в Галлию и там, объединив свою армию с армией Лукреция, приготовился напасть на Магона, если он предпримет движение на Рим. Если бы Магон не начал активных действий, то и М. Ливий стоял бы около Аримина [Ливий, 29, 5].

То, что происходило в Северной Италии, не могло особенно тревожить Сципиона, тем более что там имелось достаточно сил для отпора карфагенянам. Значительно более важным он счел другое событие, которое дало ему возможность овладеть Локрами и еще больше сузить кольцо вокруг Ганнибала. Борьба вокруг Локр в 205 г. представляет исключительный интерес по многим причинам.

Локры были слишком важным для Ганнибала стратегическим рубежом, и угроза потерять их заставила его на какое-то время пробудиться от своего рода летаргиче-

ского сна, в который он погрузился после битвы при Метавре. Здесь впервые Ганнибал и Сципион примеривались друг к другу, но здесь же Ганнибал предпочел уклониться от прямого столкновения. С другой стороны, этот эпизод обнаружил подлинное содержание претензий Сципиона, который без колебаний вмешался в сферу компетенции своего коллеги (еще раз напомним, что Брутиум был провинцией Красса) и таким образом существенно ограничивал его власть. Наконец, в Локрах, пожалуй, с особенной силой обнаружились насильническая природа римского господства (в Сиракузах римляне могли ссылаться на законы войны, в Капуе — на необходимость осуществить карательные меры, но в Локрах «освободители»-римляне таких оправданий не имели) и фактическое нежелание римского правительства пресечь и покарать кровавую вакханалию убийств, грабежей и всякого рода надругательств над мирным населением, которую устроили его солдаты.

Все началось [см.: Ливий, 29, 6-7] с того, что римляне во время одного из набегов захватили недалеко от Локр пленных и доставили их в Регий. Среди пленных были ремесленники, выполнявшие дла пунийцев, засевших в Локрах, разнообразные поделки. Этих ремесленников узнали локрские изгнанники, покинувшие город, когда прокарфагенская «партия» сдала его карфагенянам, и с тех пор жившие в Регии. Начались обычные в таких случаях разговоры, и пленники подали своим собеседникам надежду на возвращение домой: если их выкупят из рабства, то они, живя в одном из двух локрских акрополей, смогут легко передать его римлянам. Перспектива, которою нарисовали локрские ремесленники, была не только чрезвычайно привлекательной, но и вполне реальной. Население Локр уже пресытилось насилиями и поборами со стороны карфагенского гарнизона, поэтому можно было вполне рассчитывать на его поддержку. Срочно выкупив пленных и отправив их домой, локрские изгнанники сообщили обо всем Сципиону, и тот немедленно распорядился, чтобы военные трибуны Марк Сергий и Публий Матиен выступили из Регия к Локрам с отрядом в 3000 пехотинцев и чтобы пропретор Квинт Племиний им помогал. В условленное время ночью римляне подошли к Локрам, а потом с помощью заговорщиков поднялись на стены, перебили спавших карфагенских часовых и проникли в один из акрополей. После короткой схватки на улицах карфагеняне бежали в другую крепость, захватить которую римляне уже не смогли. Теперь в одном акрополе сидел римский гарнизон под командованием Кв. Племиния, а в другом — карфагенский, который возглавлял Гамилькар; время от времени между ними происходили стычки.

Получив известия о происходящем, Ганнибал спешно двинулся в Локры, и римскому отряду стала угрожать серьезная опасность. Только поддержка местных жителей позволила римлянам удержаться до прибытия помощи. Сципион, услышав о движении Ганнибала, отправился к Локрам морским путем. Ганнибал, подойдя к р. Булот, отправил Гамилькару в Локры приказание, чтобы тот завязал сраже-

ние с Племинием; сам Ганнибал собирался во время боя ударить с тыла. Однако во время рекогносцировки у городских стен выстрелом из «скорпиона» (метательный механизм) был убит стоявший рядом с ним воин. Ганнибал приказал отступать. Последствия нерешительности Ганнибала не замедлили сказаться. Сципион получил необходимое время, чтобы подойти к Локрам, высадить своих солдат и войти в город. На другой день, когда Ганнибал подводил свою армию к стенам, чтобы начать штурм, ворота внезапно распахнулись, и из них во множестве появились римляне. Потеряв 200 человек, Ганнибал, узнавший, что Сципион находится в Локрах, увел остальных в лагерь, а затем велел отступить. Гарнизону в Локрах он предоставил спасаться кто как может. Карфагеняне подожгли акрополь и присоединились к Ганнибалу.

В нашу задачу не входит описание дальнейшей судьбы Локр. Заметим только, что Сципион, казнив вожаков прокарфагенской «партии», велел горожанам отправить послов в Рим, чтобы сенат распорядился об их дальнейшей участи. В Локрах Сципион оставил гарнизон под командованием Племиния и уехал в Мессану. Владычество карфагенян теперь показалось локрийцам сладким сном. Римляне грабили и насиловали. Особое возмущение вызвало расхищение сокровищницы храма Прозерпины. Дело кончилось столкновением между самими римлянами, причем сначала по приказанию Племиния высекли розгами военных трибунов, а позже воины, находившиеся под командованием этих трибунов, избили Племиния и отрезали ему нос и уши. Сципион оправдал Племиния и оставил его комендантом, а трибунов приказал арестовать и отправить в Рим. Ободренный своей безнаказанностью, Племиний подверг трибунов пыткам, предал их казни и бросил без погребения. Так же он расправился и с теми гражданами Локр, которые пытались жаловаться на него Сципиону. Только сакральное преступление — разграбление храма Прозерпины — да еще факт солдатского бунта заставили сенат вмешаться. Племиний был арестован и умер в тюрьме [Ливий, 29, 8-9 и 16-22]. По другой версии [Апп., Ганниб., 55], Племиний был казнен. Надо сказать, что на реакцию сената оказала определенное влияние и открывшаяся в связи с преступлениями в Локрах возможность обвинить Сципиона [Ливий, 29, 19], однако представители горожан отказались поддерживать это обвинение [Ливий, 29, 21].

Летом 205 и зимой 205/204 годов Сципион вел приготовления к африканской экспедиции, а в Карфагене готовились к обороне. Особенно важное значение для карфагенского правительства имел союз с Сифаксом, скрепленный династическим браком царя с Софонисбой, дочерью Гасдрубала сына Гисгона [Ливий, 29, 23]. Под ее влиянием Сифакс отправил к Сципиону посольство: пусть римляне и карфагеняне воюют где-нибудь подальше от Африки, чтобы Сифакс не был вынужден становиться на чью-либо сторону. Если же Сципион вздумает переправиться в Африку, то Сифакс будет вынужден присоединиться к карфагенянам [там же]. Дион Кас-

сий [фрагм., 64], вероятно, прав, когда пишет, что Сифакс, выдавая себя за друга карфагенян, в действительности просто не хотел, чтобы кто-нибудь из противников стал хозяином всей Северной Африки.

Посольство Сифакса, естественно, не заставило Сципиона изменить своих планов. Точных сведений о количестве пехотинцев и всадников, которыми он располагал, нет; различные авторы, сочинениями которых пользовался Тит Ливий [см.: 29, 25], дают цифры от 12 200 до 35000. Стянув войска в Лилибей, Сципион погрузил их на 440 кораблей и приказал держать курс на Эмпорию. Высадились римляне, однако, у Прекрасного мыса [Ливий, 29, 27] и там на холмах разбили свой лагерь [Ливий, 29, 28][153].

VI

Появление в Африке огромной римской армии во главе со Сципионом, хотя этого и ожидали давно, вызвало там жгучую тревогу и опасения за будущее. Дороги заполнили толпы народа: люди уходили под защиту городских укреплений, пастухи угоняли скот. Положение Карфагена было достаточно сложным. Он не располагал на месте ни сколько-нибудь сильной армией, ни надежными полководцами. Единственный из них, Гасдрубал сын Гисгона, стяжал известность главным образом тем, что проигрывал Сципиону одно сражение за другим. Поэтому, добавляет Тит Ливий [29, 28], как если бы Сципион намеревался сразу же идти к Карфагену, в городе призвали к оружию всех, кто мог сражаться, ворота заперли, на стенах и сторожевых постах расставили вооруженных стражей, всю ночь напролет бодрствовали, ожидая нападения. Однако Сципион отправил свой флот в Утику, несколько отошел от моря и расположился на холмах примерно в одной миле от Утики. Там с его постами столкнулись карфагенские всадники (1000 человек), посланные в разведку, а также чтобы помешать римлянам сгружаться с кораблей. Несколько всадников погибли в сражении, многие были убиты при отступлении, и среди них — командир отряда Ганнон [Ливий, 29, 29]. Сципион опустошил поля и занял один из ближайших ливийских городов. Однако наиболее существенным для интересов Сципиона было то, что в его лагерь прибыл Массанасса, как раз в этот момент ожесточенно боровшийся за власть над массилиями со своим родственником Лакумасой и его опекуном Макетуллом и потерпевший в этой борьбе сокрушительное поражение, ведущий жизнь предводителя полуразбойничьей бродячей шайки[154]. Сципион получил желаемую

[153] Ср., однако: *Zielinski Th.* Die letzten Jahre. P. 20-27.

[154] Рассказ Ливия о борьбе за власть в Нумидии кажется более правдоподобным, нежели версия Аппиана [А п п . , Лив., 10-11], согласно которой события разворачивались совершенно иначе. Гасдрубал сын Гисгона, пишет Аппиан, обещал отдать Софонисбу Массанассе, однако, пока оба они находились в Испании, карфагенское правительство без их ведома выдало Софонисбу за Сифакса.

возможность вмешаться в нумидийские дела и поставить у власти всем обязанного Риму и безусловно покорного царя.

Карфагеняне, потеряв сильный отряд всадников вместе с командиром, приняли меры к формированию нового кавалерийского соединения и во главе его поставили Ганнона сына Гамилькара, который, продолжая вербовку наемников, главным образом среди нумидийцев, быстро довел численность своей команды до 4000 человек и занял небольшой город Салэку примерно в 15 милях от Утики. Одновременно он призвал на помощь Гасдрубала сына Гисгона и Сифакса. Сципион решил прежде всего уничтожить пунийских кавалеристов в Салэке. По его приказанию Массанасса выманил Ганнона сына Гамилькара с его воинами из города, а затем, в самый разгар сражения, в дело вступили римские всадники и окружили карфагенян[155]. Около 1000 из них (и в этой группе Ганнон сын Гамилькара) были отрезаны от своих и перебиты. Остальные пытались ускакать, однако во время бегства около 2000 человек, в том числе не менее 200 собственно карфагенских всадников (по Орозию, 11000 человек), погибли или попали в плен [Ливий, 29, 34; Орозий, 4, 18, 17].

Рассказывая об этом столкновении, Тит Ливий замечает, что не все авторы по-

Узнав об этом, Массанасса заключил тайный союз со Сципионом, а Гасдрубал, хотя и был глубоко оскорблен за дочь и ее прежнего жениха, тем не менее решил устранить Массанассу, когда тот возвращался из Испании в Африку. Массанасса бежал от убийц и с тех пор вел жизнь бродячего разбойника. Карфагеняне и Сифакс намеревались сначала разгромить Массанассу, а уже потом начать борьбу с римлянами. Повествование Аппиана исключается уже по той причине, что брак Софонисбы не был возможен без согласия ее отца.

[155] Это указание Ливия более правдоподобно, чем традиция Аппиана [Лив., 13], согласно которой после переправы Сципиона Гасдрубал и Сифакс стали лагерем недалеко от Утики и там же, но отдельно от них, расположился Массанасса. С ним (будто бы) карфагеняне и Сифакс притворно заключили союз. Действия Сципиона после высадки по прибытии из Африки, даже как их изображает Аппиан [Лив., 14-15], не могли бы иметь места, если бы он ощущал постоянную угрозу из расположенного неподалеку карфагенского лагеря. Не случайно Аппиан [Лив., 14] говорит о том, что Сифаке увел свои войска в Нумидию. Аппиан явно переносит сюда обстоятельства более позднего времени. Что же касается их взаимоотношений с Массанассой, то они были целиком враждебными, борьба шла не на жизнь, а на смерть, и, следовательно, версия Ливия более точно соответствует расстановке политических сил в Африке. Карфагеняне не могли всерьез рассчитывать на нейтралитет Массанассы или на его доверчивость, так что этот «союз» мог только углубить и без того затруднительное положение, тогда как Массанасса — открытый враг был опасен лишь постольку, поскольку он действовал вместе со Сципионом. Соответственно приходится отвергнуть и версию Аппиана о столкновении римлян с Ганноном сыном Гамилькара [А п п . , Лив., 14]. Массанасса будто бы тайно побывал у Сципиона и договорился, что он расположит засаду у Башни Агафокла, недалеко от Утики, а потом убедил Гасдрубала послать Ганнона со всадниками занять Утику. Подойдя к Башне, Ганнон с небольшим числом всадников поскакал в Утику, а остальные по приказанию Массанассы вступили в бой с римлянами. Некоторое время спустя на карфагенян напали и нумидийцы. Когда битва кончилась, Массанасса захватил Ганнона, отвел его к Сципиону, а потом обменял его на свою мать. Все эти подробности кажутся совершенно невероятными, если не предположить, что карфагенское командование вдруг позабыло, с кем оно имеет дело и какого рода «союз» оно, по словам Аппиана, заключило.

вествуют о гибели двух карфагенских военачальников, имена которых одинаковы, в двух кавалерийских сражениях, опасаясь совершить ошибку, дважды рассказав об одном и том же деле; к тому же Цэлий Антипатр и Валерий Антиат говорят не о гибели, а о пленении Ганнона [Ливий, 29, 35]. У самого Ливия, как можно видеть, была иная точка зрения (в своем изложении мы придерживаемся его версии), хотя он и не вступает в прямую полемику ни с этими историографами, ни с теми, чьих имен не называет. В нашем распоряжении нет источников, которые могли бы подтвердить или опровергнуть ту или иную традицию. Факт, что использованное Ливием предание не было общепринятым, свидетельствует, во всяком случае, об одном: в римской анналистике существовали по этому поводу серьезные сомнения. По-разному говорили и о судьбе Ганнона. Однако можно, как нам кажется, привести некоторые аргументы в поддержку традиции, принятой Ливием. Обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что ход обоих сражений не совпадает между собой; Ливий подчеркивает, что оба Ганнона — разные люди: в первом случае он называет Ганнона «молодым» и не указывает его отчества, тогда как во втором дает отчество «сын Гамилькара». Совпадение личных имен обоих военачальников само по себе не может свидетельствовать о наличии так называемой редупликации традиции, если учесть исключительно широкое распространение у карфагенян, в том числе и в аристократических кругах, таких имен, как Ганнон, Гасдрубал, Гамилькар, Ганнибал[156].

Как бы то ни было, нанеся серьезный урон карфагенской коннице и позже, видимо, захватив г. Лоху [ср. у Апп., Лив., 15], Сципион пока сосредоточил основное внимание на осаде Утики, которую он предполагал сделать основным своим опорным пунктом с моря и с суши. Все свои надежды граждане Утики возлагали только на помощь из Карфагена. Однако в Карфагене войск не было, а Гасдрубал сын Гисгона и Сифакс действовали не очень решительно. Гасдрубалу удалось нанять 30 000 пехотинцев и 3000 всадников, однако он не решался приближаться к неприятелю до появления Сифакса. Нумидийский царь заставил себя долго ждать, но в конце концов подошел к Карфагену, ведя за собой 50 000 пехотинцев и 10 000 всадников. Оттуда быстрым маршем он двинулся к Утике. Прибытие Гасдрубала сына Гисгона и Сифакса заставило Сципиона снять осаду после сорокадневных безуспешных попыток овладеть городом [ср. у Апп., Лив., 16] и отступить к зимним квартирам, которые он устроил на мысе, выступающем далеко в море и легко обороняемом [Ливий, 29, 35].

[156] Ср. также: *Zielinski Th.* Die letzten Jahre. P. 27-36. Г. Фальтин (см.: *Neumann C.* Das Zeitalter. S. 522) принимает версию Аппиана и считает, что в повествовании Ливия имела место редупликация традиции. Ст. Гзелль (HAAN, IV. P. 216) и Х. Скаллард *(Scullard H. H.* Scipio Africanus. P. 120, 189-1191) в целом следуют традиции Ливия. Э. Пайс *(Pais E.* Storia, II. P. 496) не занимает определенной позиции.

Пока в Африке происходили эти события, Ганнибал по-прежнему оставался в Брутиуме. Там ему противостоял один из консулов 204 года — Публий Семпроний Тудитан. Уже в начале кампании Тудитан решил навязать Ганнибалу сражение, и оно состоялось во время передвижений римской и карфагенской армий. Карфагеняне отбросили римлян, потерявших до 1200 воинов, и заставили их вернуться в лагерь. На следующую ночь Тудитан снялся со стоянки и одновременно велел проконсулу Публию Лицинию Крассу присоединиться к нему со всеми его войсками. В новом сражении, где в первом ряду были выстроены легионы Тудитана, а во втором, образуя своего рода резерв, — солдаты Красса, пунийцы не выдержали и побежали. Не завязывая еще одного боя, Ганнибал удалился в Кротон [Ливий, 29, 36].

На севере Италии Магон, насколько об этом можно судить, не предпринимал активных боевых операций, однако развил исключительную дипломатическую деятельность. Несомненно, в результате его подстрекательства почти вся Этрурия склонялась к выступлению против римского господства. Многие знатные этруски вступали в переговоры с карфагенским полководцем об отпадении от Рима и о совместных действиях в будущем [Ливий, 29, 36]. Интересно, что если применительно к югу Италии еще можно, хотя только до известной степени, говорить о демократическом антиримском движении, то применительно к Этрурии конца III в. можно говорить об антиримском целиком аристократическом, как его изображает Тит Ливий, движ

Причины, побудившие этрусскую аристократию проявить склонность к союзу с Карфагеном, очевидны. Здесь и надежда на избавление от римского господства, и воспоминания о давних дружеских отношениях и тесных политических и культурных связях с Карфагеном. Если бы заговор удался, на севере Италии возникла бы серьезная угроза Риму, которая, несомненно, могла заставить сенат отозвать из Африки Сципиона. Однако Марк Корнелий Цетег (консул, провинцией которого была Этрурия) судебными расправами удержал этрусские города в повиновении; многие заговорщики ушли в изгнание [Ливий, 29, 36].

Таким образом в Италии ни Ганнибал, ни Магон не сделали или не смогли сделать ничего, что могло бы отвлечь внимание римлян от Африки, где ясно обозначился главный театр военных действий.

Зима 204/203 г. была в Африке временем значительной военно-политической активности. Правда, известие Ливия, будто Сципион продолжал осаду Утики [30, 3], противоречит его же [29, 5] рассказу о прекращении осады и поэтому едва ли достоверно. Все же лагерь Сципиона находился недалеко от Утики, и она по-прежнему оставалась в угрожаемом положении. Однако и сам Сципион должен был считаться с присутствием армий Гасдрубала сына Гисгона и Сифакса, а также карфагенского флота, который пытался блокировать морские коммуникации Сципиона [Ливий, 30, **8]**. С Сифаксом Сципион завел переговоры, рассчитывая перетянуть его на свою сто-

рону. Однако царь стоял на своем: пусть карфагеняне уйдут на Италии, римляне — из Африки и между ними установятся дружественные отношения [ср. у Апп., Лив., 17]. В свою очередь, Сифакс попытался заключить союз с Массанассой, обещая признать его царем массилиев и отдать за него одну из своих дочерей [там же]. Из этих попыток Сифакса, как и следовало ожидать, ничего не вышло: союз со Сципионом сулил Массанассе гораздо больше выгод, чем мог ему предложить Сифакс. Для Сципиона предложения Сифакса также были совершенно неприемлемы. Не для того он организовывал трудную и дорогостоящую экспедицию в Африку, чтобы возвратиться без победы с миром, который не принес бы Риму никаких ощутимых преимуществ. Римский командующий продолжал контакты с Сифаксом уже только с одной целью — дать своим людям возможность беспрепятственно появляться в нумидийском лагере и тщательно изучить его расположение [Полибий, 14, 1, 1-13; Ливий, 30, 3].

Зимние квартиры карфагенян и нумидийцев были построены на скорую руку. Карфагеняне жили в наспех сколоченных из подручного материала деревянных помещениях, а нумидийцы — в тростниковых хижинах, разбросанных по всей территории лагеря, а иногда и вне укреплений [Полибий, 14, 1, 6-7 и 14-15; Ливий, 30, 3]. Однако Сципион тем временем отправлял вместе со своими послами к Сифаксу под видом погонщиков вьючного скота переодетых в рабскую одежду центурионов, которые осматривали неприятельский лагерь, выясняли расположение постов и порядок караульной службы, определяли расстояние между стоянками Сифакса и Гасдрубала сына Гисгона. Никто им не мешал; переговоры шли своим чередом. И нумидийцы и карфагеняне, рассчитывая на установление в скором времени мира, ослабили бдительность. Между тем в один из дней, когда у Сципиона уже все было готово, римские послы заявили Сифаксу, что не могут явиться к своему командующему без определенного ответа; пусть царь примет решение. Если ему нужно посоветоваться с Гасдрубалом или с карфагенянами, пусть советуется; а вообще, пора уже или мир заключать, или воевать по-настоящему.

После совещаний Сифакса с Гасдрубалом (римляне использовали это время для того, чтобы проверить и уточнить собранные ими разведывательные данные) союзники дали Сципиону ответ. Ни Полибий, ни Ливий не говорят, каковы были их предложения. Ливий замечает только, что, думая, будто римляне жаждут мира, они включили в свой ответ наряду с прочим и явно неприемлемые условия. Однако все это было несущественно: Сципион хотел прервать переговоры и, очевидно, придрался к какому-то пункту, содержание которого мы не знаем. Царские послы внезапно для себя услышали, что Сципион доложил военному совету о результатах переговоров, но, несмотря на его старания, никто из членов совета не одобрил заключения мира; царь может рассчитывать на мир с римлянами, только если оставит карфагенян [Полибий, 14, 2, 5-14; Ливий, 30, 4].

Было бы, однако, несправедливым полагать, что карфагеняне, надеясь на мирный исход переговоров Сифакса со Сципионом, совершенно упустили из виду возможность возобновления военных действий. В этом случае предполагалось, что царь двинет свои войска в сторону Утики, а Гасдрубал — на лагерь Сципиона [А п п . , Лив., 18]. Тем не менее провести в жизнь эти замыслы они не успели.

Начиналась весна, и Сципион, спустив на воду корабли, погрузил на них осадные и метательные орудия, чтобы создать у противника впечатление, будто он собирается подступить к Утике с моря. Одновременно он послал 2000 воинов занять холм над Утикой, тот самый, который и раньше, до ухода на зимние квартиры, занимали римляне. Все эти меры должны были отвлечь внимание противника и, кроме того, предотвратить нападение из Утики на римский лагерь, когда там будет оставлен слабый гарнизон [Ливий, 30, 4].

Закончив приготовления, Сципион приказал в тот же вечер начать построение, и около первой стражи войска уже были готовы к походу. В полночь римляне подошли к расположению противника. Подчинив часть своих войск Лэлию и Массанассе, Сципион велел им поджечь нумидийцев. Огонь быстро охватил хижины, в которых спали солдаты Сифакса; выбегая, чтобы потушить пожар, люди попадали под удары воинов Массанассы. Многие гибли в постелях, многие во время беспорядочного бегства были раздавлены в узких воротах. Сципион подошел к зимним квартирам Гасдрубала. Когда там увидели пламя над стоянкой нумидийцев, когда услышали вопли раненых и умирающих, решили, что пожар возник случайно, и, безоружные, кинулись на помощь союзникам. Однако тех, кто выбежал за ограду, перебили римляне; Сципион тотчас же ворвался в ворота, оставленные без охраны, и поджег ближайшие постройки. Огонь мгновенно распространился на весь лагерь. Карфагенские воины метались в огненном кольце; тех, кто не сгорел заживо, убивали римляне. Ворота были завалены ранеными и умирающими людьми и животными [Полибий, 14, 4-5; Ливий, 30, 5; ср. у Фронтина, 2, 5, 29].

Аппиан [А п п . , Лив., 19-22] иначе рассказывает об этом событии. По его словам, Сципион решился напасть на противника для того, чтобы предотвратить его выступление против распыленных по стране римских воинских частей; сначала римляне напали на лагерь Гасдрубала и подожгли его, а затем Массанасса атаковал Сифакса, который не помог союзникам, и заставил его бросить лагерь и бежать.

Как бы то ни было, одним решительным ударом в самом начале кампании 203 года Сципион уничтожил обе армии Сифакса и Гасдрубала сына Гисгона [ср. также у Орозия, 4, 18, 18-19]. Правда, царь и пунийский командующий уцелели, однако вместе с ними спаслось от побоища только 2000 пехотинцев и 500 всадников [Ливий, 30, 5]. И К разгар кампании спешно восстанавливать свою способность к сопротивлению. Значение этого успеха римского оружия определялось в немалой степени еще и тем,

что перед Массанассой открывалась реальная возможность не только восстановить свою власть, но и увеличить владения в Нумидии, что должно было привести к военно-политической изоляции Карфагена в Африке. Результаты победы Сципиона сказались незамедлительно: один из ближайших городов сдался римлянам, а два других легко были захвачены силой и разграблены. Гасдрубал, пытавшийся было укрыться в первом из них, ушел в Карфаген[157], а Сифакс занял укрепленную позицию в 8 милях от пожарища.

В Карфагене, едва узнав о пожаре и гибели армий Гасдрубала и Сифакса, решили, что теперь Сципион прекратит осаду Утики и двинется против самого Карфагена. Необходимо было срочно принимать решения, и суффеты обратились к совету. На его заседании высказывались различные мнения. Одни предлагали начать со Сципионом переговоры о прекращении войны, другие — вызвать из Италии Ганнибала, третьи — воссоздать армию и убедить Сифакса продолжать войну. Последнее мнение восторжествовало, и Гасдрубал и Сифакс спешно собрали новую армию, насчитывавшую почти 30000 человек [Полибий, 14, 6; Ливий, 30, 7]. Скоро, однако, выяснилось, что эти меры далеко не достаточны.

Сципион, вернувшийся сразу же после разгрома неприятеля к осаде Утики, узнал, естественно, об этих приготовлениях и, оставив у стен Утики небольшие отряды, пошел со всей своей армией навстречу Гасдрубалу и Сифаксу. Сражение произошло на Великих Равнинах[158]. Наспех собранные и плохо обученные, нумидийцы и карфагеняне бежали при первом же ударе римских легионов. Сопротивление оказал только отряд кельтиберских наемников, которые все до единого пали в бою [Полибий, 14, 8; Ливий, 30, 8]. Сципион поручил Лэлию и Массанассе преследовать Сифакса и Гасдрубала, а сам подчинил себе частью обещаниями, частью силой еще несколько окрестных городов [Полибий, 14, 9, 2-5; Ливий, 30, 9, 1], а затем, продвигаясь далее к Карфагену и ища наиболее благоприятную позицию, Тунет.

[157] Аппиан [А п п . , Лив., 24] иначе изображает судьбу Гасдрубала сына Гисгона. Он будто бы бежал в Анду и там стал собирать наемников, однако в Карфагене его приговорили к смерти, а командование передали Ганнону сыну Бомилькара. После этого, составив собственную армию, Гасдрубал начал промышлять грабежом. Позже Гасдрубал потребовал будто бы от Ганнона, чтобы тот допустил его к участию в командовании, и предложил поджечь лагерь Сципиона. Ганнон согласился и даже нашел сторонников в самом римском лагере, однако Сципион узнал о заговоре и казнил заговорщиков. Карфагеняне отказались от своего замысла, но Ганнон использовал ситуацию, чтобы оклеветать Гасдрубала [А п п . , Лив., 30]. Зонара [9, 12] говорит только о смещении Гасдрубала. Последующие события и в особенности умолчание о данном факте Полибия и Ливия свидетельствуют, видимо, против традиции Аппиана и Зонары. Аппиан ничего не знает о битве на Великих Равнинах, что также позволяет усомниться в достоверности его рассказа.

[158] О традиции, повествующей об этом сражении, см.: *Zielinski Th.* Die letzten Jahre. P. 36-44. Великие Равнины, по-видимому, локализуются в местности Сук ал-Кремис, в 75 милях юго-западнее Карфагена.

Опасность, угрожавшая Карфагену, становилась все более грозной. В этих условиях, в обстановке острой внутриполитической борьбы, карфагенское правительство после долгих и бурных споров решило отправить свой флот к Утике и там напасть на римлян, а также вызвать из Италии Ганнибала. Одновременно пунийские власти озаботились подготовкой города к осаде и постановили рассмотреть вопрос о путях заключения мира. Очевидно, «партия мира» сумела настоять на принятии среди прочих и этого своего предложения [Полибий, 14, 9, 6-11; Ливий, 30, 9].

Морское сражение при Утике закончилось победой карфагенян, однако не такой решительной, как можно было бы ожидать, главным образом из-за того, что они дали Сципиону время и возможность подготовиться к бою [ср. у Полибия, 14, 10, 9-11]. Аппиан [Лив., 25] вообще не считает, что Сципион потерпел поражение, а об уводе кораблей говорит позже и в другой связи [А п п . , Лив., 30]. Пунийцы захватили несколько римских транспортных кораблей и увели их в Карфаген [Ливий, 30, 10].

После битвы на Великих Равнинах непосредственная борьба между Сципионом и карфагенянами приостановилась. Пунийцы ожидали Ганнибала, а Сципион использовал время для того, чтобы уничтожить Сифакса и утвердить в Ну мидии власть Массанассы. После того как римляне без особого труда разгромили Сифакса в бою [ср. у Ливия, 30, 11] и взяли царя в плен, Массанасса легко овладел Циртой и стал государем всей Нумидии [Ливий, 30, 12]. Ливий рассказывает [30, 12-15], что, влюбившись в Софонисбу, Массанасса женился на ней; когда же Сципион потребовал, чтобы среди других пленных он передал эту женщину римлянам, Массанасса ее отравил (ср. также у Аппиана [Лив., 26-28], где, однако, решающая роль в разгроме Сифакса приписывается самому Массанассе, который будто бы командовал всей экспедицией).

Победа Массанассы, разумеется, поставила Карфаген в еще более затруднительное, чем прежде, положение. Мало того, что он не располагал в Африке сколько-нибудь надежной армией, а его наспех собираемые и почти не обученные войска терпели одно поражение за другим, Карфаген лишился единственного союзника и все свои надежды мог возлагать либо на прекращение войны, либо на прибытие армии Ганнибала. Ливий [30, 16] пишет, что теперь уже не слушали предлагавших воевать дальше и что именно под влиянием этих настроений в Тунет, куда Сципион вернулся из Нумидии, было направлено карфагенское посольство. Мы не знаем, насколько достоверно изображает римский историограф мотивы, которыми руководствовался карфагенский совет; Аппиан [А п п . , Лив., 31] не исключает, что карфагеняне хотели всерьез договориться, однако, судя по дальнейшему развитию событий, совет хотел главным образом выиграть время. В лагере Сципиона появились члены совета 30-ти — высшего органа власти, который руководил всей политической жизнью Карфагена, и обратились к нему с униженной мольбой пощадить город,

избавить его от разрушения и гибели. Сципион отвечал, что он явился в Африку не для заключения договоров; его цель — одержать победу над Карфагеном. Тем не менее Сципион не отказывается от мира и предлагает следующие условия: возвратить пленных, перебежчиков и рабов; вывести карфагенские войска из Италии и Галлии, отказаться от Испании, удалиться со всех островов между Италией и Африкой; выдать все военные корабли, кроме 20; передать римлянам пшеницы 500000 и ячменя 300 000 модиев, а также деньги — по одним сведениям, 5000 талантов, по другим — 5000 фунтов серебра, по третьим — двойное жалованье воинам. Карфагеняне решили не отвергать этих требований, установить со Сципионом перемирие и отправить посольство Рим. Пока будут идти переговоры, Ганнибал сумеет переправиться в Африку, и тогда с римлянами можно будет говорить по-другому [Ливий, 30, 16].

В Италии к началу кампании 203 года обе карфагенские армии — Ганнибала и Магона Баркида —действовали (а более всего бездействовали) независимо одна от другой. Перед Магоном по-прежнему стояла задача прорваться на юг, на соединение с братом, и, насколько можно судить, он пытался это сделать. Во всяком случае, мы его застаем в Галлии, в стране инсумбров, где произошло решительное сражение между ним и римлянами, которыми командовали претор Публий Квинктилий Вар и проконсул Марк Корнелий Цетег. Поначалу ни римлянам, ни карфагенянам не удалось преодолеть сопротивления друг друга. Когда Квинктилий ввел в дело конницу, Магон противопоставил ей слонов, и всадники потеряли власть над перепуганными лошадьми. Наконец, обе стороны бросили в бой пехотные резервы. Только нападение римских метателей дротиков на слонов привело к решительному перелому. Раненые животные обратились в бегство, и тогда снова в бой вступили римские всадники. Пунийцы начали отступать, Магон получил тяжелое ранение в бедро, и после этого отступление превратилось в паническое бегство [Ливий, 30, 18]. Эта неудача заставила Магона вернуться к морю, в Лигурию. Там он застал карфагенских послов с приказанием спешно отплыть в Африку: положение Карфагена не таково, чтобы продолжать борьбу за Италию и Галлию. По дороге, недалеко от Сардинии, Магон Баркид умер[159].

На юге Италии, в Брутиуме, города один за другим сдавались римлянам. Ганнибал еще пытался сопротивляться и насилием удержать своих союзников в повиновении [ср. у Апп., Ганниб., 57]. Около Кротона произошла битва, ни ход, ни исход

[159] Безусловно ошибочны указание Аппиана [Лив., 49], согласно которому карфагенские власти приказали Магону оставить Италию только после битвы при Килле (то есть Заме), и соответственно данные о его дальнейшей судьбе. У. Карштедт, по своему обыкновению, считает анналистическую традицию [Ливий, 30, 48] недостоверной *(Meltzer O*. GK, III. S. 555), однако она более точно соответствует дальнейшим событиям.

которой точно неизвестны; как раз в этот момент к Ганнибалу явились послы карфагенского совета, спешно призывавшего его на родину. Ганнибал не мог и, вероятно, не хотел скрыть того тяжелого чувства, которое охватило его при получении приказа отправиться в Африку. Ливий [30, 20] вкладывает в его уста горькие, хотя, вероятно, совершенно несправедливые обвинения, к которым восходит легенда о гениальном полководце, загубленном жадными торговцами и недальновидными политическими противниками: «Теперь уже не обиняками, а явно отзывают меня те, кто уже давно побуждал меня покинуть Италию, не давая присылать подкрепления и деньги, так что победил Ганнибала не римский народ, столько раз битый и обращенный в бегство, но карфагенский совет недоброжелательством и завистью, и этому моему позорному возвращению не столько будет радоваться и им хвалиться Публий Сципион, сколько Ганнон, который, не имея других возможностей, похоронил наш дом под развалинами Карфагена». Несправедливость этих обвинений очевидна: на протяжении всей войны в карфагенском совете господствовали сторонники Баркидов — противники мира, направлявшие все усилия государства на борьбу с Римом, прежде всего на поддержку самого Ганнибала. Впрочем, карфагенянину приходили в голову и другие мысли: он горько упрекал себя в том, что после Канн сразу же не пошел на Рим. Разослав часть ненужных ему солдат в различные города Брутиума под предлогом несения там гарнизонной службы и обрекая их таким образом на верную гибель, ограбив союзников [Апп., Ганниб., 58], оставив также в Италии воинов италийского происхождения, которые отказались следовать за ним (укрывшиеся в храме Юноны Лацинийской, они были там перебиты [ср. у Апп., Ганниб., 59; Диодор, 27, 9][160]), Ганнибал покинул Италию.

О том, как велись переговоры между представителями карфагенского совета и римскими властями, античная историография сохранила два предания, которые резко противоречат друг другу. В изображении Тита Ливия [30, 22- 23], римско-карфагенские контакты выглядят следующим образом.

Затевая мирные переговоры со Сципионом, карфагенское правительство, как писал Тит Ливий, вовсе не стремилось достичь положительных результатов. Эта позиция стала очевидной в тот самый момент, когда послы, которых оно направило в Рим, предстали перед сенатом. В своей речи они пытались вопреки фактам доказать, что пунийские власти не виноваты в развязывании войны, что виноват во всем один только Ганнибал. Это он без приказания совета форсировал Ибер и перешел Альпы. Это он на свой страх и риск начал войну сначала с Сагунтом, а потом и с Римом, а совет и народ Карфагена дружбу и союз с римским народом вообще не нарушали и просят, чтобы можно было сохранить мир на условиях, которые в последний раз

[160] Т. Додж *(Dodge Th.A.* Hannibal. P. 593] и Я. Буриан *(Burian J.* Hannibal. P. 112) считают это указание не заслуживающим доверия. Однако в нашем распоряжении нет фактов, которые позволили бы подвергнуть его сомнению.

были заключены с консулом Гаем Лутацием Катулом, иначе говоря, в конце I Пунической войны. Можно представить себе, насколько циничными и лживыми должны были показаться эти речи сенаторам, хорошо осведомленным и о том, что в карфагенском совете господствовали сторонники Баркидов, и о том, что совет отказался дезавуировать Ганнибала, и что вообще Ганнибал действовал с одобрения совета, если не по прямому его распоряжению. Дальше больше: сенаторы начали задавать вопросы, видимо, главным образом в связи с содержанием договора, на который послы ссылались. Послы же все время отвечали, что текста договора они не знают, не помнят. Наш источник объясняет такое их поведение непростительной молодостью, и этот факт, несомненно, должен был иметь свое значение. Юные посланцы, хотя и облеченные дипломатическими регалиями и соответствующим иммунитетом, едва ли могли иметь полномочия принимать те столь ответственные политические решения, которые им предстояли в Риме. Однако дело было значительно серьезнее; отправляя посольство в Рим и поручая ему настаивать на мирном урегулировании, которое подтвердило бы результаты I Пунической войны, карфагенское правительство (в изображении Тита Ливия) упустило одну деликатную подробность: оно не проинструктировало своих людей и не напомнило им хотя бы в общих чертах содержания договора, заключенного почти 40 лет назад с Гаем Лутацием. Неудивительно, что в сенате восторжествовало мнение Лэвина, который предложил удалить послов из Италии, под стражей доставить их на корабли, а Сципиону написать, чтобы он не прекращал войны.

В нашем распоряжении, однако, имеется, как уже говорилось, и другая версия, коренным образом отличающаяся от ливианской. Аппиан [А п п . , Лив., 31-32] пишет, что обсуждение в сенате карфагенских мирных предложений выявило различные точки зрения. Одни сенаторы напоминали о вероломстве карфагенян, о несоблюдении ими договоров, о злодействах Ганнибала в Испании и Италии, другие вели речь о мире, который Риму так же необходим, как и Карфагену: Италия опустошена столькими войнами, а будущее опасно, так как на Сципиона двинутся сразу 3 армии — Ганнибала из Южной Италии, Магона из Лигурии, а также армия из Карфагена, командиром которой Аппиан, в соответствии с принятой им традицией, называет Ганнона. Сенат не пришел к определенным выводам и, отправив к Сципиону советников, предложил ему окончательно все решить вместе с ними и поступить так, как он сочтет целесообразным. Сципион решил заключить мир. Он обязал карфагенян вывести армию Магона из Лигурии, не набирать наемников, не иметь более 30 боевых судов, не вмешиваться в чужие дела, ограничиваясь только своими владениями в пределах Финикийского Рва (то есть на границе собственно карфагенской территории), выдать римлянам военнопленных и перебежчиков, а также выплатить контрибуцию в размере 1600 талантов. Массанассе гарантировалось господство над массилиями, а также над той частью владений Сифакса, которую он

сумеет удержать в своих руках. Карфагенское правительство приняло эти условия, и его представители снова отправились в Рим принять клятву от консулов, а римские послы с аналогичной целью появились в Карфагене. Позже, когда договор был нарушен, римское правительство приказало послам покинуть Италию [Апп., Лив., 35].

Итак, перед нами вопросы: носили ли переговоры между карфагенскими и римскими властями деловой характер, каково было решение сената, был ли заключен мирный договор или же стороны не пришли к соглашению, да и не хотели? К сожалению, до нас не дошел рассказ Полибия о переговорах, поэтому судить об его содержании мы можем только по косвенным указаниям. Говоря о вероломстве карфагенян и с нарушении ими договоренности с римлянами, Полибий [15, 1, 2; ср. также 9] пишет, что они преступили клятвы и договоры что снова начинается война. Далее [15, 2, 2] он пишет, что большинство членов карфагенского совета «тяжело переносили» условия договора. Показательно, что и Ливий [30, 25] в своем дальнейшем изложении следуя за Полибием и рассказывая об антиримском выступлении карфагенян, говорит, что преступление было совершено теми, кто просил мира и временного прекращения военных действий, и что нарушены были надежда на мир и верность перемирию. Наконец, Полибий [15, 4, 8] прямо говорит, что сенат и народ утвердили договор Сципиона с карфагенянами и удовлетворили их пожелания; то же самое упоминание о заключении договора и о принятии его римлянами и карфагенянами мы находим в речи Сципиона [Полибий, 15, 8, 7-8]. Можно, следовательно, прийти к выводу, что в утраченной части повествования Полибия говорилось о заключении мирного договора и что здесь Аппиан ближе к Полибию, нежели Ливий. С этим во многом совпадает и версия Диона Кассия — Зонары [Дион Касс, фрагм., 74-75; Зонара, 9, 13]: первоначально римляне вовсе не желали вести с карфагенскими послами мирных переговоров, заявляя, что не в обычае у них принимать послов и договариваться, пока вражеский лагерь находится в Италии. Узнав об уходе Магона и Ганнибала, сенат утвердил условия мирного договора. Диодор [27, 11] говорит о нарушении мира и договора. Заметка Евтропия [3, 21] также в основных чертах соответствует версии Аппиана: сенат, приняв во внимание решение Сципиона, приказал заключить с карфагенянами мир. Сципион предложил условия, согласно которым пунийцы обязывались иметь не более 30 кораблей, уплатить 5000 фунтов серебра, выдать пленных и перебежчиков. Неизвестный нам, хотя явно работавший до Полибия историограф, фрагмент из сочинения которого сохранился [Пап. Р., 491] и переписан до 130 г., говорит о том, что римляне (?), отправив послов, принесли клятву, скреплявшую договор, и освободили пленных. Далее рассказывается, по всей видимости, следующее: сенаторы поверили тем, кто ловко уклонился от принесения клятвы, и вместе с пунийцами, возвращавшимися на родину, отправили в Африку свою миссию, которая была уполномочена принести клят-

ву за римское правительство и, в свою очередь, принять клятву от карфагенских властей.

Римляне прибыли в лагерь Сципиона; пунийская делегация вернулась в Карфаген и доложила согласованные обеими сторонами условия мира. От дальнейшего повествования сохранился лишь небольшой фрагмент, из которого ясно, что карфагенский совет отказался принести клятвы и объявил о своем намерении продолжать войну[161]. Тенденция рассказчика [Пап. Р., 491] очевидна. Он стремится показать, что карфагеняне обманули простодушных и доверчивых римских сенаторов: они, ведя переговоры о мире и добившись согласия римской администрации четко сформулировать условия прекращения войны, тем не менее не скрепили договор клятвой и, следовательно, сорвали его заключение. Эта концепция, яркими красками рисующая миролюбие римлян и их верность слову на фоне коварства и воинственных устремлений карфагенян, имела, конечно, первостепенное значение для Рима, когда в середине II в. шли споры о будущем Карфагена и после 149 г. нужно было объяснять и оправдывать уничтожение этого города.

Версия Ливия, таким образом, стоит в античной историографии изолированно. В пользу варианта, сохраненного с наибольшей полнотой Аппианом, свидетельствуют, по-видимому, и авторитетнейшее указание Полибия, и единодушные указания других авторов, повествующих об интересующем нас эпизоде. Различия в деталях в данном случае несущественны.

Однако проблемы такого рода не могут решаться большинством голосов, в том числе и большинством голосов античных историографов. Едва ли можно сомневаться в том, что версия, принятая Аппианом, была хорошо известна Ливию, тем более что она имелась уже у Полибия. Очевидно, римский историограф сознательно воспользовался другой, собственно римской традицией, которую он считал более достоверной. Видимо, эта традиция больше удовлетворяла его и своими политическими мотивами. Почему?

Рассматривая оба повествования, нельзя не заметить их резкой антикарфагенской направленности, причем версия Аппиана еще более политически заострена, нежели вариант Ливия. И в том и в другом случае карфагеняне выступают как вероломные нарушители: по Аппиану — мирного договора, а по Ливию — перемирия. Очевидно, политическая тенденция интересующих нас традиций определяется внутриримской борьбой, и в связи с этим неизбежно возникает вопрос о роли Сципиона и сената, об их взаимоотношениях, как они проявились в данном случае.

[161] ***Körte A.*** **Literarische Texte mit Ausschluss der Christlichen. Archiv fur Papyrusforschung. Bd 14. 1941. P. 129-131.**

Из традиции Аппиана и примыкающих к ней повествований очевидно, что сенат и Сципион действуют в полном единодушии, что сенат поступает в соответствии с предначертаниями Сципиона и поручает Сципиону довести переговоры до их логического завершения. У Ливия все обстоит иначе. Сципион принимает решение о заключении мира и формулирует его условия. Однако сенат, убедившись, что намерения карфагенян несерьезны, прерывает переговоры и приказывает продолжать войну, не считаясь с позицией Сципиона. Такое положение кажется вполне естественным, если принять во внимание напряженные взаимоотношения между Сципионом и сенатом, по крайней мере многочисленными сторонниками Фабиев. С другой стороны, привлекает внимание роль, которую обе традиции приписывают Сципиону. У Аппиана Сципион — военачальник, диктующий неприятелю условия мира. Причем неприятель этот мир принимает, а нарушение его — следствие вероломства и недовольства со стороны определенных кругов карфагенского общества. У Ливия Сципион — политик, обманутый своими пунийскими контрагентами, оказавшийся не в состоянии распознать довольно элементарную хитрость, легко разоблаченную сенатом. Нетрудно понять, что Полибия, связанного со Сципионами, могла устраивать только первая версия. Что же касается Ливия, то его выбор определялся его политическими симпатиями и антипатиями. «Помпеянец» (по оценке Августа) Ливий, глубоко симпатизировавший республиканским порядкам, отрицательно относившийся к Цезарю, естественно, представляет «божественного» Сципиона в невыгодном освещении.

Установив наличие двух политически противоположных версий — благоприятной Сципиону и враждебной, мы еще не приблизились к решению основной проблемы: насколько версии эти достоверны. Очевидно, ответить можно только одним способом—попытаться выяснить, до какой степени оба рассказа соответствуют известным в настоящее время фактам.

Мы уже говорили, что рассказ Ливия соответствует тому, что известно о борьбе между Сципионом и сенатом, где видную роль в тот момент и в последние годы II Пунической войны и после ее окончания играли Клавдии, Фульвий и Фабии. Повествование же Аппиана не соответствует тому, что мы знаем об этом. С другой стороны, Сципион, конечно, был заинтересован в заключении мира, дабы предстать перед сенатом и народом в роли победоносного полководца, принудившего опаснейшего врага к капитуляции. Между тем сенат еще не был настолько заинтересован в мире, чтобы поручать его заключение именно Сципиону. Не случайно у Сципиона неоднократно пытались отнять должность, не случайно и то, что в роли единственного спасителя Рима у поэта Энния фигурировал старик Фабий. Сенату нужен был мир, но заключенный не Сципионом, а кем-либо другим. Легко себе представить поэтому, что сенат, обнаружив некомпетентность карфагенских послов, придрался к случаю и приказал Сципиону продолжать войну. Наконец, карфагенский совет, в

основном пробаркидский, даже и в более тяжелых условиях, после битвы при Заме, не был склонен к заключению мира. В этой связи еще раз напомним слова Полибия [15, 2, 2] о враждебной Сципионовым условиям мира позиции большинства членов совета. Нетрудно видеть, что, ведя переговоры, они хотели выиграть время; труднее допустить, что при таких обстоятельствах, когда еще не были исчерпаны все возможности, они всерьез желали мира. Все эти соображения приводят к мысли, что более прав Ливий и что мирные переговоры были сорваны и карфагенским советом, и римским сенатом[162].

Однако любое решение сената для карфагенского совета являлось безразличным. Главная цель была достигнута: Ганнибал получил время, необходимое для того, чтобы переправиться в Африку.

Появлению Ганнибала в Африке предшествовали и другие, более драматичные события, показавшие, что в Карфагене вообще не склонны считаться с перемирием. Все началось с того, что карфагеняне захватили римские транспортные корабли, потерпевшие крушение у Эгимур, недалеко от самого Карфагена, и покинутые командой [Ливий, 30, 24]. Аппиан [Лив., 34] добавляет чрезвычайно существенные подробности: тех членов экипажа, которых удалось захватить, карфагеняне заковали в цепи; карфагенский совет всячески старался удержать народ от этого шага. Имеются в виду, очевидно, сторонники мира. Сроки перемирия еще не истекли, карфагенские послы из Рима еще не вернулись, и Сципион, возмущенный бесцеремонным нарушением соглашения, которого сами же карфагеняне так настойчиво добивались, отправил в Карфаген своих послов — Луция Бэбия, Марка Сервилия (у Полибия — Сергия) и Луция Фабия. На заседании карфагенского совета, а затем и в народном собрании римляне напомнили пунийцам о том, с какой униженной покорностью они добивались мира. Карфагеняне самих себя обвиняли перед римским командованием в том, что первые нарушили договор между Римом и Карфагеном, и признавали себя достойными любой кары; напоминая о превратностях судьбы,

[162] Ср. у Ф. Зелинского *(Zielinski Th.* Die letzten Jahre. P. 44), который приходит к выводу, что основное содержание ливианской традиции не может быть подвергнуто сомнению. Ф. Зелинский, однако, пытаясь примирить обе версии, восстанавливает ход событий следующим образом. На первом заседании сенат отказывается заключать мирный договор; посланцы Сципиона с помощью трибунов добиваются положительного решения народного собрания; сенату ничего не остается, как на втором заседании подтвердить волеизъявление народа. В нашем распоряжении нет материалов, которые подтвердили бы эту точку зрения. Г. Фальтин (см.: *Neumann C.* Das Zeitalter. P. 532-533) полагает, что в сенате после бурного обсуждения победила примирительная позиция и сенат отправил к Сципиону комиссию для выработки условий мира. По У. Карштедту *(Meltzer O.* GK, III. S. 557], сенат принял условия мирного договора. Ст. Гзелль считал, что сенат и народ одобрили условия, предложенные Сципионом и принятые карфагенянами (HAAN, IV. P. 246]. Близка к этим и позиция Х. Скалларда *(Scullard H. H.* Scipio Africanus in the Second Punic War. P. 221-233, 136-137]. Ж. Вальтер *(Waller G.* La destruction de Carthage. C. 423-424), как и Э. Пайс *(Pais E.* Storia. Vol. II. P. 505-506), целиком следует за Ливием.

они молили только о пощаде. Римские полководцы хорошо все это помнят и теперь с изумлением спрашивают себя, на что надеются карфагеняне, забывая прежние речи, осмеливаясь нарушить клятвы и договоры. Надежды на Ганнибала очень сомнительны, потому что он ушел из Италии, едва избегнув полной гибели: но даже если бы он явился в Африку победителем, то принимать в расчет следовало бы и возможность неудачи в битве со Сципионом. Если вас постигнет несчастье, к каким богам вы будете взывать, говорили послы, какими словами будете умолять победителя о снисхождении к вашим бедствиям? Своим вероломством и безумием вы отняли у себя всякую надежду и на богов, и на людей [Полибий, 15, 1, 5-14].

Большинство членов карфагенского совета резко выступали против соглашения с римлянами. Голоса немногих ораторов, призывавших не отказываться от достигнутого урегулирования, тонули в потоке брани, обрушившейся на послов за их речи, по-военному бесцеремонные, и на условия мира, предложенные Сципионом и для Карфагена совершенно неприемлемые [Полибий, 15, 2, 2]. Возбуждение было настолько велико, что римляне чуть было не подверглись избиению, и магистраты (по Аппиану [Лив., 34], главы антибаркидской партии Ганнон и Гасдрубал Гэд, то есть Козел) едва вырвали их из рук разъяренной толпы. Ни о каких переговорах уже не могло быть речи, да и народное собрание карфагенян постановило отпустить римскую дипломатическую миссию без ответа [Полибий, 15, 2, 4]; по версии Полибия [15, 2, 1], послы, произнеся речь, удалились с народного собрания, Бэбий и его товарищи требовали теперь только одного: чтобы им дали охрану и возможность беспрепятственно возвратиться к своим. В сопровождении двух карфагенских триер они достигли устья р. Баграда, откуда уже виден был римский лагерь, однако затем, когда пунийский эскорт удалился, на римскую пентеру, где находились послы Сципиона, с открытого моря напали 3 неприятельские квадриремы, и римляне спаслись, только выбросившись на берег [Полибий, 15, 2, 14-15; Ливий, 30, 25]. Аппиан [Лив., 34] даже говорит, что большинство послов были убиты, но исходная версия имела в виду, очевидно, судьбу команды корабля. Перемирие, таким образом, было сорвано, однако Сципион не захотел применять насилие к карфагенским послам, вернувшимся из Италии, и дал им возможность беспрепятственно добраться до их родного города [Полибий, 15, 5, 9—10; Ливий, 30, 25; Апп., Лив., 35; Диодор, 27, 12][163].

[163] В нашем распоряжении имеется в настоящее время фрагмент греческого исторического сочинения II в., согласно которому пунийская миссия, не заезжая к Сципиону, вернулась прямо в Карфаген и лишь после ее доклада соглашение, достигнутое в Риме, было отвергнуто *(Korte A.* Literarische Texte mit Ausschluss der Christlichen // Archiv fur Papyrusforschung. 1941. Bd 14. P. 129-131). Прокарфагенская ориентация этого повествования очевидна: пунийцы здесь уже не выступают в роли нарушителей договора. Противоположная версия восходит, несомненно, к римской, на этот раз благоприятной для Сципиона традиции (см., в частности: *Gelzer M.* Das Rasengegensatz

Возвращение послов вызвало в Карфагене новый взрыв политической борьбы. Сторонники прекращения войны настаивали на возобновлении переговоров, к которым, казалось, открывал путь любезный жест Сципиона, однако народ не последовал этим призывам. Он все свои надежды возлагал на Ганнибала [Апп., Лив., 35].

Между тем Ганнибал уже заканчивал свое плавание. Приближаясь к берегам Африки, он велел одному из моряков залезть на мачту и посмотреть, куда обращен нос корабля; узнав, что впереди видно разрушенное погребение, он счел это за неблагоприятное предзнаменование, приказал взять курс на Лептис и там сошел на берег [Ливий, 30, 25; Орозий, 4, 19, I][164].

По-видимому, именно в Лептисе, а не в Хадрумете, как пишет Аппиан [Лив., 33], Ганнибал устанавливал контакты с нумидийскими племенами — арсакидами и масайсилиями (сын и преемник Сифакса—Вермина, еще остававшийся хозяином над частью их земель, присоединился к нему, однако в битве при Заме, вероятно, не участвовал); отсюда он руководил и захватом городов, принадлежавших Массанассе. Среди нумидийских властителей, перешедших на сторону Ганнибала, Аппиан [Апп., Лив., 33] называет и Месотила (по Ливию [29, 29-30], Масэтул), одного из активнейших участников борьбы за власть над Нумидией. По свидетельству Фронтина [3, 6, 1], Ганнибал сразу же по возвращении привлек на свою сторону и занял много ливийских городов. Для того чтобы овладеть ими снова, Сципион решил симулировать испуг и бегство. Ганнибал начал преследование и вывел из городов свои гарнизоны; пока он без видимого результата гонялся за Сципионом, Массанасса легко захватил эти пункты.

Кампания 202 года началась с того, что Ганнибал выступил из Лептиса по направлению к Хадрумету, а Сципион занял своими отрядами сухопутные подступы к Карфагену. Это известие заставило Ганнибала[165] ускоренным маршем двинуться

als geschichtlicher Faktor beim Ausbruch der romisch-karthagischen Kriege, Rom und Karthago. Leipzig, 1943. S. 195-196]. Если прав Ливий и сенат отказался от мирного договора, возвращение послов из Рима в Карфаген с известиями об условиях договора и отклонение этих условий карфагенским советом едва ли были возможны.

[164] Ф. Зелинский *(Zielinski Th.* Die letzten Jahre. P. 24-25) считал невозможной высадку Ганнибала в Лептисе, поскольку об этом не сообщает остальная традиция (Ф. Зелинский ссылается на Аппиана). По его мнению, Ганнибал вообще не мог сойти на берег у Лептиса. Последний довод не убедителен, если принять во внимание роль, которую играл Лептис в средиземноморской торговле того времени. Что же касается традиции, то версии Аппиана, как правило, наименее предпочтительны.

[165] Исходя из изложенного выше, следует признать явно недостоверными данные Аппиана [Лив., 36 и 38] о присоединении Гасдрубала сына Гисгона к Ганнибалу и о его дальнейшей судьбе. Столь же мало соответствует действительности и традиция Аппиана о мирном договоре, который Ганнибал будто бы заключил со Сципионом и от которого по настоянию народа был вынужден отказаться [Апп., Лив., 37—39]. Вероятнее всего, это сообщение дублирует предшествую-

к Заме (находилась в пяти днях пути от Карфагена), а вперед отправить разведчиков [Полибий, 15, 5, 3; Ливий, 30, 29]. Когда разведчики Ганнибала попали в руки римских сторожевых постов, Сципион дал им возможность беспрепятственно осмотреть лагерь; сопровождавшие их военные трибуны должны были показать им все, что они пожелают; затем, призвав этих лазутчиков к себе, Сципион расспросил, все ли им удалось осмотреть, и отправил их к Ганнибалу [Полибий, 15, 4-7; Ливий, 30, 29; Апп., Ли
рое мог позволить себе только сильный противник, уверенный в победе, произвело большое впечатление на Ганнибала, уже давно жившего под тягостным впечатлением непрерывных катастрофических неудач; к тому же он узнал, что к Сципиону еще явился Массанасса с 6000 пехотинцев и 4000 всадников. Ганнибал решил возобновить переговоры и обратился к Сципиону с просьбой о личном свидании. Ливий, не принима
терпев поражение в бою, Ганнибал явился к Сципиону в качестве посла; наиболее достоверна, по-видимому, та версия, которой следует сам Ливий. Встреча состоялась недалеко от Нараггары, однако ни к чему не привела. Ганнибал предложил отдать Риму все карфагенские владения за пределами Африки; Сципион требовал еще дополнительных уступок (по версии Полибия, безусловной капитуляции), и на этом обмен мнениями был прерван [Полибий, 15, 5, 8-8, 14; Ливий, 30, 29-32; ср. у Апп., Лив., 39][166].

На следующий день у Замы (по Аппиану [Лив., 40], при Килле) состоялось генеральное сражение[167]. Сципион построил свою армию не сплошным фронтом, а отрядами, между которыми были оставлены проходы, по которым в случае надобности могли идти боевые слоны. На левом фланге под командованием Лэлия он поместил италийских всадников, на правом — нумидийскую конницу Массанассы. Проходы между отрядами тяжеловооруженных пехотинцев он заполнил легковооруженными солдатами, которые должны были при появлении слонов убежать в тыл или примкнуть к ближайшим отрядам. Животные, двигаясь по этим живым коридорам, попали бы под перекрестный обстрел дротиками [ср. у Апп., Лив., 41]. Ганнибал перед своими войсками поставил 80 слонов, за ними вспомогательные отряды лигуров, галлов, балеаров и мавров, во втором ряду — карфагенян, ливийцев и небольшую группу македонян, которых наконец-то прислал на помощь Филипп V [ср. у Ливия, 30, 26], за ними — отряды италиков, большей частью брутиев, вынужденных навсегда покинуть родную землю [Ливий, 30, 33; Апп., Лив., 40; Фронтин,

щий рассказ о переговорах Сципиона с карфагенскими властями (ср.: ВДИ. 1950. №3. С. 276, прим. 5).

[166] По данным Евтропия [3, 22], на свидании Ганнибала и Сципиона было решено заключить мир, но карфагенское правительство отвергло договор и обязало Ганнибала продолжать войну.

[167] Ф. Зелинский датирует его июлем или августом 202 г. См.: *Zielinski Th.* Die letzten Jahre. P. 75.

2, 3, 16], и, наконец, на правом фланге карфагенскую, а на левом — нумидийскую конницу.

Битва началась с того, что римляне своим криком, сигналами труб и рожков перепугали слонов, и они, уже в который раз, обратились против своих, главным образом против стоявших на левом фланге, мавров и нумидийцев. Туда же направил свой удар и Массанасса. Те немногочисленные животные, которые устремились на врага, попали под удары римских дротиков и в конце концов повернули направо, против карфагенских всадников, куда двинул свою конницу и Лэлий. Уже при первом столкновении римляне потеснили неприятеля и начали безостановочно продвигаться вперед. Второй ряд карфагенян стал отступать, бросив свои вспомогательные части без поддержки, и дошло до того, что между теми и другими начались стычки; в конце концов вспомогательные части Ганнибала были отброшены на фланги. После этого римский натиск несколько ослаб, и тогда Сципион, убрав раненых, ввел в дело копейщиков и триариев, т. е. основные резервы. Сражение возобновилось, а тем временем Лэлий и Массанасса напали на карфагенскую пехоту с тыла, и карфагеняне побежали. По данным Ливия, в этом бою погибло более 20 000 карфагенян и их союзников, столько же попало в плен (по Полибию, более 10 000); римляне, по явно преуменьшенным данным, потеряли несколько более 1500 человек. Сам Ганнибал с небольшим отрядом всадников бежал в Хадрумет [Полибий, 15, 9-14; Ливий, 30, 32; ср. у Апп., Лив., 42-46, где ход сражения изображен несколько иначе].

Это был конец.

Глава шестая

ГАННИБАЛ ВО ГЛАВЕ КАРФАГЕНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

I

После битвы при Заме карфагенское правительство не могло больше надеяться на благоприятный поворот событий. Помощи ждать было неоткуда; единственная боеспособная армия, которой Карфаген располагал, во главе с талантливейшим и искуснейшим полководцем была полностью разгромлена. Сам Ганнибал тоже потерял надежду, и, когда его срочно вытребовали из Хадрумета на родину [Ливий, 30, 35][168], он возвращался туда с единственным намерением — во что бы то ни стало и на любых условиях заключить мир.

[168] Традиция, согласно которой Ганнибал сразу же после битвы уехал в Сирию [Ливий, 30, 37], едва ли достоверна, поскольку она противоречит всему, что известно о деятельности Ганнибала в Карфагене после битвы при Заме.

Это была нелегкая задача. Группировки Карфагенского общества, которые все время шли за Ганнибалом, за Баркидами, которые поддерживали политику военных авантюр, направленную на ниспровержение Рима, — эти группировки не считали даже теперь войну проигранной и требовали, несмотря ни на что, продолжать борьбу до победы. С другой стороны, в римском лагере очень хотели (и одно время это желание разделял и сам Сципион) завершить войну осадой и уничтожением Карфагена. Действия Сципиона, казалось, отвечали именно этой цели: разграбив после победы лагерь противника, он отправил Лэлия в Рим доложить о блестящем успехе и, сначала сосредоточив свои легионы возле Утики, послал их оттуда под командованием Гая Октавия прямым путем к Карфагену; сам Сципион повел свой флот, усиленный новыми подкреплениями, к карфагенской гавани. Сципион принял, таким образом, меры, чтобы блокировать Карфаген с моря и с суши. Однако во время плавания ему повстречался корабль с карфагенскими послами — первыми лицами в государстве. Во главе посольства стояли руководители антибаркидской «партии» Ганнон и Гасдрубал Гэд [А п п . , Лив., 49]. Ганнибал добился того, что совет решил всерьез просить мира у победоносного неприятеля.

Сципион не пожелал разговаривать с послами и велел им прибыть в Тунет, куда он собирался переместить свой лагерь. По дороге римское командование получило известие, что на помощь Ганнибалу идет Вермина сын Сифакса с конницей и пехотой; решительным ударом Сципион уничтожил врага; сам Вермина бежал. Наконец римляне подошли к Тунету, куда явились и карфагенские послы —совет 30-ти в полном составе.

Члены военного совета римской армии, которые должны были решить вопрос, продолжать ли войну или заключать мир, склонялись, как сказано, к тому, чтобы разрушить Карфаген. Остановило их только одно обстоятельство: город нельзя было взять без длительной осады, а для такого предприятия нужны были дополнительные воинские контингенты, которыми Сципион не располагал [Ливий, 30, 36]. Возможно, что на его последующие действия известное влияние оказали события в Риме. Сципион, вероятно, хорошо знал, сколько жадных и завистливых рук протягивалось, чтобы вырвать у него лавровый венок победителя. Он не мог не знать, например, что, когда Ганнибал покинул Италию, консул Гай Сервилий, будто бы преследуя уходящего противника, переправился в Сицилию, чтобы потом двинуться в Африку, и понадобилось назначить диктатором Публия Сульпиция только для того, чтобы вытребовать консула обратно в Рим [Ливий, 30, 24], или что консулы 202 года Марк Сервилий Гемин и Тиберий Клавдий Нерон добивались назначения им Африки в качестве провинции, и только решение народного собрания сохранило ее за Сципионом [Ливий, 30, 27]. Пройдет еще год, и консул 201 года Гай Корнелий Лентул снова потребует себе Африку, пока еще мир не заключен и ведутся переговоры [Ливий, 30, 40; Апп., Лив., 56]. Знал Сципион и о том, что старый недоброжелатель,

Фабий, настойчиво предлагал отозвать его уже после первых побед в Африке, ибо, говорил бывший диктатор, столько счастья и удачи боги не дают одному человеку [Плут., Фаб., 26]. Нужно было торопиться[169] ...

Сципион предложил следующие условия мира: карфагеняне останутся свободными и будут жить, пользуясь собственными законами. Они сохранят под своей властью города и земли в тех пределах, которые существовали до войны (очевидно, имелась в виду только территория Африки. По Аппиану [Лив., 54], до Финикийского Рва), и римляне перестанут эти области разорять. Всех перебежчиков, беглых рабов и военнопленных пунийцы выдадут римским властям. Все боевые корабли, кроме 10 триер, они передадут римлянам. Им же передадут они и всех прирученных слонов и не будут приручать новых. Ни в Африке, ни за ее пределами карфагеняне не будут воевать без согласия римского народа[170]. Они возвратят Массанассе его имущество и владения в тех пределах, которые тот им укажет, и заключат с ним союз. До возвращения послов из Рима, т.е. до окончательного урегулирования, Карфаген будет содержать римские войска в Африке, в течение 50 лет он выплатит контрибуцию в размере 10000 талантов. Кроме того, Карфаген должен был дать Сципиону по его выбору заложников — 100 человек (по Аппиану [Лив., 54], 150) не моложе четырнадцати и не старше тридцати лет. Наконец, Сципион потребовал, чтобы карфагеняне вернули транспортные суда, вероломно захваченные ими во время предыдущего перемирия [Полибий, 15, 18; Ливий, 30, 37; Дион Касс, фрагм., 82].

Мир, продиктованный Сципионом, был исключительно тяжелым, и дело здесь не в материальных или территориальных потерях, которые карфагеняне так или иначе могли бы компенсировать. Провозглашая на словах независимость и суверенитет Карфагена, Сципион существенно ограничивал именно его суверенные права и тем ставил Карфаген в прямую зависимость от Рима в наиболее важном вопросе — объявлении войны и заключении мира. В варианте, который приводит Аппиан [Лив., 54], речь идет об абсолютном категорическом запрещении вести войну независимо даже от позиции Рима. Но этого мало. Утрачивая свое положение великой державы, Карфаген оказывался связанным по рукам и ногам в борьбе с любым возможным противником. Сципион не предусмотрел каких-либо условий политического урегулирования между Карфагеном и Массанассой, а в переговорах между ними о союзе, которые он Карфагену навязал, ставил его в невыгодные условия. Пределов аппетитов Массанассы установить никто, кроме римлян, не мог, а римляне не хотели.

[169] Ст. Гзелль (HAAN, IV. P. 286) полагает, что решение Сципиона диктовалось военными соображениями, поскольку он мог рассчитывать в Риме на поддержку плебса и большинства сената. Как видим, положение было значительно более сложным.

[170] Требования об уходе Магона из Италии [А п п . , Лив., 54] Сципион не мог выдвинуть, так как Магон еще до битвы при Заме покинул Италию.

Возникала взрывчатая ситуация, используя которую римское правительство обретало возможность постоянно вмешиваться в африканские дела, выступая в роли арбитра и одновременно высшей инстанции при решении любых спорных вопросов, а также при желании отнять у Карфагена какие-то территории. Правда, усиливая Массанассу, Рим выращивал в Африке для себя и нового потенциального врага, что позже и сказалось во время Югуртинской войны, однако эта перспектива была слишком неопределенной и, по-видимому, даже не приходила Сципиону в голову. Своей основной и даже единственной задачей он считал всемерное ослабление и подчинение Карфагена.

Однако Ганнибал, которого Ливий [30, 36] называет инициатором переговоров, не видел другого выхода. Ему было ясно, что продолжать войну в данный момент Карфаген не может, что, сохранив свое существование, он сумеет восстановить силы, а тогда можно будет попытаться переиграть войну и добиться реванша. Поэтому все свое влияние он употребил на то, чтобы убедить сограждан принять римские условия. При этом он парадоксальнейшим образом выступал против тех, на кого привык опираться. Торговцы и ремесленники («рыночная толпа», по выражению Аппиана), опасаясь потерять все, что они имели, требовали продолжать войну, угрожали грабить магистратов, отдающих римлянам хлеб, вместо того чтобы разделить его между гражданами. Они не желали слушать даже Ганнибала [А п п . , Лив., 55], и полководец, не привыкший к возражениям, на какое-то время потерял выдержку. Дело дошло до того, что, когда некий Гисгон при стечении огромной толпы принялся рассуждать о неприемлемости мира, Ганнибал с солдатской бесцеремонностью стащил его с трибуны. Он тут же опомнился и долго извинялся перед собравшимися, объясняя свой поступок военными привычками и незнакомством с нравами и обычаями городской жизни, а потом внушал той же аудитории, почему договор, до такой степени невыгодный Карфагену, надлежит все же принять [Полибий, 45, 19; Ливий, 30, 37]. Этот случай запомнили, и, может быть, именно несдержанность Ганнибала оказала решающее влияние на совет и народное собрание. Делать было нечего: транспортные суда и людей возвратили римлянам, за то, что пропало, заплатили. И карфагенские послы в сопровождении Луция Ветурия Филона, Марка Марция Раллы и Луция Корнелия Сципиона, брата командующего, отправились в Рим [Ливий, 30, 37-38][171].

В отличие от предыдущего в карфагенском посольстве теперь участвовали знатнейшие и влиятельнейшие лица, и в том числе противники Баркидов, а следовательно, всегдашние сторонники мира с римлянами. Среди них был и Гасдрубал Гэд. Уже этот подбор показал сенату, что на сей раз карфаге-

[171] Замечание У. Карштедта, будто Ганнибалу нетрудно было добиться принятия своей точки зрения *(Meltzer O.* GK, III. S. 567), целиком противоречит свидетельствам античной историографии.

няне действительно хотят мира. Во время переговоров произошел любопытный эпизод.

Один из сенаторов спросил Гасдрубала, свидетельством каких богов пунийцы скрепят договор, если тех, кого призывали раньше, обманули. «Тех же самых, — отвечал Гасдрубал, — которые были так враждебны к нарушителям соглашений». В конце концов и сенат решил поручить Сципиону окончательно заключить мир на условиях, которые он сочтет подходящими. Римляне теперь были настроены в высшей степени примирительно: карфагенские послы просили разрешить им выкупить 200 пленных из знати, а сенат велел доставить их в Африку и там после успешного завершения переговоров отпустить без выкупа [Ливий, 30, 42-43].

Наконец, уже в лагере Сципиона, мирный договор[172] был скреплен подписями и печатями (201 г.). Карфагеняне выдали Сципиону свои боевые корабли (как говорили, 500), а также слонов, перебежчиков, беглых рабов и пленных. Корабли римский командующий приказал сжечь в непосредственной близости от Карфагена, перебежчиков-латинян обезглавить, римлян — распять на кресте [Ливий, 30, 43]. II Пуническая война, развязанная Гамилькаром Баркой, его зятем Гасдрубалом и его сыном Ганнибалом, завершилась победой римского оружия.

II

Заключение мирного договора, которого Ганнибал так настойчиво добивался, знаменовало собой полное крушение всех его грандиозных планов и честолюбивых замыслов. Победителей не судят, но, побежденный, он не мог не выглядеть в глазах своих сограждан главным виновником всех бедствий, постигших Карфаген. Противники Баркидов могли с торжеством указывать на то, что политические прогнозы Ганнона, призывавшего еще во время осады Сагунта воздержаться от войны, полностью оправдались. Что такие речи раздавались, в этом не может быть ни малейших сомнений, и Ганнибал ринулся в борьбу за власть.

Мог ли пунийский полководец рассчитывать на чью-либо поддержку? Безусловно. Соотношение сил и группировок в Карфагене не изменилось. В Карфагене по-прежнему сохранились влиятельнейшие круги — купцы и ремесленники, заинтересованные в торговой экспансии и, следовательно, в установлении карфагенского господства на торговых путях. Известно, что в период между II и III Пуническими войнами карфагенские купцы вели операции не только в странах Средиземноморья, но и в Причерноморье[173], а также в «стране ароматов», то есть где-то на путях

[172] **Интересную попытку реконструировать латинский текст договора см.: *Nissen H.* De pace anno 201 a. Chr. Carthaginiensibus data. Marburg, 1870.**

[173] ***Шифман И.Ш.*** **К восстановлению одной истрийской надписи // ВДИ. 1958. №4. С. 118-121.**

в Индию[174]. С именем Ганнибала прочно связывали идею реванша, и именно это привлекало к нему всех, кто не хотел мирного договора, кто рвался в бой.

На первых порах основным объектом политической борьбы стал вопрос о виновниках поражения. В нашем распоряжении имеется хотя и испорченный, но, бесспорно, реконструированный фрагмент Диона Кассия [фрагм., 86; ср. также у Зонары 9, 14], согласно которому Ганнибал был привлечен на родине к суду за то, что не пожелал овладеть Римом и присвоил добычу, захваченную в Италии. За этим сообщением определенно просматривается попытка олигархов, врагов Ганнибала, возложить только на него ответственность за поражение, скомпрометировать его в глазах демократических кругов и таким образом навсегда избавиться от неудобного и опасного соперника.

Ганнибал не оставался в долгу. Как можно было видеть, уже покидая Италию, он стал распространять версию, что ему не дали победить мелочная скаредность и противодействие карфагенского совета. Эту тему он варьировал при каждом удобном случае. Вот один из характернейших и, по-видимому, многочисленных эпизодов.

Карфагенское правительство собирает деньги на первый взнос в счет контрибуции. Для населения, истощенного войной, этот налог был в высшей степени тяжелым, да и направлялся он на удовлетворение не государственных интересов, а безмерных аппетитов победителя. Понятно, что в совете господствовало подавленное настроение, многие плакали; но именно Ганнибала в этот момент видели смеющимся. Гасдрубал Гэд, тот самый член антибаркидской группировки, который ездил в Рим на переговоры с сенатом, позволил себе упрекнуть полководца его радостью в момент общей скорби: ведь он сам виновник слез, проливаемых в городе. На это Ганнибал, по свидетельству Ливия [30, 44], отвечал: «Если бы у кого-нибудь душу так же можно было видеть, как видно выражение лица, то вы легко бы поняли, что этот смех, который ты бранишь, исходит не от веселого, а от почти обезумевшего от несчастий сердца. Он, однако, не до такой степени неуместен, как эти ваши нелепые и отвратительные слезы. Тогда надо было плакать, когда у нас отняли оружие, сожгли корабли, запретили вести войны с внешними врагами: ведь от этой раны мы погибаем. Конечно, следует думать, что римляне руководились ненавистью к вам. Ни одно государство не может жить в покое. Если оно не имеет врага вовне, оно находит его внутри, подобно тому как слишком сильные тела кажутся защищенными от внешних воздействий, но тяготятся своими собственными силами. Конечно, мы ощущаем из бедствий государства то, что затрагивает частные интересы; ничто в них не поражает больнее, чем потеря денег. Итак, когда с Карфагена стаскивали победоносные доспехи, когда вы видели, что его оставляют безоружным и голым

[174] *Wilcken U.* **Puntfahrten in der Ptolemäerzeit, Zeitschrift für Aegyptische Sprache und Altertumskunde. Bd 60. 1925. S. 86-102.**

среди стольких вооруженных африканских племен, никто не рыдал; теперь, потому что нужно собирать дань из частных средств, вы проливаете слезы, как будто на похоронах государства. Боюсь, как бы вы очень скоро не почувствовали, что сегодня плакали из-за ничтожнейшей беды».

Из эпизода, рассказанного Ливием, очевидно, что Ганнибал упрекал карфагенский совет в полном равнодушии к интересам государства; оно довело Карфаген до его теперешнего бедственного положения. И он находил внимательную и сочувствующую аудиторию. Видимо, именно поддержка народных масс привела Ганнибала в 196 г. на высшую должность в государстве: он стал суффетом [Корн. Неп., Ганниб., 7, 4; Ливий, 33, 46].

Те речи Ганнибала, которые с большей или меньшей точностью воспроизводит Тит Ливий, показывают, что он стремился к реваншу. Государство не может быть бездеятельным — на языке эпохи это значило, что государство должно воевать, и Ганнибал говорит об этом совершенно недвусмысленно. Оно находит врагов либо внутри (и это, конечно, прямая угроза гражданской войны и физического уничтожения политических противников Ганнибала), либо вовне. Кого же следовало считать внешним врагом Карфагена? Массанассу? Да, разумеется. Это хитрый, упорный, злобный и сильный противник. Но он был опасен не сам по себе. За его спиною стоял Рим, отнявший у Карфагена после I Пунической войны Сицилию и Сардинию, а после II — Испанию и обширные территории в самой Африке, Рим, который медленно, но верно вел теперь дело к уничтожению Карфагена. Да, собственно, и речей никаких не было нужно. Клятву, данную много лет назад девятилетним мальчиком, хорошо помнили и его друзья, и его враги. Имя Ганнибала само по себе было символом политики войны против Рима, и Массанасса, конечно, не мог не увидеть в его избрании серьезную для себя угрозу.

Были ли у Ганнибала реальные шансы на успех? Победа над Карфагеном и заключение мира позволили римлянам активно вмешаться в восточные дела, прежде всего в борьбу Филиппа V с Пергамом и Родосом. Это вмешательство (в 200 г. Рим объявил новую войну Македонии) в конечной перспективе должно было привести к установлению римского господства над странами Восточного Средиземноморья; такая опасность могла способствовать возникновению антиримской коалиции, и прежде всего союза между Филиппом V и Антиохом III, владыкой могущественного Селевкидского царства в Передней Азии. Правда, этот союз не состоялся: Антиох III опасался не только римлян, но и чрезмерного усиления Македонии, а потому и не вмешался активно в римско-македонскую войну. Против Филиппа V на стороне Рима выступили все греческие государства, и в 196 г. царь был вынужден пойти на очень тяжелый для него мир. Только когда поражение Филиппа стало очевидным, Антиох III ввел войска в Малую Азию, создавая тем самым угрозу римлянам, а затем переправился в Европу. Назревала опасность новой войны. В этих условиях,

если бы удалось объединить силы Филиппа и Антиоха, если бы они ударили по Риму с востока, а Карфаген с запада, можно было надеяться переиграть войну и победить. Даже поражение Филиппа V не уничтожило этой перспективы: Ганнибал имел все основания рассчитывать на Антиоха III и на совместные действия с этим царем, совсем недавно победившим в Мидии и Персиде своих бунтовавших полководцев и отвоевавшим у Египта Финикию, Южную Сирию и Палестину. Этим, конечно, объясняется повышенная дипломатическая активность Ганнибала в первые годы после II Пунической войны, его тайная переписка с Антиохом III, приводившая к установлению все более тесных связей [Ливий, 33, 45].

Главное, что предстояло Ганнибалу на его посту, если он желал всерьез готовиться к новой войне, — сломить сопротивление старых наследственных врагов, все той же антибаркидской «партии мира». Ему недостаточно было просто заставить их замолчать. Олигархов следовало уничтожить, если не физически, то политически, вырвать из их рук инструменты власти, ликвидировать или захватить цитадели их господства. Именно таковы были устремления Ганнибала. В своей борьбе он мог, конечно, использовать полномочия суффета; однако главной его опорой была поддержка народных масс, и это выяснилось при первом же столкновении. Свой удар Ганнибал нанес прямо в солнечное сплетение, по сердцевине олигархической власти.

Ливий [33, 46] пишет, что как раз в этот период господствовало в Карфагене «сословие судей». На протяжении длительного времени одни и те же лица непрерывно исполняли судейскую должность. Имущество, доброе имя, сама жизнь людей находились в их власти; каждый, затронувший хотя бы одного из них, неизбежно сталкивался со всеми «судьями». Мы не имеем достаточного материала для суждения о том, что, собственно, Ливий имеет в виду, говоря о «сословии судей». По-видимому, речь идет о совете 104-х, обладавшем судейскими полномочиями и созданном в V в. карфагенской аристократией для борьбы против попыток военачальников совершать государственные перевороты и присваивать единоличную власть. Такие попытки карфагенские полководцы делали неоднократно в V и IV вв., но тогда они кончались гибелью мятежников. Ситуация повторилась во II в., но теперь Ганнибал переиграл своих противников.

Став суффетом, Ганнибал среди многих распоряжений отдал одно, внешне совершенно незначительное, однако послужившее поводом к конфликту, — он приказал вызвать к себе магистрата, ведавшего городской казной («квестора», как его по аналогии с римскими порядками называет Ливий). Магистрат отказался: он принадлежал, объясняет Ливий, к враждебной партии и к тому же по истечении срока магистратуры должен был перейти в «сословие судей», то есть, вероятно, войти в совет 104-х. Конфликт приобретал характер пробы сил, и Ганнибал реагировал соответственно: послал «вестника» (очевидно, должностное лицо при суффете, исполнявшее полицейские функции) арестовать казначея и обратился к народному

собранию, а уж там он говорил не столько о магистрате, сколько о «сословии судей», которые в своем высокомерии не подчиняются ни закону, ни властям. Народное собрание сочувственно встретило речи Ганнибала, и он тут же провел закон, по которому «судей» должно было избирать только на один год, так что никто не мог занимать эту должность два года подряд. Какова была судьба казначея, неизвестно, да это и не было существенно [Ливий, 33, 46].

Следствием закона, предложенного Ганнибалом и принятого народным собранием, должно было стать полное обновление совета 104-х. Как уже говорилось, новые члены совета обычно кооптировались, причем делали это специальные коллегии — пентархии. Мы не знаем, сумел ли Ганнибал посадить в пентархиях своих людей или же он изменил процедуру, тем не менее очевидно одно: он не пошел бы при всей своей солдатской решительности и бесцеремонности на такой шаг, если бы не был уверен, что в результате перемен «сословие судей» пополнится сторонниками Баркидов и превратится в опору его диктатуры. Таким образом, Ганнибал сумел одержать важную внутриполитическую победу.

Основная проблема карфагенского правительства, кто бы ни находился у власти, была все та же — взаимоотношения с Римом. Готовясь к новой войне, ведя секретные переговоры с Антиохом III, Ганнибал должен был все время демонстрировать свою лояльность по отношению к Риму, если только он не желал преждевременного разрыва, и прежде всего пунктуально соблюдать условия мирного договора, а это значило точно и в срок выплачивать контрибуцию. Горький опыт уже показал карфагенянам, что пощады ожидать не приходится. Когда в 199 г. карфагенские представители доставили в Рим серебро для уплаты первого взноса, то самое серебро, по поводу которого произошло столкновение Ганнибала с Гасдрубалом Гэдом, римские квесторы заявили, что оно недоброкачественно; кроме того, при взятии пробы, то есть при плавке, четверть привезенной суммы исчезла. Пунийцам ничего не оставалось, как сделать в самом Риме заем для покрытия недостающей части [Ливий, 32, 2]. Решение этой задачи требовало соблюдения строжайшей, как мы бы сказали теперь, финансовой дисциплины. Деньги нужны были и на подготовку к новой войне.

Между тем Ганнибал застал положение городских финансов в исключительно тяжелом состоянии, вероятно, этим непосредственно объясняется и вызов квестора. Ливий [33, 46] пишет, что поступления в государственную казну сокращались — частично из-за небрежности при взыскании податей, а частично из-за того, что их разворовывали магистраты и первые лица в государстве. Не хватало денег для уплаты контрибуции, и правительство Ганнибала стояло перед перспективой ввести дополнительный налог па граждан. Такая мера, конечно, сразу же сделала бы Ганнибала крайне непопулярным. Ему нужно было достать золото и серебро так, чтобы при этом не были нарушены имущественные интересы его сторонников. И Ганнибал

целиком погрузился в решение этой проблемы. Он тщательно изучил бюджет карфагенского государства: какие пошлины взыскиваются на суше и на море, на что деньги тратятся, какова сумма расходов, сколько утаили и украли те, кто раньше ведал денежными поступлениями. Покончив с этим, Ганнибал объявил, опять-таки на народном собрании, что, взыскав все недоимки, государство сможет заплатить контрибуцию, не прибегая к сбору денег у частных лиц. Все было исполнено в точности [Ливий, 33, 47; Корн. Неп., Ганниб., 7, 5].

Эти действия Ганнибала вызвали, как и следовало ожидать, недовольство в аристократических кругах, как будто, саркастически замечает Ливий, у них отняли имущество, а не наворованное добро, и, для того чтобы остановить чересчур, по их мнению, ретивого государственного деятеля, аристократы обратились к римлянам, к тем, с кем они были связаны узами взаимного гостеприимства (ср. также у Зонары [9, 18]). Основное обвинение, которое они выдвигали против Ганнибала, заключалось в следующем: Ганнибал тайком переписывается с Антиохом и принимает у себя его послов; он говорит, что государство пребывает в состоянии покоя и разбудить его может только звон оружия. Здесь почти дословно цитируется речь, которую Ливий несколько ранее вложил в уста Ганнибала [Ливий, 33, 44; Юстин, 31, 1, 7-8]. Со своей стороны римское правительство искало только предлога, чтобы открыто выступить против Ганнибала и добиваться его устранения [Юстин, 31, 1, 9]. Возражал только Сципион: неприлично-де римлянам, победившим Ганнибала в открытом бою, теперь вмешиваться в карфагенские распри. Однако его аргументы во внимание не приняли, и очень скоро (а для Ганнибала, видимо, неожиданно) в Карфагене появились римские послы Гней Сервилий, Марк Клавдий Марцелл и Квинт Теренций Куллеон.

Задание, которое сенат им дал, было не сложно: обвинить Ганнибала в сношениях с Антиохом и подготовке войны; за этим логически должно было последовать требование выдачи. Юстин [31, 2, 1] иначе формулирует цели посольства: Сервилий и его товарищи должны были устроить так, чтобы Ганнибала тайно убили его противники. Когда послы прибыли в Карфаген, они по совету врагов Ганнибала предпочли сначала не обнаруживать своих истинных целей и говорили, что имеют поручение разобрать споры между Массанассой и карфагенским правительством. Очевидно, заговорщики опасались народного восстания. Однако Ганнибал понимал, что римляне добираются до него; пойдет ли речь о выдаче на законном основании или же будет организовано убийство из-за угла — это уже были второстепенные детали.

Конечно, он мог бы опять обратиться к народу, и, судя по всем предыдущим событиям, ему легко было бы расправиться со своими противниками. За этим, разумеется, должна была последовать война с Римом, но ведь она была неизбежна так неизбежна была война Рима с Антиохом. Считал ли Ганнибал, что Карфаген

еще не готов к войне, или он не захотел выступать в роли вожака народного бунта, мы не знаем. Каковы бы ни были мотивы его поведения, он не пожелал двинуть в бой ту единственную силу, которая помогла бы ему сохранить власть, — народ — и предпочел бежать. Еще утром он показывался на улицах и площадях, а вечером с двумя спутниками ускакал в Бизаций. Там на следующий день явился в свое укрепленное владение («башню», пишет Ливий) между Акиллой и Тапсом и погрузился на корабль [Ливий, 33, 47-48; ср. у Корн. Неп., Ганниб., 8, 6-7; Юстин, 31, 2, 2-5; Апп., Сир., 4; Орозий, 4, 20, 13]. Он снова покидал Африку.

Глава седьмая

БЕГСТВО НА ВОСТОК И ГИБЕЛЬ

I

Внезапное исчезновение Ганнибала вызвало в Карфагене смятение. Люди, собравшиеся рано утром в вестибюле старинного дома Баркидов приветствовать могущественного господина, обратить на себя его внимание, получить от него подарки и иные знаки милости, неожиданно обнаружили, что его нигде нет. Народ стекался на площадь; повсюду слышны были разговоры, что Ганнибал бежал, что его убили римляне. Сторонники и противники Баркидов готовы были, казалось, броситься друг на друга, однако в этот момент сообщили, что беглого суффета видели на о-ве Керкине, и волнение мало-помалу затихло. Сторонники Баркидов могли бы поднять народ, чтобы отомстить убийцам. Однако мстить было некому и не за что: спасая свою жизнь, даже не попытавшись бороться, Ганнибал бросил своих приверженцев на произвол судьбы. По-видимому, именно глубоким разочарованием народных масс объясняется то, что римляне без труда и борьбы добились своего.

Сенатские послы могли уже не скрывать своего поручения. Выступая на заседании карфагенского совета, они обвиняли Ганнибала в том, что если раньше он подстрекал царя Филиппа воевать против римлян, то теперь он сговаривался с Антиохом и этолийцами, как побудить Карфаген к отпадению от Рима; Ганнибал бежал не иначе как к Антиоху и не успокоится, пока не разожжет пламя войны по всему земному кругу. Если карфагеняне хотят дать законное удовлетворение римскому народу, они не должны оставлять подобные деяния безнаказанными. Совет покорно отвечал, что он сделает все, что римляне сочтут справедливым; иначе говоря, если бы Ганнибал появился в Карфагене или на принадлежащих ему территориях, он был бы немедленно схвачен и выдан римским властям; в Риме Ганнибала

ждала неминуемая расправа [Ливий, 33, 48-49]. Вполне последовательно Ганнибала объявили изгнанным, его имущество конфисковали и разрушили дом [Корн. Неп., Ганниб., 7, 7].

Римские послы не ошиблись: Ганнибал действительно решил отправиться ко двору Антиоха III. Да и не было у него другого выхода. Македония? Но македонский царь был слишком слаб, чтобы защитить Ганнибала от римлян. Египет? Но египетские послы совсем недавно предлагали римскому правительству помощь в борьбе против Македонии, если бы у Рима недостало собственных сил. Пергам? Но пергамский царь Аттал был одним из самых ревностных союзников Рима. Оставалась, следовательно, только селевкидская Сирия.

По пути Ганнибал зашел на о-в Керкину. Там он застал в порту несколько финикийских торговых кораблей с товарами. Знаменитого полководца узнали; когда он сходил на берег, со всех сторон раздались приветствия. Такая популярность создавала Ганнибалу серьезные затруднения. Если бы на Керкине узнали о бегстве, его могли задержать и препроводить в Карфаген; чтобы этого избежать, Ганнибал велел своим спутникам говорить, будто он послан в Тир послом от карфагенского народа. Ничего необычного здесь не было: Карфаген был колонией Тира, и карфагеняне постоянно отправляли в Тир своих посланцев и по обыкновенным повседневным делам, и для участия в храмовых и иных культовых действах. В таких посольствах участвовали и высшие должностные лица. Была и другая опасность: если бы один из кораблей покинул Керкину, отплыл в Тапс или Хадрумет и там стало бы известно, где Ганнибал находится, за ним обязательно снарядили бы погоню. Нужно было во что бы то ни стало задержать корабельщиков и торговцев, пока Ганнибал не уйдет из Керкины. Выход нашелся. Неожиданно для себя и те и другие были приглашены на торжественное жертвоприношение — обычное для северо-западных семитов, в том числе финикиян и карфагенян, священное пиршество, в котором, как полагали, незримо участвует божество. Ганнибал не поскупился на угощение и, пока участники трапезы отсыпались на своих кораблях и приходили в себя после чересчур обильных возлияний, ночью тихо поднял якорь и вышел в море. Карфагенские и римские власти узнали о его стоянке на Керкине слишком поздно [Ливий, 33, 48]. В Ганниб., 7, 7], но захватить беглеца так и не удалось.

Без новых приключений Ганнибал добрался до Тира. Там его встретили со всякого рода почестями, и он увидел себя среди своих, на второй родине. Можно представить себе, что он должен был почувствовать — изгнанник, чудом спасшийся от смертельной опасности и после того напряжения, которое он пережил, оказавшийся среди доброжелательных людей, восторженно глядящих на него, ловящих каждое его слово. И все же он не хотел терять время. Отдохнув несколько дней в Тире,

Ганнибал отправился в Антиохию. Там он узнал, что царь находится в Малой Азии. Приняв участие в играх, которые царский сын устроил в Дафне (предместье Антиохии, славившееся роскошью и разгульным образом жизни), — вежливость и желание установить добрые отношения, а может быть, и любопытство помешали ему отказаться, — Ганнибал помчался в Малую Азию. Антиоха III он застал в Эфессе [Ливий, 33, 49].

II

Ганнибал вовремя явился ко двору Антиоха. Царь, который после разгрома Филиппа V во II Македонской войне (200-196 гг.) остался главным противником Рима в борьбе за господство над Грецией и Малой Азией, готовился к неотвратимо приближавшейся войне, и, разумеется, участие столь опытного, талантливого, прославленного воина, победителя при Тразименском озере и Каннах, возбуждало у Антиоха и его солдат надежду и уверенность в победе. По словам Юстина [31, 3, 5-6], Антиох теперь думал не о том, как готовиться к войне, а как воспользоваться удачей. А что будет удача, в этом он не сомневался. Собственно, так же оценивали происходящее и в Риме, и в Карфагене [Юстин, 31, 2, 7-8]. Римские политики опасались нового вторжения Ганнибала в Италию [Ливий, 34, 60]; основания для подобного рода тревоги у них были.

Ганнибал торопился к Антиоху III, с которым, как мы уже говорили, он давно сговаривался о совместной борьбе против Рима, не для того, чтобы, удалившись от дел или заняв при особе царя более или менее обеспеченное положение, спокойно наблюдать со стороны за развитием событий. Разумеется, за беглым полководцем не стояло государства, он не располагал армией, хотя при благоприятных условиях можно было ожидать нового подъема антиримского движения в Карфагене, прихода к власти сторонников Ганнибала, ведь его бегство не устранило проблем, возникших в Карфагене после II Пунической войны, как не устранила бы их и его гибель. Предпосылки для враждебных римскому диктатору и олигархической «партии мира» выступлений торгово-ремесленных кругов по-прежнему сохранялись. Но главное было в другом. Ганнибал хотел предложить царю свои услуги в качестве полководца и свой план ведения войны (ср. у Орозия [4, 20, 13], где Ганнибал изображен даже как инициатор войны).

План Ганнибала был очень прост. Вести войну, говорил он, следует в Италии: только там можно победить римлян. Италики доставят врагам Рима и воинов, и продовольствие. Если же в Италии все будет спокойно и римлянам будет позволено вести войну за ее пределами, ни один народ, ни один царь не сможет их победить. Ганнибал просил у царя 100 кораблей, 10000 воинов и 1000 всадников; с ними он направится в Африку и там убедит карфагенян восстать против Рима. Если они

откажутся, он сам переправится в Италию и победит. Царю, добавлял Ганнибал, достаточно переправиться в Европу или только делать вид, что он готовится к переправе, чтобы добиться победы или благоприятных условий мира [Юстин, 31, 3, 7-10; Ливий, 34, 60; Апп., Сир., 7]. Подобные речи Ганнибал вел и позже, когда его надежды на поддержку из Карфагена рухнули [Юстин, 31, 5, 3-9; Апп., Сир., 14].

Чтобы создать в Карфагене благоприятные условия для осуществления этого замысла, Ганнибал тайно отправил туда своего агента — некоего тирийца Аристона, который должен был войти там в контакт со сторонниками Баркидов и обо всем договориться. Однако скрыть его миссию не удалось. Враги Ганнибала добились, что Аристона вызвали в совет; на допросе он не назвал имен, хотя и не смог удовлетворительно объяснить, зачем, собственно, приехал и почему вел беседы только с известными деятелями баркидской «партии». В совете начались споры; одни предлагали немедля арестовать Аристона, другие говорили, что нельзя арестовывать чужеземца, да еще тирийца, ни с того ни с сего, без всяких доказательств вины. Дело решили отложить на один день, а тем временем Аристон, повесив на людном месте, там, где обычно заседали магистры, таблички с надписями, бежал. Из надписей магистраты узнали, что Аристон был послан не конкретно к тем или иным людям, а ко всему народу, и сочли за благо донести обо всем происшедшем в Рим [Ливий, 34, 61; Апп., Сир., 8; Юстин, 31, 4, 1-3]. Такой результат миссии Аристона показал Ганнибалу, что рассчитывать на карфагенских друзей он пока не может.

С этим событием связано еще одно повествование Корнелия Непота [Корн. Неп., Ганниб., 8, 1-2], который рассказывает, будто Ганнибал, чтобы лучше влиять на положение дел в Карфагене, явился в Кирену. Однако это сообщение сопровождается у Непота невероятными подробностями: Ганнибал якобы вызвал к себе в Кирену своего брата Магона (умершего, как уже говорилось, еще до битвы при Заме). Включение в это повествование явно вымышленных деталей, освещающих дальнейшую судьбу Магона, ставит под сомнение и традицию Непота в целом. Но если даже признать, что поездка Ганнибала в Кирену состоялась, нельзя не видеть, что благоприятного для него результата она не имела.

Неудача Аристона, по всей видимости, была одной из причин, которые заставили Антиоха III отказаться от предложения Ганнибала, хотя поначалу царь согласился с ним; послать своего агента в Карфаген Ганнибал, конечно, не мог без согласия своего гостеприимного хозяина. Однако надежды на Карфаген рухнули, результаты же многолетней войны самого Ганнибала в Италии свидетельствовали, конечно, против его замыслов. К тому же Антиох не мог не отдавать себе отчета в том, что Ганнибал станет завоевывать Италию для себя (или для Карфагена, что в этом случае было одно и то же) и, следовательно, в случае успеха вместо одного противника в борьбе за власть над средиземноморским миром появится другой, может быть, даже более опасный. К этому присоединились и личные мотивы.

В 193 г. в Эфес прибыло римское посольство, которое должно было еще раз попытаться выяснить с Антиохом III спорные вопросы, и прежде всего добиться его невмешательства в греческие дела. Царь в этот момент был занят войной в Писидии, и послы, главным образом Публий Виллий, использовали время ожидания для того, чтобы установить или делать вид, что устанавливают, тесные контакты с Ганнибалом. По словам Юстина [31, 4, 4], они должны были внушить Ганнибалу миролюбивое отношение к Риму либо, если это не удастся, скомпрометировать его в глазах царя. Ливий несколько иначе объясняет поведение Виллия: он хотел глубже проникнуть в замыслы Ганнибала и разузнать, не грозит ли Риму опасность. Одно не исключает другого, и Виллий, как, очевидно, и другие участники посольства, ожидая официального ответа царя, все свое время проводил с Ганнибалом. Они вели странные разговоры: Ганнибал из ложного страха покинул отечество, тогда как римляне со всей добросовестностью соблюдали мир, заключенный не столько с его государством, сколько с ним самим; войну Ганнибал вел больше из ненависти к римлянам, чем из любви к отечеству, ради которого лучшие люди должны жертвовать даже жизнью; войны между народами вызываются не раздорами между полководцами, а причинами государственными. Римляне восхваляли деяния Ганнибала, и престарелый полководец, уступая извинительной человеческой слабости, часто и охотно говорил с послами на эти темы [Юстин, 31, 4, 6-8]. Он, впрочем, и сам отвечал любезностью на любезность. Ливий [35, 14], Плутарх [Флам., 21] и Аппиан [Сир., 10] сохранили интереснейший рассказ о том, будто в этом посольстве участвовал и Сципион; однажды во время беседы Сципион спросил Ганнибала, кого тот считает величайшим полководцем. Ганнибал ответил: Александра Македонского, который с небольшим войском разгромил огромные полчища врага и проник в отдаленнейшие страны; вторым — Пирра, который первым начал устраивать воинский лагерь, а третьим — себя. «Что бы ты сказал, — продолжал Сципион, — если бы победил меня?» — «Тогда, — сказал карфагенянин, — я считал бы себя выше и Александра, и Пирра, и всех других полководцев». Современники, и в том числе наш источник, увидели в этих словах только изощренную форму лести: Ганнибал дал понять Сципиону, что его не признает самым крупным полководцем, вне всякого сравнения с Александром Македонским, не говоря уже о других. Такой элемент в высказываниях Ганнибала, безусловно, имелся. Однако для нас важнее другое: характерное и для эпохи, и для самого Ганнибала преклонение перед более или менее удачливыми авантюристами, покорителями вселенной. Оно обнаруживает духовную генеалогию Ганнибала: он и сам был по своему воспитанию, по всем своим поступкам, по образу мыслей с головы до ног солдатом-завоевателем, он привык рассчитывать только на наемных воинов, веривших в своего полководца и его удачу, он тоже стремился, подобно Александру и Пирру, к созданию всемирной державы под властью Карфагена, т. е. в конечном счете для себя. Аппиан сохранил до наших дней еще одно чрезвычай-

но важное замечание Ганнибала, опущенное другими источниками. Обосновывая в беседе со Сципионом свою самооценку, Ганнибал говорил о том, что он юношей завоевал Испанию, перешел через Альпы (первым после Геракла; местные племена и их регулярные экспедиции в расчет не принимались), а в Италии, не получая помощи из Карфагена, завоевал 400 городов, внушая римлянам страх за само существование их города. Оглядываясь на пройденный путь, Ганнибал и в себе ценил прежде всего достоинства полководца. Повторяя свою версию о позиции карфагенского совета, он теперь не только придерживался единственной для него возможной интерпретации событий, но и старался представить себя человеком, который фактически сам, на свой страх и риск, затеял и вел войну, которому безраздельно принадлежат ее победы и поражения.

Главная цель, которую Публий Виллий поставил перед собой, была достигнута: Антиох стал подозревать Ганнибала в измене и относиться к нему с явным недоверием [Ливий, 35, 14; Полибий, 3, 11, 2; Апп., Сир., 9; Корн. Неп., Ганниб., 2, 2; Фронтип, 1, 8, 7; Юстин, 31, 4, 8-9]. Правда, Ганнибалу удалось вроде бы рассеять тучи, собравшиеся над его головой: он напомнил царю о своей клятве, о том, что именно он, Ганнибал, — самый последовательный и непримиримый враг Рима. Пока Антиох борется с Римом, он всегда может рассчитывать на поддержку и верность Ганнибала [Ливий, 35, 19; Полибий, 3, 11, 3-9; Корн. Неп., Ганниб., 2, 3-6]. Примирение было достигнуто, однако отчуждение осталось, и если Антиох еще приглашал своего гостя на совет, то не для того, чтобы учитывать его точку зрения, а чтобы не казалось, будто Ганнибалом пренебрегают [Юстин, 31, 5, 1].

К тому же Ганнибал не считал, по-видимому, нужным скрывать от Антиоха своего отрицательного мнения о селевкидской армии и высказывал его при каждом удобном и неудобном случае, не очень заботясь о выборе слов и оборотов речи. Вот один из таких эпизодов [Гелл., 5, 4, 5]: Антиох устраивает в присутствии Ганнибала смотр своей огромной армии с ее золотыми и серебряными значками, дорогим оружием и всякого рода украшениями. «Не считаешь ли ты, — спрашивает он Ганнибала, — что все это достаточно для римлян?» — «Достаточно, вполне достаточно для римлян всего этого, — последовал мгновенный ответ, — хотя они и очень жадны». Подобное откровенное пренебрежение не могло прийтись по вкусу царю, ожидавшему победы и уже уверенному в успехе.

Наконец, Антиох просто не желал делить с Ганнибалом лавры победителя [Юстин, 31, 6, 2; ср. у Зонары, 9, 8].

К началу войны между Антиохом III и Римом положение в Греции, казалось, было вполне благоприятным для осуществления замыслов Антиоха. Против римлян выступал Этолийский союз, провозгласивший Антиоха своим верховным стратегом; в Греции, задавленной римским солдатским башмаком, сильно было демократиче-

ское антиримское движение, все свои надежды возлагавшее на Антиоха, Напрасно Ганнибал предлагал царю заключить союз с Филиппом V или отвлечь его пограничной войной, напрасно он советовал перенести войну в Италию [Ливий, 36, 7]; его уже никто не слушал. Осенью 192 г. Антиох высадился в Фессалии, но уже в апреле 191 г. он был разбит у Фермопил и с ничтожными остатками своей армии бежал в Малую Азию, в Эфес. Причиной этого разгрома помимо неподготовленности его солдат было то, что Антиох не получил в Греции той поддержки, на которую рассчитывал. Его союзники дали ему слишком мало воинов, а среди его противников были Афины, Ахейский союз, Македония...

Ганнибала, сколько об этом можно судить, царь держал в тени и не позволял ему участвовать в боевых операциях. Только после разгрома при Фермопилах Антиох решил воспользоваться его опытом и... назначил его командующим наскоро собранной флотилией, которая должна была обеспечивать позиции царя в Восточном Средиземноморье. Даже теперь, когда возникла непосредственная опасность селевкидскому господству в Малой Азии, Антиох постарался отправить Ганнибала на один из самых второстепенных участков предстоящей кампании. Однако Ганнибал принял это, несомненно, оскорбительное для него предложение, настолько сильным было его стремление еще раз ударить по ненавистному врагу, взять реванш.

Деятельность Ганнибала в непривычной для него роли флотоводца не принесла ему успеха. Его противником был союзный Риму Родос, и в битве при Сиде, у берегов Памфилии, родосцы сначала потеснили правый фланг сирийцев, которыми командовал Аполлоний, один из придворных Антиоха, а затем обрушились на левый, где находился сам Ганнибал, какое-то время одолевавший неприятеля. Их натиска Ганнибал не выдержал и бежал (август 190 г.). С того времени он активного участия в войне не принимал [Ливий, 37, 23-24; Корн. Неп., Ганниб., 8, 3-4; Зонара, 9, 20; Евтропий, 4, 4]. У Аппиана события излагаются иначе и, видимо, менее достоверно [А п п . , Сир., 22]: сражение произошло между римским и селевкидским флотом; последним командовал Поликсенид; только после разгрома и бегства селевкидских моряков Ганнибал был послан в Финикию и Киликию набирать новый флот; родосцы заперли Ганнибала у берегов Памфилии и захватили несколько судов.

Как бы то ни было, неудача Ганнибала заставила Антиоха более серьезно отнестись к морским операциям и ввести в дело весь свой флот. Однако около Мионессы сирийский флот был снова разгромлен, а еще через некоторое время, по-видимому в самом начале 189 г., произошло решающее сухопутное сражение неподалеку от Магнесии, и наголову разбитый Антиох III вынужден был искать мира[175]. Он со-

[175] Орозий [4, 20, 22], конечно, преувеличивает, когда пишет, будто именно поражение и бегство Ганнибала вместе с потерей армии побудили Антиоха заключить мир с Римом.

гласился на все требования римлян (главным из них был отказ от всех европейских и малоазийских владений). Среди условий мирного договора, заключенного в Апамее в 188 г., было и такое: «Выдать Ганнибала-карфагенянина» [Полибий, 21, 14, 7].

III

Разгром Антиоха III круто изменил ситуацию во всем Восточном Средиземноморье. Рим, который пока еще не имел здесь своих владений, стал на Востоке решающей политической силой, верховным арбитром во всякого рода спорах; постоянно вмешиваясь и властным своим словом улаживая конфликты, Рим исподволь подготавливал аннексию Малой Азии, Сирии и Египта. Ему, правда, понадобилось еще больше 150 лет, и окончательное покорение эллинистических царств завершил Октавиан, однако фундамент был заложен в 188 г. Апамейским договором.

Что касается Ганнибала, то для него поражение Антиоха III было крупнейшей жизненной катастрофой. Рушились последние надежды. Больше не с кем было искать союза, некого было побуждать к походу на Рим. Ненавистный враг представал перед Ганнибалом как страшная громада, которую никто не мог разрушить, как могущественнейшая сила, которой никто не мог противостоять. Престарелому полководцу (ему было, вероятно, около 60 лет) оставалось, по всей видимости, только одно — искать убежища, где он мог бы провести в безопасности и покое те немногие годы, которые ему еще оставалось жить. Однако ни покоя, ни безопасности, в условиях когда повсюду господствовали римляне, когда римское правительство со всей определенностью потребовало его выдачи, никто ему гарантировать не мог. Но и сам Ганнибал не собирался сдаваться.

В нашем распоряжении имеется традиция [Плут., Лук., 31, 5; Страбон, 11, 14, 6], согласно которой Ганнибал побывал при дворе армянского царя Артаксия (Арташеса I) и основал для него город Арташат (Артаксату) на Араксе. Сомнения в достоверности этого предания[176] не кажутся оправданными[177]. Нет никакой физической невозможности того, что Ганнибал отправился в Армению, например, в момент, когда происходили переговоры между римскими послами и Антиохом после битвы при Магнесии (так у Плутарха). Однако в Армении Ганнибал задержался недолго. Почему он покинул эту страну, мы не знаем. Может быть, не хотелось ему дожидаться смерти где-то в далекой глуши, на окраине тогдашнего мира?

Вскоре после заключения Апамейского мирного договора Ганнибал объявился в Гортине (о-в Крит). Опасаясь за свои богатства (по острову прошли слухи, что

[176] *Манандян Я. А.* **Тигран II и Рим. Ереван, 1943. С. 21-22;** *Моммзен Т.* **История Рима. Т. I. С. 709.**

[177] **Ср.:** *Burian J.* **Hannibal. P. 128; Beer** *G. de.* **Hannibal. P. 299.**

Ганнибал привез с собой огромные ценности), он сделал вид, будто передал их на хранение в храм Дианы: наполнив многочисленные амфоры медью, он сверху прикрыл ее золотом и серебром, а затем поместил амфоры в святилище. Деньги свои Ганнибал спрятал в медных статуях, которые держал во дворе дома, где жил [Корн. Неп., Ганниб., 9; Юстин, 32, 3-4].

На Крите Ганнибал задержался недолго. Оттуда он отправился в Вифинию (у Корнелия Непота ошибочно — в Понт) ко двору тамошнего царя Прусии, который как раз в этот момент вел — весьма неудачно — войну с пергамским царем Евменом, активнейшим союзником Рима, которому римское командование в значительной степени было обязано своей победой при Магнесии. Ганнибал принял участие в этой последней для него кампании и даже попытался, хотя и без успеха, организовать убийство пергамского царя. В морском сражении ему удалась обратить пергамские корабли в бегство, бросив на их палубы сосуды со змеями [Корн. Неп., Ганниб., 10; Юстин, 32, 4, 6-7]. Использовать этот трюк он раньше предлагал, хотя и безрезультатно, Антиоху [Фронтин, 4, 7, 10].

Между тем к Прусии прибыл (в 183 г.) римский посол Тит Квинкций Фламинин. По Корнелию Непоту [Ганниб., 12,1], переговоры сначала происходили в Риме между Фламинином и послами Прусии и лишь затем Фламинин был послан в Вифинию. О том, что произошло дальше, имеются следующие рассказы. Согласно версии Корнелия Непота [Ганниб., 12, 2-3], Фламинин потребовал выдать Ганнибала римлянам; Прусия заявил, что он не может нарушить законы гостеприимства, но римляне сами без труда могут захватить Ганнибала. По Ливию [39, 51], то ли Фламинин упрекнул Прусию в том, что тот держит у себя опаснейшего врага римлян, то ли сам Прусия вознамерился угодить Риму, как бы то ни было, Ганнибал внезапно увидел, что его дом со всех сторон окружен вифинскими солдатами. Сомнений в их намерениях не могло быть. Ганнибал еще пытался спастись. В его жилище со всех сторон были выходы, всего семь, в том числе и потайные. Ганнибал послал мальчика посмотреть, можно ли бежать из дома, но известия получил неутешительные: у всех выходов стояли царские воины. Не ожидая, когда они ворвутся в дом, Ганнибал принял яд [Плут., Флам., 20; Корн. Неп., Ганниб., 12, 3-5; Орозий, 4, 20, 29]. По версии Аппиана [Сир., 11], Ганнибала отравил вифинский царь. Перед смертью он, как передавали, сказал: «Избавим римлян от их давней заботы, раз уж им невтерпеж дождаться смерти старика».

Похоронили Ганнибала в Либиссе [Знам., 42, 6; Плут., Флам., 20; Апп., Сир., 11; Зонара, 9, 21], на европейском берегу Босфора, в каменном саркофаге, на котором высекли надпись: «Ганнибал здесь погребен».

Глава восьмая

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Последние годы скитаний Ганнибала и его трагический конец явились естественным завершением этой бурной, исполненной приключений, блестящих побед и горьких поражений и разочарований жизни солдата. Обуреваемый единственным стремлением—покорить и, если возможно, уничтожить Рим, Ганнибал последовательно поставил на карту в этой борьбе и будущее своей родины — Карфагена и, оставшись уже совершенно один, собственную жизнь. Ею он заплатил за все свои стратегические и политические ошибки. Приближалось время расчета и для Карфагена, которому всего 37 лет суждено было пережить после смерти своего крупнейшего полководца.

Выше мы говорили о том, что поражение во II Пунической войне, в общем, не отразилось на экономическом положении Карфагена. Он поддерживал торговые связи практически со всеми странами Средиземноморья и даже за его пределами: в карфагенских гаванях теснились свои и чужестранные купеческие суда, рынок ломился от товаров, стекавшихся буквально отовсюду; изделия карфагенских мастеров завоевали себе прочное место и в богатых домах, и в хижинах бедняков. В городе оседали огромные деньги — и в государственной казне, и в купеческих лавках, и в ремесленных мастерских. Не случайно, когда уже началась III Пуническая война, карфагеняне сумели, как увидим, в кратчайший срок воссоздать флот и вооружить армию. Показателем благосостояния и процветания города была и численность его населения: по данным Страбона [17, 3, 15], в Карфагене в конце 50-х годов II в. жили 700 000 человек. Роскошные, утопавшие в зелени виллы богачей, кварталы бедноты и «среднезажиточных» с их огромными многоквартирными домами в несколько (до шести) этажей и узкими полутемными улочками, шумный рынок и возвышающийся над всем этим холм Бирса с его акрополем и древними храмами — таким представал Карфаген перед заезжими торговцами и моряками.

В Риме экономический расцвет Карфагена, его господствующее положение в торговле стран Средиземноморья вызывали серьезную тревогу, и дело было, разумеется, не только в том, что Карфаген продолжал оставаться соперником и конкурентом на мировом рынке, хотя и этот фактор играл свою роль. Италики сами поддерживали в первой половине II в. тесные торговые контакты с карфагенянами, многие селились в Карфагене.

В Риме очень хорошо помнили, как, пережив I Пуническую войну и тяжелейшее восстание наемных солдат и ливийского крестьянства, карфагенское правительство (Баркиды) в короткий срок восстановило свой военный потенциал и организовало сначала завоевание Испании, а потом и вторжение в Италию, поставившее Рим на

край гибели. Теперь, после II Пунической войны, построить новые боевые корабли и выковать мечи и наконечники для копий, дротиков и стрел, изготовить шлемы и панцири было, разумеется, ничуть не сложнее, чем тогда. В Риме, конечно, хорошо знали и о воинственных настроениях карфагенского плебса, которому после бегства Ганнибала не хватало только вождя. Но ведь такой вождь мог появиться в любую минуту. Конечно, можно было так или иначе включить Карфаген в состав Римской державы и этим ликвидировать опасность. Как мы увидим, одно время в политике римского правительства прослеживалась линия, внешне благоприятная для Карфагена: Рим выступает чуть ли не в роли защитника его интересов, ограждая его от посягательств нумидийского царя. Но и в этом случае Карфаген, чье благополучие и само существование находились в прямой зависимости от усмотрения сената, оказывался крепко привязанным к римской колеснице. Такая зависимость, считали в Риме, устраняла опасность реванша со стороны Карфагена. Однако была и другая точка зрения. Пока Карфаген существует, пока его стены возвышаются над безбрежной африканской равниной, а его богатства привлекают людей со всего света, Рим не может чувствовать себя в безопасности. Эти соображения в конце концов определили политику римского правительства по отношению к Карфагену, а следовательно, и судьбу его более чем полумиллионного населения[178].

Мы упоминали о том, что, подводя черту под II Пунической войной, римские власти сделали все, чтобы, во-первых, поставить Карфаген в ситуацию непрерывного конфликта с Массанассой, территориальные претензии которого пунийцы должны были удовлетворить в размерах, установленных самим царем, и, во-вторых, лишить Карфаген возможности сопротивляться запрещением воевать без согласия римского народа, а также, в-третьих, выступая в роли арбитра, вести дело к постепенному покорению или уничтожению Карфагена. Добиться своей цели сенат хотел руками Массанассы: нумидийский царь должен был постоянно давать повод к римскому вмешательству и либо в конце концов задушить Карфаген, либо создать условия,

[178] Ср., однако: *Моммзен Т.* История Рима. Т. I. С. 632-633. Автор не учитывает изменений в римской политике по отношению к Карфагену. Близок к Моммзену и Ст. Гзелль (HAAN, IV. P. 312). Более точно развитие событий и эволюцию политической концепции сената прослеживает В. Гофман *[Hoffmann W.* Die romische Politik des 2. Jahrhundert und das Ende Karthagos // Historia. Bd IX. 1960. N3. P. 309-344). Автор полагает, что первоначально римские политики считали договор 201 года окончательно решающим давние споры и надежно охраняющим римские интересы. Беспокойство причиняла только позиция Ганнибала. Лишь активизация Массанассы имела следствием изменение политической линии Рима, а отсюда вытекает приход к власти в Карфагене враждебных римлянам сил. Именно этим вызвано, по мысли В. Гофмана, изменение и в отношении римского общества к Карфагену: если раньше виновником войны считали только Ганнибала, то теперь вина возлагалась целиком на все государство. Мы, впрочем, думаем, что «страх перед карфагенянами» (metus Punicus) возник в Риме в период ожесточенных споров о направлении внешней политики и исходил от тех кругов, которые с самого начала добивались разрушения Карфагенского государства.

при которых Карфаген естественным путем оказался бы под властью Рима, либо спровоцировать карфагенян на войну без санкции Рима и, следовательно, на нарушение мирного договора, что дало бы римлянам повод к новой войне. Со своей стороны Массанасса охотно следовал предначертаниям своих римских друзей. Его даже не нужно было особенно подталкивать. Он был глубоко заинтересован и в расширении своего царства, и в том, чтобы занять место Карфагена на морских торговых путях. Чрезвычайно показателен был дар, который принес он греческим храмам в Делосе[179] — одном из крупнейших центров средиземноморской торговли. Царь-варвар пытался приобщиться к эллинскому миру. И почему бы нет? Ведь смог же сделать это Ганнибал. Ведь встали на этот путь и римляне. Даже финикийцы и иудеи не без успеха претендовали на родство с греками. А уж какие они эллины!

I

Бегство Ганнибала и, того более, миссия Аристона, хотя и неудачная, но все же крайне для римского господства опасная, чрезвычайно скомпрометировали карфагенское правительство в глазах сената. С Аристоном явно велись переговоры, а после того как дело раскрылось, агент Ганнибала не только не был арестован, но ему позволили бежать. Имея в виду эти обстоятельства, Массанасса мог быть твердо уверен, что римляне не дадут его в обиду, и, наоборот, все территориальные споры и конфликты между ним и Карфагеном разрешат в пользу Нумидии. Не очень ясная и в высшей степени подозрительная история с Аристоном создала, как полагал Массанасса, наиболее благоприятную обстановку, и он вторгся на принадлежавшую Карфагену приморскую территорию — Эмпории, разорил ее, а некоторые города, в том числе Лептис, заставил платить дань Нумидии. Массанасса поспешил создать и дипломатическое прикрытие своим действиям: он возбудил сомнения в том, кому, собственно, принадлежит эта территория, — Карфагену или Нумидии. Все эти события произошли в 193 г. [Ливий, 34, 62; Апп., Лив., 67][180].

Не имея возможности ответить ударом на удар, карфагенское правительство поручило своему посольству, которое должно было объясняться и оправдываться в сенате по поводу Аристона, отстаивать права Карфагена на территорию, внезапно оказавшуюся спорной и фактически уже изъятую из-под власти Карфагена. Тогда

[179] *Ленцман Я. А.* **Дар Массиниссы // ВДИ. 1948. № 4. С. 55-64.**

[180] **До нас дошел только краткий и слишком суммарный эксцерпт из Полибия [32, 2] о территориальных нумидийско-карфагенских спорах и о роли, которую при этом играло римское правительство. Какие-либо подробности, за исключением ссылки на просьбу Массанассы при преследовании Афтира, здесь отсутствуют, поэтому проследить хронологию событий оказывается невозможным. Мы считаем неправильным, ссылаясь на Полибия, датировать претензии Массанассы на Эмпории 161 годом и отвергать анналистическую традицию (Ливий), относящую эти события к 193 г. (см.: *Hoffmann W.* Die romische Politik. S. 325-326).**

же в Рим прибыла и дипломатическая миссия Массанассы защищать его права и обосновывать сделанные им территориальные приобретения.

Положение карфагенян на этих переговорах было в высшей степени затруднительным: они имели перед собой явно пристрастных и даже враждебных судей, к тому же озабоченных перспективой новой войны с участием Ганнибала. Тем не менее они попытались дать бой, ссылаясь прежде всего на то, что спорная территория находится внутри границ, определенных Сципионом при заключении мирного договора и очерчивающих территорию, которая по праву принадлежит карфагенянам. Кроме того, говорили они, и сам Массанасса признавал данную землю карфагенской: преследуя некоего Афтира, бежавшего из его царства и бродившего с отрядом нумидийцев вокруг Кирены, царь просил у карфагенян разрешения пройти через эту землю как, несомненно, по праву принадлежащую Карфагену. Нумидийцы почти не отвечали карфагенянам: разговоры об установлении границ Сципионом они с порога отвергли как лживые, а о неудобных для обсуждения поступках Массанассы предпочли умолчать. Зато они долго рассуждали о праве. Какое, вопрошали они, у карфагенян право на африканские земли, на чем оно основано? Пришельцы, они когда-то (тут нумидийские послы припомнили легенду об основании Карфагена [Юстин, 18, 5, 9]) получили из милости столько земли для постройки и укрепления города, сколько можно было окружить разрезанной на ремни шкурой быка. Бирса — вот их исконное жилище; все, что за ее пределами, они захватили силой и несправедливостью. Даже по поводу той территории, о которой возник спор, карфагеняне не могут доказать не только то, что они всегда ею владели, но даже то, что она принадлежала им в течение длительного времени. Ею всегда владели те, кто были сильнее, — иногда карфагеняне, иногда нумидийцы. Пусть же римляне все оставят так, как было раньше, до того момента, когда карфагеняне стали их врагами, а нумидийский царь — другом, и не вмешиваются, когда надо отдать эту землю во владение менее сильным [Ливий, 34, 62].

Однако эти жалобные от одних и лживые от других (нумидийцы, конечно, хорошо знали, что Эмпории находились под властью Карфагена несколько сот лет) речи, в общем, не имели никакого значения. Сенат отвечал обеим сторонам, что в Африку будет направлено посольство, которое на месте решит спор. В состав комиссии назначили Сципиона, Гая Корнелия Цетега и Марка Минуция Руфа, которые, однако, оставили все под сомнением, не приняв определенного решения [Ливий, 34, 62; ср. у Зонары, 9, 18]. Ливий не знает, сделано ли это было по приказанию сената, или же послы действовали по собственной инициативе; для него тем не менее бесспорно, что политически наиболее целесообразным считали сохранить конфликт, иначе, конечно, Сципион одним кивком головы мог бы решить спор. Аппиан [Лив., 67] пишет, что римские представители должны были содействовать Массанассе. Между этими версиями противоречия нет: чтобы закрепить за Массанассой захваченную им

территорию, вполне достаточно было сохранять нейтралитет, колебаться и в недоумении широко разводить руками.

Позиция, которую заняло римское правительство в карфагено-нумидийском конфликте, показала карфагенянам, что над их головами собирается новая гроза; необходимо было срочно решить, каким путем идти дальше для того, чтобы сохранить хотя бы призрачную независимость и даже само существование. Именно этим, а не длительным процветанием, как наивно полагает Аппиан [Лив., 68], объясняется дальнейшее обострение внутриполитической борьбы в Карфагене. В самом деле, к прежним неразрешимым противоречиям добавилось еще одно; в жизни пунийского общества особое значение приобрел фактор, который прежде карфагенские политики вообще не принимали в расчет, — Нумидия. Наряду со сторонниками проримской политики, которых по-прежнему возглавлял Ганнон, тогда уже, очевидно, глубокий старик, в среде пунийской аристократии выделились приверженцы Массанассы. Их возглавлял Ганнибал Скворец [там же]. Нам трудно решить, на что, собственно, они могли рассчитывать: ведь и те и другие должны были понимать, что на этот раз речь идет о полном подчинении либо Риму, либо Нумидии. Может быть, они надеялись под властью сената или царя сохранить свои политические и экономические позиции и именно поэтому вели дело к капитуляции? Свои позиции, как и раньше, сохраняла демократическая «партия», прежние сторонники Баркидов; их руководителями после изгнания и смерти Ганнибала стали Гамилькар Самнит и Карталон [там же].

Именно последние, дождавшись благоприятного момента, взяли в свои руки инициативу. По их настоянию командовавший вспомогательными отрядами карфагенян («боэтарх», как его называет Аппиан), тоже Карталон, напал на людей Массанассы, живших в шатрах на спорной земле. Некоторых он убил, угнал добычу; столкновения продолжались. В результате возникла ситуация, сделавшая возможным римское вмешательство [там же].

На этот раз (182 г.) объектом спора были территории, ранее принадлежавшие Карфагену, а позже захваченные Галой, отцом Массанассы; у Галы их отнял Сифакс и затем отдал своему тестю Гасдрубалу сыну Гисгона. Еще одно римское посольство явилось в Африку. Карфагеняне утверждали, что эта территория искони принадлежала им и была возвращена в свое время Сифаксом; Массанасса настаивал на том, что он забирает владения, совсем недавно находившиеся под властью его отца. Однако и на этот раз послы не приняли определенного решения и передали дело на рассмотрение сената [Ливий, 40, 17]. Аппиан [Лив., 68] сохранил любопытную подробность: послы ничего не сказали, чтобы в ходе разбирательства Массанасса не потерпел ущерба, но, став между спорящими как бы отделили одних от других.

Это должно было означать, что римляне требуют примирения сторон. Не исключено, что именно к этим событиям относится указание Ливия [40, 34, 11], дати-

руемое уже 181 г.: римское правительство возвратило Карфагену 100 заложников и гарантировало соблюдение мира за себя и за Массанассу. Здесь нет ничего невероятного: легко допустить, что на какой-то момент в Риме возобладали тенденции к сохранению Карфагена. Как мы увидим, для такого предположения есть достаточно серьезные основания.

Такими действиями, однако, неравная борьба между Карфагеном и Массанассой могла быть лишь на какое-то время приостановлена; само молчание Ливия, который очень подробно и обстоятельно прослеживает все шаги римской дипломатии в Африке в связи с рассмотрением жалоб одной стороны и претензий другой, служит надежным свидетельством того, что в отношениях между конфликтующими государствами наступило затишье. Основные предпосылки споров не были устранены, ив 172 г. мы снова встречаем в Риме карфагенских послов и нумидийского уполномоченного — царского сына Гулуссу, сенат опять выслушивает жалобы карфагенян, объяснения нумидийцев и принимает решение, которое могло бы показаться примирительным [Ливий, 42, 23, 24].

Пунийцы говорили, что помимо тех земель, о принадлежности которых до сих пор происходило разбирательство, в течение последних двух лет (то есть в 174 — 173 гг.) Массанасса силой захватил 70 городов и крепостей. По-видимому, этому точно соответствует рассказ Аппиана [Лив., 68] о распрях, начатых Массанассой из-за Великих Равнин и области Туски (Тугги) с ее 50 городами. Ему, продолжали карфагеняне, ни на что не обращающему внимания, это легко; карфагеняне же, связанные договором, молчат; ведь им не позволено воевать за пределами своих границ. Конечно, пунийцы знают, что, изгоняя нумидийцев, они будут сражаться на своей территории, но даже это они боятся делать, так как им запрещено воевать против союзников римского народа. Карфагеняне уже не в состоянии терпеть его (то есть Массанассы) высокомерие, жестокость и жадность. Пусть сенат примет из трех возможных какое-то одно решение: или рассудит наконец, что кому принадлежит, или позволит карфагенянам защищаться, или, если для римлян дружба важнее правды, определит точно, что из чужого добра он хочет подарить Массанассе. Римляне, конечно, дадут ему не так уж много и, самое главное, будут точно знать, что дали, тогда как Массанасса сам не установит предела иначе, как по своему произволу. Если же карфагеняне ничего не добьются, если после мира со Сципионом они в чем-нибудь провинились, то пусть римляне сами их накажут. Они предпочитают безопасное рабство под властью Рима свободе, которая делает их беззащитными перед насилиями Массанассы. Лучше им сразу погибнуть, чем влачить жалкое существование по произволу жестокого палача.

Гулусса в ответной речи ничего определенного не сказал. Ему трудно, говорил он, объясняться по поводу того, о чем отец не дал ему поручений; его отцу также нелегко было дать ему определенное поручение, потому что он не знал, с чем кар-

фагеняне после длительных тайных совещаний в храме Эскулапа (имеется в виду один из древнейших в Карфагене храм бога Эшмуна) отправляются в Рим. Отец послал его умолять сенат не верить наветам общих врагов, ненавидящих Массанассу только за его постоянную верность римскому народу. Ложь, содержащаяся в этих словах, очевидна: Массанасса должен был по обстоятельствам дела хорошо знать, в чем заключается существо конфликта между ним и Карфагеном. Посылая в Рим своего сына, он невольно показывал, насколько важным считает для себя предстоящее разбирательство: только сыну он мог доверить принятие в достаточно сложной дипломатической обстановке ответственных политических решений.

Сенат велел Гулуссе немедленно отправляться в Нумидию и там передать отцу, чтобы тот как можно скорее прислал своих представителей для ответа на обвинения карфагенян; одновременно Массанасса должен был объявить карфагенянам, чтобы и они явились в Рим, то есть, очевидно, прислали новое посольство для повторного разбора дела. Все это не соответствует рассказу Аппиана [Лив., 68], который пишет, что римляне обещали направить в Африку новую комиссию для решения спора, однако совпадает с главным в повествовании Аппиана: римляне затянули дело, пока не стало ясно, что оно карфагенянами проиграно. Сенат и на этот раз уклонился от определенного ответа, но сопроводил свое требование дополнением, которое должно было продемонстрировать его добрую волю: все, что можно сделать для того, чтобы оказать почет Массанассе, сделано и будет делаться, однако право не будет принесено в жертву дружбе. Сенат желает, чтобы каждый владел той землей, которая ему принадлежит; он не хочет устанавливать новых границ, а намерен сохранить старые; побежденным карфагенянам их город и земли были сохранены не для того, чтобы во время мира насилием отнять у них то, что не было отобрано по праву войны. В провозглашении этих принципов нетрудно разглядеть еще одно проявление той тенденции в африканской политике Рима, о которой говорилось выше: римское правительство в 80-70-е гг. не желало еще окончательной гибели Карфагена, который не представлял собой, по мнению наиболее влиятельных тогда сенаторов, опасности для Рима, но мог служить хорошим противовесом Массанассе; взаимная борьба надежно привязывала обоих противников к римской колеснице. Занимая такую позицию, Рим облачался в тогу защитника права, что давало его действиям наиболее благоприятное освещение. Ему это в особенности было важно теперь, когда надвигалась очередная, уже третья по счету, война с Македонией. Но Рим не хотел ущемлять и отталкивать от себя Массанассу, и именно поэтому вопрос о конкретных взаимных претензиях был опять оставлен открытым до нового разбирательства, которое, очевидно, закончилось в конце концов в пользу нумидийского царя. Гулусса и сенат великолепно подыграли друг другу, так что Аппиан не ошибся в своей оценке действий римских правящих кругов, хотя и подошел к ним несколько односторонне.

В 171 г. в Риме снова появились карфагеняне и Гулусса [Ливий, 43, 3]. Сколько можно судить по изложению Ливия, на этот раз речь шла не только о карфагено-нумидийских спорах, но и о том, что обе стороны доставили своему арбитру вспомогательный флот для войны с Македонией. Гулусса предостерегал римлян от чрезмерного доверия коварным пунийцам: они легко построят флот будто бы для римлян и против македонцев, но когда они его снарядят, в их собственной власти будет решить, кого считать врагом и кого союзником. Дальнейший рассказ Ливия об этом эпизоде утрачен, так что неизвестно, что говорили и делали карфагеняне и какой результат имели все дипломатические ходы Гулуссы. Мы знаем [Ливий, 43, 6], однако, что в 170 г. карфагеняне предложили Риму 1 000 000 модиев пшеницы и 500 000 модиев ячменя; при этом карфагенские послы говорили о заслугах римского народа и о том, что в другое, более благоприятное время карфагеняне исполняли обязанности благородных и верных союзников. Чем вызвано это изъявление чувств, мы не знаем; скорее всего их должно считать проявлением угодничества по отношению к могущественному победителю, во власти которого находился Карфаген. Может быть, карфагеняне вспомнили о заявлении сената, которое как-то гарантировало будущее их города. Показательно, что послы Массанассы, предложившие римлянам такое же количество пшеницы и сверх того 1200 всадников и 12 слонов, ограничились на сей раз только выражением готовности выполнить и другие пожелания сената.

К началу 50-х годов II в. в Карфагене, где к этому времени были уже накоплены ресурсы, достаточные, как полагали, для войны и против Массанассы, и против Рима, возобладала демократическая «партия», и она со своей стороны повела дело к новому конфликту. Для нее речь шла не о тех или иных прирезках территории в Африке, но о суверенных правах и свободе Карфагена.

Международная обстановка 50-х — начала 40-х годов II в., казалось, давала пунийским демократам некоторые надежды на успех. В Македонии, совсем недавно покоренной и разделенной на четыре «республики», изолированные одна от другой, в Греции, где римляне усиливали свой нажим на местное население, росло антиримское брожение, а в 149 г. явился самозванец. (Лже-Филипп), выдававший себя за сына македонского царя Персея, и ему удалось на какое-то время закрепиться в Македонии и Фессалии. Только в 148 г. римлянам удалось раздавить это движение. В 148-146 гг. римские войска сражаются с Ахейским союзом и уничтожают его, преодолев упорнейшее сопротивление (один из крупнейших греческих торговых центров, Коринф, был в 146 г. разрушен до основания, а место, где он стоял, проклято). В этих условиях выступление карфагенских демократов можно рассматривать как звено в общем антиримском движении народов Средиземноморья.

Между тем в Риме, насколько мы можем об этом судить, вопрос об отношении к Карфагену был в 60-х годах II в. объектом ожесточенной борьбы между пред-

ставителями двух направлений — умеренного и крайнего, за чем определенно прослеживается борьба между Сципионами и их политическими противниками. После смерти Фабия Максима к ним принадлежал и возглавивший их Марк Порций Катон, прошедший всю **II** Пуническую войну от Тразименского озера до битвы при Заме[181]. Убежденный консерватор и ригорист, он всегда был сторонником крайностей и в государственных решениях, и в частной жизни, а против Сципионов он выступал еще в последние годы **II** Пунической войны. Положение Сципионов, как известно, сильно пошатнулось в Риме уже после победоносного окончания войны с Антиохом, когда у них потребовали отчет в деньгах, которые они получили от Антиоха [ср. у Гелл., 4, 18], и Луция Корнелия, формально командовавшего в Азии римскими войсками, в конце концов приговорили к денежному штрафу и едва не засадили в тюрьму, когда он отказался платить. Спасло Луция только вмешательство родственника, народного трибуна Тиберия Семпрония Гракха [Знам., 53, 2]. Но ведь удар направлялся не на Луция, человека совершенно ничтожного и самостоятельной роли в общественной жизни не игравшего (не случайно во время войны при нем в качестве легата состоял его знаменитый брат Публий — победитель Ганнибала, фактически руководивший всеми операциями), обвинители целили именно в Публия и добились его ухода с политической арены. Во время своей нашумевшей цензуры в 184 г., когда он беспощадно изгонял из сената всех преступавших старые добрые нравы (вроде того сенатора, который посягнул на дело неслыханной дерзости и аморальности: днем, да еще при дочери, поцеловал свою жену [ср. у Плут., Кат., 17]), Катон отобрал у Луция Сципиона коня, то есть исключил его из числа всадников [Плут., Кат., 18; Знам., 53, 3], и, следовательно, закрыл перед ним доступ в сенат. Ожесточенные дискуссии о судьбе Карфагена стали, как увидим, новой пробой сил между Сципионами, которых возглавлял теперь Публий Корнелий Сципион Насика, и Катоном.

Нам представляется неправильным видеть в этой борьбе отражение неодинаковой экономической основы и ориентации соперничавших групп, из которых одна вела натуральное хозяйство и опиралась на свои земельные владения в Италии и толпы клиентов (Сципионы), а другая — крупные землевладельцы, тесно связанные с рынком и широко применявшие рабский труд, откупщики, торговцы и т.п. Данных, которые позволили бы утверждать, что Сципионы вели свое хозяйство не так, как Катон, нет; в своем староримском консерватизме Насика, признанный самым лучшим, образцовым гражданином [Знам., 44], не уступал Катону: достаточно

[181] Д. Кинаст *(Kienast D.* Cato der Zensor. Heidelberg, 1954. S. 130] считает недоказанным, что до 152 г. Катон выступал против того состояния неопределенности, которое поддерживало в Африке римское правительство. Только лично убедившись в новом подъеме карфагенского могущества, Катон (как думает Д. Кинаст) начал испытывать опасения, как бы эта громада не обратилась против Рима.

вспомнить, что по его инициативе был разрушен первый в Риме театр, охарактеризованный им как учреждение бесполезное и наносящее вред добрым нравам [Ливий, Сод., 48; расхождений в том, что касалось основных направлений и целей римской внешней политики; речь шла исключительно о методах ее осуществления, о путях их достижения. Сципионы полагали возможным применить к Карфагену старый, испытанный метод включения в римскую орбиту, превратить Карфаген в союзника Рима, тогда как Катон, опасавшийся чрезмерного могущества Карфагена, требовал стереть его с лица земли. На позиции Насики сказались и обстоятельства внутриполитической борьбы в Риме: Насика думал, что существование Карфагена и постоянная опасность с его стороны будут способствовать укреплению единства римского общества и его стабильности, приведут к ликвидации конфликтов и противоречий (эта концепция вообще характерна для политической мысли эпохи, так что Насика отнюдь не был оригинален в своих суждениях). Кроме того, для Насики, по-видимому, было существенно важно придать войне с Карфагеном «законный» характер, чтобы Рим не предстал в глазах окружающего мира в роли агрессора, ведущего несправедливую войну[182]. И тем не менее не случайно именно Сципион Эмилиан (Сципион по усыновлению, Эмилий по рождению) нанес Карфагену последний смертельный удар, а Катон одобрительно оценил его действия, правда, еще в роли подчиненного, а не командующего [ср. у Плут., Кат., 27].

К сожалению, мы слишком мало и плохо осведомлены о событиях, предшествовавших известному римскому посольству 153 года, в котором наряду с другими участвовал и Катон. Известно только, что уже в 157 г. очередное римское посольство снова разбирало спор о земельных владениях между Карфагеном и Массанассой, однако на этот раз послы возвратились с потрясающим известием: они обнаружили в Карфагене огромные запасы материала, необходимого для строительства кораблей [Ливий, Сод., 47]. Иначе говоря, Карфаген мог в любой момент восстановить свое могущество и превратиться в опасного врага. Мы не знаем, действительно ли карфагеняне собирались строить военный флот, или же речь шла о постройке торговых судов. Как бы то ни было, сведения, доставленные послами сенату, позволили Катону и его партии снова перейти в наступление.

К тому же в Риме стали распространяться слухи, будто на карфагенской территории находится огромная нумидийская армия, которой командует Ариобарзан внук Сифакса. Катон, используя эту информацию, выступил с настойчивым предложением объявить Карфагену войну, так как армия Ариобарзана не столько против Массанассы — это только предлог, — сколько против Рима. Ему возражал Насика

[182] **Подробно см.: *Gelzer M.* Nasicas Widerspruch gegen die Zerstorung Karthagos. Kleine Schriften. Bd. II. S. 39-72.**

(содержание его речи неизвестно), и сенат решил направить в Африку посольство, чтобы разобраться во всем на месте.

По-видимому, именно это и было то знаменитое посольство 153 года, в котором участвовал Катон. Аппиан [Лив., 68-69], вероятно, слишком сближает события, когда он ставит миссию Катона в непосредственную связь со спором из-за Великих Равнин и Туски. В действительности, как показывает ливианская традиция, посольства этого периода были вызваны имевшими место или предполагаемыми тайными приготовлениями карфагенян к новой войне с Нумидией, а может быть, и с Римом. Интересно в этой связи заметить, что эпитома Ливия все же не упоминает Катона в качестве посла, может быть, вследствие своей краткости.

Судя по описанию Аппиана [Лив., 69], его действия целиком соответствовали его разведывательным целям, как они указаны ливианской традицией. Прибыв в Африку с целью разобраться в территориальном конфликте и потребовав, чтобы обе стороны подчинились их решению, послы не желали тем не менее произнести свой приговор, но отправились осматривать страну и сам Карфаген, чье могущество и многолюдство произвели на них устрашающее впечатление. Плутарх [Плут., Кат., 26] примерно так же изображает впечатления Катона: найдя, что Карфаген, вопреки мнению римлян, не терпит бедствий и не находится в тяжелых обстоятельствах (не совсем ясно, как могло сложиться в Риме такое мнение при наличии постоянных торговых и дипломатических контактов; видимо, в данном случае Плутарх прибегает к риторическому противопоставлению, чтобы наиболее рельефно выявить истоки той позиции, которую занял Катон), но обильно населен, переполнен огромным богатством, буквально набит разного рода оружием и боевым снаряжением, Катон пришел к мысли, что, если город не будет захвачен, римлянам придется столкнуться с теми же бедствиями, что и прежде.

Однако при всем этом остается неясным, как обстояло дело с тем дипломатическим заданием или прикрытием, которое получили римские послы. У Аппиана и Плутарха миссия фактически не завершена; содержание переговоров не интересует ни того, ни другого автора. Иначе обстоит дело в эпитоме Ливия [Сод., 48]. Здесь рассказывается следующее.

Выразив порицание карфагенскому совету за то, что вопреки соглашению о союзе пунийцы имеют и армию (имеются в виду, несомненно, войска Ариобарзана), и материалы для строительства флота, послы выразили пожелание установить мир между Карфагеном и Массанассой, причем на Массанассу возлагалось обязательство отступиться от земли, бывшей предметом спора. По Аппиану [Лив., 69], Массанасса выразил готовность подчиниться решению римских послов, тогда как пунийцы, подозревая римлян в том, что те, как и раньше, примут нумидийскую сторону, заявили о ненужности каких-либо новых решений. Достаточно строго соблюдать договор, заключенный в свое время Сципионом. По Ливию [Сод., 48], карфагенский

совет высказался за то, чтобы подчиниться решению послов. Это было тем более легко, что решение было благоприятным. Однако тогдашний суффет Гисгон сын Гамилькара (может быть, Гамилькар сын Гисгона, о котором говорилось выше?), «бунтарь», как он назван в источнике, выступил, настаивая на войне с Римом. Нам представляется, что Аппиан и Ливий в данном случае взаимно дополняют друг друга; видимо, Аппиан излагает содержание речей Гисгона сына Гамилькара.

В связи со всем изложенным возникают по крайней мере два вопроса. Почему римское посольство явно пренебрегло интересами и претензиями Массанассы в пользу Карфагена? И почему карфагенские демократические круги, несмотря на это, пошли фактически на разрыв с Римом?

Позиция римского посольства могла диктоваться нежеланием в данный момент осложнять положение Рима войной в Африке, которая обещала быть трудной и длительной, в условиях когда шла война в Испании и назревали волнения на Балканском полуострове. Не исключено также, что римское посольство, несомненно, осведомленное о настроениях карфагенских демократов, ничем не рисковало, будучи заранее уверенным, что они не согласятся с какими бы то ни было предложениями римлян. Тогда Рим мог сохранить положение миролюбивого и благожелательного посредника, в то время как карфагеняне предстали бы в роли агрессивно настроенных людей, которые к тому же сами не знают, чего хотят.

Если римские послы рассуждали таким образом, то не ошиблись в прогнозах. Позиция карфагенских демократов определялась, несомненно, тем, что они вообще не хотели римского посредничества. Вот почему Гисгон сын Гамилькара с порога отвергал любое, даже благоприятное, решение, раз оно исходило от римлян и, следовательно, обозначало римское верховенство над Карфагеном, обоснованно полагая к тому же, что римляне найдут способ так или иначе ублаготворить своего союзника. Замечания послов по поводу армии и строительных материалов были ясным предупреждением, что Рим не допустит усиления Карфагена, не позволит ему сопротивляться Массанассе, не потерпит его самостоятельности. Гисгон и стоявшая за ним группировка предпочитали воевать. Победоносная война против Рима решила бы раз навсегда и все споры с Нумидией.

Легко представить себе настроение, с которым послы возвратились на родину. Фактически полностью оправдались их самые худшие предположения. Карфаген достаточно силен, чтобы воевать; более того, решающую роль в Карфагене играют люди, открыто призывающие к войне с Римом, идущие на прямой разрыв. В этих условиях рассказы послов об устрашающем могуществе Карфагена приобретали особое звучание. Катон говорил, что Рим не сможет чувствовать себя уверенным и не опасаться за свою свободу, пока существует Карфаген [А п п . , Лив., 69]. Рассказывали, что в сенате он высыпал оливки, привезенные из Африки; когда все стали изумляться их величине и красоте, Катон сказал, что земля, выращивающая та-

кие плоды, лежит в трех днях плавания от Рима [Плут., Кат., 27; ср. у Плиния, 15, 75]. В этой демонстрации нетрудно, конечно, разглядеть призыв к римским крестьянам овладеть плодородными африканскими землями, а для этого — уничтожить Карфаген. До нас дошел фрагмент речи Катона, где обосновываются законность и неизбежность войны Рима с Карфагеном [Катон, фрагм., 185]: «Карфагеняне уже наши враги, ибо тот, кто все готовит против меня, чтобы, когда захочет, быть в состоянии начать войну, — уже мой враг, даже если еще не пустил в ход оружия»[183]. «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен» этой формулой Катон заканчивал каждое свое выступление в сенате [Велл. Пат., 1, 13, 1; Плиний, 15, 74; Флор, 1, 31, 4; Знам., 47; Циц., Кат., 18]. Возражения Насики в условиях, когда пунийские власти сознательно пошли на прямое обострение отношений с Римом, звучали весьма неубедительно.

Массанасса со своей стороны делал все, чтобы закрепить антикарфагенские настроения сената. В 152 г. в Рим снова прибыл его сын Гулусса с доносом на карфагенян, которые набирают войска, строят флот и, без сомнения, готовят войну. В сенате по этому поводу опять произошло столкновение; Катон требовал объявить войну, тогда как Насика призывал к осторожности: ничего не следует делать второпях, не подумав. Было решено еще раз отправить в Карфаген десять послов, чтобы разобраться на месте [Ливий, Сод., 48]. Возвратившись из Африки, послы, вместе с которыми прибыли карфагенская миссия и Гулусса, сообщили, что они действительно обнаружили в Карфагене армию и флот. Теперь Катон и его сторонники — другие первоприсутствующие в сенате, как говорит наш источник, с еще большей настойчивостью, чем прежде, предлагали немедленно переправить войска в Африку. Насика тем не менее продолжал повторять, что он не видит законного повода к войне. Сенат решил воздержаться от войны, если карфагеняне сожгут корабли и распустят армию; в противном случае будущие консулы должны были формально поставить вопрос о новой войне с Карфагеном.

Тем временем события в Африке развивались своим чередом. Отказавшись от посредничества и доведя дело до прямого разрыва с Римом, карфагенские демократы сделали вполне логичный шаг — изгнали из Карфагена сторонников Массанассы; народное собрание поклялось никогда не принимать их обратно и не позволять вносить предложения об их возвращении. Изгнанники бежали к Массанассе и принялись убеждать царя начать войну с Карфагеном. Собственно, Массанассу не нужно было особенно подталкивать, тем более в условиях, когда пунийские власти открыто пренебрегли римской поддержкой, однако нумидийский владыка желал соблюдать приличия. Он отправил в Карфаген своих сыновей Гулуссу и Микипсу с требовани-

[183] Как показал Ф. Делла Корте *[Corte F. della.* Catone censore. Torino, 1949. P. 130), в этом фрагменте определенно ощутимая реминисценция с Демосфеном [Демосфен, 3, 8].

ем вернуть изгнанников, но боэтарх запер перед ними ворота. Он не желал, чтобы Гулусса и Микипса обратились к народу и чтобы родственники осужденных могли побудить народ изменить свое решение. Когда Гулусса возвращался, на него напал Гамилькар Самнит. Массанасса использовал все эти события как предлог для вторжения. Он вторгся на пунийскую территорию и принялся осаждать г. Гороскопу. Туда же повел свои войска и Гасдрубал, командовавший в тот момент пунийской армией. Массанасса начал медленно отступать, пока не заманил Гасдрубала на пустынную равнину, окруженную со всех сторон холмами [А п п . , Лив., 70]. Там в ожесточенном сражении карфагеняне были разбиты; обратившись к Сципиону Эмилиану, который случайно находился в этот момент в лагере Массанассы, они просили его о посредничестве. Теперь пунийское командование соглашалось уступить Нумидии спорные территории в Эмпориях (то есть, очевидно, признать юридически ту власть, которую Массанасса фактически уже осуществлял) и уплатить контрибуцию — 200 талантов серебра сразу и 800 с течением времени. Однако переговоры сорвались из-за того, пишет Аппиан [Лив., 71-72], что карфагеняне отказались выдать перебежчиков. Массанасса окружил лагерь Гасдрубала. Очередная попытка римлян примирить врагов успеха не имела. Гасдрубал вызывающе заявил, что, если у Массанассы дела идут хуже, тогда пусть римляне разрешают конфликт, а если лучше, пусть подстрекают его [А п п . , Лив., 72]. Голод и болезни истребили почти всю армию Гасдрубала. Лишь немногие из его 58 000 воинов, в том числе и командующий, сумели пробиться в Карфаген [А п п . , Лив., 73]. Очевидно, именно эти события 150 г. имеет в виду Тит Ливий [Сод., 48], говоря о войне, которую карфагеняне вопреки договору объявили Массанассе и проиграли. По всей видимости, именно это столкновение Массанассы с Карфагеном имелось в виду и во фрагменте так называемых оксиринхских эпитом Ливия, от которого, однако, сохранились только заключительные слова: «против карфагенян»[184].

II

Поражение в войне с Массанассой поставило Карфаген в исключительно трудное положение. Потеряв огромную армию и оказавшись беззащитным перед лицом коварного и неумолимого врага, Карфаген явился к тому же и нарушителем римско-пунийского договора. Он не только готовил армию и флот, он без разрешения сената начал войну с Массанассой, союзником римского народа. Все это давало Риму достаточные юридические основания объявить Карфагену войну. И в Риме действительно приступили к мобилизации [А п п . , Лив., 74]. Ошибиться в значении подобной меры было невозможно. У карфагенского правительства в таких условиях было только

184 Kornemann E. **Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhynchus. Leipzig, S. 21; ср.: Ibid. S. 47.**

два выхода: либо готовиться к войне, либо сдаться на милость римлян, желавших так или иначе привести Карфаген к окончательному порабощению или даже к гибели. Аристократическая проримская «партия», которую поражение Гасдрубала снова привело к власти, избрала второй путь. Словно в каком-то паническом ослеплении, в пароксизме слепого страха она, покорно выполняя одно за другим все требования сената и римского командования, поставила Карфаген на край гибели.

Прежде всего карфагенские правители решительно отмежевались от всех защитников и участников войны с Массанассой. Руководители демократического движения — Гасдрубал, Карталон и другие видные деятели были приговорены к смертной казни. Затем, полагая, что они уже достаточно сделали, дабы представить злополучную кампанию как авантюру частных лиц, за которую государство не может отвечать, карфагеняне отправили в Рим очередное посольство. Оно обличало Массанассу и обрушилось с упреками на тех людей, которые, защищаясь слишком энергично и решительно, подвергли город опасности быть обвиненным в ведении войны. Однако все разговоры были уже напрасными. В сенате окончательно победила точка зрения Катона. И если Карфагену немедленно не объявили войны, то по одной причине: желали накопить как можно больше сил. Подготовка в Риме шла полным ходом. На заседании сената, где послы произносили речи, им был задан единственный вопрос: как могло случиться, что карфагеняне приговорили виновных к смерти не в начале войны, а после поражения, и явились в Рим не прежде, а лишь теперь. Пунийцы не знали, что отвечать. Ответ карфагенскому правительству был дан предельно неопределенный: оно недостаточно оправдалось перед римлянами. Из этих слов, однако, было ясно, что сенат не желает ничего больше слушать ни о Массанассе и его претензиях, ни о спорах из-за африканских земель. Послам, естественно, оставалось только осведомиться о том наказании, какому карфагеняне должны подвергнуться, чтобы снять с себя вину, если римляне считают их виновными. «Удовлетворить римлян», — так сформулировал сенат свои требования [Апп., Лив., 74;

Но что же могло удовлетворить римлян? Карфагенское правительство, готовое буквально на все, не знало, что предпринять. Одни думали, что римляне хотят еще денег, другие — чтобы Массанассе были отданы спорные земли. Снова запросили римлян и снова услышали: карфагеняне сами хорошо знают, что они должны делать [А п п . , Лив., 74; ср. у Диодора, 32, 1]. Судя по дошедшим до нас отрывкам из повествования Полибия [36, 3, 2-3], получив столь «исчерпывающее» указание и не видя никакого выхода, карфагенское правительство начало обсуждать вопрос о сдаче города римлянам. Речь шла не только о признании их господства: рассматривая сдающихся как добычу, римское государство становилось собственником всей принадлежащей им земли, имущества (в том числе недвижимого), а также личности сдающихся. Именно так объясняет положение вещей Полибий [36, 4, 1-4] примени-

тельно к данному случаю. Иначе говоря, речь шла о рабстве в прямом и точном смысле этого слова. В свою очередь, римляне обычно «возвращали» сдающимся в большем или меньшем объеме их суверенные и имущественные права, оставляя за собой верховную власть. Такое решение давало пунийцам некоторую надежду сохранить свой город, в какой-то мере самоуправление и возможность по-прежнему обогащаться эксплуатацией крупных землевладений, ремеслом и торговлей.

Смятение и тревога, царившие в Карфагене ввиду крайней неопределенности положения и явно надвигавшейся беды, еще больше усилились, когда стало известно, что Утика, одна из древнейших колоний Тира в Северной Африке, старинная и, казалось, самая надежная союзница, на которую можно было положиться в любых испытаниях, пользовавшаяся в Карфагенской державе особо привилегированным положением,—эта самая Утика сдалась римлянам [Полибий, 31, 3, 1; Апп., Лив., 75; Ливий, Сод., 49] и, по-видимому, даже предложила им свою помощь[185]. Дело было, конечно, не только в том, что Утика опередила карфагенян и тем лишила их некоторых преимуществ, на которые пунийцы рассчитывали [Полибий, 36, 3, 4]. Решение Утики показало римскому правительству, что Карфаген не может больше полагаться на своих африканских подданных и союзников, в том числе и на самых близких. Оно подстрекнуло сенат ускорить формальное [А п п . , Лив., 75] объявление войны (ср., однако, у Ливия [Сод., 49], где послы из Утики являются в Рим сразу же после сенатского решения), и в Карфагене, хотя там, естественно, лишь через некоторое время узнали об этом обстоятельстве, хорошо понимали, что действия Утики развязывают римлянам руки. Именно поэтому после длительного и тяжелого обсуждения совет решил придерживаться прежней линии поведения и отправил в Рим посольство с неограниченными полномочиями; послы должны были самостоятельно принимать на месте решения, исходя из обстановки и учитывая положение и интересы своей родины. Однако в Рим послы прибыли слишком поздно (по Аппиану [Лив., 76] и Диодору [32, 6], посольство было отправлено в Рим уже после того, как в Карфагене узнали об объявлении войны).

Насколько мы можем судить по ливианской традиции [Ливий, Сод., 49], вопрос об отношении к Карфагену и о его судьбе до самого последнего момента оставался объектом острой политической дискуссии между Катоном и Насикой. Катон, основываясь теперь, конечно, на событиях 150 г., еще более настойчиво требовал начать боевые операции, разрушить и уничтожить Карфаген. Насика по-прежнему возражал, но его уже не слушали. Карфагено-нумидийское столкновение, поведение карфагенских демократических магистратов по отношению к римским посольствам и их отказ от посредничества при решении территориальных споров подтвердили в глазах сенаторов правоту Катона. Сенат постановил: за то, что Карфаген вопреки

[185] **Ibid. P. 23.**

договору содержал флот, вывел войска за границу, поднял оружие против Массанассы — союзника и друга римского народа, не допустил в город его сына Гулуссу, который прибыл туда вместе с римскими послами, — за все это объявить Карфагену войну. Она была поручена консулам Манию Манилию (командование пехотой) и Луцию Марцию Цензорину (начальствование над флотом). Тайные инструкции, полученные Манилием и Цензорином при отъезде, заранее отвергали любую возможность мирного урегулирования: они должны были стереть Карфаген с лица земли и только после этого имели право считать свое задание выполненным. Какое-либо другое решение исключалось [А п п . , Лив., 75].

Карфагенские послы, явившиеся в Рим уже после этих событий, конечно, не знали о секретных указаниях, которыми окончательно и бесповоротно решалась судьба города. Однако они видели, что, в условиях когда война уже начата, им совещаться не о чем. Все еще надеясь мирным путем удовлетворить сенат, посольство объявило о полной и безусловной сдаче Карфагена [Полибий, 36, 3, 8; Ливий, Сод., 49; Диодор, 32, 6, 1]. Сделать и потребовать что-либо еще сверх этого, казалось, было уже невозможно. Послы жестоко просчитались. Правда, доводя до сведения пунийской миссии ответ римского правительства, претор, имени которого источники не называют, объявил, что сенаторы, принимая во внимание прекрасное решение карфагенян, предоставляют им свободу, законы, всю страну, а также обладание всем имуществом, как общественным, так и частным. Но, добавил претор, все это карфагеняне получат, если в течение 30 дней доставят в Лилибей 300 заложников, сыновей членов совета и коллегии 30-ти, а также выполнят другие требования консулов [Полибий, 36, 4, 5-6; Диодор, 32, 6, 1; Апп., Лив., 76].

Получив такой ответ, карфагенское правительство могло испытывать некоторое облегчение. Конечно, неопределенность сохранялась, так как не было известно, чего потребуют консулы; очень беспокоило и умолчание о самом городе. Но главное — заверения в том, что карфагеняне сохранят свою жизнь, свободу, имущество, — было получено. Пунийцы не знали, что сенат по настоянию Катона тайно подтвердил консулам свое прежнее решение — вести дело к войне и к уничтожению Карфагена [А п п . , Лив., 76; Ливий, Сод., 49; Диодор, 32, 6, 1].

Карфагенские власти поспешили отправить заложников в Лилибей. На улицах и в гавани матери с воплями цеплялись за детей, пытались задержать моряков, хватались за корабли, разрывали паруса; некоторые плыли за судами, увозившими их сыновей, далеко в открытое море [А п п . , Лив., 77; Полибий, 36, 5, 7; Диодор, 32, 6, 2].

Однако совету еще нужно было узнать, каковы дополнительные требования консулов, и в Утику, куда уже прибыли римские войска, явилось очередное карфагенское посольство. На сей раз консулы предложили выдать все оружие, которое хранилось в пунийских арсеналах. Нерешительные возражения карфагенян (вокруг

города рыщет Гасдрубал, предводитель демократов, главный виновник войны с Массанассой, и от него нужно защищаться) были категорически отвергнуты (римское командование само обеспечит безопасность Карфагена); римляне получили 200 000 комплектов пехотного вооружения и 2000 (по Страбону, 3000) катапульт [Полибий, 36, 6; Страбон, 17, 3, 15; Диодор, 32, 6, 2; Апп., Лив., 79; Орозий, 4, 22, 2]; согласно Зонаре [9, 26], часть оружия карфагеняне припрятали.

И только теперь, когда Карфаген добровольно разоружился, Манилий и Ценсорин решились предъявить главное требование. Пригласив в свой лагерь герусиастов, они объявили, что карфагеняне должны покинуть город и поселиться на принадлежащей им территории в любом другом месте, но не ближе 80 стадий (то есть около 15 км; по Ливию, 10 миль) от моря [А п п . , Лив., 81; Диодор, 32, 6, 3; Ливий, Сод., 49; Зонара, 9, 26][186].

Карфагенские герусиасты надеялись смирением и покорностью задобрить беспощадного врага. И вот им предстояло объявить согражданам смертный приговор. Не имея выходов к морю, в стороне от важнейших судоходных путей, карфагеняне, жившие морской торговлей, работавшие на мировой рынок, были обречены на неминуемую гибель. Все попытки объясниться или хотя бы разжалобить консулов ни к чему не привели. Приказание сената должно быть исполнено без проволочек. Оно не подлежит обсуждению и не может быть изменено. Единственное, чего добилась эта дипломатическая миссия: Ценсорин поставил у входа в карфагенские гавани свои корабли, чтобы устрашенный народ легче покорился своей участи...

На улицах, у ворот, на городских стенах послов ожидали огромные толпы народа. Многие выбежали послам навстречу, их чуть было не задушили в воротах, однако герусиасты молча продолжали свой путь. Они должны прежде всего сообщить совету о требованиях римлян [Ann. Лив., 91; ср. у Диодора, 32, 6, 5].

По мрачным лицам герусиастов, по тому, как они воздевали руки к богам и били себя кулаками по голове, люди догадывались, что произошло нечто ужасное. Перед зданием совета в нетерпеливом ожидании толпился народ. Внезапно услышали страшный вопль, ворвались внутрь, и... началась поистине безумная оргия отчаяния. Одни бросались на вестников несчастья, другие убивали тех, кто предлагал выдать заложников и дать оружие, третьи рассыпались по улицам и истребляли италиков, случайно оказавшихся в городе. Кто-то побежал в храмы, кто-то —к опустошенным арсеналам, кто-то— к верфям и гаваням [Полибий, 36, 7, 3-5; Апп., Лив., 92; Зонара, 9, 26]. И лишь немногие, сохранившие способность трезво рассуждать, заперли ворота и начали сносить на стены камни.

[186] См. также оксиринхские эпитомы Ливия *(Kornemann E.* Die neue Livius-Epitome. P. 20). Надо сказать, что римские власти формально не выходили за пределы так называемой deditio in fidem, которая гарантировала карфагенянам только жизнь, имущество и личную свободу.

Совет, где на этот раз окончательно возобладали демократы, решил воевать. Первой его мерой было освобождение рабов, которых, таким образом, можно было включить в армию [ср. также у Зонары, 9, 26]. Командующим вооруженными силами, действовавшими за городскими стенами, совет избрал Гасдрубала, совсем недавно приговоренного к смертной казни. Его просили не помнить зла, когда отечество находится в крайней опасности. Гасдрубал уже имел в своем распоряжении 20 000 воинов; организацию другой армии, предназначенной для защиты городских стен, поручили Гасдрубалу внуку (по дочери) Массанассы. Одновременно совет обратился к римскому командованию с просьбой о перемирии на 30 дней, чтобы иметь возможность отправить в Рим новое посольство, но получил отказ [Апп., Лив., 93].

Карфагеняне, полные решимости претерпеть что угодно, лишь бы не покидать родины, готовились к борьбе. Все государственные и храмовые участки, все вместительные и удобные помещения они превратили в ремесленные мастерские, где беспрерывно днем и ночью работали мужчины и женщины; они изготовляли каждый день по 100 (по Страбону, по 140) щитов, 300 мечей, 1000 стрел для катапульт, 500 дротиков и копий, а также катапульты — сколько удастся. Канаты плели из женских волос. Для строительства кораблей переливали медные статуи и брали деревянные балки общественных и частных зданий. Никто не уклонялся от этой работы [Апп., Лив., 93; С отдавали все свои золотые украшения на покупку вооружения и продовольствия [Диодор, 32, 9].

Между тем консулы медлили. Они рассчитывали, по-видимому, что в любой момент без особого труда смогут овладеть безоружным городом, а может быть, и не решались как-то сразу подвести солдат к его стенам. Не исключено, что они рассчитывали на сдачу Карфагена. К тому же у римлян вышли неприятности с Массанассой, который без особого энтузиазма наблюдал, как союзники уводят у него из-под носа богатейшую добычу. Он, правда, в конце концов предложил свою помощь, но консулы ответили, что обратятся к нему в случае надобности [Апп., Лив., 94]. Лишь через несколько дней, которые они провели в переговорах с Массанассой и в хлопотах о доставке продовольствия, консулы подошли наконец к Карфагену и попытались взять его штурмом.

Манилий двигался по перешейку, соединявшему Карфаген с материком, рассчитывая, что сможет засыпать там ров и овладеть сначала небольшим передним укреплением, а потом и стенами. Ценсорин с суши и с моря продвигал лестницы к слабо укрепленному углу стены. Однако, натолкнувшись на сопротивление, которого они не ожидали, римляне отступили. Пока шел бой, с тыла подошел Гасдрубал и расположился за болотом; опасаясь внезапного нападения, консулы принялись укреплять собственные лагеря [Апп., Лив., 97]. По завершении этой работы Ценсорин переправился через болото за лесом для постройки осадных машин; там на него напал во

главе отряда пунийской конницы Гамилькар (у Аппиана, Гимилькон) Фамея. Римляне потеряли в ожесточенной схватке 500 человек, однако лес Ценсорин все-таки добыл, и по его приказанию в римском лагере изготовили новые лестницы и осадные машины. Снова римляне пошли на штурм города и снова отступили. Манилий отчаялся взять город со стороны перешейка [А п п . , Лив., 97]. Римское командование разработало другой план.

Засыпав землею часть болота вдоль косы, выдающейся глубоко в море, Ценсорин придвинул к стене два больших тарана. В результате их работы часть стены упала, и уже можно было видеть дома и улицы города. Но карфагеняне бросились к пролому и, оттеснив противника, принялись ночью спешно заделывать стену; часть их — вооруженные и безоружные, с одними только факелами в руках, вышли за городскую стену и сожгли или привели в негодность машины. Утром у пролома завязалось новое сражение. Римляне пытались прорваться в город. Карфагеняне противопоставили им шеренги вооруженных воинов, за которыми толпился народ с кольями и камнями в руках. Многие пунийцы ожидали неприятеля на крышах. Карфагенянам удалось вытеснить римлян за городскую стену; от преследования их спас Сципион Эмилиан, тогда военный трибун [А п п . , Лив., 98; Ливий, Сод., 49; Орозий, 4, 22, 7; Зонара, 9, 21][187].

Ко времени летнего солнцестояния в лагере Ценсорина из-за ядовитых испарений начались болезни, и он счел за благо перебраться к морю. Между тем пунийцы, используя затишье, решили нанести удар по римскому флоту. С этой целью они хворостом и паклей нагружали небольшие парусные лодки, подтаскивали их канатами вдоль стен к тому месту, откуда ветер гнал бы их к римскому флоту, потом насыпали серу, заливали смолу, поджигали и пускали. В результате римляне потеряли почти все свои корабли. Осенью 149 г. Ценсорин уехал в Рим проводить очередные выборы магистратов. Руководство осадой целиком перешло к Манилию. На его лагерь карфагеняне предприняли еще одну вылазку. Глухой ночью они подошли к оборонительному валу и принялись его разрушать. Им помешал Сципион Эмилиан, ударивший по карфагенянам с тыла и заставивший их отступить [А п п . , Лив., 99]. После этого события Манилий построил вокруг лагеря стену [А п п . , Лив., 100].

Беспрестанные неудачи и трудности, с которыми Ценсорин и Манилий столкнулись при попытках штурмовать обезоруженный, но хорошо укрепленный город, решительное сопротивление карфагенян заставили римское командование отказаться от продолжения борьбы у городских стен. Ведя по-прежнему осаду, Манилий главные операции перенес в Ливию — против отрядов Гасдрубала и Гамилькара Фамеи. В особенности тревожил римлян Фамея; своими партизанскими налетами он почти совершенно парализовал действия римских фуражиров и команд, посылавшихся

187 См. также: Ibid. P. C. 23.

за продовольствием. Правда, он делал исключение для подразделений, которыми командовал Сципион Эмилиан; они отличались высокой дисциплиной и организованностью, так что Фамея не мог рисковать [А п п . , Лив., 100—101].

Не принес Манилию удачи и поход против Гасдрубала к Неферису. Там римляне, окруженные возвышенностями и крутыми склонами, занятыми неприятелем, вынуждены были пробираться через заросли, ущелья и горные потоки и едва не попали в ловушку. Ожесточенное сражение не дало перевеса ни одной из сторон. Гасдрубал засел в неприступном укреплении и, когда римляне, ничего не добившись, начали отступление, напал на уходящих. От полного разгрома римскую армию и на этот раз спас Сципион Эмилиан [А п п . , Лив., 102-103; Ливий, Сод., 49; ср. у Зонары, 9, 27].

Кампания 149 года не увенчалась сколько-нибудь заметными успехами римского оружия. Вопреки всем ожиданиям война затягивалась, и сенат, обеспокоенный таким развитием событий, отправил в Африку специальную комиссию разузнать, что, собственно, происходит. Картина, которую сенатские уполномоченные застали, была весьма неприглядной; если только наши источники не преувеличивают, единственным римским военачальником, добившимся некоторых, правда, пока не слишком ощутимых побед, да к тому же в оборонительных боях, был Сципион Эмилиан [А п п . , Лив., 105]. И наверное, не случайно и старик Катон уже на краю могилы отличил Эмилиана, характеризуя его стихом из «Одиссеи»: «Он лишь с умом; все другие безумными тенями реют» [Одисс, X, 495; см. об этом: Полибий, 36, 8, 6; Диодор, 32, 9а; Плут., Кат., 27; ср. у Ливия, Сод., 49, а также у Плут., Апоф., 3].

Как бы то ни было, сенат счел необходимым напомнить Массанассе о союзе и о том, что римляне нуждаются в его помощи. Однако сенатские послы уже не застали престарелого царя в живых. В память о прежних дружественных отношениях со Сципионом Массанасса просил Эмилиана разделить наследство между его сыновьями [ср. у Евтропия, 4, 11; Орозий, 4, 22, 8]. Политическое значение этой миссии и для Рима, и для самого Эмилиана очевидно. Эмилиан сделал все, чтобы максимально ослабить Нумидийское царство и еще крепче привязать его к Риму. Он сделал царский титул, как говорит Аппиан, общим достоянием всех трех претендентов — Микипсы, Гулуссы и Мастанабала, причем Микипсе он предоставил обладание Циртой и царским двором, т. е. формальную верховную власть, Гулуссе — ведение войны и заключение мира, а следовательно, и командование армией, а Мастанабалу — суд над подданными, т. е. гражданское управление [А п п . , Лив., 105-106; Ливий, Сод., 50; Зонара, 9, 27][188]. Это решение лишило каждого из них необходимой полноты власти (особенно комическое зрелище должен был представлять Микипса, лишен-

[188] **См. также: Ibid. P. 25.**

ный реальных полномочий) и подготовило почву для раздоров в отдаленном будущем между членами нумидийского царского дома. Однако оно позволило Эмилиану привести в римский лагерь всадников Гулуссы и направить их на борьбу с Фамеей [Апп., Лив., 107][189].

Впрочем, долго воевать с ним не понадобилось. Эмилиан нашел случай вступить в личные переговоры с Фамеей, предложил спастись ему самому, коль скоро он не может спасти государства, и обещал прощение и благодарность римлян. Фамея, видимо скептически оценивавший перспективы карфагенского сопротивления, но не желавший обнаруживать своей заинтересованности в обещаниях Эмилиана, сказал, что обдумает его слова и своевременно сообщит [там же]. Между тем Манилий снова двинулся к Неферису против Гасдрубала, расположился там лагерем, но добиться успеха по-прежнему не смог. Как раз в этот момент Эмилиан получил известие от Фамеи, который с частью (измене остальных помешал Ганнон Белый) своего отряда перешел на сторону римлян [Апп., Лив., 108; Диодор, 32, 17, 1; Ливий, Сод, 50; Зонара, 9, 27]. Теперь Манилий счел возможным отступить к своему основному лагерю [Апп., Лив., 109].

Там его уже ожидал новый консул — Луций Кальпурний Писон Цесоний, которому сенат поручил ведение африканской войны. Командовать флотом назначили Луция Гостилия Манцина. Манилий должен был возвратиться в Рим; туда же он отправил и Эмилиана вместе с Фамеей. Сенат щедро наградил Фамею за предательство, пожаловав пурпурное одеяние с золотой пряжкой, коня с золотой сбруей, полное вооружение и 10 000 драхм. Обещали ему и еще больше, если он будет и в дальнейшем помогать римлянам. Фамея, в свою очередь, заверил недавних врагов в преданности и, воодушевленный открывшимися ему блестящими перспективами, воротился в Африку, в римский лагерь [там же].

Кампанию 148 года Писон начал атаками на африканские города. Ему не удалось овладеть Аспидой, но он захватил какой-то другой пункт, названия которого источник не упоминает, а затем подступил к Гиппону Диарриту и безуспешно осаждал его в течение целого лета. Потеряв все осадные орудия, Писон удалился на зимние квартиры в Утику [Апп., Лив., 110; Зонара, 9, 29].

Такой ход военных действий, естественно, внушил карфагенскому демократическому правительству уверенность в своих силах и надежду на победу, тем более что к Гасдрубалу перебежал от Гулуссы нумидиец Бития с 800 всадников, а Микипса и Мастанабал вовсе не торопились помогать римлянам [Апп., Лив., 111].

В этих условиях пунийский совет развернул энергичную дипломатическую работу, пытаясь сколотить новую антиримскую коалицию. Его послы в это горячее

[189] Цицерон [Госуд, 6, 4] использовал этот эпизод, говоря о беседах Эмилиана с Массанассой на политические темы и о пророческом сновидении Эмилиана. Точное содержание бесед Эмилиана и Массанассы неизвестно.

время побывали и у нумидийцев, и у Лжефилиппа. Карфагеняне опять где силой, а где убеждением овладели почти всей Ливией [там же].

В самом Карфагене возобновилась и приняла чрезвычайно острые формы борьба за власть, теперь уже в демократической «партии». На одном из заседаний совета Гасдрубал внезапно обвинил начальника городского гарнизона Гасдрубала внука Массанассы в том, что тот фактически помогает своему дяде Гулуссе. Обвиняемый в смятении не нашелся, что отвечать, члены совета тут же забили его скамьями насмерть[190]. Вся карфагенская армия перешла теперь под командование Гасдрубала [Апп., Лив., 111; Орозий, 4, 22, 8]. Все шло, как прежде.

Полибий [38, 2, 7-12; ср. 38, 1, 1] дает Гасдрубалу как полководцу и государственному деятелю, просто как человеку резко отрицательную оценку. В его изображении, карфагенский командующий выступает в облике тщеславного труса, который набивает свое брюхо пищей в то время, когда его сограждане гибнут от голода, и способен только на хвастливые речи, но отнюдь не на подлинно героические поступки. В этом портрете, очевидно, много понятных преувеличений. Тем не менее единственный успех, который Гасдрубал мог поставить себе в заслугу, — это его действия против Манилия у Нефериса. Трагическая гибель Гасдрубала внука Массанассы обнаружила в нем властолюбивого демагога и интригана.

В Риме постоянные неудачи внушали и тревогу и недоверие ко всем этим Цензоринам, Манилиям, Писонам, бездарно затягивавшим войну. Очередные выборы магистратов, проходившие в обстановке острой внутриполитической борьбы, закончились внушительной победой демократических кругов и Сципионов, которых эти круги поддерживали. Одним из консулов на 147 год избрали Сципиона Эмилиана, хотя он и не достиг возраста, позволявшего ему претендовать на такую должность, и выставил свою кандидатуру всего лишь в эдилы [Знам, 53, 5; Евтропий, 4, 12; Диодор, 32, 9а; Ливий, Сод, 49; Зонара, 9, 29], и не проделал необходимой военно-административной карьеры. Решающую роль здесь, конечно, сыграли его репутация и общая уверенность в том, что только он сможет победоносно завершить войну и разрушить Карфаген. История повторялась: консулы настойчиво указывали на непозволительность такого выбора (за этим, несомненно, прослеживаются действия антисципионовской «партии» в сенате [ср. у Ливия, Сод, 50]), однако под давлением народного собрания, где активнейшую роль играли народные трибуны, сенат был вынужден уступить. Другим решением народного собрания, несмотря на противодействие консула Марка Ливия Друза, требовавшего жеребьевки, война в Африке была поручена Эмилиану [Апп., Лив., 112].

Когда Эмилиан, уже в качестве консула и римского командующего, прибыл в Утику, он застал свои пехотные части ведущими осаду некоторых африканских го-

190 Ср.: ***Kornemann E.*** **Die neue Livius-Epitome. P. 27.**

родов, а флот — атакующим Карфаген. Попытка Манцина прорваться в город провалилась, и лишь дополнительные корабли, своевременно посланные Эмилианом, спасли его десант от гибели [Апп., Лив., 113-114].

Эмилиану, очевидно, с самого начала было ясно, что, придерживаясь стратегической линии Манилия — Писона, овладеть Карфагеном, а тем более в обозримом будущем, он не сможет. Именно поэтому Эмилиан радикально изменил всю концепцию войны и сосредоточил внимание главным образом на осаде Карфагена, расположившись лагерем у подступов к городу. В непосредственной близости от римлян, на расстоянии 5 стадий (около 1 км) от городских стен, устроили свой лагерь и карфагеняне. Туда прибыли Гасдрубал и начальник пунийской конницы Вития [Апп., Лив., 114]. воинской дисциплины [Апп., Лив., 115-117], хотя мы и не знаем, до какой степени рассказ об этом событии отражает объективную реальность и в какой мере он продиктован понятным желанием традиции, сочувствовавшей новому полководцу, противопоставить его Писону, Манилию и Ценсорину.

Первую атаку Эмилиан направил против Мегары — окруженной стеной северной окраины города. Удар был нанесен ночью с двух флангов. Попытка преодолеть оборонительные сооружения штурмом не удалась, и тогда Эмилиан отправил отряд юношей, с тем чтобы они поднялись на башню, стоявшую недалеко от карфагенских укреплений. Оттуда воины перебрались на стену, спрыгнули на улицы и, взломав небольшие ворота, впустили Эмилиана. Карфагеняне в смятении бросились в Бирсу, однако и римский командующий решил не удерживать Мегару; переполненный огородами и садами, деревьями и кустарниками, перерезанный во всех направлениях оросительными каналами, этот район был очень неудобен для ведения боя. Эмилиан отступил [Апп., Лив., 117] (Зонара [9, 29] приписывает операцию в Мегаре Манцину).

Несмотря на отход римских отрядов из Мегары, успех Эмилиана был чрезвычайно многозначителен. Римляне впервые ворвались на территорию Карфагена, они сумели преодолеть, казалось, неприступные стены. И Гасдрубал, несомненно, для «поднятия духа» своих сограждан, а также, как справедливо замечает Аппиан, чтобы исключить всякую возможность мира, ответил на действия Эмилиана актом бессмысленной жестокости. По его приказанию на стены, чтобы враги хорошо видели, вывели пленных римских солдат и подвергли их всякого рода истязаниям: вырывали глаза, язык, жилы, половые органы, отрезали подошвы, отрубали пальцы, сдирали кожу. Умирающих сбрасывали со стены и со скал[191]. Однако достиг он противоположного результата. Бесчеловечная расправа не только ожесточила римлян, она вызвала возмущение и в самом Карфагене. Были возмущены и чле-

191 См. также: *Kornemann E.* Die neue Livius-Epitome. C. 25.

ны совета, которые хотели сохранить хоть какую-то надежду на пощаду. Гасдрубал силой подавил сопротивление, кое-кто из недовольных жизнью поплатился за свои речи. В Карфагене окончательно установилась военная диктатура [Апп., Лив, 118; ср. у Полибия, 38, 2, 12-13].

Бездействие Гасдрубала позволило Эмилиану без особого труда овладеть и карфагенским лагерем за городской стеной, а потом выкопать поперек перешейка два рва от моря до моря и таким образом отрезать Карфаген от материка. С обоих флангов Эмилиан также вырыл рвы. Затем он окружил этот четырехугольник столбами и палисадами и, наконец, на стороне, обращенной к Карфагену, построил мощную стену. Так была создана крепость, посредине которой Эмилиан воздвиг высокую каменную башню, а на ней четырехэтажную деревянную. Теперь он мог следить за всем, что происходило в Карфагене [Апп., Лив., 119].

Тем временем отчаяние продиктовало Гасдрубалу совершенно невероятный шаг: он попытался завязать через Гулуссу переговоры с Эмилианом, прося пощады для Карфагена и соглашаясь исполнить любые требования. Первая реакция Эмилиана была резко отрицательной, и только под влиянием Гулуссы, который предупреждал, что на следующий год сенат может прислать новых консулов, поэтому следует поторопиться, согласился гарантировать Гасдрубалу, его семье и десяти близким к нему семьям жизнь и возможность унести с собою 10 талантов денег или увести всех своих рабов (по Диодору, и 100 рабов). Гасдрубал отказался принять такие условия [Полибий, 38, 1, 1-2, 9; Диодор, 32, 22].

Пока шли переговоры, Эмилиан осуществил еще одну важную операцию: римляне построили каменную дамбу, которая должна была перекрыть все выходы из Карфагена в открытое море [Апп., Лив., 121].

Успешное завершение этой работы должно было полностью блокировать осажденный город, и пунийцы начали спешно и в глубокой тайне рыть новый канал, который должен был связать карфагенские гавани со Средиземным морем. Тогда же они приступили к постройке новых кораблей, и в один прекрасный день, к немалому изумлению римлян, из портов вышел флот из 50 триер и множества мелких судов [там же]. На третий день после этого события произошло морское сражение.

Бой продолжался до заката; ни одна из сторон не получила сколько-нибудь ощутимого преимущества, и карфагеняне решили отступить. Однако у входа в гавань, где мелкие пунийские корабли перегородили дорогу своим же крупным судам, сражение возобновилось. На этот раз римляне таранными ударами вывели из строя и уничтожили большую часть карфагенского флота [Апп., Лив., 122-123]. Таким образом, отчаянная попытка карфагенян прорвать морскую блокаду закончилась неудачей.

Одержав эту важную победу, Эмилиан решил овладеть насыпью, откуда он мог бы создать прямую угрозу гаваням. Ночью карфагеняне обошли насыпь со стороны

моря и подожгли римские осадные машины. Римляне в панике бежали, и карфагеняне получили возможность восстановить укрепление, разрушенное неприятелем, и даже построить новые башни. Однако в конце концов и здесь Эмилиан оттеснил противника, защитил насыпь рвом и построил на ней стену вровень со стеной Карфагена и на небольшом от нее расстоянии [Апп., Лив., 125].

Подошла зима, время, когда в боях обычно наступало затишье. Эмилиан решил использовать это время для уничтожения пунийских армий на Африканском материке и, прежде всего, правда, после ожесточенных боев, захватил Неферис. Решающую роль в этой операции сыграл Гулусса. После этого все ливийские города или перешли на сторону римлян, или без труда были ими захвачены [Апп., Лив., 126; Ливий, Сод, 51].

С наступлением весны 146 г. Эмилиан приступил к осаде Котона (одной из гаваней Карфагена) и Бирсы. Ночью Гасдрубал сжег четырехугольную часть Котона, однако это не помешало Гаю Лэлию Сапиенсу, одному из ближайших помощников Эмилиана, захватить круглую часть гавани. Овладев стеной вокруг Котона, Эмилиан занял и прилегающую к нему рыночную площадь. Первое, что римляне сделали, ворвавшись в город, — бросились грабить храм бога огня Решефа, которого греки отождествляли с Аполлоном. Их особое внимание привлекла позолоченная статуя божества и ниша, покрытая золотыми пластинами. Пока солдаты не поделили между собой золото (1000 талантов), никакие приказы не могли заставить их двинуться дальше [Апп., Лив., 127].

Основным центром сопротивления карфагенян и, разумеется, основной целью Эмилиана была Бирса, куда со всех сторон бежали люди. Со стороны рыночной площади к Бирсе поднимались три улицы, застроенные множеством шестиэтажных домов. Каждый дом римляне должны были брать штурмом. Захватив один, они по бревнам и доскам перебегали на крышу другого, и там резня возобновлялась. Внизу, на улицах города, шла яростная сеча. И атакующие, и защитники города гибли в рукопашных схватках, падали еще живыми с крыш, иногда прямо на копья врагов. Наконец римляне пробились к стенам Бирсы, и Эмилиан приказал поджечь город и разрушать дома, чтобы расчистить проходы [Апп., Лив., 123]. «Следствием этого,— пишет Аппиан [Лив, 129], — было другое зрелище иных бедствий, так как огонь сжигал все и перекидывался с дома на дом, а люди не постепенно разбирали здания, но, навалившись все разом, обрушивали их. От этого грохот еще более усиливался, и вместе с камнями вываливались на середину улиц вперемежку и мертвые и живые, в большинстве старики, и женщины, и дети, которые прятались в укромных местах домов; одни раненые, другие полуобожженные, они испускали жуткие вопли. Другие же, сбрасываемые и падавшие с такой высоты вместе с камнями и горящими балками, испытывали огромные страдания, ломая кости и разбиваясь насмерть. Но этим их мучения не кончались; сборщики камней, которые топорами, секирами и

крючьями оттаскивали упавшее и расчищали дорогу для пробегавших солдат, одни — топорами и секирами, другие — остриями крючьев выбрасывали и мертвых, и еще живых в ямы, таща их и переворачивая железом, как бревна и камни. Люди, точно мусор, заполняли рвы. Одни из выбрасываемых падали на голову, и их ноги, торчавшие из земли, еще долго содрогались; другие падали вниз ногами, и их головы высовывались над землей. Лошади на скаку разбивали им лица и черепа, не потому что всадники этого хотели, но из-за спешки. По этой же причине так делали и сборщики камней; трудность войны, уверенность в близкой победе, быстрое передвижение войск, глашатаи и трубные сигналы, возбуждавшие всех, военные центурионы, пробегавшие мимо со своими отрядами, сменяя друг друга, — все это делало всех из-за спешки безумными и равнодушными к тому, что они видели».

Кровавая оргия продолжалась шесть дней. Наконец из Бирсы к Эмилиану пришли жрецы храма Эшмуна[192], прося сохранить жизнь тем, кто пожелает выйти из Бирсы. Эмилиан согласился. Более 50 000 мужчин и женщин (по Орозию [4, 23, 3], 25 000 женщин и 30000 мужчин) покинули крепость и тут же были взяты под стражу. Их ожидало безысходное рабство[193], лишь 900 перебежчиков-римлян бежали в храм Эшмуна и оттуда продолжали борьбу; с ними укрылись Гасдрубал, его жена и двое его маленьких детей [Апп., Лив., 130]. Однако последнего испытания Гасдрубал не выдержал. Тайком от жены и защитников храма Эшмуна он бежал к Эмилиану; в позорнейшем положении, сидящим у ног победителя и вымаливающим себе жизнь, запомнили его современники и потомки. Перебежчики, которых ожидала неминуемая расправа, подожгли храм. В его пламени погибла жена Гасдрубала, зарезавшая на глазах у потрясенного Эмилиана своих детей [Апп., Лив., 131; Полибий, 39, 4; Ливий, Сод, 51; Диодор, 32, 23; Зонара, 9, 30; Эрозий, 4, 23, 1-5][194].

Эмилиан долго смотрел на пылающий город. Рядом с ним стоял Полибий — когда-то один из руководителей Ахейского союза, а теперь, после 167 г, один из

[192] Греки отождествляли его с богом врачевания Асклепием; это было центральное и самое богатое святилище в Карфагене.

[193] Надо заметить, что порабощение свободного населения города, взятого штурмом или сдавшегося после длительной осады, во II в. до н. э. обычно уже не практиковалось и, во всяком случае, оценивалось как проявление чудовищной жестокости.

Некоторое время спустя знаменитый в то время философ Гасдрубал (уроженец Карфагена, переселившийся в Афины, где он принял греческое имя Клитомах и после смерти Карнеада возглавил Академию — философскую школу последователей Платона) обратился к своим пленным согражданам с утешительным посланием [Циц, Туск, 3, 54]. Едва ли оно дошло до тех, кому было адресовано, однако если бы кому-нибудь и удалось его прочесть, какое впечатление должны были произвести на карфагенян пустые разглагольствования друга Ценсорина [Циц, Акад., 2, 102], того самого Ценсорина, который объявил о намерении римлян уничтожить Карфаген, человека, не пожелавшего разделить со своим народом его судьбу.

[194] См. также: *Kometmann E.* Die neue Livius-Epitome. P. 27.

1000 заложников, близкий к семейству Сципионов, величайший историограф своего времени. Внезапно Полибий услышал, что его покровитель и ученик вспоминает греческие стихи — Гомера:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя;
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама,
(«Илиада», VI, 448. Перевод Н. И. Гнедича)

«Что ты хочешь этим сказать?», — спросил Полибий. «Хорошо, — ответил Эмилиан, — но я боюсь, что когда-нибудь такую же весть принесут и о Риме» [Полибий, 39, 5, 1; Апп., Лив., 132] (ср. у Диодора [32, 24], где этот эпизод рассказан несколько иначе).

Мрачные мысли недолго беспокоили победителя. Захватив Карфаген, Эмилиан разрешил своим солдатам в течение нескольких дней грабить город. Им было запрещено касаться только золота, серебра и посвящений в храмах. С вестью о победе он послал самый быстроходный корабль, нагруженный богатой добычей. Взрывом восторга встретили римляне эту новость. Всю ночь никто не ложился спать, а наутро принесли благодарственные жертвы, устроили процессии и игры [Апп., Лив., 133-135].

Для устройства новых земель сенат послал к Эмилиану комиссию из десяти «отцов». Союзникам Рима, прежде всего Утике, они предоставили обширную территорию на побережье, часть карфагенских земель отдали Нумидии, а остальное превратили в римскую провинцию, которою должен был управлять специальный магистрат в ранге претора. Римляне уничтожили города, помогавшие Карфагену, а развалины самого Карфагена буквально стерли с лица земли. Место, на котором он стоял, было запахано, проклято и никогда больше не заселялось [Апп., Лив., 135; Орозий, 4, 23, 6]. Римскую колонию Карфаген, основанную Августом по завещанию Юлия Цезаря примерно через полтора века, построили по соседству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отчаянная оборона Карфагена, его последняя попытка сохранить себя на карте тогдашнего средиземноморского мира, которую именуют III Пунической войной, окончательно подвела итоги всей политической и военной деятельности, всей жизни Ганнибала. Карфаген был разрушен, потому что Ганнибал упрямо стремился привести Рим на край гибели, потому что в сенате опасались новых Канн, появле-

ния нового Ганнибала у ворот «вечного города». Всякие попытки доказать, будто Ганнибал не стремился к войне против Рима[195], будто его действия носили чисто оборонительный характер[196], находятся в вопиющем противоречии со всеми имеющимися в нашем распоряжении материалами. Разорение и обезлюдение Южной Италии, несомненно, также в значительной степени были следствием войны, которую Ганнибал вел на Апеннинском полуострове[197].

Само собой разумеется, осуществляя именно такую политику, Ганнибал выполнял социальный заказ вполне определенных социальных группировок Карфагена — тех торгово-ремесленных кругов, которые были кровно заинтересованы в установлении карфагенского господства в Средиземноморском бассейне. Однако личность Ганнибала, несомненно, наложила свой отпечаток на ход событий; в ряде случаев его действия определили их направление.

Само собой разумеется и другое: не только Карфаген, но и его противник, Рим, вели несправедливую, агрессивную, захватническую войну. В годы Первой мировой войны, размышляя о природе и характере этой кровавой бойни, В. И. Ленин не раз обращался мыслями к эпохе Пунических войн. В одном из писем к Инессе Арманд он заметил: «Борьба за колонии, за рынки и т.п. (Рим и Карфаген)... По общему правилу, война такого рода с обеих *сторон* есть грабеж»[198]. В своей работе «К пересмотру партийной программы» В. И. Ленин писал: «Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной)»—и пояснял далее: «Всякую войну, в которой обе воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, кому больше угнетать и грабить, нельзя не назвать империалистской»[199]. Эти очень точные констатации окончательно и безусловно решают вопрос и о природе римско-карфагенского конфликта, и о его виновниках. Они делают излишним само обсуждение проблемы, кто выступал в роли агрессора во II Пунической войне. Обе стороны явно вели дело к вооруженной борьбе, и в этой ситуации не так уж и важно, кто нанес первый удар, хотя само по себе это и не лишено интереса.

Вопрос об общих причинах поражения Ганнибала (и вообще Карфагена), об истоках римской победы также представляется, в общем, решенным. Рим победил, как бы парадоксально это ни звучало, вследствие своей отсталости. Крестьянское гражданское ополчение обнаружило более высокие боевые качества, нежели профессиональная армия наемников. Римские солдаты боролись за свою родину, за ин-

[195] *Kromayer J.* **Hannibal als Staatsmann // HZ. Bd 103. 1909. S. 237-273;** *Groag E.* **Hannibal als Politiker. Wien, 1929.**
[196] *Egelhaaf G.* **Hannibal. Stuttgart, 1922. S. 10.**
[197] **Ср.:** *Toynbee A. J.* **Hannibal's Legacy. London, 1965. Vol. I. P. VI-VII.**
[198] *Ленин В. И.* **Полное собрание сочинений. Т. 49. С. 370.**
[199] **Там же. Т. 34. С. 364.**

тересы своего государства, то есть в конечном счете за свои собственные интересы, как они их понимали. Пунийские наемники только отрабатывали свое жалованье и лично к исходу войны были безучастны. Победила римская государственная и военная организация, позволившая Риму более эффективно, чем это сделал Карфаген, мобилизовать свои ресурсы.

Эти соображения, однако, не исчерпывают всей проблемы. Они не объясняют, например, почему Рим в период от Тицина до Канн терпел страшные поражения одно за другим и оказался на краю гибели. Они не объясняют и другого: почему именно после Канн наступил явный перелом в пользу Рима. Недостаток предложенных объяснений, очевидно, в том, что они не учитывают действия, образа мыслей, способности, характера тех людей, которые, будучи у власти, влияли на исторический процесс. Конечно, их личные качества определяются в немалой степени воспитанием и, следовательно, средой, эпохой и т. д. Но ведь одна и та же эпоха воспитывает разных людей, и далеко не безразлично, кто именно стоит у власти или командует армией. Победное шествие Ганнибала до Канн свидетельствует о том, что Ганнибал обнаружил более высокие полководческие качества, чем его противники. Победа Рима, бесспорно, свидетельствует о том, что военачальники, которых после Канн выдвинуло римское правительство, оказались на голову выше Ганнибала, парализовали его действия и привели Карфаген к катастрофе.

Можно полагать вероятным, что, вторгнувшись в Италию, Ганнибал рассчитывал, разгромив римскую армию и подняв против Рима всех италиков, уничтожить его или по крайней мере принудить к капитуляции. Осуществляя этот план, Ганнибал одержал несколько блестящих побед, в которых проявил себя выдающимся тактиком. Его основной прием — фланговый удар, удар с тыла, заманивание и окружение противника. Правда, битва при Заме показала, что к концу войны тактический талант Ганнибала увял, характерно, что он не смог отказаться от использования боевых слонов, хотя уже было ясно, что римляне научились обращать это оружие против него самого. Однако стратегический замысел Ганнибала провалился. Уничтожив одну за другой огромные римские армии, подняв значительную часть Италии на борьбу против Рима, он не добился капитуляции и не решился на штурм или осаду города. К такому повороту событий Ганнибал явно не был готов и полностью утратил инициативу. Между тем его противниками были талантливые стратеги, в том числе Фабий Максим, Марцелл, Сципион. Все они вели планомерное наступление, навязывали Ганнибалу свою концепцию войны и победили.

Этот просчет Ганнибала, конечно, вполне закономерен. Пунийский полководец не принял во внимание римский народ, его упорную решимость сражаться до последнего и победить, не принял именно потому, что по воспитанию, образу мыслей, по всему был типичным предводителем ландскнехтов и вполне хорошо он понимал только своего наемного солдата. Он, видимо, просто не мог представить, как можно

продолжать войну после гибели армии, и именно этим объясняется его поведение после Канн и после Замы.

Репутация Ганнибала как великого полководца основывается, разумеется, на результатах его блестящих побед, среди которых исключительное впечатление как на его современников, так и на далеких потомков произвели и производят сражения при Тразименском озере и при Каннах. Это и неудивительно: прежде всего здесь Ганнибал выступил в роли новатора, смело ломающего устаревшие каноны военного искусства, создающего новые методы ведения боя и достижения победы. Они заслонили собой все его последующие просчеты и неудачи. Не случайно Наполеон давал высокую оценку полководческому искусству Ганнибала[200], советовал вести, подобно Ганнибалу, наступательную войну, «читать и перечитывать» историю его походов, формировать себя по его образцу[201]. Для известного немецкого военного теоретика А. фон Шлиффена Канны были высшим достижением военного искусства. Совершенными Каннами он считал операцию под Седаном во время франко-прусской войны[202]. С его точки зрения, для достижения столь «великой цели» необходимо, чтобы, с одной стороны, армией командовал полководец типа Ганнибала, а с другой — типа Варрона. Советский военный историк Е. А. Разин[203] подверг резкой и обоснованной критике концепцию А. фон Шлиффена, который, канонизируя битву при Каннах, отрицал возможности развития военного искусства и ставил действия одной стороны в зависимость от противостоящего ей противника. Возражая против отождествления Канн, Седана и Сталинградской битвы, Е. А. Разин подчеркивал, что Канны — тактическое окружение, Седан — оперативное, Сталинград — стратегическое, что во всех этих случаях различны средства окружения, формы и методы действий. И то, и другое, и третье обусловлено усложнением военной техники, средств борьбы, военной организации, всего военного искусства в целом.

Как бы то ни было, первым из таких замечательных образцов воинского искусства, какими считают Седан и Сталинградскую битву, явилось сражение при Каннах, и это обстоятельство разумеется, нельзя не иметь в виду, говоря о Ганнибале как о полководце.

Если говорить о целях карфагенского военачальника и методах их осуществления, то нельзя не признать, что Ганнибал стоит, несомненно, в одном ряду с Аттилами, Чингисханами и другими завоевателями, огнем и мечом утверждавшими свое господство на костях побежденных народов. Тем не менее он привлекал к себе симпатии людей; в античной литературе можно найти немало апологетических страниц, посвященных восхвалению добродетелей Ганнибала, всего того, что в конце

[200] *Napoleon I.* Correspondence. Vol. 32. Paris, 1869. P. 307-308.
[201] Ibid. Vol. 31. P. 418.
[202] *Шлиффен А. фон.* Канны. М, 1938.
[203] *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. I. М, 1955. С. 319-321.

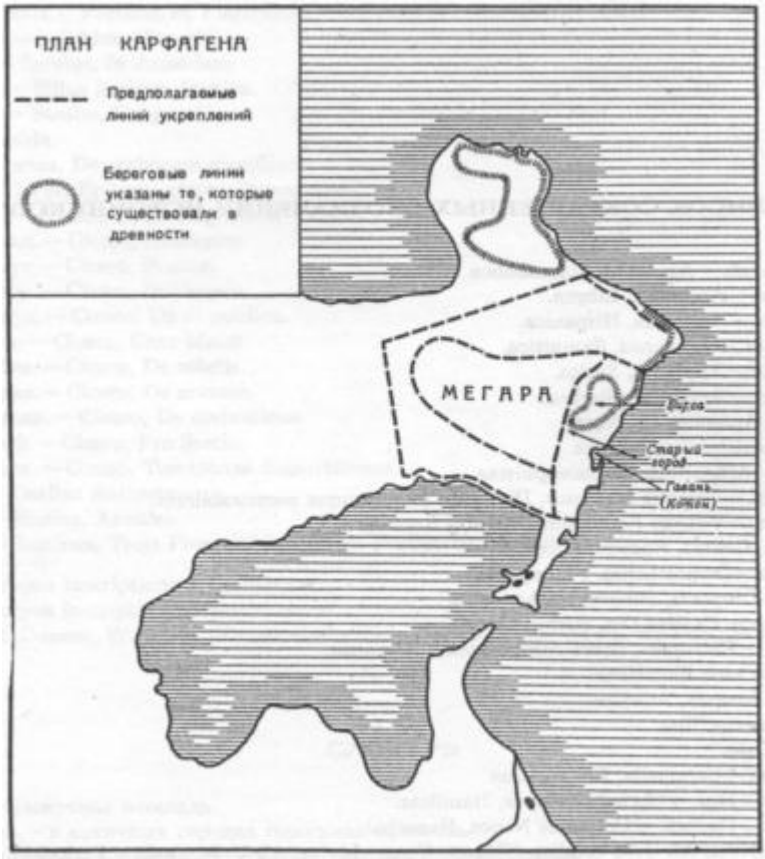
концов составило своего рода легенду об этом полководце. Более того, Дельфийский оракул, предрекая победу римлян, не удержался от выражения своего сочувствия именно к Ганнибалу: «И худшие люди... победят лучшего» [Плут., Пиф., 11]. Впрочем, его позиция объясняется, может быть, тем, что оракул был дан Филиппу V и речь в нем шла о возможных перспективах римско-македонской войны. Сочувствуя Ганнибалу, оракул стремился удержать Филиппа от вмешательства.

Если отвлечься от понятного стремления римской историографии превознесением Ганнибала увеличить славу римского оружия, исключительную популярность полководца, в частности в греческой среде, можно объяснить последовательной и бескомпромиссной его борьбой против Рима. В условиях, когда утверждалось римское господство, эта борьба, принимая облик *освободительного* движения, вызывала общее сочувствие. Как-то забывалось при этом, что сам Ганнибал стремился утвердить карфагенское господство...

Воображение современников Ганнибал поражал тем, что, подобно Александру Македонскому, казался им средоточием воинских доблестей. В эпоху становления индивидуализма он с наибольшей полнотой проявил себя как личность, в высшей степени независимая от гражданского коллектива: он один, так по крайней мере казалось, противостоял всей римской военно-политической машине и не раз добивался успеха. Ганнибал проявил себя и как литератор, и как мыслители. Правда, преклонение перед греческими философами не помешало ему безжалостно охарактеризовать в Эфесе умственное убожество перипатетика Формиона, который решился в присутствии знаменитого полководца рассуждать об обязанностях военачальника и военном искусстве [Циц., Орат., 2, 13].

Споры вокруг пунийского полководца давно утратили свою злободневность. Кости самого Ганнибала, его друзей и врагов истлели в земле; государства, когда-то споривше о господстве над миром, погибли; уже нет ни пунийцев, ни римлян. Время позволяет теперь взглянуть на Ганнибала с более чем 2000-летнего расстояния. Оно, беспощадно стирая все румяна и белила, обнаруживает истинные мотивы деятельности «великих» завоевателей, принесших столько кровавых жертв всегда жадному своему властолюбию. Мелкие помыслы, прикрытые громкими фразами, суетность стремлений к величию, высокомерное пренебрежение к человеческому страданию, да и к самой человеческой жизни, наглая уверенность в своем праве совершать любые злодеяния, лишь бы достичь успеха... Ненасытные властолюбцы, насильники и убийцы — такими в конце концов остаются они в памяти человечества.

БИТВА ПРИ КАННАХ
Начало сражения
Окружение римской армии
Малый лагерь римлян
Ауфид
Канны
Лагерь Ганнибала
Лагерь римлян
Римские боевые порядки
Пунийские боевые порядки


ПЛАН КАРФАГЕНА
Предполагаемые линии укреплений
Береговые линии указаны те, которые существовали в древности
МЕГАРА
Бирса
Старый город
Гавань (Коттон)

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ*

Апп., Ганниб.—Appianus, Hannibalica.
Апп., Лив. — Appianus, Libyca.
Апп., Исп.—Appianus, Hispanica.
Апп., Самн. — Appianus, Samnitica.
Апп., Сир.—Appianus, Syrica.
Апп., Сиц.—Appianus, Sicelica.
Апулей — Apuleius, Apologia.
Арист. — Aristoteles, Politica.
Афиней — Athenaeus, Deipnosophistae.
Вал. Макс. — Valerius Maximus, Dictorum factorumque memorabilium.
Велл. Пат. — Velleius Paterculus, Historia Romana.
Гелл.— A. Gellius, Noctes Atticae.
Демосфен — Demosthenes, Philippicae.
Диодор — Diodorus, Bibliotheca historica.
Дион Касс. — Cassius Dio, Historia Romana.
Евтропий — Eutropius, Breviarum historiae Romanae.
Знам. — De viris illustribus.
Зонара — Zonaras, Annales.
Ил. — Homerus, Ilias.
Катон — Cato.
Колумелла — Columella, Res rusticae.
Корн. Нeп, Гам. — Cornelius Nepos, Hamilcar.
Корн. Нeп, Ганниб. — Cornelius Nepos, Hannibal.
Ливий — Livius, Ab Urbe condita (Ливий, Сод. — Livius, Ab Urbe condita, Periocha).
Одисс. — Homerus, Odyssea.
Орозий — Paulus Orosius, Historiae adversus paganos.
Пап. Р. — Papyrus Rylands.
Плиний — Plinius, Naturalis Historia.
Плут, Апоф. — Plutarchus, Regum et oratorum apophtegmata, Scipio Iunior.
Плут, Деян. римл. — Plutarchus, Acta Romanorum.
Плут, Кат. — Plutarchus, Cato Maior.
Плут, Лук. — Plutarchus, Lucullus.
Плут, Марц. — Plutarchus, Claudius Marcellus.
Плут, Пирр. — Plutarchus, Pyrrhus.
Плут, Пиф. — Plutarchus, De Pythiae oraculis,
Плут, Фаб. — Plutarchus, Fabius Maximus.

*** При ссылке на античного автора первая цифра обозначает книгу, вторая — главу, третья — параграф.**

Плут, Флам. — Plutarchus, Flaminius.
Полибий — Polybius, Historia.
Сервий — Servius, In Aeneidam.
Сил. Ит. — Silius Italicus, Punica.
Страбон — Strabo, Geographica.
Суда — Suida.
Фест — Festus, De verborum significatu.
Флор — Florus, Epitome rerum Romanorum.
Фронтин — Frontinus, Strategemata.
Циц, Акад. — Cicero, Academic.
Циц, Брут. — Cicero, Brutus.
Циц, Верр. — Cicero, In Verrem.
Циц, Госуд. — Cicero, De re publica.
Циц, Кат. — Cicero, Cato Maior.
Циц, Обяз. — Cicero, De officiis.
Циц., Орат. — Cicero, De oratore.
Циц, Предв. — Cicero, De divinatione.
Циц, Сеет. — Cicero, Pro Sestio.
Циц, Туск. — Cicero, Tusculanae disputationes.
Цэлий - Caelius Antipater.
Энний — Ennius, Annales.
Юстин — lustinus, Trogi Pompei historiarum Philippicarum epitoma.

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.
CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum.
KAI — H. Donner, W. Rollig. Kanaanaische und aramaische Inschriften. Bd I—III, Wiesbaden, 1966.

СЛОВАРЬ

Агора — рыночная площадь.
Акрополь — в античных городах городская крепость.
Анналистика (<лат. *annalis)* — ранняя римская историография.

Верит — у ханаанейских народов Передней Азии и Северной Африки договор о союзе.
Бирема — корабль с двумя рядами весел.
Боды — в Карфагене одна из групп полузависимого населения.

Великий понтифик — в Риме верховный жрец.
Велиты — легковооруженные римские воины.

Гаруспики (лат. *haruspices,* этруск.) — в Риме жрецы-предсказатели.
Герусиасты — в Карфагене члены герусии.
Герусия — в Карфагене высший орган государственной власти. По-видимому, совет 30-ти.
Гипасписты — оруженосцы, легковооруженные пехотинцы.

Дельфийский оракул — оракул Аполлона в Дельфах (Греция).
Диктатор — в Риме высшее должностное лицо, назначавшееся в случае чрезвычайного положения консулами по постановлению сената сроком на 6 месяцев. Обладал абсолютной властью.

Договор о взаимном гостеприимстве. Заключался между выходцами из различных обществ и обязывал стороны оказывать друг другу помощь, защиту и покровительство.

Империй — в Риме высшая военно-административная власть.

Квадрирема — корабль с четырьмя рядами весел.
Квесторы — в Риме должностные лица, ведавшие казной.
Квинкверема — корабль с пятью рядами весел.
Клиенты (лат. *clientes,* букв, 'послушные' 'покровительствуемые') — в Риме формально свободные, зависевшие от покровителей (патронов).
Когномен — в Риме фамильные прозвища.
Когорта — десятая часть римского легиона. Состояла из 3 манипул или 6 центурий.
Колоны — в Риме формально свободные земледельцы, сидевшие на полях, принадлежавших аристократам.
Комиции — в Риме народные собрания.
Комиции куриатные — в Риме народные собрания по куриям.
Комиции трибутные —в Риме народные собрания по трибам.
Комиции центуриатные — в Риме народные собрания по центуриям.
Консулы — в Риме высшие должностные лица. Коллегия консулов, состоявшая из двух человек, избиралась сроком на один год.
Комиции — место, где на форуме в Риме происходили народные собрания (по куриям).
Курии — в Риме объединения патрицианских родов, учрежденные, по преданию, Ромулом. Всего в Риме насчитывалось 30 курий. С течением времени в куриатных комициях стали принимать участие также и плебеи.
Курия — помещение, в котором заседал сенат.

Легион — основная боевая единица римской армии, состоявшая из 10 когорт, то есть соответственно из 30 манипулов.
Лектистернии — в Риме сакральные пиршества, устраивавшиеся для богов.
Ликторы — в Риме стражи, сопровождавшие высших магистратов.

Магистраты — должностные лица.
Мамертинцы — римские воины, захватившие Регий накануне I Пунической войны.
Манипула — римское воинское подразделение, состоявшее из 2 центурий.
Медике тутикус — высший магистрат в Капуе.
Модий — римская мера емкости. Соответствует 8,7 л.
Муниципии — автономные города, подвластные Риму.

Начальник конницы (лат. *magister equitum)* — в Риме помощник диктатора. Назначался диктатором.
Нобили (лат. *nobiles* 'знатные') — римская аристократия, сложившаяся в III—I вв. до н. э.

Овация — торжественное вступление военачальника-победителя в Рим. От триумфа (см.) отличалась тем, что полководец либо шел пешком, либо, облаченный в парадную тогу, ехал верхом. В жертву Юпитеру он приносил овцу. Овация предоставлялась в тех случаях, когда, по мнению сената, победа была недостаточно значительной для триумфа.

Патриции — в Риме аристократическое сословие. По-видимому, потомки «исконных» римлян, древнейшего населения города.
Плебеи — в Риме первоначально сословие неполноправных граждан. По-видимому, потомки сравнительно поздних присельников.

Плебисцит — в Риме постановления трибутных комиции.
Пентархии — в Карфагене комиссии из пяти человек, ведавшие назначением совета 104-х.
Перипатетики — философы, последователи Аристотеля.
Пилум — метательное копье.
Преторы — в Риме должностные лица, ведавшие охраной порядка и отправлением правосудия.
Пролетарии — в Риме прослойка людей, не имевшая собственности.

Сатурналии — празднества в Риме.
Сенат — в Риме совет, осуществлявший правительственные функции.
Стратеги — военные администраторы, назначавшиеся карфагенским правительством на подвластных территориях.
Суффеты (судьи) — в Карфагене высшие должностные лица.

Триарии — в Риме воины-ветераны, находившиеся в третьем ряду боевого построения и вступавшие в бой в критических ситуациях.
Трибуны военные — в Риме армейский командный состав. Военные трибуны командовали воинскими подразделениями, выполняли отдельные поручения верховного командования, участвовали в военном совете. Трибуны военные с консульской властью в 444-367 гг. до н. э. выбирались иногда вместо консулов, чтобы не допустить плебеев к консульской должности.
Трибуны плебейские — в Риме плебейские магистраты, избиравшиеся трибутными комициями для защиты интересов плебеев. Пользовались сакральной неприкосновенностью.
Трибы — в Риме первоначально племя. Объединение трех триб составляло римский народ. Законом, который приписывается царю Сервию Туллию (VI в. до н. э.), в Риме были созданы территориальные округа, тоже именовавшиеся трибами.
Триера — корабль с тремя рядами весел.
Триерарх — капитан триеры.
Триумф — торжественный въезд полководца победителя в Рим в сопровождении войска и народа. Триумфатор въезжал на золоченой колеснице, запряженной четверкой белых коней, в одежде, подобной одежде Юпитера, увенчанный лаврами. Стоящий за полководцем государственный раб держал над его головою золотой венок и произносил ритуальные формулы, призывающие к смирению. Перед колесницей везли военную добычу и вели пленных. За колесницей шли воины, украшенные лаврами и наградами; они кричали «Юпитер триумфируй!», пели хвалебные песни в честь полководца, а также насмешливые — во избежание сглаза. На Капитолии в присутствии сената триумфатор приносил в жертву Юпитеру быка. Пленных отводили в тюрьму, и наиболее влиятельных из них часто убивали. Триумф предоставлялся решением сената по ходатайству военачальника, отчет которого заслушивали за городской чертой в храме Беллоны: до триумфа он не имел права вступать в город.

Цензоры — в Риме должностные лица, избиравшиеся раз в пять лет для переписи граждан и установления их имущественного ценза. Контролировали поведение граждан. Цензоры вели списки всадников и сената.
Центурионы — в Риме командиры центурий.
Центурия — в Риме воинское подразделение (сотня).

Эдилы — в Риме должностные лица, ведавшие охраной порядка, рынками, устройством общественных игр.
Эллинизм — период в истории стран Восточного Средиземноморья от завоеваний Александра Македонского (конец IV в. до н. э.) до римского завоевания (II-I вв. до н. э.).
Эмпории (лат. *emporium,* греч.) — пункт, где хранились запасы продовольствия и оружия.
Эпитома — краткое изложение содержания книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Илья Шолеймович Шифман (1930-1990) . . . 3

Финикийские мореходы

От автора . . . 9
Часть первая . . . 10
Первые шаги . . . —
Рождение алфавита . . . 20
Финикияне идут на запад . . . 25
Загадочная страна Офир . . . 33
«Сидон я ниспроверг и камни бросил в море» . . . 35
Жизнь берет свое . . . 40
Солнце справа . . . 42
На пути к закату . . . 44
Часть вторая . . . 47
Картхадашт — новый город . . . —
Борьба за море . . . 50
За столпами Мелькарта . . . 52
И снова борьба за море . . . 57

Возникновение Карфагенской державы

Введение . . . 69
Глава 1. Финикийская колонизация западного Средиземноморья . . . 73
Глава 2. Объединение финикийский колоний в западном Средиземноморье и образование Карфагенской державы . . . 123
Глава 3. Завоевание карфагенянами Африки и колонизация Атлантического бассейна . . . 162
Глава 4. К характеристике государственного строя Карфагенской державы . . . 179
Заключение . . . 187
Список сокращений . . . 188

Ганнибал

Предисловие 191
Глава 1. Клятва Ганнибала 196
Глава 2. Завоевание Испании. Поход в Италию 232
Глава 3. Бесполезные победы (от Тацина до Канн) 268
Глава 4. На пути к закату (от Канн до падения Капуи) 313
Глава 5. На пути к закату (от падения Капуи до Замы) 405
Глава 6. Ганнибал во главе Карфагенского правительства 459
Глава 7. Бегство на восток и гибель 469
Глава 8. Вместо эпилога 478
Заключение 505
Список сокращенных обозначений источников 512
Словарь 513

Научное издание

Илья Шолеймович Шифман

Карфаген

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор *Т. Н. Пескова*

Корректор *Н. В. Ермолаева*
Художественное оформление *Е. А. Соловьевой*
Компьютерная верстка *И. М. Беловой*

Лицензия ИД №05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 01.08.2006. Формат 70x90 Vie-
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38,02 + 0,88 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, 6-я линия В. О, д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: postQunipress.ru

Отпечатано в типографии 000 «БЕРЕСТА»
196006, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28, тел./факс 388 -9000